

ANNALES CONTEMPORAINES

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПИСКИ**

**ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ**

XLII

1930

ПАРИЖЪ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLII

1930
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Ив. Шмелевъ. — СОЛДАТЫ (Романъ).	5
2. М. Осоргинъ. -- ПОВѢСТЬ О СЕСТРѢ.	63
3. В. Сиринъ. — ЗАЩИТА ЛУЖИНА (Романъ).	127
4. Георгій Ивановъ. — СТИХОТВОРЕНІЕ.	211
5. Б. Поплавскій. — МОРЕЛЛА (Стих.).	212
6. Андрей Блохъ. — ПОѢЗДЪ (Стих.).	214
7. Илья Голенищевъ-Кутузовъ. — СТИХОТВОРЕНІЕ.	216
8. В. Ходасевичъ. -- ДЕРЖАВИНЪ.	217
9. В. Маклаковъ. — ИЗЪ ПРОШЛАГО.	268
10. М. Ростовцевъ. — О БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКЪ.	292
11. Н. Бердяевъ. — О ХАРАКТЕРЪ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ XIX-ГО ВѢКА.	309
12. А. Кизеветтеръ. — ИЗЪ РАЗМЫШЛЕНІЯ О РЕВОЛЮЦИИ. . .	344
13. П. Бицilli. — ЭВОЛЮЦІЯ НАЦИ И РЕВОЛЮЦІЯ.	374
14. Редакція. — КЪ 80-ЛѢТІЮ ТОМАША Г.-МАСАРИКА	385
15. В. Мякотинъ. — Т. Г. МАСАРИКЪ.	386
16. Е. Кускова. — ТОМАШЪ ГАРРИГЪ МАСАРИКЪ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.	404
17. Ф. Степунъ. — ГЕРМАНІЯ.	413
18. М. Вишнякъ. — ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.	428
19. В. Талинъ. — КРАСНАЯ АРМІЯ И РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ. . .	469
20. М. В. — ПАМЯТИ С. О. ЗАГОРСКАГО.	498

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

21. Ю. Сазонова. — МИХАИЛЬ КОЗАКОВЪ.	501
22. А. Мандельштамъ. — НЬЮ-ЮРКСКАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ ИНСТИ- ТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.	508

23. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Алдановъ. — Ив. Бунинъ: Жизнь Арсеньева.	523
В. Зензиновъ. — Иванъ Болдыревъ: Мальчики и дѣвочки. — В. С. Яновскій: Колесо.	525
Георгій Адамовичъ. — Галина Кузнецова: Утро.	529

Мих. Цетлинъ. — В. Сиринъ: Возвращеніе Чорба.	530
Ф. Степунъ. — Георгій Песковъ: Памяти Твоей.	531
М. Цетлинъ. — Antone Tchékhou: Oeuvres Complètes. . . .	535
П. Бицилли. — Викторъ Шкловскій: Матеріаль и стиль въ романѣ Льва Толстого «Война и Миръ».	535
П. Бицилли. — М. Бахтинъ: Проблемы творчества Достоевскаго.	538
М. Алдановъ. — Петръ Пильскій: Затуманившійся міръ. . . .	540
С. Гессенъ. —N. Hans: The Principles of Educational Policy.	541
А. Кизеветтеръ. — Tatiana Bakounine: Le domaine des princes Kourakine dans le gouvernement de Saratov.	544
Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію «Современныхъ Записокъ».	546
Объявленія.	548

Солдаты

Часть I: Передъ войной.

V.

Бураевъ ожидалъ другого. Онъ вдругъ повѣрилъ, что случилось чудо, что эта телеграмма все измѣнить. Даже не понялъ сразу, кто это М. Перечиталъ — и понялъ: Машенька пріѣдетъ, и ничего не измѣнилось. Онъ скомкалъ телеграмму и бросилъ въ лужу. Вся «грязь», чѣмъ-то уже прикрытая, опять открылась. Для чего пріѣдетъ? вакансія освободилась?..

— Всѣ-то онѣ...! — выругался онъ. Извозчикъ обернулся и весело заскребѣлъ подъ шляпой. — Пошелъ! Нѣтъ, слѣзу.

Пошелъ по тупичку садами, такъ легче.

— Валясикъ, ѣсть чего-нибудь, скорѣй! Я сейчасъ...

Съ позеленѣвшей поймы ползли на городъ дождевыя облака, тянули скуку. Темные съ дождя сады сквозили, унылы, пусты. Вишни отцвѣли, еле замѣтно зеленѣли; яблони еще не распускались. Не разбирая, Бураевъ шагаль по лужамъ.

«Это для чего же она пріѣдетъ? Своего добиться? тогда не вышло, а теперь вакансія освободилась? Всѣ-то онѣ на одну колодку...!»

Съ Антоньева монастыря, подъ горкой, лился перезвонъ. Перезвонъ напомнилъ: «это еще «свиданье»... надо!» Въ восемь, какъ стемнѣетъ. Не пойти нельзя. Онъ помнилъ выраженія письма, мольбу, угрозу: «Вы должны

---

*) См. «Соврем. Записки» № 41.

притти... иначе меня не будетъ въ жизни, клянусь вамъ!»
 Что-то тревожило его, въ «свиданьи». Казалось — призрачнымъ? И почему-то — за Старымъ Кладбищемъ. Кладбище, свиданье, — что за фантазія! Въ романахъ только...

Послѣ кошмарной ночи и волненій дня, чувствовалъ онъ себя изнеможеннымъ, и все теперь казалось призрачнымъ, какъ-будто. Свиданье... Кто-то угрожаетъ, молить: «вы должны притти, вы все узнаете!» Сады темнѣли, что-то въ нихъ таилось, въ пустотѣ. Бураевъ осмотрѣлся. Призрачные сады, какъ тотъ, обманной, со слѣдками въ лужѣ. Сады кружились, наступали...

Такое съ нимъ случилось послѣ боевъ, въ Манчуріи. Кружились сонки, стѣны гаоляна наступали, — призракъ?

«Если бы такъ все было... только призракъ!» — подумалъ онъ.

Боль прикрылась, а эта телеграмма опять раскрыла.

«И пускай пріѣдетъ», — старался унять боль Бураевъ, — «эта безъ фасоновъ, напрямки: хочу — и баста!»

Онъ вспомнилъ Машеньку: ея ласкающую нѣжность, податливость, бойкіе глаза бабенки съ головкой египтянки, вольность платья, пушокъ надъ губкой, толкавшую колѣнку... Въ немъ загорѣлось нетерпѣнье.

«Съѣздимъ въ монастырь, чудесно! Всѣ онѣ такія... а, плевать!..»

Онъ задрожалъ отъ страсти, отъ желаній. Такое съ нимъ бывало послѣ большихъ волненій, — разряжалось въ страсти. Онъ встряхнулся, глубоко вздохнулъ.

— Весна! Какой чудесный воздухъ! Эхъ, махнемъ въ луга..! Держись, Степашка... жизнь, братъ, въ кулакѣ, а не подъ юбкой!.. — крикнулъ себѣ Бураевъ. Стрѣляться, что ли, какъ эта славная дѣвчушка?!

Онъ вернулся къ себѣ, спокойный.

— Безъ васъ господинъ приходилъ, ваше высокоблагородіе, — доложилъ Валясикъ, — шибко добивался.

— Говори толкомъ. Чего добивался?.. -- взволнован-

но спросилъ Бураевъ, связавъ съ своимъ. — Какой онъ изъ себя?..

— Скажи барину, сказали... будетъ имъ пріятно!

— Пріятно?! Да ты что... пьянъ, что ли? Что — пріятно?!..

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе! Хоть бы въ одиннадцать часовъ зашли, а будетъ, говоритъ, пріятно! Да онъ, ваше высокоблагородіе, вродѣ какъ не въ себѣ, не стоитъ на мѣстѣ... за бородку все хватался, тормозился... чернявенькій такой.

— Да чортъ ты эдакій!.. — вскричалъ Бураевъ. — Что — пріятно?!..

— Не сказали. Приходить велѣли. Они, говоритъ, меня знаютъ! Говоритъ, книжки у нихъ брали...

— Такъ бы и сказалъ.

Бураевъ понялъ, что это былъ Глаголевъ, Мокій Васильичъ, или «Мохъ», какъ его звали гимназисты, учитель. Почему — пріятно? Въ немъ, было, вспыхнула надежда — и погасла.

Курчонокъ попрежнему лежалъ на блюдѣ. Не садясь, не снявъ фуражки, Бураевъ сталъ глотать кусками. Выпилъ водки, не замѣчая — сколько. Свиданье это..!

— Приготовь сюртукъ! — крикнулъ онъ деньщику.

«Дѣло совсѣмъ не въ томъ, не въ этихъ бабахъ... все это только такъ, придатокъ. А главное...»

Сколько разъ, при неудачахъ, старался успокаивать себя, что «это совсѣмъ не главное», а главное еще придетъ. И никогда не могъ опредѣлить, да въ чемъ же главное? Это помогало. Выпилъ еще, и стало проясняться. Вспомнилась дѣвочка съ косами, Лиза Королькова, кареглазка, фарфоровое личико, всегда въ окошкѣ.

«За что погибла! Застрѣлилась... Славная дѣвчушка. Не думалъ, что я ей нравлюсь... Завтра свалятъ въ яму... Жить - вотъ оно, главное! Каждая минута жизни — вотъ главное!»

Вспомнилъ, какъ Машенька писала: «кажется мнѣ, что ты вотъ и есть «по настоящему»».

— Валясикъ!.. — крикнулъ Бураевъ бодро. — Слушай. Эти тряпки на дверяхъ — ткнулъ онъ въ портьеры, — снять! И шкуру выкинь... отдай старьевщику! И всю эту дрянъ со стѣнъ — долой! Вернусь — чисто чтобы было, какъ у насъ раньше, когда въ Солдатской жили! Понялъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! Продать прикажете?

— И зеркало это, къ чорту! Тамъ мы должны что-то мебельщику... отдашь. Стой! — Онъ налилъ водки. — На, выпей за мое здоровье.

Чего-то душа искала. Не было никого, одинъ Валясикъ. Такое всегда случалось, какъ «заскучаетъ» баринъ, — зналъ Валясикъ. Было и на войнѣ, въ Манчжуріи, когда захватили батарею, и бураевскіе стрѣлки били прикладами японцевъ, и «башки у нихъ лопались, какъ яйца». Валясикъ помнилъ, какъ капитанъ, тогда поручикъ, сидѣли на зарядномъ ящикѣ и терли рукавомъ колѣнку, замазанную, словно, тѣстомъ; теръ и стучалъ зубами, «даже страшно». Подошли кухни, и Валясикъ принесъ консервовъ и бутылку съ чаемъ. Поручикъ отшвырнулъ консервы и поглядѣлъ такъ страшно, «словно убить хотѣли». И «чужіе» были глаза у барина, «словно они не тутъ». Потомъ затихли. Сказали только: «не надо мяса». «Выпили изъ японской фляжки и мнѣ велѣли: «выпей за мое здоровье!» Такъ и теперъ вотъ. Валясикъ понялъ, что по барынѣ скучаютъ. Вѣжливо взялъ стаканчикъ.

— Быть здоровымъ, ваше высоблагородіе.

— Постой!.. — остановилъ Бураевъ, думая о чемъ-то.

Онъ поглядѣлъ на деньщика и понялъ, что тотъ его жалѣетъ. По глазамъ замѣтилъ? Можетъ быть, вспомнилъ что-то? Оба видали страшное, видали гибель. Черезъ войну связало.

Въ эту тяжелую минуту Бураеву мелькнуло, что этотъ, подслѣповатый и всегда заспанный, — единственный, ему

здѣсь близкій. Въ немъ мелькнуло это, когда Валясикъ сказалъ особенно, душевно: — «быть здоровымъ!» Немного запьянѣвшій, Бураевъ чувствовалъ потребность братства.

— Какъ, Валясикъ, по-твоему... — смущенно сказалъ онъ, съ усмѣшкой: — все, братъ, не важно... э т о ?..

Никому бы такъ не сказалъ Бураевъ.

Валясикъ думалъ, не зная, какъ отвѣтить. Такое не разъ бывало; и онъ, по привычкѣ, понялъ, что это себя спрашиваетъ баринъ. Понятно — совсѣмъ не важно.

— Не важно, а? — Бураевъ еще выпилъ. — Ну, дѣла эти... ну, какъ тамъ у васъ, ну... съ бабами? — выговорилъ, смутясь, Бураевъ.

Валясикъ постѣснялся, ухмыльнулся.

— Никакъ, ваше высокоблагородіе! — четко отвѣтилъ онъ. — Тутъ и дѣловъ нѣтъ, а... какъ назначено.

— То есть, какъ назначено? Не по-дурачки ты отвѣчай, а...

— Какъ такъ я не отвѣчаю, ваше высокоблагородіе! Ежели бы женаты, а то баловство, по-нашему. Будто на закуску. Ну, сходилъ въ баню, помылся, — все и смылось.

— Такъ-такъ... — подбодрялъ Бураевъ. — Помылся..?

— Да ей-богу, ваше высокоблагородіе! Не подошла нарѣзка, другую гаечку подобралъ — жи-ветъ. Какъ назначено... Ходи веселѣй, любись — не жалѣй!

— Не та нарѣзка..? — захохоталъ Бураевъ.

— Да что... понятно, не пуля въ глазъ! Мы съ вами, ваше высокоблагородіе, не то видали.

— Вѣрно. Не пуля въ глазъ. Ты, братъ, мудрецъ, мещеникъ!.. Ну, пей за свое здоровье.

Вѣстовой привелъ «Рябчика».

Идя въ спальню, Бураевъ задержался у портрета. Остро воняло шкурой, — всегда попадалась подъ ноги. Онъ отбросилъ ее ногой, зажегъ противъ воли спичку и посмотрѣлъ. Милое, ненавистное лицо показалось ему дру-

гимъ: что-то въ немъ было новое, чужое, — враждебное. Догорѣвшая спичка напомнила о себѣ ожогомъ. Онъ не зажегъ другую, споткнулся опять на шкуру и напалъ. Въ темнотѣ что-то зазвенѣло и разбилось.

— Вонъ этотъ весь б.....! — крикнулъ Бураевъ, въ бѣшенствѣ. — Валясикъ, все къ чортовой матери, сейчасъ же!..

Въ спальнѣ было совсѣмъ темно. Онъ зажегъ розовую лампу. Розовый свѣтъ ея — сладкій, фальшивый свѣтъ «гнусной притонной комнатки, взятой на полчаса», остро ему напомнилъ вчерашній вечеръ. Онъ рѣзко сорвалъ колпакъ, поглядѣлъ съ отвращеніемъ къ постели. Атласное голубое одѣяло не свисало, все было чинно и прибрано. Увидалъ «Клеопатру» надъ постелью, голыхъ «рабовъ мидійскихъ», купленныхъ на толчкѣ. Это когда-то нравилось. Пахло ея духами, самыми подлыми на свѣтѣ... Онъ распахнулъ окошко. Сумерки уже загустѣли, чернѣло ночью. Дождикъ шуршалъ по листьямъ, чвокали соловьи въ обрывѣ, пахло по банному березой, душно. Сирень начинала распускаться, вѣяло тонкой горечью, — сладкихъ надеждъ и счастья.

Бураевъ почувствовалъ усталость, легъ на кушетку и забылся. Перезвонъ отъ монастыря вырвалъ его изъ сна. Онъ взглянулъ на часы, — вотъ, странно: двѣ минуты всего и спалъ, а будто въ монастырѣ онъ былъ? Множество маргаритокъ видѣлъ, большихъ, какъ астры. Что-то.. монахъ, какъ-будто..? Вспомнилась утренняя церковь и возгласъ -- «знаменіе»: «не грѣши больше... случится хуже!» «Вотъ, навязалась глупость!» — подумалъ онъ, — «чѣмъ это я грѣшу?.. Пошлая мистика, остатки...» И началъ поспѣшно одѣваться. «А на «свиданье»-то опоздалъ Дождется».

Одѣваясь передъ окномъ, Бураевъ увидѣлъ зарево. «Должно быть, пожаръ въ Олеховѣ». Темное небо раздавалось, клубилось дымомъ. Дождь превратился въ ливень. «Хорошее «свиданье», — подумалъ онъ. Вспыхнуло голу-

бымъ надъ поймой, погромыхало глухо. Зарево расплывалось ярче. Ливень внезапно кончился, рваная туча убѣгала, зарево подымалось выше, мерцало въ лужахъ. «Пожаръ здоровый, не фабрики ли горять?..» — высунулся въ окно Бураевъ. — «Чудесно... какая свѣжесть! Кстати и освѣжусь, проѣдусь».

— Приказъ не приносили? — спросилъ онъ вѣстового. — Поручикъ Шелеметовъ въ ротѣ? подчистились?

— Такъ точно, ихъ благородіе только что пришли. Выкладку провѣряютъ, ваше высокоблагородіе. Такъ что, у насъ тревога...

— Что такое?.. — спросилъ Бураевъ.

— Войсковъ губернаторъ затребоваль. Въ Олеховѣ, писарь говорилъ, фабричные бунтуютъ, 9-ю роту посылаютъ, для усмиренія... видалъ, вѣстовой за ихъ благородіемъ штабсъ-капитаномъ Артемовымъ погналъ, срочно!

«Эхъ, мою бы!..» — подумаль досадливо Бураевъ. — «Артемку посылаютъ... трясти брюхомъ!»

— Должно, такъ и есть, ваше высокоблагородіе!.. — сказалъ Валясикъ. — Пожаръ-то въ Олеховѣ, самое это мѣсто... Горитъ шибко, верстовъ шесть, не больше.

Въ отсвѣтъ дальняго пожара слабо мерцала пойма; рваныя тучи свѣтились розовымъ.

— Нефть не подожгли ли, больно ясно?..

— Нагайку! Можешь итти, — сказалъ Бураевъ ждавшему приказаній Селезневу.

Радостно фыркалъ «Рябчикъ». Бураевъ ласково потрепалъ, тихо подулъ на ноздри. Подулъ и «Рябчикъ», всегда ласкался.

Бураевъ сѣлъ.

— Пріѣду, должно быть, поздно. Въ случаѣ, послѣ десяти найдешь меня у Глаголева, учителя... запомни: Мало-Садовая, 15. Если изъ полка что важное. Слушай: т у постель вынесешь изъ спальни, поставь походную, складную.

— Такъ, точно, хинтеръ! — весело подтвердилъ Валясикъ.

— И всю муру. Портретъ на подставкѣ... въ печку! Понялъ?

- Такъ точно, понялъ. Счастливо ѣхать, ваше высокоблагородіе! Польшаесть-то... прямо, свѣтло ѣхать.

Бураевъ оглянулся: пожалуй, что нефтяные баки. И пустилъ «Рябчика» галопомъ.

VI.

Выѣхавъ на Московскую, Бураевъ перевелъ «Рябчика» на рысь. Сѣялъ дождикъ, отъ городского сада душисто пахло тополями. Зарево и здѣсь свѣтилось, сквозь деревья. На перекресткахъ топтались кучки горожанъ, шептались. У губернаторскаго дома стояла тройка и верховые. Всѣ окна были освѣщены, какъ къ балу. Попался на извозчикѣ дежурный по карауламъ, капитанъ Гуща, ...го полка. На гауптвахтѣ, подъ каланчой, вызвали ударомъ въ колоколь — «въ ружье». «Что-то зашевелились», — подумалъ весело Бураевъ, и бодро пробѣжало въ сердцѣ. Стражники прошли къ заставѣ на-рысяхъ. Бураевъ похвалилъ посадку: старые кавалеристы. Прямо по мостовой шли кучкой гимназисты и свистѣли. Кто-то крикнулъ: «сеньоръ, куда стремитесь?» Бураевъ взялъ но перулкамъ, въ обходъ Московской. Здѣсь было тихо и пустынно. Въ домикахъ съ садами уже закрыли ставни, свѣтились щели и сердечки. Гдѣ-то играли на роялѣ модно танго — «Маисъ». За глухимъ заборомъ справляли вечеринку, орали пьяно:

А нашъ р-рускій мужи-и-икъ,
Коль рр-рабо-татъ невмо-очъ...

Тихія улочки напоминали прошлую весну, когда тнлись отъ людей, искали встрѣчи. Отошло. Осталось лишь воспоминаніе — о боли. Легко на сердцѣ — значить, такъ и надо. Въ самыя жгучія минуты страсти онъ чувст-

вовалъ разладъ съ собою, съ чѣмъ-то. Это что-то тревожило его вознею, будто говорило: нѣтъ, не то. Вело, какъ «компасъ». Въ трудныя минуты въ немъ взывало, онъ кого-то звалъ, кто могъ направить, указать — какъ нужно. Смутный ли образъ мамы? Онъ не зналъ.

Кто-то его окликнулъ:

— Кто при звѣздахъ и при лунѣ... такъ поздно ѣдетъ на конѣ? Вотъ какъ кстати!..

Онъ призналъ учителя Глаголева: изрѣдка заходилъ къ нему, бралъ книжки для подготовки въ академію. Маленькій Глаголевъ махалъ зонтомъ:

— На два слова!

— Здравствуйте, Мокій Васильчъ, — сказалъ Буравевъ, подѣзжая. — Очень спѣшу, простите... Что скажете хорошаго?.. Вы у меня были?

— Былъ-съ. И еще былъ бы-съ, если бы не встрѣтилъ. — Онъ оглядѣлся и понизилъ голосъ, зашепталъ: — Хоть къ десяти... хоть къ одиннадцати, ко мнѣ?.. О-чень-съ нужно-съ... увѣренъ, будетъ вамъ пріятно!.. а?

— Слышалъ и про «пріятное», мой Валясикъ что-то ..

— Да ужъ... Долженъ сейчасъ подѣхать, изъ Москвы-съ... самый интересный человѣкъ, даже, можно сказать, единственный въ своемъ родѣ... помните, говорилъ вамъ... Гулдобинъ-съ? объ «основахъ жизни»-съ? Положительно необходимо, чтобы прослушали и... Общественное безразличіе-съ растеть! Такъ вотъ. Мы должны... осмотрѣться и научиться, дѣлать дѣло! Будетъ нѣсколько человѣкъ, вѣрныхъ... съ дорогъ и торжищъ, ибо «много званыхъ, мало же избранныхъ», да-съ. И безъ всякой.. — онъ суетливо осмотрѣлся, — политики-съ! И событія обсудимъ.

— Какія событія?

— А Королькова застѣлилась! Накрыли пятерыхъ-съ. И не одни «огарки», уловлены-съ... Двоихъ изъ моихъ ученичковъ накрыли-съ, всюду обыски-съ... увидите на уголкѣ, на Ключевую. Прохожу сейчасъ — у Горенкова

обыскъ, земскаго секретаря... попали въ гнѣздышко!.. Не думайте, у меня обыска быть не можетъ, можете быть покойны-съ... будетъ только пріятное. Умница такой, независимѣйшій умъ... Гулдобинъ-съ!..

— Да я нисколько и не думаю, и не боюсь!..

— Конечно-съ, вамъ чего же онасаться! Только я къ тому, могли чего подумать, что у моихъ ученичковъ-то... И военные, вообще, избѣгаютъ... Не поли-тика, а чисто философскія бесѣды, нашупываніе... духовной почвы для общественнаго пробужденья воли къ познанію насъ, насъ, насъ-съ!.. тыкалъ себя Глаголевъ пальцемъ. — И вотъ что знаменательно... Вы и Гулдобинъ совпадаете! Какъ? А вотъ: помните, мы съ вами о «россійской общественности» разсуждали, для сочиненія -- «Что есть общество»? — въ связи съ «Горе отъ ума»?.. Это вамъ для вашего экзамена... А я теперь вижу, что это намъ нужно для нашего экзамена, который намъ предстоитъ-съ! И вы тогда очень вѣрно обмолвились, я тогда даже въ книжечку занесъ ваши воистину «священные слова»!.. Не помните?..

— Не помню что-то... тамъ поговоримъ, сказалъ Бураевъ, чтобы отвязаться. — Очень спѣшу, простите...

— Хоть и въ одиннадцать, для васъ никогда не поздно. А я о-чень помню. Чему назрѣть, оно само рождается... Такъ ждемъ!.. — замахалъ зонтикомъ Глаголевъ, побѣжалъ.

«Какой-то полоумный», — подумалъ, продолжая путь, Бураевъ. -- О какомъ-то «властвующемъ Христѣ», кажется, недавно говорилъ на улицѣ... Что такое, о чемъ «обмолвился»?.. Что надо властно заставить «общество» выполнять «основы» государства, какъ всякую повинность?..»

Уличку загородилъ полокъ и два извозчика. Впереди еще стояла пара. Городовой и двое въ вольномъ держались у забора. Бураевъ пріостановился, что-то вспоминая. Да, обыскъ!.. Окошки домика свѣтились, тамъ хо-

дили. Онъ хотѣлъ проѣхать, но тутъ парадное открылось, кто-то выпрыгнулъ и рѣзко крикнулъ:

— Какъ вы смѣете, пихаться?!.. Прошу васъ обращаться вѣжливо, я еще не арестантъ вамъ!.. И протестую противъ насилія надъ личностью! На-халы!..

Вышли два жандарма, съ фонаремъ и ворохами папокъ. Кто-то въ вольномъ несъ ящикъ — видимо, тяжелый.

— Въ чемъ дѣ-ло, что т-такое... кто «на-халы»?.. — послышался лѣнивый голосъ, очень четкій.

Вышелъ жандармскій ротмистръ Удальцовъ, высокій, головой всѣхъ выше; за нимъ судейскій, низенькій и быстрый, за ними — трое, понятые, — смотрѣлъ Бураевъ. Сзади опять жандармы, съ ворохомъ бумагъ и книжекъ.

— Я протестую!.. — крикнулъ истеричный голосъ, съ кашлемъ. — Ваши жандармы меня бьютъ... толкнули... у меня бокъ болитъ!.. Это же прямое издѣвательство надъ .

— Успокой-тесь, господинъ Горенковъ, — сказалъ, закуривая, ротмистръ. Бураевъ его зналъ: тяжелое лицо, похожее на маску, рыжія, густыя брови, какъ будто накладныя. — Вашъ протестъ мы запротоколимъ... тамъ, будьте увѣрены. Кто ихъ толкнулъ, Пахомовъ? — крикнулъ, уже сурово, ротмистръ.

— Да я, ваше высокоблагородіе, самъ споткнулся на порожекъ... ихъ и задѣлъ маленько, а не толкалъ! — отвѣтилъ голосъ. — Никакъ нѣтъ!

— Ложь, я протестую! — крикнулъ съ извощика Горенковъ, — двое меня ткнули кулаками, въ бокъ и въ спину... нахалы ваши!

— Да какъ же я ихъ могъ толкнуть, ваше высокоблагородіе... выемку мы несли, съ Гуськовымъ! Какъ же это можно... кулаками?..

— Не знаю... но чѣмъ-то меня толкнули, острымъ! Угломъ папки!.. Я заявляю категорически!

— Зна-чить, не кулаками? Кто же... лжетъ? — невозмутимо отозвался ротмистръ. — Папка, полагаю, не кулакъ.

Онъ сѣлъ въ пролетку. Судейскій что-то ему шепталъ, нагнувшись.

— Вахрамѣевъ, останешься въ квартирѣ. Огонь оставить. Прикройте ставни!

— Ваше высокоблагородіе, за воротъ они меня схватили... Гуськовъ видалъ! — плаксиво доложилъ жандармъ съ пролетки. — Мы съ ними осторожно, а они...

Бураевъ видѣлъ, какъ арестованный схватилъ жандарма. Не могъ сдержаться:

— Солдатъ правъ, ротмистръ. Я видѣлъ.

— Здравія желаю, капитанъ. Благодарю васъ.

Ротмистръ и Бураевъ откозыряли.

— Видите, дѣла какія! — пожалъ плечами ротмистръ. — Взяли съ «икрой», ершится, и еще, видите ли, протестуетъ. Окоротите ему руки... да слегка! — сказалъ онъ рѣзко. — Тамъ, — показалъ ротмистръ на квартиру, — принималъ позы благородства, Чайльдъ-Гарольдъ! А потомнѣй гдѣ, да кто попроще — за воротъ.

— Прошу не издѣваться!.. — крикнулъ истерично Горенковъ. — Я вамъ не объектъ насмѣшекъ, а субъектъ и личность!..

— Подозрительная личность. Трогай!

— Въ морду плюется, ваше высокоблагородіе!.. — закричалъ жандармъ.

— Палачи!.. нахалы!.. ложь!.. — закричалъ Горенковъ, — у меня кашель... душить... я плюнуль!..

— Прямо мнѣ въ глазъ плюнуль, Гуськовъ видалъ... въ самый глазъ угодилъ харкотиной, вашевскородіе.. тьфу!.. Съ ими вѣжливо, а они какъ съ собакой!..

— А еще социаль-демо-кратъ! — сказалъ жандармскій.

— Въ «на-родъ» плюетесь!..

— Поймите, у меня туберкулезъ... я кровохаркаю, а не...!

— А водку пьете, при туберкулезѣ вашемъ? — усмѣхнулся ротмистръ. — Шрифтъ и двѣ бутылки водки, укромно, рядомъ! Кровохарканье, а полупьяны? Докторъ кон-

статируетъ сейчасъ... туберкулезъ. Трогай. Кстати, капитанъ... Когда я завтра могъ бы къ вамъ... только, конечно, не въ полкъ, если позволите?

— Ко мнѣ..? — Бураевъ вспомнилъ бесѣду съ Розеномъ. — Да утромъ, не позднѣе девяти... или послѣ трехъ. Завтра у насъ парадъ.

— Въ такомъ случаѣ, разрѣшите утромъ?..

Они разстались. Бураева неприятно удивило: опять жандармскій..? Какія-то все петли, — что за чортъ! Часы показывали — безъ четверти девять. На «свиданье» онъ опоздалъ. Да и не вѣрилось въ «свиданье» — призракъ. Выѣхавъ къ шоссе, онъ пустилъ «Рябчика» вольнѣе. Зарыво горѣло ясно, стало шире. Тучи надъ головой свѣтились. За семинаріей, передъ заставой, Бураевъ обогналъ пролетку съ кучеромъ-солдатомъ. Ёхалъ къ себѣ домой самъ батальонный, подполковникъ Кожинъ — «Донъ-Кихоть», староста полковой церкви, — должно быть отъ всенощной. Опять задержка: любить подполковникъ побалакать.

— Куда это, Степанчикъ, на дождь-то глядя... не къ намъ ли? — остановилъ солдата Кожинъ. — Или въ Олехово? Тамъ сегодня жарко, ишь какъ раздираетъ! А, прогуляться... Что же это насъ-то позабылъ, носа не кажешь?

— Такъ все какъ-то, господинъ полковникъ...

— О-чень понимаю, братецъ. Слыхалъ, понятно. А часто вспоминали: пропалъ Буравчикъ. И все-таки напрасно, стѣсняться-то. Какое кому дѣло! И Антонина, и всѣ соскучились. Антонина моя... — моргнулъ полковникъ, — поняла мою идею!..

— Какую? — не разобралъ Бураевъ.

— Усадьбу отвоевать у банка. Старается. Начала давать уроки музыки, трудится вовсю. Все-таки цѣль жизни! О-чень будетъ рада. Теперь-то ужъ чего же, стѣсняться-то... никакихъ условностей, въ сущности, для насъ и не было, но... я понималъ, конечно. Эхъ, молодежь... за-

крутить голову..! Давай слово: назадъ поѣдешь — завернешь. Въ гости еще? Плюнь. Такъ-то, братикъ. И поговоримъ, — батальонный кивнулъ къ солдату, — про разныя исторіи. Покажу тебѣ цыплятъ, плимуты... у Зальцы противъ моихъ ни къ чорту. Отъ графа Шереметева! Приказываю: мимо не проѣзжать! Угощу вишневкой. Пошешь. Вонъ и палаццо... не забылъ?

— Что вы, господинъ полковникъ! И самъ соскучился, ей-богу.

— Некогда скучать-то было, знаю вашу братью.

Бураевъ пропустилъ пролетку, поѣхалъ шагомъ. У заставы пролетка завернула къ полю, и до Бураева донесся гулкій ударъ изъ сада, такой знакомый. Онъ любилъ бывать въ усадьбѣ: такъ породному! Подумалъ: какая стала Антонина?.. Вотъ и случай: поѣхалъ на «свиданье». Вотъ — свиданье.

Всѣ говорили: ну какой военный, «Донъ-Кихотъ», быть бы ему помѣщикомъ. И вѣрно. Батальонный арендовалъ чудесную усадьбу, съ фруктовымъ садомъ десятины на три, съ старымъ дворянскимъ домомъ, принадлежавшую когда-то знаменитымъ въ губерніи дворянамъ Пронскимъ, а нынѣ — банку. Домъ былъ очень ветхій — «старое гнѣздо», видалъ французовъ. Кожинъ его поправилъ, и стало сносно. Были у него породистыя куры, которыхъ онъ посылалъ на выставки; были молочныя коровы, «отъ Верецагина», онъ ставилъ молоко больницамъ; были, особаго откорма, будто на солдатскомъ хлѣбѣ, «кожинскія свиньи», — всѣхъ, сколько ни доставь, все забирала московская колбасная Бѣлова, — только дай.

— Говорять, съ садами плачутъ. Вра-нѣ! Дѣлай все первый сортъ, — бывало, объяснялъ Бураеву полковникъ, — и въ карманѣ деньги. Рота у тебя первый сортъ, и самъ ты первый сортъ? Спи спокойно — и корпусной не страшень. И въ хозяйствѣ то же. Садъ освѣжилъ, сволоту выкурилъ, — яблочко стало чистое. Ъду къ самому Эйнему — желаете? Эйнемскій мармаладъ извѣстный! Нѣмцы,

туть ужъ не изловчишься. Удивились: солидный офицеръ и... яблоки! Далъ имъ на образецъ пудиковъ съ десятокъ, сварили. Телеграмма: три тысячи пудовъ! В-вотъ-съ.

Антонина всегда молчала, когда полковникъ восторгался. Она вставала и тихо уходила.

— Нѣтъ денегъ? Правда. Значить, будутъ. Черезъ пять лѣтъ, одного меду тысячи на три буду... Ареную семинаріи полъ-садъ, дѣло намазу. Его преосвященству маслице мос по вкусу. Артоса мнѣ прислалъ, три фунта! Недавно осіялъ визитомъ. Лестно имъ: штабъ-офицеръ и... ихъ помазки, староста церковный... все - таки благодать имѣю! Ну, сливокъ посылаю для пломбировъ... простокваши. Буду съ садомъ! Поелику, говоритъ, вы такой хозяинъ, значить, и командиръ благоразумный!..

Бураевъ бывалъ не изъ любви къ хозяйству.

Это началось тому лѣтъ семь. Онъ вернулся съ Дальняго Востока. Въ его отсутствіе въ полкъ прибылъ новый батальонный, перешелъ въ провинцію — «изъ-за хозяйства». Бураевъ ему представился въ первый же день пріѣзда и получилъ нежданно приглашеніе: «ко мнѣ обѣдать!» Онъ явился. Странно: никого не приглашалъ къ себѣ полковникъ. Деньщикъ сказалъ, что баринъ играютъ съ барышней въ саду, съ ними и барыня, и тамъ и кушать будутъ. Бураевъ пошелъ искать по саду. Садъ огромный. Барыню онъ представлялъ подстать полковнику: костлявой, длинной, лѣтъ за сорокъ; батальонному — за пятьдесятъ, пожалуй. Интересовался: барышня какая? И увидалъ ее... Она стояла съ крокетнымъ молоткомъ, на солнцѣ. Онъ остановился. Это было въ маѣ, въ разливъ цвѣтенья. Среди цвѣтущихъ яблонь, она представилась ему «видѣнемъ», — «перламутровымъ видѣнемъ». Вся — въ озареніи цвѣтущихъ яблонь. Такой онъ вспоминалъ ее всегда. Онъ совершенно растерялся, снялъ фуражку. Она кивнула. Онъ спросилъ, въ восторгѣ: — Простите... вашъ папа здѣсь, въ саду?..» Словомъ, онъ страшно растерялся. Какъ она смѣялась! Смѣхъ ея былъ прелестный, свѣжій,

необыкновенный. Онъ только помнилъ, какъ качался молоточекъ, какъ все сіяло. Она сказала — голосъ былъ грудной и сочный: «Полковникъ сейчасъ придетъ. Онъ съ нашей дѣвочкой червей снимаетъ. А пока... вотъ мама!» — сказала она очаровательно. Бураевъ готовъ былъ провалиться. Что-то бормоталъ — «простите... только что пріѣхалъ...» Она очаровательно простила, усадила въ кресло, — онъ чуть не повалился съ кресломъ. Она сказала: — «Да, мама... вотъ этой баловницы, нашей дѣтки-Нетки...» — и нѣжно притянула къ себѣ дѣвчушку лѣтъ восьми. Подошелъ полковникъ. Смѣялись, и Бураевъ совсѣмъ освоился. Этотъ «комплиментъ» не забывался. За шахматами, когда зѣвалъ Бураевъ, батальонный напоминалъ: «капитанъ, извѣстно... комплиментщикъ!»

Тогда ей было двадцать семь лѣтъ, онъ точно помнилъ. Былъ ли влюбленъ въ нее? Больше: онъ благоговѣлъ и любовался. Въ ней было что-то, напоминало чѣмъ-то маму. Въ ней сливались — и свѣтлый образъ мамы, и женщина. Отъ мамы — ласковая нѣжность, грусть... Любуясь втайнѣ, онъ чувствовалъ порой тревогу. Поймавъ себя на мысли, какъ она стройна, какія у ней плечи, шея, — онъ укорялъ себя въ кощунствѣ. Одинъ, онъ вызывалъ ее мечтами. И она являлась — стройная, высокая шатѣнка, «античная», съ прекрасными косами вокругъ головки. Всегда спокойна, холодна, строга. Онъ называлъ ее — Юона. Тонкое лицо — фарфоръ. Глаза — неуловимо-грустны, «дѣвственны», стыдливы, съ легкой синью. Милые глаза. Что-то с в о е хранили. Юная — Юона. Въ ея дыханьи, въ ясномъ взглядѣ, въ ея движеньяхъ, въ голосѣ, во всемъ — чувствовалось очарованіе расцвѣта, женственная прелесть, не сознающая, что къ ней влекутся.

Разъ случилось, — года два тому, — онъ пріоткрылся.

Онъ зашелъ случайно. Антонина была одна, играла на роялѣ. Было въ мартѣ. Солнце лежало на паркетѣ, касалось ея платья. Онъ остановился за портьерой, слушалъ. Не смѣлъ нарушить. Ему передалось страданье, страстно

томленье. Онъ видѣлъ новое лицо, — такого никогда не видѣлъ. Она склонила голову на ноты. Онъ вошелъ.

— Вы... — сказала она въ испугѣ, еле слышно.

Онъ смутился.

— Простите... я не посмѣлъ мѣшать!..

Она смотрѣла утомленной.

— Какъ вы играли..! — заговорилъ онъ страстно. — Какое счастье... столько я пережилъ..!

Взглядъ его сказалъ. Ея рѣсницы вздрогнули и опустились. Она молчала и брала аккорды.

— Это «Смерть Изольды». Вамъ нравится?..

— О!... — только и могъ сказать Бураевъ.

— Хотите чаю?

Больше они не говорили.

Это его томило долго. Потомъ — Люси. Закрылось.

За послѣдній годъ онъ не бывалъ ни разу. И батальонный не приглашалъ. Понятно: «мальчикъ съ исторіей», какъ говорила полковая командирша. Теперь все кончилось. Бураевъ рѣшилъ заѣхать.

VII.

За заставой фонари кончились. Онъ скакалъ по грязи, при тускломъ свѣтѣ слободскихъ окошекъ. Пахло гарью. Зарево тускнѣло. Старое кладбище тянулось съ версту, по буграмъ и ямамъ. Бѣлая стѣна мерцала лентой, мѣстами розовѣла отъ пожара. Грачи тревожно гомозились въ липахъ и березахъ. На заревѣ чернѣли гнѣзда. Бураевъ вглядывался по дорогѣ, — никого. «Если не дождалась — вернется? Встрѣчу». Онъ поѣхалъ тише. Никого. Дождь прекратился, поднимался вѣтеръ, съ поля. Пахнуло полевымъ раздольемъ, желтыми цвѣтами курослѣпа, новой травкой. Радостно зафыркалъ «Рябчикъ». Пошелъ большакъ, въ березахъ. Березы мотали космами, летѣли брызги. Бураевъ отпустилъ, пришпорилъ. Березы замелькали, захлестали. Вотъ и поворотъ на Богослово. Онъ осмот-

рѣлся. Никого. Заревѣ совсѣмъ погасло. На проселкѣ отблескивали въ лужахъ звѣзды. Онъ проскакалъ проселкомъ — никого. Вернулся. Постоялъ, послушалъ. Посвисталъ протяжно. Обѣхалъ перекрестокъ — никого. Березы шелестѣли. Гудѣли ровно телеграфные столбы. Вѣтромъ донесло чугунные удары — девять.

«Такъ и вышло», — съ досадой подумалъ онъ. Онъ зналъ, что никого не встрѣтитъ. И не спѣшилъ. Посмѣялся кто-то? «Или — она... та Лиза Королькова, дѣвочка съ косами, которой уже нѣтъ на свѣтѣ?.. Жду мертвую. На распутьи, въ вѣтрѣ, въ пустотѣ...» И стало неуютно. «Насмѣшка, какъ все у меня въ жизни?..» Вспомнилась Клэ, первая его влюбленность, — вышла замужъ. Потомъ Люси, — обманъ. Милая дѣвочка съ косами — призракъ. Вѣтеръ, пустота. И темень. Грязная дорога... Отъ города загромыхали колокольцы, застучало. Онъ пригляделся: парой въ тарантасѣ, почта. Проѣхала.

— Эй!.. — крикнулъ Бураевъ въ пустоту и темень.

Подождалъ. Сыпали дождемъ березы. Что за чортъ?.. Насмѣшка. Потрепалъ «Рябчика»:

— Вѣрный другъ, коняга... не везетъ, братъ?..

«Рябчикъ» застригъ ушами, фыркнулъ.

— Головой трясешь. Да, братъ, незадачи. Ну, къ полковнику заѣдемъ, увидимъ свѣтлую Юнону... какихъ не будетъ. Ну, айда!..

Онъ пришпорилъ. Навстрѣчу набѣгали огоньки, застава.

— Куда вы?.. стойте... капитанъ Бураевъ!.. — крикнулъ кто-то.

Онъ столкнулся съ кѣмъ-то, взвилъ «Рябчика».

— Чуть не сшибли... ахъ вы, Буравокъ!..

— Простите, капитанъ... такъ, разогнался... — призналъ Бураевъ ротнаго 9-ой роты, штабсъ-капитана Артемова. — На усмиреніе?

Изъ полевого переулка, слѣва, выходила рота въ пол-

номъ походномъ снаряженіи, скребя шагами. Вздутые мѣшки сѣрѣли сбоку, штыки мерцали ровными рядами.

— Сми-рнааа, р-равненіе напра-ва...! — закричалъ Артемовъ. — Шире, шире шагъ! Лѣвое плечо впередъ... прямо, ма-аршъ!.. Подпоручикъ Константиновъ, ведите роту... нагоню! Чаше перебѣжки... пользуйтесь ночнымъ маневромъ!..

Рота вышла. Ёхала лазаретная линейка, кухни.

— Воюемъ съ проле-тарами, голубчикъ... — сказалъ, закуривая, штабсъ-капитанъ, рыжебородый, грузный, по походному, въ ремняхъ, съ биноклемъ и ногономъ. — Третья недѣля забастовка, сегодня вскрылось... захватили директора, грозятся учинить расправу. Говорятъ, у нихъ тамъ агитаторы укрыты, съ бомбами... чортъ ихъ поberi! Пойдемъ въ атаку на эту сволочь... — плюнулъ штабсъ-капитанъ. — Тамъ и прокуроръ, и вице-губернаторъ, и стражниковъ нагнали... оцѣпили, а не выдаютъ! Только сошлись дерябнуть къ Туркину, въ преферансикъ пошвыряться... бацъ, къ командиру... Ну, ужъ задамъ имъ перцу!..

— Роту безъ нужды не горячите, — сказалъ Бураевъ. — Неважно на солдатъ вліяеть. Для сихъ маневровъ надо бы особый корпусъ, внутренней охраны.

— Кой чортъ, неважно! Рота у меня — вотъ! — онъ сжалъ кулакъ. — Такъ-то распатронимъ... А эти... ужъ живыми не уйдутъ. У ...цевъ троихъ изъ нестроевой подъ судъ, ихнія прокламаціи наши... ни за что погибнутъ!

— Не горячите. Тутъ не революція, а глупость. Сволочь захватите.

— Тамъ разберемъ. А солдаты рады... по три гривенника на рыло, да и угостятъ, понятно. Вотъ вы говорите... стой, чортъ!.. говорите, не надо горячиться. Да чорта мнѣ стрѣлять въ болвановъ... курицы не могу зарѣзать. Понятно, долгъ исполню. Ни въ воздухъ, ни холостыми теперь нельзя, послѣ былого «опыта». Стрѣлять, коли что, придется. А вы бы полюбовались на моего Константинова-во-

яку, вотъ пошелъ народецъ ....малиновое! Губы посинѣли, какъ утопый... трясется, хнычетъ... «какъ я могу стрѣлять въ народъ!» Чуть не истерика, да еще при фельдфебелѣ, при взводныхъ! Ну, что прикажете мнѣ дѣлать, подать рапортъ!..

— Чортъ знаетъ! — сказалъ Бураевъ возмущенно. — Это сейчасъ же разнесется солдатней... считайтесь съ этимъ. Придется, хоть и больно. Офицерскій судъ рѣшить. Разводить заразу... Ну, прапорщикъ запаса, особенно эти универсанты, протестанты... не въ счетъ. А то вдругъ кадровый!..

— Такъ бы сейчасъ дерябнулъ!.. — крикнулъ штабсъ-капитанъ, вбирая пузо. — Послать бы казачковъ, живо бы плетями... Не на японцевъ... насъ-то чего тутъ беспокоить?..

— Бываетъ, нельзя безъ боя. 905-й помните? Почему ему не повториться, при такихъ порядкахъ! — и онъ подумалъ, что вытворяютъ въ Петербургѣ: «Гришка Распутинъ, разные Иллиодоры, безтолочь и «тайны». Въ арміи — мы, командиры ротъ, на манеръ отмычки, «козлища», чортъ знаетъ»... Подумалъ — и смутился. — Для внутреннихъ исторій нужны части боевой внутренней охраны, особой дисциплины, а не регулярныя войска. Нужна реформа. Стражниками тутъ не обойдешься...

— Ну, догонять пошелъ.

Они простились.

«Выбралъ командиръ Артюшу. Ни шагу безъ фельдфебеля. И трусить», — подумалъ Бураевъ раздраженно. — «Пошли надежнаго. Чекана или Густарева. Бригадный шляпа, за себя дрожить. Какъ бы Москву не потревожить. Тамъ вѣдь все съ примѣркой, за чужой шеей..! — выругался онъ. — А случись серьезное? съ такими трясопузами да сопляками...»

За разговоромъ они доѣхали до семинаріи. Пришлось вернуться, къ Кожину заѣхать. У семинарскаго забора, на углу, стояла кучка семинаровъ. Донеслось:

— Покажутъ имъ олеховцы! Вонъ тоже, сволочь ѣдетъ... охрѣнники!..

Бураевъ вспыхнулъ. Подумалъ — мальчишки, не придавать значенія? Онъ уже проѣхалъ. Нѣтъ, нельзя: взрослые болваны, хулиганье. Онъ бросилъ «Рябчика» на кучку и далъ нагайкой. Кучка побѣжала. Онъ нагналъ и вытянулъ еще. Одинъ споткнулся. Бураевъ вытянулъ еще, по заду.

— Будешь помнить «сволочь»? Уважай армію, скотина!.. Встать! — крикнулъ онъ семинаристу. — Фамилія?!..

Изъ-за угла кричали:

— На безоружнаго попался... царскій плевокъ, опричникъ! Бей его, ребята!..

Бураевъ погрозилъ нагайкой. Лежавшій плакалъ.

— Подыму, не притворяйся... встать, скотина!

Семинаристъ поднялся. Онъ былъ верзила, не ниже капитана.

— Фамилія?! Вы, мерзавцы, не дѣти, а великовозрастные болваны, и будете наказаны!.. Подойти ко мнѣ!.. — крикнулъ онъ притихшимъ.

— Мы готовы извиниться... сказалъ изъ кучки кто-то

— Извиняться передъ всякимъ...! — крикнулъ басъ и свиснулъ.

— Подойди, если ты не трусь! — крикнулъ Бураевъ кучкѣ. — А ты, не двигайся, — взялъ онъ за шиворотъ семинариста. — Къ ректору идемъ! Фамилія?!..

— Мирославскій, — плаксиво заявилъ семинаристъ. — Это не я, можете спросить.

— Всѣхъ найдемъ! — сказалъ Бураевъ. — Двигайся.

— Найдешь, у своей ...вошь! — крикнулъ изъ кучки басъ, и побѣжали съ пѣсней:

На дворѣ у попады

Растерялися бадьи...

— Позвольте, господинъ офицеръ?.. — услышалъ Бураевъ раздраженный голосъ. — На какомъ основаніи вы

издѣваетесь надъ мальчикомъ?.. Вы его ударили! Онъ васъ ударилъ плеткой? Не бойтесь, смѣло говорите... я не допущу... — обратился неизвѣстный къ семинаристу. — Вы его били? На какомъ основаніи?..

— Что такое? — сдержанно спросилъ Бураевъ господина съ остренькой бородкой и въ пенснэ. — Кто вы тутъ такой? вы слышали?.. вы за хулигановъ?..

— Я членъ земской управы... Канунниковъ. Вотъ, моя карточка. Я не могу позволить, чтобы при мнѣ учиняли гнусное насиліе надъ ученикомъ... публично!..

— А я капитанъ Бураевъ. Васъ интересуеть, что произошло? Удовлетворю вамъ любопытство. Эти оболтусы, въ кучкѣ, посмѣли оскорбить армію... понимаете, армію! — крикнулъ Бураевъ, трясая нагайкой. — Нѣтъ, ты постой... — подтянулъ онъ за воротъ семинариста, который пробовалъ рвануться, — мы съ тобой сейчасъ къ ректору направимся... Вы довольны? — обратился онъ къ господину въ бѣломъ картузѣ.

— Но позвольте, нельзя же...

— Нѣтъ, ужъ теперь... вы позвольте! — поднялъ Бураевъ голосъ. — Когда оскорбляютъ армію Императора и Россіи... и господинъ членъ управы вмѣшивается и беретъ сторону мерзавцевъ и хулигановъ... что это значить?!

— Но я не слыхалъ, позвольте!..

— А не слыхали — молчите! Сперва узнайте. Когда говоритъ офицеръ — говоритъ офицеръ! Съ васъ довольно? Если не довольны и если вы достойны... — къ вашимъ услугамъ! Капитанъ Бураевъ.

— Не испугаете... я завтра же ѣду къ губернатору! — запальчиво заявилъ членъ управы. — И не позволю самоуправства...

— Можете успокоиться. Я не скрываюсь, сейчасъ же заявлю ректору, а завтра подамъ рапортъ обо всемъ. Вы слышали, что эти хулиганы кричали на всю улицу — «царскій плевокъ» и «охранникъ»? Вы слышали, если не глу-

хой. Если видѣли, какъ отпоролъ нагайкой хулигановъ, вы слышали! Или вы солидарны, а?.. Я васъ знаю: когда оскорбляютъ армію и Государя, вы не слышите. Когда порятъ нагайкой дрянъ... вы заступаетесь, кричите о насиліи и самоуправствѣ! Меня не тронете вашими истертыми словечками, знаю васъ!.. За себя я сумѣю всегда отвѣтить... и отвѣчу! Съ вами разговоръ конченъ. А тебя, хулиганъ, я дотащу до ректора.

И не обращая вниманія на какія-то путанія слова заступника, Бураевъ, не выпуская ворота семинариста, спрыгнулъ съ коня и направился къ освѣщенному двумя фонарями подъѣзду семинаріи. Вызвавъ звонкомъ швейцара, онъ приказалъ ему поддержать коня и, все еще держа за воротъ примолкшаго семинариста, сказалъ попавшемуся навстрѣчу ламповщику, чтобы провелъ его къ господину ректору. Скоро явился, скатившись съ лѣстницы, худой и высокій инспекторъ семинаріи, въ виць-мундирѣ съ оловянными пуговицами. Бураевъ объяснилъ вкратцѣ и потребовалъ самого ректора. Инспекторъ сталъ увѣрять, что онъ имѣетъ достаточно полномочій, что въ такой поздній часъ... пріемные часы кончились... господинъ ректоръ занятъ учеными трудами въ своей библіотекѣ...

— Дѣло настолько серьезно, что я прошу васъ побезпокоить господина ректора, иначе я не уйду! — твердо сказалъ Бураевъ.

Его попросили къ ректору, въ кабинетъ. Онъ повелъ за собой семинариста.

Благообразный архимандритъ, въ темномъ подрясникѣ, сидѣлъ въ креслѣ, въ грудѣ бумагъ и книгъ. Онъ вдумчиво выслушалъ Бураева, покачалъ неодобрительно головой, потомъ покачалъ уже съ одобреніемъ, когда дѣло дошло до порки, и объявилъ:

— Не могу во всемъ усмотрѣть иного чего, кромѣ, во-первыхъ, безстыднаго и прискорбнаго поведенія негодныхъ, участь коихъ будетъ рѣшена завтра же... и, во-

вторыхъ, справедливаго и государственнаго внушенія негоднымъ. И ото всего сердца благодарю васъ, капитанъ... ибо во всемъ этомъ безчинствѣ больше значимости, чѣмъ кажется. Наша семинарія борется съ этимъ смердящимъ духомъ разложенія нравовъ и попиранія законовъ. Эти гады завтра же будутъ извержены. Только прошу васъ... не доводите до оффиціального пути, во избѣжаніе пересудовъ въ обществѣ нашемъ, между нами, скудоумномъ и пустоумномъ... дабы не вышло соблазна горшаго и...

— Простите, господинъ ректоръ, но я обязанъ подать командиру рапортъ... — сказалъ Бураевъ.

— Лишняя суета... зачѣмъ?

— Таковъ законъ, господинъ ректоръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, творите по закону.

Качая въ возбужденіи нагайкой, Бураевъ вышелъ. Швейцаръ, передавая «Рябчика», сказалъ почтительно:

— Прямо, ваше благородіе, никакого сладу съ ими, и начальство наше... — онъ понизилъ голосъ, — ни-куда, никакой дисциплины... воспитатели водку съ ими клещутъ, а то чего и хуже. Ну, какіе же изъ нихъ попы-то выйдутъ!.. Тридцать два года здѣсь служу... годъ отъ году хуже. — Онъ получилъ пятиалтынный и поклонился. — Одна, можно сказать, похабщина... только и слышишь, что мать да мать!..

— Вѣрно, старикъ! — сказалъ Бураевъ. — Солдатъ?

— Такъ точно, ваше благородіе... Иванъ Барацовъ, старшій унтеръ-офицеръ, 72 пѣхотнаго Тульского полка, въ чистой съ 89 году! Нашъ полкъ съ самимъ Суворовымъ въ Итальянскомъ походѣ былъ... барабанъ у насъ пробило ядромъ... потому у насъ теперь особый барабанный бой при маршѣ, и турецкій барабанъ числится по штату военнаго времени, ваше благородіе!.. — радостно и гордо сообщилъ Бураеву старикъ-швейцаръ.

— Вотъ ты какой... молодчикъ! — весело сказалъ Бураевъ, только сейчасъ замѣтивъ у солдата Георгія. — Былъ въ бояхъ?

— Такъ точно, въ осьмнадцать бояхъ, ваше благородіе! Первое...

— Заходи, братъ, какъ-нибудь... съ лагерей вернемся, ко мнѣ чайку попить, къ капитану Бураеву, въ полку узнаешь. Вотъ тогда расскажешь, буду ждать.

— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе. Упомню, обязательно зайду.

Онъ подалъ стремя и еще молодецки топнулъ.

— Ну, прощай, Барановъ.

— Счастливо ѣхать, ваше благородіе!

Бураевъ былъ растроганъ этой неожиданной встрѣчей. Не могъ онъ равнодушно проходить мимо героевъ, особенно мимо солдатъ-героевъ. «Какъ знаменательно-то вышло», — думалъ онъ, — только что были хулиганы, молодежь... ни чести, ни отваги, и тутъ же рядомъ, старый человекъ, прямой и вѣрный! И сколько ихъ такихъ, невидныхъ. Ими и жива Россія, на всѣхъ путяхъ... Суворовъ въ сердцѣ, не забылъ и тутъ... «барабанъ у насъ пробило!» Когда же было, въ битвѣ при Требии... солдатъ, а знаетъ. А спроси этихъ... «мать да мать!» Все еще связанъ съ «нашимъ»: «у насъ особый барабанный бой», «нашъ полкъ съ самимъ Суворовымъ!» Почему прежніе — такіе, а теперь..? И во многомъ такъ. Родиной гордились, своимъ. Откуда этотъ халуекъ общественный, протестантъ — спортсмѣнь? Не разобравшись, вопіеть: «насиліе, публично издѣвается надъ мальчикомъ!» — хотя прекрасно знаетъ, что хулиганъ. Губернаторомъ грозитъ, а тотъ же губернаторъ у него — «бурбонъ», «нагайщикъ», «столыпинецъ»? Потому что офицеръ вмѣшался! Знать не знаетъ, что тотъ же «офицеръ» всегда обязанъ!.. Присягой, честью. Старая повадка, рабья. И всегда тычутъ — привилегіи! Сколько исписали... Чуть что, вѣдь на колѣнкахъ будетъ ерзать, чтобы не дали въ морду. Въ 905 было, попритихли. Этотъ старикъ не рабъ. Кресть на шеѣ, и крестомъ отмѣченъ, вѣрный русскій человекъ. Общество даетъ опору негодямъ, не чтитъ закона, не понимаетъ

власти и не умѣеть властвовать. Гордый студень! А то же — «не позволю». И еще лѣзутъ государствомъ управлять. Съ огнемъ играютъ, пораженцы!»

VIII.

«Къ батальонному заѣхать обѣщаль», — вспомнилъ Бураевъ встрѣчу и повернулъ къ заставѣ. Кожинскій заборъ тянулся по концу Московской, ворота выходили къ полю. Бураевъ свернулъ направо, полевымъ просторомъ. Старые тополя шуршали въ вѣтрѣ, пахли горьковатоклейко. У каменныхъ воротъ, подъ плѣсень, съ отбитыми шарами, онъ позвонился. Знакомо раздалось по саду, въ глубинѣ, — бомъ... бомъ... Залаяли овчарки. Было видно въ щели, какъ изъ людской выходитъ кто-то съ фонаремъ и свѣтитъ къ лужамъ. Кричить овчаркамъ — цыцъ, лихія! Какъ въ деревнѣ. Это деньщикъ Василій, садоводъ, какъ и у отца, Василій тоже. Бураевъ вспомнилъ про отца, и стало грустно. Надо написать. «Сейчасъ увижу Антонину, милую Юнону... интересно, какая она стала. Больше году не былъ, и не встрѣчались».

Подумалъ: «такъ бы и не собрался, если бы не «свиданіе». И еще подумалъ: «вотъ женщина... скоро такихъ не будетъ». И увидалъ — «видѣнье». Да, Юнона.

— Кто тамъ?.. — сторожка опросилъ Василій.

Бураевъ вѣхалъ въ открытыя ворота, въ тихій, широкій дворъ, напомнившій ему родное — «Яблонево» отца, гдѣ выросъ. Такъ же выходили съ фонаремъ къ воротамъ, тѣ же тополя, свѣтящіяся окна дома, въ высокихъ еляхъ. Повѣяло уютомъ, роднымъ, исконнымъ, теплымъ. А въ домѣ, въ бѣломъ платьѣ — мама... милая Юнона, напоминающая чѣмъ-то маму. Онъ позвонился на парадномъ и подумалъ, какъ хорошо, что онъ заѣхалъ, привела случайность, что-то, тотъ «компасъ», который какъ-то направляетъ. Вотъ, надломилось въ жизни, не къ кому пой-

ти, и вотъ — направилъ. Милая Юнона, какъ-то встрѣтитъ?..

Въ немъ заиграла радость и поднялось смущенье, когда послышались шаги за дверью. Отворилъ самъ Кожинъ, въ гимнастеркѣ, костлявый, длинный, съ тонкими усами въ стрѣлку, въ эспаньолкѣ, какъ Донъ-Кихоть. Въ залѣ играли на роялѣ, какъ тогда. Сердце его забилося радостно-тревожно. Его встрѣчаютъ?..

Онъ вошелъ, смущенный. Особенно смутилъ полковникъ, крикнулъ:

— Вотъ онъ, блудный сынъ! вернулся!.. Антонина, встрѣчай заблудшаго!.. Силой притащили, а?.. Подъ дождемъ прогулки совершаетъ... все освѣжается. А старые друзья забыты!

— Нѣтъ, полковникъ, не забыты, — въ смущеніи сказалъ Бураевъ, — а какъ-то все не выходило...

Музыка замолкла. Бураевъ узналъ знакомые шаги по залу: шла Юнона.

— Нако-нецъ-то... — появилась Антонина Александровна въ дверяхъ. — Что съ вами было, милый капитанъ... почему такъ пропадали? И такъ внезапно... Кажется, больше года..?

Бураевъ поцѣловалъ смущенно руку. Подумалъ: что это, насмѣшка?

— Какъ-то, Антонина Александровна, жизнь захлеснула... — сказалъ онъ искренно. — Страшно жалѣю... Такъ все какъ-то...

— Бываетъ, — пошутилъ полковникъ. — Нечего жалѣть о прошломъ. Такъ-то, братецъ.

Антонина была все та же, молода, свѣжа, свѣтла, спокойна, какъ будто пополнѣла, стала еще прелестнѣй. «Новое въ ней», — слѣдилъ за нею съ восхищеніемъ Бураевъ, — «нѣжная усталость, томность», — и сладко, и тревожно билось сердце. Полковникъ скрылся: что-то съ инкубаторомъ неладно.

Выйдя въ залу, Антонина вдругъ остановилась.

— Почему забыли? — спросила она прямо. — Много пережили?..

Этого онъ не ждалъ и растерялся. Вспомнилъ почему-то, какъ она — давно! — склонилась къ нотамъ, какъ онъ слушалъ. «Совсѣмъ другая», — пробѣжало въ мысли. Она смотрѣла на него съ улыбкой, какъ — всегда? Онъ отвѣтилъ:

— Много, вы знаете. Я цѣню ваше доброе ко мнѣ...

— Правда? — она, какъ-будто, удивилась. — Вы не измѣнились. Ну, что-нибудь скажите...

«Нѣтъ, она другая... свободнѣй стала», — рѣшилъ Бураевъ, любуясь, какъ она сѣла на качалку. — «Какъ прелестна!..»

— Что же говорить, вы знаете. Конечно, я не могъ себѣ позволить у васъ бывать...

— Вотъ какъ! Почему?

«Нѣтъ, она совсѣмъ другая».

— Вы курите?! — не удержался онъ воскликнуть.

— Что васъ удивило? — спросила она спокойно. — Такъ, привыкла... Ну, говорите. Не могли бывать... Ну, что еще?

— Вамъ все понятно.

— Почему мнѣ... все понятно? — сказала она вверхъ, слѣдя за дымомъ.

— Потому что вы... другая! — сказалъ онъ смѣло.

— Я не понимаю, что это значить... другая? Какой вы странный...

— Передъ вами я не могу таиться, какъ передъ... святой! — сказалъ онъ неожиданно и тутъ же и подумалъ — «зачѣмъ я это?»

— Вотъ какъ! — она чуть усмѣхнулась и качнулась. Свѣтло-сиреневое ея платье помело паркетъ. — О, какой вы льстецъ... кто васъ училъ?

— Я не льстецъ, — сказалъ Бураевъ, — вы это знаете.

— Комплиментщикъ, знаю! — звучно засмѣялась Антонина, н о в ы м ъ смѣхомъ. — Помните, въ саду?..

Бураевъ грустно усмѣхнулся.

— Помню. Что же... вы все такая, какъ тогда! — сказалъ онъ прямо, въ очарованіи «видѣнья». — Видите... потому-то я не могъ бывать у васъ, тогда. И сегодня я не посмѣлъ бы, если бы не... полковникъ.

— Знаю, знаю... Ну, говорите.

— Я былъ обязанъ перестать бывать... можетъ быть еще раньше, до «исторіи».

— Почему — раньше?

Бураевъ не отвѣтилъ.

— А теперь... нисколько не обязаны... перестать бывать?

Онъ любовался, какъ она качалась, откинувшись на спинку кресла. Это оживленьс, смѣхъ, играющія руки, каштановыя косы, завернутыя пышно, — все было новымъ, таинственно-прелестнымъ новымъ. Онъ, въ очарованіи, отвѣтилъ:

— Боюсь, что да... обязанъ.

Она взглянула на него издалека. Взглядъ этотъ что-то и сказалъ, и нѣтъ.

— Снимите «обязательство» съ себя, не стойте... — сказала она шуткой. — Впрочемъ, послѣ завтра уйдете въ лагеря. Но... я вамъ разрѣшаю изрѣдка бывать и лѣтомъ. Андрей Максимычъ пріѣзжаетъ каждую субботу, для садовъ и для хозяйства. Значитъ, — сказала она обычнымъ тономъ, — съ вашей «исторіей» покончено? Вы не обижайтесь. Всѣ знаютъ...

— Обижаться, на васъ! — восторженно сказалъ Бураевъ. — Теперь, — онъ усмѣхнулся, — я уже «мальчикъ безъ исторіи». Какъ я счастливъ, что могу бывать... вы для меня, какъ... милосердіе! Увѣряю васъ. Если бы вы знали, какъ я одинокъ. И... всегда былъ одинокъ, — прибавилъ онъ съ тоскою.

— Очень рада. Что же вы не спросите про Нету? Она теперь бо-льшая.

— Я не забылъ. Не встрѣчалъ давно. Большая, да...

— Ушла на панихиду по Лизѣ Корольковой. Вы знаете? Самоубійство...

— Знаю. Ужасно. Я ее помню... фарфоровое личико, мимо проходилъ въ казармы, часто видалъ въ окошкѣ. Обыски идутъ у насъ...

— Кажется, что-то грязное. Начальница гимназіи хотѣла запретить, чтобы устраивали панихиду, но всѣ возстали. Вотъ, Нечочка пошла. Кстати, который часъ? Безъ четверти десять... Надо послать пролетку. Вы съ этой Корольковой не были знакомы?..

— Никогда... Почему вы меня спросили?

— Просто такъ. А вы... почему такъ спрашиваете?

Бураевъ не успѣлъ отвѣтить: вернулся батальонный, несъ цыплятъ въ лукошкѣ.

— Надо Семена послать за Нетой, къ Лисанскимъ. Тамъ она будетъ ждать.

— Куда послать? — не понялъ Кожинъ. — То есть, какъ за Нетой?..

— Какъ за Нетой! — сказала Антонина раздраженно, чему Бураевъ удивился. — Нета же ушла на панихиду и будетъ ждать! Надо послать къ Лисанскимъ...

— Вотъ тебѣ разъ! — сказалъ полковникъ, потирая темя. — Давно поѣхалъ! Какъ же это ты такъ... волнуешься. Поужиналъ и поѣхалъ. Вотъ, полюбуйся, капитанъ, какія у меня штуки... вотъ это пли-муты! Знаешь, милая... не попробовать ли, подъ музыку? Эффектно будетъ, чортъ возьми!..

— Какъ, что... подъ музыку? — спросила, въ испугѣ, Антонина.

— Что-что... Выпущу, а ты сыграешь. Посмотрѣть вліяніе... слышать или нѣтъ? Гдѣ-то я читалъ, что рыбъ на музыку манять... всѣ и выплываютъ! Вотъ, пріучить-то!.. Капитанъ, не смѣйтесь: знаете мою слабость. Скоро тридцать пять лѣтъ, все съ солдатиками игралъ, а вотъ пора и отдохнуть, съ цы-плат-ками-съ...

Антонина вышла. Кожинъ любовно вынималъ цыплятъ, пускалъ на коврикъ..

— Вотъ, батальонъ-то настоящій! Смѣйтесь, а — жизнь. Лучше, братецъ, чѣмъ всѣ трофеи міра. Что жъ, я и не скрываюсь. Скоро выхожу въ отставку. Богатъ, а скоро буду и миллионеромъ, да-съ. Эта усадьба только между прочимъ. Куплю, такъ... десятинъ тысячки три, ну, понятно, пенсія. Конецъ войнѣ! Скоро всѣ арміи насмарку. Тюкъ-тюкъ-тюкъ... — тыкалъ онъ въ полъ передъ цыплятками. — Арміи разоряють государства! да-съ!.. Но... служишь — и не философствуй.

Бураевъ, изъ такта, промолчалъ: часто чудилъ полковникъ! Кожинъ унесъ цыплятокъ. Вернулась Антонина.

— Да, это самоубійство очень взволновало городъ, — сказалъ Бураевъ.

— А васъ?

— Но это такъ естественно. И меня, конечно.

— Нета говорила, — скользнула взглядомъ Антонина, — что въ дневникѣ несчастной что-то есть о васъ?.. Вы ничего не слышали?..

— Странно. Я ее совсѣмъ не зналъ...

Онъ вспомнилъ о письмецѣ, о «К.».

— И не знали, — спросила Антонина медленно, — что вы ей очень нравились?..

— Первый разъ слышу! — искренно сказалъ Бураевъ. — Теперь я сталъ какой-то притчей...

— Ну, простите... — взявъ его руку, сказала Антонина, — я васъ встревожила?..

Это ея движеніе и мягкость, какъ она сказала, его растрогали. Онъ не посмѣлъ сказать ей, какъ онъ счастливъ, что снова ее видитъ. Но его взглядъ сказалъ ей это.

— Встревожили?.. чѣмъ?!.. — удивился онъ. — День у меня сегодня безпокойный былъ... а такъ, какія у меня тревоги!

— Да, видъ у васъ усталый.

Антонина отошла къ окну, открыла. Въ окно смотрѣла бѣлая сирень, въ дождѣ.

— Хотите?.. — сломила она вѣточку. — У насъ тутъ солнце... уже распустилась.

Онъ поблагодарилъ и нѣжно поцѣловаль, — приникъ къ сирени.

— Помните, — сказала онъ нѣжно, — когда-то вы меня гадать учили?

— На сирени? — бросила она небрежно.

— Нѣтъ. Это было давно, но я все помню... фуксіи! — сказала Бураевъ, стараясь уловить ея глаза.

— Фу-ксіи?.. когда?.. Не помню. Развѣ на фуксіяхъ гадаютъ? Въ первый разъ слышу. Почему у васъ сегодня тревожный день?..

Она пошла къ роялю. но играть не сѣла. Открыла, задумалась... закрыла.

— Я теперъ даю уроки, уже больше года.

— Да, я слышалъ, что вы довольны. Полковникъ говорилъ... нашли цѣль жизни.

— Цѣль? — усмѣхнулась Антонина. — Вотъ какъ, смѣяться научились!.. Я шучу, конечно. Теперъ ужъ не такая домосѣдка стала... Бѣгаю съ утра до вечера.

— Странно, ни разу васъ не встрѣтилъ! — сказалъ Бураевъ. — Впрочемъ, у меня одна дорожка — домъ, казармы...

— Да? А я васъ иногда встрѣчала... Вы, кажется, въ какомъ-то тупичкѣ живете... неподалеку Антоньевъ монастырь?

— Да!—радостно сказалъ Бураевъ.—Вы знаете?.. Но почему же я никогда...

— Случайно вышло... какъ-то я ѣхала и видѣла, вышли изъ тупичка, пошли въ казармы. Какой-же у насъ съ вами скучный разговоръ!

— Что-то ты, капитанъ, началъ мнѣ говорить, что-то у тебя произошло сейчасъ... про какой-то рапортъ?.. — сказалъ вошедшій батальонный.

Бураевъ разсказалъ, что вышло.

— И превосходно, что отпороль. Вотъ кого бы отодрать-то... подлеца Скворца да мецената нашего Катылку! Въ Сибирь!.. — закричалъ полковникъ, словно на плацу. — Эти тебя продернуть въ «Голосъ», въ отдѣлъ «подтирушки», или у нихъ «Постирушки»? Ну, да ты имъ голову отвертишь, я тебя, капиташа, зна-ю!..

Антонина передернула плечами и ушла. Бураевъ съ удивленіемъ подумалъ — «что такое съ полковникомъ сегодня? и Антонина какъ-то странно..?»

— Надо Антонину благодарить. Замѣтили, нарочно вышла. Что говорить, святая женщина, молюсь на нее, какъ на икону. Стала она давать уроки музыки... вы ужъ, понятно, ходить къ намъ перестали... стали «мальчикомъ съ исторіей», какъ мать-командирша пропечатала. «Одинъ Богъ безъ грѣха, а мы лю-ди грѣ-эшные!» — неожиданно запѣлъ подполковникъ. — А Антонина какъ разъ тутъ и рѣшила давать уроки музыки. Такъ сказать, наполнить зіяющую пустоту. Однако, три четвертныхъ выигрываетъ! — подмигнулъ Кожинъ, — скоро выкупимъ у банка ляти-фундію, съ ея подмогой. Урокъ былъ у подлеца Катылина, собственника поганца «Голоса»... И пріѣхалъ этотъ адвокатиска Скворецъ, редакторъ. Ну, за чаемъ крупный разговоръ... какъ разъ у тебя, капиташа, «вынось» твой случился...

— Какой вынось? — спросилъ Бураевъ, которому стало непріятно слушать.

— Не вынось, а «вылетъ» правителя Краколя. Вышибъ ты его? Это ужъ фактъ историческій. Вотъ они тутъ и закипѣли, общественники наши, ангелы-то хранители! Вотъ когда распотрошимъ-то... и губершю, и армію! Понимаешь, что говорили?.. Паденіе нравовъ!.. А у этого Катылина въ Москвѣ содержанка, въ монастырѣ послушница, и уважаемая супруга, кровь съ молокомъ!.. Вотъ и прикуемъ къ позорному столбу, на радость общественности и либераловъ-кадюковъ. Антонина, понят-

но, отъ чистоты души, имъ и говорить: неудобно въ частную жизнь мѣшаться... публичнаго преступленія нѣтъ! Здѣсь дѣло взаимное... ушла жена отъ мужа — и, между нами, извѣстнаго прохвоста! — и мужъ могъ требовать удовлетворенія, и вообще!.. Зачѣмъ будить нездоровое любопытство, надо подымать читателей... Они ей — «мы на стражѣ общества, и пригвоздимъ!» А она... Вы ее всю не знаете... охъ, съ темпераментомъ!.. — разошелся Кожинъ, — а передъ офице-ромъ... — ткнулъ себя въ грудь Кожинъ, — благоговѣть, казачка чистокровная, атаманова дочка... на пистолетахъ можетъ! а, бывало, джигитовала... засу-шить!.. Вы не глядите, что — «тихий глазъ»... и консерваторію кончила на виртуозку!..

— Господа, пить чай! — позвала Антонина Александровна устало.

— Сейчасъ, анекдотъ Буравку доскажу... Она имъ, братецъ, ультиматумъ: ни слова въ вашихъ «подтиронахъ»! Завтра намараете, — смыслъ-то! — а къ вечеру Бураевъ васъ обоихъ прро-бу-рра-вить!.. — сдѣлалъ полковникъ пистолетъ изъ пальца и присѣлъ, прищурясь. — Какъ воробьевъ! — «Я — какова полковница? — этотъ характеръ о-чень знаю!» Ну, тѣ и... дай бумажки! Она-то, правда, тутъ же, какъ говорится, «спокойно удалилась» — она умѣ-еть! — и урокъ къ чертямъ, а «подтиронъ»-то порціи не получилъ. Этого, замѣйте, ни-кто не знаетъ. Аминь! — полковникъ погрозилъ къ столовой. — Слово взяла съ меня — ни-ни! Но тебѣ-то... не могу же не сказать! Я тебя, чортъ те знаетъ, «люблю любовью странно-иностранной». Глядишь — ну, прямо, офицеръ-дѣвица, изъ монастыря вотъ только... А можешь и въ адъ сейчасъ же. Мо-жешь! Хмуришься? На батальоннаго не полагается сердиться! — погрозился Кожинъ. — Идемъ къ хозяйкѣ и виду... ни-ни-ни!

«Сегодня онъ какой-то чумовой», — подумалъ опять Бураевъ. Но это было мимолетно. Антонина, милая Юнона, сіяла въ мысляхъ. Но в а я, — такой онъ никогда ея

не видѣлъ. «Тихій глазъ», — вѣрно сказалъ полковникъ. «Вы ее всю не знаете! охъ, съ темпераментомъ... казачкой крови...» «Но какъ же это объяснить?» — спрашивалъ себя Бураевъ. — «Возмутилась, бросила урокъ, когда узнала, что я..?» Было непонятно, даже неприятно почему-то.

Вошли въ столовую. Она стояла у буфета и смотрѣла къ двери. Онъ встрѣтилъ ее взглядъ и прочиталъ: да, я так а я! Конечно, она слышала.

— Вамъ, какъ всегда, покрѣпче?

— Пожалуйста. Особенно сегодня.

— Почему «особенно сегодня»?

— Очень, Антонина Александровна, усталъ. И еще необходимо въ одно мѣсто. Уже одиннадцатый... а очень нужно.

— Очень? Дѣловой вы стали.

Она взглянула изъ-за самовара. Такъ она раньше не смотрѣла. Рѣшительно, она другая. Тревожнѣй стала? Онъ не могъ рѣшить. Свободнѣй?..

— Не дѣловой, а... очень нужно! — повторилъ Бураевъ, а самъ подумалъ: «вотъ заладилъ!»

Антонина задумчиво мѣшала въ чашкѣ. Полковникъ шумно дулъ на блюде. Разговоръ пресѣкся.

— Выкупимъ у банка, рѣшено! — сказалъ полковникъ.

— Займусь червями, по системѣ... этого... ну, какъ его... такая звучная фамилія... — крутилъ онъ въ пальцахъ, — ну, еще корпусной -то былъ?.. Антониночка, не помнишь?..

— Не помню, — сказала Антонина въ чашку.

— Ну, чортъ съ нимъ. Буду воспитывать на скорцоне-рѣ, коконы получаютъ тончайшей консистенціи и...

Антонина опять взглянула, и снова ихъ взгляды встрѣтились. Сердце Бураева остановилось. Взглядъ былъ мгновенный, — и тоска, и радость.

— Партіюку сыграемъ? — нежданно предложилъ полковникъ, обрывая хозяйственные планы.

Бураевъ колебался. Остаться? Антонина, склонившись, медленно переливала съ ложечки. О, милая! — ска-

залъ онъ взглядомъ. Сердце было полно такимъ безмѣрнымъ, что онъ не могъ остаться. Скорѣй на воздухъ, скакать, все вспомнить, привести въ порядокъ. Онъ задышался отъ волненья, зная, что сейчасъ случится, должно случиться. Онъ взглянулъ опять. Она переливала съ ложечки. Онъ видѣлъ милую ея головку, завернутыя косы.

— Сегодня не могу, полковникъ. Если разрѣшите, завтра?.. Даль слово быть. Приѣхалъ изъ Москвы профессоръ, надо быть, неловко... — путался въ словахъ Бураевъ. — Докладъ какой-то... важный... объ «основахъ жизни».

— Ну, Богъ съ вами, до-кладчики. Ну, завтра. Передъ лагерями отпразднуемъ. Покажу, какія я реформы провожу...

— Уходите... — сказала Антонина утомленно, бросая ложечку. — Что такъ скоро?

Какъ всегда, она была спокойна, замкнута. Глаза сияли ровнымъ свѣтомъ. Провожая, она сказала:

— Яблони зацвѣтають...

Бураевъ вспомнилъ «перламутръ» и «маму» — первое знакомство.

— Да, я помню вашъ перламутръ...

— Что за перламутръ? — спросилъ полковникъ.

— Яблони когда у васъ цвѣтуть... все, какъ перламутръ! — восторженно сказалъ Бураевъ. — Помню, когда я въ первый разъ увидѣлъ... — онъ остановился, — какъ перламутръ, такъ я живо помню...

— И «маму»? — усмѣхнулась Антонина.

Засмѣялись всѣ. Громче всѣхъ полковникъ.

— Конечно!.. — сказалъ Бураевъ, — сколько мнѣ за «маму» попадало, какъ не помнить! Да, чудесно теперь будетъ. А въ лагеряхъ однѣ березки да осинки. У васъ укрытѣй. А въ нашемъ тупичкѣ открыто къ поймѣ... чуть только начинается розовѣть.

— Ну, значить, завтра... кстати сады посмотримъ, — напомнилъ Кожинъ.

«Машенька прїдетъ завтра», — вспомнилъ досадливо Бураевъ.

— Завтра... постараюсь, господинъ полковникъ.

— Визи-теръ! Сидить, какъ на иголкахъ, на часы все... Ужъ по правдѣ, свиданье, что ли?..

— Никакъ нѣтъ. Полное одиночество. Какъ на походѣ, можете взглянуть. А сплю, какъ полагается, на гинтерфѣ... — онъ вспомнилъ, что приказалъ Валясику. — Голо, какъ въ кельѣ. Портретъ, въ вѣнчкѣ, да иконка.

— А чей портретъ-то? — подмигнулъ полковникъ.

— Маминъ, господинъ полковникъ.

— Отцы пустынники... и жены непорочны! — вздохнулъ полковникъ. — Такъ вотъ поглядишь... изящный капитанъ, пачками влюбляются... ну-ну! Ну, а когда пороятъ нагайкой, а... звѣремъ? Знаю твой слабый темпераментъ, слышали, какъ на войнѣ-то! Кажется, то-же, казацкой крови... что-то ты говорилъ?

— Есть немножко. По мамѣ, запорожской. Только мама кроткая была. Да и я, господинъ полковникъ, не изъ звѣрей, -- не уходилъ Бураевъ, мяся. — Горячъ я, правда. А солдата ни разу не коснулся, въ этомъ чистъ.

— Этимъ не гордись. Бываетъ — стоитъ. Да ужъ либералы, что говорить!

Стояли подъ лѣстницей, въ большой передней, слабо освѣщенной. Антонина — у косяка, задумалась о чемъ-то.

— Гдѣ же Нета? — вскрикнулъ неожиданно полковникъ. — Нельзя такъ поздно!

— Какъ ты испугалъ... Самъ же сказалъ — Семень поѣхалъ.

— Вѣрно, Семень поѣхалъ.

Прощаясь, Антонина задержала руку. Бураевъ уловилъ въ глазахъ и боль, и радость.

IX.

Любить?.. — спросилъ онъ небо.

Крапаль дождикъ, фонари мигали въ вѣтрѣ. Сердце горѣло болью и восторгомъ. Какъ же могло случиться?! «Или это страсть, привычка къ женщинѣ?.. Или это счастье, и я — люблю?..» — спрашивалъ себя Бураевъ. — «То, главное... пришло?.. Такъ, внезапно? Нѣтъ, было, съ перваго же дня, тогда...»

Онъ оглянулся на усадьбу. Тѣ же тополя шумѣли въ вѣтрѣ — и не тѣ же. О, чудесный дождь! Какъ пахнетъ то полями и сиренью, бѣлой, т о й сиренью!

«Нѣжная моя!..» — сказала онъ страстно тополямъ и ночи.

«Рябчикъ» шелъ въ тугихъ поводьяхъ, гарцовалъ. Бураевъ схватилъ его за шею.

— Ми-лый!..

«Рябчикъ» закинулся, понесся. Еле сдержалъ его Бураевъ, далъ шпоры и пустилъ въ галопъ. Городъ уже спалъ. Летѣли фонари навстрѣчу, тумбы, вѣтеръ, темные дома, въ лампадкахъ, пустые перекрестки, трактиръ съ машиной, съ окнами въ огняхъ, гармонья, церковь съ фонаремъ надъ входомъ, гауптвахта, площадь, черный садъ, ударъ съ собора, городской на тумбѣ, лай собакъ, раздолье... «Рябчикъ» застригъ ушами, отфыркался и перешелъ на шагъ. Пахло тополями, майской ночью. Отъ бѣшеннаго гона стало жарко. Бураевъ снялъ фуражку и дышалъ всей грудью. Какъ чудесно жить! И все чудесно: и дождь, и старые заборы, и тихія лампадки въ окнахъ, и сторожъ съ колотушкой гдѣ-то. Все пѣло, открывало тайну — любить! Во всемъ, въ молчаньи самой ночи, было — любить! Онъ припоминалъ слова, молчанье, взгляды... — любить! Замкнутость и ровность, холодность даже, которыя онъ зналъ давно-давно, — все стало ясно. Любила, любить! Покорность, сила воли, — такъ все ясно.

Онъ переживалъ, старался вспомнить. Ну, конечно, яс-

но. Мучается, любить, втайнѣ. То же и въ немъ хранилось, теперь онъ понялъ. Зрѣло столько лѣтъ — пробилось. Да, любить, и всегда любилъ. Боялся себѣ сознаться — всегда любилъ. Этотъ взглядъ прощальный, слабое пожатье пальцевъ... Любить! Теперь-то что же?

Бураевъ отмахнулся: не стоитъ думать.

Отыскивалъ въ забытомъ. Было, много было. Мартовское солнце на полу, когда она играла, склонилась къ нотамъ. Взглядъ испуга... А фуксіи! Забыла.

Тому три года. Только что пришли изъ лагерей. Весь садъ былъ въ яблокахъ. Полковникъ ходилъ съ покупщикомъ и торговался.

— Хотите, — сказала Антонина, — покажу оранжерею? Лагери вамъ на пользу, вы стали бронзовѣй.

Онъ хотѣлъ сказать: «а вы, Юнона, стали еще прелестнѣй!» Не посмѣлъ. Они прошли въ оранжерею. Было зеленовато-свѣтло, какъ въ водѣ. Прямо, свѣтило черезъ стекла солнце, зеленовато. На Антонинѣ было — о, какъ помнилъ! — свѣтло-голубое, тонкое, совсѣмъ сквозное. На солнцѣ были видны всѣ линіи ея фигуры, — какъ въ водѣ. Она шла томно, отводила вѣтки олеандровъ, чуть, черезъ плечо, смотрѣла. Онъ любовался изумительною шеей, съ такимъ изгибомъ, — какіе видѣлъ на портретахъ, въ Эрмитажѣ. Каштановыя косы, замотанныя на ея головкѣ, золотились, въ озареньи.

Она остановилась, въ блескѣ:

— Посмотрите, вотъ фуксіи.

Фуксіи въ тотъ годъ цвѣли роскошно. Деревца стояли сплошь въ розово-фіолетовыхъ, съ серебряными нитями, сережкахъ. Онъ любовался ею.

— Вы молчите... не нравятся?

Она смотрѣла плутовато. Онъ сказалъ:

— Съ дѣтства, я люблю бѣлые цвѣты. И голубые... какъ ваше платье.

Она сказала, окидывая взглядомъ платье:

— Колокольчики? Нѣтъ, они темнѣ. Незабудки...

— Да, и незабудки... какъ у васъ бываютъ иногда глаза.
 — У меня темнѣй. Это отъ освѣщенія. Фуксіи вамъ не нравятся... А такъ?..

Она сняла двояшки, приложила и чуть встряхнула.

— А такъ? Правда, чудесныя сережки? Ко мнѣ идетъ?..

Онъ молча любовался ею.

— Молчите... Опять не нравится?

Чуть отступилъ, смотрѣлъ. Она держала.

— Чудесно! Къ вамъ все идетъ... вы порозовѣли, а всегда блѣдны. Это отъ «сережекъ».

— Какой вы... наблюдательный!

Она задумалась. Вдругъ ея глаза раскрылись, усмѣхнулись.

— А знаете, на нихъ гадаютъ.

— Погадайте мнѣ... или себѣ?

— Мнѣ не о чемъ гадать, — сказала она нервно, что его очень удивило. — Прошли гаданья, ожиданья...

— Смотря о чемъ...

— О чемъ гадаютъ... о любви, конечно! — небрежно повела она головкой и пропѣла: — Утихла страсть... прошла лю-бо-овь!.. И ра-дость сладкаго свиданья...

И вдругъ оборвала, закрылась. Онъ сказалъ:

— Бываетъ — не проходить.

Она насмѣшливо взглянула.

— Вы знаете?

И затрясла «сережки». Онъ сказалъ:

— Пока... не знаю. Предполагаю...

— Узнаете — скажите. Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать второй. А вамъ?..

— Это прилично? Ну, хорошо... мнѣ скоро тридцать. Опытъ, пожалуй, одинаковъ? Или вы... опытнѣй? Наверядъ... — сказала она мягче. — Хотите, научу гадать? Можетъ, вдругъ, случиться...

— Очень можетъ... — согласился онъ, любуясь.

— Если захотите... приворожить любимаго... что я го-

ворю!.. лю-би-му-ю... найдите парочку-двояшку, вотъ какъ эта, — сняла она «сережки», — и...

Она умолкла и начала болтать «сережки».

— И что..?

— Что же надо..? — задумалась она, — ахъ, да. Надо взять... Забыла, что-то надо сдѣлать съ «сережками». Что же надо?.. Нѣтъ, не помню. Очень давно гадала.

— Ну, какъ жаль... — сказалъ онъ, любуясь откровеннѣй.

Она сняла двояшку и разняла. Шла — думала о чемъ-то, грустно.

— Пойдемте, здѣсь очень душно.

— Такъ и не вспомните?

— Что? — спросила она разсѣянно.

— Хотѣли научить гадать...

— Но если я забыла!.. Какой вы странный... забыла. Вотъ, я и музыку почти забыла. Какъ я играла раньше!..

И пошла скорѣе. Его смутило. Онъ подумалъ: развѣ онъ что-нибудь позволилъ? Шелъ за ней, смущенный.

— Ахъ, погодите, — сказала она быстро и обернулась, — я вспомнила! Надо разнять цвѣточки, вотъ такъ... — и она разняла двояшку, — и одинъ цвѣточекъ положить себѣ на грудь, вотъ такъ... — опустила она за платье, скромно, — а дружку надо... Что же съ дружкой..? — Она задумалась. — Не помню. Что-то надо съ дружкой... Нѣтъ, забыла.

Вернувшись, онъ нашелъ цвѣточекъ-дружку у себя въ пальто, увядшій. «Вотъ что надо сдѣлать!» — вскрикнулъ онъ, не вѣря. Боялся вѣрить. Можетъ быть, случайность? Въ пальто... въ оранжереѣ въ кителѣ... случайность? Не случайность. И вѣрилъ, и не вѣрилъ. Долго не приходилъ, смущался. Наконецъ, пришелъ — и не посмѣлъ. Ни взгляда, ни намека. Все та же: замкнута, спокойна, какъ всегда. Онъ сохранилъ цвѣточекъ — дружку.

Вотъ — приворожила, крѣлко.

«Что же теперь?» — спросилъ себя Бураевъ. — «На муку? такъ это — «главное?»

Право женщины — дарить любовью, которое онъ признавалъ за ней, здѣсь отступало передъ честью. Это онъ видѣлъ ясно. Обмана быть не можетъ. Любовь — на муку?..

«Да какъ же это... какъ могло такъ, сразу?» — спросилъ себя Бураевъ. — «Только вчера я мучился, чуть ли не... А теперь люблю?! Новая любовь... а то, что было? Гдѣ же вѣрно?..»

Онъ посмотрѣлъ на небо. Сѣялъ дождикъ. Мокрыя деревья никли. Въ пустыхъ еще садахъ ходило вѣтромъ. Вотъ и тупичокъ, привезъ самъ «Рябчикъ».

«А она какъ смотреть? И она не сможетъ».

Онъ вызвалъ въ памяти ея лицо — ея закрытость, сдержанность, холодность, нѣжность, грусть... Вспомнилъ т а й н у, которую хранили ея глаза, вдругъ прорывавшюся блескомъ.

«Не сможетъ».

Все путалось. Не стоитъ думать.

Въ домъ не хотѣлось. Онъ разбудилъ Валясика и приказалъ взять лошадь.

— Сильно разгорѣлся, поводи. Къ двѣнадцати вернись. Да... все, что я приказалъ, ты сдѣлалъ... тамъ, въ квартирѣ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, теперь все чисто.

Дождь превратился въ ливень. Несмотря на сильную усталость, Бураевъ пошелъ къ Глаголеву: тянуло на люди.

Х.

Нижне-Садовая, или, по-старому, Глухая, въ рѣдкихъ фонаряхъ, спала. У старой церкви Спаса-на-Канавкѣ, подъ горой, стучала сонно колотушка. Домъ учителя былъ двухъ-этажный, за гвоздянымъ заборомъ. Пришлось зво-

ниться. Выбѣжалъ хозяинъ съ папирской, забормоталъ несвязно, зажигая спички въ вѣтрѣ:

— Вы?! Какъ я радъ, глазамъ не вѣрю... А у насъ скандалъ такой..!

— Скандаль?.. — оторопѣлъ Бураевъ.

— Да не безпокойтесь... въ переносномъ смыслѣ, скандаль-то... а такъ-то тихо. Что и дѣлать не знаю, все народъ солидный... Проходите вотъ по дощечкамъ, я посвѣчу... чортовы спички дѣлаютъ!.. Съ горки натекаетъ, знаете... Какъ я радъ... главное, народъ-то ранній все, укладливый, а тутъ скандаль...

— Въ чемъ дѣло, какой же, собственно, скандаль? — спрашивалъ Бураевъ, въ лужѣ. — Да у васъ озеро!..

— Глина... натекаетъ. И батюшка покойный все мучился... Сюда, посуше... — торопилъ Глаголевъ. — Крушеніе произошло, какъ, знаете, нарочно. Ъздилъ встрѣчать на станцію... Выбрались? вотъ, свѣчу... Тьфу, вотъ они розовыя-то спички!.. Милый капитанъ, сю-да! — кричалъ Глаголевъ, шлепая по лужѣ. — Крушеніе! Въ Томкахъ вагоны оторвались, поѣздъ задержанъ на полтора часа! Неизвѣстно только, не оторвался ли Гулдобинъ? Если въ переднихъ, такъ... Если не оторвался, непременно будетъ... завтра ему рано надо въ Нижній, сколько пересадокъ...

«Очумѣлъ онъ, что ли?» — раздумывалъ Бураевъ, — «ужъ итти ли?..»

— Ради Бога, ужъ не уходите!.. — молилъ Глаголевъ, словно угадавши мысли. — Все-таки гостей хоть нѣсколько подбодрить. Собственно, не гостей, а... почтеннѣйшіе люди раскачались, сдвинулись во-имя, такъ сказать, національнаго... и Кущеринъ, библиофилъ нашъ, по стариннымъ книгамъ, у него заводъ крахмальный, и староста соборный Буторовъ, лѣсопромышленникъ... кряжи все, сколько усилій стоило да еще подъ воскресенье!.. — общалъ Глаголевъ, ведя Бураева по переходцамъ.

— Вотъ и попалъ къ вамъ, за «пріятнымъ»... угощайте! — шутилъ Бураевъ, возбужденный.

— Сюда, на галерейку. Вы только у меня въ низкѣ бывали, въ книгохранилищѣ... прошу. Нашего мудреца увидите, Илью Акинфыча. Огородникъ...

— Огородниковъ? Не слыхалъ такого.

— Огородникъ, Балуновъ. Во все Зарѣчье огороды. Съ Ключевскимъ переписывался! Помните — «Мрежи рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря»? Вотъ такого сорта.

— Да у васъ чудесно! Какъ вышивки... Воображаю, днемъ..!

На тускломъ свѣтѣ уличнаго фонаря вся галерея мерцала переливами мельчайшихъ разноцвѣтныхъ стеколъ.

— Это мой батюшка покойный, по образцамъ-съ. Это вотъ «новгородское шитье», а тамъ Поморье, и дальше все. Днемъ залюбуешься, что тамъ европейскія розетки! Только начинаемъ приступать къ раскопкамъ. Сейчасъ его увидите... Адрианъ Васильичъ Кискинъ, мѣщанскій староста, основатель нашего музея... чего набралъ! Это ужъ наша, коренная интеллигенція, не петербургская. Мало о ней извѣстно-съ. Такихъ-то намъ и надо. А это все гравюры, портреты славныхъ. Батюшка такъ и называлъ: сыны Россіи. Изъ лаптя вышелъ, а вотъ...

Въ ворота застучали, донесся окликъ:

— Эй, доложи тамъ... лошадь за Адрианъ Василичемъ!..

— За Кискинымъ, — сказалъ Глаголевъ, — такая задача.

Бураевъ вошелъ въ прихожую. Противъ двери висѣла старая гравюра — «Москва XVI вѣка». По стѣнѣ стояли кованые сундуки. Висѣли деревянныя рѣзные блюда. На полкахъ красовались солоницы, бураки, ковши. По карнизамъ тянулись вышивки-подзоры.

— А эти... — увидалъ Бураевъ лапти, — тоже рѣдкость?

— Память это. Батюшка берегъ. Такъ, кажется, у Пя-

ста было. Вотъ и онъ, берегъ. Отсюда вышелъ. Плотогономъ былъ. А черезъ полвѣка сталъ почетнымъ челоувѣкомъ, въ городскихъ головахъ сидѣлъ... Прошу покорно. Вотъ, позвольте познакомиться, Степанъ Александровичъ Бураевъ, капитанъ! — крикнулъ Глаголевъ въ залу.

— А какъ же-съ, имѣли удовольствіе... — отозвался кто-то.

Бураевъ узналъ колониальщика Рубкова, въ золотыхъ очкахъ, съ лицомъ профессора: покупалъ, бывало, съ Люси конфеты. Народу было много. Опять звонили: прислали за Кущеринымъ.

— Дольше не могу, ужъ извините... — поднялся важный, въ сюртукѣ, старикъ Кущеринъ, — въ пять встаемъ. Другой разъ ужъ лошадь присылають. Надо бы какъ пораньше, что ли-съ...

— Крушеніе! Не смѣю ужъ задерживать... — повторялъ растерянно Глаголевъ.

Стали подниматься и другіе: козлобородый Кискинъ, Рубковъ, сѣдой, румяный, староста соборный Буторовъ. Буторовъ сказалъ:

— И рады умныхъ людей послушать, да, видно, гѣбе ужъ такое наше... всегда съ призапозданицемъ. Скоро и пѣтушкамъ кричать. Да и къ ранней завтра.

А Бураевъ слышалъ: «эхъ, вы... господа интеллигенты, не сварись съ вами каши! такого пустяка не можете!»

Проводивъ гостей, Глаголевъ уныло сообщилъ собранію:

— Мальчишка съ вокзала прибѣжалъ. Говоритъ, Гулдобинъ остался въ Томкахъ, по телеграфу дано знать на станцію. Теперь онъ прямо проѣдетъ въ Нижній, завтра у него тамъ собраніе, а когда условимся, я предувѣдомлю. А пока ознакомьтесь, господа, съ его брошюрой — «Истинный путь Россіи». Ну, чайку попьемъ... Наденька, что же ты гостей-то оставляешь? — крикнулъ Глаголевъ въ комнаты.

Бураевъ приглядывался съ интересомъ. Длинный, низ-

кій заль напоминалъ ему старинныя палаты, съ залавками, съ горками и поставцами, съ оконцами въ глубокихъ нишахъ, съ печкой въ изразцахъ-узорахъ, съ рѣзнымъ карнизомъ. Передъ стариннымъ Спасомъ теплилась лампада. Висѣли виды Москвы и Кіева, монастырей, соборовъ, старыхъ городищъ. За столомъ, накрытымъ шитой скатертью, сидѣло человѣкъ двѣнадцать. Наденька, единственная дочь Глаголева, была хозяйкой, чинно разливала чай. «Милая какая», — полюбовался на нее Бураевъ, — «сарафанъ надѣнетъ — совсѣмъ боярышня». Очень ему понравилось, когда она спросила, не подымая глазъ:

— Вамъ какъ позволите, всладкую... или будете пить вирикуску?

«Вотъ, цѣлина-то-матушка... словно изъ XVII вѣка вышла!» — подумалъ онъ. — «А глазки, какъ-будто, строгіе».

Онъ любовался свѣжестью ея лица, румянцемъ, гладко причесанной головкой, черною косою въ лентѣ. И думалъ: «какъ она несовременна! рѣдко такихъ смиренницъ встрѣтишь».

Онъ закурилъ. Наденька вскинула рѣсницы, чуть взглянула.

— Пепельница тамъ, — сказала она тихо, поведя глазами къ двери, — чаю я могу подать туда?..

— Простите, можетъ быть за столомъ у васъ не курятъ... — спросилъ Бураевъ. — Разрѣшите?

— Какъ угодно, — сказала она такъ же тихо.

Онъ смѣшался. Ждалъ обыкновеннаго — «пожалуйста, курите», а тутъ — «какъ угодно». И не сталъ курить. Она спокойно продолжала разливать. Подсѣлъ лѣсничій Высокосовъ, знакомый по охотѣ.

— Въ чемъ, собственно, тутъ дѣло... цѣль собранія? — спросилъ Бураевъ.

— Россію ищемъ, — подмигнулъ лѣсничій. — Перейдемъ подальше, а то тутъ... для некурящихъ. Наденька не

любить, еще, пожалуй, забранится. Правда, Надюкъ? Я вѣдь ее такую помню, на рукахъ носилъ. А, правда?

— Правда, — сказала Наденька.

— Что же «правда», — спросилъ Буреавъ, — что Андрей Михайлычъ на рукахъ васъ нашивалъ, это неудивительно, конечно... и я бы, пожалуй, могъ... или «правда», что вы, пожалуй, забранитесь?

— Последнее, — сказала Наденька, не улыбувшись — Это только сегодня исключеніе, а то я никогда не позволяю.

«Вотъ такъ смиренница!» — подумалъ весело Буреавъ.

— О, вы строгая.

— При чемъ тутъ — строгая? Воздухъ долженъ быть чистый въ комнатахъ.

Сказала скромно, не взглянула. Это ему понравилось. Въ профиль она была еще милѣе: совсѣмъ какъ монастырка.

— Ну, мы отойдемъ подальше, чтобы не смущать, — сказалъ Буреавъ, ожидая, что она посмотритъ. Но она не повела рѣсничкой. Они усѣлись на залавкѣ.

— Такъ вотъ какъ... ищите Россію. Въ чемъ же дѣло?

— Чудаковатъ немножко Мокей Васильичъ. Видите стиль-то, — показалъ лѣсничій, — съ папаши. Старикъ былъ, правда, самобытный. И крутой. Внучка въ него характеромъ, цѣльная натура, само-бытка. Сразу ее не разглядите. Вышла изъ гимназіи, хочеть учиться дома... — не по ней! Я ее — Надежда-Правительница величаю. Это вотъ собраніе устроить папаша чуть ли не на колѣняхъ у ней выпрашивалъ. Говорить — глупости! Да и вѣрно. Видѣли, что получилось?

— Однако... — сказалъ Буреавъ, смотря на Наденьку. — Сколько ей, шестнадцать?

— Восемнадцать. Если бы не она, Мокей Васильичъ все бы давно растрясъ съ разными планами своими. То жена-покойница держала, а теперъ вотъ «мать-игуменья». Деньги всѣ у ней, а то бы все на книжечки...

— Ну, а это собраніе? Вѣдь серьезные все люди были. Если знаютъ Глаголева...

Лѣсничій отмахнулся.

— Наши кряжики-то то-же, самъ съ усамъ. По-литики. А вотъ. Мокей нашъ давно готовить трудъ «Русскія основы», томовъ, говорилъ, на пять. Отыскалъ въ Москвѣ союзника, одного молодого историко-философа, самаго этого Гулдобина... говорятъ, будущее свѣтило, громаднѣйшей энергіи. И вотъ они рѣшили создавать новую интеллигенцію. Старая обанкротилась, вывѣтрилась національно, назначеніе свое «выбить національную искру» выполнила, — въ отставку! Вы знаете идею Столыпинской реформы?..

Бураева все это мало интересовало. Но онъ былъ взвинченъ, радостенъ, — куда ни шло!

— Немножко знаю, по газетамъ. Ставка на сильныхъ, кажется...

— Вотъ, это самое: на крѣпкихъ мужиковъ. Выдѣлъ на хутора, развитіе собственничества... Ну, такъ тутъ ставка на національно сильного интеллигента. Гдѣ его найти? Въ нѣдрахъ! Кстати, послѣ 905-го, начался пересмотръ идеологій въ интеллигенціи. Вотъ они и кладутъ «основу». Гулдобинъ ѣздитъ по городамъ, дѣлаетъ, такъ сказать, пробные посѣвы. Народную интеллигенцію, въ самомъ коренномъ смыслѣ, съ перекрестковъ и торжищъ, собираютъ, «самобытъ», не мелкотравчатую только, а, главное, кряжистую, для основы-то... съ національными завѣтами, но не съ тройцей только «самодержавіе, православіе, народность», какъ у славянофиловъ, а съ широкими поправками на современность. Основа — черпать изъ народныхъ нѣдръ. Проекты очень грандіозные... Могущественная печать — посильнѣе «Слова»... съ Сытиними ужъ Гулдобинъ пробовалъ, пока не вышло, огромное «национальное издательство»... много всего. А когда кружочки образуются, двинуть въ дѣло... тогда ужъ вдвинутся въ политику.

— Да, тутъ политика въ основѣ!

— Пока нѣтъ. Мокей хоть и блаженный, а упрямый. И нашего «ястребка», губернатора, заполонилъ, уроки да-етъ его балбесу. Тотъ — полное содѣйствіе. Очевидно, мѣтитъ въ Столыпины. Вотъ они оба и готовятъ обширную записку въ министерство. Сталь Мокей кряжей-то собирать, а они ужъ пронюхали... и заявили. А то бы развѣ струнулись! И уплелись, благо крушеніе случилось, Гулдобинъ оторвался. Сегодня какъ разъ интимная бесѣда предполагалась, съ «крѣпкими».

— И мы съ вами, выходитъ, въ крѣпкіе попали?

— Ну, какой я крѣпкій. Меня-то Мокей знаетъ, наши отцы еще дружили. Не возражаю, хуже-то все равно не будетъ. Интеллигенція въ разбродѣ, не мѣшаетъ и новаго сочку подбавить, только они заносятся... «Миссію» опять давай! А васъ онъ, видимо, облюбовалъ чутьемъ, считаетъ н у ж н ы м ъ... Мокей не глупъ. Видите, народъ! Повыбралъ годныхъ, съ нервомъ. Копнуть у насъ — всего найдется. У меня лѣсники есть... и воры, и святые, и анархисты, и Минины. Матерьялъ найдется на всяку стройку. А у васъ въ ротѣ?..

— Есть удивительные молодцы. У меня въ учебной командѣ были... охъ, какіе! — сказалъ Бураевъ.

— Городъ нашъ я знаю больше сорока лѣтъ, росъ съ мальчишками... Есть и пропали, а есть — и много! — такихъ, что и американцевъ за поясъ заткнуть. Россію надо знать. Здѣсь вотъ, всѣ съ отмѣтиной. Отѣхавшіе.. всѣ въ своемъ родѣ знаменитости, сами въ люди вышли, народъ серьезный, могутъ и дѣло дѣлать, и обмозговать, и жертвовать, коль ихъ зацѣпить за живое. Надо зацѣпить умѣть. Мокею не зацѣпить. Ну, а Гулдобинъ, если по душѣ придется, можетъ и зацѣпить. Если психологъ, какъ Мокей поетъ, да умница, да съ огонькомъ... можетъ наклевать. Да вотъ, попикъ молодой, чернявенькій, все руками сучить? Это отецъ Никандръ, съ Гончарной, такъ и зовутъ «мужицкій батя»... За нимъ и депо, и фабрики. Ве-

деть! Къ Богу ведетъ и къ родинѣ. Всѣ его прихожане, поговорите... — патриоты! Ни одинъ агитаторъ теперь и носа не суетъ. За пять лѣтъ увелъ и въ нѣдра православія, и къ Россіи! Вдовецъ — аскетъ. Ничего не имѣетъ, все отдаетъ. Пробовалъ архіерей его за «протесты» изымать... — помните, тысячная депутація пришла къ собору, требовать архіерея? И подали петицію. А вотъ того лобастаго старика видите... на апостола Петра похожъ, носъ, какъ у Сократа? Это огородникъ Балунувъ... фигура! Изъ такого гѣста Ломоносовы выходятъ. Василій Родіоничъ, папаша-то Мокея, выписалъ его изъ своихъ мѣстъ, подъ Жиздрой. Былъ подпаскомъ. И вотъ, отъ лаптя — чуть ли не миллионеръ. И, увѣряю васъ, ровно никого не грабилъ. Не смотрите, что онъ въ чуйкѣ. Это онъ чудитъ, и изъ гонора. Чуйка его эта стоитъ дороже сюртука со смокингомъ, «аглицкаго королевскаго суконца-съ». У него въ Смоленской свыше двухъ тысячъ десятинъ какого строяка, самъ меня возилъ провѣрить, ладно ли ведется дѣло. Говоритъ — «все у меня съ огурчика!» Зимами «про исторію» читаетъ, лѣтомъ съ зари работаетъ, «по огородцу-съ». Въ Думу выборщикомъ прошелъ самостоятельно, внѣ партій. На депутата предлагали баллотироваться — не захотѣлъ: «въ слѣдующій разъ подвигнусь, говоритъ... вотъ какъ прочитаю про финансы!» И читаетъ, увѣряю васъ. Съ Каблуковымъ переписывался, самъ къ нему ѣздилъ за указаніемъ. Ключевскій ѣзжалъ къ нему, рыбу ловили вмѣстѣ. Переписывался съ нимъ... Это вотъ сила, можетъ Мокея подпереть и за волосы придержитъ. Видите, какъ ему Надежда чай-то подала, ласковая какая! Молится, прямо, на него, на крестнаго. Онъ и Мокея выручилъ, какъ тотъ послѣ жены, тому три года, чуть было въ трубу не вылетѣлъ, съ закладной увязъ. Старикъ-то тоже особый былъ, зналъ Мокея... двѣсти тысячъ положилъ на эту самую «свою Надежду», до совершеннолѣтія ни грошика не трогать, въ Государственномъ Банкѣ, въ золотой рентѣ положилъ, «а ты, го-

ворить, учительствуй, Мокешка, съ тебя хватить... а дочка безъ хлѣба не оставить!» Мокей все бы на книжечки ухлопаль.

— Богатая невѣста!

— Присватайтесь... А вонъ тотъ, въ пиджачкѣ, синяя фантазія, рябой? Это мастеръ изъ депо, Пафомовъ... тоже особенный. Изъ «савловъ», бывшій соціалистъ. Теперь — поговорите съ нимъ... это ужъ, самъ какъ-то доискался, — «русская основа». Друзья съ о. Никандромъ, не разольешь. Крутятъ что-то свое, «ведутъ». И этотъ можетъ подпереть. А рядомъ съ батей — мѣщанинъ Сергѣевъ, лошаадникъ. Этотъ былъ «союзникъ», самый ярый. Въ 905-мъ что вытворялъ!.. Теперь въ «національный соціализмъ» какой-то мѣтитъ, не разберешь.

Къ нимъ подсѣлъ Глаголевъ. Блестя очками и тряся кусточками бородки, — за кусточки прозвали его гимназисты — «Мохъ Васильичъ», — онъ началъ объяснять «идею».

— Я ужъ просвѣтилъ Степана Александровича, — сказалъ лѣсничій. — Говорить, это хорошо — искать Россію... только вотъ не знаетъ, куда она дѣвалась!

— Нѣтъ, серьезно... одобряете?

— Что вамъ мое-то одобреніе... ищите! — посмѣялся и Бураевъ. — Наше дѣло другое... мы, военные, не общественные люди.

— Думаете, что здѣсь политика? Ровно никакой политики! Наша задача новую интеллигенцію создать, національную... чисто просвѣтительныя цѣли-съ. Определить себя... къ Россіи! Что когда-то было достояніемъ русскихъ исключительныхъ умовъ... Хомякова, Аксакова, Самарина, Достоевскаго, Леонтьева... — вонъ всѣ они!.. — показалъ Глаголевъ на портреты, — и что теперь почти забыто, сдѣлать это народнымъ достояніемъ-съ... представить въ уточненной формѣ, близкой и понятной массамъ. Это уже будетъ не «славянофильствомъ»... тутъ звучитъ нѣкая какъ бы насмѣшка... а «русскою основой», символомъ»

вѣры какъ бы... Но не навязывать, какъ плодъ интеллигентской мысли, а вынести на всенародную провѣрку, поднять повыше, — вотъ, пожалуйста, смотрите и рѣшайте! А то вѣдь все подъ спудомъ. Молодое поколѣніе даже и не подозреваетъ, чѣмъ владеетъ. Многое сознательно скрывалось, увѣряю васъ! Скажите по совѣсти, ну, знаете вы сами эти сокровища національной нашей мысли?

— Очень мало знаю... пожалуй, и совсѣмъ не знаю, — сказала Бураевъ.

— Видите?.. Наша задача, между прочимъ, не только это «вскрытіе»... а и обновленіе, и пополненіе. Надо раздражить національный нервъ и дать ему питаніе. Нашъ національный нервъ дремлетъ... или возбужденъ искусственно, какъ-бы сивухою отравленъ, да-съ! Вотъ вамъ. . — шопотомъ заговорилъ Глаголевъ, — хотя бы эти «союзы русскаго народа», «гражданины», «богдановичи»... много всего тамъ, въ Питерѣ!.. Черезъ это чистые національные порывы забрасываются грязью и извращаются. Носитель національныхъ идеаловъ клеймится «передовой» интеллигенціей какъ черносотенецъ, а этого клейма боятся. Наша задача — научить смѣло мыслить, по-русски мыслить и по-русски чувствовать и не бояться исповѣдовать святое, наше. Съ этимъ вы согласны?

— Превосходно. Я всегда такъ думалъ и, когда надо, дѣйствовалъ, — сказалъ Бураевъ.

— Надо, чтобы идея охватила массы, чтобы всѣ были какъ бы въ круговой поруцѣ, какъ бы въ приказѣ у Россіи... чтобы всѣ были, какъ вѣрные ея солдаты!

Слово «солдаты» пріятно тронуло Бураева. Такъ всегда онъ думалъ: всѣ — для Россіи, всѣ — вѣрные ея солдаты.

— Наша цѣль въ томъ, — продолжалъ съ горячностью Глаголевъ, — чтобы найти національныя основы, наши цѣли... иначе мы не нація, которая живетъ и развивается, а пыль, случайность, которая... можетъ и пропасть въ случайномъ!.. Случай — для слѣпыхъ. Пора быть зрячими.

А мы? Соберите десятокъ любыхъ интеллигентовъ и спросите... какая цѣль Россіи? Никто не скажетъ или каждый по-своему отвѣтитъ. Полный разбродъ, какъ на распутьи... топчемся! Нѣтъ національной, вѣщей цѣли. Мозгъ страны — въ разбродѣ. — Чего же спрашивать съ народа!..

— Позвольте... — вмѣшался батюшка, — дополнить. Цѣли не желаютъ видѣть, а она ясна, какъ солнце. Была и есть, только о ней забыли. По наблюденію, которое имѣю, самые честные и культурнѣйшіе люди... былъ я недавно въ Петербургѣ и слушалъ бесѣду въ религиозно-философскомъ обществѣ... лучшіе люди растерялись и въ большой тревогѣ... честнѣйшіе и чуткіе... но хоть и ощупью, а ищутъ. Найдутъ ли? Далеко ищутъ, а оно близко, но... не въ Петербургѣ! По-бо-жьи! — вотъ что. Вотъ она, цѣль Россіи, вѣщая... И она — въ народѣ. Божье зернышко упало на Россію съ неба! У меня въ приходѣ почти пять тысячъ... и даже самый послѣдній, самый блудникъ и грѣшникъ, знаетъ... что? А вотъ что: надо жить по-божьи! Вотъ «основа». Положите во главу угла. Устроить нашу жизнь по-божьи — разъ, и прочіе народы научить сему — два. У другихъ народовъ вы не услышите «по-божьи». Въ богатѣйшихъ и славнѣйшихъ странахъ... что? Тамъ другое. Не по-божьи, а... «какъ мнѣ пріятно» и «какъ мнѣ полезно»! Мнѣ!.. А какъ это пріятное и полезное заполучить? А... «какъ возможно легче и практичнѣй»! Правда, когда еще сказалъ Шеллингъ, что христіанство есть откровеніе Божества въ исторіи! Божество-то открывалось, и не разъ, и будетъ открываться... въ исторіи, а его не могутъ и не желаютъ видѣть. Теперь сугубо не желаютъ. Слишкомъ теперь по-Протагоровски: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей! И мѣряетъ. Помните Манфреда — «и кто всѣхъ больше знаетъ, тѣмъ горше долженъ плакать, убѣдившись, что древо знанія — не древо жизни»! Хоть и тоже давній, а господинъ Штирнеръ пронизалъ-таки всю жизнь, и теперь уже и у насъ, въ массы даже проходить принципъ — «каждый свой собственный богъ, и всѣ про-

тивъ другъ друга, и всѣ со всѣхъ сторонъ противъ Бога!»! А душа народа нашего свое несетъ. Она за, за, за государствомъ видить... цѣль-то! У нашего народа государство въ душѣ-то никогда и не было настоящей цѣлю, а только средствомъ къ высочайшей цѣли, къ Богу! Потому и негосударствененъ, онъ вождей высокихъ ищетъ... И дайте ему — вы-со-кихъ! Идите изъ его — «по-божьи»! А политикой его не взять, если политика во-иня только государства. Его пути на... запредѣлье! Или къ Богу, или ужъ, если поведутъ въ другое запредѣлье... такъ къ дьяволу! Надо выбирать... Наши интеллигенты хотятъ его постричь, притишить, лиджачокъ ему приобрѣсти, въ «культуру» его ввести, чтобы онъ тоже — «какъ мнѣ приятно» и «какъ мнѣ полезно»... А онъ ломаться долго будетъ. Можетъ и обломаютъ, только, вѣдь, радости тутъ мало. Ему... зернышко Христово пало съ неба... вотъ и надо, какъ я понимаю «основы» ваши, набирать духовныхъ воиновъ, въ немъ самомъ... можно и изъ интеллигенціи найти, просѣять... и вотъ на этой-то закваскѣ и ставить тѣсто. Добрый будетъ хлѣбъ!.. Это-то и значить, какъ я разумѣю... искать Россію!..

«Ну, кажется, съ меня довольно», — рѣшилъ Бураевъ и хотѣлъ подняться. Но тутъ вмѣшался огородникъ. Это былъ высокій, очень сильный человекъ, съ пышными съдыми волосами, крѣпкоскулый, похожій на апостола Петра. Въ синей, щеголевато сшитой чуйкѣ, онъ чувствовалъ себя свободно: ходилъ размашисто и подбоченясь, пристукивая каблукками. Бураевъ на него залюбовался: «вотъ такіе бывали атаманы».

— Крестница вотъ моя, Надюша... — кивнулъ онъ къ Наденькѣ, которая сидѣла за столомъ и мыла чашки, — сейчасъ мнѣ говорить: «Кресенькій, что жъ ты не скажешь?» Хозяйку надо слушать, особенно разумную хозяйку... Чашечки перемываетъ, а ничего не забываетъ! И вотъ я скажу. Правильно, батя. Хоть мнѣ и давно пора, въ четыре подымаюсь, но скажу словцо. Будемъ изъ исторіи.

Покуда въ народѣ духъ, онъ живетъ. Какъ духъ его пропалъ — долой со счета. Зернышко Христово въ насъ есть, да плохо прорастаетъ. Мало, чтобы только по-божьи. Моя старуха живетъ по-божьи, а и ей этого мало. Ей обязательно подавай — царство небесное! Она вонъ въ вѣчную жизнь нацѣливается! И дорожку туда ведетъ. Другое. Вонъ у меня ребята даже поютъ: «Наша Матушка-Расея всему свѣту голова!» А мы будто тому не вѣримъ, а? А кака махина-то! Будто и безъ причины? Безъ причины и чирей не садится. Для чего удостоены такого поля? По такому полю и дорога не малая, а прямо тебѣ бо-льшакъ на самый что ни есть край свѣта! А гдѣ поводыри? Идемъ слѣпыми, гдѣ поводыри? Римская Имперія тоже была махина, но свое сдѣлала. Это глупые люди писали раньше — па-де-ніе Римской Имперіи! Не паденіе, а по-бѣда! Изъ такой нивы выросъ такой ко-лось, нашъ Поводырь-Христоръ! И сказалъ: Имперія Моя во весь свѣтъ! И оборотился ко всѣмъ народамъ. И было много званыхъ, мало же избранныхъ. И пришелъ въ концѣ концовъ къ самымъ распослѣднимъ, къ лѣснымъ-полевымъ-водянымъ, отъ моря до моря сущимъ... потому что не пошли на Его зовъ душевно прочіе, а занялись своими дѣлами. А вотъ къ намъ, бездѣльникамъ, все стучится. Ибо есть куда: велики мы, и широки, и глубоки. Но мы все не отворяемъ. Вотъ, послѣднее мѣсто осталось Ему на землѣ. Или отзовемся, и сами въ Царствіе внидемъ, и другихъ приведемъ, или... велитъ вострубить Архангелу, и Судъ начнется. И пойдетъ новая исторія, изъ отсѣва и остатковъ. Вотъ во что надо ударять Россіи. Но только сіе не съ Питера пойдетъ, и не отъ суетныхъ интеллигентовъ, а отъ смиренныхъ и вѣрныхъ установленному отъ вѣка гласу — «во Имя Мое!» Россія-то нужна, но надо, чтобы и духъ въ ней былъ, чтобы знала, зачѣмъ она. А то — такъ разматается безъ пути, какъ прочія. Ну, поѣхаль, и будьте здоровы.

Прощаясь, онъ подошелъ къ Бураеву.

— Извините, господинъ офицеръ, спрошу васъ... вы будете не капитанъ Бураевъ, ...-го полка, по 3-ей ротѣ? Полкъ-то я вижу...

— Да, я Бураевъ. Что вамъ угодно?

— Позвольте-съ пожать вамъ руку. У меня внукъ у васъ въ ротѣ, Кононь Козловъ.

— Да. Исправный унтеръ-офицеръ, хорошій взводный. Что вамъ угодно?

— Да ничего-съ, господинъ капитанъ! — весело сказалъ старикъ, блеснувъ зубами. — О-чень васъ хвалилъ...

Бураевъ засмѣялся.

— Очень радъ.

— И мнѣ вы очень понравились... осанка-то у васъ такая!

Старикъ повелъ плечами и размахнулся — хлопнулъ по рукѣ Бураева, сдавилъ клещами. Оба взглянули другъ на друга и засмѣялись.

— Если что, жучьте его что ни есть строжей, ваше благородіе!

— Не за что пока, — сказалъ, смѣясь, Бураевъ, — а придется, за этимъ не постоимъ. А позвольте, — пошутить Бураевъ, — какъ же это онъ здѣсь въ полку остался? Здѣшнихъ больше въ Варшавскій округъ направляютъ...

— О, какой вы то-нкій, ваше благородіе... — весело мигнулъ старикъ. — Вѣрно, что было бы не по закону... дескать исхлопоталъ, мошенникъ! Только я-то Балунувъ, а онъ Козловъ, внукъ отъ дочки... а она въ Харьковѣ, своя торговля скобяная. Оттолѣ и прислали, какъ угадали, мнѣ на счастье, а вамъ на выучку. А что, ваше благородіе... хорошіе у насъ солдаты?

— Хорошіе, — отвѣтилъ въ тонъ ему Бураевъ.

— Такъ что, если насъ когда били или будутъ бить... солдатъ не виновать, ваше благородіе?

— Ну, конечно.

— Такъ-то, ваше благородіе, и народъ не виновать, я полагаю, что разные тамъ непорядки?

— Ну, конечно! — все такъ же весело сказалъ Бураевъ.

— Всегда такъ думаль-съ. Теперь вы Балунова Илью знаете. И вотъ-съ, какъ Нижне-Садовую минули, за рѣч-кой домъ на горкѣ... Милости прошу ко мнѣ, ежели че побрезгуете, попить чайку съ медкомъ.. Очень вы мнѣ понравились!

Даже отступилъ и приглядѣлся. Бураевъ засмѣялся.

— Очень пріятно. Вы мнѣ тоже.

И опять пожали руки. «Вотъ чудакъ, прилипъ!» — подумаль весело Бураевъ и пошелъ къ Наденькѣ проститься:

— Не очень сердитесь?

— На что? — окинула она глазами.

— Да очень накурили!

Она чуть усмѣхнулась:

— Памятливый вы. Нѣтъ, на васъ тѣмъ болѣе.

— Почему же ко мнѣ такая снисходительность?

— А... крестному понравились... — и она по-дѣтски засмѣялась.

— Вотъ почему... Онъ для васъ большой авторитетъ?

— Очень. Онъ никогда не ошибется въ человѣкѣ. Значить, вы хорошій.

— А какъ вы сами думаете?

— Такъ же, — сказала она серьезно.

— Охъ, не сглазьте! У васъ глаза не черные?

— Нѣтъ. У меня сѣрые глаза, — взглянула она до-вѣрчиво.

— Правда, у васъ... смѣлые глаза.

И засмѣялись оба.

Дождь кончился. Сіяли звѣзды. Бураевъ шелъ счастливый, смотрѣлъ на звѣзды. Свѣжій воздухъ былъ напоенъ сиренью. Бураевъ слышалъ только этотъ запахъ, бѣ-лый. Видѣлъ окно и Антонину съ вѣткой. Сирень уже за-

вяла. Онъ поцѣловаль ее и спряталь. Лю б и т ь!.. — говориль онъ звѣздамъ. Звѣзды говорили — любить.

Сонный Валясикъ доложилъ, что все исполниль. Бураевъ не узналь квартиры. Въ пустынной спальнѣ стояль бывалый гинтеръ. Застональ, когда Бураевъ повалился. Заснулъ онъ сразу.

...Крапаль дождикъ, сумерки сгушались. Въ открытое окно свѣтлѣло небо. Кто-то поглядѣль оттуда. И пропаль. Слышались шаги у дома. Осторожно постучали въ спальню. — «Кто тамъ?» — спросиль Бураевъ, зная, что это женщина. Онъ былъ голый и поспѣшилъ закрыться. Увидалъ, что это старая его шинель, съ войны. Дверь стала тихо отворяться. Женщина вошла неслышно. — «Что вамъ нужно?» — спросиль Бураевъ. Женщина молчала, шла къ нему, неслышно. Онъ поняль, что это Лиза Королькова. только другая, совсѣмъ старуха. Молча посмотрѣла и сѣла рядомъ, очень близко. Стало ужасно непріятно, страшно. Онъ чувствовалъ ее колѣнку, льнущую къ нему. И поняль, что она хочетъ лечь съ нимъ рядомъ. И они легли...

Онъ проснулся отъ ужаса и отвращенія. Какъ наяву, — онъ слышалъ вздохи, поцѣлуи. Онъ вскочиль. Пахло сырой землей, болотомъ. Въ окнѣ сѣрѣль разсвѣтъ. До боли колотилось сердце. Ужасъ и отвращеніе не проходили. Долго онъ сидѣль на гинтерѣ, смотрѣль, какъ разсвѣтало... Засыпая, слышалъ нѣжный, монастырскій перезвонъ.

Разбудиль Валясикъ:

— Ваше высокоблагородіе... ихъ благородіе ротмистръ Удальцовъ приѣхали!

— Что такое?.. Попроси... сейчасъ. Ахъ, новый день! Какъ по тревогѣ, началъ одѣваться.

Ив. Шмелевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Повѣсть о сестрѣ

ПРЕВРАЩЕНІЕ АННЫ -ИВАННЫ

— Катя, ты что тамъ дѣлаешь?

— Ахъ, мамочка, мнѣ некогда, я рождаю сына.

Мать сквозь смѣхъ старается быть серьезной и строгой.

— Иди сюда, разъ я тебя зову. Успѣешь наиграться.

Катя вбѣгаетъ съ куклой и большими ножницами. У куклы настоящіе волосы, но неровно обрѣзаны и торчатъ ключьями. Одна рука куклы безпомощно болтается на ниткѣ.

— Что ты дѣлала?

— Мамочка, я ее стригла, потому что я, мамочка, больше не хочу дочери. У меня дочерей много, и съ ними большая возня, а это будетъ сынъ, и его уже зовутъ Сережей.

— Ты ей обрѣзала волосы, такія хорошія косы?

— Мамочка, нельзя же у сына косы! И мнѣ еще нужно пришить руку на случай сраженья. Онъ у меня очень смѣлый и всѣхъ колотить.

— Ну, Катюкъ, какъ хочешь, а по моему жалко такіе волосы.

— Мнѣ тоже, мамочка, было жалко, но знаешь, ради дѣтей...

— Ну хорошо, иди, играй.

Мать идетъ въ сосѣднюю комнату, вынимаетъ изъ кровати худого младенца, братишку Кати, смотритъ, не мокрый ли, осторожно цѣлуетъ и кормитъ. Онъ сегодня здо-

ровъ и покоенъ, совсѣмъ не питить. Въ креслѣ дремлетъ отъ теплоты ребенка и щекота его губъ и ручекъ. Потомъ она его укладываетъ снова, а возвращаясь мимо дѣтской, видитъ Катюшу, которая бродитъ по комнатѣ съ куклой у груди, притворяясь сонной и усталой. Пошатываясь, Катюша бормочетъ про себя:

— Когда ты уснешь, ну когда ты уснешь, Сережа, это прямо невозможно! Ты все ѣшь, все ѣшь, всю меня съѣлъ, и все-таки не спишь. Я совершенно потеряла ноги.

Мать смѣется: «до чего Катюша все перенимаетъ! Съ нею нужно быть осторожной».

Сережа укладывается въ большую коробку, гдѣ уже спать, держа руки прямо и вытаращивъ глаза, остальные куклы. Чтобы не разбудить ихъ, Катя говоритъ сама съ собой шопотомъ и грозитъ кому то пальцемъ. Затѣмъ, отойдя отъ коробки на цыпочкахъ, она задумчиво останавливается посреди комнаты.

Интересно слушать тишину. Съ улицы ничего не доносится, потому что зима, снѣгъ, да и улица тихая. Совсѣмъ тихо и въ домѣ. На кончикахъ носковъ, такъ, чтобы башмачекъ не скрипнулъ, Катя крадется черезъ комнату къ двери, потомъ въ сосѣдную комнату, гдѣ спитъ братишка.

Входъ сюда безъ мамы, собственно, воспрещенъ, но на цыпочкахъ можно ходить повсюду. Для равновѣсія раскинувъ руки, она добирается до дѣтской кровати и смотритъ, затаивъ дыханіе, на затѣненную щечку и примятый носъ брата. Смотритъ съ удивленіемъ и нѣжностью. Ей хотѣлось бы потрогать брата, чтобы убѣдиться, что онъ настоящій, а не кукла; но этого нельзя, — онъ можетъ проснуться и заплакать.

Отсюда Катя пробирается въ гостиную, садится въ кресло и думаетъ. Теперь ужъ невозможно нарушить тишину и ту торжественность, которою Катя переполнена.

Должно что-нибудь случиться — и тогда можно будет снова играть, болтать и суетиться. И Катя ждет терпѣливо: что случится?

Сегодня Катюша одна; няня и сестра отправлены гулять, а ее мама не отпустила, такъ какъ вчера у нея былъ маленькій жаръ. Правда, теперь она совсѣмъ здорова и отлично могла бы гулять съ ними. Зато время ея не пропало даромъ: у нея родился сынъ Сережа, передѣланный изъ такъ надоѣвшей куклы по имени Анна-Иванна. Вотъ будетъ поражена Лиза, когда вернется съ прогулки!

— Угадай, кто это?

— Это Анна-Иванна.

— Нѣтъ, это Сережа.

— Какой Сережа?

— Мой новый сынъ!

Лиза такъ изумится! Она никогда бы не додумалась. Ея куклы живутъ въ другой коробкѣ, никогда не стригутся, не мѣняются и даже не шалятъ. Всѣ онѣ — дѣвочки, и у всѣхъ голубые банты на платьѣ. Это скучно.

Услыхавъ шаги, Катюша подбираетъ ноги и совсѣмъ вырастаетъ въ кресло. Будетъ чудесно, если ни няня ни Лиза ея не замѣтятъ и пройдутъ мимо! Но выдержать трудно, и Катюша выпрыгиваетъ и бѣжитъ встрѣчать сестру, закутанную въ шубку, съ остатками снѣга на валенкахъ. Няня шикаетъ — дитѣ спать, шумѣть нельзя. Но Катюша съ сестренкой уже склонилась надъ коробкой:

— Угадай, кто это?

— Анна-Иванна.

— Нѣтъ, это Сережа.

— Какой Сережа?

— Мой новый сынъ!

Поразительный моментъ всеобщаго удивленія!

Катюша весело хохочетъ и прыгаетъ на одной ногѣ.

«СТАРЫЙ ДИРЕКТОРЪ»

Вотъ лежитъ и таращитъ глаза старый директоръ. Такое прозванье дано маленькому Костѣ съ первыхъ дней его рожденія — за сморщенную красную рожицу. Назвала его такъ, конечно, Катюша.

Старый директоръ смотритъ на недосягаемую высоту потолка, который есть не что иное, какъ крыша міра. Границы міра теряются въ непостижимыхъ даляхъ тѣнъ. Міръ заполненъ тѣнями и звуками, смыслъ которыхъ непонятенъ и тѣмъ болѣе мучителенъ, что тѣни и звуки еще не раздѣлены и постоянно переходятъ другъ въ друга. Къ числу міровыхъ загадокъ относится и чередованіе голода и сытости, при чемъ сытость является въ образѣ необыкновенно теплой тѣни, заслоняющей сразу весь видимый міръ. Затѣмъ происходитъ провалъ въ вѣчность, — ни тѣней, ни звуковъ, ни мельканья свѣтлыхъ розовыхъ предметовъ, движеніе которыхъ отчасти ужъ подчинено волѣ. Старому директору предстоитъ узнать, что эти странные предметы называются руками, пальцами, кулачками.

По прошествіи длиннаго ряда вѣчностей — проваловъ и новыхъ рожденій — тѣни расцвѣчиваются постоянными красками и уже способны вызывать къ себѣ каждая особое отношеніе. Самая изумительная тѣнь, исключительно полезная и пріятная, есть мать. Другая, терпимая, хотя нѣсколько грубоватая и ненужно-темная тѣнь — нянька. И есть еще одна, заключающаяся въ глазахъ и яркомъ красномъ бантѣ, совсѣмъ бесполезная, но чрезвычайно любопытная; это — Катюша.

Всѣ эти имена и клички еще неизвѣстны старому директору, но самыя явленія уже интересуютъ его по разному. Появленіе матери вызываетъ страстную требовательность, жажду немедленнаго использования ея полезныхъ качествъ. Явленіе няньки, сопряженное съ бульканьемъ ванны и всякими неудобствами, отвлекаетъ вниманіе отъ

важныхъ міровыхъ задачъ къ мелочамъ быта. Рожденіе въ пространствѣ пристальныхъ глазъ и банта Катюши относится къ области эстетики; старый директоръ, раздвинувъ вѣки, вбираетъ всю силу свѣта, болтаетъ ногами и выражаетъ свое удовольствіе особой гримасой, при видѣ которой Катюша говоритъ:

— Мамочка, ну право же онъ смѣется, смотри, мамочка! Онъ всегда со мной смѣется.

— Не гляди на него сбоку, Катюкъ, онъ такъ коситъ глаза.

— Я только немножко.

Мать, няня и дѣвочка относятся къ старому директору снисходительно и покровительственно, а между тѣмъ онъ — лишь предметы изученія, лишь матеріаль для строящагося сознанія. Ихъ существованіе столь же призрачно, какъ и весь остальной міръ, — отъ прутьевъ кровати до безбрежности потолка. Стоитъ закрыть глаза — и ихъ больше нѣтъ. Ихъ бытіе и небытіе чередуется по волѣ стараго директора, который рождаетъ и устраняетъ ихъ однимъ движеніемъ глазъ.

Иногда онъ предпочитаетъ всякому зрѣлищу звукъ собственнаго голоса и слушаетъ раскаты плача, заполнившаго міръ. Мать напрасно думаетъ, что ему больно или онъ страдаетъ: онъ слушаетъ музыку и впервые догадывается, что эта симфонія — произведеніе его собственнаго творчества, что онъ самъ — и оркестръ, и дирижеръ, и композиторъ. Съ неохотой возвращается онъ къ соблазнамъ быта, подкупленный ласковымъ голосомъ или обѣщаньемъ тепла и сытости. Иногда музыка обрывается неожиданно, и это очень мучительно. Но жить вообще не легко — старый директоръ чувствуетъ это съ перваго дня.

Съ каждымъ днемъ глаза его дѣлаются сознательнѣе, а міръ небытія, откуда онъ пришелъ и куда съ такой охотой снова уходилъ въ часы сна, — этотъ міръ, покойный и ясный, все больше забывается. Кромѣ кулачковъ въ его

распоряженіи оказались еще ноги, и въ ваннѣ онъ нарочитъ поймать себя за палець. Мелочи заслоняютъ общее, рѣшеніе основной загадки существованія откладывается, стѣны комнаты и всѣ предметы приближаются, огонекъ свѣчи способенъ увлечь его надолго, а звонкій голосъ Катюши начинаетъ волновать и радовать по настоящему. Кончится это тѣмъ, что интересы новаго міра побѣдятъ, и старый директоръ, бросивъ философію, съ головой уйдетъ въ низкую повседневность. Такова судьба человѣка: вмѣстѣ съ ростомъ тѣла — сниженіе духа.

Быстро мелькаютъ дни. Старый директоръ прибавляется въ вѣсѣ. Онъ и вправду узнаетъ мать, няню, Катю. И, въ знакъ грядущей долгой дружбы, онъ первое слово свое посвящаетъ ей:

— Тя!

Катюша въ восторгѣ. «Тя» — это она, Катя! Съ этого момента старый директоръ переименовывается въ Котика.

БОРЬБА ГИГАНТОВЪ

На дворѣ соорудили снѣговую горку. Кататься приходятъ, кромѣ Кати и Лизочки, портнихина дочка Настя и мальчикъ изъ флигеля Пашка.

Настя однихъ лѣтъ съ Лизочкой и очень съ ней дружить. Настя — существо кроткое, боязливое, совсѣмъ безъ бровей, въ огромныхъ валенкахъ и сѣромъ платкѣ, повязанномъ поверхъ шубки, такъ что концы торчатъ за спиной, какъ пропеллеръ. Что бы ни дѣлала Лизочка — Настя дѣлаетъ то же самое. Лицомъ Настя всегда повернута къ Лизочкѣ, и больше никого не видитъ. Зато, если Насти на дворѣ нѣтъ, Лизочка идетъ къ черному ходу и стучитъ въ лѣвое окно, гдѣ живетъ портниха; тогда Настя немедленно появляется. Съ горки онѣ катаются вдвоемъ на большихъ салазкахъ: Лизочка верхомъ впереди, Настя тоже верхомъ позади. Въ моментъ спуска у обѣихъ на лицахъ радостный ужасъ. Падаютъ онѣ тоже ря-

дышкомъ и молча, послѣ чего Лизочка отряхиваетъ снѣгъ съ шубки, а Настя неотрывно на нее смотритъ. Онѣ никогда ни о чемъ не говорятъ, да и не о чемъ, потому что Лизочка дѣйствуетъ, а Настя повторяетъ ея движенія.

А вотъ Пашка изъ флигеля — истинный разбойникъ и невѣжа. Онъ старше Катюши и, значить, старше всѣхъ. На немъ длинное, на ростъ шитое пальто со свѣтлыми пуговицами, огромная фуражка съ гербомъ и буквами, и всякій знаетъ, что Пашка въ немалыхъ чинахъ: онъ — гимназистъ-приготовишка. На улицу къ мальчикамъ Пашка выходитъ неохотно, потому что тамъ его дразнятъ, называютъ «синей говядиной» и «сальной пуговкой» и хоромъ поютъ ему въ лицо:

Приготовительная вошь,
Куда ползешь?

На дворѣ же Пашка чувствуетъ себя гигантомъ и грозой дѣвченокъ. На него жаловались, но это не помогаетъ. Едва Пашка замѣтитъ въ окно дѣвочекъ, какъ немедленно является съ санками (у него санки высокія, обитыя желѣзомъ) и начинаетъ всѣхъ притѣснять. Дѣвочки не успѣютъ хорошенько усѣсться на санки, — а онъ ихъ сталкиваетъ, такъ что санки летятъ бокомъ, и дѣвочки падаютъ. Затѣмъ онъ садится на свои, издаетъ боевой кличъ, скатывается и наровитъ по дорогѣ задѣть. Пашка гордился тѣмъ, что умѣетъ скатываться съ горки безъ санокъ, стоя на ногахъ; но эту спесь Катя съ него сбила, потому что тоже скатилась и удержалась на ногахъ. Съ тѣхъ поръ они враги.

Сегодня Пашка неистовствуетъ: кричитъ, толкается, совсѣмъ не даетъ кататься. Дѣвочки попробовали выждать, пока ему надоѣстъ таскать на горку санки, — но Пашка неутомимъ. Онъ придумалъ новую штуку: ложится на санки ничкомъ и ѣдетъ внизъ головой, да еще что то поетъ.

Наконецъ Катя сказала дѣвочкамъ: «пойдемте». Пашка увидалъ, забрался впередъ на горку, будто бы хочетъ

скатиться, а самъ выждалъ, пока поднялась Катюша, ухватилъ ее за полу шубки, толкнулъ свои санки — и Катюша полетѣла за нимъ кубаремъ.

И вотъ тутъ Лиза и Настя увидали сверху горки изумительное происшествіе.

Скатившись съ горки, Катюша живо вскочила на ноги и бросилась на Пашку, — а ему только этого и надо. Пашка отпрыгнулъ, сталъ въ боевую позу и заоралъ:

— А ну, тронь! Вотъ я тебя расколочу! Я васъ всѣхъ, дѣвчонокъ, въ дребезги!

И вдругъ дѣвочки увидали, что Катюша не только не струсилла, а по настоящему вцѣпилась въ Пашку. Онъ хотѣлъ дать ей подножку, но Катюша догадалась, сама толкнула его въ бокъ, и Пашка, запутавшись въ длинномъ пальто, упалъ носомъ въ снѣгъ. Моментально Катюша оказалась у него на спинѣ, подхватила его фуражку и стала бить его козырькомъ по затылку. Пашка пытался освободиться, — но куда тамъ! Катюша одной рукой вцѣпилась ему въ волосы, а другой напихала ему за шиворотъ столько снѣгу, что дѣвочки смотрѣли, раскрывъ ротъ, въ ужасъ и восхищеньи.

И это было еще не все. Пашка заоралъ, потомъ захныкалъ, а Катюша успѣла подтащить его санки, навалила ихъ на него и сѣла сверху. Такого униженья еще никогда ни одинъ приговоришка не испытывалъ отъ женщины. Теперь Пашка былъ побѣжденъ окончательно и навсегда.

Посидѣвъ, Катюша медленно слѣзла и отошла отъ Пашки, не сказавъ ни слова. Мѣховая шапочка выползла у нея изъ-подъ башлыка, одна перчатка осталась въ снѣгу, — но вся фигура Катюши дышала величіемъ побѣды. Если бы не валенки, — она пошла бы обратно на цыпочкахъ, какъ во всѣ важные моменты жизни. Вся въ снѣгу, съ красными щеками и прерывистымъ дыханіемъ, Катюша чувствовала себя Давидомъ, побѣдившимъ Голиафа. Дворъ, горка, флигель — все стало маленькимъ и ничтож-

нымъ. Самымъ ничтожнымъ былъ поверженный въ прахъ ея, Катюши, руками, всеобщій деспотъ Пашка - пригото-вишка.

Полежавъ въ снѣгу и поревѣвъ для приличія, Пашка забралъ свои санки и заковылялъ домой. Очевидно о новомъ нападеніи и о мести онъ не могъ и думать; снѣгъ за шиворотомъ, въ волосахъ, въ ушахъ, во рту охладилъ его воинственность; и еще было больно отъ санокъ, на которыхъ сидѣла Катюша.

Когда борьба гигантовъ закончилась такой несомнѣнной побѣдой справедливой стороны, Лизочка и Настя рѣшили не терять времени. Теперь онѣ усаживались на санки спокойно, съ удобствами, скатывались солидно, по прямой линіи, не падали и вставали разомъ.

Катюша, отдышавшись, рѣшила тоже использовать побѣду. Въ полной увѣренности, что Пашка смотритъ въ окно, она аккуратно поставила санки наверху снѣжной горки, легла ничкомъ, оттолкнулась и съѣхала внизъ головой съ меньшимъ искусствомъ, чѣмъ дѣлалъ это Пашка, и при томъ безъ всякаго фанфаронства, почти равнодушно. Съ тѣмъ же равнодушіемъ она встала внизу и, не оглядываясь на флигель, пошла поставить свои санки въ сарайчикъ.

Конечно — это было немножко жестоко: добивать побѣжденнаго. Но и стоилъ этого противникъ Кати, самоувѣренный деспотъ въ высокомъ чинѣ пригото-вишки!

Во всякомъ случаѣ сегодня кататься съ горки Катюши больше не хотѣлось.

ЛАРИСА СИГИЗМУНДОВНА

У мамы была съ визитомъ нарядная дама Лариса Сигизмундовна. Лариса - - легко, а Си-гиз-мундовна — очень трудно выговорить. Когда она ушла, то и мама, и няня, и всѣ говорили:

— Какая она красавица, и какъ замѣчательно одѣвается!

Катя тоже очарована красотой Ларисы Сигизмундовны, особенно ея высокой прической, на которую колпачкомъ надѣта маленькая дамская шляпа, а на шляпѣ четыре вишни на стебелькахъ и радужная птичка. Носъ у Ларисы Сигизмундовны бѣлый, острый и съ горбикомъ, щеки тоже совершенно бѣлыя, а на подбородкѣ ямка. На рукахъ у нея длинныя перчатки (такъ въ нихъ и въ комнатахъ сидѣла), а юбка длиннущая и шумитъ, потому что шелковая. И сзади турнюръ, на которомъ могли бы сидѣть рядкомъ двѣ большія куклы.

Огромное впечатлѣніе! Когда Катюша взволнована, она ходитъ на цыпочкахъ. Вотъ сейчасъ она очень взволнована, пробралась тихонько въ мамину спальню и взлѣзла на стулъ передъ зеркаломъ.

Волосы Катюша взбила и подвязала наверху ленточкой: дѣло простое. На плечахъ не безъ усилія подтянула платье, чтобы получились буфы, хоть и не совсѣмъ такіе. А дальше?

Дальше идетъ носъ — можно ли жить съ такимъ носомъ! Кончикъ его тупъ и блеститъ, точно его нарочно натерли воскомъ. Тамъ, гдѣ у дамы горбикъ, у Катюши вродѣ ложбинки. Но хуже всего щеки: пухлыя, розовыя, какой то ужасъ. Ямочекъ на нихъ сколько угодно, а вотъ на подбородкѣ, гдѣ нужно, какъ разъ нѣтъ ни одной.

Катя беретъ съ туалета палочку и пытается продолбить ямку у себя на подбородкѣ. Нажметъ палочку — есть ямка, а уберетъ палочку — остается только красное пятно. А ножницами проковырять страшно и больно.

Съ прижатой палочкой, Катюша немного опускаетъ рѣсницы (чтобы все-таки видѣть себя въ зеркалѣ), отводитъ голову вбокъ и говоритъ чуточку въ носъ:

-- Ахъ, столица такъ утомляетъ...

Столицей называется, если не жить все время дома, а куда то ѣздить.

Катюша при этомъ подергиваетъ плечомъ — и буфъ

исчезаетъ. И вообще плохо выходитъ. Поправивъ платье, она пробуетъ еще разъ, кстати покрививъ и губы:

— Ахъ, столица такъ утомляетъ...

Ничего не выходитъ; мѣшаетъ палочка, а ужъ носъ, этотъ маленькій, толстый, безобразный носъ! И эти красныя яблоки на щекахъ! Ну, еще разъ:

— Ахъ, столица такъ утомляетъ...

Ясно, что Катюша -- уродецъ. И останется уродисемъ, хотя бы надѣли на нее шляпу и длинную юбку.

Подпершись кулачкомъ, Катюша съ ненавистью глядитъ на свое отраженье. Даже кукла Анна-Иванна, ставшая теперь сыномъ, была красивѣе Катюши. И обезьяна красивѣе. Вотъ горе то!

Тутъ ужъ слезъ удержать нельзя. Онѣ катятся крупными каплями и затекаютъ прямо въ носъ, который становится еще безобразнѣе. Отраженіе въ зеркалѣ дрожитъ и туманится, и теперь все лицо покрылось ямами, а ротъ до ушей. Вотъ когда пришло оно, настоящее горе!

Чувствуя гибель, Катюша пытается спасти себя крайними мѣрами, хотя руки ей уже не служатъ, и особенно мѣшаютъ слезы. У Ларисы Сигизмундовны черныя брови дугой, а у Катюши -- узенькія ниточки. На маминомъ туалетѣ, который давно и хорошо изученъ, лежитъ въ коробкѣ обожженная пробка; мама немножко-немножко подводитъ этой пробкой брови. Катюша быстро нашариваетъ рукой пробку и, всхлипывая, мажетъ надъ глазами. Но рожица мокрая, и черное сползаетъ съ бровей на носъ. Теперь Катюша такой уродъ, что и няня испугается. Теперь она похожа на черта, и никакого возврата нѣтъ.

— Что ты тутъ возишься, Катюкъ?

Маминъ голосъ. Все кончено! Къ горю прибавляется страшный позоръ. Но возврата все равно нѣтъ, жизнь Катюши навсегда разбита. Въ такомъ положеніи естественно не бѣжать отъ мамы, а наоборотъ --- уцѣпиться за нее и погибнуть подъ ея ласковымъ крыломъ.

— Да что съ тобой, дѣвочка, о чемъ ты плачешь?

Мокролицая, перемазанная, съ подвязаннымъ на затылкѣ хохолкомъ, Катюша не помнитъ и не знаетъ другихъ словъ. Рыдая, она выкрикиваетъ мамѣ непонятное:

— Ахъ... ахъ... столица такъ... мамочка, столица такъ утомля-я-еть...

Мама не смѣется. Мама — сама женщина, и понимаетъ, что тутъ смѣяться нельзя.

Мама вытираетъ Катюшино лицо мокрымъ полотенцемъ и уводитъ ее въ дѣтскую. Тамъ она ее причесываетъ, цѣлуетъ, утѣшаетъ. Потомъ она будетъ съ ней долго разговаривать, по взрослому. И тогда горе можетъ быть смягчится, а можетъ быть и совсѣмъ пройдетъ.

ВСТУПАЕМЪ ВЪ ЖИЗНЬ

Окно въ дѣтской прямо противъ двери. Въ свѣтлый день комната кажется фонарикомъ, но посередкѣ не свѣчка горитъ, а стоитъ дѣвочка, и волосы ея — какъ вѣнчикъ у святого. По росту, это словно бы Катюша, — но это не она, а Лиза.

Если, напримѣръ, вы не были въ своемъ саду двѣ недѣли, а потомъ спустились туда съ рѣзного крылечка — и смотрите: газонъ поднялся, выравнялся и зацвѣлъ макомъ, на клумбахъ не узнать прежнихъ настурцій, а душистый горошекъ тянется и шевелитъ тройными цѣпкими усиками. Совсѣмъ иная картина, все выросло и зацвѣло.

За пять прошедшихъ лѣтъ Лиза стала такой, какой была Катюша; а Котикъ, бывший старый директоръ, тоже почувствовалъ себя большимъ человѣкомъ. Онъ уже не топчетъ ножками, а ходитъ, какъ ходятъ всѣ, лишь немного подпрыгивая отъ рѣзвости. Кстати, онъ знаетъ всѣ буквы и можетъ что угодно прочитать. Онъ теперь такой, какъ была Лиза.

А Катюша — это уже не травка и не кустарникъ. Она — маленькое деревцо, березка съ лѣсной опушки. Катю-

шѣ двѣнадцать лѣтъ, она давно покончила съ географіей Янчевскаго и ариѳметикой Евтушевскаго. Просто и привычно звучать въ ея устахъ такія слова, какъ «уравненіе съ двумя неизвѣстными»; ей совсѣмъ близко знакомы Александръ Македонскій, Фридрихъ Великій и даже Мервинги. Не моргнувъ глазомъ, она говоритъ:

— Лютеръ ввелъ въ Германіи лютеранство.

Пальцы Катюши всегда перемазаны чернилами. Это восхищаетъ Костю. Чтобы хоть немного походить на Катюшу, Костя балуется съ ея чернильницей, мочить въ ней пальцы, любитъ на свои руки и не замѣчаетъ, что вымазаль и носъ. Костинъ носъ нянька долго отмываетъ мыломъ и оттираетъ полотенцемъ, и носъ становится краснымъ, какъ у дворника.

Собственно говоря — мужчинѣ на шестомъ году это довольно стыдно.

Костя бѣлокуръ, шелковолосъ, а костюмчикъ на немъ изъ фланели, съ двумя складками спереди и четырьмя на спинѣ. На груди карманчикъ, и былъ бы въ немъ собственный Костинъ носовой платокъ съ мѣткой, если бы постоянно не терялся. Видъ у Кости не очень мужественный, — но вѣдь онъ еще и не совсѣмъ мужчина.

Когда Костѣ было три года (счастливая, но уже прошедшая пора!), онъ впервые испыталъ чувство любви. Изъ флигеля приходила на дворъ дѣвочка, Пашкина сестра, Костина ровесница. Встрѣтившись, они стояли другъ противъ друга и смотрѣли; Костя смотрѣлъ на ея необычайно маленькій носъ, будто пуговка отъ ботинокъ, а она смотрѣла на платокъ въ костиномъ боковомъ карманѣ. Затѣмъ они брались за руки и гуляли молча и очень степенно, стараясь ступать въ ногу.

Это былъ настоящій романъ. Если Костя не собирался жениться на сосѣдской дѣвочкѣ, то только потому, что семейная жизнь представлялась ему нелѣпой безъ няньки, которой онъ уже и сдѣлалъ предложеніе. Было даже рѣшено, что въ день свадьбы Костя съѣстъ цѣлый арбузъ

съ косточками. Нянька въ общемъ соглашалась, но предупредила о возможныхъ послѣдствіяхъ:

— Брюхо то и заболить!

На пятомъ году жизни Костя испыталъ первую катастрофу - - изъ-за проклятой игорной страсти. Онъ игралъ на дворѣ съ мальчишками въ бабки и однажды проигралъ сразу двѣнадцать гнѣздъ и налитой свинцомъ битокъ, — все, что у него было. Проигравшись въ пухъ и прахъ, Костя почувствовалъ, какъ небо снизилось и придавило его. Въ груди Кости образовалась пустота. Отыгаться было не на что — двѣнадцать гнѣздъ стоили три копѣйки. Полная безнадежность и острый стыдъ пораженія. Костя весь день бродилъ съ похудѣвшимъ лицомъ, плохо ѣлъ, а ночью видѣлъ во снѣ двѣнадцать гнѣздъ и свинчатку.

.....

Что это, — рассказъ взрослыхъ про то, какъ Костя былъ маленькимъ, или начало воспоминаній самого Кости? Двойной романъ могъ быть рассказомъ, — но нельзя взять да рассказать скверное ощущеніе игрока, промотавшаго все состояніе!

Костя подходитъ къ каминному зеркалу и смотритъ на свое отраженіе: лицо въ морщинахъ, сѣдые виски, бритый подбородокъ, теплый синій халатъ. Что осталось отъ мальчика Кости, какимъ нарисовало его солнце на карточкѣ въ семейномъ альбомѣ?

— Помнишь, Костя, какъ ты маленькимъ непременно хотѣлъ быть извощикомъ или почтальономъ? А помнишь, какъ ты упалъ на лѣстницѣ и расшибъ лобъ? У тебя и сейчасъ виденъ рубчикъ.

Какъ знать, что сохранила своя память и что взято изъ устнаго семейнаго архива? Что подлинно было — и что присказано легендой старшихъ?

Отъ каминнаго зеркала я возвращаюсь къ столу, гдѣ листы большого блокнота отрываются одинъ за другимъ и понемногу образуютъ рукопись воспоминаній о женщинѣ былыхъ временъ, о Катѣ, моей любимой сестрѣ,

лучшемъ и единственномъ другѢ моихъ дѣтскихъ и студенческихъ лѣтъ. О той, какую она была или какой мнѣ казалась; о моей настоящей сестрѢ — или о созданной воображеніемъ.

И если окажется, что у автора этихъ любовныхъ строкъ никогда не было ни сестеръ, ни семьи, ни благоуханнаго дѣтства, что всю жизнь свою онъ жилъ образами созданными, наперекоръ судьбѢ, его обидѣвшей, — неужели же осудить его за это равнодушный слушатель?

ВЪ ЧУЛАНѢ

Мое первое собственное отчетливое воспоминаніе о любимой сестрѢ связано съ преступленіемъ и наказаніемъ.

Я совершилъ преступленіе, и должно быть тяжкое, хотя я его и не помню. Только въ совершенно крайнихъ случаяхъ неповиновенія и каприза моя мать прибѣгала къ высшей мѣрѢ соціальной защиты — къ чулану. Даже странно, чѣмъ могъ я заслужить такую кару.

Насколько помню себя, я не былъ въ дѣтствѢ ни большимъ шалуномъ, ни озорникомъ, ни революціонеромъ. Былъ мальчикомъ нѣжнымъ, чувствительнымъ, безхарактернымъ, способнымъ и женственнымъ; любилъ красную смородину, ласку и книжки. Впрочемъ, всматриваясь въ свои дѣтскіе портреты, мы всѢ склонны видѣть себя въ прошломъ ангелочками, утратившими святость къ годамъ зрѣлости. А какъ быть съ проигрышемъ двѣнадцати гнѣздъ бабокъ и съ потерей битка, налитого свинцемъ? Не за эту ли раннюю игорную страсть посадила меня мама въ чуланъ? Если да, то вотъ лишнее подтвержденіе бесполезности исправительныхъ наказаній: я на всю жизнь остался азартнымъ игрокомъ; мало того — считаю азартъ благороднѣйшей страстью, возвышающей человѣческую душу.

Однимъ словомъ — меня посадили въ чуланъ. Чуланъ

былъ отличный, теплый, просторный. Въ немъ стоялъ большой сундукъ, на которомъ можно съ удобствомъ расположиться, а на сундукъ положено одѣяло, чтобы сидѣть было мягче. А чтобы не было мнѣ, маленькому, страшно, со мной посадили Катюшу, мою старшую сестру, — ей было тогда уже лѣтъ двѣнадцать. Мы съ ней сидѣли на сундукѣ и плакали.

Я плакалъ не отъ страха, а отъ горькой обиды. Взрослые всегда несправедливы и жестоки, даже отцы и матери, даже лучшіе изъ отцовъ и матерей. Если я виноватъ — накажите, но не оскорбляйте, не унижайте человѣческаго достоинства. А чуланъ считался величайшимъ позоромъ и оскорбленіемъ. Поэтому я ревѣлъ во весь голосъ, чтобы этотъ единственно доступный мнѣ способъ протеста былъ извѣстенъ всему дому и вызвалъ раскаяніе матери.

Сестра плакала, кажется, потому, что ей въ чуланѣ было страшно (она боялась темноты), а главное — ей было непонятно, почему она должна дѣлать со мной наказаніе. А можетъ быть ей было жалко меня, утѣшить же не было никакой возможности: я рвался и билъ по сундуку башмаками.

Сквозь ревъ я слышалъ, какъ гулко захлопнулась дверь въ комнату, гдѣ былъ чуланъ. Это означало, что мама раскаянья не выражаетъ и не хочетъ слышать моихъ неистовыхъ рыданій. Теперь освободить меня могло только время. Не дѣйствуетъ открытый протестъ — подѣйствуетъ жалость. И я присмирѣлъ, приготовившись быть несчастнымъ страдальцемъ.

Въ темнотѣ тишина родитъ жуть. Въ чуланѣ могли быть мыши. Всего безопаснѣе было прижаться поближе къ сестрѣ и держаться за ея рукавъ. Такъ мы и сидѣли, тихо всхлипывая и прислушиваясь, не раздадутся ли шаги матери.

Думаю, что именно тогда и родились между нами бли-

зость и взаимное пониманіе, позже спаявшія насъ крѣпкими узами нерушимой дружбы.

Когда протекла вѣчность — не менѣе четверти часа — задвижка чулана щелкнула и спокойный голосъ матери сказалъ:

— Катюша, выведи этого мальчику.

У меня было свое имя — Костя. Въ минуты ласки меня звали Котикомъ. Но сейчасъ я былъ только этимъ мальчикумъ, безымяннымъ, преступнымъ, нераскааннымъ. Это могло бы стать поводомъ для новыхъ горькихъ слезъ, если бы Катюша, обнявъ меня и подтолкнувъ къ двери, не прошептала на ухо:

— Пойдемъ, Котикъ. Ты не плачь, мама больше не сердится.

Мы вышли, щурясь на свѣтъ опухшими глазами. Мамы въ комнатѣ не было; вѣроятно ей было стыдно. Все еще держась за Катюшу, я пошелъ за ней въ дѣтскую, гдѣ она уложила меня на постель, погладила по головѣ и поцѣловала. Въ этотъ моментъ моей настоящей мамой, доброй и понимающей, была Катюша. Когда она уходила, я съ новой родившейся во мнѣ нѣжностью посмотрѣлъ на ея косичку, свисавшую до полспины и украшенную лентой.

Потомъ изъ сосѣдней комнаты до меня донесся громкій и убѣдительный шопотъ Катюши, по нѣскольку разъ повторявшей:

— Замысливъ расширить предѣлы своихъ владѣній за счетъ второстепенныхъ... за счетъ второстепенныхъ удѣльныхъ князей, великій князь московскій... великій князь московскій предпринялъ походъ...

КУМИРЪ

Годъ моего рожденія былъ въ семьѣ траурнымъ: осенью умеръ отецъ. Такъ я и росъ — единственнымъ мужчиной въ домѣ: мать, двѣ сестры, нянька, всѣхъ насъ выходив-

шая, и кухарка Саватьевна, женщина характера деспотическаго, но умѣвшая дѣлать даже слоеное тѣсто.

Нашъ маленькій мірокъ не дѣлился на взрослыхъ и дѣтей. Няньку, напримѣръ, никакъ нельзя было причислить ко взрослымъ; она была очень стара, но все же принадлежала къ міру дѣтскому, - жила нашими интересами, знала по именамъ сестриныхъ куколъ, говорила дѣтскимъ нашимъ языкомъ, была участницей нашихъ игръ и нашихъ тайнъ. Саватьевна жила и царила въ кухнѣ, на всѣхъ ворчала, особенно въ субботній базарный день, но, въ сущности, настоящимъ авторитетомъ не пользовалась; ее только побаивались. Взрослой была только мать, и какъ то совсѣмъ нечаянно взрослой стала Катя.

Случилось это, кажется, тогда, когда Катѣ на рождество сшили длинное платье, не такое длинное, какъ у мамы, но все-таки. Всѣ это платье на Катѣ разсматривали, и она стояла посреди комнаты въ большомъ смущеніи. Я ждалъ, что вотъ Катя сдѣлаетъ шагъ и запутается ногами въ юбку. Няня же сказала:

— Таперича — совсѣмъ невѣста наша Катенька.

Платье носилось по праздникамъ, а въ будни Катя ходила въ прежнемъ, коричневомъ съ чернымъ фартукомъ. Но теперь и въ немъ она оставалась взрослой. Послѣ длиннаго казалось, что не это, старое, стало короче, а Катины ноги стали длинше.

И еще случилось однажды, что почтенный и пожилой господинъ, пришедшій навѣстить маму, поднялся съ кресла, когда вошла Катя, и, здороваясь съ нею, стукнулъ каблукомъ о каблукъ. Меня это очень поразило, и мое уваженіе къ Катѣ еще повысилось. Уйдя въ дѣтскую, я долго расшаркивался тамъ передъ умывальникомъ, стуча ногами и кивая головой, и, по моему, выходило хорошо. А когда то же я продѣлалъ передъ нянькой, она сказала:

— Нечего тебѣ, Костенька, передо мной, старухой, танцы танцевать. Сидѣлъ бы лучше, да клеилъ картинки.

Когда у насъ бывали гости, я старался держаться ближе

къ старшей сестрѣ, подчеркивая нашу съ ней дружбу. Когда она что-нибудь говорила, я смотрѣлъ ей въ ротъ, потомъ переводилъ глаза на слушавшихъ, чтобы видѣть, какое она на нихъ произвела впечатлѣніе. Все, что она говорила и дѣлала, я считалъ какъ бы сказаннымъ и сдѣланнымъ мною самимъ. Когда ее хвалили, я краснѣлъ отъ удовольствія, точно это относилось и ко мнѣ. Ластиться къ ней было моей потребностью, и Катя, которой я, вѣроятно, очень надоѣдалъ, переносила мои пристаиванья съ изумительной кротостью.

Къ Лизѣ, второй сестрѣ, хотя она была почти на пять лѣтъ меня старше, я относился нѣсколько свысока; дружба съ Катей возвышала меня надъ Лизой. Лизу гладили по головѣ и говорили съ ней покровительственно, а передъ Катей почтенный господинъ щелкалъ каблуками. Выбора для меня не могло быть.

И еще объ одномъ я догадывался, отчасти подслушавъ разговоры, отчасти полагаясь и на собственный вкусъ: о томъ, что наша Катюша лучше всѣхъ, что она очень красивая. Была у нея черная коса, и на бѣломъ лицѣ черныя глаза и тонкія брови. Среди другихъ Катя казалась особенно чистолицей, яркой и сіяющей. Нельзя было этого не замѣтить. И голосъ ея казался мнѣ самымъ звонкимъ, и походка — самой смѣлой. Когда же Катя, задумавшись о важныхъ своихъ дѣлахъ, проходила по комнатѣ на цыночкахъ, — эта привычка осталась у нея на всю жизнь — я замиралъ отъ благоговѣнія.

Когда я очень ей надоѣдалъ, она говорила мнѣ:

— Подожди, Котикъ, мнѣ нужно заниматься.

Она садилась за книжки, читала губами, а лѣвой рукой крутила быстро-быстро прядку волосъ на вискѣ. Это она готовила уроки. Вынимала тетрадку и писала въ ней, согнувъ уголкою указательный палецъ, а иногда водила по губамъ кончикомъ языка. Это тоже казалось мнѣ очень почтеннымъ и замѣчательнымъ, и я невольно подражалъ всѣмъ ея жестамъ: трепалъ волосы и водилъ по губамъ

языкомъ. Но идеаль — одно, а подражанье — другое. До Кати было мнѣ, какъ до неба.

Когда Кати не было дома, жизнь становилась обыкновенной и будничной. Я гулялъ на дворѣ, рисовалъ, рѣзалъ перочиннымъ ножикомъ столъ, разбиралъ колесики и винтики стараго будильника, отданнаго въ мое распоряженіе, читалъ книжку «Робинзонъ въ русскомъ лѣсу» и занимался съ мамой ариѳметикой. Черезъ полтора года предстояло и мнѣ поступить въ гимназію; я уже былъ къ ней подготовленъ, мѣшали только малые мои года. Было мнѣ немножко досадно, что когда я стану гимназистомъ — Катя уже окончитъ гимназію; а то бы мы по утрамъ уходили съ ней вмѣстѣ. Теперь придется ходить только съ Лизой.

Когда сестра возвращалась изъ гимназіи, я выбѣгалъ въ переднюю и смотрѣлъ, какъ она снимаетъ шубку и торопится къ себѣ въ комнату умыться передъ обѣдомъ. Съ нею возвращалось въ домъ оживленіе, мама улыбалась, нянька шлепала туфлями, Саватьевна гремѣла посудой. Отъ Катиной шубки пахло свѣжестью и снѣгомъ.

А за обѣдомъ Катя рассказывала мамѣ про подругъ, про учителей, и все такъ интересно. Ихъ имена и прозвища я зналъ отлично, и жизнь сестры мнѣ казалась полной и праздничной, какой ни у кого больше быть не могло.

А можетъ быть и правда — это былъ лучшій періодъ жизни моей милой сестры, съ которой я вскорѣ долженъ былъ разстаться до новой встрѣчи совсѣмъ въ иной обстановкѣ, сложной, трудной и порой бессмысленной. Если бы можно было говорить жизни: «остановись!» — и она бы останавливалась, или бы можно было возвращаться къ возрасту, въ прошломъ лучшему, какъ возвращаются къ родному берегу изъ напраснаго дальняго странствія, — я бы изъ многихъ пережитыхъ счастлихъ выбралъ счастье быть ребенкомъ и смотрѣть на міръ еще безбровыми глазами, молиться въ домашней кумирнѣ домашнимъ богамъ, имѣть впереди все, ничего не достигая, и строить испанскій замокъ мечтаній изъ обгорѣлыхъ спичекъ и пустыхъ

аптекарскихъ коробочекъ. Если бы это было можно, — я отказался бы даже отъ лучшаго, что сейчасъ имѣю — отъ моихъ воспоминаній.

СУДЬБА

Вечеръ. Мамы дома нѣтъ.

По вечерамъ уютнѣе всего въ столовой. Тамъ большая висячая керосиновая лампа надъ столомъ, покрытымъ темной ковровой скатертью.

Сидимъ всѣ: Катя съ книжкой — только она не очень внимательно читаетъ. Лиза рисуетъ букетъ цвѣтовъ, въ которомъ каждый цвѣтокъ очень правильно расположенъ, каждый лепестокъ похожъ на всѣ остальные, и если справа двѣ маргаритки, то и слѣва двѣ маргаритки, а ленточка точно сейчасъ проглажена; у Лизы все всегда выходитъ аккуратнымъ, приличнымъ и скучнымъ. Мнѣ дали циркуль и бумагу; вся бумага перемазана кружками, и теперь я протыкаю ее ножкой циркуля и смотрю, что получается на свѣтъ. Нянька съ необыкновеннымъ искусствомъ штопаетъ пятку чулка, ею же когда то связаннаго. Въ комнатѣ тихо, и время проходитъ мимо насъ, тикая маятникомъ.

Сколько лѣтъ нашей нянѣ? Пожалуй — много ей лѣтъ, совсѣмъ сгорбилась няня!

Она приподымается и тянется рукой къ лампѣ — свѣту прибавить. Катюша отрывается отъ книги.

— Сиди, сиди, няня, я прибавлю.

— Спасибо, Катенька. Темно мнѣ, глаза мои старые.

Катя смотритъ на пламя лампы и, думая о своемъ, спрашиваетъ:

— Няня, а тебѣ сколько лѣтъ?

— Лѣтъ то сколько? А кто ихъ знаетъ, Катенька. Въ прошедшемъ году барыня считали, и будто выходило семьдесятъ восемь — семьдесятъ девятый. Это въ прошедшемъ году лѣтомъ. Стало быть нынче въ январѣ бу-

детъ семьдесятъ ли девять, либо всѣ восемь десятковъ. Вотъ мнѣ годовъ сколько, много годовъ.

Катя смотритъ теперь на няню внимательно, точно въ первый разъ видитъ ея морщины и прядь сѣдыхъ волосъ, выбившуюся изъ-подъ платка. Платокъ няня никогда не снимаетъ, и никто ея простоволосой не видалъ.

— Ты долго жила, няня! Много видѣла!

Няня соглашается:

— До-о-олго живу! У насъ въ роду всѣ подолгу жили. Пора бы и помирать мнѣ, Катенька. Вотъ только хочу повидать, какъ ты замужъ выйдешь.

— А можетъ быть, няня, я совсѣмъ не выйду замужъ.

— Какъ же можно! Ты дѣвушка красивая, здоровая, въ дѣвкахъ не засидишься. Вотъ только дай гимназью кончишь.

Катя смотритъ на нянинъ платокъ и старается представить себѣ двѣ картины. Вотъ она, Катя, сидитъ въ дѣвкахъ и на всѣхъ сердится; мимо ходятъ люди, веселые, разговариваютъ, а она сидитъ неподвижно въ дѣвкахъ и молчитъ. Или — вотъ она замужемъ, пьетъ чай въ такой же столовой, а рядомъ мужъ мѣшаетъ въ стаканѣ ложечкой и ѣстъ печенье. Но представить себѣ мужа Катя никакъ не можетъ.

— Няня, а ты погадай мнѣ, выйду ли я замужъ.

— Да вѣдь што мое гаданье. Можетъ правда выйдеть, а можетъ и такъ, понапрасному.

— Погадай, няня.

У няни въ ея чуланчикѣ лежатъ на полкѣ карты въ желѣзной коробкѣ. Этими картами она гадаеть уже лѣтъ двадцать и мѣнять ихъ не хочетъ, такъ къ нимъ привыкла. Карты согнуты и почернѣли. У дамы бубень усы, у короля червей уголь обрѣзанъ до уха. Катюша знаетъ, что она — дама трефъ.

Дама трефъ ложится посерединѣ, и на сердце у нея закрытая карта — безъ угла. Няня слюнить пальцы — безъ

этого карту отъ карты не разлѣпить. Налѣво — дорога, направо — деньги.

— Ну, няня, что выходитъ?

— А чему тутъ выходить? Дурного ничего нѣту, все благополучно. То ли куда уѣдешь, то ли тутъ будешь жить съ достаткомъ. А надо быть дорога, всѣ три шестерки. Вонъ семерка виной — это тяжелыя хлопоты, да можетъ она потомъ уйдетъ.

Карточныя масти няня зоветъ по-старинному: «буби, вѣи, крести».

На сердцѣ оказался король червей. Но няня не увѣрена.

— Это кто, няня, суженый?

— Надо быть суженый, только человѣкъ пожилой.

— Старикъ?

— Зачѣмъ старикъ. Можетъ и не старый человѣкъ, а съ положеніемъ, въ годахъ, не лоботрясъ какой. И изъ себя бѣлокуръ.

— Ну, и что же, няня?

— А развѣ я знаю! Можетъ и замужъ за него пойдешь. За почтеннаго человѣка и лучше, не будетъ съ его стороны никакихъ шалостейъ.

— Это какія шалости, няня?

— Всякія бываютъ, если человѣкъ невѣрный. Жена дома сидитъ, а онъ мотается.

— Какъ, няня, мотается?

— А такъ и мотается, что все бѣгаетъ.

— По гостямъ?

— По гостямъ, да по трактирамъ, кто ихъ знаетъ.

— Я такого не хочу, няня.

— Кому жъ такого надобно, какая съ имъ жизнь!

Опять выходитъ дорога и письмо. Катя на минуту задумывается. Ѣдетъ она на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ, пишетъ письма мамѣ, нянѣ, подругамъ. И сидитъ рядомъ съ ней кто-то, неизвѣстно кто, дергаетъ за руку, заглядываетъ, мѣшаетъ писать.

Няня гаданьемъ недовольна: много черныхъ картъ, виной и крестей, окружили даму. Одна надежда — уйдуть. Но какъ разъ ушла вся сердечная масть, остались хлопоты, да тузъ и десятка бубей. Деньги будутъ, а любви особой не видно, даромъ что легъ король прямо дамѣ на сердце. Мало хорошаго.

— Ну, няня?

— А что жъ няня? Какая твоя няня гадальщица? Карта, она ляжетъ, какъ ее положить, вѣрить ей тоже нечего. Другой разъ другое выйдетъ.

— А сейчасъ нехорошо вышло?

— Особо плохого ничего нѣтъ. Зачѣмъ плохое. Ну и хорошаго особенно нѣтъ. Богатство — это хорошо. Хоть и не въ деньгахъ счастье, а и безъ денегъ не проживешь.

— А замужъ выйду?

— А какъ же не выйдешь? И безъ карты выйдешь, и по картѣ такъ.

— А счастлива буду, няня?

Туть нянька сердится:

— Счастье, милая, самъ себѣ человекъ дѣлаетъ. Люби мужа — вотъ тебѣ и счастье. Съ неба оно не свалится, счастье. И все это гаданье выходитъ — одна глупость.

— Ты картамъ не вѣришь, няня?

— Чего имъ вѣрить, я и такъ знаю, безъ картъ.

И правда: восемьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ проживши — какъ же не знать нянѣ, въ чемъ счастье и какъ его добываютъ! И сама была замужемъ — въ свое время досыта наплакалась. Въ деревнѣ, гдѣ жила няня молодой, про счастье такъ говаривали: «Счастье да трястье на кого нападеть». А то еще сами на себя плакались: «Таковъ нашъ рокъ, что вилами въ бокъ».

— Главное дѣло, Катенька, чтобы за большимъ не гнаться, малаго не пропустить. Кому какая доля выпадетъ. Кто другого жалѣетъ, тому и жить легче. А бояться нечего — отъ судьбы не убѣжишь.

Няня охаеетъ, несетъ коробку съ картами обратно въ

свой чуланчикъ. Лиза раскрашиваетъ зеленымъ, краснымъ и желтымъ третій букетъ цвѣтовъ — всѣ три одинаковы: по двѣ маргаритки справа, по двѣ слѣва; и только ленточки разнаго цвѣта. Я доломалъ до донца графитикъ въ циркуль. Катя снова склонилась надъ книгой; смотритъ она не на страницу, а на рисунокъ скатерти — но и его не видитъ. Задумалась Катя.

Звонокъ въ передней: мама вернулась.

КАТЯ ЧТО ТО ПРИДУМАЛА

Съ утра у насъ въ домѣ волненье и суета. Мама звенитъ ключами, няня стучитъ ящиками шкаповъ и комодовъ, часто вбѣгаетъ Саватьевна что нибудь показать, а то вызываетъ маму въ кухню.

Мнѣ все это любопытно, но меня совсѣмъ затолкали: — Костенька, да не вертись ты подъ ногами!

Примѣчательно, что передъ обѣденнымъ часомъ мнѣ дали хлѣба съ ветчиной и стаканъ молока: значитъ обѣдъ будетъ поздно. Извѣстно также, что къ обѣду будутъ гости: изъ буфета вымѣзло все столовое серебро, а изъ магазина принесли нѣсколько бутылокъ вина. Вино у насъ бываетъ только на Пасху, — значитъ сегодня день совсѣмъ особенный.

Онъ и вправду особенный. И вообще въ послѣдніе дни происходитъ что то не очень понятное. Катя, напримѣръ, все время ходитъ на цыпочкахъ, и къ ней нѣтъ приступу. О чемъ ее ни спросишь — она отвѣчаетъ разсѣянно, а то и совсѣмъ не отвѣтитъ. И мама постоянно останавливается:

— Костя, не надоѣдай Катюшѣ. Иди и играй или почитай что нибудь.

Мама все шепчется то съ няней, то съ Катей, а то ходитъ съ заплаканными глазами. Что то случилось, и по видимому съ Катюшей: всѣ на нее смотрятъ, вздыхаютъ, качаютъ головой.

Кое о чемъ я, впрочемъ, догадываюсь, такъ какъ слышала странный разговоръ между мамой и няней:

— Чего же убиваться, барыня, чай по своей волѣ идетъ.

— Няня, да вѣдь она совсѣмъ дѣвочка, ничего не понимаетъ.

— Чего жъ тутъ и понимать то, тутъ и понимать не надобно.

— Можетъ быть она его и не любитъ.

— А не любить — полюбить, барыня, наука не хитрая.

— Вѣдь на всю жизнь, нянюшка!

— Это конечно.

— Подождать бы годъ-другой.

— А чего ждать, барыня? Она то подождетъ, а ему ждать невозможно, онъ человѣкъ въ годахъ и съ состояніемъ. Этакій сразу другую себѣ найдетъ.

— Богъ съ нимъ, съ состояніемъ.

— Какъ же можно, барыня! Съ деньгами все легче жить, чѣмъ безъ достатка, особенно, коли человѣкъ почтенный.

— Не знаю, нянюшка, какъ то все внезапно вышло. Ужъ очень скоро.

— Такъ то и лучше. Никто дѣвушку не неволить, самой пріятно, и подружкамъ завидно.

Говорили, конечно, про Катюшу, которая что то придумала, а мама не знаетъ, хорошо ли Катюша сдѣлала.

Сестра только что окончила гимназію. Ей шель семнадцатый годъ, и я считалъ, что она уже довольно старая, конечно не такая, какъ мама и няня. Любовь моя къ сестрѣ отъ этого не уменьшилась. Катюша была, по моему, замѣчательная, и я не удивился, что она придумала что то такое, чего даже мама не ожидала.

Человѣкъ, про котораго говорили, что онъ очень почтенный и съ состояніемъ, былъ, конечно, бѣлокурый инженеръ Евгеній Карловичъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ

сталъ часто у насъ бывать. Но онъ былъ человѣкъ посторонній, недавній знакомый, и мнѣ не сразу пришло въ голову, что Катя задумала на немъ жениться; женятся то, кажется, только на самыхъ лучшихъ знакомыхъ. Катюша разговаривала съ нимъ очень мало, а только смотрѣла. И онъ больше разговаривалъ съ мамой, а иногда шутилъ со мной.

И однако въ этотъ день за обѣдомъ Катю посадили рядомъ съ инженеромъ, и всѣ на нихъ смотрѣли. Потомъ стали пить вино, налили и мнѣ совсѣмъ на донышко стакана, а послѣ индюшки всталъ мой крестный отецъ, Аркадій Петровичъ, поцѣловался съ мамой, потомъ поцѣловалъ Катюшу — и тогда всѣ стали поздравлять Катюшу и инженера. И я замѣтилъ, что Катюша очень испугалась, чуть не заплакала, а инженеръ доволенъ. Только тутъ я окончательно понялъ, что Катюша все-таки рѣшила жениться. Собственно я думалъ, что она тутъ же за обѣдомъ и женилась, и только послѣ няня мнѣ объяснила, что это была только помолвка.

— Свадьба, Костенька, по осени будетъ, послѣ Петрова дня.

— А какъ, няня?

— А такъ, что обведетъ попь трижды вокругъ налож — вотъ тебѣ и прощай наша Катюша.

Моя дѣтская память — чувствительная и непреложная пластинка — сохранила лицо Катюши въ эти дни: немножко вытянутое, удивленное и торжественное. Сестра, раньше такая веселая, жизнерадостная, теперь молчаливо бродила по комнатамъ, точно прислушиваясь. Когда съ ней заговаривали, она удивленно улыбалась, осторожно смѣялась и не знала, какъ ей держаться.

Теперь я знаю: она и впрямь была удивлена. Внезапно въ ея жизни произошло огромное событіе: пришелъ человѣкъ и увѣренно положилъ ей руку на неопытную дѣтскую головку; человѣкъ большой, взрослый, самостоятельный, который всѣмъ нравился, и ей нравился, и пе-

редь которымъ всё какъ будто заискивали. Когда онъ появлялся — всё обращались къ нему, и никто ему не возражалъ. Онъ былъ очень милъ, привлекателенъ, любезенъ, но главное — онъ былъ выше и лучше всѣхъ, кого знала Катя. И этотъ человѣкъ выдѣлилъ ее, Катюшу, изъ всѣхъ людей и предложилъ ей дѣлать съ нимъ всю остальную жизнь.

Она была слишкомъ юна, моя милая сестренка, чтобы полюбить сознательно. Она была поражена. Она невольно внушала себѣ чувство, назвавъ его -- на дѣтскомъ своемъ языкѣ — любовью. Но я знаю теперь, что она отдавала себя этому незнакомому инженеру изъ чувства удивленія, почтительнаго восторга передъ его силой и зрелостью, можетъ быть изъ чувства присущей ей вѣжливости и уваженія къ взрослымъ.

Ея чувство мнѣ тѣмъ болѣе понятно, что оно передалось и мнѣ. Со дня помолвки я благоговѣлъ передъ женихомъ сестры. Онъ казался мнѣ великимъ и единственнымъ, образцомъ и примѣромъ для подражанія.

У него были волнистые бѣлокурые волосы, — и я считалъ, что каждый уважающій себя мужчина долженъ имѣть такіе. Я даже спросилъ его, почему волосы вьются. Онъ отвѣтилъ, что нужно ихъ мазать керосиномъ и долго трепать по утрамъ. Няня отняла у меня керосинъ, но зато я трепалъ свои плоскіе волосы съ такимъ усердіемъ, что потомъ ихъ трудно было расчесывать. Надо мной смѣялись, — но я не пересталъ вѣрить каждому слову инженера и подражать ему во всемъ. Такъ онъ иногда вмѣсто «да» говорилъ «дэ-съ!» — и я немедленно перенялъ это и на всякій вопросъ отвѣчалъ важно «дэ-съ!»

Я обожалъ его безкорыстно, — хотя онъ осыпалъ насъ, и меня, и Лизу, и няню, и маму и, конечно, Катюшу подарками. Я получилъ отъ него настоящее монтекристо и наборъ столярныхъ инструментовъ. Онъ приносилъ и присылалъ столько шоколадныхъ конфетъ, что я даже сталъ

къ нимъ равнодушенъ. Мама укоряла его за то, что онъ насъ балуетъ.

Со стыдомъ вспоминаю, что онъ сталъ для меня тогда чѣмъ-то даже большимъ, чѣмъ Катюша; и правда, она казалась передъ нимъ маленькой дѣвочкой, которую съ этихъ поръ онъ будетъ защищать и воспитывать.

Мама говорила Евгению Карловичу:

— Знаете, Костя въ васъ влюбленъ.

Онъ смѣялся, а я краснѣлъ отъ смущенія и удовольствія. Я дѣйствительно былъ влюбленъ. Какъ я могъ не быть влюбленнымъ въ того, въ кого влюблена Катя? И я не ревновалъ его къ сестрѣ, — я просто дѣлилъ ея чувство и считалъ себя ихъ общимъ вѣрнопопечителемъ.

Въ это примѣчательное время инженеръ бывалъ у насъ почти каждый день; только на три недѣли онъ уѣзжалъ въ Москву. Говорили, что онъ тамъ открываетъ свое дѣло и что свою службу на уральскихъ заводахъ онъ оставилъ. Вѣроятно и Катя, когда выйдетъ замужъ, переселится въ Москву.

Въ моемъ дѣтскомъ поклоненіи извѣстную роль играло и то, что Евгений Карловичъ былъ родомъ датчанинъ. Это тоже казалось мнѣ замѣчательнымъ: до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть датчанина, и только изъ учебника Янчевскаго я зналъ, что есть такая страна — Данія, маленькая и съ трехъ сторонъ окруженная моремъ. А тутъ — настоящій, живой датчанинъ, да еще инженеръ, да еще женихъ Катюши, — мудрено ли потерять голову!

ОНА, ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, ЖЕНИЛАСЬ

По вечерамъ засиживались поздно, а меня отсылали спать въ десять часовъ.

Моя комната была рядомъ со спальней матери, — маленькая, но отдѣльная; раньше она служила кабинетомъ отца.

Изъ столовой раздаются голоса: тихій — матери, звон-

кій и молодой — Кати, мужской и увѣренный — Евгения Карловича. Иногда онъ долго говоритъ, можетъ быть опять рассказываетъ про охоту на Уралѣ, и тогда мнѣ хочется скинуть одѣяло и, крадучись, подбѣжать къ дверямъ столовой.

Помню, какъ въ часъ моего перваго, еще чуткаго сна вошли въ мою комнату Катя и ея женихъ. При слабомъ свѣтѣ лампадки я все же видѣлъ ихъ лица. Они сѣли на стулья противъ моей кровати — будто бы пришли взглянуть, какъ мирно спитъ Костя. Но если бы и вправду смотрѣли, то замѣтили бы, что Костя въ дремотѣ ихъ видитъ.

Они не разговаривали. Инженеръ смотрѣлъ на Катю, и я въ первый разъ замѣтилъ, что подъ бѣлокурными усами у него большой ротъ; отъ тѣней лампадки ротъ казался даже огромнымъ и неприятнымъ. Катя, совсѣмъ при немъ маленькая, — хотя она была не ниже его ростомъ, — сидѣла повернувшись къ нему, но наклонивъ голову; сна показалась мнѣ смущенной. Еще видѣлъ я сквозь сонъ, какъ Евгений Карловичъ сначала гладилъ ея руку, а потомъ хотѣлъ ее обнять, но Катя отстранилась и тихонько сказала: «нѣтъ, не надо!» И тогда ротъ инженера сталъ меньше и углы его опустились. Какъ я ни былъ малъ, но все же догадался, что инженеру хочется поцѣловать Катю, а ей этого не хочется. Потому, вѣроятно, онъ и завелъ ее въ мою комнату, будто бы посмотрѣть на меня. Мнѣ стало немножко стыдно, я закрылъ глаза и сейчасъ же заснулъ.

Жизнь наша продолжала быть интересной. У меня прибыло много книжекъ, большинство съ описаніемъ звѣрей и рассказами про охоту. У Лизы стоялъ на столѣ настоящій письменный приборъ, который она ежедневно протирала суконной тряпочкой. Саватьевна выбѣгала изъ кухни въ переднюю подать инженеру шубу и потомъ что то прятала въ кулакѣ. Каждый день приходила къ намъ бѣлошвейка и шила до темноты, и еще при-

ходила портниха примѣрять платья: дорожное, визитное, а ко дню свадьбы и бѣлое подвѣчное, при примѣркѣ котораго присутствовали всѣ, — и мама, и няня, и Саватьевна, и Лиза, и, конечно, я.

Катя спала теперь вмѣстѣ съ мамой въ ея спальнѣ, рядомъ съ моей комнатою, и часто, проснувшись ночью, я слышалъ ихъ полушопотъ: это мама учила Катю жить замужемъ. Я засыпалъ, — а онѣ еще шептались.

День свадьбы сестры какъ то слился въ моей памяти съ другими суетливыми и праздничными днями. Знаю, что мнѣ было поручено положить въ бѣлую атласную Катюшину туфельку золотую монету, и что я ѣхалъ въ церковь впереди всѣхъ съ иконой. Помню, какъ рассказывали, что Катя не захотѣла первой вступить на розовый шелкъ, а подождала, пока вступить инженеръ, — нянѣ это не понравилось. И еще помню, какъ, по прїѣздѣ изъ церкви, мы пили шампанское; дѣйствительно «мы», потому что дали полный бокалъ и мнѣ, отчего я совершенно опьянѣлъ. Можетъ быть поэтому меня не взяли на пароходъ провожать молодыхъ.

Они уѣхали не на долго, только прокатиться по Камѣ и по Волгѣ. Ихъ квартира была готова — у насъ же во флигелѣ, изъ котораго за мѣсяць передъ этимъ выѣхала Пашкина семья. Во флигель привезли большой рояль, много новой мебели. Было рѣшено, что Катя съ мужемъ еще около года проживуть въ нашемъ городѣ — и лишь потомъ уѣдутъ въ Москву.

На новую жизнь сестры я смотрѣлъ, какъ на очень интересную и вполне замѣчательную ея выдумку. Въ головѣ моей не зарождалось мысли, что это — не Катюшино интересное приключеніе, а что это такъ уже и будетъ всегда, что Катюша изъ нашей семейной жизни ушла, что уже нѣтъ у насъ Катюши, что только временно она еще бываетъ у насъ, а потомъ уйдетъ въ какую-то, совсѣмъ не нашу, неизвѣстность. Теперь у нея была своя квартира и своя прислуга, — это тоже было занимательно и любопыт-

но. Въ Катюшиной новой квартирѣ жилъ Евгений Карловичъ, что было очень пріятно, такъ какъ у него было много ружей, медвѣжьей шкуры, рога и совсѣмъ какъ живая голова волка надъ дверью кабинета. Но я бы не очень удивился, если бы Евгений Карловичъ уѣхалъ, а Катюша вернулась въ свою прежнюю комнату, и мы бы вспоминали, какъ было интересно при Евгении Карловичѣ и какъ жаль, что онъ уѣхалъ. Она была все таки нашей, а онъ былъ чужимъ челоѡкомъ, хотъ и очень пріятнымъ. Вотъ только жаль, что Катюша все равно не будетъ больше ходить въ гимназію.

По нянькиному выходило, что Катюша теперь — «отрѣзанный ломоть», но я этого какъ то не усваивалъ. Хотъ и отрѣзанный, а приставъ его — онъ и прирастетъ. И тогда Катюша снова будетъ носить короткое платьѣ, пѣть, читать по вечерамъ въ столовой книжку и разливать чай, когда мамы нѣтъ дома. И все будетъ попрежнему, какъ и быть должно. Потому что Катюша и была я осталась нашей.

Я — ДЯДЯ

Были двѣ Кати: Катя-барыня и Катя-прежняя. Первая жила во флигелѣ, занималась хозяйствомъ, принимала гостей, играла на роялѣ и ходила подъ ручку съ мужемъ въ дамской шляпѣ, въ платьѣ съ турнюромъ и въ перчаткахъ. Она была очень красива и привѣтлива и была совсѣмъ взрослой.

Другая Катя, прежняя, прибѣгала къ намъ, когда ея мужъ уѣзжалъ по дѣламъ. Это случалось постоянно: то онъ ѣздилъ на уральскіе заводы, гдѣ не всѣ его дѣла были закончены, то на охоту, то на цѣлый мѣсяць въ Москву. При его долгихъ отлучкахъ Катя совсѣмъ переселялась къ намъ и спала, какъ прежде, съ мамой. Въ домѣ у насъ становилось веселѣе. Катя надѣвала короткое платьѣ, старое гимназическое, заплетала косу, тормошила няню, цѣ-

довала маму, училась со мной въ саду стрѣлять въ цѣль изъ монтекристо и цѣлый день напѣвала. Когда матери было некогда, Катя занималась со мной ариѳметикой — готовила къ поступленію въ гимназію.

Было очевиднымъ, что Катя опять что то придумала: теперь она, подъ маминымъ руководствомъ, шила и подрубала какія то тряпочки, рубашечки, одѣяльца, какъ бы для очень большой куклы. Ее это очень забавляло, мама же относилась къ этому съ большой серьезностью. По ночамъ онѣ опять шептались въ спальнѣ, а однажды Катюша спросила меня:

— Котикъ, ты хочешь быть важнымъ?

— Какимъ важнымъ?

— Ну, напримѣръ, ты станешь дядей.

— Какимъ дядей?

— Если у меня будетъ сынъ, ты будешь его дядей.

Меня это очень поразило: я не совсѣмъ былъ готовъ къ роли дяди. Но Катя говорила такъ серьезно, что я постарался представить себѣ такой случай. Вотъ я — дядя. Катинъ сынъ, ужасно маленькій, подходитъ ко мнѣ и говоритъ пискляво:

— Здляствуй, дядя!

Я отвѣчаю снисходительно, но ласково:

— Здравствуй, мой милый.

— Мозьно мнѣ поиграть?

— Да, только не очень шали.

Онъ идетъ играть, а я задумчиво беру книгу и вздыхаю.

Выходило почтенно. И впервые я почувствовалъ, что становлюсь пожилымъ и солиднымъ человѣкомъ.

Однажды, когда Лиза была въ гимназіи, я услыхалъ въ ея комнатѣ тихій и оживленный разговоръ. Говорилъ голосъ Кати, и никто ей не отвѣчалъ. Я подкрался къ двери и заглянулъ.

Катя, съ длинной косою въ свѣтломъ платьѣ сидѣла на Лизиной кровати, окруженная куклами. Самую боль-

шую — ту, которая открывала и закрывала глаза — Катя держала на рукахъ, прилаживая ей какой то бантикъ. И я услыхаль, какъ она сердитымъ шопотомъ говорила:

— Ахъ, тебѣ не нравится, тебѣ не нравится красный? Очень жаль, очень жаль, но другого нѣтъ. Пока походи съ такимъ, а потомъ мама купить тебѣ голубенькій. Да ну же, не вертись!

Одновременно за моей спиной раздался голосъ матери:

— Ты что тутъ, Котикъ, подсматриваешь? Что тебѣ интересно?

— Я смотрю, какъ Катя играетъ въ куклы.

Мама вошла въ комнату, а Катюша быстро собрала куколь и швырнула ихъ въ коробку. Покраснѣвъ, она сердито залепетала:

— Какія глупости, Костя, я просто смотрѣла, какой у Лизы безпорядокъ, все помято. Какъ странно, мама, вѣдь Лиза вообще такая аккуратная!

Мама пробормотала что-то, вродѣ «да, съ ней бываетъ», повернулась и вышла. Но я замѣтилъ, какъ у нея запрыгали губы отъ смѣха, который она старалась сдержать.

Катюша продолжала сидѣть на кровати, и я не понималъ, почему она смущена и на меня злится. Я не видѣлъ ничего дурного въ томъ, что она играетъ въ куклы, — она и раньше часто играла, и съ Лизой и одна.

Потомъ Катюша надула губы, ушла въ гостиную, сѣла въ кресло и стала читать книжку. Мнѣ очень хотѣлось съ ней помириться, но я не зналъ, какъ это сдѣлать. Когда вошла мама, Катя подперла голову кулаками и стала читать еще внимательнѣе. Мама погладила ее по головѣ:

— Ахъ ты, моя бѣдная дѣвочка!

Катя отбросила книжку и прижалась къ мамѣ, и тогда мама, все еще смѣясь, сказала:

— Ну чего же ты смущаешься? Вотъ погоди — будешь играть въ живую куколку.

— Мамочка, я вовсе не играла, а только примѣряла бантикъ, онъ откололся. Костя вѣчно все выдумываетъ.

Мнѣ этотъ разговоръ показался довольно обиднымъ; но мнѣ стало жаль Кати, и я не возражалъ. Женщинамъ приходится прощать, даже когда онѣ не правы. Въ особенности — любимымъ женщинамъ. А я очень любилъ сестру, — въ домѣ нашемъ она была солнышкомъ, которое всѣхъ грѣло и ласкало.

.....

Катя давно уже носила широкой и длинный капотъ, перестала прыгать, а по лѣстницѣ спускалась, держась за перила. Она стала торжественнѣе и старше.

Въ послѣдніе дни мама иногда ночевала у Кати во флигелѣ. Телеграфировали инженеру, который опять былъ въ Москвѣ, и ждали, что онъ со дня на день пріѣдетъ. Но кажется онъ опоздалъ ко дню новой суеты.

Этотъ день суеты я хорошо помню. Не каждому удастся стать дядей въ девять лѣтъ и, конечно, это не менѣе почтенно, чѣмъ въ тридцать пять лѣтъ стать отцомъ.

Не только мама и няня, но и Саватьевна почти все время проводили у Кати во флигелѣ. Пріѣхалъ нашъ старый докторъ Винокуровъ, лѣчившій и меня отъ кори, — и его проводили во флигель. Саватьевна носилась по двору, изъ дома въ домъ, широко размахивая руками. Намъ съ Лизой, вмѣсто обѣда, дали холодной телятины, молока и вчерашняго киселя. Лиза съ полнымъ спокойствіемъ и сознаніемъ долга учила свои уроки, хотя вѣдь и ей предстояло стать теткой. Я же сильно волновался и старался войти въ новую роль.

Прежде всего я прибралъ свою комнату. Монтекристо, лобзикъ для выпиливанья и столярные инструменты я развѣсилъ надъ кроватью; книги въ полномъ порядкѣ, по росту, отъ большой къ маленькой, разставилъ на полкѣ, несерьезныя игрушки заперъ въ шкафъ, — врядъ ли

онѣ могли понадобится чловѣку въ званіи дяди. Въ перерывахъ я ходилъ по комнатамъ большими шагами, заложивъ руки за спину; иногда останавливался и говорилъ: «дэ-съ!» Затѣмъ я подписывалъ свою фамилію на листѣ бумаги, стараясь, чтобы росчеркъ былъ простымъ, солиднымъ и красивымъ, а главное — всегда одинаковымъ.

Эти дѣловыя хлопоты заняли весь день. Вечеромъ мама забѣжала только на минутку, велѣла мнѣ ложиться спать, поцѣловала и опять ушла къ Катѣ. Къ ночи вернулась няня и, укладываясь, долго охала. Но и ночью было слышно, какъ хлопаетъ кухонная дверь, ведущая во дворъ.

Утромъ разбудила няня:

— Вставать пора, Костенька. Въ домѣ радость, а ты спишь.

— Какая радость, няня?

— А такая радость, что у Катеньки сынокъ родился.

— Няня, а какъ его зовутъ?

— А еще никакъ не зовутъ. Потомъ назовутъ, успѣется. Весь въ мамашу, здоровый. Вотъ ты и дяденькой стань, а Лизанька тетей.

Да, такого дня не забудешь. Мама пришла насъ поцѣловать; она была веселой, но глаза заплаканы. Она тоже поздравила меня съ новымъ моимъ званіемъ.

Въ этотъ день я часто подходилъ къ большому зеркалу и смотрѣлъ на себя. Несомнѣнно, во мнѣ произошла какая то важная перемѣна: лицо увѣреннѣе и какъ бы равнодушнѣе. Лицо чловѣка, который знаетъ свои обязанности и готовъ ихъ выполнить. Лицо почтенное, взглянувъ на которое каждый скажетъ:

— Несомнѣнно, этотъ господинъ — дядя! Въ немъ есть что то особенное.

.....

Теперь, когда я давно уже дѣдушка и пережилъ много семейныхъ радостей и всѣ семейныя утраты, — мнѣ пріятно вспоминать, съ какой серьезностью отнесся маль-

чикъ Костя къ великому событію въ жизни его любимой сестры, — правда, думая не столько о ней, сколько объ удивительной перемѣнѣ въ своемъ собственномъ семейномъ положеніи.

Мои дѣтскія воспоминанія о сестрѣ прерываются на этомъ событіи. Ставши матерью, она уже не долго жила съ нами. Московскія дѣла ея мужа устроились, и флигель въ нашемъ домѣ опустѣлъ. Въ моей личной жизни также произошло важное событіе — я поступилъ въ гимназію. Всего одинъ разъ пріѣхала къ намъ Катя погостить лѣтомъ; больше я не видалъ ее до университета.

Было много и другихъ событій, но въ памяти моей они не очерчены такъ рѣзко. Умерла наша нянька; умерла не у насъ, а въ деревнѣ. Лиза окончила гимназію и поѣхала погостить къ Катѣ въ Москву. Были какія то письма --- каждый день по письму, и каждый день мама на нихъ отвѣчала. Потомъ были телеграммы. Потомъ мама хотѣла поѣхать въ Москву, но не собралась. Оказалось, что Лиза въ Москвѣ выходитъ замужъ.

Но жизнь юноши полна своимъ — о чужомъ и далеко не когда думать. Интересы дома и семьи уже не были на первомъ мѣстѣ. Я изучалъ — не слишкомъ прилежно — три-го-но-метрію, и до боли щипалъ волосы надъ верхней губой. Сдѣлалъ кое-какія жизненные открытія. Узналъ кое-какія философскія истины. Былъ влюбленъ, и не разъ. Былъ разочарованъ. Прочиталъ всѣхъ русскихъ классиковъ. Написалъ сочиненіе на тему «Отрицательныя черты Обломовщины въ русской жизни». Въ послѣднемъ классѣ гимназіи попробовалъ курить — и вышло удачно.

И вотъ наступило послѣднее лѣто моей жизни въ провинціи, при матери. На мнѣ уже была студенческая фуражка. Былъ купленъ новенькій чемоданъ и ремни для подшпекъ. Мама сшила мнѣ мѣшочекъ для чаю и сахару, и на немъ была вышита моя мѣтка. Наконецъ было заказано мѣсто на пароходѣ — черезъ Казань до Нижняго.

Впереди была Москва, и пріятно было знать, что тамъ

я увижу сестру, когда то дѣлившую со мной въ темномъ чуланѣ строгое наказаніе.

ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

Я перевожу разсказъ на годы моей ранней молодости, на тѣ года, о которыхъ рѣдко кто не вспоминаетъ съ улыбкой и со вздохомъ сожалѣнія:

... Ихъ не вернуть!

Я буду сдерживать перо, чтобы оно не увлеклось воспоминаніями о моей студенческой жизни. Въ этой повѣсти о жизни женщины, братъ ея Костя — только любящій свидѣтель. И только тамъ, гдѣ наши жизни тѣсно переплетались родственными и дружескими нитями, я чувствую себя вправѣ говорить о себѣ. Но обойтись совсѣмъ безъ отступленій слишкомъ трудно. Между бытіемъ тогдашнимъ и нынѣшнимъ — глубокая пропасть смутныхъ, радостныхъ, тяжкихъ, еще не взвѣшенныхъ разумомъ лихолѣтій. Въ бытѣ, въ семьѣ, во взглядахъ общества все такъ измѣнилось, что невозможно понять душевнаго облика прежнихъ людей, не припомнивъ среды, въ которой сложились ихъ характеры. Женщина тогда — и женщина теперь... Посадите ихъ рядомъ и наблюдайте, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ онѣ будутъ разглядывать другъ друга, и втайнѣ другъ другу завидовать: одна — очарованью неизвѣданной свободы, другая — красотѣ утраченной женственности.

О женщинѣ-товарищѣ говорили и мечтали и мы, тогдашніе. Но, крѣпко и дружески пожимая ея руку и съ тайнымъ сожалѣніемъ глядя на ея стриженные волосы (первый шагъ къ свободѣ!), мы, подчеркивая ея съ нами равенство, оставались поклонниками и рыцарями. Свободные въ словахъ и чистые въ отношеніяхъ съ этими пионерками женскаго раскрѣпощенія, мы втайнѣ цѣнили лишь крѣпость дѣвственности и уважали будущихъ матерей. И пуще вольныхъ жестовъ и откровенныхъ прико-

сновеній намъ была мила цѣломудренная коса и робкоздрожанье губъ весной подъ черемухой. Расплестъ эту косу — уже дерзкая и циничная мысль; поцѣловать эти губы — сладкое грѣхопаденіе. Затѣмъ мы женились и дѣлались домашними деспотами или мужьями подъяремными — въ зависимости отъ характеровъ, но независимо отъ юношескихъ идей о равенствѣ половъ.

Сейчасъ, когда все это (все ли?) исчезло либо стало (стало ли?) смѣшнымъ, — сейчасъ я все-таки не увѣренъ, что мы, насильники и рабовладѣльцы, меньше отдавали должнаго человѣческому достоинству женщины, чѣмъ отдаютъ теперь апостолы любви «безъ черемухи». И я чеувѣренъ, что женщинѣ раскрѣпощенной и свободной стало въ Россіи легче нести свою женскую долю.

.....

Въ купленной еще весной студенческой фуражкѣ, голубой околышъ которой успѣлъ выцвѣсти раньше, чѣмъ я впервые увидѣлъ на Моховой два корпуса университетскихъ зданій, я ѣхалъ по Камѣ и Волгѣ въ городъ, совсѣмъ мнѣ новый, но не совсѣмъ чужой: въ немъ жили обѣ мои сестры и ждалъ меня родственныи пріемъ.

Если бы не это обѣщаніе воздерживаться отъ отступленій въ моемъ простомъ разсказѣ — о, сколько я нашелъ бы словъ, чтобы повѣдать о нашихъ мѣстахъ, о привольѣ двухъ великихъ русскихъ рѣкъ, о сладости впервые быть взрослымъ и самостоятельнымъ, ѣдущимъ вкусить отъ науки и отъ жизни, о томъ, какъ пріятно давила лобъ фуражка студента, бывшая въ то время въ большемъ почетѣ, чѣмъ любая изящнѣйшая шляпа, чѣмъ лощеный цилиндръ и военное кепи. И съ какой улыбкой я вспомнилъ бы — за давностью лѣтъ безъ прежняго смущенія — о сокровенныхъ помыслахъ вступающаго въ жизнь юноши, о сумбурныхъ его надеждахъ на яркую, необычную, счастливую судьбу, на завоеваніе міра и міровъ, на достиженіе мудрости, успѣха, радости, славы. Сейчасъ, на склонѣ дней, когда свершилось все, что должно было

свершиться, а надъ мечтами о несбыточномъ и недоступномъ поставленъ намогильный крестъ, — сейчасъ, не скрою, страстно хочется вернуть ту пору хотя бы легкимъ путемъ воспоминанія!

Въ Москвѣ я остановился у младшей сестры, съ твердымъ намѣреніемъ не загоститься у нея долго и снятъ собственную комнату, непременно въ студенческомъ кварталѣ.

Мужъ Лизы оказался очень милымъ и добродушнымъ человѣкомъ съ брюшкомъ и лысиной, не очень молодымъ, не очень умнымъ, но веселымъ и пріятнѣйшимъ. Сама Лиза, методичная, аккуратная, хозяйственная и заботливая, сразу создала себѣ ту жизнь, которая была ей нужна: очагъ, семью, любящаго мужа, удобную квартиру, полную уюта, салфеточекъ, недорогихъ картинъ и покойнаго быта. Она была вполне счастлива и вполне удовлетворена. При всей молодости — она была настоящей дамой, съ дамской улыбкой, дамскими разговорами и дамскимъ рукодѣльемъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ она говорила: «мой мужъ», «мы съ мужемъ» — при всѣхъ ласкалась къ нему и цѣловала его въ лысину. Читала она только приложенія къ «Нивѣ», да иногда перечитывала своего любимаго Тургенева, «Веннія воды» и «Первую любовь», надъ которыми неизмѣнно плакала. Не только сама приготавливала кофе, но цѣлый часъ передъ обѣдомъ не выходила изъ кухни, помогая кухаркѣ и оживленно съ ней бесѣдуя. Бѣлье прачкѣ она сдавала, отмѣчая его цифрами на готовомъ печатномъ блокнотѣ, а себѣ оставляя копию. Неизвѣстно, какъ и когда она успѣла усвоить всѣ познанія хорошей хозяйки, начиная съ десяти различныхъ подливокъ къ двадцати различнымъ блюдамъ и кончая средствомъ излѣчивать насморкъ, когда онъ еще не успѣлъ перейти изъ періода чиханья въ періодъ потопа.

Такую жизнь называютъ — и тогда называли — мѣщанской. У такихъ людей любятъ бывать, въ особенности обѣдать, но ихъ не принято уважать. Они очень удоб-

ны и очень милы, они лучше всѣхъ умѣютъ сочувствовать и помогать въ горѣ, они помнятъ свои и чужія именины и рожденія, знаютъ имена и отчества всѣхъ знакомыхъ, даютъ прекрасныя практическія совѣты. Они никому не приносятъ вреда, а сами счастливы и всѣхъ хотятъ видѣть счастливыми. Поэтому надъ ними смѣются и ихъ любовно презираютъ. Если въ ихъ личной жизни случается несчастіе, разрушающее благость и безмятежность ихъ бытія — имъ помогать не принято, потому что всѣмъ на свѣтѣ не можешь, а эти, такіе типичные мѣщане, общественной помощи какъ то даже и не заслуживаютъ: есть много достойнѣйшихъ, о которыхъ стоитъ позаботиться раньше. Больше, что можно сдѣлать, это — купить у нихъ недорого ихъ пухлые, удобныя и вмѣстительныя комоды, ихъ запасы добротнѣйшаго столоваго бѣлья, отличныя ковры на всю комнату, огромный диванъ-самосонъ, каминныя часы подъ стекляннымъ колпакомъ, пожалуй, даже — полное собраніе сочиненій Тургенева. опрятное, въ прекрасномъ переплетѣ, лишь со слѣдомъ двухъ слезокъ на страницахъ «Вешнихъ водъ».

Такъ какъ я былъ очень бѣденъ, то время отъ времени, достаточно наголодавшись, переселялся на мѣсяць — на два къ одной изъ сестеръ, чередуя свои налеты. У обѣихъ были для меня комнаты, и обѣ были мнѣ рады. Въ началѣ своей московской студенческой жизни я чаще жилъ у Лизы, такъ какъ мнѣ было ближе, — Катя жила на окраинѣ. Когда я привозилъ на извозикѣ свое имущество — чемоданъ, связку книгъ и керосиновую лампу, — Лиза встрѣчала меня словами:

— А, Костя! Ну вотъ и хорошо. По крайней мѣрѣ отъѣхъся — ты такой худой.

Затѣмъ она немедленно готовила мнѣ яичницу съ ветчиной («пока, до обѣда, подкрѣпись!») и сама устраивала мнѣ постель. На наволочкахъ были вышиты гладью ея буквы — по дѣвической фамиліи — хотя я зналъ, что приданого мама ей не заготовила, — Лиза вышла за-

мужъ внезапно и не изъ дому. Очевидно все это было сдѣлано самой Лизой послѣ, но по правиламъ хорошаго быта.

Затѣмъ начиналась «жизнь». По утрамъ я аккуратно просыпалъ часъ лекцій, но успѣвалъ встать ко «второму кофею» съ булочками, яйцами въ смятку, сыромъ и вареньемъ. Потомъ былъ завтракъ, за которымъ мы съ Лизинимъ мужемъ выпивали по двѣ рюмки водки, а вечеромъ насъ ждалъ сытный и обильный обѣдъ (по московски — ужинъ), послѣ котораго очень хотѣлось спать.

Подкладывая мнѣ куски побольше и пожирнѣе, Лиза говорила:

— Ты опять, Костя, ѣшь безъ хлѣба! Такъ ты никогда не поправишься.

Но я не только поправлялся, но и полнѣлъ. Кромѣ того я чувствовалъ, что долго такой жизни мнѣ не выдержать, что у меня, какъ у Лизинаго мужа, выльзутъ волосы и отростетъ брюшко. Подобно Счастливецю изъ «Лѣса» я порою, переваривая пищу или дремля раньше времени, ловилъ себя на неотступной мысли:

— А не повѣсится ли?

Слишкомъ ужъ хороша и покойна была жизнь въ домѣ Лизы, слишкомъ далека отъ событій, волненій и тревогъ, которыхъ молодость не боится и не избѣгаетъ.

Къ концу мѣсяца на меня нападали такой страхъ и такая тоска, что на первую скудную получку денегъ изъ дому я опять снималъ себѣ комнату въ Гиршахъ или Палашахъ, даже не осматрѣвъ внимательно щели въ стѣнахъ и углы въ тюфякѣ моего предшественника: все равно комнаты безъ клоповъ за десять рублей не найти. Затѣмъ я связывалъ ремнемъ и веревками свои книги, забиралъ подушку и лампу, прощался съ сестрой и перѣзжалъ. Все мое бѣлье оказывалось, конечно, перештопанымъ золотыми и неутомимыми руками Лизы; иногда оказывалось и что нибудь лишнее, не предусмотрѣнное моимъ студенческимъ хозяйствомъ: полотенце, полдюжи-

ны новыхъ платковъ, и все, конечно, съ моей мѣткой, чтобы и сомнѣнья не было и у прачки не терялось.

Провожая меня, Лиза говорила:

— Приходи къ намъ по воскресеньямъ, Костя. А какъ захочется — прїѣзжай опять пожить. Очень я боюсь твоихъ студенческихъ столовыхъ! А тебѣ передъ экзаменами такъ важно будетъ поправиться.

Сама Лиза располнѣла, и довольно неумѣренно. Когда ей объ этомъ намекали, она солидно замѣчала:

— Ну что же; моему мужу это нравится.

Жизнь ея была омрачена лишь однимъ — у нея не было ребенка. А именно ей, рожденной матери и хозяйкѣ, это было нужнѣ всего. Пока ребенкомъ былъ для нея лысенкій и добродушный мужъ.

Ближе къ весеннимъ мѣсяцамъ я предпочиталъ переселяться ненадолго къ старшей сестрѣ, Катѣ, которая жила въ Сокольникахъ въ двухъэтажномъ особнякѣ мужа, рядомъ съ его фабрикой.

Ея жизнь сложилась совсѣмъ иначе.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ

Лиза жила въ довольствѣ — Катя жила въ богатствѣ. Довольство Лизы проникало всю ея жизнь и щедро изливалось на всякаго, даже случайно зашедшаго. Богатство Кати было какимъ то холоднымъ, не нужнымъ, не устроившимъ ни ее, ни ея семью. Въ домѣ ея мужа было много ненужныхъ комнатъ и стояла лишняя мебель, не дѣлавшая уюта. Чувствовалась творческая мысль декоратора, къ которой былъ равнодушенъ хозяинъ. Былъ большой залъ для прїемовъ — но прїемовъ не было; въ столовой былъ длинный столъ, за которымъ обѣдало двое. Прекрасный рояль былъ покрытъ чехломъ, а папки съ нотами заперты въ стеклянномъ шкапу. Совсѣмъ не было комнатныхъ растений — а у Лизы былъ наполненъ ими каждый освѣ-

щенный уголокъ. Не было въ домѣ ни кошки, ни собаки, но по ночамъ скреблись мыши.

Домъ стоялъ на окраинѣ, рядомъ съ большимъ фабричнымъ зданіемъ, гдѣ стучалъ моторъ. Дворъ былъ общій съ фабрикой, и хорошъ былъ только садъ, большой, тѣнистый, совсѣмъ запущенный, заросшій смородиной и малиной.

Въ верхнемъ этажѣ дома были комнаты Кати, одна изъ которыхъ отводилась мнѣ, кабинетъ ея мужа, огромный, включавшій его охотничью и техническую библіотеку и его спальню, рядомъ маленькая комнатка для лабораторіи и канцеляріи. Тамъ же были двѣ дѣтскія; въ одной хозяйничалъ Володя, мой племянникъ, серьезный и очень вѣжливый девятилѣтній мальчикъ, въ другой — няня съ пятилѣтней Лелей, очаровательной дѣвочкой.

Няня была не простая и очень любила, чтобы ее называли не няней, а бонной. Она была грамотна и перешла къ сестрѣ изъ богатаго титулованнаго дома. Обѣдала она вмѣстѣ съ дѣтьми наверху и имѣла собственное серебряное кольцо для салфетки. Она немного презирала Катю и преклонялась передъ инженеромъ. Меня, бѣднаго родственника, няня старалась не замѣчать. Носила она темно-синее старомодное платье съ брошью и черную кружевную наколку.

За эти годы Катя выросла и изъ дѣвочки стала очень видной и очень красивой женщиной. Ее считали франтихой, хотя она увѣряла меня, что на свои костюмы тратитъ гроши. Одѣвалась она, дѣйствительно, прекрасно, хотя ярко и нѣсколько вызывающе. У нея была простенькая портниха, которая шила и передѣлывала ея костюмы подъ ея руководствомъ. У Кати было много вкуса, и она ухитрялась однимъ небрежно брошеннымъ кускомъ матеріи, бантомъ или цвѣтнымъ шарфомъ дѣлать изъ простого и дешеваго платья богатый нарядъ. Она была изъ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя, слѣдя за модой, никогда рабски ей не слѣдуютъ и предпочитаютъ законодатель-

ствовать сами. Катя сама умѣла кроить, шить, передѣлывать, чинить, штопать. На свои наряды она тратила только остатки денегъ, которыя инженеръ давалъ ей на хозяйство. Я зналъ, что иногда она нуждается и очень экономить.

Когда я приѣхалъ въ Москву и въ первый разъ навѣстилъ Катю, она встрѣтила меня ласково и радостно.

— Костя, ты сталъ большой! И такъ хорошо, что ты — студентъ. Я тебя очень ждала. Расскажи, что у насъ дома? Какъ мама?

— Мама старенькая, но ничего. Нянька умерла, ты знаешь. Все еще стряпаетъ Саватьевна, но теперь мама хочетъ ее отпустить и переѣхать въ маленькую квартиру, въ двѣ комнаты. Она теперь одна.

— Мнѣ хотѣлось выписать маму сюда, но потомъ я подумала: тамъ ей лучше, привычнѣе, тамъ у нея знакомые, а здѣсь ей будетъ тяжело. А какъ ты находишь Лизу съ ея мужемъ?

— У нихъ хорошо, только какъ то смѣшно.

— Да. Но Лиза счастлива и довольна. Только бы ей ребенка! Она влюблена въ мужа, а онъ въ нее. И у нихъ множество салфеточекъ.

— А ты, Катя, какъ живешь?

Она отвѣтила уклончиво:

— А вотъ видишь какъ... У насъ большой домъ. Ты еще не видалъ своей племянницы; да въ сущности ты и Володи почти не видалъ, только груднымъ.

— А Евгений Карловичъ?

— Онъ на фабрикѣ. Мы завтракаемъ въ четверть второго.

— Что ты дѣлаешь, Катя?

— Я? Да ничего. Вотъ — хозяйство; хотя оно отнимаетъ у меня лишь полчаса времени. Съ дѣтьми немного занимаюсь; у нихъ есть няня, но совсѣмъ не такая, какъ была у насъ. Иногда бываю въ концертахъ.

— А сама играешь?

— Нѣтъ, какъ то забросила. Рояль есть, очень хорошій.

Катя отвѣчала неохотно — зато расспрашивала меня обо всемъ очень подробно: и о мамѣ, и о нашей старой квартирѣ, и о моей гимназiи, и о предстоящемъ студенчествѣ, о томъ, что я думаю, что читаю, какъ хочу устроить свою жизнь.

— А правда, Костя, что ты пишешь рассказы и одинъ уже напечаталъ? Какой? Гдѣ? Ты серьезно хочешь стать писателемъ? Вотъ бы хорошо!

Я дѣйствительно послалъ чудовищный по наивности рассказъ въ маленькiй журналъ, и тамъ его напечатали. Объ этомъ мама не безъ гордости сообщила Катѣ.

— Знаешь, Костя, если ты станешь настоящимъ писателемъ, я тогда тоже что-нибудь придумаю. Можетъ быть опять примусь за музыку. Вдвоемъ это легче. Ты хочешь?

— Да, Катя, я очень хотѣлъ бы.

— А то, знаешь, я живу такъ ненужно и такъ... Вотъ только дѣти. А мнѣ хотѣлось бы...

Катя встала и, какъ бывало, прошла на цыпочкахъ, заложивъ по мужски руки за спину.

— Ты, Катя, сейчасъ совсѣмъ, какъ прежняя, какъ гимназистка.

— Что? Ну, нѣтъ, гдѣ же... Но я такъ рада, такъ рада, что ты прiѣхалъ. Ты Костя, даже понять не можешь, какъ я рада.

— Помнишь, Катя, какъ тебя сажали со мной въ чуланъ?

— Я то помню хорошо. Костя, ты непременно прiѣзжай ко мнѣ часто, а то поживи у меня. Наверху у меня свои комнаты, я тебя устрою. Вотъ только далеко тебѣ ѣздить на лекціи. Знаешь, вотъ если бы я тоже могла переѣхать въ городъ и гдѣнибудь поселиться въ комнаткѣ, по студенчески. Я часто мечтаю, но конечно это — пустяки. Я тебѣ буду очень завидовать.

— Ну, у тебя тутъ лучше.

— Тутъ? Да... Тутъ вѣдь дѣти.

И опять она стала говорить обо мнѣ и моихъ пла-
нахъ.

И прежняя Катя — и совсѣмъ новая. Я былъ слишкомъ
молоды, чтобы понять сразу, почему Катя-прежняя пря-
чется за новую и почему Катя-новая такъ неохотно гово-
рить о себѣ.

Мы рѣшили все-таки, что я буду прїѣзжать каждую не-
дѣлю на субботу и воскресенье. Мы можемъ вмѣстѣ гу-
лять въ Сокольникахъ. И вообще намъ нужно ближе по-
знакомиться — такъ давно не видались.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТЬ

Спустя ровно десять минутъ послѣ фабричнаго гудка
въ одну дверь столовой входилъ инженеръ, а въ другую
вносили очень невкусный супъ. Ахъ, какіе супы подава-
лись у Лизы!

Инженеръ входилъ спѣшнымъ и бодрымъ шагомъ, цѣ-
ловалъ Катю въ затылокъ, подавалъ мнѣ руку и спраши-
валъ:

— Ну какъ, Костя, идетъ ученье? Не собираетесь бун-
товать?

Затѣмъ онъ наливалъ себѣ и мнѣ по маленькой рюм-
кѣ, съѣдалъ двѣ ложки супа и вскрывалъ столовымъ но-
жемъ принесенныя письма. За вторымъ блюдомъ онъ
очень бѣгло просматривалъ газеты, за третьимъ присталь-
но читалъ охотничій журналъ, въ которомъ сотрудничалъ.
Я никогда не могъ понять, какъ можетъ охотникъ не имѣть
въ домѣ собаки.

Разговоровъ за столомъ не было. Катя вяло ѣла, ч
какъ то не рѣшался налить себѣ еще рюмку, и было слыш-
но тиканье стѣнныхъ часовъ.

Дѣти всегда обѣдали наверху съ няней. Вообще мы
ихъ рѣдко видѣли. При отцѣ они были смиренны, молча-

ливы, и выслушивали его краткія замѣчанія съ лицомъ подданныхъ. Все, что говорилъ дѣтямъ инженеръ, было отчетливо, умно и полезно. Вѣроятно тѣмъ же тономъ онъ разговаривалъ на фабрикѣ со служащими и старшими рабочими.

Послѣ сладкаго инженеръ быстро вставалъ и, какъ бы что то вспомнивъ, дѣловито собиралъ письма и газеты и уходилъ къ себѣ. Собственно обѣденнымъ часомъ и ограничивались наши встрѣчи, такъ какъ вечеромъ онъ никогда дома не ужиналъ.

Когда замиралъ звукъ его шаговъ, мы съ Катей вставали изъ-за стола и, обнявшись, бродили по комнатамъ, которыя сразу дѣлались теплѣе и привѣтливѣе. Мы никогда не говорили объ инженерѣ и вообще о семейной жизни Кати: она не начинала разговора, а я чувствовалъ, что онъ былъ бы неловкимъ и неумѣстнымъ. Катя представляла мнѣ присмотрѣться и съ теченіемъ времени понять. Что могъ я понять? Что Катя несчастлива? Да, я это чувствовалъ.

Если бы я былъ старше Кати, я, думается, внесъ бы въ ея жизнь что-нибудь положительное, помогъ бы ей разобраться въ томъ, что отъ меня, мальчика, она скрывала. Но, много моложе ея, я не могъ быть для нея авторитетомъ или, хотя бы совѣтчикомъ. Я могъ только помочь ей забыться, обратиться въ такого же легкомысленнаго и немного безпутнаго младенца, какимъ былъ самъ.

Послѣ первой встрѣчи, когда было все, что можно, вспомнено и переговорено, мы отдались взаимной дружбѣ, не извлекаая изъ нея никакой взаимной пользы. Мы, что называется, коротали время, котораго у обоихъ былъ избытокъ.

Обычно по вечерамъ инженеръ уѣзжалъ въ городъ: щелкалъ ключъ въ двери кабинета, стучали шаги по лѣстницѣ, и спокойный, слегка дѣланный голосъ произносилъ въ передней:

— Скажите барынѣ, что я буду ужинать въ городѣ.

Прислуга не докладывала, а просто накрывала столъ на два прибора. Дѣти ужинали раньше, и сестра, провѣривъ уроки сына и уложивъ дѣвочку, надѣвала свой капотикъ и спускалась въ столовую; послѣ девяти часовъ не приходилось ждать на городской окраинѣ случайныхъ гостей, да и вообще они были большою рѣдкостью въ домѣ.

Бли мы весело, возбужденно и торопливо болтая вздоръ. Закусивъ, сейчасъ же уходили въ гостиную и усаживались за маленькій столикъ. И тогда начиналось то, что нельзя не назвать безсмыслицей, но что для насъ было «ниспроверженіемъ существующаго строя». Здравому смыслу, размѣренному укладу жизни мы наносили ударъ, отъ котораго страдали только мы же. Въ этомъ прежде всего и выражался бунтъ сестры и мое въ немъ соучастіе.

Оба мы были азартны до самозабвенія, типичные и безпардонные игроки. Мы играли въ скучнѣйшую изъ игръ — шестьдесятъ шесть, но играли такъ, какъ нормальные люди не играютъ. Сдавая карты, беря взятки, мы произносили безсмысленныя слова на какомъ то собственномъ сумбурномъ жаргонѣ, угрожали другъ другу, давали клятвы, лихорадочно ждали полосы счастья. Играли всегда на деньги, которыхъ у меня не было и которые сестрѣ не были нужны; и все же волновались при проигрышахъ и радовались, выигравъ рубль. Играли мы настолько ровно и такъ часто, что почти не приходилось расплачиваться, да и не это насъ занимало. Мы записывали результатъ, чтобы продолжать игру на другой день.

Часу въ первомъ ночи возвращался инженеръ и, не заглянувъ къ намъ, уходилъ къ себѣ. На моментъ его возвращенія мы остывали и сидѣли смущенно; когда же наверху хлопала дверь кабинета, игра разгоралась.

Мы играли ночи напролетъ. Отлично понимали, что это — безуміе, но въ томъ и былъ соблазнъ. Если бы не

были братомъ и сестрой, мы были бы, вѣроятно, страстными любовниками. Теперь мы только отрицали мѣръ и уходили въ свой собственный, искусственно заполненный нелѣпостью и азартомъ. Мы вполне заслуживали въ эти часы глубокое презрѣніе инженера и няньки. Растрепанные и блѣдные отъ волненія, мы быстрымъ механическимъ движеніемъ сдавали и разбирали карты, неустанно произнося условную чепуху. Часы мелькали, но намъ не было до нихъ дѣла.

Иногда ночью просыпался голодъ, знакомый всѣмъ картежникамъ, и тогда сестра тихо проникала въ кухню, отыскивала остатки ужина, и мы спѣшно ѣли, не переставая играть и жалѣя о затраченныхъ на малый перерывъ минутахъ. Я пилъ пиво, и помню, какъ пролитыя на полъ капли привлекали маленькое стадо черныхъ таракановъ, которыхъ никакъ не могли вывести въ старомъ особнякѣ. Тараканы шевелили усами и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ — но намъ некогда было ими заниматься. Мы сдавали, ходили, отмѣчали, бормотали слова и не замѣчали времени.

Случалось, что въ домѣ начинали просыпаться, а мы все еще не могли бросить игры. Первой вставала няня и шлепала туфлями мимо нашей притворенной двери; тогда наша безсвязная рѣчь переходила въ шопотъ. Но прислуга уже привыкла къ нашему ночному безпутству; мы боялись только чтобы насъ не застали дѣти, особенно Володя, рано уѣзжавшій въ гимназію. Заслышавъ шаги наверху, мы быстро собирали карты и — если было лѣто — черезъ балконную дверь убѣгали въ садъ, въ запущенную его часть, гдѣ былъ круглый зеленый столикъ и скамейка. Тамъ еще недолго продолжалась игра, — недолго, потому что могъ зайти сюда кто-нибудь изъ рабочихъ фабрики. И при томъ свѣжій воздухъ насъ трезвилъ, и тогда сказывалось крайнее ночное утомленіе. Нужно было только дожидаться часа, когда черезъ дворъ на фабрику проходилъ инженеръ; тогда, смущенно улыбаясь, съ

опухшими глазами, мы прокрадывались обратно въ домъ и расходились по своимъ комнатамъ.

Во снѣ намъ мерещились карты въ самыхъ небывалыхъ комбинаціяхъ. Вставали къ обѣду усталыми, вялыми, давая себѣ слово не проводить больше такихъ безсмысленныхъ ночей, удерживать другъ друга и быть серьезными.

Послѣ обѣда я садился за курсъ лекцій, сестра занималась шитьемъ, и мы мало разговаривали. Къ вечеру оживлялись, ужинали съ аппетитомъ и садились сыграть «только часть», самое большее «до двѣнадцати».

Но что стоитъ слово азартныхъ игроковъ!

БЛАГОРАЗУМІЕ

— Давай, обсудимъ!

Этой фразой начиналось иногда наше похмелье. Дѣйствительно, я былъ крѣпокъ здоровьемъ, а сестра, которая была на семь лѣтъ меня старше, лучше меня понимала, что нужно создать себѣ въ жизни настоящій интересъ, что безъ этого можно пропасть незамѣтно и нечаянно.

Мы обсуждали. Я признавался, что юридическія науки меня не увлекаютъ, что настоящая моя дорога — литература. Сестра говорила, что время, свободное отъ домашнихъ заботъ, она могла бы употребить съ пользой и интересомъ, что ее влечетъ къ жизни самостоятельной, хотя бы матеріально, что она чувствуетъ въ себѣ большія способности и силы. Возможно, что мы другъ другу мѣшаемъ. Лучше будетъ, если я вернусь на Бронную въ студенческую среду, а она — ну, хоть поступить на архитектурные курсы, недавно открытые для женщинъ, или займется серьезно музыкой и пѣньемъ, или наконецъ, изучить какое-нибудь ремесло, потому что въ жизни все можетъ случиться...

И скоро разговоръ дѣловой и серьезный переходилъ въ фантастику. Я совершалъ маленькое турне по Европѣ, запасался впечатлѣніями, знакомился съ движеніемъ ев-

ропейской мысли, слушалъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ хотѣлъ, и дышалъ временно воздухомъ свободы. Сестра дѣлалась художницей, устраивала выставку своихъ картинъ подѣ мужскимъ, непремѣнно мужскимъ псевдонимомъ, имѣла собственную студию, гдѣ и у меня была комната для занятій, выступала въ концертахъ, строила дома. Мой первый романъ, начатый въ Европѣ и законченный въ Москвѣ, имѣлъ не малый успѣхъ. Сестра прославила себя постройкой зданія новаго Большого Театра, Биржи, Обсерваторіи, не считая нѣсколькихъ образцовыхъ домовъ съ семейными квартирами, каждая изъ двухъ самостоятельныхъ половинъ — мужа и жены — съ отдѣльными входами. Я могъ бы, конечно, и жениться, но не слишкомъ рано. Міръ мы завоевали бы вдвоемъ, идя рука объ руку, помогая другъ другу.

Иногда наши разговоры имѣли и послѣдствія: въ мудрое утро я собиралъ свои пожитки — все тотъ же чемоданъ, связку лекцій и керосиновую лампу — и переселялся въ одинъ изъ переулковъ Бронной. Сестра провожала меня нѣжно и заботливо, поощряя къ серьезной жизни и давая обѣщаніе, что и сама она съ сегодняшняго дня начнетъ новую жизнь.

— Пріѣзжай въ субботу, останешься до понедѣльника, играть не будемъ, и ты меня не узнаешь.

Но она говорила это не безъ затаенной грусти и какъ будто безъ особой увѣренности. Я, мальчикъ, самъ себѣ принадлежавшій, могъ взять чемоданъ и пожитки и пуститься въ плаванье по жизненнымъ волнамъ; мнѣ было не трудно «начать новую жизнь», потому что у меня не было прошлой. За ея же молодыми плечами были уже годы брака и семьи, а рядомъ, черезъ комнату, готовилъ уроки маленькій и очень серьезный первоклассникъ Володя, братишка хорошенькой дѣвочки Лели.

Въ субботу, въ обѣдъ, я заставалъ сестру тщательно одѣтой, дѣловитой, за разборкой нотъ или за трудными

упражненіями. Немного краснѣя отъ удовольствія, она разсказывала мнѣ свою недѣлю.

— Угадай, гдѣ я была?

— Все равно не угадаю, ужъ лучше говори.

— Въ консерваторіи.

— На концертѣ?

— Нѣтъ; я держала экзамень. То есть вѣрнѣе — я совѣтовалась съ профессоромъ по классу пѣнія, онъ пробоваль мой голосъ.

— Ну?

— Ну, и очень успѣшно. Онъ даже сказалъ, что для меня достаточно двухъ-трехъ лѣтъ и что я могу попасть въ оперу. Но что работать надъ голосомъ нужно безъ перерыва, по-настоящему.

— Катя, вѣдь это очень хорошо!

— Да. Я кажется рѣшусь. Не для того, чтобы стать артисткой, а такъ, для жизни. Мнѣ еще нужно одновременно пройти классъ рояля.

— Это чудесно, Катя! Тогда и я буду работать изъ всѣхъ силъ; и университетъ, и мои писанія.

— А ты пишешь?

— Пробую, но все это не то. Да и лекціи мѣшаютъ.

— А мнѣ мѣшаетъ домъ. Не знаю, какъ быть съ дѣтьми. Хозяйство — пустяки, а съ дѣтьми нужно бывать больше. Они и безъ того точно сироты.

Вечеромъ, если не было гостей, мы сѣдѣли за столѣ поиграть немножко. Въ воскресенье вставали очень поздно, потому что ночь прошла въ нашемъ нелѣпомъ азартѣ.

— Ну, не бѣда! Вѣдь это только разъ въ недѣлю. Сегодня выспимся — и съ понедѣльника опять будемъ благоразумны.

Недѣлей позже я заставаль сестру за шитьемъ какихъ то рубашекъ, рубашечекъ, чепчиковъ. Вся ея комната заваливалась свертками дешевой матеріи, выкройками, обрѣзками.

— Что это ты шьешь?

— Представь себѣ, Костя, я отлично научилась быстро шить дѣтскія платья и рубашечки. Портниха говорила, что она не могла бы работать такъ быстро.

— А для чего это?

— Такъ себѣ, неорганизованная благотворительность. Я случайно попала въ одинъ домъ, гдѣ такая бѣдность, что и представить себѣ не можешь. Дѣти совсѣмъ голыя, а родители я даже не знаю чѣмъ занимаются. Я пробовала давать имъ денегъ, но потомъ зашла — у нихъ все по-прежнему, дѣти и голыя и голодныя. И я рѣшила шить сама.

— Купила бы просто и отдала имъ.

— Это выходитъ очень дорого, а я не могу просить у мужа. А если шить самой — гораздо дешевле. И матерія у меня была. И вотъ я всю эту недѣлю шью, даже никуда не выходила.

— А музыка?

— Какая музыка?

— Твои планы.

— Ахъ... ну, пока я ихъ оставила. Все равно я не буду артисткой, а такъ я и сейчасъ могу тебѣ что-нибудь спѣть. Я кстати устала шить, да и нашла сегодня много

Сестра пѣла, а я думалъ:

— Что бы сдѣлала другая на ея мѣстѣ съ такимъ чудеснымъ голосомъ и такой музыкальностью!

Иногда я говорилъ это сестрѣ, а она, смѣясь, отвѣчала:

— Но вѣдь я — не другая, а эта самая, значить и думать не стоитъ.

Я возмущался:

— Странное оправданіе! Изъ-за какихъ то рубашечекъ бросать то, что могло бы быть цѣлью жизни. Я не ожидалъ, что ты станешь благотворительной дамой.

А она отвѣчала, называя меня тѣмъ нѣжнымъ именемъ, какимъ звала въ дѣтствѣ:

— Ахъ, Котикъ милый, ты ужасно многого не понимаешь. Сегодня я — артистка, завтра — швея, или благодетельная дама, потомъ еще чтонибудь... А въ общемъ я — ничто. И ничѣмъ я, Костя, не буду. Мнѣ только нужно спастись хоть ненадолго, ну — помечтать, обмануть себя, иначе мнѣ жить, Костя, очень, очень трудно.

— Катя, ну почему? Ты вотъ такъ говоришь, а можешь быть только преувеличиваешь или выдумываешь себѣ всякія трудности. Ты сама рассказывала про людей голодныхъ, и дѣти у нихъ голыя. Вотъ имъ трудно! А у тебя все есть, можешь дѣлать, что хочешь. Нехорошо такъ говорить.

Помолчавъ, она отвѣчала:

— У меня есть все, что мнѣ не нужно, а того, что мнѣ нужно, у меня нѣтъ, Костя. Но только этого не объяснишь. А впрочемъ можетъ быть ты отчасти и правъ. Хочешь, я еще спою тебѣ что-нибудь? Или, знаешь, лучше пойдемъ въ садъ, я давно не была; у меня сегодня тяжелая голова, это отъ моего глупаго шитья.

Я не любилъ такихъ разговоровъ съ Катей, потому что послѣ нихъ мы долго не возвращались къ нашимъ мечтамъ о «новой жизни». Я понималъ, что упрекать сестру я не имѣю права, какъ не имѣю права не вѣрить ея словамъ и какъ не имѣю права требовать отъ нея подробной исповѣди. Катя говоритъ, что ей трудно жить; если Катя говоритъ это — значитъ такъ и есть. Если не объясняетъ, — значитъ нельзя или не нужно.

Это была моя сестра, мой товарищъ и спутникъ маленькихъ безумствъ и большого фантазерства. Но я какъ то не догадывался тогда о томъ, что моя сестра — всѣмъ еще молодая женщина съ неудачно сложившейся жизнью, что у нея могутъ быть свои женскія желанія, мнѣ невѣдомыя, что сказать о нихъ она не можетъ никому и менѣе всего — такому мальчику, брату, хоть и другу.

У нея не было семьи — лишь тѣнь семьи; но у нея не

было и любви — лишь въ прошломъ тѣнь любви, рано обманутой и быстро прошедшей. Этого я долго не зналъ и не понималъ.

ЕЯ ДЕНЬ.

Поздно утромъ она просыпается — и вотъ передъ нею длинный день, заполнить который нечѣмъ.

Она долго лежитъ, уткнувъ локоть въ мягкія подушки и положивъ на ладонь красивую голову.

За окномъ солнечно, съ фабрики доносится ровный стукъ мотора. На ночномъ столикѣ часы въ видѣ домика съ раскрытыми створками, ея дѣвическіе часы, подарокъ матери, тѣ самые, на которыхъ слишкомъ быстро бѣжали стрѣлки, когда нужно было собираться въ гимназію. Теперь ихъ стрѣлки идутъ неслышно и неспѣшно.

Она встаетъ и часъ проводитъ въ ванной. Это — единственное настоящее удовольствіе. Она играетъ водой, смотритъ, какъ голубѣетъ рука, погружаясь въ воду, и какъ тѣло кажется коротенькимъ и смѣшнымъ. Одинъ кранъ немного испорченъ, и изъ него въ спокойную воду ванны плюхаютъ капельки. Она мало думаетъ о томъ, что она красива, потому что вѣдь красота ея никому не нужна. Если бы можно быть невзрачной и неуклюжей страженой дѣвушкой, бѣгать по Кисловкамъ и Никитской на лекціи, ѣсть на ходу бутербродъ и протирать дешевое пальто, у пояса, корешками вѣчныхъ книжекъ. Вотъ только съ ванной разстаться было бы жалко.

Она вытирается мохнатой простыней и стыдится смотреть на себя въ зеркало. Затѣмъ она надѣваетъ старый капотикъ, которому давно бы пора отойти на покой; но съ нимъ она въ тѣсной дружбѣ. На звонокъ ей приносятъ кофе съ булочками и два яйца въ смятку. Яйца сварены съ утра и остыли; кофе ей, хозяйкѣ, приносятъ всегда жидкій, теплый и какъ бы спитой. Она могла бы сдѣлать выговоръ прислугѣ, отказать ей отъ мѣста, вообще

вдругъ разсердиться и доказать всѣмъ, что она дѣйствительно хозяйка въ домѣ. Раза два такъ и было: она кричала и швыряла на поднось чайную ложечку. Пугалась не только прислуга, но и важная и почтенная няня въ наколкѣ и съ брошью. Послѣ этого долго подавали кофе свѣжимъ и горячимъ, а ей было стыдно и противно.

Она спускается внизъ и открываетъ рояль. Въ бѣлыхъ и черныхъ клавишахъ столько важности и холодности, а залъ такъ великъ, что было бы невозможнымъ играть пу-стякъ, подбирать мотивчики или прислушиваться къ аккордамъ. Она беретъ ноты, и, играя, чувствуетъ, что ея техника слаба и что нужно играть ежедневно часа по-два упражненія. Ей хотѣлось бы и пѣть — но такъ странно пѣть въ пустомъ домѣ, утромъ, когда прислуга еще занята уборкой, въ кухнѣ готовятъ завтракъ, и когда пѣть не для кого.

— Можетъ быть сегодня пріѣдетъ Костя; спою ему «Ночь» Чайковского.

Вѣроятно къ вечеру пріѣдетъ также Викторъ Германовичъ, единственный изъ родственниковъ мужа, часто бывающій въ ихъ домѣ. Викторъ Германовичъ тоже инженеръ, но съ малой практикой, хотя съ большимъ само-мнѣніемъ. Онъ почти ровесникъ ея мужа, лѣтъ сорока пяти, маленькаго роста, пухлый, бритый, съ безцвѣтными, круглыми, ласкающими и нечистыми глазами. Онъ удобенъ тѣмъ, что можетъ играть въ винтъ безконечное число роверовъ. За обѣдомъ, за картами, наединѣ, при всѣхъ, — онъ смотритъ на Катю пристально, немного выставивъ нижнюю губу и какъ бы говоря:

— Дитя, я все знаю, все понимаю. Ты несчастлива, тебя не цѣнятъ. Есть человѣкъ, который могъ бы сдѣлать тебя счастливой, и этотъ человѣкъ готовъ ждать.

Она чувствуетъ къ нему физическое отвращеніе — къ его ползающимъ по ея лицу и шеѣ глазамъ, къ его нижней губѣ, къ его жирку, изысканной вѣжливости, ровному голосу и даже родству съ ея мужемъ. Онъ очень образо-

ванъ, силенъ въ парадоксахъ и презираетъ молодежь. Костя постоянно вступаетъ съ нимъ въ споръ, волнуется, говоритъ дерзости, на что Викторъ Германовичъ отвѣчаетъ основательно, спокойно, съ уничтожающимъ безстрастіемъ. Обычно онъ бываетъ правъ, — но Катя всегда на сторонѣ Кости, говорящаго глупости въ самой рѣзкой формѣ.

Послѣ ужина, за картами, наступаетъ примиреніе; играютъ съ прикупкой, пересыпкой и гвоздемъ, и если находится четвертый безпутный партнеръ, — не боятся боя ночныхъ часовъ. Безпутнымъ четвертымъ бываетъ обычно кто-нибудь изъ Костиныхъ студентовъ, котораго оставляютъ ночевать.

Рояль закрытъ. Она бродитъ по комнатамъ, заглядываетъ на минуту въ кухню по дѣламъ несложнаго хозяйства, не присаживаясь пробѣгаетъ газету. Инженеръ выписываетъ для себя «Новое Время», а для нея, вѣрнѣе — для гостиной, уличныя «Новости Дня»; Костя, живя у нихъ, покупаетъ себѣ, конечно, «Русскія Вѣдомости». Всѣ три газеты ей одинаково неинтересны, и читаетъ она только хронику театра и концертовъ.

Вдругъ она слышитъ лай за окномъ, выходящимъ во дворъ. Это дворовая собака лаетъ на котенка.

Она подбѣгаетъ къ окну, распахиваетъ его и радостно смотритъ на собаку и сѣраго котенка съ выгнутой спиной. Собаку зовутъ Полканомъ. Полканъ заливается, положивъ переднія ноги на землю въ позѣ нападенія. Котенокъ грозно шипитъ, но совсѣмъ не боится; въ сущности они — пріятели, и это — ихъ обычная игра. Полканъ не укуситъ, но можетъ случиться, что котенокъ оцарапаетъ Полкану носъ.

И вотъ она вспоминаетъ, что у нея есть маленькая дочь, Лялька, здоровая, вся бѣленькая и очень добрая. Она взбѣгаетъ по лѣстницѣ наверхъ, шумно открываетъ дверь въ дѣтскую и натывается на лицомѣрно-привѣтливую улыбку старой няни въ черной наколкѣ и съ боль-

шой брошью. Лялька сидитъ на полу и играетъ въ кубики. Она улыбается матери, но не тянется къ ней. Лялкѣ пять лѣтъ, но она недостаточно хорошо говоритъ, любить выдумывать свои слова и неохотно заучиваетъ буквы. Мать беретъ ее на руки и уноситъ внизъ:

— Лялечка, мы идемъ смотрѣть на котенка и на Полкана. Полканъ хочетъ обидѣть котенка!

Онѣ выходятъ черезъ кухню на дворъ, но котенка уже нѣтъ, а Полканъ сидитъ у крыльца и выкусываетъ блохъ въ своемъ лохматомъ нарядѣ. Лялька видимо разочарована и упрямо смотритъ на дверь: ей хочется обратно къ нянѣ играть въ кубики. Ей нравится мама, но она къ ней мало привыкла. Изъ верхняго окна, вытянувъ шею, смотритъ на нихъ, освѣщенныхъ солнцемъ, строгая женщина въ наколкѣ, не одобряющая легкомыслія и слишкомъ порывистыхъ движеній.

Хотѣлось бы пройти съ дѣвочкой въ садъ, но раздастся фабричный гудокъ, — нужно переодѣться къ завтраку. Съ дѣвочкой на рукахъ она подымается обратно въ комнату и чувствуетъ, что Лялька становится все тяжелѣе. Няня съ тою же улыбкой спрашиваетъ дѣвочку:

— Хорошо ли Лелечка съ мамашей погуляла?

За завтракомъ Евгений Карловичъ по обыкновенію проглядываетъ почту, и они почти не разговариваютъ. Вражды нѣтъ, но есть давнее равнодушіе. Онѣ передаетъ ей поклонъ отъ знакомыхъ, которыхъ она не помнитъ. Она проситъ его прислать рабочаго починить кранъ въ ванной. Еще говорятъ о томъ, что Володя очень устаетъ ѣздить въ гимназію; жаль, что нѣтъ гимназіи ближе. Но, конечно, хорошо, что мальчикъ въ девять лѣтъ приучается къ самостоятельности; это говоритъ мужъ, а она не возражаетъ; впрочемъ она согласна.

Уходя, онѣ цѣлуетъ ее въ затылокъ — а она катаетъ на столѣ хлѣбный катышекъ. Ей двадцать семь лѣтъ, но ея жизнь, какъ будто, уже прошла. Впереди полдня, су-

мерки, вечеръ, Костя, Викторъ Германовичъ и винтъ съ прикупкой, пересыпкой и гвоздемъ.

ЛЕЛЕЧКА НЕ ХОЧЕТЪ КАШКИ

Лелечка рѣшительно не хочетъ манной каши. Она смотритъ на няню испуганными глазами и готова заплакать.

— Ъшь!

— Я не хочу каши.

— А я говорю — будешь ѣсть.

— Я не хочу каши.

Няня зачерпываетъ съ тарелки ложку и, придерживая дѣвочку за плечи, старается впихнуть въ ротъ. Щеки Лелечки перемазаны и она плачетъ.

Лелечка никогда не плачетъ громко, потому что «папа услышитъ». Если папа услышитъ, онъ придетъ въ дѣтскую и спроситъ:

— Въ чемъ дѣло, няня?

— Да вотъ Лелечка не слушается.

— Лелечка, почему ты не слушаешься няни? Сейчасъ же перестань плакать и впередъ слушайся!

И тутъ ужъ ничего подѣлать нельзя; можно только молча глотать слезы.

Сейчасъ папы дома нѣтъ, и Лелечка плачетъ нѣсколько громче обычнаго. Шаги доносятся изъ маминыхъ комнатъ.

— Лялька, что съ тобой?

Отецъ и нянька называютъ ее Лелечкой; мама называетъ всегда Лялей или Лялькой. Изъ-за одной буквы происходитъ упорная и молчаливая борьба. Дѣвочка не знаетъ, да врядъ ли и думаетъ, какая буква правильнѣе; но ей уже извѣстно, что Лялей и Лялькой быть выгоднѣе, что эта кличка открываетъ больше простора ея личнымъ правамъ.

— О чемъ ты расплакалась, Лялька?

Няня докладываетъ съ горделивымъ смиреніемъ, какъ

бы временно уступая власть этой дамѣ, ничего не понимающей въ воспитаніи дѣтей:

— Да вотъ, не хочетъ ѣсть кашку.

— Ты не хочешь, Лялочка?

Всхлипывая, дѣвочка мотааетъ головой.

— Она не хочетъ, няня; зачѣмъ же заставлятъ ее ѣсть насильно?

— Я не заставляю, а кушать нужно.

— Какъ же не заставляете, она вся перемазана и плачетъ. Вытрись салфеткой, Лялочка, и не плачь.

— Сейчасъ не ѣсть, а потомъ запросить; что же это за порядокъ!

— Когда захочетъ, тогда ей и дадите, няня.

— Евгений Карловичъ сказали, чтобы давать кушать въ половинѣ одиннадцатаго.

Няня никогда не говоритъ «баринъ» и «барыня»; инженера она называетъ по имени и отчеству, жену его старается не называть никакъ.

— Въ половинѣ одиннадцатаго и кормите. Но если она не хочетъ — не заставляйте, поѣсть потомъ.

Губы няньки презрительно поджимаются. Она настолько хорошо вышколена, что можетъ выслушивать любой вздоръ. Она готова предоставить матери портить родную дочь, но не желаетъ нести отвѣтственности за материнское безуміе.

— Евгений Карловичъ наказывали мнѣ...

У Кати вздрагиваетъ подбородокъ.

— Да, няня, я уже слышала. Будьте добры покормить Лялочку, если ей захочется. И никогда не заставляйте ребенка ѣсть насильно.

Ей хотѣлось бы приласкать плачущую дѣвочку, но она этого не дѣлаетъ, чтобы не подрывать окончательно авторитетъ няньки.

Лялочка смотритъ исподлобья, но съ большимъ любопытствомъ. Она понимаетъ, что между мамой и няней нѣтъ согласія; она знаетъ также, что теперь можно не

ѣсть каши. Но она не увѣрена, что мама побѣдила няню и что у мамы надъ ней, Лялькой, больше власти. Вотъ сейчасъ мама уйдетъ, а няня останется, и хотя уже не будетъ совать ей въ ротъ противную ложку, но что-нибудь такое ей докажетъ. Какъ временная защита мама великолѣпна, но прочнаго и постояннаго довѣрія, пожалуй, и не заслуживаетъ. Во всякомъ случаѣ высшая власть — не она.

Мать уходитъ къ себѣ. Она читала, теперь читать больше не можетъ. Въ ея головѣ безпокойныя и недобрыя мысли.

Кушать нужно въ половинѣ одиннадцатаго — хотя бы было противно, хотя бы даже было вредно. Нужно ложиться спать, нужно вставать, нужно жить вмѣстѣ, нужно притворяться, нужно поддерживать видимость семейной жизни, нужно лгать, нужно улыбаться, нужно убивать свою молодость, все нужно, нужно, нужно. И это нужно, чтобы не огорчить старой матери, которая считаетъ ее счастливой и устроенной въ жизни, чтобы не потерять дѣтей, уже полутянутыхъ, чтобы не сдѣлать ихъ нищими, чтобы не опозорить себя скандаломъ, не оказаться въ ложномъ и невыносимомъ положеніи — какъ будто теперь ея положеніе выносимо и неложно. Что бы ни случилось, виноватой можетъ быть только она, а онъ — никогда.

На сторонѣ у него своя жизнь, но въ семьѣ онъ безупреченъ. При постороннихъ онъ даже любезенъ, почти нѣженъ, во всякомъ случаѣ почтительно вѣжливъ, отличный и заботливый отецъ, не ей чета, прекрасный супругъ, снисходительный къ недостаткамъ жены.

Пять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ рожденія Ляльки, между ними былъ заключенъ договоръ о взаимной свободѣ. Тогда онъ былъ жалокъ и противенъ, стоялъ передъ ней на колѣняхъ, онъ, такой важный и непогрѣшимый, и такой взрослый въ сравненіи съ нею, совсѣмъ еще дѣвочкой, хотя и матерью двоихъ его дѣтей. Тогда

она хотѣла уйти отъ него, и не изъ ревности — любовь ушла раньше — а изъ отвращенія. Она не удержалась отъ фразы, которую гдѣ то вычитала:

— Мужъ, опустившійся до горничной, приглашаетъ жену отдаться лакею.

И, кажется, эта фраза подѣйствовала на него сильнѣе, чѣмъ ся искренній ужасъ. Онъ не зналъ, что она такъ умна.

И все-таки онъ оказался — могло ли быть иначе? -- и умнѣе и опытнѣе. Онъ прекрасно зналъ, что «взаимная свобода» ничѣмъ ему не угрожаетъ и что никогда она, живя въ его домѣ, не позволитъ себѣ воспользоваться своимъ призрачнымъ правомъ свободы, не потому, что побоится, а просто потому, что она не такова.

Выждавъ время, онъ хотѣлъ вернуть себѣ если не любовь жены, то хотя бы ея покорность тому, что онъ называлъ долгомъ. Но эта попытка окончилась полнымъ его пораженіемъ и едва не вызвала окончательнаго разрыва. Она унизила его настолько, что сама вызвала съ фабрики слесаря и велѣла сдѣлать къ своей двери внутренній замокъ.

Съ тѣхъ поръ инженеръ ужиналъ дома только тогда, когда у нихъ были его или общіе гости. Своей долей оговоренной «свободы» онъ пользовался, не особенно скрываясь. Семья осталась цѣлой, и домъ ихъ — почтеннымъ и уважаемымъ; холоднымъ домомъ онъ былъ и прежде, такъ какъ рѣдко имъ нравились одни и тѣ же люди, книги, мысли, обстановка, развлечения и поступки. Она не брала у него денегъ — только на хозяйство и на нужды дѣтей, свои собственныя нужды удовлетворяя экономіей.

Въ сущности всю эту исторію Катя вспоминала теперь, какъ нѣкую житейскую мелочь. Дѣло было не въ какомъ то его поступкѣ, пусть очень противномъ и исключительно некрасивомъ, а въ томъ, что внезапно человѣкъ раскрылся. И столь же внезапно оказалось, что онъ всегда былъ грязнымъ и маленькимъ, только чисто мылся и хо-

дилъ на высокихъ каблукахъ. И стали понятными иные слова его и жесты, которые раньше казались шуткой и напрасной остротой. И стала противной и невозможной близость съ нимъ, потому что безъ огромной любви и совмѣстнаго смущенія такая близость ужасна и нестерпима. И еще большее оказалось: что и вообще такой нужной любви не было, а было только невольное, не допускавшее критики уваженіе дѣвочки къ очень взрослому и сильному человѣку, первому и единственному въ ея жизни, завоевателю, отцу ея ребенка. И теперь она съ брезгливостью не только отгоняла отъ себя память объ его прикосновеніяхъ, но и къ дѣтямъ, его дѣтямъ, не могла найти въ себѣ прежней теплой и страстной материнской тяги. Она поняла слишкомъ многое и, понявъ, осиротѣла.

.....

Нужно ѣсть, нужно гулять и нужно что то придумать, чтобы забыться и чтобы жизнь стала выносимой. А придумать нечего. Неужели такая же жизнь предстоитъ и Лялькѣ, ея маленькой дочери, и неужели и она дождется дня, когда придетъ хозяинъ и купитъ ея тѣло и ея волю?

Лелечка не хочетъ кашки! Лелечка плачетъ.

Мих. Осоргинъ.

(Окончаніе студіетъ).

Защита Лужина

10.

Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ произошелъ давно назрѣвавшій, давно рокотавшій и наконецъ тяжело грянувшій, — напрасный, безобразно громкій, но неизбежный — разговоръ. Она только что вернулась изъ санаторіи, жадно ѣла гречневую кашу и рассказывала, что Лужину лучше. Родители переглянулись, и тутъ то и началось.

«Я надѣюсь, — звучно сказала мать, — что ты отказалась отъ своего безумнаго намѣренія». «Еще, пожалуйста», — попросила она, протягивая тарелку. «Изъ извѣстнаго чувства деликатности...» — продолжала мать, и тутъ отецъ быстро перехватилъ эстафету. «Да, — сказалъ онъ, — изъ деликатности твоя мать ничего тебѣ не говорила эти дни, — пока не выяснилось положеніе твоего знакомаго. Но теперь ты должна насъ выслушать. Ты знаешь сама: главное наше желаніе, и забота, и цѣль, и вообще... желаніе — это то, чтобъ тебѣ было хорошо, чтобъ ты была счастлива и такъ далѣе. А для этого...» «Въ мое время просто бы запретили, — вставила мать, — и все тутъ». «Нѣтъ, нѣтъ, при чемъ тутъ запретъ. Ты вотъ послушай, душенька. Тебѣ не восемнадцать лѣтъ, а двадцать пять, и вообще я не вижу во всемъ, что случилось, какого-нибудь увлеченія, поэзіи». «Ей просто нравится дѣлать все наперекоръ, — опять перебила мать. — Это такой сплошной кошмаръ...» «О чемъ вы собственно говорите?» —

---

*) «Современ. Записки» № 40, 41.

наконецъ спросила дочь и улыбнулась исподлобья, мягко облокотившись на столъ и переводя глаза съ отца на мать». «О томъ, что пора выбросить дурь изъ головы, — крикнула мать. — О томъ, что бракъ съ полунормальнымъ нищимъ совершенная ересь». «Охъ», — сказала дочь ч, протянувъ по столу руку, опустила на нее голову. «Вотъ что, — снова заговорилъ отецъ. -- Мы тебѣ предлагаемъ поѣхать на Итальянскія озера. Поѣхать съ мамой на Итальянскія озера. Ты не можешь себѣ представить какія тамъ райскія мѣста. Я помню, что когда я впервые увидѣлъ Изола Белла...» У нея запрыгали плечи отъ мелкаго смѣха; затѣмъ она подняла голову и продолжала тихо смѣяться, не открывая глазъ. «Объясни, чего же ты хочешь?» — спросила мать и хлопнула по столу. «Во-первыхъ, — отвѣтила она, — чтобы не было такого крика. Во-вторыхъ, чтобы Лужинъ совсѣмъ поправился». «Изола Белла, это значить Прекрасный Островъ, — торопливо продолжалъ отецъ, стараясь многозначительной ужимкой показать женѣ, что онъ одинъ справится. — Ты не можешь себѣ представить... Синяя лазурь, и жара, и магноліи, и превосходныя гостиницы въ Стрезѣ, — ну, конечно, теннисъ, танцы... И особенно я помню, — какъ это называется, — такія свѣтящіяся мухи...» «Ну, а потомъ что? — съ хищнымъ любопытствомъ спросила мать. — Ну, а потомъ, когда твой другъ, — если не окажурится...» — «Это зависитъ отъ него, — по возможности спокойно сказала дочь. — Я этого человѣка не могу бросить на произволъ судьбы. И не брошу. Точка». «Будешь съ нимъ въ желтомъ домѣ, — живи, живи, матушка!» «Въ желтомъ или синемъ... — начала съ дрожащей улыбкой дочь. «Не соблазняетъ Италія?» — бодро крикнулъ отецъ. «Сумасшедшая... Я посѣдѣла изъ-за тебя! Ты не выйдешь за этого шахматнаго обормота!» «Сама обормоть. Если захочу, выйду. Ограниченная и нехорошая женщина...» «Ну-ну-ну, будетъ будетъ», — бубнилъ отецъ. «Я его больше сюда не впущу, — задыхалась мать. — Вотъ тебѣ крестъ». Дочь беззвуч-

но расплакалась и вышла изъ столовой, стукнувшись мимоходомъ объ уголь буфета и жалобно сказавъ «чортъ возьми!» Буфетъ долго и обиженно звенѣлъ.

«Не надо было такъ», — шопотомъ сказалъ отецъ. «Заступайся, заступайся, голубчикъ..» «Да, нѣтъ, я ничего. Только мало ли что бываетъ. Человѣкъ переутомился, сдалъ, какъ говорится. Можетъ быть, — Богъ его знаетъ! — можетъ быть, дѣйствительно послѣ такой встряски онъ измѣнится къ лучшему... Я, знаешь, пойду посмотрѣть, что она дѣлаетъ».

А на слѣдующій день онъ долго бесѣдовалъ со знаменитымъ психіатромъ, въ санаторіи котораго лежалъ Лужинъ. У психіатра была черная ассирійская борода и влажные, нѣжные глаза, которые чудесно переливались, пока онъ слушалъ собесѣдника. Онъ сказалъ, что Лужинъ не эпилептикъ и не страдаетъ прогрессивнымъ параличемъ, что его состояніе есть послѣдствіе длительного напряженія, и что, какъ только съ Лужинымъ можно будетъ столковаться, придется ему внушить, что слѣпая страсть къ шахматамъ для него гибельна, и что на долгое время ему нужно отъ своей профессіи отказаться и вести совершенно нормальный образъ жизни. «Ну, а жениться такому человѣку можно?» «Что же, — если онъ не импотентъ... — нѣжно улыбнулся профессоръ. — Да и въ супружествѣ есть для него плюсъ. Нашему паціенту нуженъ уходъ, вниманіе, развлеченія. Это временное помутненіе сознанія, которое теперь постепенно проходить. Насколько можно судить, — наступаетъ полное проясненіе».

Слова психіатра произвели дома легкую сенсацію. «Значить, шахматамъ капуть? — съ удовлетвореніемъ отмѣтила мать. — Что же это отъ него останется, — одно голое сумасшествіе?» «Нѣтъ-нѣтъ, — сказалъ отецъ. — О сумасшествіи нѣтъ никакой рѣчи. Человѣкъ будетъ здоровъ. Не такъ страшень чортъ, какъ его малютки. Я сказалъ «малютки», — ты слышишь, душенька?» Но дочь не улыбнулась, только вздохнула. По правдѣ сказать, она

чувствовала себя очень усталой. Большую часть дня она проводила въ санаторіи, и было что-то невѣроятно утомительное въ преувеличенной бѣлизнѣ всего окружающаго и въ безшумныхъ бѣлыхъ движеніяхъ сестеръ. Все еще очень блѣдный, обросшій щетиной, въ чистой рубашкѣ, Лужинъ лежалъ неподвижно. Правда, были минуты, когда онъ поднималъ подъ простыней колѣно или мягко двигалъ рукой, да и въ лицѣ проходили легкія тѣневые перемѣны, и въ раскрытыхъ глазахъ бывалъ иногда почти осмысленный свѣтъ, — но все же только и можно было о немъ сказать, что онъ неподвиженъ, — тягостная неподвижность, изнурительная для взгляда, искавшаго въ ней намекъ на сознательную жизнь. И взгляды нельзя было отвести, — такъ хотѣлось проникнуть подъ этотъ желтовато-блѣдный лобъ, который изрѣдка сморщивался отъ невѣдомаго внутренняго движенія, проникнуть въ невѣдомый туманъ, трудно шевелящійся, пытающійся, быть можетъ, распутаться, сгуститься въ отдѣльныя земныя мысли. Да, было движеніе, было. Безобразный туманъ жаждалъ очертаній, воплощеній, и однажды во мракѣ появилось какъ бы зеркальное пятнышко, и въ этомъ тускломъ лучѣ явилось Лужину лицо съ черной курчавой бородой, знакомый образъ, обитатель дѣтскихъ кошмаровъ. Лицо въ тускломъ зеркальцѣ наклонилось, и сразу просвѣтъ затянулся, опять былъ туманный мракъ и медленно разсѣивающійся ужасъ. И по истеченіи многихъ темныхъ вѣковъ — одной земной ночи — опять зародился свѣтъ, и вдругъ что-то лучисто лопнуло, мракъ разорвался, и остался только въ видѣ тающей тѣневой рамы, посреди которой было сіяющее голубое окно. Въ этой голубизнѣ блестѣла мелкая, желтая листва, бросая пятнистую тѣнь на бѣлый стволъ, скрытый пониже темно-зеленой лапищей елки; и сразу это видѣніе наполнилось жизнью, затрепетали листья, поползли пятна по стволу, колыхнулась зеленая лапа, и Лужинъ, не выдержавъ, прикрылъ глаза, но свѣтлое колыханіе осталось подъ вѣками. «Тамъ,

въ рошѣ, я что-то зарыль», — блаженно подумалъ онъ. И только хотѣлъ вспомнить, что именно, какъ услышалъ надъ собой шелестъ и два спокойныхъ голоса. Онъ сталъ вслушиваться, стараясь понять, гдѣ онъ, и почему на лобъ легло что-то мягкое и холодное. Погодя, онъ снова открылъ глаза. Толстая бѣлая женщина держала ладонь у него на лбу, — а тамъ, въ окнѣ, было все то же счастливое сіяніе. Онъ подумалъ, что сказать, и увидѣвъ на ея груди приколотые часики, облизалъ губы и спросилъ, который часъ. Сразу кругомъ произошло движеніе, женщины зашептались, и съ удивленіемъ Лужинъ замѣтилъ, что понимаетъ ихъ языкъ, самъ можетъ на немъ говорить. «Который часъ?» — повторилъ онъ. «Девять часовъ утра, — сказала одна изъ женщинъ. — Какъ вы себя чувствуете?» Въ окно, если чуть приподняться, былъ виденъ заборъ, тоже въ пятнахъ тѣней. «Повидимому, я попалъ домой», — въ раздуміи проговорилъ Лужинъ и опять опустилъ пустую, легкую голову на подушку. Онъ слышалъ нѣкоторое время шопотъ, легкій звонъ стекла... Ему показалось, что нелѣпость всего происходящаго чѣмъ-то пріятна, и что удивительно хорошо лежать, не двигаясь. Такъ онъ незамѣтно заснулъ и, когда проснулся, увидѣлъ опять голубой блескъ русской осени. Но что-то измѣнилось, кто-то незнакомый появился рядомъ съ его постелью. Лужинъ повернулъ голову: на стулѣ справа сидѣлъ господинъ въ бѣломъ, съ черной бородой, и внимательно смотрѣлъ улыбающимися глазами. Лужинъ смутно подумалъ, что онъ похожъ на мужика съ мельницы, но сходство сразу пропало, когда господинъ заговорилъ: «Карашо?» — дружелюбно освѣдомился онъ. «Кто вы?» — спросилъ Лужинъ по-нѣмецки. «Другъ, — отвѣтилъ господинъ, — вѣрный другъ. Вы были больны, но теперь здоровы. Слышите, — совершенно здоровы». Лужинъ сталъ думать надъ этими словами, но господинъ не далъ ему додуматься и ласково сказалъ: «Вы должны лежать тихо. Отдыхайте Побольше спите».

Такъ Лужинъ вернулся обратно изъ долгаго путешествія, растерявъ по дорогѣ большую часть багажа, и лѣтъ было возстановливать пропажу. Эти первые дни выздоровленія были тихи и плавны; женщины въ бѣломъ вкусно кормили его; приходилъ обворожительный бородачъ, и говорилъ пріятныя вещи, и смотрѣлъ агатовымъ взглядомъ, который тепломъ разливался по тѣлу. Вскорѣ Лужинъ сталъ замѣчать, что въ комнатѣ бываетъ еще кто-то, — трепетное, неуловимое присутствіе. Разъ, когда онъ проснулся, кто-то беззвучно и торопливо уходилъ, а разъ, когда онъ полудремалъ, чей-то легчайшій, какъ бы знакомый шопоть возникъ рядомъ и сразу погасъ. И въ разговорѣ бородатаго друга стали мелькать намеки на что-то таинственное и счастливое; оно было въ воздухѣ вокругъ него, и въ осенней прелести окна, и дрожало гдѣ то за дверью, — загадочное, увертливое счастье. И Лужинъ постепенно сталъ понимать, что райская пустота, въ которой витають его прозрачныя мысли, со всѣхъ сторонъ заполняется. Но ему повезло: первымъ явилось наиболѣе счастливое видѣніе его жизни.

Предупрежденный о близости прекраснаго событія, онъ смотрѣлъ сквозь рѣшетку изголовья на бѣлую дверь и ждалъ, что вотъ сейчасъ она откроется, и сбудется наконецъ предсказаніе. Но дверь не открывалась. Вдругъ сбоку, внѣ поля его зрѣнія, что-то шелохнулось. Подъ прикрытіемъ большой ширмы кто-то стоялъ и смѣялся. «Иду, иду, одинъ моментъ», — забормоталъ Лужинъ, высвобождая ноги изъ-подъ простыни, и вытаращенными глазами ища подъ стуломъ, рядомъ съ постелью, какой-нибудь обуви. «Никуда вы не пойдете», — сказалъ голосъ, и розовое платье мгновенно заполнило пустоту.

То, что его жизнь прежде всего озарилась именно съ этой стороны, облегчило его возвращеніе. Нѣкоторое еще время оставались въ тѣни жестокаго громады, боги его бытія. Произошелъ нѣжный оптической обманъ: онъ вернулся въ жизнь не съ той стороны, откуда вышелъ, и ра-

боту по распредѣленію его воспоминаній взяло на себя то удивительное счастье, которое первымъ встрѣтило его. И когда наконецъ эта область жизни была полностью восстановлена, и вдругъ, съ грохотомъ обрушившейся стѣны, появился Турати, турниръ и всѣ предыдущіе турниры, — этому же счастью удалось увести сопротивлявшійся образъ Турати и положить обратно въ ящикъ зашевелившіяся было шахматныя фигуры. Какъ только онѣ опять оживали, ихъ твердо захлопывали снова, — и борьба продолжалась недолго. Помогалъ докторъ, дорогіе камня его глазъ переливались и таяли; онъ говорилъ о томъ, что кругомъ свободный и свѣтлый міръ, что игра въ шахматы — холодная забава, которая сушитъ и развращаетъ мысль, и что страстный шахматистъ столь же нелѣпъ, какъ сумасшедшій, изобрѣтающій перпетуумъ мобиле, или считающій камушки на пустынномъ берегу океана. «Я васъ перестану любить, — говорила невѣста, — если вы будете вспоминать о шахматахъ, — а я вижу каждую мысль, такъ что держитесь». «Ужасъ, страданіе, уныніе, — тихо говорилъ докторъ, — вотъ что порождаетъ эта изнурительная игра». И онъ доказывалъ Лужину, что самъ Лужинъ хорошо это знаетъ, что Лужинъ не можетъ подумать о шахматахъ безъ отвращенія, и таинственнымъ образомъ тая, переливаясь и блаженно успокаиваясь, Лужинъ соглашался съ его доводами. И по огромному, прекрасно пахнувшему санаторскому саду Лужинъ прогуливался въ новенькихъ ночныхъ туфляхъ изъ мягкой кожи и одобрительно отзывался о георгинахъ, и рядомъ шла его невѣста, и почему то думала о читанной въ дѣтствѣ книжкѣ, гдѣ всѣ непріятности въ жизни одного гимназиста, бѣжавшаго изъ дома со спасенной имъ собакой, разрѣшались удобной для автора горячкой (не тифомъ, не скарлатиной, а просто горячкой), и нелюбимая дотолѣ молодая мачеха такъ ухаживала за нимъ, что онъ ее вдругъ оцѣнилъ, и сталъ звать мамой, и теплая слезинка скатилась по щекѣ, и все было очень хорошо. «Лужинъ здо-

ровъ», — сказала она съ улыбкой глядя на его тяжелый профиль (профиль обрюзгшаго Наполеона), опасливо склоненный надъ цвѣткомъ, который,—Богъ его знаетъ,—могъ укусить. «Лужинъ здоровъ. Лужинъ гуляетъ. Лужинъ очень милый». «Не пахнетъ», — баскомъ сказалъ Лужинъ. «И не должно пахнуть, — отвѣтила она, взявъ его подъ руку. — Это у георгинъ не принято. А вонъ тотъ бѣлый господинъ — табакъ. Онъ здорово пахнетъ ночью. Когда я была маленькая, я всегда высасывала сокъ изъ середины. Теперь уже невкусно». «У насъ въ саду, — началъ Лужинъ и задумался, щурясь на клумбы... — Имѣлись вотъ эти цвѣточки, — сказалъ онъ. — Садъ былъ вполнѣ презентабельный». «Астры, — пояснила она. — Я ихъ не люблю. Онѣ жесткія. А въ нашемъ саду...»

Вообще много говорилось о дѣтствѣ. Говорилъ и профессоръ, спрашивалъ Лужина: «У вашего отца была земля? Неправда-ли?» Лужинъ кивалъ. «Земля, деревня, — это превосходно, — продолжалъ профессоръ. — У васъ были вѣрно лошади, коровы?» Кивокъ. «Дайте мнѣ представить себѣ вашъ домъ... Кругомъ вѣковыя деревья... Домъ большой, свѣтлый. Вашъ отецъ возвращается съ охоты...» Лужинъ вспомнилъ, какъ однажды отецъ принесъ толстаго, непріятнаго птенчика, найденнаго въ канавѣ. «Да», — неувѣренно отвѣтилъ Лужинъ. «Какія-нибудь подробности, — мягко попросилъ профессоръ. — Пожалуйста. Прошу васъ. Меня интересуетъ, чѣмъ вы занимались въ дѣтствѣ, какъ играли. У васъ были навѣрно солдатики...»

Но Лужинъ при этихъ бесѣдахъ оживлялся рѣдко. За то мысль его, безпрестанно подталкиваемая такими вопросами, возвращалась снова и снова къ области его дѣтства. То, что онъ вспоминалъ, невозможно было выразить въ словахъ, — просто не было взрослыхъ словъ для его дѣтскихъ впечатлѣній, — а если онъ и рассказывалъ что-нибудь, то отрывисто и неохотно, — бѣгло намѣчая очертанія, буквой и цифрой обозначая сложный богатый

возможностями ходъ. Дошкольное, дошахматное дѣтство, о которомъ онъ прежде никогда не думалъ, отстраняя его съ легкимъ содроганіемъ, чтобы не найти въ немъ дремлющихъ ужасовъ, унижительныхъ обидъ, оказывалось нынѣ удивительно безопаснымъ мѣстомъ, гдѣ можно было совершать пріятныя, не лишеныя пронзительной прелести экскурсіи. Лужинъ самъ не могъ понять, откуда волненіе, — почему образъ толстой француженки съ тремя костяными пуговицами сбоку, на юбкѣ, которыя сближались, когда ея огромный крупъ опускался въ кресло, — почему образъ, такъ его раздражавшій въ то время, теперь вызываетъ чувство нѣжнаго ущемленія въ груди. Онъ вспоминалъ, какъ въ петербургскомъ домѣ ея астматическая тучность предпочитала лѣстницѣ старомодный, водой движимый лифтъ, который швейцаръ пускалъ въ ходъ при помощи рычага на стѣнѣ vestibюля. «Въ путь-дорогу», — неизмѣнно говорилъ швейцаръ, закрывая за ней дверныя половинки, и тяжкій, отдувающийся, вздрагивающій лифтъ медленно ползъ вверхъ по толстому бархатному шнуру, и мимо лифта, по облупленной стѣнѣ, видной сквозь стекло, медленно спускались темныя географическія пятна, тѣ пятна сырости и старости, среди которыхъ, какъ и среди небесныхъ облаковъ, господствуетъ мода на очертанія Чернаго моря и Австраліи. Иногда маленькій Лужинъ поднимался вмѣстѣ съ ней, но чаще оставался внизу и слушалъ, какъ въ вышинѣ, за стѣной, трудно взбирается лифтъ, — и онъ всегда надѣялся, маленькій Лужинъ, — что лифтъ на полпути застрянетъ. Частенько такъ и случалось. Шумъ прекращался, изъ неизвѣстнаго междустѣннаго пространства доносился вопль о помощи; швейцаръ внизу двигалъ, гакая, рычагомъ, и открывалъ дверь въ черноту и, глядя вверхъ, дѣловито спрашивалъ: «Поѣхали?» Наконецъ что-то содрогалось, приходило въ движеніе, и черезъ нѣкоторый срокъ спускался лифтъ — уже пустой. Пустой. Богъ вѣсть, что случилось съ ней, — быть можетъ доѣхала она уже до небесъ и тамъ

осталась, со своей астмой, лакричными конфетами и пенснэ на черномъ шнуркѣ. Пустымъ вернулось воспоминаніе, и въ первый разъ, быть можетъ, за всю свою жизнь Лужинъ задался вопросомъ, — куда же, собственно говоря, все это дѣвается, что случилось съ его дѣтствомъ, куда уплыла веранда, куда уползли, шелестя въ кустахъ, знакомыя тропинки?

Непроизвольнымъ движеніемъ души онъ этихъ тропинокъ искалъ въ санаторскомъ саду, но у клумбъ былъ другой очеркъ, и березы были размѣщены иначе, и просвѣты въ ихъ рыжей листьѣ, налитые осенней синевою, никакъ не соотвѣтствовали рисунку тѣхъ памятныхъ березовыхъ просвѣтовъ, на которые онъ эти вырѣзанныя части лазури такъ и этакъ накладывалъ. Неповторимъ какъ будто былъ тотъ далекій міръ, въ немъ бродили уже вполне терпимые, смягченные дымкой разстоянія образы его родителей, и заводной поѣздъ съ жестянымъ вагономъ, выкрашеннымъ подъ фанеру, уходилъ жужжа подъ воланы кресла, и Богъ знаетъ, что думалъ при этомъ кукольный машинистъ, слишкомъ большой для паровоза и потому помѣщенный въ тендеръ.

Таково было дѣтство, охотно посѣщаемое теперь мыслью Лужина. Затѣмъ шла другая пора, долгая шахматная пора, о которой и докторъ и невѣста говорили, что это были потерянные годы, темная пора духовной слѣпоты, опасное заблужденіе, — потерянные, потерянные годы. О нихъ не слѣдовало вспоминать. Тамъ таился, какъ злой духъ, чѣмъ то страшный образъ Валентинова. Ладно, согласимся, довольно, — потерянные годы, — долой ихъ, — забыто, — вычеркнуто изъ жизни. И если такъ исключить ихъ, свѣтъ дѣтства непосредственно соединялся съ нынѣшнимъ свѣтомъ, выливался въ образъ его невѣсты. Она выражала собой все то ласковое и обольстительное, что можно было извлечь изъ воспоминаній дѣтства, — словно пятна свѣта, разеянные по тропинкамъ сада на мызѣ, срослись теперь въ одно теплое, цѣльное сіяніе.

«Радуешься? — уныло спросила мать, глядя на ее оживленное лицо. — Скоро сыграем свадьбу?» «Скорее, — ответила она и бросила свою кругленькую сѣрую шляпу на диванъ. — Во всякомъ случаѣ онъ на дняхъ оставитъ санаторію». «Здорово твоему отцу влетитъ, — марокъ тысяча». «Я сейчасъ по всѣмъ книжнымъ магазинамъ рыскала, — вздохнула дочь. — Онъ непременно требовалъ Жюль Верна и Шерлока Хольмса. И оказывается, что онъ никогда не читалъ Толстого». «Конечно, онъ мужикъ, — пробормотала мать. — Я всегда это говорила». «Слушай, мама, — сказала она, слегка хлопая перчаткой по пакету съ книгами, — давай, условимся. Съ сегодняшняго дня больше никакихъ такихъ милыхъ замѣчаній. Это глупо, унижительно для тебя и, главное, совершенно ни къ чему». «Не выходи ты за него замужъ, — измѣнившись въ лицѣ, проговорила мать. — Не выходи. Умоляю тебя. Ну хочешь, — я бухнусь передъ тобой на колѣни...» И, опираясь одной рукой о кресло, она стала съ трудомъ сгибать ногу, медленно опуская свое большое, слегка похрустывавшее тѣло. «Полъ продавишь», — сказала дочь и, захвативъ книги, вышла изъ комнаты.

Путешествіе Фогга и Мемуары Хольмса Лужинъ прочелъ въ два дня и, прочитавъ, сказалъ, что это не то, что онъ хотѣлъ, — неполное, что-ли, изданіе. Изъ другихъ книгъ ему понравилась «Анна Каренина» — особенно страницы о земскихъ выборахъ и обѣдъ, заказанный Облонскимъ. Нѣкоторое впечатлѣніе произвели на него и «Мертвыя Души», при чемъ онъ въ одномъ мѣстѣ неожиданно узналъ цѣлый кусокъ, однажды въ дѣтствѣ долго и мучительно писанный имъ подъ диктовку. Кромѣ такъ называемыхъ классиковъ, невѣста ему приносила и всякія случайныя книжонки, даже книжонки легкаго поведенія, — труды галльскихъ новеллистовъ. Все, что только могло развлечь Лужина, было хорошо, — даже эти сомнительныя новеллы, которыя онъ со смущеніемъ, но съ интересомъ читалъ. Зато стихи (напримѣръ, томикъ Рильке, ко-

торый она купила по совѣту приказчика) приводили его въ состояніе тяжелаго недоумѣнія и печали. Соотвѣтственно съ этимъ профессоръ запретилъ давать Лужину читать Достоевскаго, который по словамъ профессора, производитъ гнетущее дѣйствіе на психику современнаго человѣка, ибо, какъ въ страшномъ зеркалѣ, — — —

«Ахъ, господинъ Лужинъ не задумывается надъ книгой, — весело сказала она. -- А стихи онъ плохо понимаетъ изъ-за риѣмъ, риѣмы ему въ тягость».

И странная вещь: несмотря на то, что Лужинъ прочелъ въ жизни еще меньше книгъ, чѣмъ она, гимназіи не кончилъ, ничѣмъ другимъ не интересовался, кромѣ шахматъ, — она чувствовала въ немъ призракъ какой-то просвѣщенности, недостающей ей самой. Были заглавія книгъ и имена героевъ, которыя почему-то были Лужину по домашнему знакомы, хотя самыхъ книгъ онъ никогда не читалъ. Рѣчь его была неуклюжа, полна безобразныхъ, нелѣпыхъ словъ, — но иногда вздрагивала въ ней интонація невѣдомая, намекающая на какія то другія слова, живыя, насыщенные тонкимъ смысломъ, которыя онъ выговорить не могъ. Несмотря на невѣжественность, несмотря на бѣдность словъ, Лужинъ таилъ въ себѣ едва уловимую вибрацію, тѣнь звуковъ, когда-то слышанныхъ имъ.

Ни объ его некультурности, ни о прочихъ его недостаткахъ, мать больше не говорила, послѣ того дня, когда, оставшись одна въ колѣнопреклоненномъ положеніи, она всласть нарыдалась, щекой приложившись къ ручкѣ кресла. «Я бы все поняла, — сказала она потомъ мужу, — все поняла и простила бы, если бы она дѣйствительно любила его. Но въ томъ то и ужасъ...» «Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ, — прервалъ мужъ. — Мнѣ тоже сперва казалось, что все это чисто головное. Но ея отношеніе къ его болѣзни меня убѣждаетъ въ обратномъ. Конечно, такой союзъ опасенъ, да и она могла бы лучше выбрать... Хотя онъ изъ старой дворянской семьи, но его узкая профессія наложила на него нѣкоторый отпечатокъ. Вспомни Ирину, кото-

рая стала актрисой, — вспомни, какой она потомъ приѣхала къ намъ. Все же, не взирая на эти всѣ дефекты, я считаю, что онъ человѣкъ хорошій. Вотъ ты увидишь, онъ займется теперь какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ. Я не знаю, какъ ты, но я просто больше не рѣшаюсь ее отговаривать. По-моему, если ужъ хочешь знать мое мнѣніе, — слѣдуетъ, скрѣпя сердце, принять неизбежное».

Онъ говорилъ долго и бодро, держась очень прямо и стуча крышечкой портсигара.

«Я только одно чувствую, — повторяла жена, — она его не любитъ».

11.

Въ зачаточномъ пиджакѣ безъ одного рукава, стоялъ обновляемый Лужинъ, бокомъ къ трюмо, и лысый портной то поводилъ мѣломъ по его плечамъ и спинѣ, то втыкалъ въ него булавки, съ поразительной ловкостью вынимая ихъ изо рта, гдѣ, повидимому, онѣ естественно росли. Изъ всѣхъ образцовъ сукна, аккуратно по тонамъ расположенныхъ въ альбомѣ, Лужинъ выбралъ квадратъ темно-сѣрый, и невѣста долго щипала соответствующее сукно, которое портной бросилъ съ глухимъ стукомъ на прилавокъ, молниеносно развернулъ и, выпятившись, прижалъ къ груди, словно прикрывая наготу. Она нашла, что сукно склонно мяться, и тогда лавина плотныхъ свертковъ стала заносить прилавокъ, и портной, моча палецъ о нижнюю губу, разворачивалъ, разворачивалъ. Выбрано было наконецъ сукно, тоже темно-сѣрое, но гибкое и нѣжное. даже какъ будто чуть мохнатое, и теперь Лужинъ, распредѣленный въ трюмо по частямъ, по разрѣзамъ, словно для нагляднаго обученія (...вотъ чисто выбритое, полное лицо, вотъ то же лицо въ профиль, а вотъ рѣдко самимъ субъектомъ выдаемый затылокъ, довольно коротко подстриженный, со складочками на шеѣ и слегка оттопыренными, розовымъ свѣтомъ пронизанными ушами...), по-

сматривалъ на себя и на матерію, не узнавая въ ней прежней гладкой и щедрой цѣлины. «Я думаю, что нужно спереди чуточку уже», — сказала невѣста, и портной, отойдя на шагъ, прищурился на лужинскую фигуру, промурлыкалъ съ вѣжливымъ смѣшкомъ, что господинъ нѣсколько въ тѣлѣ, а потомъ взялся за новорожденные отвороты, что-то подтянулъ, что-то подкололъ, межъ тѣмъ, какъ Лужинъ, съ жестомъ, свойственнымъ всѣмъ людямъ въ его положеніи, слегка отводилъ руку или сгибалъ ее въ локтѣ, глядя себѣ на кисть и стараясь свыкнуться съ рукавомъ. Мимоходомъ портной полоснулъ его мѣломъ по сердцу, намѣчая карманчикъ, послѣ чего безжалостно сорвалъ уже какъ будто готовый рукавъ и сталъ проворно вынимать булавки изъ Лужинскаго живота.

Кромѣ хорошаго костюма, Лужину былъ сдѣланъ и фракъ; старомодный же смокингъ, найденный на днѣ его сундучка, былъ тѣмъ же портнымъ измѣненъ къ лучшему. Его невѣста не смѣла спросить, боясь возбудить шахматныя воспоминанія, зачѣмъ нужны были Лужину въ прежніе дни смокингъ и шапо-клякъ, и поэтому никогда не узнала о нѣкоемъ большомъ обѣдѣ въ Бирмингамѣ, на которомъ, между прочимъ, Валентиновъ... — Ну да Богъ съ нимъ.

Обновленіе лужинской оболочки этимъ не ограничилось. Появились рубашки, галстуки, носки, — и Лужинъ все это принималъ съ беззаботнымъ интересомъ. Изъ санаторіи онъ переѣхалъ въ небольшую, съ веселыми обоями комнату, снятую во второмъ этажѣ невѣстинаго дома, и, когда онъ переѣзжалъ, у него было точь-въ-точь такое же чувство, какъ когда въ дѣтствѣ возвращался изъ деревни въ городъ. Всегда странно это городское новоселье. Спать ляжешь, и все такъ ново: въ тишинѣ плетущимся цоканіемъ оживаютъ на нѣсколько мгновеній ночные торцы, окна завѣшены плотнѣе и пышнѣе, чѣмъ въ усадьбѣ; во мракѣ, едва облегченномъ свѣтлой чертой неплотно закрытой двери, выжидательно застыли предметы,

еще несовсѣмъ потеплѣвшіе, не до конца возобновившіе знакомство послѣ долгаго лѣтняго перерыва. А проснешься, — трезвый сѣрый свѣтъ за окнами, въ молочной мути неба скользить солнце, похожее на луну, и вдругъ въ отдаленіи наплывъ военной музыки: она приближается оранжевыми волнами, прерывается торопливой дробью барабана, и вскорѣ все смолкаетъ, и вмѣсто щекастыхъ трубныхъ звуковъ, — опять невозмутимый стукъ копытъ, легкое дребезжаніе петербургскаго утра.

«Вы забываете тушить свѣтъ въ коридорѣ, — съ улыбкой сказала пожилая нѣмка, сдававшая ему комнату. — Вы забываете закрывать вашу дверь на ночь». И невѣстѣ его она тоже пожаловалась, — разсѣянь, молъ, какъ старый профессоръ.

«Вамъ уютно, Лужинъ? — спрашивала невѣста. — Вы спите хорошо, Лужинъ? Нѣтъ, я знаю, что неудобно, но вѣдь это скоро все измѣнится». «Не надо больше откладывать, — бормоталъ Лужинъ, обнявъ ее и скрестивъ пальцы у нея на бедрѣ. — Садитесь, садитесь, не надо откладывать. Давайте, завтра вступимъ. Завтра. Въ самый законный бракъ». «Да, скоро, скоро, — отвѣчала она. — Но нельзя же въ одинъ день. Есть еще одно учрежденіе. Тамъ мы съ вами будемъ висѣть на стѣнѣ въ продолженіе двухъ недѣль, и ваша жена тѣмъ временемъ пріѣдетъ изъ Палермо, посмотритъ на имена и скажетъ: нельзя, Лужинъ — мой».

«Затеряла, — отвѣтила мать, когда она къ ней обратилась за своей метрикой. — Засунула и затеряла. Не знаю, ничего не знаю». Бумага однако быстрехонько нашлась. Да и поздно было теперь предупреждать, запрещать, придумывать трудности. Съ роковой гладкостью подкатывала свадьба, и ее было невозможно задержать, словно стоишь на льду, скользко, нѣтъ упора. Ей пришлось смириться и подумать о томъ, чѣмъ украсить и какъ подать дочерняго жениха, чтобы не стыдно было передъ людьми, и

какъ собратъся съ силами, чтобы на свадьбѣ улыбаться, играть довольную мать, хвалить честность и доброту Лужина. Думала она и о томъ, сколько уже ушло денегъ на Лужина, и сколько еще уйдетъ, и старалась изгнать изъ воображенія страшную картину: Лужинъ въ дезабильтѣ, пышущій макаковой страстью, и ея изъ упрямства покорная, холодная, холодная дочь. Межъ тѣмъ и рама для этой картины была готова. Была снята поблизости не очень дорогая, но недурно обставленная квартира, правда — въ пятомъ этажѣ, но что же дѣлать, -- для Лужинской одышки есть лифтъ, да и лѣстница не крута, со стульчикомъ на каждой площадкѣ, подъ расписнымъ окномъ. Изъ просторной прихожей, условно оживленной силуэтными рисунками въ черныхъ рамочкахъ, дверь налево открывалась въ спальню, а дверь направо — въ кабинетъ. Далѣе, по правой же сторонѣ прихожей, находилась дверь въ гостиную; смежная съ нею столовая была нѣсколько длиннѣе, — за счетъ прихожей, которая въ этомъ мѣстѣ благополучно превращалась въ коридоръ, — превращеніе, цѣломудренно скрытое плюшевой портьерой на кольцахъ. Налево отъ коридора была ванная, за ней людская, а въ концѣ — дверь въ кухню.

Будущей обитательницѣ этой квартиры понравилось расположеніе комнатъ; ихъ обстановка пришлась ей менѣе по вкусу. Въ кабинетѣ стояли коричневые бархатныя кресла, книжный шкафъ, увѣнчанный плечистымъ, востролицымъ Данте въ купальномъ шлемѣ, и большой, пустовавший письменный столъ, съ неизвѣстнымъ прошлымъ и неизвѣстнымъ будущимъ. Валкая лампа на черномъ витомъ столбѣ подъ оранжевымъ абажуромъ высилась подлѣ отоманки, на которой были забыты свѣтлошерстый медвѣжонокъ и толстомордая собака съ широкими розовыми подошвами и пятномъ на глазу. Надъ отоманкой висѣлъ фальшивый гобеленъ, изображавшій пляшущихъ поселянъ.

Изъ кабинета, — ежели легонько толкнуть раздвижныя

двери, — открывался сквозной видъ: паркетъ гостиной и дальше столовая съ буфетомъ, уменьшеннымъ перспективной. Въ гостиной зеленымъ лоскомъ отливала пальма, по паркету были разсѣяны коврики. Наконецъ,—столовая, съ выросшимъ теперь до естественной величины буфетомъ и съ тарелками по стѣнамъ. Надъ столомъ одинокій пушистый чортикъ повисалъ съ низкой лампы. Окно было фонаремъ, и оттуда можно было видѣть скверъ съ фонтаномъ въ концѣ улицы. Вернувшись къ столу, она поглядѣла черезъ гостиную въ даль кабинета, на гобеленъ, въ свою очередь уменьшившійся, затѣмъ вышла изъ столовой въ коридоръ и направилась черезъ прихожую въ спальню. Тамъ стояли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, двѣ пухлыя постели. Лампа оказалась въ мавританскомъ стилѣ, занавѣски на окнахъ были желтыя, что сулило по утрамъ обманный солнечный свѣтъ, — и въ простѣнкѣ висѣла гравюра: вундеркиндъ въ ночной рубашонкѣ до пятъ играетъ на огромномъ роялѣ, и отецъ, въ сѣромъ халатѣ, со свѣчей въ рукѣ, замеръ, пріоткрывъ дверь.

Кое-что пришлось добавить, кое-что изъять. Изъ гостиной былъ убранъ портретъ хозяйскаго дѣдушки, а изъ кабинета поспѣшно изгнали восточнаго вида столикъ съ перламутровой шахматной доской. Окно въ ванной комнатѣ, снизу голубовато искристое, будто подернутое морозомъ, оказалось надтреснутымъ въ своей верхней прозрачной части, и пришлось вставить новое стекло. Въ кухнѣ и въ людской побѣлили потолки. Подъ сѣнью салонной пальмы выросъ граммофонъ. Вообще же говоря, осматривая и подправляя эту «квартиру на барскую ногу, снятую на скорую руку», — какъ шутилъ отецъ, — она не могла отдѣлаться отъ мысли, что все это только временное, придется вѣроятно увезти Лужина изъ Берлина, развлекать его другими странами. Всякое будущее неизвѣстно, — но иногда оно пріобрѣтаетъ особую туманность, словно на подмогу естественной скрытности судьбы при-

ходить какая то другая сила, распространяющая этотъ упругій туманъ, отъ котораго отскакиваетъ мысль.

Но какъ Лужинъ былъ мягокъ и милъ въ эти дни. . . Какъ онъ уютно сидѣлъ, одѣтый въ новый костюмъ и украшенный дымчатымъ галстукомъ, за чайнымъ столомъ и вѣжливо, если и несовсѣмъ впопадъ, поддакивалъ собесѣднику. Его будущая теща рассказала знакомымъ, что Лужинъ рѣшилъ бросить шахматную игру, которая слишкомъ много отнимала времени, но что онъ объ этомъ не любитъ говорить, — и теперь Олегъ Сергѣевичъ Смирновскій уже не требовалъ партіи, а съ огонькомъ въ глазахъ раскрывалъ ему таинственныя махинаціи масоновъ и даже обѣщаль дать прочесть замѣчательную брошюру.

Въ учрежденіяхъ, куда они ходили сообщать чиновникамъ о намѣреніи вступить въ бракъ, Лужинъ велъ себя, какъ взрослый, всѣ бумаги несъ самъ, благоговѣнно, бережно, и заполнялъ бланки съ любовью, отчетливо выводя каждую букву. Почеркъ у него былъ кругленькій, необыкновенно аккуратный, и немало времени уходило на осторожное развинчиваніе новой самопишущей ручки, которую онъ нѣсколько жеманно отряхивалъ въ сторону прежде, чѣмъ приступить къ писанію, а потомъ, насладившись скольженіемъ золотого пера, такъ же осторожно совалъ обратно въ сердечный карманчикъ, блестящей зацѣпкой наружу. И съ удовольствіемъ онъ сопровождалъ невѣсту по магазинамъ и ждалъ, какъ интереснаго сюрприза, квартиры, которой она рѣшила до свадьбы ему не показывать.

Въ теченіе тѣхъ двухъ недѣль, пока ихъ имена были вывѣшены напоказъ, — то на адресъ жениха, то на адресъ невѣсты, стали приходиться предложенія разныхъ недремлющихъ фирмъ: экипажи для свадебъ и похоронъ (съ изображеніемъ кареты, запряженной парой галопирующихъ лошадей), фраки напрокатъ, цилиндры, мебель, вино, наемныя залы, аптекарскія принадлежности. Лужинъ добросовѣстно разсматривалъ иллюстрированные прейс-

куранты и складывалъ ихъ у себя, удивляясь, почему невѣста такъ презрительно относится ко всѣмъ этимъ любопытнымъ предложеніямъ. Были предложенія другого рода. Было то, что Лужинъ называлъ «небольшое апарте», съ будущимъ тестемъ, пріятный разговоръ, во время котораго тотъ предложилъ устроить его въ коммерческое предпріятіе, — конечно, погодя, не сейчасъ, пускай поживетъ спокойно нѣсколько мѣсяцевъ. «Жизнь, мой другъ, такъ устроена, — говорилось на этой бесѣдѣ, — что за каждую секунду человѣкъ долженъ платить, по самому минимальному расчету, 1/432 часть пфеннига, и это будетъ жизнь нищенская; вамъ же нужно содержать жену, привыкшую къ извѣстной роскоши». «Да-да», — сказалъ Лужинъ, радостно улыбаясь и стараясь вывернуть въ умѣ сложное вычисленіе, продѣланное съ такой нѣжной ловкостью его собесѣдникомъ. «Для этого требуется нѣсколько больше денегъ», — продолжалъ тотъ, и Лужинъ затаялъ дыханіе въ ожиданіи новаго фокуса. «Секунда будетъ обходиться ...дороже. Повторяю, я готовъ первое время, — первый годъ, скажемъ, — щедро приходитъ вамъ на помощь... Но со временемъ...—Вотъ вы побываете у меня какъ-нибудь въ конторѣ, я вамъ покажу интересныя вещи».

Такъ пріятнѣйшимъ образомъ все кругомъ старалось расцвѣтить пустоту лужинской жизни. Онъ давалъ себя укачивать, баловать, щекотать, принималъ съ зажмуренной душой ласковую жизнь, обволакивавшую его со всѣхъ сторонъ. Будущее смутно представлялось ему, какъ молчаливое объятіе, длящееся безъ конца, въ счастливой полутемнотѣ, гдѣ проходятъ, попадаютъ въ лучъ и скрываются опять, смѣясь и покачиваясь, разнообразныя игрушки міра сего. Но въ неизбѣжныя минуты жениховскаго одиночества, позднимъ вечеромъ, раннимъ утромъ, бывало ощущеніе странной пустоты, какъ будто въ красочной складной картинѣ, составленной на скатерти, оказались незаполненные, вычурнаго очерка пробѣлы. И однажды

во снѣ онъ увидѣлъ Турати, сидящаго къ нему спиной. Турати глубоко задумался, опираясь на руку, но изъ-за его широкой спины не видать было того, надъ чѣмъ онъ въ раздуміи поникъ. Лужинъ не хотѣлъ это увидѣть, боялся увидѣть, но все же осторожно сталъ заглядывать черезъ черное плечо. И тогда онъ увидѣлъ, что передъ Турати стоитъ тарелка супа, и что не опирается онъ на руку, а просто затыкаетъ за воротникъ салфетку. И въ ноябрьскій день, которому этотъ сонъ предшествовалъ, Лужинъ женился.

Олегъ Сергѣевичъ Смирновскій и нѣкій балтійскій баронъ были свидѣтелями того, какъ Лужина и его невѣсту провели въ большую комнату и усадили за длинный столъ, покрытый сукномъ. Чиновникъ перемѣнилъ пиджакъ на поношенный сюртукъ и прочелъ брачный приговоръ. При этомъ всѣ встали. Послѣ чего, съ профессиональной улыбкой, чиновникъ почтилъ новобрачныхъ сырымъ рукопожатіемъ, и все было кончено. У выхода толстый швейцаръ, мечтая о полтинникѣ, поклонился, поздравляя, и Лужинъ добродушно сунулъ ему руку, которую тотъ принялъ на ладонь, не сразу сообразивъ, что это человѣческая рука, а не подачка.

Въ тотъ же день было и церковное вѣнчаніе. Послѣдній разъ Лужинъ побывалъ въ церкви много лѣтъ назадъ, на панихидѣ по матери. Пятясь дальше въ глубину прошлаго, онъ помнилъ ночныя вербныя возвращенія со свѣчечкой, метавшейся въ рукахъ, ошалѣвшей отъ того, что вынесли ее изъ теплой церкви въ неизвѣстную ночь, и наконецъ умиравшей отъ разрыва сердца, когда на углу улицы налеталъ вѣтеръ съ Невы. Были исповѣди въ долевой церкви на Почтамтской, и особенно стучали сапоги въ ея темноватой пустынѣ, передвигались, словно откашливаясь, стулья, на которыхъ другъ за другомъ сидѣли ожидавшіе, и порой изъ таинственно завѣшеннаго угла вырывался шопоть. И пасхальныя ночи онъ помнилъ: дьякоиъ читалъ рыдающимъ басомъ и, все еще всхлипывая, широк-

кимъ движеніемъ закрывалъ огромное Евангеліе... И онъ помнилъ, какъ легко и пронзительно, вызывая сосущее чувство подложечкой, звучало натошакъ слово «ѳасха» въ устахъ изможденнаго священника; и помнилъ, какъ было всегда трудно уловить то мгновеніе, когда кадило плавно мѣтитъ въ тебя, именно въ тебя, а не въ сосѣда, и такъ поклониться, чтобы въ точности поклонъ пришелся на кадильный взмахъ. Былъ запахъ ладана, и горячее паденіе восковой капли на костяшки руки, и темный, медовый лоскъ образа, ожидавшаго лобзанія. Томныя воспоминанія, смуглота, поблескиванья, вкусный церковный воздухъ и мурашки въ ногахъ. И ко всему этому теперь прибавилась дымчатая невѣста, и вѣнецъ, который вздрагивалъ въ воздухѣ, надъ самой головой, и могъ того и гляди упасть. Онъ осторожно косился на него, и ему показалось раза два, что чья то незримая рука, державшая вѣнецъ, передаетъ его другой, тоже незримой, рукѣ. «Да-да», — поспѣшно отвѣтилъ онъ на вопросъ священника и еще хотѣлъ прибавить, какъ все это хорошо, и странно, и мягко для души, но только взволнованно прочистилъ горло, и свѣтъ въ глазахъ сталъ расплывчато лучиться.

А затѣмъ, когда всѣ сидѣли за большимъ столомъ, у него было то же чувство, какъ когда приходишь домой послѣ заутрени, и ждешь тебя масляный баранъ съ золотыми рогами, окорокъ, дѣвственно ровная пасха, за которую хочется приняться раньше всего, минуя ветчину и яйца. Было жарко и шумно, за столомъ сидѣло много людей, бывшихъ вѣроятно и въ церкви, — ничего, ничего, пусть побудутъ до поры, до времени... Лужина глядѣла на мужа, на кудрю, на прекрасно сшитый фракъ, на кривую полуулыбку, съ которой онъ привѣтствовалъ блюда. Ея мать, щедро напудренная, въ очень открытомъ спекреди платьѣ, показывавшемъ, какъ въ старыя времена, тѣсную выемку между ея приподнятыхъ, екатерининскихъ грудей, держалась молодцомъ и даже говорила зятю «ты», такъ что Лужинъ нѣкоторое время не понималъ, къ кому

она обращается. Онъ выпилъ всего два бокала шампанскаго, и волнами стала находить на него пріятная сонливость. Вышли на улицу. Черная, вѣтреная ночь мягко ударила его въ грудь, незащищенную недоразвитымъ фракнымъ жилетомъ, и жена попросила запахнуть пальто. Ея отецъ, весь вечеръ улыбавшійся и поднимавшій бокаль какимъ-то особеннымъ образомъ — молча, до уровня глазъ, — манера, перенятая у одного дипломата, говорившаго очень изящно «скоуль», — теперь, все такъ же улыбаясь одними глазами, поднималъ въ знакъ прощанія блестящую при свѣтѣ фонаря связку дверныхъ ключей. Мать, придерживая на плечѣ горностаевую накидку, старалась не смотреть на спину Лужина, влѣзавшаго въ автомобиль. Гости, всѣ немного пьяные, прощались съ хозяевами и другъ съ другомъ и, деликатно посмѣиваясь, окружали автомобиль, который наконецъ тронулся, и тогда кто-то заоралъ «ура», и поздній прохожій, обратившись къ спутницѣ, одобрительно замѣтилъ: «землячки шумятъ».

Лужинъ въ автомобиль тотчасъ уснулъ, и при случайныхъ, вѣеромъ раскрывшихся отблескахъ бѣлесымъ свѣтомъ оживало его лицо, и мягкая тѣнь отъ носа совершала медленный кругъ по щекѣ, и затѣмъ надъ губой, и опять было въ автомобильѣ темно, пока не проходилъ новый свѣтъ, мимоходомъ поглаживая лужинскую руку, которая словно скользила въ темный карманъ, какъ только опять наплывалъ сумракъ. И потомъ пошла череда яркихъ огней, и каждый выгонялъ изъ-подъ бѣлаго галстука тѣневую бабочку, и тогда жена осторожно поправила ему кашнэ, такъ какъ даже въ закрытый автомобиль проникать холодъ ноябрьской ночи. Онъ очнулся и прищурился отъ взмаха уличнаго луча и не сразу понялъ, гдѣ онъ, но въ это мгновеніе автомобиль остановился, и жена тихо сказала: «Лужинъ, мы дома».

Въ лифтѣ онъ стоялъ, улыбаясь и мигая, нѣсколько осовѣвшій, но ничуть не пьяный, и глядѣлъ на рядъ кнопокъ, одну изъ которыхъ нажала жена. «На извѣстной

вышинѣ», — сказалъ онъ и посмотрѣлъ на потолокъ лифта, точно ожидая тамъ увидѣть вершину пути. Лифтъ остановился. «Екъ», — сказалъ Лужинъ и тихо рассыпался смѣхомъ.

Ихъ встрѣтила въ прихожей новая прислуга, — кругленькая дѣвица, сразу протянувшая имъ красную, непропорціонально большую руку. «Ахъ, зачѣмъ вы насъ ждали», — сказала жена. Горничная поздравляла, что то быстро говорила и съ благоговѣніемъ приняла лужинскій шапо-клякъ. Лужинъ съ тонкой улыбкой показаль, какъ онъ захлопывается. «Удивительно», — воскликнула горничная. «Идите, идите спать, — безпокойно повторяла жена. — Мы сами все заперемъ».

Чередой озарился кабинетъ, гостиная, столовая. «Открывается телескопомъ», — сонно пробормоталь Лужинъ. Ничего онъ толкомъ не разсмотрѣлъ, — слишкомъ слипались глаза. Уже входя въ столовую, онъ замѣтилъ, что несетъ въ рукахъ большую плюшевую собаку съ розовыми подошвами. Онъ ее положилъ на столъ, и сразу къ ней спустился, какъ паукъ, пушистый чортикъ, повисшій съ лампы. Комнаты потухли, словно сдвинулись части телескопа, и Лужинъ оказался въ свѣтломъ коридорѣ. «Идите спать», — кому то опять крикнула жена, и что-то въ глупинѣ шуркнуло и пожелало доброй ночи. «Вонъ тамъ людская, — сказала жена. — А тутъ, слѣва, ванная». «Гдѣ уединеніе? — шепнулъ Лужинъ. — Гдѣ самая маленькая комната?» «Въ ванной, все въ ванной», — отвѣтила она, и Лужинъ осторожно пріоткрылъ дверь и, убѣдившись въ чемъ то, проворно заперся. Его жена прошла въ спальню и сѣла въ кресло, оглядывая упоительно пухлыя постели. «Охъ, я устала», — улыбнулась она и долго слѣдила глазами за крупной, вялой мухой, которая, безнадежно жужжа, летала вокругъ мавританской лампы, а потомъ куда-то исчезла. «Сюда, сюда», — крикнула она, услышавъ въ коридорѣ неуверенно шаркающій шагъ Лужина. «Спальня», — сказалъ онъ одобрително и, заложивъ руки за

спину, нѣкоторое время посматривалъ по сторонамъ. Она открыла шкафъ, куда наканунѣ сложила вещи, подумала и обернулась къ мужу. «Я ванну приму, — сказала она. — Всѣ ваши вещи вотъ здѣсь».

«Подождите минуточку», — проговорилъ Лужинъ и вдругъ во весь ротъ зѣвнулъ. — «Подождите», — нѣбнымъ голосомъ повторилъ онъ, запихивая между слогами упругія части зѣвка. Но захвативъ пижаму и ночныя туфли, она быстро вышла изъ комнаты.

Голубой, толстой струей полилась изъ крана вода и стала заполнять бѣлую ванну, нѣжно дымясь и мѣняя тонъ журчанія по мѣрѣ того, какъ поднимался ея уровень. Глядя на льющійся блескъ, она съ нѣкоторой тревогой думала о томъ, что наступаетъ предѣлъ ея женской расторопности, и что есть область, въ которой не ей путеводительствовать. Сидя затѣмъ въ ваннѣ, она смотрѣла, какъ собираются мелкіе водяные пузыри на кожѣ и на погружающейся пористой губкѣ. Опустившись въ воду по шею, она видѣла себя сквозь уже слегка помутившуюся отъ мыльной пѣны воду, тонкотѣлой, почти прозрачной, и когда колѣно чуть-чуть поднималось изъ воды, этотъ круглый, блестящій, розовый островъ былъ какъ то неожиданенъ своей несомнѣнной тѣлесностью. «Въ концѣ концовъ, это вовсе не мое дѣло», — сказала она, высвободивъ изъ воды сверкающую руку и отодвигая волосы со лба. Она напустила еще горячей воды, наслаждаясь тугими волнами тепла, проходившими по животу, и наконецъ, вызвавъ легкую бурю въ ваннѣ, вышла и не спѣша принялась вытираться. «Прекрасная турчанка», — сказала она, стоя въ однихъ шелковыхъ пижамныхъ штанахъ передъ зеркаломъ, слегка запотѣвшимъ отъ пара. — «Въ общемъ, довольно благоустроено», — сказала она погодя. Продолжая смотрѣться въ зеркало, она стала медленно натягивать пижамную кофточку. «Бока полноваты», — сказала она. Вода въ ваннѣ, стекавшая съ легкимъ урчаніемъ, вдругъ пискнула, и все смолкло: ванна была пуста, и толь-

ко въ дыркѣ еще былъ маленькій мыльный водоворотъ. И вдругъ она поняла, что нарочно медлить, стоя въ пижамѣ передъ зеркаломъ, — и холодокъ прошелъ въ груди, какъ когда перелистываешь прошлогодній журналъ, зная что сейчасъ, сейчасъ дверь откроется, и встанетъ дантистъ на порогѣ.

Громко посвистывая, она пошла въ спальню. и сразу свистъ осѣкся. Лужинъ, прикрытый до пояса пуховикомъ, въ разстегнутой, топорщившейся крахмальной рубашкѣ, лежалъ въ постели, подогнувъ руки подъ голову, и съ мурлыкающимъ звукомъ храпѣлъ. Воротничекъ висѣлъ на изножѣ, штаны валялись на полу, раскинувъ помочч, фракъ, криво надѣтый на плечики вѣшалки, лежалъ на кушеткѣ, подвернувъ подъ себя одинъ хвостъ. Все это она тихо собрала, сложила. Передъ тѣмъ, какъ лечь, она отодвинула штору окна, чтобъ посмотрѣть, спущено ли жалюзи. Оно не было спущено. Въ темной глубинѣ двора ночной вѣтеръ трепалъ какіе-то кусты, и при тускломъ свѣтѣ, невѣдомо откуда льющемся, что-то блестѣло, быть можетъ лужа на каменной панели вдоль газона, а въ другомъ мѣстѣ то появлялась, то скрывалась тѣнь какой то рѣшетки. И вдругъ все погасло, и была только черная пропасть.

Она думала, что уснетъ, какъ только бухнетъ въ постель, но вышло иначе. Воркующій храпъ подлѣ нея, и странная грусть, и эта темнота въ незнакомой комнатѣ, держали ее на вѣсу, не давали соскользнуть въ сонъ. И почему то слово «партія» все проплывало въ мозгу, — «хорошая партія», «найти себѣ хорошую партію», «партія», «партія», «недоигранная, прерванная партія», «такая хорошая партія». «Передайте маэстро мое волненіе, волненіе...» «Она могла бы сдѣлать блестящую партію», — отчетливо сказала мать, проплывая во мракѣ. «Чокнемся», — шепнулъ нѣжный голосъ, и отцовскіе глаза показались изъ-за края бокала, и пѣна поднималась, поднималась, и новыя туфли слегка жали, и въ церкви было такъ жарко...

12.

Большая поѣздка куда-нибудь за границу была отложена до весны, — единственная уступка, которую Лужина сдѣлала родителямъ, желавшимъ хоть первые нѣсколько мѣсяцевъ быть поблизости. Сама Лужина немного боялась для мужа жизни въ Берлинѣ, опутанномъ шахматными воспоминаніями; впрочемъ, оказалось, что Лужина и въ Берлинѣ нетрудно развлекать.

Большая поѣздка куда-нибудь за границу, разговоры о ней, путевые замыслы. Въ кабинетѣ, очень Лужину полюбившемся, нашелся въ книжномъ шкапу великолѣпный атласъ. Міръ, сперва показываемый, какъ плотный шаръ, туго обтянутый сѣткой долготъ и широтъ, развертывался плоско, разрѣзался на двѣ половины и затѣмъ подавался по частямъ. Когда онъ развертывался, какая-нибудь Гренландія, бывшая сначала небольшимъ придаткомъ, простымъ аппендиксомъ, внезапно разбухла почти до размѣровъ ближайшаго материка. На полюсахъ были бѣлыя проплѣшины. Ровной лазурью простирались океаны. Даже на этой картѣ, было бы достаточно воды, чтобы, скажемъ, вымыть руки, — что же это такое на самомъ дѣлѣ, — сколько воды, глубина, ширина... Лужинъ показывалъ женѣ всѣ очертанія, которыя любилъ въ дѣтствѣ, — Балтійское море, похожее на колѣнопреклоненную женщину, ботфорту Италіи, каплю Цейлона, упавшую съ носа Индіи. Онъ считалъ, что экватору не везетъ, — все больше идетъ по морю, — правда перерѣзаетъ два континента, но не поладилъ съ Азіей, подтянувшейся вверхъ: слишкомъ нажалъ и раздавилъ то, что ему перепало, — кой-какіе кончики, неаккуратные острова. Онъ зналъ самую высокую гору и самое маленькое государство и, глядя на взаимное расположеніе обѣихъ Америкъ, находилъ въ ихъ позѣ что-то акробатическое. «Но въ общемъ все это можно было бы устроить пикантнѣе, — говорилъ онъ, показывая на карту міра. — Нѣтъ тутъ идеи, нѣтъ пуан-

ты». И онъ даже немного сердился, что не можетъ найти значенія всѣхъ этихъ сложныхъ очертаній, и долго искалъ возможность, какъ искалъ ее въ дѣтствѣ, пройти изъ Сѣвернаго моря въ Средиземное по лабиринтамъ рѣкъ или прослѣдить какой-нибудь разумный узоръ въ распредѣленіи горныхъ цѣпей.

«Куда же мы поѣдемъ?» — говорила жена и слегка причмокивала, какъ дѣлаютъ взрослые, когда, начиная игру съ ребенкомъ, изображаютъ пріятное предвкушеніе. И затѣмъ она громко называла романтическія страны. ...«Вотъ сперва на Ривьеру, — предлагала она. — Монте-Карло, Ницца. Или, скажемъ, Альпы». «А потомъ немножко сюда, — сказалъ Лужинъ. — Въ Крыму есть очень дешевый виноградъ». «Что вы, Лужинъ, Господь съ вами, въ Россію намъ нельзя». «Почему? — спросилъ Лужинъ. — Меня туда звали». «Глупости, замолчите, пожалуйста», — сказала она, разсердившись, не столько на то, что Лужинъ говоритъ о невозможномъ, сколько на то, что косвенно вспомнилъ нѣчто, связанное съ шахматами. «Смотрите сюда, — сказала она, и Лужинъ покорно перевелъ глаза на другое мѣсто карты. — Вотъ тутъ, напримѣръ, Египеть, пирамиды. А вотъ Испанія, гдѣ дѣлаютъ ужасныя вещи съ бычками...»

Она знала, что во многихъ городахъ, которые они могли бы посѣтить, Лужинъ вѣроятно не разъ уже побывалъ, и потому, во избѣжаніе вредныхъ реминисценцій, большихъ городовъ не называла. Напрасная предосторожность. Тотъ міръ, по которому Лужинъ въ свое время разъѣзжалъ, не былъ изображенъ на картѣ, и если бы она назвала ему Римъ или Лондонъ, то, по звуку этихъ названій въ ея устахъ и по полной нотѣ на картѣ, онъ представилъ бы себѣ что-то совсѣмъ новое, невиданное, а ни въ коемъ случаѣ не смутное шахматное кафе, которое всегда было одинаково, находишь оно въ Римѣ, Лондонѣ или въ той же невинной Ниццѣ, довърчиво названной ею. Когда же она принесла изъ желѣзнодорожнаго бюро многочислен-

ные проспекты, то еще рѣзче какъ будто отдѣлился міръ шахматныхъ путешествій отъ этого новаго міра, гдѣ прогуливается туристъ въ бѣломъ костюмѣ, съ биноклемъ на перевязи. Были черные силуэты пальмъ на розовомъ закатѣ, и опрокинутые силуэты этихъ же пальмъ въ розовомъ, какъ закатъ, Нилѣ. Было до непристойности синее море, сахарно бѣлая гостиница съ пестрымъ флагомъ, вѣющимъ въ другую сторону. чѣмъ дымокъ парохода на горизонтѣ, были снѣговія вершины и висячіе мосты, и лагуны съ гондолами, и въ безконечномъ количествѣ старинныя церкви, и какой-нибудь узенькій переулочекъ, и осликъ съ двумя толстыми тюками на бокахъ... Все было красиво, все было забавно, передъ всѣмъ невѣдомый авторъ проспектовъ приходилъ въ восторгъ, захлебывался похвалами... Звонкія названія, милліонъ святыхъ, воды, излѣчивающія отъ всѣхъ болѣзней, возрастъ городско-го вала, гостиницы перваго, втораго, третьяго разряда, — все это рябило въ глазахъ, и все было хорошо, всюду ждали Лужина, звали громовыми голосами, безумѣли отъ собственнаго радушія и, не спрашивая хозяина, раздарили солнце.

Въ эти же первые дни супружества Лужинъ посѣтилъ контору тестя. Тесть что-то диктовалъ, а пишущая машинка твердила свое, — скороговоркой повторяла слово «то», приблизительно со слѣдующей интонаціей: «то ты пишешь не то, Тото, то — то то, то это мѣшаетъ писать вообще», — и что то съ трескомъ передвигалось. Тесть ему показалъ стопки бланковъ, бухгалтерскія книги съ зетоподобными линиями на страницахъ, книги съ оконцами на корешкахъ, чудовищно толстые тома коммерческой Германіи, счетную машину, очень умную, совершенно ручную. Однако, больше всего Лужину понравился Тото, пишущій не то, слова, быстро высынавшіяся на бумагу, чудесная ровность лиловыхъ строкъ и сразу нѣсколько кепій. «Я бы тоже... Надо знать», — сказалъ онъ, и тесть одобрительно кивнулъ, и пишущая машинка появилась у

Лужина въ кабинетѣ. Ему было предложено, что одинъ изъ конторскихъ служащихъ придетъ и ему все объяснитъ, но онъ отказался, отвѣтивъ, что научится самъ. И точно: онъ довольно быстро разобрался въ устройствѣ, научился вставлять ленту, вкатывать листы, подружился со всѣми рычажками. Труднѣе оказалось запомнить расположе- ніе буквъ, стуканіе шло чрезвычайно медленно; никакой тотовой скороговорки не получалось, и почему то — съ перваго же дня — присталъ восклицательный знакъ, — выскакивалъ въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ. Сперва онъ переписалъ полстолбца изъ нѣмецкой газеты, а потомъ самъ кое-что сочинилъ. Вышло короткое письмо тако- го содержания: «Вы требуетесь по обвиненію въ убійствѣ[†] Сегодня 27 ноября. Убійство и поджогъ. Здравствуете, милостивая государыня. Теперь, когда ты нуженъ, восклицательный знакъ, гдѣ ты? Тѣло найдено. Милостивая го- сударыня!! Сегодня придетъ полиція!!!» Лужинъ пере- чель это нѣсколько разъ и, вставивъ обратно листъ, под- писалъ довольно криво, мучительно ища буквъ: «Аббать Бузони». Тутъ ему стало скучно, дѣло шло слишкомъ мед- ленно. И какъ-нибудь нужно было приспособить написан- ное письмо. Порывшись въ телефонной книгѣ, онъ выис- калъ нѣкую Луизу Альтманъ, рантьершу, написалъ отъ руки адресъ и послалъ ей свое сочиненіе.

Нѣкоторымъ развлеченіемъ служилъ и граммофонъ. Бархатнымъ голосомъ пѣлъ шоколаднаго цвѣта шкапчикъ подъ пальмой, и Лужинъ, обнявъ жену, сидѣлъ на дива- нѣ, и слушалъ, и думалъ о томъ, что скоро ночь. Она вста- вала, мѣняла пластинку, держа дискъ къ свѣту, и на немъ былъ зыбкій секторъ шелковаго блеска, какъ лунная гра- ница на морѣ. И снова шкапчикъ источалъ музыку, и опять садилась рядомъ жена, опускала подбородокъ на скре- щенные пальцы и слушала, моргая. Лужинъ запоминалъ мотивы и даже пытался ихъ напѣвать. Были стонушіе, трескучіе, улюлюкающіе танцы, и нѣжнѣйшій америка- нецъ, поющій шопотомъ, и была цѣлая опера въ пятнад-

цать пластинокъ — «Борисъ Годуновъ» — съ колокольнымъ звономъ въ одномъ мѣстѣ и съ жутковатыми паузами.

Часто заходили родители жены, и было заведено, что три раза въ недѣлю Лужины у нихъ обѣдаютъ. Мать не разъ пробовала узнать у дочери кое-какія подробности брака и пытливо спрашивала: «Ты беременна? Я увѣрена, что уже беременна». «Да что ты, — отвѣчала дочь, — я давно родила». Была она все такъ же спокойна и такъ же улыбалась исподлобья, и такъ же звала Лужина по фамилии и на вы. «Мой бѣдный Лужинъ, — говорила она, нѣжно выдвигая губы, — мой бѣдный, бѣдный». И Лужинъ щекой терся объ ея плечо, и она смутно думала, что вѣроятно бываютъ еще блаженства, кромѣ блаженства состраданія, но что до этого ей нѣтъ дѣла. Единственной ея заботой въ жизни было ежеминутное стараніе возбуждать въ Лужинѣ любопытство къ вещамъ, поддерживать его голову надъ темной водой, чтобъ онъ могъ спокойно дышать. Она спрашивала Лужина по утрамъ, что онъ видѣлъ во снѣ, веселила его утренній аппетитъ то котлеткой, то англійскимъ мармеладомъ, водила его гулять, подолгу останавливалась съ нимъ передъ витринами, читала ему вслухъ послѣ обѣда «Войну и Миръ», занималась съ нимъ веселой географіей, подъ ея диктовку онъ стучалъ на машинкѣ. Нѣсколько разъ она повела его въ музей, показала ему любимыя свои картины и объясняла, что во Фламандіи, гдѣ туманы и дождь, художники пишутъ ярко, а въ Испаніи, странѣ солнца, родился самый сумрачный мастеръ. Говорила она еще, что вонь у того есть чувство стеклянныхъ вещей, а этотъ любитъ лиліи и нѣжныя лица, слегка припухшія отъ небесной простуды, и обращала его вниманіе на двухъ собакъ, по домашнему ищущихъ крошекъ подъ узкимъ, бѣдно убраннымъ столомъ «Тайной Вечери». Лужинъ кивалъ, и прилежно щурился, и очень долго рассматривалъ огромное полотно, гдѣ художникъ изобразилъ всѣ мученія грѣшниковъ въ

аду, — очень подробно, очень любопытно. Побывали они и въ театрѣ, и въ Зоологическомъ саду, и въ кинематографѣ, при чемъ оказалось, что Лужинъ никогда раньше въ кинематографѣ не бывалъ. Бѣлымъ блескомъ бѣжала картина, и, наконецъ, послѣ многихъ приключеній, дочь вернулась въ родной домъ знаменитой актрисой и остановилась въ дверяхъ, а въ комнатѣ, не видя ея, посѣдѣвшій отецъ играетъ въ шахматы съ совершенно не измѣнившимся за эти годы докторомъ, вѣрнымъ другомъ семьи. Въ темнотѣ раздался отрывистый смѣхъ Лужина. «Абсолютно невозможное положеніе фигуръ», — сказалъ онъ, но тутъ, къ великому облегченію его жены, — все перемѣнилось, и отецъ, увеличиваясь, шелъ на зрительный залъ, и во всю разыгрался, сперва расширились глаза, потомъ легкое дрожаніе, рѣсницы хлопнули, еще нѣкоторое дрожаніе, и медленно размякли, подобрѣли морщины, медленная улыбка безконечной нѣжности появилась на его лицѣ, продолжавшемъ дрожать, — а вѣдь старикъ то, господа, въ свое время проклялъ дочь... Но докторъ — докторъ стоитъ въ сторонѣ, онъ помнитъ, — бѣдный! скромный докторъ, — какъ она молоденькой дѣвочкой въ самомъ началѣ картины бросала въ него цвѣтами черезъ изгородь, пока онъ, лежа на травѣ, читалъ книгу: онъ тогда поднималъ голову: просто — изгородь, но вдругъ изъ-за нея вырастаетъ дѣвическій проборъ, а потомъ пара большущихъ глазъ, — ахъ ты, Господи Боже мой, какое лукавство, какая игривость! Вали, докторъ, черезъ изгородь, — вонъ бѣжитъ милая шалунья, прячется за стволы, — лови, лови, докторъ! Но теперь все это прошло. Склонивъ голову, безвольно опустивъ руки, стоитъ знаменитая актриса, — (вѣдь она падшая, падшая...). А отецъ, продолжая дрожаніе, принимается медленно открывать объятъя, и вдругъ она опускается на колѣни передъ нимъ. Лужинъ сталъ сморкаться. Когда же они вышли изъ кинематографа, у него были красные глаза, и онъ покашливалъ и отрицалъ, что плакалъ. И на слѣдующій день, за

утреннимъ кофе, онъ вдругъ облокотился на столъ и задумчиво сказалъ: «Очень, очень хорошо». — Онъ подумалъ еще и добавилъ: «Но играть они не умѣютъ». «Какъ не умѣютъ? — удивилась жена. — Это же первоклассные актеры». Лужинъ искоса взглянулъ на нее и сразу отвелъ глаза, и что то ей не понравилось въ этомъ. Внезапно она поняла, въ чемъ дѣло, стала рѣшать про себя вопросъ, какъ заставить Лужина забыть эту несчастную игру въ шахматы, которую дуракъ режисеръ счелъ нужнымъ ввести для настроенія. Но Лужинъ повидимому тотчасъ самъ забылъ, — увлекся настоящимъ русскимъ калачомъ, который прислала теща, и глаза у него были опять совсѣмъ ясные.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, другой. Зима была въ тотъ годъ бѣлая, петербургская. Лужину сшили ватное пальто. Нищимъ русскимъ были выданы нѣкоторыя старыя лужинскія вещи, — между прочимъ зеленое шерстяное кашнѣ швейцарскаго происхожденія. Нафталинные шарики источали грустный, шероховатый запахъ. Въ прихожей висѣлъ обреченный пиджакъ. «Онъ такой комфортабельный, — взмолился Лужинъ, — такой чрезвычайно комфортабельный». «Оставьте, — сказала жена изъ спальни. — Я его еще не осмотрѣла. Онъ вѣроятно кишить молью». Лужинъ снялъ смокингъ, который примѣрялъ, чтобы посмотреть, не очень ли онъ располнѣлъ за послѣднй мѣсяцъ (располнѣлъ, располнѣлъ, — а завтра большой русскй балъ, благотворительное веселье), и съ любовью влѣзъ въ рукава обреченнаго. Милѣйшй пиджакъ, никакихъ молей нѣтъ и въ поминѣ. Вотъ только въ карманѣ дырка, но не насквозь, какъ иногда бывало. «Чудно», — крикнулъ онъ тонкимъ голосомъ. Жена, съ носкомъ въ рукѣ, выглянула въ прихожую. «Снимите, Лужинъ. Онъ жерванный, пыльный, Богъ знаетъ, сколько лежалъ». «Нѣтъ нѣтъ», — сказалъ Лужинъ. Она осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ; Лужинъ стоялъ и хлопалъ себя по бедрамъ и между прочимъ почувствовалъ, что какъ будто есть что-

то въ карманѣ, — сунуль руку, — нѣтъ, ничего, только дырка. «Онъ очень дряхлый, — проговорила жена, поморщившись, — но, можетъ быть, какъ рабочая куртка...» «Умоляю», — сказалъ Лужинъ. «Ну, Богъ съ вами, — только дайте потомъ горничной хорошенько выколотить». «Нѣтъ, онъ чистый», — сказалъ про себя Лужинъ и рѣшилъ его вѣшать гдѣ-нибудь въ кабинетѣ, въ какой-нибудь шкапчикъ, снимать и вѣшать, какъ это дѣлають чиновники. Снимая его, онъ опять почувствовалъ, что какъ будто пиджакъ съ лѣвой стороны чуть тяжелѣе, но вспомнилъ, что карманы пусты, и причины тяжести не изслѣдовалъ. А вотъ смокингъ сталъ тѣсновать, прямо тѣсновать. «Баль», — произнесъ Лужинъ и представилъ себѣ много, много кружащихся паръ.

Оказалось, что балъ происходитъ въ залахъ одной изъ лучшихъ берлинскихъ гостиницъ. У вѣшалокъ было много народа, гардеробщицы принимали и уносили вещи, какъ спящихъ дѣтей. Лужину выдали ладный металлическій номерокъ. Онъ хватился жены, но сразу нашелъ ее: стояла передъ зеркаломъ. Онъ приложилъ металлическій кружокъ къ нѣжной впадинѣ ея гладкой напудренной спины. «Брр, холодно», — воскликнула она, поводя лопаткой. «Подруку, подруку, — сказалъ Лужинъ. — Мы должны войти подруку». Такъ они и вошли. Первое, что увидѣлъ Лужинъ, была его теща, помолодѣвшая, румяная, въ великолѣпномъ, сверкающемъ кокошникѣ. Она продавала крющонъ, и пожилой англичанинъ (просто спустившійся изъ своего номера) быстро нянѣлъ, облокотясь на ея столъ. На другомъ столѣ, около разноцвѣтно освѣщенной елки, было лотерейное нагромождение: представительный самоваръ, въ красно-синихъ бликахъ со стороны елки, куклы въ сарафанахъ, граммофонъ, ликеры (даръ Смирновскаго). На третьемъ были сэндвичи, итальянскій салатъ, икра, — и прекрасная бѣлокурая дама кричала кому-то: «Марья Васильевна, Марья Васильевна, почему опять унесли... я же просила...» «Здравія желаю», — ска-

заль кто-то рядомъ, и жена подняла выгнутую по лебединому руку. А дальше, въ другомъ залѣ, была уже музыка, и въ пространствѣ между столиками топтались и кружились танцующіе; чья-то спина съ размаху налетѣла на Лужина, и онъ крикнулъ и отступилъ. Жена его исчезла, и онъ, ища ее глазами, направился обратно, въ первый заль. Тутъ томбола привлекла опять его вниманіе. Выплачивая каждый разъ марку, онъ погружалъ руку въ ящикъ и вытаскивалъ трубочкой свернутый билетикъ. Сопя носомъ и вытягивая губы, онъ долго разворачивалъ трубочку и, не найдя никакой цифры снутри, смотрѣлъ, нѣтъ ли ея на другой, внѣшней, сторонѣ, — бесполезное, но очень обычное исканіе. Въ концѣ концовъ, онъ выигралъ дѣтскую книжку, какого-то «Кота-Мурлыку», и не зная, что съ ней дѣлать, оставилъ ее на чьемъ то столикѣ, гдѣ два полныхъ бокала ждали возвращенія танцевавшей четы. Ему стало вдругъ непріятно отъ тѣсноты и движенія, отъ взрывовъ музыки, и некуда было дѣться, и всѣ вѣроятнѣе смотрѣли на него и удивлялись, почему онъ не пляшетъ. Жена въ перерывахъ между танцами искала его въ другомъ залѣ, и на каждомъ шагу ее останавливали знакомые. Было очень много народу на этомъ балу, — былъ съ трудомъ добытый иностранный посланникъ, и знаменитый русскій пѣвецъ, и двѣ кинематографическія актрисы. Ей указали на ихъ столикъ: дамы напоказъ улыбались, и кавалеры ихъ — трое раскормленныхъ мужчинъ режиссерско-купеческаго образца — цыкали, щелкали пальцами и ругали блѣднаго, потнаго лакея за медлительность и нерасторопность. Одинъ изъ этихъ мужчинъ показался ей особенно противнымъ: бѣлозубый, съ сіяющими карими глазами; покончивъ съ лакеемъ, онъ громко сталъ рассказывать что-то, вставляя въ русскую рѣчь самыя истасканныя нѣмецкія словечки. И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ей стало грустно, что всѣ смотрятъ на этихъ кинематографическихъ дамъ, на пѣвца, на посланника, и никто какъ будто не знаетъ, что на балу присутствуетъ шахматный геній,

чье имя было въ миллионѣхъ газетъ, чьи партіи уже названы безсмертными. «Съ вами удивительно легко танцуется. Паркетъ тутъ хорошій. Извините. Ужасно тѣсно. Сборъ будетъ отличный. Вотъ этотъ — изъ французскаго посольства. Съ вами танцуется удивительно легко». На этомъ обыкновенно разговоръ и прекращался, съ ней любили танцевать, но не знали, о чемъ собственно разговаривать. Довольно красивая, но скучная молодая дама. И этотъ странный бракъ съ какимъ то неудачнымъ музыкантомъ или что-то вродѣ этого. «Какъ вы сказали, — бывший социалистъ? Игрокъ? Вы у нихъ бываете, Олегъ Сергѣевичъ?»

Тѣмъ временемъ Лужинъ нашелъ глубокое кресло недалеко отъ лѣстницы и глядѣлъ изъ-за колонны на толпу, куря тринадцатую папиросу. Въ другое кресло, рядомъ, предварительно освѣдомившись, не занято ли оно, сѣлъ смуглый господинъ съ тончайшими усиками. Мимо все проходили люди, и Лужину постепенно становилось страшно. Некуда было взглянуть, чтобы не встрѣтить любопытствующихъ глазъ, и, по проклятой необходимости глядѣть куда-нибудь, онъ устался на усика сосѣда, который повидимому тоже былъ пораженъ и озадаченъ всѣмъ этимъ шумнымъ и ненужнымъ кавардакомъ. Господинъ, почувствовавъ взглядъ Лужина, повернулъ къ нему лицо. «Давно я не былъ на балу», — сказалъ онъ дружелюбно и усмѣхнулся, покачивая головой. «Главное, не надо смотреть», — глухо произнесъ Лужинъ, устроивъ изъ ладоней подобіе шоръ. «Я издалика пріѣхалъ, — дѣловито сказалъ господинъ. — Меня сюда затащилъ пріятель. Я, по правдѣ говоря, усталъ». «Усталость и тяжесть, — кивнулъ Лужинъ. — Неизвѣстно, что все это значитъ. Превосходить мою концепцію». «Въ особенности, если, какъ я, работаешь на бразильской плантаціи», — сказалъ господинъ. «Плантаціи», — какъ эхо, повторилъ за нимъ Лужинъ. «Странно у васъ тутъ живутъ, — продолжалъ господинъ. — Миръ открытъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, а

тутъ отбиваются чарльстончики на весьма ограниченномъ кусочкѣ паркета». «Я тоже уѣду, — сказалъ Лужинъ. — Я досталъ проспекты». «Чего моя нога хочетъ, — воскликнулъ господинъ. Вольному страннику — попутный вѣтеръ. И какія чудесныя страны... Я встрѣтилъ нѣмецкаго ботаника въ лѣсахъ за Ріо Негро и жилъ съ женою французскаго инженера на Мадагаскарѣ». «Нужно будетъ достать, — сказалъ Лужинъ. — Очень вообще привлекательная вещь — проспекты. Все крайне подробно».

«Лужинъ, вотъ вы гдѣ», — вдругъ окликнулъ его голосъ жены; она быстро проходила мимо подруку съ отцомъ. «Я сейчасъ вернусь, только достану для насъ столикъ», — крикнула она, оглядываясь, и исчезла. «Ваша фамилія — Лужинъ?» — съ любопытствомъ спросилъ господинъ. «Да-да, — сказалъ Лужинъ, — но это не играетъ значенія». «Лужина я одного зналъ, — медленно произнесъ господинъ, щурясь (ибо память человѣка близорука). — Я зналъ одного. Вы не учились случайно въ Балашевскомъ училищѣ?» «Предположимъ», — отвѣтилъ Лужинъ, и, охваченный непріятнымъ подозрѣніемъ, сталъ вглядываться въ лицо собесѣдника. «Въ такомъ случаѣ мы одноклассники! — воскликнулъ тотъ. — Моя фамилія Петрищевъ. Помните меня? Ну, конечно, помните! Вотъ такъ случай. По лицу я васъ никогда бы не узналъ. Нѣтъ, не васъ, — тебя. Позволь, Лужинъ.... Твое имя-отчество... Ахъ, кажется, помню, — Антонъ... Антонъ... Какъ дальше?» «Ошибка, ошибка», — содрогнувшись, сказалъ Лужинъ. «Да, у меня память плоха, — продолжалъ Петрищевъ. — Я забылъ многія имена. Вотъ, на примѣръ, помните, — былъ у насъ такой тихій мальчикъ. Потомъ онъ потерялъ руку въ бою у Врангеля, какъ разъ передъ эвакуаціей. Я видѣлъ его въ церкви въ Парижѣ. Ну, какъ его имя?» «Зачѣмъ это нужно? — сказалъ Лужинъ. — Зачѣмъ о немъ столько говорить?» «Нѣтъ, не помню, — вздохнулъ Петрищевъ, оторвавъ ладонь ото лба. — Но вотъ, на примѣръ, былъ у насъ Громовъ: онъ тоже теперъ въ Парижѣ;

кажется, хорошо устроился. Но гдѣ другіе? Гдѣ они всѣ? Разсѣялись, испарились. Странно объ этомъ думать. Ну, а вы какъ живете, ты какъ живешь, Лужинъ?» «Благополучно», — сказалъ Лужинъ и отвелъ глаза отъ лица разошедшагося Петрищева, увидѣвъ его вдругъ такимъ, какъ оно было тогда: маленькое, розовое, невыносимо насмѣшливое. «Прекрасныя были времена, — крикнулъ Петрищевъ. — Помните, помнишь, Лужинъ, Валентина Иваныча? Какъ онъ съ картой міра ураганомъ влеталъ въ классъ? А тотъ, старичокъ, — ахъ, опять забылъ фамилію, — помните, какъ онъ, трясясь, говорилъ: ну-те, тьфу, пустая голова... Позолотить бы, да и только! Прекрасныя времена. А какъ мы по лѣстницѣ шпарили внизъ, во дворъ, помните? А какъ на вечеринкѣ оказалось, что Арбузовъ умѣетъ играть на роялѣ? Помните, какъ у него никогда опыты не выходили? И какую мы на «опыты» придумали риѐму?» «...просто не реагировать», — быстро сказалъ про себя Лужинъ. «И это все разсѣялось, — продолжалъ Петрищевъ. — Вотъ мы здѣсь на балу... Ахъ, кстати, я какъ будто помню... Ты чѣмъ то такимъ занимался, когда ушелъ изъ школы. Что это было? Да, конечно, — шахматы!» «Нѣтъ-нѣтъ, — сказалъ Лужинъ. — Ради Бога, зачѣмъ это вы...» «Ну, простите, — добродушно проговорилъ Петрищевъ. — Значить, я путаю. Да-да, дѣла... Балъ въ полномъ разгарѣ. А мы тутъ бесѣдуемъ о прошломъ. Я, знаете, объѣздилъ весь міръ... Какія женщины на Кубѣ! Или вотъ, напримѣръ, однажды въ джунгляхъ...»

«Онъ все вретъ, -- раздался лѣнивый голосъ сзади. — Никогда онъ ни въ какихъ джунгляхъ не бывалъ».

«Ну, зачѣмъ ты все портишь», — протянулъ Петрищевъ, оборачиваясь. «Вы его не слушайте, — продолжалъ лысый долговязый господинъ, обладатель лѣниваго голоса. — Онъ какъ попалъ изъ Россіи въ Парижъ, такъ съ тѣхъ поръ только третьяго дня и выѣхалъ». «Позволь, Лужинъ, тебѣ представить», — со смѣхомъ началъ

Петрищевъ; но Лужинъ поспѣшно удалялся, вобравъ голову въ плечи и отъ скорой ходьбы странно виляя и вздрагивая.

«Отваливаетъ», — удивленно сказалъ Петрищевъ, — и добавилъ раздумчиво: «Въ концѣ то концовъ, я можетъ быть принялъ его за другого».

Лужинъ, натываясь на людей и съ плачущимъ звукомъ восклицая «пardonъ, pardonъ!», все натываясь на людей и стараясь не смотрѣть на ихъ лица, искалъ жену и, когда внезапно увидѣлъ, схватилъ ее сзади за локоть, такъ что она, вздрогнувъ, обернулась; но сперва онъ ничего не могъ сказать, слишкомъ запыхался. «Въ чемъ дѣло?» — спросила она со страхомъ. «Уйдемъ, уйдемъ», — забормоталъ онъ, не отпуская ея локтя. «Успокойтесь, пожалуйста, Лужинъ, не надо такъ, — сказала она, слегка отфсняя его въ сторону, чтобы не слышали посторонніе. — Почему вы хотите уфхать?» «Тамъ одинъ человекъ, — проговорилъ Лужинъ, прерывисто дыша. — И такіе непріятные разговоры». «...котораго вы прежде знали?» — спросила она тихо. «Да-да, — закивалъ Лужинъ. — Уфдемъ. Я прошу».

Жмурясь, чтобы Петрищевъ не замѣтилъ его, онъ протиснулся въ переднюю, сталъ шарить въ карманахъ, отыскивая номеръ, нашелъ его, послѣ нѣсколькихъ огромныхъ секундъ переполоха и отчаянія; топтался на мѣстѣ отъ нетерпѣнія, пока гардеробщица, какъ сомнамбула, искала вещи... Онъ первымъ одѣлся и первымъ вышелъ, и жена быстро слѣдовала за нимъ, запахивая на ходу кротовую шубу. Только въ автомобиль Лужинъ задышалъ спокойно, и выраженіе растерянной хмурости смѣнилось виноватой полуулыбочкой. «Милому Лужину было непріятно», — сказала жена, глядя его по рукѣ. «Школьный товарищъ, подозрительный субъектъ», — пояснилъ Лужинъ. «Но теперь милому Лужину хорошо», — прошептала жена и поцѣловала его мягкую руку. «Теперь все прошло», — сказалъ Лужинъ.

Но это было несовсѣмъ такъ. Что то осталось, — загадка, заноза. По ночамъ онъ сталъ задумываться надъ тѣмъ, почему такъ жутка была эта встрѣча. Конечно, были всякія отдѣльныя непріятности, — то, что Петрищевъ когда-то мучилъ его въ школѣ, а теперь вспомнилъ косвеннымъ образомъ нѣкую растерзанную книжку, и то, что цѣлый міръ, полный экзотическихъ соблазновъ, оказался обманомъ хлыща, и уже нельзя было впредь довѣрять проспектамъ. Но не сама встрѣча была страшна, а что-то другое, — тайный смыслъ этой встрѣчи, который слѣдовало разгадать. Онъ сталъ по ночамъ напряженно думать, какъ бывало думалъ Шерлокъ надъ сигарнымъ пепломъ, — и постепенно ему стало казаться, что комбинація еще сложнѣе, чѣмъ онъ думалъ сперва, что встрѣча съ Петрищевымъ только продолженіе чего то, и что нужно искать глубже, вернуться назадъ, переиграть всѣ ходы жизни отъ болѣзни до бала.

13.

На сизомъ каткѣ (тамъ, гдѣ лѣтомъ площадки для тенниса), слегка припудренномъ сухимъ снѣжкомъ, опасно рѣзвились горожане, и въ ту минуту, какъ мимо, по тротуару, проходили Лужины, совершавшіе утреннюю прогулку, самый бойкій изъ конькобѣжцевъ, молодецъ зъ суэтерѣ, изящно раскатился голландскимъ шагомъ и съ размаху сѣлъ на ледъ. Дальше, въ небольшомъ скверѣ, трехлѣтній ребенокъ, весь въ красномъ, шатко ступая шерстяными ножками, поплелся къ тумбѣ, безпалой ладошкой загребъ снѣгъ, лежавшій аппетитной горкой, и поднесъ его ко рту, за что сразу былъ схваченъ и огрѣтъ. «Ахъ ты, бѣдненькій», — оглянувшись, сказала Лужина. По убѣленной мостовой проѣхалъ автобусъ, оставивъ за собой двѣ толстыхъ, черныхъ полосы. Изъ магазина говорящихъ и играющихъ аппаратовъ раздавалась зябкая музыка, и кто то прикрылъ дверь, чтобы му-

зыка не простудилась. Такса въ заплатанномъ синемъ пальтишкѣ, съ низко болтающимися ушами, остановилась, обнюхивая снѣгъ, и Лужина успѣла ее погладить. Что-то легкое, острое, бѣлесое било въ лицо, и, если посмотрѣть на пустое небо, свѣтленькія точки плясали въ глазахъ. Лужина поскользнулась и укоризненно взглянула на свои сѣрые ботики. Около русскаго гастрономическаго магазина встрѣтили знакомыхъ, чету Алферовыхъ. «Холодина какая», — воскликнулъ Алферовъ, тряся желтой своей бородкой. «Не цѣлуйте, перчатка грязная», — сказала Лужина и спросила у Алферовой, съ улыбкой глядя на ея прелестное, всегда оживленное лицо, почему она никогда не зайдетъ. «А вы полнѣете, сударь», — буркнулъ Алферовъ, игриво косясь на лужинскій животъ, преувеличенный ватнымъ пальто. Лужинъ умоляюще посмотрѣлъ на жену. «Такъ что, милости просимъ», — закивала она. «Постой, Машенька, телефонъ ты ихъ знаешь? — спросилъ Алферовъ. — Знаешь? Ладно, Ну-съ, пока, — какъ говорятъ по-совѣтски. Нижайшій поклонъ вашей матушкѣ».

«Онъ какой то несчастненькій, — сказала Лужина, взявъ мужа подруку и мѣняя шагъ, чтобы итти съ нимъ въ ногу. — Но Машенька... Какая душенька, какіе глаза... Не идите такъ скоро, милый Лужинъ, — скользко».

Снѣгъ сѣять пересталъ, небо въ одномъ мѣстѣ блѣдно посвѣтлѣло, и тамъ проплылъ плоскій, безкровный солнечный дискъ. «А знаете, мы сегодня пойдемъ такъ, — направо, — предложила Лужина. — Мы, кажется, еще тамъ не проходили». «Апельсины», — сказалъ Лужинъ, указывая тростью на лотокъ. «Хотите купить? — спросила жена. — Смотрите, — мѣломъ на доскѣ: сладкіе, какъ сахаръ». «Апельсины», — повторилъ со вкусомъ Лужинъ и вспомнилъ при этомъ, какъ его отецъ утверждалъ, что когда произносишь «лимонъ», дѣлаешь поневолѣ длинное лицо, а когда говоришь «апельсинъ», — широко улыбаешься. Торговка ловко расправила отверстіе бумажнаго

мѣшочка и насовала въ него холодныхъ, щербато-красныхъ шаровъ. Лужинъ на ходу сталъ чистить апельсинъ, морщась въ предвидѣніи того, что сокъ брызнетъ въ глаза. Корки онъ положилъ въ карманъ, такъ какъ онѣ выглядѣли бы слишкомъ ярко на снѣгу, да и, пожалуй, можно сдѣлать изъ нихъ варенье. «Вкусно?» — спросила жена. Онъ просмаковалъ послѣднюю дольку и съ довольной улыбкой взялъ было жену опять подруку, но вдругъ остановился, озираясь. Подумавъ, онъ пошелъ обратно къ углу и посмотрѣлъ на названіе улицы. Потомъ быстро догналъ жену и ткнулъ тростью по направленію ближайшаго дома, обыкновеннаго сѣро-каменнаго дома, отдѣленнаго отъ улицы небольшимъ палисадникомъ за чугунной рѣшеткой. «Тутъ мой папаша обиталъ, — сказалъ Лужинъ. — Тридцать пять А». «Тридцать пять А», — повторила за нимъ жена, не зная, что сказать, и глядя вверхъ, на окна. Лужинъ тронулся, срѣзая тростью снѣгъ съ рѣшетки. Немного дальше онъ замеръ передъ писчебумажнымъ магазиномъ, гдѣ въ окнѣ бюстъ воскового мужчины съ двумя лицами, однимъ печальнымъ, другимъ радостнымъ, поочередно отпахивалъ то слѣва, то справа пиджакъ: самопишущее перо, воткнутое въ лѣвый карманчикъ бѣлаго жилета окропило бѣлизну чернилами, справа же было перо, которое не течетъ никогда. Лужину двуликій мужчина очень понравился, и онъ даже подумалъ, не купить ли его. «Послушайте, Лужинъ, — сказала жена, когда онъ насытился витриной. — Я давно хотѣла васъ спросить, — вѣдь послѣ смерти вашего отца остались должно быть какія-нибудь вещи. Гдѣ все это?» Лужинъ пожалъ плечами. «Былъ такой Хрущенко», — пробормоталъ онъ походя. «Не понимаю», — вопросительно сказала жена. «Въ Парижъ мнѣ написалъ, — нехотя пояснилъ Лужинъ, — что вотъ, смерть и похороны и все такое, и что у него сохраняются вещи, оставшіяся послѣ покойника». «Ахъ, Лужинъ, — вздохнула жена. — Что вы дѣлаете съ русскимъ языкомъ». Она подумала и добавила: «Мнѣ то все равно,

но мнѣ казалось, что вамъ было бы пріятно имѣть эти вещи, — ну, какъ память». Лужинъ промолчалъ. Она представила себѣ эти никому ненужныя вещи, — быть можетъ писательское перо старика Лужина, какія-нибудь бумаги, фотографіи, — и ей стало грустно, она мысленно упрекнула мужа въ жестокосердіи. «Но одно нужно сдѣлать непременно, — сказала она рѣшительно. — Мы должны поѣхать на кладбище, посмотрѣть на могилу, посмотрѣть, не запущено ли». «Холодно и далеко», — сказалъ Лужинъ. «Мы это сдѣлаемъ на-дняхъ, — рѣшила она. — Погода должна перемениться. Пожалуйста, осторожно, — автомобиль».

Погода ухудшилась, и Лужинъ, помня унылый пустырь и кладбищенскій вѣтеръ, просилъ поѣздку до будущей недѣли отложить. Морозъ, кстати сказать, былъ необыкновенный. Закрылся катокъ, которому вообще не везло: въ прошлую зиму все оттепель да оттепель, и лужа вмѣсто льда, а въ нынѣшнемъ такой холодъ, что и школьникамъ не до коньковъ. Въ паркахъ, на снѣгу, лежали маленькія, крутогрудыя птицы съ поднятыми лапками. Безвольная ртуть подъ вліяніемъ среды падала все ниже. И даже поллярные медвѣди въ Зоологическомъ саду поѣживались, находя, что дирекція переборщила.

Квартира Лужиныхъ оказалась одной изъ тѣхъ благополучныхъ квартиръ съ героическимъ центральнымъ отопленіемъ, въ которыхъ не приходилось сидѣть въ шубахъ и пледахъ. Родители жены, обезумѣвъ отъ холода, чрезвычайно охотно приходили къ центральному отопленію въ гости. Лужинъ, въ старомъ пиджакѣ, спасенномъ отъ гибели, сидѣлъ у письменнаго стола и старательно срисовывалъ бѣлый кубъ, стоявшій передъ нимъ. Тестъ ходилъ по кабинету и рассказывалъ длинные, совершенно приличные анекдоты или читалъ на диванѣ газету, изрѣдка набирая воздухъ и отканливаясь. Теща и жена оставались за чайнымъ столомъ, и изъ кабинета, черезъ темную гостиную, былъ виденъ яркій, желтый абажуръ

въ столовой, освѣщенный профиль жены на буромъ фонѣ буфета, ея голыя руки, которыя, далеко облокотившись на скатерть, она загнула къ одному плечу, скрестивъ пальцы, или вдругъ плавно вытягивала руку и трогала какой-нибудь блестящій предметъ на скатерти. Лужинъ отставлялъ кубъ и, взявъ чистый листъ бумаги, приготовивъ жестяной ящикъ съ пуговицами акварельной краски, спѣшилъ зарисовать эту даль, но покамѣстъ тщательно, при помощи линейки, онъ выводилъ линіи перспективы, въ глубинѣ что-нибудь мѣнялось, жена исчезала изъ яркой проймы столовой, свѣтъ потухалъ и зажигался поближе, въ гостиной, и уже никакой перспективы не было. До красокъ вообще доходило рѣдко, да и по правдѣ сказать Лужинъ предпочиталъ карандашъ. Отъ сырости акварели неприятно коробилась бумага, мокрая краски сливались; порой нельзя было отвязаться отъ какой-нибудь чрезвычайно живучей берлинской лазури, — наберешь ее только на самый кончикъ кисточки, а она уже расползается по эмали, пожирая приготовленный тонъ, и вода въ стаканчикѣ ядовито-синяя. Были плотныя трубочки съ китайской тушью и бѣлилами, но неизмѣнно терялись колпачки, подсыхало горлышко, и при нажатіи трубочка лопалась снизу, и оттуда вылѣзалъ, віясь, толстый червячокъ краски: Бесплодная выходила пачкотня, и самыя простыя вещи — ваза съ цвѣтами или закатъ, скопированный изъ проспекта Ривьеры — получались пятнистые, болѣзненные, ужасные. Рисовать же было пріятно. Онъ нарисовалъ тещу, и она обидѣлась; нарисовалъ въ профиль жену, и она сказала, что, если она такая, то нечего было на ней жениться; зато очень хорошо вышелъ высокій крахмальныи воротникъ тестя. Съ удовольствіемъ Лужинъ чинилъ карандашъ, мѣрилъ что-то, прищуривъ глазъ и поднявъ карандашъ съ прижатымъ къ нему большимъ пальцемъ, и осторожно двигалъ по бумагѣ резинкой, придерживая листъ ладонью, такъ какъ по опыту зналъ, что иначе листъ съ трескомъ дастъ складку. И очень деликатно онъ сду-

валь атомы резины, боясь прикосновеніемъ руки загрязнить рисунокъ. Больше всего онъ любилъ то, съ чего началъ по совѣту жены, то, къ чему постоянно возвращался, — бѣлые кубы, пирамиды, цилиндры, и кусокъ гипсового орнамента, напоминавшій ему урокъ рисованія въ школѣ, — единственный пріемлемый урокъ. Успокоительны были тонкія линіи, которыя онъ по сту разъ перечерчивалъ, добиваясь предѣльной тонкости, точности, чистоты. И замѣчательно хорошо было тушевать, нѣжно и ровно, не слишкомъ нажимая, правильно лежащимися штрихами.

«Готово», — сказала онъ, отстраняя отъ себя листъ и сквозь рѣсницы глядя на дорисованный кубъ. Тестъ надѣлъ пенснэ и долго смотрѣлъ, кивая головой. Изъ гостиной пришли теща и жена и стали смотрѣть тоже. «Онъ даже маленькую тѣнь отбрасываетъ, — сказала жена. — Очень, очень симпатичный кубъ». «Здорово, прямо футуристика», — проговорила теща. Лужинъ, улыбаясь одной стороной рта, взялъ рисунокъ и оглядѣлъ стѣны кабинета. Около двери уже висѣло одно его произведеніе: поѣздъ на мосту, перекинутомъ черезъ пропасть. Въ гостиной тоже было кое-что: черепъ на телефонной книжкѣ. Въ столовой были очень круглые апельсины, которые всѣ почему то принимали за томаты. А спальню украшалъ угломъ сдѣланный барельефъ и конфиденціальный разговоръ конуса съ пирамидой. Онъ ушелъ изъ кабинета, блуждая по стѣнамъ глазами, и жена сказала со вздохомъ: «Интересно, куда милый Лужинъ это повѣситъ».

«Меня еще не сочли нужнымъ увѣдомить», — начала мать, указывая подбородкомъ на груду пестрыхъ проспектовъ, лежавшихъ на столѣ. «А я сама не знаю, — сказала Лужина. — Очень трудно рѣшить, всюду красиво. Я думаю, мы сперва поѣдемъ въ Ниццу». «Я бы посоветовалъ Итальянскія озера», — заговорилъ отецъ, сложивъ газету и снявъ пенснэ, и сталъ рассказывать, какъ эти озера прекрасны. «Я боюсь, ему немного надоѣли разговоры о путешествіи, — сказала Лужина. — Мы въ одинъ»

прекрасный день просто сядемъ въ поѣздъ и покатимъ». «Не раньше апрѣля, — умоляюще протянула мать. — Ты же мнѣ обѣщала...»

Лужинъ вернулся въ кабинетъ. «У меня значилась коробочка съ кнопками», — сказалъ онъ, глядя на письменный столъ и хлопая себя по карманамъ (при этомъ онъ опять, въ третій или четвертый разъ, почувствовалъ, что въ лѣвомъ карманѣ что-то есть, — но не коробочка, — и некогда было разслѣдовать). Кнопки нашлись въ столѣ. Лужинъ взялъ ихъ и поспѣшно вышелъ.

«Да, я совсѣмъ забыла тебѣ рассказать. Представь себѣ, вчера утромъ...» И она стала рассказывать дочери, что звонила ей одна дама, неожиданно пріѣхавшая изъ Россіи. Эта дама барышней часто бывала у нихъ въ Петербургѣ. Оказалось, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ она вышла замужъ за совѣтскаго купца или чиновника, --- точно нельзя было разобрать — и по пути на курортъ, куда мужъ ѣхалъ набраться новыхъ силъ, остановилась недѣльки на двѣ въ Берлинѣ. «Мнѣ, знаешь, какъ то неловко, чтобы она бывала у меня, но она такая навязчивая. Удивляюсь, что она не боится звонить ко мнѣ. Вѣдь если у нея тамъ, въ Совдепи, узнаютъ, что она ко мнѣ звонила...» «Ахъ, мама, это вѣроятно очень несчастная женщина, — вырвалась временно на свободу, хочется повидать кого-нибудь». «Ну, такъ я тебѣ ее передамъ, — облегченно сказала мать, — благо у тебя теплѣе».

И какъ то, черезъ нѣсколько дней, въ полдень, появилась пріѣзжая. Лужинъ еще почивалъ, такъ какъ ночью плохо выспался. Дважды съ гортаннымъ крикомъ просыпался, душимый кошмаромъ, и сейчасъ Лужиной было какъ то не до гостей. Пріѣзжая оказалась худощавой, живой, удачно покрашенной и остриженной дамой, одѣтой, какъ одѣвалась Лужина, съ недешевой простотой. Громко, въ перебивку, убѣждая другъ друга, что обѣ онѣ ничуть не измѣнились, а развѣ только похорошѣли, онѣ прошли въ кабинетъ, гдѣ было уютнѣй, чѣмъ въ гостиной.

Пріѣзжая про себя отмѣтила, что Лужина десять-двѣнадцать лѣтъ тому назадъ была довольно изящной, подвижной дѣвочкой, а теперь пополнѣла, поблѣднѣла, притихла, а Лужина нашла, что скромная, молчаливая барышня, нѣкогда бывавшая у нихъ и влюбленная въ студента, впоследствии разстрѣяннаго, — превратилась въ очень интересную, увѣренную даму. «Ну и вашъ Берлинъ... благодарю покорно. Я чуть не сдохла отъ холода. У насъ, въ Ленинградѣ, теплѣе, ей Богу теплѣе». «Какой онъ, Петербургъ? Навѣрно очень измѣнился?» — спросила Лужина. «Конечно, измѣнился», — бойко отвѣтила пріѣзжая. «И тяжелая, тяжелая жизнь», — вдумчиво кивая, сказала Лужина. «Ахъ, глупости какія! Ничего подобнаго. Работаютъ у насъ, строятъ. Даже мой мальчуганъ, — какъ, вы не знали, что у меня есть мальчуганъ? — ну, какъ же, какъ же, очаровательный карапузъ, — такъ вотъ, даже мой Митька говоритъ, что у насъ въ Ленинградѣ лябotaютъ, а въ Берлинѣ бульзуи ничего не дѣлаютъ. И вообще, онъ находитъ, что въ Берлинѣ куда хуже, ни на что даже не желаетъ смотрѣть. Онъ такой, знаете, наблюдательный, чуткій... Нѣтъ, серьезно говоря, ребенокъ правъ. Я сама чувствую, какъ мы опередили Европу. Возьмите нашъ театр. Вѣдь у васъ, въ Европѣ, театра нѣтъ, просто нѣтъ. Я, понимаете, ничуть, ничуть не хвалю коммунистовъ. Но приходится признать одно: они смотрятъ впередъ, они строятъ. Интенсивное строительство». «Я ничего въ политикѣ не понимаю, — жалобно протянула Лужина. — Но только мнѣ кажется...» «Я только говорю, что нужно широко мыслить, — поспѣшно продолжала пріѣзжая. — Вотъ, напримѣръ, я сразу, какъ пріѣхала, купила эмигрантскую газетку. И еще мужъ говоритъ такъ, въ шутку, — зачѣмъ ты, матушка, деньги тратишь на такое дерьмо, — онъ хуже выразился, но скажемъ такъ для приличія, — а я вотъ: нѣтъ, говорю, все нужно посмотреть, все узнать, совершенно безпристрастно. И представьте, — открываю газету, читаю, и такая тамъ напечатана клевета, такая ложь,

такъ все плоско». «Я русскія газеты рѣдко вижу, — виновато сказала Лужина. — Вотъ мама получаетъ русскую газету, изъ Сербіи, кажется...» «Круговая порука, — продолжала съ разбѣгу пріѣзжая. — Только ругать, и никто не смѣетъ пикнуть что-нибудь за». «Право же, будемъ говорить о другомъ, — растерянно сказала Лужина. — Я не могу это выразить, я плохо умѣю объ этомъ говорить. — но я чувствую, что вы ошибаетесь. Вотъ, если хотите поговорить объ этомъ съ моими родителями какъ-нибудь...» — (и, говоря это, Лужина, не безъ нѣкотораго удовольствія, представила себѣ выкаченные глаза матери и ея павлиньи возгласы). «Ну, вы еще маленькая, — снисходительно улыбулась пріѣзжая. — Расскажите мнѣ, что вы дѣлаете, чѣмъ занимается вашъ мужъ, какой онъ». «Онъ игралъ въ шахматы, — отвѣтила Лужина. — Замѣчательно игралъ. Но потомъ переутомился и теперь отдыхаетъ, и, пожалуйста, не нужно съ нимъ говорить о шахматахъ». «Да-да, я знаю, что онъ шахматистъ, — сказала пріѣзжая. — Но какой онъ? Реакціонеръ? Бѣлогвардеецъ?» «Правс, не знаю», — размѣялась Лужина. «Я о немъ вообще кое-что слышала, — продолжала пріѣзжая. — Когда мнѣ ваша **tatam** сказала, что вы вышли за Лужина, я сразу и подумала почему то, что это онъ и есть. У меня была хорошая знакомая въ Ленинградѣ, она и рассказывала мнѣ, — съ такой, знаете, наивной гордостью, — какъ научила своего маленькаго племянника играть въ шахматы, и какъ онъ потомъ сталъ чрезвычайно...»

На этомъ мѣстѣ разговора произошелъ въ сосѣдней гостиной странный шумъ, словно тамъ кто-то ушибся и вскрикнулъ. «Одну минуточку», — сказала Лужина и, вскочивъ съ дивана, хотѣла было раздвинуть дверь въ гостиную, но, передумавъ, прошла въ гостиную черезъ прихожую. Тамъ она увидѣла совершенно неожиданнаго Лужина. Онъ былъ въ халатѣ, въ ночныхъ туфляхъ, держалъ въ одной рукѣ кусокъ булки, — но, конечно, не это было удивительно, — удивительно было дрожащее волненіе, иска-

жавшее его лицо, широко открытые, блестящіе глаза, — и лобъ у него словно разбухъ, жила вздулась, и, увидѣвъ жену, онъ какъ бы сразу не обратилъ на нее вниманія, а продолжалъ стоять, глядя съ разинутымъ ртомъ въ сторону кабинета. Въ слѣдующее мгновеніе оказалось, что волненіе его радостно. Онъ какъ то радостно щелкнулъ зубами на жену и потомъ тяжело закружился, чуть не опрокинулъ пальму, потерялъ одну туфлю, которая скользнула, какъ живая, въ столовую, гдѣ дымилось какао, и онъ проворно послѣдовалъ за ней. «Я ничего, ничего», — лукаво сказала Лужинъ и, какъ человѣкъ, наслаждающійся тайной находкой, хлопнулъ себя по колѣнямъ и, жмурясь, замоталъ головой. «Эта дама изъ Россіи, — пытливо сказала жена. — Она знаетъ вашу тетку, которая. — ну, однимъ словомъ, одну вашу тетку». «Отлично, отлично», — проговорилъ Лужинъ и вдругъ захлебнулся смѣхомъ. «Чего я пугаюсь? — подумала она. — Ему просто весело, онъ проснулся въ хорошемъ настроеніи, хотѣлъ можетъ быть —». «Есть какая-нибудь шуточка, Лужинъ?» «Да-да, — сказалъ Лужинъ и добавилъ, найдя выходъ: — я хотѣлъ представиться въ халатѣ». «Ну вотъ, намъ весело, это хорошо, — сказала она съ улыбкой. — Вы покушайте, а потомъ одѣвайтесь. Сегодня какъ будто теплѣе». И Лужина, оставивъ мужа въ столовой, быстро вернулась въ кабинетъ. Гостя сидѣла на диванѣ и разсматривала виды Швейцаріи на страницахъ путеводительной брошюрки. «Послушайте, — сказала она, увидя Лужину, — а я васъ возьму въ оборотъ. Мнѣ нужно кое-что купить, и я абсолютно не знаю, гдѣ тутъ лучшіе магазины. Вчера битый часъ простояла передъ витриной, стою и думаю: можетъ быть есть магазины еще лучше. Да и по-нѣмецки я что-то неважно...»

Лужинъ остался сидѣть въ столовой и продолжалъ изрѣдка хлопать себя по колѣнямъ. Да и было чему радоваться. Комбинація, которую онъ со времени бала мучительно разгадывалъ, неожиданно ему открылась, благо-

даря случайной фразѣ, долетѣвшей изъ другой комнаты. Въ эти первыя минуты онъ еще только успѣлъ почувствовать острую радость шахматнаго игрока, и гордость, и облегченіе, и то фізіологическое ощущеніе гармоніи, которое такъ хорошо знакомо творцамъ. Онъ еще продѣлалъ много мелкихъ движеній, прежде, чѣмъ понялъ сущность необыкновеннаго своего открытія, — допилъ какао, побрился, переставилъ запки въ свѣжую рубашку. И вдругъ радость пропала, и нахлынулъ на него мутный и тяжкій ужасъ. Какъ въ живой игрѣ на доскѣ бываетъ, что неясно повторяется какая-нибудь задачная комбинація, теоретически извѣстная, — такъ намѣчалось въ его теперешней жизни послѣдовательное повтореніе извѣстной ему схемы. И какъ только прошла первая радость, — что вотъ, онъ установилъ самый фактъ повторенія, — какъ только онъ сталъ тщательно провѣрять свое открытіе, Лужинъ содрогнулся. Смутно любуясь и смутно ужасаясь, онъ прослѣживалъ, какъ страшно, какъ изощренно, какъ гибко повторялись за это время, ходъ за ходомъ, образы его дѣтства (и усадьба, и городъ, и школа, и петербургская тетя), но еще несовсѣмъ понималъ, чѣмъ это комбинаціонное повтореніе такъ для его души ужасно. Одно онъ живо чувствовалъ: нѣкоторую досаду, что такъ долго не замѣчалъ хитраго сочетанія ходовъ, и теперь, вспоминая какую-нибудь мелочь, — а ихъ было много, и иногда такъ искусно поданныхъ, что почти скрывалось повтореніе, — Лужинъ негодовалъ на себя, что не спохватился, не взялъ инициативы, а въ довѣрчивой слѣпотѣ позволилъ комбинаціи развиваться. Теперь же онъ рѣшилъ быть осматрительнѣе, слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ ходовъ, если таковое будетъ, — и конечно, конечно, держать открытіе свое въ непроницаемой тайнѣ, быть веселымъ, чрезвычайно веселымъ. Но съ этого дня покоя для него не было, — нужно было придумать, пожалуй, защиту противъ этой коварной комбинаціи, освободиться отъ нея, а для этого слѣдовало предугадать ея конечную цѣль, ро-

ковое ея направленіе, но это еще не представлялось возможнымъ. И мысль, что повтореніе будетъ вѣроятно продолжаться, была такъ страшна, что ему хотѣлось остановить часы жизни, прервать вообще игру, застыть, и при этомъ онъ замѣчалъ, что продолжаетъ существовать, что-то готовится, ползетъ, развивается, и онъ не властенъ прекратить движеніе.

Быть можетъ, жена скорѣе бы замѣтила перемену въ Лужинѣ, его деревянную веселость въ перерывахъ хмурости, если бъ въ эти дни больше бывала съ нимъ. Но такъ случилось, что именно въ эти дни ее взяла въ оборотъ, какъ и общала сдѣлать, неотвязная дама изъ Россіи — часами заставляла себя возить по магазинамъ, неторопливо примѣрять шляпы, платья, туфли, и подолгу засиживалась у Лужиныхъ. Она по прежнему говорила о томъ, что въ Европѣ нѣтъ театра, и съ холодной легкостью произносила «Ленинградъ», и Лужина почему то жалѣла ее, сопровождала ее въ кафе, покупала ей сынку, мрачному, толстому мальчику, лишенному при чужихъ дара рѣчи, игрушки, которыя онъ нехотя и боязливо бралъ, причемъ его мать утверждала, что ничто ему тутъ не нравится, и что онъ мечтаетъ вернуться къ своимъ маленькимъ совѣтскимъ друзьямъ. Встрѣтилась она и съ родителями Лужиной, но разговора о политикѣ къ сожалѣнію не произошло, вспоминали прежнихъ знакомыхъ, а Лужинъ молча и сосредоточенно кормилъ Митьку шоколадными конфетами, и Митька ихъ молча и сосредоточенно поглощала, и потомъ сильно покраснѣлъ и былъ поспѣшно уведень изъ комнаты. Погода межъ тѣмъ потеплѣла, и раза два Лужина говорила мужу, что вотъ, когда уѣдетъ наконецъ эта несчастная женщина съ несчастнымъ своимъ ребенкомъ и неудобноказуемымъ мужемъ, надо будетъ въ первый же день, не откладывая, побывать на кладбищѣ, и Лужинъ кивалъ, старательно улыбаясь. Пишущую машинку, географію, рисованіе онъ забросилъ, зная теперь, что все это входило въ комбинацію, было замысловатымъ повто-

рениемъ зафиксированныхъ въ дѣтствѣ ходовъ. Нелѣпые дни: Лужина чувствовала, что недостаточно внимательна къ настроеніямъ мужа, ускользало что-то, но все же она продолжала вѣжливо слушать болтовню пріѣзжей, переводить приказчикамъ ея требованія, и особенно было неприятно, когда какія-нибудь туфли, уже разъ ношенныя, оказывались почему либо негодными, и нужно было съ ней итти въ магазинъ, и раскраснѣвшаяся дама по-русски распекала фирму, требовала, чтобы перемѣнили туфли, и нужно было ее успокаивать и очень вуалировать въ нѣмецкой передачѣ хлесткія ея словечки. Вечеромъ, накануне своего отъѣзда, она пришла вмѣстѣ съ Митькой прощаться. Митьку она оставила въ кабинетѣ, а сама пошла въ спальню съ Лужиной, и та въ сотый разъ показывала ей свой гардеробъ. Митька сидѣлъ на диванѣ и почесывалъ колѣно, стараясь не смотрѣть на Лужину, который тоже не зналъ, куда смотрѣть и придумывалъ, чѣмъ занять рыхлое дитя. «Телефонъ!» — наконецъ тонкимъ голосомъ воскликнулъ Лужинъ и, указывая пальцемъ на аппаратъ, съ нарочитымъ удивленіемъ захохоталъ. Но Митька, хмуро посмотрѣвъ по направленію лужинскаго пальца, отвелъ глаза, и нижняя губа у него чуть-чуть отвисла. «Потѣхъ и пропасть!» — попробовалъ опять Лужинъ и простеръ другую руку, указывая на собственную картину на стѣнѣ. У Митьки блестящей капелькой наполнилась лѣвая ноздря, и онъ потянулъ носомъ, безучастно глядя передъ собой. «Авторъ божественной комедіи!» — рявкнулъ Лужинъ, поднявъ руку къ бюсту Данте. Молчаніе, легкое сопѣніе. Лужинъ усталъ отъ своихъ гимнастическихъ движеній и тоже замеръ. Онъ сталъ соображать, нѣтъ ли въ столовой конфетъ, подумалъ, не пустить ли въ гостиной граммофонъ, но мальчикъ на диванѣ его гипнотизировалъ однимъ своимъ присутствіемъ, и невозможно было выйти изъ комнаты. «Игрушку бы», — сказалъ онъ про себя, посмотрѣлъ на столъ, примѣрилъ разрѣзательный ножъ къ любопытству ребенка, нашель, что любопытство возбуж-

дено имъ не будетъ, и въ отчаяніи сталъ рыться у себя въ карманахъ. И тутъ снова, въ который уже разъ, онъ почувствовалъ, что лѣвый карманъ, хоть и пустъ, но какимъ то таинственнымъ образомъ хранитъ въ себѣ нѣкое неосязаемое содержаніе. Лужинъ подумалъ, что такой феноменъ способенъ заинтересовать Митьку. Онъ сѣлъ съ нимъ рядомъ на край дивана, хитро подмигнулъ. «Фокусъ, — сказалъ онъ и сталъ показывать, что карманъ пустъ. — Эта дырка не имѣетъ отношенія къ фокусу», — пояснилъ онъ. Вяло и недоброжелательно Митька смотрѣлъ на его движенія. «А все жъ таки тутъ что-то имѣется», — восторженно сказалъ Лужинъ и опять подмигнулъ. «За подкладкой», — выщѣдилъ изъ себя Митька и, пожавъ плечомъ, отвернулся. «Правильно!» — изображая восхищеніе, крикнулъ Лужинъ, и сталъ совать руку въ дырку, гридерживая другой рукой полу пиджака. Сперва показался какой-то красный уголь, потомъ и вся вещь, — нѣчто вродѣ плоской кожаной записной книжки. Лужинъ носмотрѣлъ на нее, поднявъ брови, повертѣлъ въ рукахъ и, вынувъ клапанчикъ сбоку, осторожно ее открылъ. Не книжечка, а маленькая складная шахматная доска изъ сифьяна. Лужинъ тотчасъ вспомнилъ, что ему подарили ее въ парижскомъ клубѣ, — всѣмъ участникамъ тамошняго турнира роздали по такой вещицѣ, — въ видѣ рекламы. что ли, какой то фирмы, а не то просто на память отъ клуба. Въ отдѣленіяхъ, по сторонамъ самой доски, были целуллоидовыя штучки, похожія на ноготки, и на каждой — изображеніе шахматной фигуры. Эти штучки вставлялись такъ, что острая часть вѣзжала въ тонкую щелку на нижнемъ краѣ каждаго квадрата, а округленная часть съ нарисованной фигурой ложилась плоско на квадратъ. Получалось очень изящно и аккуратно, — эта маленькая красно-бѣлая доска, ладные целуллоидовыя ноготки, да еще тисненныя золотомъ буквы вдоль горизонтальнаго края доски и золотыя цифры вдоль вертикальнаго. Лужинъ, разинувъ ротъ отъ удовольствія, сталъ совывать

ноготки, — сперва просто рядъ пѣшекъ на второй линіи, — но потомъ передумалъ и, осторожно, кончиками пальцевъ беря подвижныя изображеньица, разставилъ то положеніе въ его партіи съ Турати, на которомъ ее прервали. Эта разстановка произошла почти мгновенно, и сразу вся вещественная сторона дѣла отпала: маленькая доска, раскрытая у него на ладони, стала неосязаемой и невѣсомой, сафьянъ растаялъ розоватой мутью, все исчезло, кромѣ самого шахматнаго положенія, сложнаго, остраго, насыщеннаго необыкновенными возможностями. Лужинъ, приложивъ палецъ къ виску, такъ задумался, что не замѣтилъ, какъ Митька, отъ нечего дѣлать, сползъ съ дивана и принялся раскачивать черный стволъ стоячей лампы. Вдругъ она накренилась, и потухъ свѣтъ. Лужинъ очнулся въ полной темнотѣ и въ первое мгновеніе не понялъ, гдѣ онъ, и что кругомъ происходитъ. Невидимое существо ерзало и побрякивало гдѣ-то рядомъ, и внезапно оранжевый абажуръ опять засіялъ прозрачнымъ свѣтомъ, и блѣдный, съ обритой головой, мальчикъ стоялъ на колѣняхъ и поправлялъ шнуръ. Лужинъ вздрогнулъ и захлопнулъ доску. Маленькій, страшный его двойникъ, маленькій Лужинъ, для котораго разставлялись шахматы, проползъ на колѣнкахъ по коврау... Все это уже было разъ... И опять онъ попался, не понялъ, какъ произойдетъ въ живой игрѣ повтореніе знакомой темы. И въ слѣдующій мигъ все пришло въ равновѣсіе: Митька, посапывая, вползъ на диванъ. Въ легкомъ сумракѣ, вокругъ оранжевой лампы, плавалъ покачиваясь лужинскій кабинетъ, красная сафьяновая книжечка невинно лежала на коврѣ, но Лужинъ зналъ, что это все обманъ, комбинація еще не вся развилась, и вскорѣ намѣтится новое роковое повтореніе. Быстро нагнувшись, онъ схватилъ и сунулъ въ карманъ вещественный символъ того, что такъ сладостно и ужасно завладѣло опять его воображеніемъ, и подумалъ, куда бы еще вѣрнѣе спрятать, но тутъ послышались голоса, вошли жена и гостья, обѣ поплыли на него, какъ бы сквозь папи-

росный дымъ. «Митька, вставай, пора. Да-да, милая, мнѣ еще столько нужно уложить», — говорила дама и потомъ подошла къ Лужину и стала съ нимъ прощаться. «Очень была рада познакомиться», — сказала она и промежъ словъ успѣла подумать, что уже думала не разъ: «Ну, и балда, ну, и типчикъ!» «Очень была рада. Вотъ расскажу вашей тетушкѣ, что видѣла ея маленькаго шахматиста, ставшаго большимъ, извѣстнымъ...» «Вы должны непременно навѣстить насъ на обратномъ пути», — поспѣшно и громко прервала Лужина, впервые взглянувъ съ ненавистью на улыбающіяся, красныя, какъ сургучъ, губы и беспощадно глупые глаза. «Ну, еще бы, само собой разумѣется. Митька, встань и попрощайся!» Митька съ легкимъ отвращеніемъ это исполнилъ, и всѣ вышли въ прихожую. «У васъ тутъ въ Берлинѣ всегда возня съ выпусканіями», — насмѣшливо сказала она, глядя, какъ Лужина беретъ съ подставки зеркала ключи. «Нѣтъ, у насъ лифтъ», — невпопадъ отвѣтила Лужина, въ неистовомъ нетерпѣніи мечтая объ уходѣ дамы, и бровью сдѣлала знакъ мужу, чтобы онъ подаль котиковое пальто. Лужинъ снялъ съ вѣшалки дѣтское пальтишко... но въ это мгновеніе къ счастью подоспѣла горничная. «До свиданія, до свиданія», — кланялась Лужина, стоя въ дверяхъ, пока гости, сопровождаемые горничной, располагались въ лифтѣ. Изъ-за женинаго плеча Лужинъ видѣлъ, какъ Митька влѣзаетъ на лавочку, а затѣмъ дверныя половинки закрылись, и лифтъ въ своей желѣзной клѣткѣ погрузился и исчезъ. Лужина побѣжала въ кабинетъ и упала ничкомъ на диванъ. Онъ сѣлъ съ ней рядомъ, какъ только что сидѣлъ, и сталъ въ нѣдрахъ своихъ съ трудомъ вырабатывать, склеивать, сшивать улыбку, готовя ее для того мгновенія когда жена къ нему повернется. Жена повернулась. Улыбка вышла вполне удачная. «Ухъ, — вздохнула Лужина, — наконецъ то избавились», — и, быстро обнявъ мужа, стала цѣловать его — въ правый глазъ, потомъ въ подбородокъ, потомъ въ лѣвое ухо, — соблюдая строгую череду:

имъ когда то одобренную. «Ну, прояснитесь, прояснитесь. — повторяла она. — Вѣдь эта мадамъ уѣхала, исчезла». «Исчезла», — покорно сказалъ Лужинъ и, вздохнувъ, поцѣловалъ руку, трепавшую его за шею. «Нѣжности то какія, — шепнула жена, — ахъ, какія милыя нѣжности...»

Пора было ложиться спать, она ушла раздѣваться, а Лужинъ ходилъ по всѣмъ тремъ комнатамъ, отыскивая мѣсто, гдѣ бы спрятать карманные шахматы. Всюду было небезопасно. Въ самыя неожиданныя мѣста совался по утрамъ хоботь хищнаго пылесоса. Трудно, трудно спрятать вещь, — ревнивы и нерадушны другія вещи, крѣпко держащіяся своихъ мѣстъ, и не примутъ онѣ ни въ какую щель бездомнаго, спасающагося отъ погони предмета. Въ этотъ вечеръ онъ такъ и не спряталъ сафьяновой книжечки, а затѣмъ рѣшилъ ея не прятать вовсе, а просто отдѣлаться отъ нея, но это тоже оказалось нелегко; такъ и осталась она у него за подкладкой, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда всякая опасность давно, давно миновала, только тогда сафьяновая книжечка опять нашлась, и уже темно было ея происхожденіе.

14.

Лужина призналась самой себѣ, что для нея не прошло безслѣдно трехнедѣльное пребываніе дамы изъ Россіи. Въ сужденіяхъ дамы была ложь и глупость, — но какъ это докажешь? Она ужаснулась тому, что въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ такъ мало занималась наукой изгнанія, равнодушно принимая лакомъ и золотой вязью блестящія воззрѣнія своихъ родителей и безъ вниманія слушаая рѣчи на собраніяхъ, которыя одно время полагалось посѣщать. Ей пришло въ голову, что и Лужинъ быть можетъ найдетъ вкусъ въ гражданственныхъ изысканіяхъ, быть можетъ увлечется, какъ повидимому увлекаются этимъ милліоны умныхъ людей. А новое занятіе для Лу-

жина было необходимо. Онъ сталъ страненъ, появилась знакомая ей хмурость, и бывало у него часто такое скользящее выраженіе глазъ, будто онъ что-то отъ нея скрываетъ. Ее волновало, что еще ни къ чему онъ по настоящему не пристрастился, и она корила себя, что по узости умственного зрѣнія не можетъ найти ту область, ту идею, тотъ предметъ, которые дали бы работу и пищу бездѣйствующимъ талантамъ Лужина. Она знала, что нужно спѣшить, что каждая пустующая минута лужинской жизни - - лазейка для призраковъ. До отъѣзда въ живописныя страны надобно было найти для Лужина занимательную игру, чтобы потомъ обратиться къ бальзаму путешествій, рѣшительному средству, которымъ лѣчатся отъ хандры романтическіе милліонеры.

Началось съ газетъ. Она стала выписывать «Знамя», «Россіянина», «Зарубежный Голосъ», «Объединеніе», «Кличъ», купила послѣдніе номера эмигрантскихъ журналовъ и для сравненія нѣсколько совѣтскихъ журналовъ и газетъ. Было рѣшено, что ежедневно послѣ обѣда они будутъ другъ другу читать вслухъ. Замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ газетахъ попадается шахматный отдѣлъ, она сперва подумала, не вырѣзать ли эти мѣста, но побоялась этимъ обидѣть Лужина. Раза два, какъ примѣръ интересной игры, мелькнули старыя лужинскія партіи. Это было неприятно и опасно. Прятать номера съ шахматнымъ отдѣломъ не удавалось, такъ какъ Лужинъ копилъ газеты, желая впослѣдствіи ихъ переплести въ видѣ большихъ книгъ. Когда въ газетѣ, имъ открытой, оказывалась темная шахматная діаграмма, она слѣдила за выраженіемъ его лица, но ея взглядъ онъ чувствовалъ и на діаграмму смотрѣлъ только мимоходомъ. И она не знала, съ какимъ грѣшнымъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ тѣхъ четверговъ или понедѣльниковъ, когда бывалъ шахматный отдѣлъ, и не знала, съ какимъ любопытствомъ онъ просматривалъ въ ея отсутствіе напечатанныя партіи. Задачи же онъ запоминать сразу, искоса взглянувъ на рисунокъ и схва-

тивъ этимъ взглядомъ распредѣленіе фигуръ, и потомъ рѣшалъ про себя, пока жена вслухъ читала ему передовую. «...Вся дѣятельность исчерпывается кореннымъ измѣненіемъ и дополненіемъ, которыя должны обезпечить...» — ровнымъ голосомъ читала жена. «Построеніе любопытное, — думалъ Лужинъ. — Ферзь черныхъ совершенно свободенъ». «...проводить четкую грань между жизненными интересами, при чемъ не лишнимъ было бы отмѣтить, что ахиллесова пята этой карающей длани...» «Противъ угрозы на ашъ-семь у черныхъ есть очевидная защита», — думалъ Лужинъ и механически улыбнулся отъ того, что жена, прервавъ на мигъ чтеніе, вдругъ сказала вполголоса: «Не понимаю». «Если въ этомъ планѣ, — продолжала она, - - разсматривать ихъ дальнѣйшіе планы...» «Ахъ, какая роскошь», — мысленно воскликнулъ Лужинъ, найдя ключъ къ задачѣ, — очаровательно изящную жертву. «...и катастрофа не за горами», — докончила статью жена и, окончивъ, вздохнула. Дѣло въ томъ, что чѣмъ внимательнѣе она читала газеты, тѣмъ ей становилось скучнѣе, и туманомъ словъ и метафоръ, предположеній и выводовъ, заслонялась ясная истина, которую она всегда чувствовала и никогда не могла выразить. Когда же она обращалась къ газетамъ потустороннимъ, совѣтскимъ, то уже скучѣ не было границъ. Отъ нихъ вѣяло холодомъ гробовой бухгалтеріи, мушиной канцелярской тоской, и чѣмъ то онѣ ей напоминали образъ маленькаго чиновника съ мертвымъ лицомъ въ одномъ учрежденіи, куда пришлось зайти въ тѣ дни, когда ее и Лужина гнали изъ канцеляріи въ канцелярію ради какой то бумажки. Чиновникъ былъ обидчивый и замученный, и вѣлъ діабетическій хлѣбецъ, и вѣроятно получалъ мизерное жалованье, былъ женатъ, и у ребенка была сыпь по всему тѣлу. Бумажкѣ, которой у нихъ не было, и которую слѣдовало достать, онъ придавалъ значеніе космическое, весь міръ держался на этой бумажкѣ и безнадежно разсыпался въ прахъ, если человѣкъ былъ ея лишенъ. Мало того: оказывалось,

что Лужины получить ее не могли прежде, чѣмъ не истекуть чудовищные сроки, тысячелѣтія отчаянія и пустоты, и однимъ только писаніемъ прошеній было позволено облегчать себѣ эту міровую скорбь. Чиновникъ огрызнулся на бѣднаго Лужина за куреніе въ присутственномъ мѣстѣ, и Лужинъ, вздрогнувъ, сунулъ окурокъ въ карманъ. Въ окно былъ виденъ строящійся домъ въ лѣсахъ, коимъ дождь; въ углу комнаты висѣлъ черный пиджачокъ, который чиновникъ въ часы работы мѣнялъ на люстриновый, и отъ его стола было общее впечатлѣніе лиловыхъ чернилъ и все того же трансцендентальнаго унынія. Они ушли, ничего не получивъ, и Лужина чувствовала, словно ей пришлось повоевать съ сѣрой и слѣпой вѣчностью, которая и побѣдила ее, брезгливо оттолкнувъ робкую земную мзду — три сигары. Бумажку они получили въ другомъ учрежденіи мгновенно. Лужина потомъ съ ужасомъ думала, что маленькій чиновникъ, уславшій ихъ, представляетъ себѣ вѣроятно, какъ они безутѣшными призраками бродятъ въ безвоздушныхъ пространствахъ, и быть можетъ все ждетъ ихъ покорнаго, рыдающаго возвращенія. Ей было неясно, почему именно его образъ мерещился ей, какъ только она принималась за московскую газету. Скука и жалость были, что ли, такого же свойства, но ей было мало этого, умъ не былъ удовлетворенъ, — и вдругъ она понимала, что тоже ищетъ формулу, официальное воплощеніе мыслей, а дѣло совсѣмъ не въ томъ. Уму была непостижима сложная борьба туманныхъ мнѣній, высказываемыхъ различными газетами изгнанія; это разнообразіе мнѣній особенно поразило ее, привыкшую равнодушно думать, что всѣ, которые не мыслятъ такъ, какъ ея родители, мыслятъ такъ, какъ хромою забавникъ, говорившій о социологіи толпѣ смѣшливыхъ дѣвиць. Оказывалось, что были тончайшіе оттѣнки мнѣній и ехиднѣйшая вражда, — и если все это было слишкомъ сложно для ума, то душа одно начинала постигать совершенно отчетливо: и тутъ, и тамъ мучать или хотятъ

мучить, но тамъ муки и хотѣнія причинить муку въ сто-
кратъ больше, чѣмъ тутъ, и потому тутъ лучше.

Когда приходила Лужину очередь читать вслухъ, она
выбирала для него фельетонъ съ шутливымъ названіемъ
или коротенькій, прочувствованный рассказъ. Онъ читалъ,
смѣшно запинаясь, странно произнося нѣкоторыя слова,
переѣзжая иногда за точку или недоѣзжая до нея и без-
смысленно повышая и понижая голосъ. Ей нетрудно было
понять, что газеты его не занимаютъ; когда же она затѣ-
вала разговоръ, соотвѣтствовавшій только что прочитан-
ной статьѣ, онъ поспѣшно соглашался со всѣми ея заклю-
ченіями, и когда, чтобы провѣрить его, она нарочно сказа-
ла, что эмигрантскія газеты все врутъ, онъ согласился тоже.

Газеты одно, люди другое; хорошо бы послушать этихъ
людей. Она представила себѣ, какъ у нея въ квартирѣ бу-
дутъ собираться люди разнаго толка, «всякая интеллигент-
щина», по выраженію матери, — и какъ, слушая живые
споры и бесѣды на новыя темы, Лужинъ, если не расцвѣ-
тетъ, то по крайней мѣрѣ найдетъ временное развлеченіе.
Изъ всѣхъ знакомыхъ ея матери наиболѣе просвѣщен-
нымъ и даже «лѣвымъ», какъ съ нѣкоторымъ кокетствомъ
утверждала мать, считался Олегъ Сергѣевичъ Смирновскій,
— но когда Лужина къ нему обратилась съ просьбой при-
вести къ ней нѣсколько интересныхъ, свободомыслящихъ
людей, читающихъ не только «Знамя», но и «Объедине-
ніе» и «Зарубежный Голосъ», — Смирновскій отвѣтилъ,
что онъ, молъ, не вращается въ такихъ кругахъ, и сталъ
порицать подобное вращеніе и быстро объяснилъ, что
вращается въ другихъ кругахъ, гдѣ вращеніе необходимо,
и у Лужиной неприятно закружилась голова, какъ въ Лу-
на-паркѣ на вращающемся дискѣ. Послѣ этой неудачи
она изъ разныхъ келеекъ памяти стала извлекать людей,
которыхъ случайно встрѣчала, и которые могли ей те-
перь пособить. Она вспомнила русскую дѣвицу, которая
сидѣла съ ней рядомъ въ школѣ прикладныхъ искусствъ,
— дочь политическаго дѣятеля изъ демократовъ; вспом-

нила и Алферова, который бывалъ всюду, и охотно рассказывалъ, что когда то у него на рукахъ умеръ старый поэтъ; вспомнила мало цѣнимаго родственника, служившаго въ конторѣ русской газеты, названіе которой съ гортанными руладами выкрикивала подвечеръ толстая газетчица на углу. Выбрала еще кое-кого и кромѣ того подумала, что многіе вѣроятно помнятъ Лужина писателя и знаютъ о Лужинѣ шахматистѣ и съ удовольствіемъ будутъ посѣщать его домъ.

И что было Лужину до всего этого? Единственное, что по настоящему занимало его, была сложная, лукавая игра, въ которую онъ—непонятно, какъ—былъ замѣшанъ. Безпомощно и хмуро онъ выискивалъ примѣты шахматнаго повторенія, продолжая недоумѣвать, куда оно клонится. Но всегда быть на чеку, всегда напрягать вниманіе онъ тоже не могъ: что то временно ослабѣвало въ немъ, онъ беззаботно наслаждался партіей, напечатанной въ газетѣ, и, вдругъ спохватившись, съ тоской отмѣчалъ, что опять не досмотрѣлъ, и въ его жизни только что былъ сдѣланъ тонкій ходъ, беспощадно продолжавшій роковую комбинацію. Тогда онъ рѣшалъ удвоить бдительность, слѣдить за каждой секундой жизни, ибо всюду могъ быть подвохъ. И больше всего его томила невозможность придумать разумную защиту, ибо цѣль противника была еще скрыта.

Слишкомъ полный и дряблый для своихъ лѣтъ, онъ ходилъ между людей, придуманныхъ его женой, старался найти тихое мѣсто и все время смотрѣлъ и слушалъ, не проскользнулъ ли гдѣ намекъ на слѣдующій ходъ, не продолжается ли игра, не имъ затѣянная, но съ ужасной силой направленная противъ него. Случалось, что намекъ такой бывалъ, что то подвигалось впередъ, но общее значеніе комбинаціи отъ этого не становилось яснѣе. И тихое мѣсто трудно было отыскать, — къ нему обращались съ вопросами, которые ему приходилось нѣсколько разъ про себя повторить прежде, чѣмъ понять ихъ простой смыслъ и найти простой отвѣтъ. Во всѣхъ трехъ, телескопомъ рас-

крывшихся, комнатахъ было очень свѣтло, — ни одной не пощадили лампочки, — люди сидѣли въ столовой, и на неудобныхъ стульяхъ въ гостиной, и въ кабинетѣ на оттоманкѣ, а одинъ, въ блѣдныхъ фланелевыхъ штанахъ, все норовиль устроиться на письменномъ столѣ, отстраняя для удобства коробку съ красками и кучку нераспечатанныхъ газетъ. Пожилой актеръ, съ лицомъ, перещупаннымъ многими ролями, весь мягкій, мягкоголосый, почему то производившій впечатлѣніе, что лучше всего онъ играетъ въ ночныхъ туфляхъ, тамъ, гдѣ требуется кряхтѣніе, оханіе, ужимчивое похмелье, заковыристыя, сдобныя словечки, — сидѣлъ на оттоманкѣ, рядомъ съ добротной, черноглазой женой журналиста Барса, бывшей артисткой, и вспоминалъ съ ней, какъ они когда то въ Самарѣ вмѣстѣ играли въ «Мечтѣ Любви». «Помните, какой вышелъ конфузъ съ цилиндромъ? И какъ я ловко нашелся?» — мягко говорилъ актеръ. «Безконечныя оваціи, — говорила черноглазая дама, — мнѣ были устроены такія оваціи, что никогда не забуду...» Такъ они перебивали другъ друга, вспоминая каждый свое, а человѣкъ въ блѣдныхъ штанахъ уже третій разъ просилъ у замечтавашагося Лужина «папиросу, папиросочку». Былъ онъ начинающій поэтъ, читаль свои стихи съ паѳосомъ, съ подпѣваніемъ, слегка вздрагивая головой и глядя въ пространство. Вообще же держаль онъ голову высоко, отчего былъ очень замѣтенъ крупный, подвижной кадыкъ. Папиросы онъ такъ и не получилъ, ибо Лужинъ задумчиво перешелъ въ гостиную, и, глядя съ благоговѣніемъ на его толстый затылокъ, поэтъ думаль о томъ, какой это чудесный шахматистъ, и предвкушалъ время, когда съ отдохнувшимъ, поправившимся Лужинымъ можно будетъ поговорить о шахматахъ, до которыхъ былъ большой охотникъ, а потомъ увидѣлъ въ пройму двери жену Лужина и нѣкоторое время рѣшалъ про себя вопросъ, стоитъ ли за ней поволочиться. Лужина, улыбаясь, слушала, что говорить высокаго роста, со щербатымъ лицомъ, журналистъ Барсъ, а сама думала,

какъ трудно усаживать этихъ гостей за общій чайный столъ, и не лучше ли въ будущемъ просто разносить чай по угламъ. Барсъ говорилъ съ необычайной быстротой и всегда такъ, словно ему необходимо въ кратчайшій срокъ выразить очень извилистую мысль со всѣми ея придатками, ускользящими хвостиками, захватить, подправить все это, и, если слушатель попадался внимательный, то мало-по-малу начиналъ понимать, что въ лабиринтѣ этой спѣшащей рѣчи постепенно проступаетъ удивительная гармонія, и самая эта рѣчь, съ неправильными подчасъ удареніями и газетными словами, внезапно преобразалась, какъ бы перенимая отъ высказанной мысли ея стройность и благородство. Лужина, увидѣвъ мужа, сунула ему въ руку тарелочку съ красиво очищеннымъ апельсиномъ и прошла мимо него въ кабинетъ. «И замѣтьте, - сказалъ невзрачнаго вида человекъ, выслушавъ и оцѣнивъ мысль журналиста, — замѣтьте, что тютчевская ночь прохладна, и звѣзды тамъ круглыя, влажныя, съ отливомъ, а не просто свѣтлыя точки». Онъ больше ничего не сказалъ, такъ какъ говорилъ вообще мало, не столько изъ скромности, сколько, казалось, изъ боязни расплескать что-то драгоценное, не ему принадлежащее, но порученное ему. Лужиной, кстати сказать, онъ очень нравился, именно невзрачностью, непримѣтностью чертъ, словно онъ былъ самъ по себѣ только нѣкій сосудъ, наполненный чѣмъ то такимъ священнымъ и рѣдкимъ, что было бы даже кощунственно внѣшность сосуда расцвѣтить. Его звали Петровъ, онъ ничѣмъ въ жизни не былъ замѣчательнъ, ничего не писалъ, жилъ кажется по нищенски, но объ этомъ никогда не рассказывалъ. Единственнымъ его назначеніемъ въ жизни было сосредоточенно и благоговѣйно нести то, что было ему поручено, то, что нужно было сохранить непременно, во всѣхъ подробностяхъ, во всей чистотѣ, а потому и ходилъ онъ мелкими, осторожными шажками, стараясь никого не толкнуть, и только очень рѣдко, только, когда улавливалъ въ собесѣдникѣ

родственную бережность, показывалъ на мигъ — изъ всего того огромнаго и таинственнаго, что онъ въ себѣ несъ, — какую-нибудь нѣжную, безцѣнную мелочь, строку изъ Пушкина или простонародное названіе полевого цвѣтка. «Я вспоминаю его отца, — сказалъ журналистъ, когда спина Лужина удалилась въ столовую. — Лицомъ не похожъ, но есть что-то аналогичное въ наклонѣ плечъ. Милый, хорошій былъ человекъ, но какъ писатель... Что? Вы развѣ находите, что эти олеографическія повѣсти для юношества...» «Пожалуйста, пожалуйста, въ столовую, — заговорила Лужина, возвращаясь изъ кабинета съ найденными тамъ тремя гостями. — Чай поданъ. Ну, я прошу васъ». Тѣ, которые уже были за столомъ, сидѣли въ одномъ концѣ, — въ другомъ же одиноко сидѣлъ Лужинъ, мрачно нагнувъ голову, жевалъ апельсинъ и мѣшалъ чай въ стаканѣ. Былъ тутъ Алферовъ съ женой, смуглая, ярко-накрашенная барышня, чудесно рисовавшая жаръ-птицъ, лысый молодой человекъ, съ юморомъ называвшій себя газетнымъ работникомъ, но втайнѣ мечтавшій быть коноводомъ въ политикѣ, двѣ дамы — жены адвокатовъ... И еще сидѣлъ за столомъ милѣйшій Василій Васильевичъ, застѣнчивый, благообразный, свѣтлобородый, въ старческихъ штиблетахъ, кристальной души человекъ. Въ свое время его ссылали въ Сибирь, потомъ за границу, оттуда онъ вернулся, успѣлъ однимъ глазкомъ повидать революцію и былъ сосланъ опять. Онъ задушевно рассказывалъ о подпольной работѣ, о Каутскомъ, о Женевѣ и не могъ безъ умиленія смотрѣть на Лужину, въ которой находилъ сходство съ какими то ясноглазыми идеальными барышнями, работавшими вмѣстѣ съ нимъ на благо народа. И въ этотъ разъ, какъ и въ предыдущіе разы, Лужина замѣтила, что, когда наконецъ всѣ гости были собраны и посажены всѣ вмѣстѣ за столъ, наступило молчаніе. Молчаніе было такое, что ясно слышно было дыханіе горничной, разносившей чай. Лужина нѣсколько разъ ловила себя на невозможной мысли, что хорошо бы спросить

у горничной, почему она такъ громко дышитъ, и не можетъ ли она это дѣлать тише. Была она вообще не очень расторопна, эта пухленькая дѣвица, особенно — бѣда съ телефонами. Лужина, прислушиваясь къ дыханію, мелко вспомнила, что на дняхъ горничная ей со смѣхомъ доложила: «Звонилъ господинъ Фа... Фа... Фати. Вотъ, я записала номеръ». Лужина по номеру позвонила, но рѣзкій голосъ отвѣтилъ, что тутъ кинематографическая контора, и никакого Фати нѣтъ. Какая то безнадѣжная путаница. Она собралась было попенять на нѣмецкихъ горничныхъ, чтобы вывести изъ молчанія сосѣда, но тутъ замѣтила, что разговоръ уже вспыхнулъ, говорятъ о новой книгѣ. Барсъ утверждалъ, что она написана изоощренно и замысловато, и въ каждомъ словѣ чувствуется безсонная ночь; дамскій голосъ сказалъ, что «ахъ нѣтъ, она такъ легко читается»; Петровъ нагнулся къ Лужиной и шепнулъ ей цитату изъ Жуковского: «Лишь то, что писано съ трудомъ, читать легко»; а поэтъ, кого то перебивъ на полсловѣ, запальчиво картавя, крикнулъ, что авторъ дуракъ; на что Василій Васильевичъ, не читавшій книги, укоризненно покачалъ головой. Только уже въ передней, когда всѣ другъ съ другомъ прощались въ видѣ пробнаго испытанія, ибо потомъ всѣ опять прощались другъ съ другомъ на улицѣ, хотя всѣмъ было итти въ одну сторону, — актеръ съ перещупаннымъ лицомъ вдругъ хватилъ себя по лбу ладонью: «Чуть не забылъ, голубушка, — сказалъ онъ, при каждомъ словѣ почему то пожимая Лужиной руку. — На-дняхъ у меня спрашивалъ вашъ телефонъ одинъ человекъ изъ кинематографическаго королевства». — Тутъ онъ сдѣлалъ удивленные глаза и отпустилъ руку Лужиной. «Какъ, вы не знаете, что я теперь снимаюсь? Какъ же, какъ же. Большія роли, и во всю морду». На этомъ мѣстѣ его отгѣснилъ поэтъ, и Лужина такъ и не узнала, о какомъ человекѣ хотѣлъ сказать актеръ.

Гости ушли. Лужинъ сидѣлъ бокомъ къ столу, на ко-

торомъ замерли въ разныхъ позахъ, какъ персонажи въ заключительной сценѣ «Ревизора», остатки угощенія, пустые и недопитые стаканы. Одна его рука была тяжело растопырена на скатерти. Изъ-подъ полуопущенныхъ, снова распухшихъ вѣкъ, онъ смотрѣлъ на чернѣй, свившійся отъ боли кончикъ спички, которая только что погасла у него въ пальцахъ. Его большое лицо, съ вялыми складками у носа и рта, слегка лоснилось, и на щекахъ, золотистой отъ свѣта щетиной, уже успѣлъ за день намѣтиться вѣчно сбываемый и вѣчно всходящій волосъ. Темно-сѣрый, мохнатый на ощупь костюмъ облегалъ его тѣснѣе, чѣмъ прежде, хотя былъ задуманъ просторнымъ. Такъ сидѣлъ Лужинъ, не шевелясь, и блестя стеклянныя вазочки съ конфетами; и какая-то ложечка застыла на скатерти, далеко отъ всякаго прибора, и въ полной неприкосновенности почему-то остался маленькій, не прельщавшій взгляда, но очень, очень вкусный пирогъ. «Что же это такое, — думала Лужина, глядя на мужа, — Господи, что же это такое?» И она почувствовала безсиліе, безнадѣжность, мутную тоску, словно взялась за дѣло, слишкомъ для нея трудное. И все пропадало зря, какъ этотъ пирогъ, все пропадало зря, — незачѣмъ было стараться, придумывать развлеченія, созывать занятныхъ гостей. Она попробовала представить себѣ, какъ вотъ этого, опять слѣпного, опять хмураго, Лужина станетъ возить по Ривьерѣ, и всего только и увидѣла: Лужинъ сидитъ въ номерѣ гостиницы, уставившись въ полъ. Съ непріятнымъ чувствомъ, что подглядываетъ сквозь замочную скважину судьбы, она на мигъ нагнулась и увидѣла будущее - десять, двадцать, тридцать лѣтъ, — и все было то же самое, никакой перемѣны, все тотъ же хмурый, согбенный Лужинъ, и молчаніе, и безнадѣжность. Дурная, недостойная мысль. Ея душа сразу разогнулась опять, и кругомъ были знакомые образы и заботы: пора спать, несочнаго пирога въ слѣдующій разъ не нужно, какой милый Петровъ, завтра утромъ придется ѣхать насчетъ паспортныхъ дѣлъ. опять

откладывается кладбище. Казалось, чего проще, — сѣсть имъ въ таксомоторъ и покатить туда, за городъ, на маленькое, окруженное пустыремъ кладбище. Но все случилось такъ, что ѣхать нельзя было, то зубы у Лужина болѣли, то вотъ паспортныя хлопоты, то еще что-нибудь, — мелкія, незамѣтныя помѣхи. И сколько теперь будетъ разныхъ дѣлъ... Непремѣнно пужно будетъ Лужина повести къ дантисту. «Опять болить?» — спросила она и опустила ладонь на руку Лужина. «Да-да», — сказалъ онъ, и, скрививъ лицо, вобралъ одну щеку съ чмокающимъ звукомъ. Зубную боль онъ придумалъ на-дняхъ, чтобы объяснить какъ-нибудь свою подавленность и молчаніе. «Завтра же позвоно дантисту», — рѣшительно сказала она «Не надо, — протяжно проговорилъ Лужинъ, — пожалуйста, не надо». Губы у него задрожали. Онъ почувствовалъ, что сейчасъ разрыдается, слишкомъ ужъ становилось все это страшно. «Чего не надо?» — спросила она ласково и вопросительный знакъ выразила маленькимъ звукомъ, вродѣ «ым?» — съ закрытыми губами. Онъ потрясъ головой и на всякій случай опять пососалъ зубъ. «Къ дантисту не надо? Нѣтъ, Лужина къ дантисту поведутъ. Это нельзя запускать». Лужинъ всталъ со стула и, держась за щеку, ушелъ въ спальню. «Я ему дамъ облатку, — сказала она. — Вотъ что».

Облатка не подѣйствовала. Лужинъ долго еще бодрствовалъ, послѣ того, какъ заснула жена. По правдѣ сказать, ночные часы, часы безсонницы въ темной, запертой комнатѣ, были единственные, когда можно спокойно думать и не бояться пропустить новый ходъ въ чудовищной комбинаціи. Ночью, особенно если лежать неподвижно, съ закрытыми глазами, ничего произойти не могло. Тщательно и по возможности хладнокровно Лужинъ провѣрялъ уже сдѣланные противъ него ходы, но какъ только онъ начиналъ гадать, какія формы приметъ дальнѣйшее втореніе схемы еѳо прошлаго, ему становилось смутно и страшно, будто надвигалась на него съ безпощадной точ-

ностью неизбежная и немислимая бѣда. Въ эту ночь онъ особенно остро почувствовалъ свое безсиліе передъ этой медленной, изощренной атакой, и ему захотѣлось не спать вовсе, продлить какъ можно больше эту ночь, эту тихую темноту, остановить время на полночи. Жена спала совершенно безмолвно; вѣрнѣе всего — ея не было вовсе. Только тиканье часовъ на ночномъ столикѣ доказывало, что время продолжаетъ жить. Лужинъ вслушивался въ это мелкое сердцебиеніе и задумывался опять, и вдругъ вздрогнулъ, замѣтивъ, что тиканье часовъ прекратилось. Ему показалось, что ночь застыла навсегда, теперь уже не было ни одинаго звука, который бы отмѣчалъ ея прохожденіе, время умерло, все было хорошо, бархатная тишь. Этимъ счастьемъ и успокоеніемъ незамѣтно воспользовался сонъ, и уже во снѣ покоя не было, а простирались все тѣ же шестьдесятъ четыре квадрата, великая доска, посреди которой, дрожащій и совершенно голый, стоялъ Лужинъ, ростомъ съ пѣшку, и вглядывался въ неясное расположеніе огромныхъ фигуръ, горбатыхъ, головастыхъ, вѣнценосныхъ.

Онъ проснулся оттого, что жена, уже одѣтая, наклонилась надъ нимъ и поцѣловала въ переносицу. «Здравствуйте, милый Лужинъ, — сказала она. — Уже десять часовъ. Что мы сегодня дѣлаемъ, — дантистъ или виза?» Лужинъ посмотрѣлъ на нее свѣтлыми, растерянными глазами и сразу прикрылъ вѣки опять. «А кто забылъ на ночь часы завести? — засмѣялась жена, слегка тормоша его за полную, бѣлую шею. — Такъ можно проспять всю жизнь». Она наклонила голову на бокъ, глядя на профиль мужа, окруженный вздутиемъ подушки, и замѣтивъ, что онъ снова заснулъ, улыбнулась и вышла изъ комнаты. Въ кабинетѣ она постояла передъ окномъ, глядя на зеленоватоголубое небо, по зимнему безоблачное, и подумала, что сегодня, должно быть, очень холодно, и Лужину надо приготовить шерстяной жилетъ. На письменномъ столѣ зазвонилъ телефонъ, это очевидно мать спрашивала, бу-

дуть ли они сегодня у нея обѣдать. «Алло?» — сказала Лужина, присѣвъ на край стола. «Аллѣ, аллѣ», — взволнованно и сердито закричалъ въ телефонъ неизвѣстный голосъ. «Да-да, я слушаю», — сказала Лужина и пересѣла въ кресло. «Кто тамъ?», — по-нѣмецки, но съ русской растяжкой, спросилъ недовольный голосъ. «А кто говорить?» — понавѣдалась Лужина. «Господинъ Лужинъ дома?» — спросилъ голосъ по-русски. «Кто говорить?» — съ улыбкой повторила Лужина. Молчаніе. Голосъ какъ будто рѣшалъ про себя вопросъ, открыться или нѣтъ. «Я хочу говорить съ господиномъ Лужинымъ, — началъ онъ опять, вернувшись къ нѣмецкому языку. — Очень спѣшное и важное дѣло». «Минуточку», — сказала Лужина и прошлаъ раза два по комнатѣ. Нѣтъ, Лужина будить не стоило. Она вернулась къ телефону. «Еще спитъ, — сказала она. — Но если хотите ему что-нибудь передать...» «Ахъ, это очень досадно, — заговорилъ голосъ, окончательно усвоивъ русскую рѣчь. — Я звоню уже второй разъ. Я прошлый разъ оставилъ свой телефонъ. Дѣло для него крайне важное и нетерпящее отлагательствъ». «Я — его жена, — сказала Лужина. — Если что нужно. .» «Очень радъ познакомиться, — дѣловито перебилъ голосъ. — Моя фамилія — Валентиновъ. Вашъ супругъ конечно рассказывалъ вамъ обо мнѣ. Такъ вотъ: скажите ему, какъ только онъ проснется, чтобъ онъ сѣлся въ автомобиль и ѣхалъ бы ко мнѣ. Кино-концертъ «Веритасъ», Рабенштрассе 82. Дѣло очень спѣшное и для него очень важное», — продолжалъ голосъ, опять перейдя на нѣмецкій языкъ, потому ли что этого требовала важность дѣла, или потому просто, что нѣмецкій адресъ увлекъ его въ соотвѣтствующую рѣчь, — неизвѣстно. Лужина сдѣлала видъ, что записываетъ адресъ и потомъ сказала: «Можетъ быть, вы мнѣ все-таки скажете сперва, въ чемъ дѣло». Голосъ неприятно взволновался: «Я старый другъ вашего мужа. Каждая секунда дорога. Я его жду сегодня ровно въ двѣнадцать. Пожалуйста, передайте ему. Каждая секунда

да —». «Хорошо, — сказала Лужина. — Я ему передамъ, но только не знаю, — можетъ быть, ему сегодня неудобно». «Шепните ему одно: Валентиновъ тебя ждетъ», — засмѣялся голосъ и, пропѣвъ нѣмецкое «до свиданія», провалился въ шелкнувшій люкъ. Нѣсколько мгновений Лужина просидѣла въ раздумьѣ, потомъ она назвала себя душой. Надо было прежде всего объяснить, что Лужинъ пересталъ заниматься шахматами. Валентиновъ... Тутъ только она вспомнила визитную карточку, найденную въ шапо-клякѣ. Валентиновъ, конечно, знакомый Лужина по шахматнымъ дѣламъ. Другихъ знакомыхъ у него не было. Ни о какомъ старомъ другѣ онъ никогда не рассказывалъ. Тонъ у этого господина совершенно невозможный. Нужно было потребовать, чтобы онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Дура. Что же теперь дѣлать? Спросить у Лужина? — нѣтъ. Кто такой Валентиновъ? Старый другъ... Граальскій говорилъ, что у него справлялись... Ага, очень просто. Она пошла въ спальню, убѣдилась, что Лужинъ еще спитъ, — а спалъ онъ по утрамъ удивительно крѣпко, — и вернулась къ телефону. Актеръ, къ счастью, оказался дома и сразу принялся рассказывать длинную исторію о легкомысленныхъ и подловатыхъ поступкахъ, совершенныхъ когда-то его вчерашней собесѣдницей. Лужина, нетерпѣливо дослушавъ, спросила, кто такой Валентиновъ. Актеръ ахнулъ и сталъ говорить, что «представьте себѣ, вотъ я какой забывчивый, безъ суфлера не могу жить»; и наконецъ, подробно рассказавъ о своихъ отношеніяхъ съ Валентиновымъ, мелькомъ упомянулъ, что Валентиновъ, по его, валентиновскимъ словамъ, былъ шахматнымъ олекуномъ Лужина и сдѣлалъ изъ него великаго игрока. Затѣмъ актеръ вернулся ко вчерашней дамѣ и, рассказавъ еще одну ея подлость, сталъ многорѣчиво съ Лужиной прощаться, при чемъ послѣднія его слова были: «цѣлую въ ладошку».

«Вотъ оно что, — проговорила Лужина, повѣсивъ трубку. — Ну, хорошо». Тутъ она спохватилась, что въ

разговоръ раза два произнесла фамилію Валентинова, и что мужъ могъ случайно слышать, если выходилъ изъ спальни въ прихожую. У нея ёкнуло сердце, и она побѣжала провѣрить спитъ ли онъ еще. Онъ проснулся и куриль въ постели. «Мы сегодня никуда не поѣдемъ, — сказала она. — Очень все поздно вышло. А обѣдать будемъ у мамы. Полежите еще, вамъ полезно, вы толстый». Крѣико прикрывъ дверь спальни и затѣмъ дверь кабинета, она торопливо выискала въ телефонной книгѣ номеръ «Веритаса» и, прислушавшись, не ходитъ ли по близости Лужинъ, позвонила. Оказалось, что Валентинова не такъ-то легко добиться. Трое разныхъ людей, смѣняясь, подходили къ телефону, отвѣчали, что сейчасъ позовутъ, а потомъ барышня разъединяла, и приходилось начинать сызнова. При этомъ она старалась говорить по возможности тише, и приходилось повторять, и это было очень непріятно. Наконецъ, желтенькій, худенькій голосъ уныло сообщил ей, что Валентинова нѣтъ, но что онъ непременно будетъ въ половинѣ перваго. Она попросила передать, что Лужинъ не можетъ пріѣхать, такъ какъ боленъ, будетъ болѣть долго и убѣдительно просить, чтобы его больше не беспокоили. Опустивъ трубку на вилку, она опять прислушалась, услышала только стукъ своего сердца и тогда вздохнула и съ безмѣрнымъ облегченіемъ сказала «уфъ!». Съ Валентиновымъ было покончено. Слава Богу что она оказалась одна у телефона. Теперь это миновало. А скоро отъѣздъ. Еще нужно позвонить матери и дантисту. А съ Валентиновымъ покончено. Какое слащавое имѣ. И на минуту она задумалась, совершивъ за эту одну минуту, какъ это иногда бываетъ, долгое и неторопливое путешествіе: направилась она въ лужинское прошлое, таща за собой Валентинова, котораго по голосу представила себѣ въ черепачовыхъ очкахъ, длинноногаго, и, путешествуя въ легкомъ туманѣ, она искала мѣсто, гдѣ бы опустить на-земь Валентинова, скользкаго, отвратительно ерзаваго, но мѣста она не находила, такъ какъ о юности

Лужина не знала почти ничего. Пробираясь еще дальше, вглубь, она через призрачный курортъ съ призрачной гостиницей, гдѣ жилъ четырнадцатилѣтній вундеркиндъ, попала въ дѣтство Лужина, гдѣ было какъ то свѣтлѣе, — но и тутъ Валентинова не удалось пристроить. Тогда она вернулась вспять со своей все мерзостнѣе становившейся ношей, и кое-гдѣ въ туманѣ лужинской юности были острова: онъ уѣзжаетъ за границу играть въ шахматы, покупаетъ открытки въ Палермо, держитъ въ рукахъ визитную карточку съ таинственной фамиліей... Пришлось возвратиться во-свояси съ пыхтящимъ, торжествующимъ Валентиновымъ и вернуть его фирмѣ «Веритасъ», какъ заказной пакетъ, посланный по ненайденному адресу. Пускай же онъ и останется тамъ, невѣдомый, но несомнѣнно вредный, со страшнымъ своимъ прозвищемъ: шахматный опекунъ.

По дорогѣ къ родителямъ, она, идя подруку съ Лужинымъ по солнечной, морозцемъ тронутой улицѣ, стала говорить о томъ, что черезъ недѣлю, самое позднее, они должны уѣхать, а до этого непременно посѣтитъ всѣми забытую могилу. Тутъ же она намѣтила планъ этой недѣли, — паспорта, дантистъ, покупки, прощальный приемъ и — въ пятницу — поѣздка на кладбище. Въ квартирѣ у матери было холодно, не такъ, какъ мѣсяць тому назадъ, но все-таки холодно, и мать куталась въ замѣчательную шаль съ піонами по зелени, и, кутаясь, зябко поводила плечами. Отецъ пріѣхалъ во время обѣда, и требовалъ водочки, и съ сухимъ шелестомъ потиралъ руки. И Лужина въ первый разъ замѣтила, какъ грустно и пусто въ этихъ звонкихъ комнатахъ, и замѣтила, что веселость отца такая же притворная, какъ улыбка матери, и что оба они уже старые, и очень одинокіе, и бѣднаго Лужина не любятъ, и стараются не упоминать о предстоящемъ отъѣздѣ. Она вспомнила все то ужасное, что о женихѣ говорилось, зловѣщія предостереженія и крикъ матери: «на куски разрубить, въ печкѣ тебя сожжетъ»... А изъ всего этого

вышло теперь что-то очень мирное и невеселое, и все улыбалось мертвой улыбкой, фальшиво разудалыя бабы на картинахъ, овальные зеркала, берлинскій самоваръ, четверо людей за столомъ.

«Затишье, — думалъ Лужинъ въ этотъ день. — Затишье, но скрытыя препараціи. Оно желаетъ меня взять врасплохъ. Вниманіе, вниманіе. Концентрироваться и наблюдать».

Всѣ мысли его за послѣднее время были шахматнаго порядка, но онъ еще держался, — о прерванной партіи съ Турати запрещалъ себѣ думать, завѣтныхъ номеровъ газетъ не раскрывалъ, — и все-таки могъ мыслить только шахматными образами, и мысли его работали такъ, словно онъ сидитъ за доской. Иногда, во снѣ, онъ клялся доктору съ агатовыми глазами, что въ шахматы не играетъ, — вотъ только однажды разставилъ фигуры на карманной доскѣ, да просмотрѣлъ двѣ-три партіи, приведенныя въ газетѣ, — просто такъ, отъ нечего дѣлать. Да и эти паденія случались не по его винѣ, а являлись серіей ходовъ въ общей комбинаціи, которая искусно повторяла нѣкую загадочную тему. Трудно, очень трудно заранѣе угадать слѣдующее повтореніе, но еще немного — и все станетъ яснымъ, и быть можетъ найдется защита...

Но слѣдующій ходъ подготавливался очень медленно. Два-три дня продолжалось затишье; Лужинъ снимался для паспорта, и фотографъ бралъ его за подбородокъ, поворачивалъ ему чуть-чуть лицо, просилъ открыть ротъ пошире и сверлилъ ему зубъ съ напряженнымъ жужжаніемъ. Жужжаніе прекращалось, дантистъ искалъ на стеклянной полочкѣ что-то, и, найдя, ставилъ штемпель на паспортѣ, и писалъ, быстро-быстро двигая перомъ. «Пожалуйста, — говорилъ онъ, подавая бумагу, гдѣ были нарисованы зубы въ два ряда, и на двухъ зубахъ стояли черниломъ сдѣланные крестики. Во всемъ этомъ ничего подозрительнаго не было, и это лукавое затишье продолжалось до четверга. И въ четвергъ Лужинъ все понялъ.

Еще накануне ему пришелъ въ голову любопытный пріемъ, которымъ, пожалуй, можно было обмануть козни таинственнаго противника. Пріемъ состоялъ въ томъ, чтобы по своей волѣ совершить какое-нибудь нелѣпое, но неожиданное дѣйствіе, которое бы выпадало изъ общей планомѣрности жизни и такимъ образомъ путало бы дальнѣйшее сочетаніе ходовъ, задуманныхъ противникомъ. Защита была пробная, защита, такъ сказать, наудачу, — но Лужинъ, шалѣя отъ ужаса передъ неизбежностью слѣдующаго повторенія, ничего не могъ найти лучшаго. Въ четвергъ днемъ, сопровождая жену и тещу по магазинамъ, онъ вдругъ остановился и воскликнулъ: «Дантистъ. Я забылъ дантиста». «Какія глупости, Лужинъ, — сказала жена. — Вѣдь вчера же онъ сказалъ, что все сдѣлано». «Нажимать, — проговорилъ Лужинъ и поднялъ палецъ. — Если будетъ нажимать пломба. Говорилось, что если будетъ нажимать, чтобы я пріѣхалъ пунктуально въ четыре. Нажимаетъ. Безъ десяти четыре». «Вы что-то спутали, — улыбнулась жена. — Но конечно, если болитъ, поѣзжайте. А потомъ возвращайтесь домой, я буду дома къ шести». «Поужинайте у насъ», — сказала съ мольбой въ голосѣ мать. «Нѣтъ, у насъ вечеромъ гости, гости, которыхъ ты не любишь». Лужинъ махнулъ тростью въ знакъ прощанія и влѣзъ въ таксомоторъ, кругло согнувъ спину. «Маленькій маневръ», — усмѣхнулся онъ и, почувствовавъ, что ему жарко, разстегнулъ пальто. Послѣ перваго же поворота, онъ остановилъ таксомоторъ, заплатилъ и не торопясь пошелъ домой. И тутъ ему вдругъ показалось, что когда то онъ все это уже разъ продѣлалъ, и онъ такъ испугался, что завернулъ въ первый попавшійся магазинъ, рѣшивъ новой неожиданностью перехитрить противника. Магазинъ оказался парикмахерской, да при томъ дамской. Лужинъ, озираясь, остановился, и улыбающаяся женщина спросила у него, что ему надо. «Купить». — сказалъ Лужинъ, продолжая озиранья. Тутъ онъ увидѣлъ восковой бюстъ и указалъ на него тростью (неожи-

данный ходъ, великолѣпный ходъ). «Это не для продажи», — сказала женщина. «Двадцать марокъ», — сказалъ Лужинъ и вынулъ бумажникъ. «Вы хотите купить эту куклу?» — недовѣрчиво спросила женщина, и подошелъ еще кто-то. «Да», — сказалъ Лужинъ и сталъ разглядывать восковое лицо. «Осторожно, — шепнулъ онъ вдругъ самому себѣ, — я, кажется, попадаюсь». Взглядъ восковой дамы, ея розовыя ноздри, — это тоже было когда то. «Шутка», — сказалъ Лужинъ и поспѣшно вышелъ изъ парикмахерской. Ему стало отвратительно непріятно, онъ прибавилъ шагу, хотя некуда было спѣшить. «Домой, домой, — бормоталъ онъ, — тамъ хорошенько все скомбинирую». Подходя къ дому, онъ замѣтилъ, что у подъѣзда остановился большой, зеркально-черный автомобиль. Господинъ въ котелкѣ что-то спрашивалъ у швейцара. Швейцаръ, увидавъ Лужина, вдругъ протянулъ палецъ и крикнулъ: «Вотъ онъ!» Господинъ обернулся.

...Слегка посмуглѣвшій, отчего бѣлки глазъ казались свѣтлѣе, все такой же нарядный, въ пальто съ котиковымъ воротникомъ шалью, въ большомъ бѣломъ шелковомъ кашнѣ, Валентиновъ шагнулъ къ Лужину съ обаятельной улыбкой, — озарилъ Лужина, словно изъ прожектора, и при свѣтѣ, которымъ онъ обдалъ его, увидѣлъ полное, блѣдное лужинское лицо, моргающія вѣки, и въ слѣдующій мигъ это блѣдное лицо потеряло всякое выраженіе, и рука, которую Валентиновъ сжималъ въ обѣихъ ладоняхъ, была совершенно безвольная. «Дорогой мой, — просіялъ словами Валентиновъ, — счастливъ тебя увидѣть. Мнѣ говорили, что ты въ постели, боленъ, дорогой. Но вѣдь это какая то путаница... И, при удареніи на «путаница», Валентиновъ выпятилъ красныя, мокрѣя губы и сладко сузилъ глаза. «Однако нѣжности отложимъ на потомъ, — перебилъ онъ себя и со стукомъ надѣлъ котелокъ. — Ѣдемъ. Дѣло исключительной важности, и промедленіе было бы...» «...губительно», — окончилъ онъ, отпахнувъ дверцу автомобиля; послѣ чего, об-

нявъ Лужина за спину, какъ будто поднялъ его съ земли и увлекъ, и усадилъ, упавъ съ нимъ рядомъ на низкое, мягкое сидѣнье. На стульчикѣ, спереди, сидѣлъ бокомъ небольшой, востроносый человѣчекъ, съ поднятымъ воротникомъ пальто. Валентиновъ, какъ только откинулся и скрестилъ ноги, сталъ продолжать разговоръ съ этимъ человѣчкомъ, разговоръ, прерванный на запятой и теперь ускоряющійся по мѣрѣ того, какъ расходился автомобиль. Язвительно и чрезвычайно обстоятельно онъ распекалъ его, не обращая никакого вниманія на Лужина, который сидѣлъ, какъ бережно прислоненная къ чему-то статуя, совершенно оцѣпенѣвшій и слышавшій какъ бы сквозь тяжелую завѣсу, смутное, отдаленное рокотаніе Валентинова. Для востроносаго это было не рокотаніе, а очень хлесткія, обидныя слова, — но сила была на сторонѣ Валентинова, и обижаемый только вздыхалъ, да ковырялъ съ несчастнымъ видомъ сальное пятно на черномъ своемъ пальтишкѣ, а иногда, при особенно мѣткомъ словцѣ, поднималъ брови и смотрѣлъ на Валентинова, но, не выдержавъ этого сверканія, сразу жмурился и тихо моталъ головой. Распеканіе продолжалось до самаго конца поѣздки, и, когда Валентиновъ мягко вытолкнулъ Лужина на панель и захлопнулъ за собой дверцу, добитый человѣчекъ продолжалъ сидѣть внутри, и автомобиль сразу повезъ его дальше, и, хотя мѣста было теперь много, онъ остался, уныло сгорбленный, на переднемъ стульчикѣ. Лужинъ межъ тѣмъ устался неподвижнымъ и бессмысленнымъ взглядомъ на бѣлую, какъ яичная скорлупа, дощечку съ черной надписью «Веритасъ», но Валентиновъ сразу увлекъ его дальше и опустилъ его въ кожаное кресло изъ породы клубныхъ, которое было еще болѣе цѣпкимъ и вязкимъ, чѣмъ сидѣнье автомобиля. Въ этотъ мигъ кто-то взволнованнымъ голосомъ позвалъ Валентинова, и онъ, вдвинувъ въ ограниченное поле лужинскаго зрѣнія открытую коробку сигаръ, извинился и исчезъ. Звукъ его голоса остался дрожать въ комнатѣ, и для Лу-

жина, медленно выходившаго изъ оцѣпенѣнія, онъ сталъ постепенно и вкрадчиво превращаться въ нѣкій оболстительный образъ. При звукѣ этого голоса, при музыкѣ шахматнаго соблазна, Лужинъ вспомнилъ съ восхитительной, влажной печалью, свойственной воспоминаніямъ любви, тысячу партій, сыгранныхъ имъ когда-то. Онъ не знаетъ, какую выбрать, чтобы со слезами насладиться ею, все привлекало и ласкало воображеніе, и онъ леталъ отъ одной къ другой, перебирая на мигъ раздирающія душу комбинаціи. Были комбинаціи, чистыя и стройныя, гдѣ мысль всходила къ побѣдѣ по мраморнымъ ступенямъ; были нѣжныя содроганія въ уголкѣ доски, и страстный взрывъ, и фанфара ферзя, идущаго на жертвенную гибель... Все было прекрасно, всѣ переливы любви, всѣ излучины и таинственныя тропы, избранныя ею. И эта любовь была гибельна.

Ключъ пайдень. Цѣль атаки ясна. Неумолимымъ повтореніемъ ходовъ она приводитъ опять къ той же страсти, разрушающей жизненный сонъ. Опустошеніе, ужась, безуміе.

«Ахъ, не надо», --- громко сказала Лужинъ и попробовалъ встать. Но онъ былъ слабъ и тучень, и вязкое кресло не отпустило его. Да и что онъ могъ предпринять теперь? Его защита оказалась ошибочной. Эту ошибку предвидѣлъ противникъ, и неумолимый ходъ, подготавливаемый давно, былъ теперь сдѣланъ. Лужинъ застоналъ и откашлялся, растерянно озираясь. Спереди былъ круглый столъ, на немъ альбомы, журналы, отдѣльные листы, фотографіи испуганныхъ женщинъ и хищно прищуренныхъ мужчинъ. А на одной былъ блѣдный человекъ съ безжизненнымъ лицомъ въ большихъ американскихъ очкахъ, который на рукахъ повисъ съ карниза небоскреба, — вотъ вотъ сорвется въ пропасть. И опять раздался невыносимо знакомый голосъ: Валентиновъ, чтобы не терять времени, заговорилъ съ Лужинымъ еще только подходя къ двери

и когда дверь открылъ, то продолжалъ начатую фразу: «...крутить новый фильмъ. Манускриптъ сочиненъ мной. Представь себѣ, дорогой, молодую дѣвушку, красивую, страстную, въ купѣ экспресса. На одной изъ станцій входитъ молодой мужчина. Изъ хорошей семьи. И вотъ, ночь въ вагонѣ. Она засыпаетъ и во снѣ раскинулась. Роскошная молодая дѣвушка. Мужчина, — знаешь, такой, полный соку, — совершенно чистый, неискушенный юнецъ, начинаетъ буквально терять голову. Онъ въ какомъ то трансѣ набрасывается на нее (...и Валентиновъ, вскочивъ, сдѣлалъ видъ, что тяжело дышитъ и набрасывается...). Онъ чувствуетъ запахъ духовъ, кружевное бѣлье, роскошное молодое тѣло... Она просыпается, отбрасываетъ его, кричить (...Валентиновъ прижалъ кулакъ ко рту и выкапталъ глаза...), вбѣгаетъ кондукторъ, пассажиры. Его судятъ, посылаютъ на каторгу. Старуха мать приходитъ къ молодой дѣвушкѣ умолять, чтобы спасли сына. Драма дѣвушки. Дѣло въ томъ, что съ перваго же момента -- тамъ, въ экспрессѣ, — она имъ увлеклась, увлеклась, увлеклась, вся дышитъ страстью, а онъ, изъ-за нея, — понимаешь, вотъ въ чемъ напряженіе, -- изъ-за нея отправленъ на каторгу». Валентиновъ передохнулъ и продолжалъ болѣе спокойно: «Дальше слѣдуетъ его бѣгство. Приключенія. Онъ мѣняетъ фамилію и становится знаменитымъ шахматистомъ, и вотъ тутъ то, мой дорогой, мнѣ нужно твое содѣйствіе. У меня явилась блестящая мысль. Я хочу заснять какъ бы настоящій турниръ, чтобы съ моимъ героемъ играли настоящіе, живые шахматисты. Турати уже согласился, Мозеръ тоже. Необходимъ еще гросмейстеръ Лужинъ...»

«Я полагаю, — продолжалъ Валентиновъ послѣ нѣкоторой паузы, во время которой онъ глядѣлъ на совершенно безстрастное лицо Лужина, я полагаю, что онъ согласится. Онъ многимъ обязанъ мнѣ. Онъ получить нѣкоторую сумму за это коротенькое выступленіе. Онъ вспомнить при этомъ, что, когда отецъ бросилъ его на произ-

воль судьбы, я щедро раскошеллся. Я думалъ тогда, что ничего, — свои, сочтемся. Я продолжаю такъ думать».

Въ это мгновеніе дверь съ размаху открылась, и кудрявый господинъ безъ пиджака крикнулъ по-нѣмецки, съ тревожной мольбой въ голосѣ: «Ахъ, пожалуйста, господинъ Валентиновъ, на одну минуточку!» «Прости, дорогой», — сказала Валентиновъ и пошелъ къ двери, но, не доходя, круто повернулся, порылся въ бумажникѣ и выбросилъ на столъ передъ Лужинымъ какой то листокъ. «Недавно сочинилъ, — сказалъ онъ. — Ты рѣши пока мѣсть. Я черезъ десять минутъ вернусь».

Онъ исчезъ. Лужинъ осторожно поднялъ вѣки. Машинально взялъ листокъ. Вырѣзка изъ шахматнаго журнала, діаграмма задачи. Въ три хода матъ. Композиція доктора Валентинова. Задача была холодна и хитра, и, зная Валентинова, Лужинъ мгновенно нашелъ ключъ. Въ этомъ замысловатомъ шахматномъ фокусѣ онъ, какъ воочію, увидѣлъ все коварство его автора. Изъ темныхъ словъ, только что въ такомъ обилии сказанныхъ Валентиновымъ, онъ понималъ одно: никакого кинематографа нѣтъ, кинематографъ только предлогъ... ловушка, ловушка... Вовлечение въ шахматную игру, и затѣмъ слѣдующій ходъ ясенъ. Но этотъ ходъ сдѣланъ не будетъ.

Лужинъ рванулъ и, мучительно оскалившись, вылезъ изъ кресла. Имъ овладѣла жажда движеній. Играя тростью, щелкая пальцами свободной руки, онъ вышелъ въ коридоръ, зашагалъ наугадъ, попалъ въ какой-то дворъ и оттуда на улицу. Трамвай со знакомымъ номеромъ остановился передъ нимъ. Онъ вошелъ, сѣлъ, но тотчасъ всталъ опять и, преувеличенно двигая плечами, хватаясь за кожаные ремни, перешелъ на другое мѣсто, около окна. Вагонъ былъ пустой. Кондуктору онъ далъ марку и сильно затрясъ головой, отказываясь отъ сдачи. Невозможно было сидѣть на мѣстѣ. Онъ вскочилъ снова, чуть не упалъ, оттого что трамвай заворачивалъ, и пересѣлъ поближе къ двери. Но и тутъ онъ не усидѣлъ, — и, когда вдругъ, ни

съ того, ни съ сего, вагонъ наполнился оравой школьни ковъ, десятию старухами, пятидесятью толстяками, Лужинъ продолжалъ двигаться, наступая на чужія ноги, и потомъ протиснулся къ площадкѣ. Увидѣвъ свой домъ, онъ покинулъ трамвай на ходу, асфальтъ промчался подъ лѣвымъ каблукомъ и, обернувшись, ударилъ его въ спину, и трость, запутавшись въ ногахъ, вдругъ выскочила, какъ освобожденная пружина, взлетѣла къ небу и упала рядомъ съ нимъ. Двѣ дамы подбѣжали къ нему и помогли ему встать. Онъ ладонью сталъ сбивать пыль съ пальто, надѣлъ шляпу и, не оглядываясь, зашагалъ къ дому. Лифтъ оказался испорченнымъ, и Лужинъ на это не попенялъ. Жажда движеній была еще не утолена. Онъ сталъ подниматься по лѣстницѣ, а такъ какъ жилъ онъ очень высоко, это восхождение продолжалось долго, ему казалось, что онъ влѣзаетъ на небоскребъ. Наконецъ онъ добрался до послѣдней площадки, передохнулъ и, хрустнувъ ключомъ въ замкѣ, вошелъ въ прихожую. Изъ кабинета вышла ему навстрѣчу жена. Она была очень красная, глаза блестѣли. «Лужинъ, — сказала она, — гдѣ вы были?» Онъ снялъ пальто, повѣсилъ его, перевѣсилъ на другой крюкъ, хотѣлъ еще повозиться; но жена подошла къ нему вплотную, и, дугообразно ее миновавъ, онъ вошелъ въ кабинетъ, и она за нимъ. «Я хочу, чтобы вы сказали, гдѣ вы были. Отчего у васъ руки въ такомъ видѣ? Лужинъ!» Онъ зашагалъ по кабинету, а потомъ кашлянулъ и черезъ прихожую пошелъ въ спальню, гдѣ принялся тщательно мыть руки въ большой, бѣло-зеленой чашкѣ, облѣпленной фарфоровымъ плющомъ. «Лужинъ, — растерянно крикнула жена, - - я же знаю, что вы не были у дантиста. Я только что звонила къ нему. Ну, отвѣтьте мнѣ что-нибудь». Вытирая руки полотенцемъ, онъ обошелъ спальню и, все по прежнему неподвижно глядя передъ собой, вернулся въ кабинетъ. Она схватила его за плечо, но онъ не остановился, подошелъ къ окну, отодвинулъ штору, увидѣлъ въ синей вечерней безднѣ бѣгу-

щіе огни и, пожевавъ губами, пошелъ дальше. И тутъ началась странная прогулка, — по тремъ смежнымъ комнатамъ взадъ и впередъ ходилъ Лужинъ, словно съ определенной цѣлью, и жена то шла рядомъ съ нимъ, то садилась куда-нибудь, растерянно на него глядя, и иногда Лужинъ направлялся въ коридоръ, заглядывалъ въ комнаты, выходящія окнами во дворъ, и опять появлялся въ кабинетѣ. Минутами ей казалось, что, можетъ быть, все это одна изъ тяжеленькихъ лужинскихъ шутокъ, но было въ лицѣ у Лужина выраженіе, котораго она не видѣла никогда, выраженіе... торжественное, что-ли... трудно было опредѣлить словами, но почему то, глядя на это лицо, она чувствовала наплывъ неизъяснимаго страха. И онъ все продолжалъ, откашливаясь и съ трудомъ переводя дыханіе, ровной поступью ходить по комнатамъ. «Ради Христа, садитесь, Лужинъ, — тихо говорила она, не сводя съ него глазъ. — Ну, поговоримъ о чемъ-нибудь. Лужинъ! Я купила вамъ несессеръ. Ахъ, садитесь, пожалуйста! Вы умрете, если будете такъ много гулять. Завтра мы пойдѣмъ на кладбище. Завтра еще нужно многое сдѣлать. Несессеръ изъ крокодиловой кожи. Лужинъ, пожалуйста!»

Но онъ не останавливался и только изрѣдка замедлялъ шагъ у оконъ, поднималъ руку, но, пораздумавъ, шелъ дальше. Въ столовой было накрыто на восемь человѣкъ. Она спохватилась, что вотъ, сейчасъ-сейчасъ, придутъ гости, — поздно уже отзванивать, — а тутъ... этотъ ужасъ. «Лужинъ, — крикнула она, — вѣдь сейчасъ будутъ люди. Я не знаю, что дѣлать... Скажите мнѣ что-нибудь. Можетъ быть, у васъ несчастье, можетъ быть, вы кого-нибудь встрѣтили изъ неприятныхъ знакомыхъ? Скажите мнѣ. Я такъ васъ прошу, больше не могу просить...»

И вдругъ Лужинъ остановился. Это было такъ, словно остановился весь міръ. Случилось же это въ гостиной, около граммофона.

«Стопъ-машина», — тихо сказала она и вдругъ заплакалась. Лужинъ сталъ вынимать вещи изъ кармановъ,

— сперва самопишущую ручку, потомъ смятый платокъ, еще платокъ, аккуратно сложенный, выданный ему утромъ; послѣ этого онъ вынулъ портсигаръ съ тройкой на крышкѣ, подарокъ тещи, затѣмъ пустую красную коробочку изъ-подъ папиросъ, двѣ отдѣльныхъ папиросы, слегка подшибленныхъ; бумажникъ и золотые часы — подарокъ тестя—были вынуты особенно бережно. Кромѣ всего этого, оказалась еще крупная персиковая косточка. Всѣ эти предметы онъ положилъ на граммофонный шкафчикъ, провѣрилъ, нѣтъ ли еще чего-нибудь.

«Кажется, все», — сказалъ онъ и застегнулъ на животѣ пиджакъ. Его жена подняла мокрое отъ слезъ лицо и съ удивленіемъ уставилась на маленькую коллекцію вещей, разложенныхъ Лужинымъ.

Онъ подошелъ къ женѣ и слегка поклонился.

Она перевела взглядъ на его лицо, смутно надѣясь, что увидитъ знакомую кривую полуулыбку, — и точно: Лужинъ улыбался.

«Единственный выходъ, — сказалъ онъ. — Нужно выпастъ изъ игры».

«Игра? Мы будемъ играть?» — ласково спросила она и одновременно подумала, что нужно напудриться, сейчасъ гости придутъ.

Лужинъ протянулъ руки. Она уронила платокъ на колѣни и поспѣшно подала ему пальцы.

«Было хорошо», — сказалъ Лужинъ и поцѣловалъ ей одну руку, потомъ другую, какъ она его учила.

«Вы что, Лужинъ, какъ будто прощаетесь?»

«Да-да», — сказалъ онъ, притворяясь разсѣяннымъ. Потомъ повернулся и, кашлянувъ, вышелъ въ коридоръ. Въ это мгновеніе раздался звонокъ изъ прихожей, — простосердечный звонокъ аккуратнаго гостя. Она поймала мужа въ коридорѣ, схватила его за рукавъ. Лужинъ обернулся и, не зная, что сказать, смотрѣлъ ей на ноги. Изъ глубины выбѣжала горничная, и, такъ какъ коридоръ былъ довольно узкій, произошло легкос, торопливое

столкновение: Лужинъ слегка отступилъ, потомъ шагнулъ впередъ, его жена тоже двинулась туда-сюда, безсознательно приглаживая волосы, а горничная, приговаривая что-то и нагибая голову, старалась найти лазейку, гдѣ бы проскочить. Когда она, наконецъ, проскочила и исчезла за портьерой, отдѣлявшей отъ коридора прихожую, Лужинъ, какъ давеча, поклонился и быстро открылъ дверь, у которой стоялъ. Сама не зная, почему,—его жена схватилась за ручку двери, которую онъ уже закрывалъ за собой; Лужинъ нажалъ, она схватилась крѣпче и стала судорожно смѣяться, пытаясь просунуть колѣно въ еще довольно широкую щель, — но тутъ Лужинъ навалился всѣмъ тѣломъ, и дверь закрылась, щелкнула задвижка, да еще ключъ повернулся дважды въ замкѣ. Межъ тѣмъ въ прихожей уже были голоса, кто-то отдувался, кто-то съ кѣмъ-то здоровался.

Лужинъ, заперевъ дверь, первымъ дѣломъ включилъ свѣтъ. Бѣлымъ блескомъ раскрылась эмалевая ванна у лѣвой стѣны. На правой висѣлъ рисунокъ карандашомъ: кубъ, отбрасывающій тѣнь. Въ глубинѣ, у окна, стоялъ невысокій комодъ. Нижняя часть окна была какъ будто подернута ровнымъ морозомъ, искристо-голубая, непрозрачная. Въ верхней части чернѣла квадратная ночь съ зеркальнымъ отливомъ. Лужинъ дернулъ за ручку нижнюю раму, но что-то прилипло или зацѣпилось, она не хотѣла открыться. Онъ на мгновение задумался, потомъ взялся за спинку стула, стоявшаго подлѣ ванны, и перевелъ взглядъ съ этого крѣпкаго, бѣлаго стула на плотный морозъ стекла. Рѣшившись наконецъ, онъ поднялъ стулъ за ножки и краемъ спинки, какъ тараномъ, ударилъ въ морозъ. Что-то хрустнуло, онъ двинулъ еще разъ, и вдругъ въ морозномъ стеклѣ появилась черная звѣздообразная дыра. Былъ мигъ выжидательной тишины. Затѣмъ глубоко-глубоко внизу что-то нѣжно зазвенѣло и рассыпалось. Стараясь расширить дыру, онъ ударилъ еще разъ, и клинообразный кусокъ стекла разбился у его ногъ. Тутъ онъ

замеръ. За дверью были голоса. Кто-то постучалъ. Кто-то громко позвалъ его по имени. Потомъ тишина, и совершенно ясно голосъ жены: «Милый Лужинъ, отойдите, пожалуйста». Съ трудомъ сдерживая тяжелое свое дыханіе, Лужинъ опустилъ на полъ стулъ и попробовалъ высунуться въ окно. Большіе клинья и углы стекла еще торчали въ рамѣ. Что-то полоснуло его по шеѣ, онъ быстро втянулъ голову обратно, — нѣтъ, не пролѣзть. Въ дверь бухалъ кулакъ. Два мужскихъ голоса спорили, и среди этого грома извивался шопоть жены. Лужинъ рѣшилъ больше не бить стекла, слишкомъ оно звонко. Онъ поднялъ глаза. Верхняя оконница. Но какъ до нея дотянуться? Стараясь не шумѣть и ничего не разбить, онъ сталъ снимать съ комода предметы: зеркало, какую-то бутылочку, стаканъ. Дѣлалъ онъ все медленно и хорошо, напрасно его такъ торопилъ грохотъ за дверью. Снявъ также и скатерть, онъ попытался влѣзть на комодъ, приходившійся ему по поясъ, и это удалось не сразу. Стало душно, онъ скинулъ пиджакъ и тутъ замѣтилъ, что и руки у него въ крови, и передъ рубашки въ красныхъ пятнахъ. Наконецъ, онъ оказался на комодѣ, комодъ трещалъ подъ его тяжестью. Онъ быстро потянулся къ верхней рамѣ и уже чувствовалъ, что буханье и голоса подталкиваютъ его, и онъ не можетъ не торопиться. Поднявъ руку, онъ рванулъ раму, и она отпахнулась. Черное небо. Оттуда, изъ этой холодной тьмы, донесся голосъ жены, тихо сказала: «Лужинъ, Лужинъ». Онъ вспомнилъ, что подальше, полѣвѣе, находится окно спальни, изъ него то и высунулся этотъ шопоть. За дверью, межъ тѣмъ, голоса и грохотъ росли, было тамъ человѣкъ двадцать, должно быть, — Валентиновъ, Турати, старикъ съ цвѣтами, сопѣвшій, крякавшій, и еще, и еще, и всѣ вмѣстѣ чѣмъ то били въ дрожащую дверь. Квадратная ночь, однако, была еще слишкомъ висока. Пригнувъ колѣно, Лужинъ втянулъ стулъ на комодъ. Стулъ стоялъ нетвердо, трудно было балансировать, все же Лужинъ долѣзъ. Теперь можно было свободно обло-

котиться о нижній край черной ночи. Онъ дышалъ такъ громко, что себя самого оглушалъ, и уже далеко, далеко были крики за дверью, но зато яснѣе былъ пронзительный голосъ, вырывавшійся изъ окна спальни. Послѣ многихъ усилій онъ оказался въ страшномъ и мучительномъ положеніи: одна нога висѣла снаружи, гдѣ была другая — неизвѣстно, а тѣло никакъ не хотѣло протиснуться. Рубашка на плечѣ порвалась, все лицо было мокрое. Уцѣпившись рукой за что-то вверху, онъ бокомъ пролѣзъ въ пройму окна. Теперь обѣ ноги висѣли наружу, и надо было только отпустить то, за что онъ держался, — и спасень. Прежде, чѣмъ отпустить, онъ глянулъ внизъ. Тамъ шло какое-то торопливое подготовленіе, зажигались окна, намѣчались широкія тѣни. Въ темной пропасти отраженія оконъ собирались ровными квадратами, и въ то мгновеніе, какъ Лужинъ разжалъ руки, въ то мгновеніе, какъ хлынулъ въ ротъ стремительный ледяной воздухъ, онъ увидѣлъ, какая именно вѣчность угодливо и неумолимо раскинулась передъ нимъ.

Дверь выбили. «Александръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ!» — заревѣло нѣсколько голосовъ.

Но никакого Александра Ивановича не было.

В. Сиринъ.

I.

Я слышу — исторія и человѣчество.
Я слышу — изгнаніе или отечество.

Я въ книгахъ читаю -- добро, лицемѣріе,
Надежда, отчаянье, вѣра, невѣріе.

И вижу огромное, страшное, нѣжное
Насквозь ледяное, навѣкъ безнадежное.

И вижу безпамятство или мученіе,
Гдѣ все, навсегда потеряло значеніе.

И вижу — внѣ времени и разстоянія —
Надъ бѣдной землей, неземное сіяніе.

II.

Страсть? А если нѣтъ и страсти.
Власть? А если нѣтъ и власти
Даже надъ самимъ собой...

Что же дѣлать мнѣ съ тобой?

Только не гляди на звѣзды,
Не мечтай и не влюбляйся,
Не читай стиховъ пѣвучихъ
И за счастье не цѣпляйся —
Счастья нѣтъ, мой бѣдный другъ.

Счастье выпало изъ рукъ —
 Камнемъ въ морѣ утонуло,
 Рыбкой золотой плеснуло,
 Лыдинкой уплыло на югъ...

Счастья нѣтъ и мы не дѣти.
 Вотъ и надо выбирать:
 Или жить, какъ всѣ на свѣтѣ
 Или умирать.

Георгій Ивановъ.

МОРЕЛЛА. I.

Фонари отцвѣтали и ночь на роялѣ играла,
 Привидѣнье разсвѣта уже появлялось въ кустахъ.
 Съ неподвижной улыбкой Ты молча зарю озирала,
 И она отражаясь синѣла на сжатыхъ устахъ.

Утро маской медузы уже появлялось надъ міромъ,
 Гдѣ со свѣтомъ боролись мечты соловьевъ въ камышѣ.
 Твой таинственный взглядъ, провожая созвѣздіе Лиры,
 Соколиный, спокойный, не видѣлъ меня на землѣ.

Ты, орлиною лапой, разорванный жемчугъ катала.
 Ты какъ будто считала мои краткосрочные годы.
 Почему я Тебя потерялъ? Ты какъ ночь мірозданьемъ
 играла,
 Почему я упалъ и орла отпустилъ на свободу?

Ты, какъ черный орель, развѣвалась на желтыхъ за
катахъ,
Ты, какъ черный нѣмой ореоль, осѣняла судьбу.
Ты вошла не спросясь и отдернула съ зеркала скатерть
И увидѣла нѣжную дѣвочку-вѣчность въ гробу.

Ты, какъ нѣжная вѣчность, расправила черныя перья,
Ты на желтыхъ закатахъ влюбилась въ сіянье отчизны.
О, Морелла, усни, какъ ужасны орлиныя жизни
Будь, какъ черныя дѣти, забудь свою родину-Пэри!

Ты, какъ маска медузы, на бѣлое время смотрѣла,
Соловьи догорали и фабрики выли вдали,
Только утренній поѣздъ пронесся, грустя, за предѣлы
Тамъ, гдѣ мертвая вѣчность покинула чары земли.

О, Морелла, вернись, все когда-нибудь будетъ иначе,
Свѣтъ смѣется надъ нами, закрой снѣговые глаза.
Твой орленокъ страдаетъ, Морелла, онъ плачетъ, онъ
плачетъ,
И какъ краска рѣсницъ, мірозданіе таетъ въ слезахъ.

МОРЕЛЛА. II.

Тихо голосъ Мореллы замолкъ на иномъ берегу,
Какъ серебряный соколъ луна пролетѣла на сѣверъ,
Спало мертвое время въ открытомъ желѣзномъ гробу,
Тихо бабочки снѣга садились вокругъ на деревья.

Фиолетовый отблескъ все медлилъ надъ снѣжною степью,
Какъ небесная доблестъ, въ Твоихъ неподвижныхъ
глазахъ
Тамъ, гдѣ солнце приковано страшною черною цѣпью,
Чтобъ ходило по кругу, и ангель стоитъ на часахъ,

Пойте доблесть Мореллы, герои ушедшіе въ море,
 Эта дѣвочка вѣчность расправила крылья орла.
 Но мятели врывались и звѣзды носились въ соборѣ,
 Звѣзды звали Мореллу, не зная, что Ты умерла.

Молча въ лунную бурю мы съ замка на море смотрѣли,
 Снизу черныя волны шумѣли про доблесть Твою,
 Вѣтеръ рвался изъ жизни и лунныя выли свирѣли,
 Ты, какъ черный штандартъ, развѣвалась на самомъ
 краю.

Ты, какъ жизнь возвращалась, какъ свѣтъ улетающій въ
 бездну

Ты вступила на воздухъ и тихо сквозь воздухъ ушла
 А навстрѣчу слетали огромныя, снѣжныя звѣзды,
 Окружали Тебя, цѣловали Тебя безъ числа.

Гдѣ Ты, свѣтлая, гдѣ? О, въ какомъ снѣговомъ одѣяньи
 Насъ застанеть съ Тобой Воскресенія мертвыхъ труба?
 На дворѣ Рождество. Спитъ усталая жизнь надъ
 гаданьемъ,

И изъ зеркала въ міръ чернокрылая сходитъ судьба.

Борисъ Поплавскій.

ПОѢЗДЪ.

Во тьмѣ ночной занули тормазы,
 Два фонаря раскрылись, какъ глаза.
 Въ безмолвномъ полѣ длинный поѣздъ сталъ
 И послѣ бѣга тяжело дышалъ.

Въ нѣмыхъ вагонахъ хлопнулъ рядъ дверей.
У оконъ лица сонныя людей
Глядѣли въ мракъ, полуотдернувъ шторы,
И наполнялись вѣтромъ корридоры.

И воздухъ съ поля, свѣжій и сырой,
Будиль и жегъ холодною струей,
И шопоть шель: «Гдѣ мы? Закройте дверь!
Который часъ? Гдѣ мы стоимъ теперь?»

Но не было вокзальныхъ фонарей,
А только запахъ ночи и полей,
И ропоть росъ въ вагонахъ: «Гдѣ же мы?
Зачѣмъ стоимъ средь непроглядной тьмы?»

И смутный страхъ, непобѣдимый страхъ,
Высокимъ пламенемъ вставалъ въ сердцахъ,
И за вагономъ оживалъ вагонъ,
И убѣгалъ далеко въ поле сонъ.

Вдругъ громкій голосъ произнесъ со шналь:
«Какой-то человѣкъ на рельсахъ спалъ,
Искалъ ли смерти, просто пьянъ ли былъ,
Его съ разбѣга поѣздъ раздавилъ».

Въ вагонахъ шумъ стихалъ. «Самоубійца!»
Спускались шторы, исчезали лица,
Свистокъ раздался, и фонарь кивнулъ,
И гулко дрогнувъ, поѣздъ потянулъ.

Вагоны были тихи и темны,
Въ теплѣ, подъ стукъ колесъ, рождались сны,
И вещи пѣли пѣсни дальнихъ странствій,
И поѣздъ мчался, какъ звѣзда въ пространствѣ

Андрей Блохъ.

Н. А. Поццо-Тургеневой.

Возмездья сынъ, во тьмѣ пресуществленья
Мятется скорбный духъ.
Познаю вновь сомнѣнья и боренья
И грохоты разрухъ,

Твоихъ путей, грядущая Россія,
И хладъ, и зной, и пыль.
Перворожденная мнѣ вѣчно чужда Лія,
Мила одна Рахиль.

Торжественную, избранную скудость
Возлюбленныхъ полей
Какъ позабыть? Къ чему иная мудрость,
Иныхъ земель елей?

Меня тоска сжигаетъ родовая,
И путь окольный — пусть.
О, да не минетъ Чаша роковая
Усталыхъ усть!

Илья Голенищевъ-Кутузовъ.

Державинъ

V.

.....

Губернаторство, хотя бы Олонецкое, имѣло въ себѣ много привлекательнаго для Державина. По службѣ то было несомнѣнное повышеніе; дѣятельность оно сулило живую, разнообразную; наконецъ — открывало доступъ къ тому, что Державинъ считалъ какъ бы своимъ призваніемъ: къ прямому насажденію законности тамъ, гдѣ донинѣ о законности имѣли всего менѣе понятія. Работы предстояло много, но трудъ никогда его не отпугивалъ. По сравненію же съ Петербургомъ, гдѣ жилъ онъ слишкомъ пестро, гдѣ волненія смѣнялись волненіями, — глушь олонецкая рисовалась ему мѣстомъ отдыха. Одиннадцатъ лѣтъ тому назадъ поскакалъ онъ на усмиреніе Пугачева — и съ тѣхъ поръ не видалъ ни единого дня покоя (да и раньше покоя было не много). Онъ мечталъ о жизни патріархальной, отданной трудамъ служебнымъ и поэтическимъ.

Что до глуши, расчетъ оказался вѣренъ. За восемьдесятъ лѣтъ до того, при впаденіи рѣки Лососинки въ Онежское озеро былъ построенъ Петромъ Великимъ артиллерійскій заводъ. Постепенно обросъ онъ домишками; образовалось селеніе, у котораго по началу даже имени своего не было: такъ оно и звалось Петровскимъ заводомъ. Только въ 1777 году оно было объявлено уѣзднымъ городомъ Петрозаводскомъ, а теперь превращалось въ губернскій городъ новоучрежденной Олонецкой губерніи. Населяли его купцы, мѣщане да разночинцы, а всего жи-

---

*) См. «Современныя Записки», кн. 39, 40 и 41.

телей обоего полу считалось три тысячи. Вокругъ, на огромномъ пространствѣ, до самаго Бѣлаго моря, — дремучіе лѣса, да скалы, поросшія соснами, да непроходимыя болота и тундры. Зимой здѣсь почти не бываетъ дня, лѣтомъ — ночи. По тундрамъ текутъ прозрачныя, свѣтловодныя рѣки; порою онѣ образуютъ озера или кипучими водопадами свергаются со скалъ внизъ. Рѣки обильны рыбою, а лѣса звѣрьемъ. Лѣтомъ надъ тундрою тучами носится мошкара. За то людей мало: на 136.000 квадратныхъ верстѣ — всего 206.000 жителей: лапландцевъ, кореловъ, русскихъ (по большей части раскольниковъ). Это выходитъ по полтора человѣка на квадратную версту. Селенія рѣдки, а уѣздныхъ городовъ и всего четыре: Олонецъ, Вытегра, Каргополь да Повѣнецъ. Дорогъ большею частью нѣтъ никакихъ: по болотамъ и тундрамъ лѣтомъ проѣзду нѣтъ вовсе; ѣздить только зимою, и то гусемъ.

Нѣсколько зданій въ Петрозаводскѣ именовались каменными; на самомъ дѣлѣ были они деревянныя и лишь снаружи обложены кирпичемъ. Всѣ они принадлежали казнѣ. Въ одномъ изъ нихъ Державинъ и поселился. То было одноэтажное, длинное, плоское, какъ пирогъ, строеніе съ одиннадцатью окнами по фасаду; по бокамъ, нѣсколько отступя въ глубину, стояли два флигеля. Все это было обнесено палисадникомъ и выходило на широкую, немощеную улицу, похожую на площадь. Передъ домомъ стоялъ фонарь, окруженный заборчикомъ, и двѣ коновязи. Больше никакихъ монументовъ въ городѣ не было.

Въ другомъ подобномъ же зданіи жилъ генераль-губернаторъ. Нужно принять во вниманіе, что въ ту пору губерніи были соединяемы по двѣ и по три въ такъ называемыя намѣстничества. Во главѣ намѣстничества стояли намѣстники (или генераль-губернаторы), которымъ было подчинено соотвѣтствующее число правителей намѣстничества (иначе губернаторовъ просто). Въ составъ Олонецкаго намѣстничества вошли двѣ губерніи: Олонецкая и Архангельская. Одновременно съ назначеніемъ Державина въ Олонецкую губернію, нѣкій Ливенъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Архангельскую, а генераль-губернаторомъ надъ ними обоими поставленъ Тимофей Ивановичъ Тутолминъ. Резиденцію свою онъ имѣлъ въ Петрозаводскѣ и къ пріѣзду Державина уже находился тамъ.

Тутолминъ былъ немногимъ старше Державина. Нѣкогда онъ служилъ въ военной службѣ, но лѣтъ девять

тому назадъ перешель въ штатскую, имѣя, впрочемъ, Георгіевскій крестъ за лихую кавалерійскую атаку противъ турокъ. Онъ не лишень былъ способностей, но несчастье его характера составляли транжирство и фанфаронство почти безумныя. Отсюда проистекли какія-то осложненія, заставившія его покинуть полкъ (былъ онъ Сумскимъ гусаромъ). Покровительство Румянцова привело его въ Тверь, сперва вице-губернаторомъ, а потомъ губернаторомъ. Онъ что-то перетранжирилъ. Его перевели на мѣсто «не столь видное и дорогое, какъ Тверь» — въ Екатеринославль. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Екатеринославлѣ онъ былъ назначенъ Олонецкимъ намѣстникомъ.

Въ сѣверной глуши, средь забытаго Богомъ и людьми, частію полудикаго населенія, привыкшаго круглый годъ питаться рыбкою ряпушкой да зловонной соленой пальей, Тутолминъ вообразилъ себя не только представителемъ императрицы, но какъ бы и вовсе императоромъ. Онъ окружилъ себя почестями, едва ли не царскими. При выѣздахъ его сопровождали отряды сформированной имъ кавалеріи. Съ собою привезъ онъ цѣлую свиту изъ офицеровъ, которые ослѣпляли лапландцевъ великолѣпіемъ своего убранства. По петрозаводскимъ улицамъ засновали ихъ щегольскія карсты, хотя въ четверть часа можно было пѣшкомъ пересѣчь городъ изъ конца въ конецъ. По вечерамъ генераль-губернаторскій домъ сіялъ свѣтомъ и гремѣлъ музыкой — Тутолминъ устраивалъ балы съ придворною церемоніей. Въ главной залѣ онъ воздвигалъ императорскій тропъ; въ табельные дни, когда приглашенные къ обѣду сидѣли за большими столами, Тутолминъ обѣдалъ отдѣльно — у подножія трона (хорошо еще — не на тронѣ).

Державину это все показалось просто дурачествомъ, но отношенія между нимъ и намѣстникомъ сложились хорошія; ежедневно они посѣщали другъ друга съ женами. Поскольку встрѣчались они «не въ должности», Державинъ добродушно сносилъ «почти несносную гордость и превозношеніе» Тутолмина.

Когда настала пора открывать губернію, Тутолминъ растянулъ торжества на цѣлую недѣлю. Были молебны, проповѣди, колокольный звонъ, пушечная пальба; намѣстникъ устраивалъ пиршества и произносилъ рѣчи съ высоты трона. Состоялось даже народное угощеніе на площа-

V.

ди. Наконецъ, 17 декабря были открыты новыя учрежденія и произведены выборы изъ дворянъ, городскихъ жителей и крестьянъ въ члены губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Олонецкая губернія стала быть. Но первый день губерніи сталъ послѣднимъ днемъ мира.

**
*

Предѣлы власти не были въ точности разграничены между губернаторомъ и намѣстникомъ; ихъ служебныя отношенія не были опредѣлены ясно. Отвѣтственность по управленію губерніей лежала на губернаторѣ, который въ дѣйствіяхъ своихъ отчитывался передъ высшимъ правительствомъ. Казалось бы, при такомъ построеніи власти, существованіе намѣстника излишне. Межъ тѣмъ, ему ввѣренъ былъ общій надзоръ за административными и выборными учрежденіями. Оказывалось даже, что изъ этихъ учрежденій одни какъ будто болѣе подчинены намѣстнику, другія же — губернатору. Въ концѣ концовъ, и тѣ, и другія зависѣли отъ каждаго въ отдѣльности и отъ обоихъ вмѣстѣ.

Въ самый день открытія губерніи Тутолминъ прислалъ губернатору «новый канцелярскій обрядъ», т. е. постановление о производствѣ дѣлъ во всѣхъ учрежденіяхъ. «Обрядъ» настолько затрогивалъ соотношеніе учреждений и даже существо дѣлъ, что самъ собой превращался въ книгу законовъ, изданныхъ намѣстникомъ и императорской властью не утвержденныхъ. Эту книгу Тутолминъ составилъ еще въ Екатеринославѣ. Въ ней попадались распоряженія дѣльныя, но были и незаконныя, и просто нелѣпыя. Напримѣръ, директору экономіи предписывалось подавать годовыя вѣдомости о насажденіи лѣсовъ: для Екатеринославской губерніи это было хорошо, но въ Олонецкой лѣса и безъ того были непроходимы. Державинъ, впрочемъ, не сталъ особенно разбираться: большинство тутолминскихъ распоряженій клонилось къ превращенію административной власти въ судебную и законодательную. Это былъ именно тотъ произволъ, который Державинъ почиталъ величайшей россійской язвой и котораго искорененіе ставилъ себѣ цѣлью. Часу не медля, онъ кинулся на домъ къ Тутолмину и, что называется, ткнулъ ему въ носъ скатерининскій указъ 1780 года о томъ, чтобы никто изъ генераль-губернаторовъ «не дѣ-

лалъ отъ себя собственно никакихъ установленій, но всю власть званія своего ограничивалъ въ охраненіи Нашихъ постановленій».

Тутолминъ «затряся и поблѣднѣлъ». Вѣроятно, таковъ же стоялъ передъ нимъ и Державинъ. Въ ту минуту поняли они оба все отчаяніе своего положенія: Державинъ увидѣлъ, что несчастіемъ его губернаторства будетъ борьба съ самоуправствомъ намѣстника, Тутолмину же открылось, что Державинъ отравитъ ему все упоеніе властью.

Война началась. Державинъ въ началѣ одержалъ двѣ побѣды. Первую — когда самъ Вяземскій принужденъ былъ элегически написать намѣстнику: «Чего, любезный другъ, въ законахъ нѣтъ, того исполнить невозможно». Вторую — когда Тутолминъ ѣздилъ въ Петербургъ жаловаться на Державина Вяземскому — и вернулся ни съ чѣмъ, потому что Державинъ успѣлъ черезъ Безбородку пожаловаться самой государынѣ. Каждый разъ послѣ боя наступала краткая передышка. Во время второй Тутолминъ вздумалъ перемѣнить тактику и оружіе.

Чиновничье населеніе Петрозаводска было, можно сказать, вполне классическое. Всѣ эти совѣтники, прокуроры, засѣдатели, экзекуторы, судьи были предками тѣхъ, коимъ суждено было черезъ пятьдесятъ лѣтъ явиться въ твореніяхъ Гоголя. Державинъ со своими гражданскими добродѣтелями былъ имъ непонятенъ, а то и смѣшонъ. Видя рознь между Тутолминымъ и Державинымъ, они очень скоро перестали его бояться; знали, что чѣмъ крѣпче досадятъ губернатору, тѣмъ вѣрнѣе найдутъ защиту и покровительство у намѣстника. Они и совсѣмъ потеряли къ нему уваженіе, будучи изо дня въ день свидѣтелями придирокъ, привязокъ и оскорбительныхъ выходокъ, которыя разрѣшалъ себѣ Тутолминъ «даже и при купечествѣ». Дошло до того, что нѣкоторые присутственныя мѣста отложились отъ губернатора и признали надъ собой единственно власть намѣстника. Совершилось это не сразу и не открыто, а постепенно, путемъ мелочнаго противодѣйствія по каждому отдѣльному поводу. Державинъ не могъ каждый разъ прибѣгать къ защитѣ Сената, въ которомъ къ тому же сидѣлъ Вяземскій. Такимъ образомъ, ученія, сохранившія вѣрность Державину, были какъ бы парализованы. Борьба намѣстника съ губернаторомъ перешла въ борьбу между учрежденіями, и чинов-

ный Петрозаводскъ оказался раздѣленъ на два лагеря. Впрочемъ, даже и въ своемъ собственномъ Державинъ не чувствовалъ себя вполнѣ господиномъ, ибо Тутолминъ путемъ разныхъ изворотовъ, присвоилъ себѣ исключительное право перемѣщенія чиновниковъ и представленія ихъ къ наградамъ: понятно, что послѣ этого сердца склонились къ намѣстнику. Державину оставались вѣрны лишь немногіе. Онъ былъ окруженъ врагами, тѣмъ болѣе опасными, что они дѣйствовали приказными каверзами, увертками, ерихонскими крючками, какихъ его прямой умъ не могъ да и не хотѣлъ предвидѣть: гнушался ими.

Борьба съ каждымъ днемъ становилась противнѣе и подлѣе. На Державина насаждали. Каждое слово его, каждое приказаніе вызывали то грубое противодѣйствіе, то уклончивую волокиту, подвохъ, клевету, сплетню. Одна исторія не успѣвала кончиться — начиналась другая. Покуда Державинъ велъ безконечную прю съ губернскимъ прокуроромъ Грейцемъ, однимъ изъ безчисленныхъ подлипалъ намѣстника, — уже секретарь Сафоновъ донесъ о какихъ-то неблагопристойныхъ поступкахъ совѣтника губернскаго правленія Соколова. Соколовъ обозлился и пересталъ ходить въ должность. Державинъ вслѣлъ его освидѣтельствовать, потому что онъ ссылался на болѣзнь. Штабъ-лѣкарь Рачъ, по научномъ изслѣдованіи, опредѣлилъ у Соколова геморрой и зубную боль, но совѣтникъ казенной палаты Шишковъ въ собраніи чуть не всего городского общества сталъ божиться, будто на соколовскомъ тѣлѣ найдены синяки отъ побоевъ, нанесенныхъ Державинымъ. Самъ Соколовъ, наконецъ, заявилъ, что никакимъ побоямъ не подвергался, но ему ужъ никто не вѣрилъ.

По каждому поводу слухи, суды и пересуды, цѣпляясь одинъ за другой, перевирались и размножались по городу. Нельзя уже было разобрать, что ложь, а что правда. Настало лѣто. Въ душныя бѣлыя ночи Державинъ томился безсонницей и тяжелыми мыслями. За то жизнь дневная казалась противнымъ сномъ на яву. Воздухъ наполнился бодотною мошкаррой. Наконецъ, какъ водится въ страшныхъ снахъ, изъ толпы чловѣчьихъ призраковъ высунулась косматая морда звѣря. Медвѣдь появился.

Онъ появился въ верхнемъ земскомъ судѣ: сидѣлъ въ предсѣдательскихъ креслахъ и лапу, обмокнутую въ чернила, прикладывалъ къ листу бѣлой бумаги, которую под-

носилъ ему секретарь для скрѣпы. То-есть, быть можетъ, лапу и не прикладываль, и секретаря тутъ не было. Можетъ быть, даже и медвѣдя не было, а былъ маленькій медвѣжонокъ, но въ городѣ говорили, будто большой медвѣдь, и самъ губернаторъ посадилъ его въ кресла. Разобраться тутъ не легко, но вотъ что во всякомъ случаѣ достоверно.

10 мая, на Оминой недѣлѣ, засѣдатель верховнаго земскаго суда, бывший артиллеріи поручикъ Молчинъ поутру шелъ въ должность. Присутствія въ тотъ день не было, а предсѣдатель суда Тутолминъ (двоюродный братъ намѣстника) находился въ отпуску. Молчинъ поэтому шелъ не спѣша. Поравнявшись съ губернаторскимъ домомъ, увидѣлъ онъ (въ налесадинокѣ, вѣроятно) знакомаго медвѣжонка, который принадлежалъ ассессору Аверьянову, жившему у губернатора во флигелѣ. Звѣрь былъ ручной, узналъ Молчина и пошелъ за нимъ. Поручику это показалось забавно. Прійдя въ судъ, объявилъ онъ чиновникамъ о прибытіи новаго члена, Михайлы Ивановича Медвѣдева, — и впустилъ медвѣжонка въ комнату. Шутка успѣха не имѣла. Гостя прогнали палкою.

Тѣмъ бы дѣлу и кончиться. Но семейство Тутолминыхъ вернулось изъ отпуску, и молва тотчасъ извѣстила ихъ о событіи. Увѣряли, что по приказанію Державина медвѣдь былъ посаженъ на предсѣдательское мѣсто и прикладываль лапу свою къ бумагамъ. Младшій Тутолминъ, «худограмотѣ знавшій», усмотрѣлъ въ этомъ намекъ, пасквиль и персональное себѣ оскорбленіе. Заварилось дѣло, полетѣли бумаги отъ намѣстника къ губернатору и обратно...

8 іюля Державинъ, въ концѣ измученный, писалъ Безбородкѣ: «Отъ всѣхъ нелѣпыхъ привязокъ у меня голова вскружилась. Тимофей Ивановичъ дневными своими предложеніями въ намѣстническое правленіе произвелъ не токмо ко мнѣ отъ всѣхъ отвращеніе, но можно сказать благопристойный бунтъ... Только и знаю, что дѣлаю отвращенія, не выходя изъ пристойности. Но сколько нибудь въ отдохновеніе ѣду на будущей недѣлѣ осматривать губернію и елико можно далѣе въ лопскіе погосты. Изведите изъ темницы душу мою!»

**

*

.....

Въ Петрозаводскѣ все было по прежнему. Тутолминъ сумасбродилъ, городъ утопалъ въ дрязгахъ. Дѣло о медвѣдѣ оказалось доведено до Сената, въ общемъ собраніи котораго Вяземскій кричалъ не своимъ голосомъ:

-- Вотъ, милостивцы, какъ дѣйствуетъ нашъ умница стихотворецъ: онъ дѣлаетъ медвѣдей предсѣдателями!

Цѣлый мѣсяцъ Державинъ писалъ въ Петербургъ объясненія и рапорты, оспаривая намѣстника и умоляя прекратить дѣло, которое «можетъ только быть поводомъ къ смѣху цѣлой имперіи». Сенатъ, несмотря на Вяземскаго, положилъ дѣло подъ сукно. Тутолминъ между тѣмъ не сдавался и слалъ въ Петербургъ доносъ за доносомъ. Они доводили Державина до отчаянія, котораго онъ не умѣлъ скрывать. Тутолминская партія (а къ ней принадлежалъ почти весь городъ) чувствовала, что одолеваетъ, что Державинъ вотъ-вотъ погубить себя какой-нибудь выходкой. Вдругъ обнаружилась въ немъ непонятная перемена: онъ сталъ спокоенъ и словно чему-то легонечко улыбался.

Улыбаться, однако же, было какъ-будто нечему. Какъ разъ въ концѣ октября онъ узналъ, что въ приказѣ общественнаго призрѣнія, гдѣ Грибовскій исполнялъ должность казначея, не хватаетъ тысячи рублей наличными да сверхъ того нѣтъ расписокъ въ полученіи купцами семи тысячъ, которыя были имъ розданы заимообразно. Канцелярская сторона была такъ обставлена, что при желаніи можно было и самого Державина обвинять въ соучастіи. Кто бы усомнился, что какъ только исторія обнаружится, тутолминская партія сумѣетъ ею воспользоваться?

Державинъ потребовалъ отъ Грибовскаго объясненій. Тотъ покался, что, выдавая ссуды купцамъ, не бралъ съ нихъ расписокъ, при условіи, что они распишутся послѣ, когда будутъ возвращать деньги. Ссуды такимъ образомъ становились какъ бы безсрочными. За это Грибовскій получалъ взятки. Что же касается тысячи, имъ лично растраченной, то Грибовскій признался, что проигралъ ее въ карты, ведя игру съ вице-губернаторомъ, губернскимъ прокуроромъ и предсѣдателемъ уголовной палаты.

При другихъ обстоятельствахъ Державинъ, конечно, отдалъ бы казначея подъ судъ. Но теперь ему было некогда ждать судебной развязки. Все, что случилось въ Петрозаводскѣ, представлялось ему дурнымъ сномъ, и ис-

ходя изъ этого онъ придумалъ закончить дѣло особымъ и страннымъ образомъ.

Онъ заставилъ Грибовскаго тутъ же, не сходя съ мѣста, письменно изложить все признаніе, съ поименнымъ перечнемъ, что и кому проиграно. Это было 27 октября, въ седьмомъ часу вечера. Отпустивъ Грибовскаго, Державинъ тотчасъ вызвалъ къ себѣ вице-губернатора. Тотъ явился. Съ самымъ дружескимъ видомъ Державинъ повѣдалъ ему о растратѣ и просилъ совѣта, какъ поступить. Вице-губернаторъ сталъ важно читать Державину наставленія, бранилъ Грибовскаго и требовалъ, чтобы поступлено было по всей строгости закона. Тогда Державинъ далъ ему прочитати признаніе Грибовскаго. Увидя имя свое между игроками, вице-губернаторъ «сначала взбѣсился, потомъ обробѣлъ и въ крайнемъ замѣшательствѣ уѣхалъ домой».

Затѣмъ былъ призванъ предсѣдатель уголовной палаты, и съ нимъ все повторилось точь въ точь, какъ съ вице-губернаторомъ. До губернскаго прокурора очередь дошла уже ночью. Но прокуроръ былъ не такъ-то простъ. Онъ не испугался, а заявилъ, что дастъ дѣлу ходъ, да съ тѣмъ и уѣхалъ.

На утро Державинъ отправился въ приказъ общественного призрѣнія, велѣлъ привести купцовъ и, грозя немедленно тюрьмой, заставилъ ихъ выдать расписки на всѣ семь тысячъ. Документы были приведены въ порядокъ, а недостающую тысячу Державинъ внесъ изъ своихъ денегъ. Вернувшись къ себѣ въ правленіе, онъ уже тамъ засталъ прокурора; тотъ явился съ формальнымъ протестомъ противъ дѣйствій губернатора, призвавшаго его ночью и пугавшаго бумагой, въ которой онъ былъ облыжно замѣшанъ въ картежное дѣло.

Но тутъ, вѣроятно, прокурору показалось, что губернаторъ сходитъ съ ума: Державинъ рѣшительно объявилъ, что никогда его ночью не вызывалъ, никакія деньги не пропадали, и все это, очевидно, прокурору приснилось. Если же онъ сомнѣвается, то можетъ побывать въ приказѣ общественного призрѣнія и лично во всемъ убѣдиться, освидѣтельствовавъ казну и книги. Прокуроръ помчался въ приказъ и вернулся оттуда въ крайнемъ смущеніи: теперь ужъ ему казалось, что сходитъ съ ума онъ самъ.

Тѣмъ временемъ собрались чиновники губернскаго правленія. Державинъ при всѣхъ вернулся прокурору его

бумагу и еще разъ подтвердилъ, что все бывшее — только «сонная греза», которая всѣмъ привидѣлась. Потомъ, приказавши подать шампанскаго, онъ наполнилъ бокалы и попросилъ присутствующихъ пожелать ему счастливаго пути. Шампанское выпили, и губернаторъ съ супругою въ тотъ же день отбылъ изъ города для обозрѣнія двухъ уѣздовъ, которые ранѣе не были имъ осматрѣны.

Вслѣдъ затѣмъ произошло событіе чрезвычайное. Олоонецкій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Державинъ, отбывъ для осмотра губерніи, исчезъ и не возвращался болѣе. Никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Повергнувъ въ крайнее недоумѣніе самого намѣстника, и все чиновничество, и все общество петрозаводское, губернаторъ растаялъ, «какъ сонная греза».

*..
*

Въ послѣднее время онъ былъ потому такъ спокоенъ, что, тайно исключотавъ себѣ отпускъ, рѣшилъ отправиться не въ уѣзды, а въ Петербургъ. — и ужъ больше не возвращаться. Закачивая дѣла, онъ уже представлялъ себѣ, каково будетъ всеобщее изумленіе, когда онъ исчезнетъ. Въ этой необычайной затѣѣ было, конечно, много не только юмора, но и поэтическаго воображенія. Линь поэту могло прійти въ голову разыграть олонецкую дѣйствительность, какъ венеціанскую комедію и превратить отъѣздъ губернатора въ исчезновеніе волшебника.

Должно, однако, взглянуть на дѣло и съ другой стороны. Предсказаніе Вяземскаго сбылось: Державинъ и гдѣду не просидѣлъ губернаторомъ. Вяземскій не умомъ (котораго у него было мало), но просто хитростію и опытомъ (которыхъ у него было вдоволь), предугадалъ очень вѣрно, что при взглядахъ Державина и при его характерѣ на губернаторствѣ ему предстоитъ неизбѣжная борьба и столь же неизбѣжное пораженіе. Это не потому, что Державину предстояло столкнуться именно съ Туттолминымъ. Будь на мѣстѣ Туттолмина кто угодно изъ тогдашнихъ администраторовъ — все равно и самое столкновеніе, и его исходъ были предрѣшены. Такъ и вышло. Державинъ, выражаясь его же слогомъ, «донкишотствовалъ собой» десять мѣсяцевъ и оказался не только побѣжденъ, но и смѣшонъ, потому что его волшебный отлетъ изъ

Петрозаводска при переводѣ на языкъ прозаическій былъ не это иное, какъ бѣгство.

Конечно, Державинъ боролся во имя закона, и законъ всегда (или почти всегда) былъ за него. Потому-то въ откритыхъ бояхъ съ Тутолминымъ онъ и не былъ разбитъ ни разу. Но его взяли изморомъ. Силы его изсякли и не могли не изсякнуть, ибо на его сторонѣ была правда, а на сторонѣ противниковъ — вся грубая сила тогдашняго русскаго быта. Въ борьбѣ за законъ у Державина не было опоры ни въ обществѣ, ни въ самомъ правительствѣ. Законы писались даже усиленно, но какъ-то само собою подразумѣвалось, что исполняться они должны лишь до известной степени и по мѣрѣ надобности (преимущественно дворянской). Не отрицалось, что законы гораздо лучше исполнять, нежели не исполнять. Но одному лишь Державину ихъ неисполненіе казалось чѣмъ-то чудовищнымъ. Нарушителей закона никто прямо не поощрялъ, но и карать ихъ у власти охоты не было. Державинъ этого не хотѣлъ взять въ толкъ. Кидаясь на борьбу съ нарушителями закона, онъ всякій разъ былъ увѣренъ, что «щитъ Екатерины» дѣлаетъ его неуязвимымъ. Отчасти оно такъ и было. Но — тотъ же щитъ покрывалъ и его враговъ. Выходило, что Минерва Россійская равно благоволитъ и къ правымъ, и къ виноватымъ, и къ добрымъ, и къ злымъ. Почему? Вотъ загадка, которой Державинъ не только еще не рѣшилъ, но и не поставилъ передъ собой открыто.

Кажется, онъ не отваживался объ этомъ думать. Однако, негодованіе порою душило его, и онъ давалъ волю чувствамъ. Въ одну изъ такихъ минутъ (уже лѣтъ пять тому назадъ) онъ переложилъ въ стихи 81-й псаломъ. Писалъ, далеко отступая отъ подлинника, подражая, а не переводя. Пьесу тогда же онъ отдалъ въ «С.-Петербургскій Вѣстникъ». Ее было напечатали, но тотчасъ же и вырѣзали изъ книжки — издатели испугались. Теперь Державинъ все написалъ сызнова, но не смягчая, а напротивъ — усиливая. Пять лѣтъ не даромъ прошли: вмѣстѣ съ силою поэтической возросла въ немъ и ярость. Тогда онъ болѣе сѣтовалъ, теперь обличалъ:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судить
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколъ», рекъ: «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?»

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
 На лица сильныхъ не взирать,
 Безъ помощи, безъ обороны
 Сиротъ и вдовъ не оставлять.

«Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
 Несчастливымъ подавать покровъ;
 Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
 Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ».

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
 Покрыты мглою очеса:
 Злодѣйства землю потрясаютъ,
 Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги властны,
 Никто надъ вами не судья;
 Но вы, какъ я, подобно страстны
 И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
 Какъ съ древь увядшій листь падеть!
 И вы подобно такъ умрете,
 Какъ вашъ послѣдній рабъ умреть!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
 И ихъ моленію внемли:
 Приди, суди, карай лукавыхъ
 И будь единъ царемъ земли!

Державинъ добился того, что эти стихи, которыхъ не рѣшались печатать въ ихъ прежнемъ видѣ, были напечатаны въ новомъ, болѣе рѣзкомъ. Ссылка на подражаніе псалму могла бы служить надежнымъ прикрытіемъ, но Державинъ зачеркнулъ старое заглавіе «Псаломъ 81» и сдѣлалъ новое, свое собственное: «Властителямъ и судьямъ». Такова была его прямота: онъ зналъ, что пьеса возникла въ сущности не изъ чтенія Библии, но изъ созерцанія Россіи. Дѣло все въ томъ, однако, что эти стихи выражали не всю полноту и не самую глубину его чувствъ. Глубже гнѣва и вопреки самой логикѣ, равно неподвластная доводамъ чувства, какъ и разсудка, въ немъ по прежнему коренилась упрямая вѣра въ Екатерину — добродѣ-

тельную монархиню, окруженную злыми сановниками. Эта вѣра и оставалась главнымъ двигателемъ его поступковъ. Въ Петербургѣ онъ сталъ добиваться новаго губернаторства — и добился.

**
*

Поэтъ, посѣтившій Тамбовъ мимоѣздомъ ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ нашелъ, что

Въ немъ есть три улицы прямыя,
И фонари, и мостовыя...
Въ немъ зданье лучшее острогъ.

Въ мартѣ 1786 г., когда прибылъ туда Державинъ, ни острога, ни мостовыхъ еще не было. Городъ, расположенный въ котловинѣ и окруженный болотами, утопалъ въ грязи. Строенія были самыя жалкія, сплошь деревянные. Большую часть жителей составляли однодворцы. Въ отношеніи торговомъ Тамбовъ, хотъ и губернской городъ, стоялъ ниже окружающихъ его уѣздныхъ. Но все же населеніе его было втрое больше, чѣмъ въ Петрозаводскѣ, корелы да чудь не бродили по его улицамъ. Въ окрестностяхъ были недурныя помѣстія.

Губернія существовала всего шесть лѣтъ, но губернаторы въ ней то и дѣло смѣнялись. Державинъ былъ уже пятый. Дѣла находились въ крайнемъ неурядиствѣ. Предстояло все старое привести въ порядокъ и учредить много новаго. Державинъ ревностно принялся за работу. Намѣстникъ Гудовичъ имѣлъ пребываніе въ Рязани, и отчасти благодаря этому Державинъ сразу почувствовалъ ту свободу, которая нужна была его рвенію. Нѣсколько поосмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ, Екатерина Яковлевна писала Капнисту: «Начальникъ очень хорошъ; кажется, безъ затѣй, не криводушничаетъ, далъ волю Ганюшкѣ хозяйничать; теперь совершенный губернаторъ, а не понсмаръ». Державинъ радовался и самъ: «Я здѣсь противъ Петрозаводска душевно и тѣлесно воскресъ».

Всего Державину суждено было прожить въ Тамбовѣ съ марта 1786 по конецъ 1788 года, то-есть три года безъ малаго. Изъ нихъ первые полтора ознаменованы трудами разносторонними и успѣшными. Не имѣя правильной подготовки, онъ обнаружилъ за это время несомнѣнный ад-

министративный даръ, желаніе вникнуть въ мѣстные нужды и обстоятельства, умѣніе дѣйствовать смѣло и широко, но обдуманно. Теперь онъ доказалъ, что причиной его олонецкаго бездѣйствія были препятствія, чинимыя Тутолминимъ.

Путемъ привлеченія опытныхъ чиновниковъ изъ столицы, было ускорено и налажено дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ; съ тою же цѣлью открыта губернская типографія; изъ Петербурга выписаны печатные экземпляры указовъ и прочихъ узаконеній. (По этому поводу Державинъ писалъ одному знакомому: «Въ здѣшней губерніи великій недостатокъ въ законахъ; безъизвѣстно, были ли они когда здѣсь въ употребленіи»). По части финансовой онъ добился исправности въ сборѣ податей и недоимокъ; искоренилъ во многихъ мѣстахъ безпорядочное храненіе казны; увеличилъ доходы приказа общественного призрѣнія. Въ губерніи были проложены дороги, наведены мосты и приняты мѣры къ развитію судоходства по рѣкѣ Цнѣ. Въ городѣ были исправлены старыя казенныя постройки и возведенъ рядъ новыхъ, отчасти даже кирпичныхъ. Наконецъ, движимый своимъ постояннымъ, не показнымъ, но дѣятельнымъ человеколюбіемъ, Державинъ озаботился устройствомъ такихъ учреждений, самая мысль о которыхъ не приходила въ голову его предшественникамъ: положено было начало сиротскому дому, богадѣльнѣ, больницѣ, дому для умалишенныхъ. Тюремныя зданія, гдѣ преступники содержались безчеловѣчно, были улучшены, и ужасное положеніе колодниковъ облегчено (за это начальство выразилъ Державину «родъ нѣкотораго неудовольствія»).

Но всего болѣе заботъ и усилій Державинъ затратилъ на постановку учебнаго дѣла. Два разсадника просвѣщенія существовали въ Тамбовѣ: духовная семинарія — для дѣтей духовенства, а для всѣхъ прочихъ сословій — гарнизонная школа, выпускавшая круглыхъ неучей. Открытіе училища было давно предположено правительствомъ; существовала лачуга, для того предназначенная; существовалъ даже гарнизонный школьникъ Севастьянъ Петровъ, уже два года получавшій пособіе въ качествѣ будущаго преподавателя. Но дальше этого дѣло не двигалось. Державинъ быстро добился того, что четырехклассное училище, съ обширной и по тому времени хорошо составленной программой, было открыто; для него куп-

лень домъ и выписаны учебныя пособія: книги, тетради, прописи, ландкарты, аспидныя доски, грифель, карандаши, даже физическіе приборы. Подысканы были учителя. (Петрова, по провѣркѣ его познаній, пришлось зачислить ученикомъ, а не учителемъ). Наконецъ, кромѣ губернскаго училища, были открыты еще и уѣздныя — въ Козловѣ, Либедяни, Шацкѣ, Елатьмѣ и Моршанскѣ.

Высшее общество тамбовское не чуждалось просвѣщенія, хотя, разумѣется, Простаковы и въ немъ преобладали надъ Стародумами. Державины завели знакомства и зажили на широкую ногу. Ихъ домъ, обставленный новой сафьянной мебелью, фортепьянами, билліардомъ, сталъ въ Тамбовѣ самымъ блистательнымъ. Въ немъ устраивались пріемы, балы и обѣды съ симфонической музыкой (въ городѣ нашлись два крѣпостныхъ оркестра). Изъ Малороссіи цѣлыми пудами Державинымъ стали варенья и конфеты, изъ Петербурга — партіи винъ. 28-го іюня 1786 г., въ день восшествія на престолъ и по случаю пріѣзда намѣстника, былъ устроенъ праздникъ. Сперва шло сочиненное Державинымъ аллегорическое представленіе — родъ искусства, нынѣ забытый и намъ уже непонятный; люди XVIII столѣтія умѣли въ немъ находить пищу не только для глазъ, но и для ума. Сцена собою представляла храмъ, являлись разные лучезарные Фебы и Геніи, были гирлянды, шествія, юноши съ вѣнками и дѣвы съ цвѣточными кошицами — все совершенно такъ, какъ въ древнихъ Аѳинахъ. Представленіе было разиграно мѣстною благородною молодежью и закончилось баломъ съ иллюминаціей. Отсюда пошло начало театра, устроеннаго Державинымъ въ губернаторскомъ домѣ. Подъ руководствомъ Екатерины Яковлевны дѣвицы изъ общества шили и расписывали костюмы, разучивали свои роли. Ставились французскія оперы и комедіи, также трагедіи Сумарокова, «Недоросль». Спектакли имѣли такой успѣхъ, что спустя годъ Державинъ приступилъ къ постройкѣ особаго зданія для театра. По воскресеніямъ у губернатора были танцевальныя вечера, по четвергамъ — концерты. Сверхъ того для дѣтей два раза въ недѣлю происходилъ танцклассъ: выписанъ былъ танцмейстеръ.

Пріятно распредѣляя время между трудами и удовольствіями, Державины благоденствовали. Нѣсколько огорчала ихъ только разлука съ былыми друзьями. Вспоминались далекіе дни петербургскаго поэтическаго содружест-

ва. Львовъ по прежнему жилъ въ столицѣ; добрый, бѣдный Хемницеръ тому назадъ года два умеръ, то ли отъ лихорадки, то ли отъ меланхоліи, въ чуждой, далекой Смирнѣ, куда посланъ былъ генеральнымъ консуломъ (это мѣсто выхлопоталъ ему счастливый Львовъ); Капнистъ давно бросилъ службу, жилъ въ своей Малороссіи, на живописныхъ берегахъ Псла, мечталъ, хозяйничалъ и рожалъ дѣтей со своею Сашенькой. Екатерина Яковлевна писала имъ: «Милые наши Копиньки. Давно мы уже объ васъ ничего не знаемъ, а сами въ Тамбовѣ поживаемъ веселымъ-веселехонько. Кабы да вы къ намъ пріѣхали: теперь близехонько; то-то бы навеселились — не Петрозаводску чета; если нельзя вмѣстѣ съ Александрой Алексѣевной, то хотя бы одинъ пріѣхалъ. Апропо, вспомнила я, что я къ вамъ послала еще въ декабрѣ мѣсяцѣ прекрасную корзиночку своей работы и съ нашими силуэтами, которые въ ней были въ медальйонахъ... Утѣшь, батюшка, пріѣзжай къ намъ ради Бога».

Петрозаводскъ неспроста здѣсь помянуть: Державины не могли нарадоваться, что оттуда вырвались. Вотъ и теперь жена одного чиновника тамошняго писала Екатеринѣ Яковлевнѣ: «Не вытерплю, чтобъ не сказать, что у насъ вышло въ самую въ заутреню праздника. Послѣ торжественныхъ выстрѣловъ директорша въ церкви прибила куличемъ и зажгла свѣчею штабъ-лѣкаршу, и, вышедъ изъ церкви, ругала подлымъ образомъ и, по улицѣ ѣхавъ, также ругала во всю мочь; причина же вины бѣдной и хворой штабъ-лѣкарши та, что стала нѣсколько впереди ея... Штабъ-лѣкаръ такъ огорченъ, что хочетъ идти въ отставку. Эта исторія получше медвѣдя, такъ что у насъ, матушка, страшно ѣздить и въ церковь».

Послѣ Петрозаводска Тамбовъ могъ и впрямь показаться вторыми Аѳинами, — однако же до поры до времени.

**

Подобно Тутолмину, Гудовичъ былъ человекъ военный. Военныя заслуги за нимъ и числились, гражданскихъ же не было, но, въ отличіе отъ Тутолмина, Гудовичъ за ними не гнался. Этому роду дѣятельности придавалъ онъ не много значенія и, очутившись во главѣ намѣстничества, объединявшаго Рязанскую и Тамбовскую губерніи, не то,

чтобы вовсе ничего не дѣлалъ, но старался дѣлать какъ можно меньше. Предоставляя Державину свободу дѣйствій, онъ ничѣмъ не жертвовалъ; напротивъ, ему именно нуженъ былъ такой губернаторъ, на котораго безъ опаски можно свалить работу. Отсюда и возникло то взаимное удовольствіе, коимъ ознаменована первая половина державинскаго пребыванія въ Тамбовѣ. Представляя Державина къ ордену, намѣстникъ свидѣтельствовалъ, что Державинъ «всю губернію привелъ въ порядокъ». И это была правда. Державинъ со своей стороны называлъ Гудовича благорасположеннымъ, справедливымъ и честнымъ начальникомъ.

Гудовичъ не испытывалъ того сладострастія власти, которое обуревало Тутолмина; однако жъ, какъ всѣ тогдашніе администраторы, и онъ порою не могъ устоять противъ искушенія: радости самодурства были вѣдомы и ему, хотя, можетъ быть, даже менѣе, чѣмъ другимъ. Къ закону онъ относился вполнѣ терпимо и даже доброжелательно. По тѣмъ временамъ одинъ Державинъ могъ требовать большаго.

Но, не пылая рвеніемъ къ службѣ и охотно ввѣряя бразды правленія другимъ (въ томъ числѣ Державину), онъ легко поддавался вліяніямъ. А такъ какъ изъ вліятельныхъ лицъ не всѣ хотѣли, подобно Державину, сіять добродѣтелью, то въ Тамбовской губерніи можно было обманывать казну, какъ во всякой другой. Постепенно Державинъ въ томъ убѣдился.

Когда онъ пріѣхалъ изъ Петрозаводска въ Петербургъ и сталъ просить новаго губернаторства, за него, при посредствѣ Львова, хлопотали очень сильные люди: гр. А. Р. Воронцовъ, Безбородко (теперь уже тоже графъ), тогдашній фаворитъ Ермоловъ и отчасти даже Потемкинъ. При такихъ покровителяхъ можно было добиться и не того. Екатерина согласилась. Державинъ по простодушію своему увидѣлъ въ ея согласіи знакъ нарочитаго одобренія и довѣрія. Это еще болѣе придавало ему стойкости (или упрямства).

Тамбовскій купецъ Бородинъ былъ плутъ. Съ помощію вице-губернатора Ушакова и генераль-губернаторскаго секретаря Лабы онъ сперва обманулъ казну при поставкѣ кирпича, а потомъ получилъ винный откупъ на такихъ условіяхъ, что казнѣ предстояли убытки въ полмилліона рублей. Державинъ тщетно указывалъ Гудо-

вичу на бородинскія плутни: зная или не зная истинную подоплеку дѣла, Гудовичъ во всякомъ случаѣ сталъ на сторону своихъ приближенныхъ. Вскорѣ узналось, что путемъ ложнаго банкротства Бородинъ собирается учинить новое мошенничество. Не надѣясь на силу доводовъ и боясь упустить время, Державинъ въ обезпеченіе казеннаго интереса собственной властію наложилъ арестъ на бородинское имущество. Покрывая Бородина, Ушаковъ склонилъ Гудовича жаловаться въ Сенатъ. Въ Сенатѣ Вяземскій радъ былъ насолить давнему недругу, и на намѣстническое правленіе (т. е. на Державина) быдѣ наложенъ штрафъ въ 17.000 рублей.

Не успѣло кончиться это дѣло, какъ возникло еще одно. Въ августѣ 1787 года Турція объявила войну Россіи. Главнокомандующій Потемкинъ прислалъ въ Тамбовскую губернію своего комиссіонера Гарденина — закупать провіантъ. Казенная палата должна была снабдить комиссіонера деньгами, но Ушаковъ, въ вѣдѣніи котораго она состояла, въ выдачѣ суммъ отказалъ, имѣя въ томъ свою выгоду. Этотъ отказъ грозилъ снабженію арміи замедленіемъ, а казнѣ убытками. Гарденинъ обратился за помощію къ Державину, изъ чего и поднялась буря. Подробности этой исторіи чрезвычайно сложны. Суть въ томъ, что Державинъ, видя незаконные приемы Ушакова, не удержался и самъ отчасти прибѣгъ къ тому же оружію. Будучи по существу правъ, но по формѣ безсиленъ передъ увертливымъ противникомъ, онъ кое въ чемъ позволилъ себѣ нарушить канцелярскій обрядъ и даже, быть можетъ, нѣсколько превысилъ свою власть. Этимъ тотчасъ воспользовались. Гудовичъ, по обычаю покрывая вице-губернатора и будучи лично задѣтъ властными дѣйствіями Державина, уже 7 апрѣля 1788 г. писалъ Воронцову и просилъ «развода» съ Державинымъ, яко причиняющимъ «безпокойство въ дѣлахъ и замѣшательство вмѣсто должной по службѣ помощи». (Свою недавнюю аттестацію онъ уже забылъ). Соответствующіе рапорты были посланы и въ Сенатъ. 22 іюня Сенатъ объявилъ Державину выговоръ.

Съ этихъ поръ провіантское дѣло отошло какъ бы на задній планъ, и началась просто борьба между губернаторомъ и намѣстникомъ. Обѣ стороны искали изобличить другъ друга въ упущеніяхъ и проступкахъ. Всѣ канцеляріи были пущены въ ходъ, и, какъ прежде въ Петроза-

водскѣ, въ борьбу оказались вовлечены многія лица и учрежденія. Городъ раздѣлился на два лагеря — преобладали сторонники Гудовича и Ушакова. Съ тѣхъ поръ, какъ положеніе Державина пошатнулось, его хлѣбосолюство было забыто, вмѣстѣ съ театрами и концертами. Глазамъ тамбовскаго общества губернаторъ представился страннымъ, безпокойнымъ, а можетъ быть и опаснымъ человѣкомъ, который во всемъ беретъ сторону сѣдныхъ противъ богатыхъ, заботится о колодникахъ и умалишенныхъ, а съ начальствомъ ссорится. Державиныхъ стали травить. Нѣкая госпожа Чичерина, встрѣтивъ Екатерину Яковлевну въ гостяхъ у помѣщика Арапова, наговорила ей колкостей. Отвѣчая ей, Екатерина Яковлевна сдѣлала неловкое движеніе и нечаянно задѣла противницу опахаломъ. На другой день весь Тамбовъ говорилъ о побояхъ, нанесенныхъ губернаторшею почтенной дамѣ. Поднялся такой нумъ, что преданія объ этой исторіи не умирали въ Тамбовѣ сто лѣтъ безъ малаго. Ушаковъ, Лаба и еще кое-кто изъ чиновниковъ подстрекнули Чичериныхъ жаловаться императрицѣ. Жалобу сочиняли впятеромъ, просидѣвъ надъ ней цѣлый вечеръ.

Гудовичъ тѣмъ временемъ продолжалъ наступленіе на Державина. Нельзя отрицать, что послѣдній, обороняясь, дѣйствовала заношиво и давалъ поводы къ новымъ обвиненіямъ. Петербургскіе друзья, которымъ дѣло было виднѣе, предупреждали его, но онъ стоялъ на своемъ, видя въ борьбѣ съ Гудовичемъ исполненіе своего долга и по обычаю уповая на конечную справедливость Екатерины. Въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ онъ говоритъ: «Иногда не безнужно имѣть и враговъ, чтобы лучше не сбиваться съ пути законовъ». Въ ту пору написалъ онъ на смерть старой графини Румянцевой оду, которую закончилъ такими словами:

Меня жъ ничто вредить не можетъ:
Я злобу твердостью сотру;
Моихъ враговъ червь кости сглохнетъ,
А я пійть -- и не умру.

Какъ пійть, онъ и остался безсмертенъ. Но какъ губернатора дни его были сочтены. На основаніи рапортовъ Гудовича и подъ давленіемъ Вяземскаго Сенатъ представилъ императрицѣ «мнѣніе» объ отрѣненіи Державина

отъ должности и о преданіи суду. Докладъ еще не былъ утвержденъ, когда вѣсть о немъ дошла до Тамбова. Положеніе Державина стало невыносимо. Онъ былъ, по собственному выраженію «загнанъ и презрѣнъ» всѣмъ городомъ. Одно слово императрицы могло бы измѣнить его положеніе. Онъ просилъ дозволенія пріѣхать въ столицу — ему было приказано «проситься по командѣ», т. е. черезъ намѣстника. Гудовичъ, конечно, не выпустилъ его изъ Тамбова. 18 декабря роковой докладъ былъ подтвержденъ. Губернаторство кончилось.

Въ ста пятидесяти верстахъ отъ Тамбова, на берегу Хопра, лежало красивое и богатое помѣстіе по имени Зубриловка. Державины тамъ не разъ гостили у радушныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ — князя и княгини Голицыныхъ. Осенью 1788 года кн. Сергѣй Федоровичъ находился въ арміи, осаждавшей Очаковъ. Отъ него долго не было вѣстей, княгиня тревожилась, и Державинъ, какъ ни поглощенъ былъ своими дѣлами, послалъ ей въ одобреніе стихи: «Осень во время осады Очакова». Они не принадлежатъ къ его лучшимъ созданіямъ; ихъ видимое воодушевленіе таитъ слѣды принужденности: Державину было не до стиховъ.

При отрѣшеніи отъ должности съ него взяли подписку о безвыѣздномъ пребываніи въ Москвѣ впредь до окончанія дѣла, котораго разсмотрѣніе было поручено московскому Сенату. Покинувъ Тамбовъ въ самомъ началѣ 1789 г., Державинъ направился въ Москву, но напередъ заѣхалъ въ Зубриловку и тамъ оставилъ жену. Разлука въ столь горестную минуту была тяжела для обоихъ, но она имѣла свои основанія.

Предстоящій судъ очень страшилъ Державина. Въ конечномъ счетѣ онъ почиталъ себя правымъ (да и былъ правъ), но за нимъ имѣлись кое-какія вины — слѣдствія раздраженія и горячности. Придраться было къ чему, а кромѣ того онъ понималъ, что приговоръ суда зависитъ не отъ одной правды, но еще болѣе отъ того, чье вліяніе пересилитъ въ Петербургѣ.

Главный сырѣ-боръ загорѣлся изъ-за потемкинскаго комиссіонера. Естественно было Державину искать защиты у того же Потемкина, къ которому онъ и обращался

по этому поводу еще до отрѣшенія отъ должности. Передъ лицомъ Потемкина было у него нѣсколько ходатаевъ: во-первыхъ — Поповъ, потемкинскій дѣлопроизводитель и наперсникъ, съ которымъ Державинъ давно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; во-вторыхъ — тотъ самый Грибовскій, котораго спасъ онъ въ Петрозаводскѣ: Грибовскій теперь состоялъ при свѣтлѣйшемъ и радъ былъ помочь своему благодѣтелю. Были еще и другіе пути, но особливья надежды возлагались на кн. Голицыну: она приходилась Потемкину родною племянницей. Вотъ и жила теперь у нея Екатерина Яковлевна — соломенною вдовою и какъ бы живымъ напоминаніемъ о дѣлѣ. Впрочемъ, княгиня, женщина нѣсколько экспансивная, старалась и безъ того, даже сверхъ всякой мѣры, такъ что однажды чуть было не повредила Державину. Къ Плѣнирѣ она была чрезвычайно ласкова, но та мучилась и томилась: все думалось ей, что Державинъ въ Москвѣ не довольно усердствуетъ по своимъ дѣламъ. «Не знаю, куда ты ѣдишь, — писала она, — гдѣ что съ тобою приключалось; я думаю, что не грѣшно бы было каждый вечеръ прибавить строчку или двѣ твоего похождения; я бы была какъ будто не розно съ тобою, но теперь очень чувствую мое уединеніе... Я думаю, что ты лѣнишься своими выѣздами, мой другъ: теперь надо быть не лѣннву и стараться быть тутъ, гдѣ тебѣ нужно... Я не живу праздно у княгини и прилежаніе мое за шитьемъ безпредѣльно, ибо я, работая, размышляю о тебѣ и не вижу, какъ отъ того поспѣшно идетъ моя работа; я почти вышила уже камзолъ князю Сергію Ѳедоровичу, который кажется очень хорошъ вышился... Княгининъ курьеръ еще не бывалъ отъ свѣтлѣйшаго; она его ждетъ съ нетерпѣливостію, такъ какъ и я, вѣрной твой другъ, твоихъ писемъ и твоей къ себѣ довѣренности, и чтобы ты отнял у меня право тебѣ пенять. Сего желаетъ твоя

К а т ю х а.

Потемкинъ пообѣщалъ сдѣлать все возможное, но лишь по возвращеніи въ столицу. Поэтому Державинъ старался въ Москвѣ оттянуть дѣло. Межъ тѣмъ, кн. Голицына, взявъ съ собою Екатерину Яковлевну, отправилась въ Петербургъ. Потемкинъ пріѣхалъ туда въ февралѣ. Просьбами о Державинѣ ему прожужжали уши, но былъ слухъ, что онъ скоро опять уѣдетъ въ армію. Теперь уже приходилось торопить дѣло, чтобы враги не воспользовались отсутствіемъ свѣтлѣйшаго. Наконецъ, 16 апрѣля судъ на-

чался, а 31 мая закончился. Видно, Потемкинъ сдержалъ обѣщаніе — Державинъ былъ по всѣмъ пунктамъ оправданъ.

Гроза миновалась. Теперь было самое время Державину поразмыслить, можно ли и должно ли ему пытаться служить и словомъ, и дѣломъ. Иногда онъ хотѣлъ бросить службу. Задумывался даже о томъ, умѣстенъ ли онъ вообще среди того общества, которому судьба обрекла его. Не даромъ онъ годъ спустя писалъ государынѣ: «Ежели бы не царствовала Екатерина Вторая, прозорливостію своею въ свѣтѣ несравненная, которая меня спасаетъ и животворитъ и на которую я одну всю мою надежду возлагаю, то, какъ Богу, Вашему Императорскому Величеству исповѣдую, что долженъ бы я давно оставить мое отечество».

VI.

Екатерина смотрѣла на вещи трезво. За поэзіей Державина она еще могла допустить какія-то высшія побужденія, но за службой, конечно, нѣтъ. «Несравненная прозорливостію» немало бы удивилась, если бы вдругъ ей сказали, что служба Державина вдохновлена тою же мыслию, что и поэзія. Еще болѣе она была бы изумлена, когда бы узнала, что, буйствуя въ службѣ, Державинъ своею союзницей почитаетъ ее — добродѣтельную монархиню, провозгласительницу Наказа. Объ этихъ буйствахъ императрица была наслышана. Ихъ вдохновительницей почитала она — такова насмѣшка судьбы -- не кого иного, какъ Матрену Дмитриевну Бастидонову! Подписывая сенатскій указъ и предавая Державина суду, Екатерина сказала:

-- Онъ стихотворецъ, и легко его воображеніе можетъ быть управляемо женою, коей мать злобна и ни къ чему не годна.

Она, впрочемъ, была довольна, когда судъ оправдалъ Державина. По этому случаю перечла «Фелицу» и велѣла сказать Державину, что «ея величеству трудно обвинять автора оды къ Фелицѣ»:

— *Cela le consolera.*

И кромѣ того:

— *On peut lui trouver une place.*

Утвердивъ приговоръ, она приказала гофмаршалу

представить Державина. Тотъ явился въ Царское. Екатерина дала ему поцѣловать руку и съ улыбкой сказала присутствующимъ:

— Это мой собственный авторъ, котораго притѣсняли.

Такія фразы предназначены передаваться изъ устъ въ уста. Всѣ были восхищены, но и притѣснители не могли пожаловаться: они не услышали ни одного упрека и сохранили мѣста свои, а Державинъ какъ былъ отстраненъ отъ должности, такъ и остался. Правда, придворные политики предсказывали ему «нѣчто хорошее», но онъ не очень надѣялся. На сердцѣ у него было смутно. «Возвращаясь въ Петербургъ, размышлялъ онъ самъ въ себѣ, что онъ такое — виновать или не виновать? въ службѣ или не въ службѣ?» Ему перестали выплачивать жалованье: дѣло не въ деньгахъ, но это былъ худой знакъ. Больше всего его мучило, что сенатскій приговоръ касался почти только его служебныхъ сношеній съ Гудовичемъ, онъ же «хотѣлъ доказать императрицѣ и государству, что онъ способенъ къ дѣламъ, неповиненъ руками, чистъ сердцемъ и вѣрснъ въ возложенныхъ на него должностяхъ». Поэтому онъ рѣшился просить особой аудіенціи по дѣламъ Тамбовской губерніи.

Александръ Васильевичъ Храповицкій дѣлалъ карьеръ свой умно и спокойно. Теперь онъ уже состоялъ при императрицѣ «по собственнымъ ея дѣламъ и у принятія прошеній». Каждый вечеръ, кратко, но дѣльно записывалъ онъ въ дневникъ, чему былъ свидѣтель въ минувшій день. 1 августа, въ среду, въ 9 часовъ утра Державинъ пріѣхалъ въ Царское. Подъ мышкою несъ онъ огромную переплетенную книгу — всю переписку съ Гудовичемъ и другія бумаги. Храповицкій провелъ его въ Ліонскую залу. Здѣсь оробѣлъ Державинъ и разсудилъ за благо оставить на столѣ свою книгу. Затѣмъ камердинеръ ввелъ его въ Китайскую комнату.

Государыня дала ему руку. Поцѣловавъ, благодарилъ онъ за правосудіе и просилъ дозволенія изъясниться по дѣламъ губерніи. Она спросила, почему этихъ объясненій онъ не представилъ Сенату.

— Было бы противъ законовъ: о томъ меня не спрашивали.

— Для чего же ты прежде о томъ мнѣ не писалъ?

— Я писалъ; мнѣ объявлено генераль-прокуроромъ,

чтобы я просился чрезъ генераль-губернатора, а какъ онъ мнѣ непріятель, то не могъ сего сдѣлать.

— Но не имѣете ли въ нравѣ вашемъ чего-нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?

— Я служилъ съ самаго простого солдатства и потому, знать, умѣлъ, повиноваться, когда дошелъ до такого чина.

— Но для чего, — подхватила императрица, — не поладили вы съ Тутолминымъ?

— Онъ издалъ свои законы, а я присягалъ исполнять только ваши.

— Для чего же не ужился съ Вяземскимъ?

— Государыня! Вамъ извѣстно, что я написалъ оду Фелицѣ. Его сїятельству она не понравилась. Онъ зачалъ насмѣхаться надо мною явно, ругать и гнать, придирается ко всякой бездѣлицѣ; то я ничего другого не сдѣлалъ, какъ просилъ о увольненіи изъ службы и по милости вашей отставленъ.

— А для чего же не поладилъ съ Гудовичемъ?

— Интересъ Вашего Величества, о чемъ я беру дерзновеніе объяснить Вашему Величеству, и ежели угодно, то сейчасъ представлю цѣлую книгу, которую я оставилъ тамъ.

Тутъ онъ собрался отправиться въ сосѣднюю комнату, но Екатерина остановила его:

— Хорошо, послѣ.

Онъ догадался подать ей краткую записку по дѣламъ Тамбовской губерніи. Она его отпустила, вновь пожаловавъ руку и пообѣщавъ дать мѣсто.

Вечеромъ Храповицкій записалъ въ дневникъ: «Провелъ Державина въ Китайскую и ждалъ въ Ліонской». И далѣе — слова императрицы: «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ самомъ себѣ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être trop content de ma conversation».

***

Ласкательство, лживая лесть, низменное потворство, считались предосудительными. Но искать покровительства, не прибѣгая къ ласкательству, было въ порядкѣ вещей. Никакого стыда въ томъ не видѣли. Ко-

гда при дворѣ появлялся новый любимецъ, искать его покровительства было даже выраженіемъ нѣкоей лояльности.

Державинъ по воскресніямъ ѣздилъ на выходы во дворецъ. «Но какъ не было у него никакого предстателя, который бы напомнюлъ императрицѣ объ обѣщанномъ мѣстѣ, то и сталъ онъ какъ бы забвеннымъ. Въ такомъ случаѣ не оставалось ему ничего другого дѣлать, какъ искать входу къ любимцу Государыни... Въ то время, по отставкѣ Мамонова, вступилъ на его мѣсто молодой конной гвардіи офицеръ Платонъ Александровичъ Зубовъ... Какъ трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что онъ или почиваетъ, или ушелъ прогуляться, или у Императрицы... Не оставалось другого средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту». Державинъ не сталъ писать оды въ честь Зубова, но могъ, не кривя душой, написать «Изображеніе Фелицы». Черезъ Эмина, бывшаго спутника по олонекскимъ путешествіямъ, ода была вручена Зубову, тотъ, конечно, показалъ ее государынѣ, а государыня, «прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду». Общество Державина она, очевидно, считала полезнымъ для маленькаго черноброваго шалуна; она вообще заботилась объ образованіи своихъ любимцевъ: читала съ Ланскимъ Альгаротти, съ Зубовымъ Плутарха... Но дѣло не въ томъ: выходило, что легче найти дорогу черезъ императрицу къ Зубову, нежели черезъ Зубова къ императрицѣ. Таковъ былъ странный кругъ отношеній. Знакомство, какъ бы то ни было, завязалось. Но время шло, а мѣста, котораго ждалъ Державинъ, все не было.

Поэтическіе досуги, о которыхъ мечталъ онъ, отправляясь въ Олонецкую губернію, не состоялись. Всѣ эти годы онъ почти не писалъ -- во всякомъ случаѣ не создалъ ничего замѣчательнаго. За то теперь выходило досуга больше, чѣмъ онъ хотѣлъ бы. Постепенно онъ занялся стихами, и таково было его поэтическое здоровье, что, несмотря на всѣ потрясенія, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся къ «Видѣнію мурзы», на которомъ остановился шесть лѣтъ назадъ. Теперь оно было закончено; для него вновь обрѣлъ онъ замысловатый ладъ и крѣпкій

здорь тѣхъ счастливыхъ дней, когда табакерка Фелицы еще не лежала въ закладѣ; что же до пылкаго поклоненія Екатеринѣ — оно устояло противъ всѣхъ испытаній:

Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Можно было бы ожидать, что за годы, потерянные на губернаторствѣ, слава его убудеть. Но она возросла. Его читали и перечитывали. Въ его поэзіи, начиная съ Читалагайскихъ одъ, открывали новшества и достоинства, не оцѣненные раиѣс. Теперь, къ сорока семи годамъ, онъ очутился если не вожакомъ, то знаменемъ новой литературы. Шумъ, происшедшій вокругъ его имени, тяжкая опала и внезапное возвышеніе («это мой собственный авторъ») — все это подогрѣвало общее къ нему любопытство. Его домъ вновь наполнился. Помимо анакреонтического Львова, помимо порой пріѣзжавшаго изъ деревни Капниста (съ неизмѣннымъ Гораціемъ на устахъ и въ карманѣ), явились тутъ и маститые авторы, сверстники Державина, уже пережившіе свою славу: мечтательный, томный и какъ бы совѣмъ невѣсомый Богдановичъ (творецъ «Душеньки» писалъ теперь скучныя комедіи въ перемѣшку съ нѣжною, но поверхностной лирикой); обрюзглый Фонвизинъ, полуразбитый параличсмъ и раздавленный немилостію императрицы. Были и литераторы, только еще подающіе надежду: Иванъ Семеновичъ Захаровъ, одинъ изъ многочисленныхъ переводчиковъ неизбѣжной «Телемахида», уже, впрочемъ, не юноша; Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, крошечный человѣчекъ съ огромнымъ горбатымъ носомъ, истинный кладезъ всевозможныхъ познаній, особенно въ языкахъ. Былъ и Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, плодовитѣйшій стихотворецъ (впрочемъ, надеждъ онъ какъ будто не подавалъ).

Однажды утромъ Державинъ, въ атласномъ голубомъ халатѣ и въ колпакѣ (у него стали сильно лѣзть волосы) что-то писалъ у себя въ кабинетѣ, стоя передъ высокимъ налоемъ; Плѣнира, въ утреннемъ бѣломъ платьѣ, сидѣла въ креслѣ посреди комнаты; парикмахеръ ее завивалъ. Въ сей неурочный часъ явился представиться знаменитому пѣвцу высокій и сухощавый семеновскій юфицеръ; то былъ двадцатидевятилѣтній поэтъ Иванъ Ивановичъ Дмит-

ріевъ, родомъ изъ-подъ Симбирска; онъ робѣлъ и косилъ глаза на конецъ длиннаго, тонкаго своего носа. Поговоривъ о словесности, о войнѣ, онъ хотѣлъ откланяться. Хозяева стали его унимать къ обѣду. Послѣ кофія онъ опять поднялся, но еще былъ упрошенъ до чая, — а потомъ въ двѣ недѣли сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Имѣлъ онъ сужденіе здоровое, разговоръ острый, стихъ легкой.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ сентябрѣ 1790 года, онъ просилъ дозволенія привести къ обѣду своего земляка и друга, который не на долго въ Петербургѣ — проездомъ въ Москву изъ чужихъ краевъ — и будучи литераторъ, хотѣлъ бы свидѣтельствовать Гаврилѣ Романовичу свое почтеніе. Литераторъ былъ званъ къ обѣду. Въ тотъ день у Державиныхъ обѣдалъ также петербургскій вице-губернаторъ Новосильцевъ съ женою. Новый знакомецъ, почти еще юноша, одѣтый во фракъ по послѣдней модѣ, сдѣлалъ на всѣхъ отличное впечатлѣніе. По имени-отчеству звали его Николай Михайловичъ, по фамиліи — Карамзинъ. Сидя за столомъ подлѣ Екатерины Яковлевны, онъ рассказывалъ о недавно видѣнныхъ странахъ — особенно о Парижѣ. Въ его разговорѣ были пріятно смѣшаны важное и забавное, умъ и чувствительность. Онъ говорилъ о парижскихъ театрахъ, для коихъ не находилъ довольно похвалъ; о фізіогноміи Мармонтеля; объ уличныхъ цвѣточницахъ; о прекрасной Версалии, о сельскихъ красотахъ Трианона; объ академіяхъ и о томъ, что вино въ деревенькѣ Auteuil, нѣкогда славное, нынѣ ужъ никуда не годится; о томъ, что въ придворной церкви онъ видѣлъ короля и королеву (король былъ въ фіолетовомъ кафтанѣ; королева подобна розѣ, на которую вѣютъ холодные вѣтры); дофина видѣлъ онъ въ Тюльери — младенецъ прыгалъ и веселился, прекрасная Ламбаль вела его за руку; послѣ 14 іюля во Франціи всѣ твердятъ объ аристократахъ и демократахъ, о націи; революція была неизбежна, еще Рабле предсказалъ ее въ LVIII главѣ «Gargantua»; земля освободится отъ сего бѣдствія не иначе, какъ упившись кровью...

Но тутъ рассказчику показалось, что молодая и прекрасная хозяйка коснулась ногою его ноги. Потомъ еще и еще, сомнѣнія быть не могло. Не смѣя себѣ изъяснить сіе чрезвычайное обстоятельство, онъ смѣшался, краснорѣчіе его покинуло... Послѣ стола хозяйка отвела его въ сторону и объяснила, что госпожа Новосильцева — пле-

мянница Марьи Савишны Перекусихиной, и неосторожныя рѣчи молодого путешественника нынче же могутъ дойти до императрицы.

Въ Москвѣ Карамзинъ тотчасъ приступилъ къ изданію журнала. Объявляя о томъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», онъ писалъ: «Первый нашъ поэтъ — нужно ли именовать его? — обѣщаль украшать листы мои плодами вдохновенной своей Музы. Кто не узнаеть пѣвца мудрой Фелицы? Я получилъ отъ него нѣкоторыя новыя пѣсни» и проч.

**

Съ мечтой о побѣдѣ надъ Турціей Потемкинъ связывалъ замыслы титаническіе. Побѣда однако же не давалась, и затянувшаяся война становилась крайне обременительна. Екатерина писала «любезному другу» ласковыя письма, но до него уже доходили дурныя вѣсти о прошедшей перемѣнѣ въ расположеніи государыни, о фаворѣ Зубова. 11 декабря 1790 года Суворовъ взялъ Измаилъ и вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, «какъ человекъ съ слабостями, изъ честолюбія ли, изъ зависти, или изъ истинной ревности къ благу отечества, но только примѣтно было, что шель тайно противъ неискуснаго своего фельдмаршала». Дочь Суворова была кстати замужемъ за братомъ новаго фаворита. Для Потемкина дѣло шло не только о личномъ его фаворѣ. На картѣ стояла вся европейская политика Россіи, а съ нею — либо головокружительное завершеніе, либо безсмысленное крушеніе всѣхъ его замысловъ, въ которыхъ эгоизмъ государственный давно сросся съ личнымъ. Мучимый подозрѣніями, Потемкинъ рвался въ столицу, но Екатерина удерживала его при арміи. Видя, наконецъ, что и взятіемъ Измаила сопротивленіе ту року еще не сломлено и что впереди предстоить новая кампанія, 28 февраля онъ прискакалъ въ Петербургъ.

Уѣзжая изъ арміи, онъ сказалъ, что нездоровъ и ѣдетъ въ Петербургъ зубы дергать. Но зубы сидѣли крѣпко. Потемкинъ вскорѣ увидѣлъ, что петербургское пораженіе можетъ перевѣсить измаильскую побѣду. На скорую отставку Зубова надежды не было. Въ пору было стараться о томъ, чтобы сохранить собственное положеніе и выиграть время. Съ болью въ душѣ побѣжденный сталъ играть роль триумфатора — что могло быть тяжелѣе для его гордости? Въ честь государыни онъ рѣшился дать не-

бывалый праздникъ, чтобы обществу, двору, ей самой, всей Европѣ и, можетъ быть, самому себѣ внушить мысль, будто все остается попрежнему; чтобы изумить Екатерину безпредѣльной приверженностью; чтобы напомнить ей объ ихъ о б щ е й славѣ; чтобы — какъ знать? — можетъ быть, вернуть себѣ ея сердце.

Къ 28 апрѣля вся мѣстность по близости отъ Конногвардейскихъ казармъ измѣнила свой видъ. Недостроенный домъ князя Таврическаго былъ достроенъ со сказочной быстротой. Тысячи работниковъ, художниковъ, обойщиковъ трудились денно и нощно. Позади дома разбили садъ съ расчисленными холмами, храмами, павильонами; «прямымъ путемъ протекавшей рѣчкѣ дали теченіе извилистое и вынудили изъ ней низвергающійся водопадъ, который упалъ въ мраморный водоемъ». Построены мосты изъ желѣза и мрамора, поставлены истуканы. Деревянные строенія передъ дворцомъ снесены. На возникшей площади выстроены качели, разставлены столы съ угощеніемъ для народа, кадки съ медомъ, квасомъ и сбитнемъ; построены лавки торговыя, изъ которыхъ назначено было раздавать подарки: платья, кафтаны, кушаки, шляпы, сапоги, лапти, а также снѣдь, вареную и невареную.

Съ трехъ часовъ дня стали съѣзжаться гости. Раздача подарковъ должна была начаться въ пять, по прибытіи государыни. Уже пріѣхалъ наслѣдникъ съ супругой и малымъ дворомъ, но и къ семи часамъ государыни еще не было. Народъ, собравшійся здѣсь съ утра и продрогившій (погода была ненастная), началъ терять терпѣніе. Вдругъ, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошло какое-то замѣшательство. Задніе ряды понанерли, толпа съ крикомъ ура ринулась къ выставленнымъ подаркамъ, и во мгновение ока все было растаскано. Полицейскіе и казаки бросились разгонять народъ. Многіе были ушиблены и помяты въ давкѣ. Въ разгаръ побоища прибыла государыня. Карета ея была вынуждена остановиться въ отдаленіи. Высунувшись въ окно, Екатерина подозвала оберъ-полицеймейстера Рылѣва:

— Въ этомъ прекрасномъ порядкѣ, — сказала она, — я совершенно узнаю васъ.

— Радуюсь, что имѣлъ счастье заслужить удовольствіе Вашего Императорскаго Величества, — отвѣчалъ Рылѣвъ.

Павель Петровичъ съ женою встрѣтили государыню изъ крыльцѣ. Потемкинъ принялъ ее изъ кареты. На немъ былъ

малиновый бархатный фракъ и черный кружевной плащъ. Пуговицы, каблуки, пряжки сверкали бриллиантами. «Шляпа его была оными столько обременена, что трудно стало ему держать оную въ рукѣ. Одинъ изъ адъютантовъ его долженъ былъ сию шляпу за нимъ носить». Праздникъ начался. Исторія Россіи не знаетъ ему подобнаго. Самъ Державинъ былъ привлеченъ къ его изобрѣтенію и сочинилъ хоры.

Три тысячи гостей (одного лишь Суворова не было въ ихъ числѣ) размѣщены были въ пышныхъ ложахъ колоннаго зала, озареннаго шестью тысячами свѣтчъ. Императрица вошла. Восемилѣтній мальчикъ Васенька Жуковскій, побочный сынъ тульскаго помѣщика и плѣнной турчанки, на всю жизнь запомнилъ минуту, когда хоръ изъ трехсотъ музыкантовъ и голосовъ при громѣ литавръ впервые грянулъ:

Громъ побѣды, раздавайся!
 Веселися, храбрый Россъ!
 Звучной славой украшайся:
 Магомета ты потрясь.
 Славься симъ, Екатерина,
 Славься, нѣжная къ намъ мать!

Воды быстрыя Дуная
 Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
 Храбрость Россовъ почитая,
 Тавръ подъ нами и Кавказъ.
 Славься симъ, Екатерина,
 Славься, нѣжная къ намъ мать!..

Этотъ хоръ сопутствовалъ появленію первой кадрили, розовой, составленной изъ двѣнадцати паръ знатнѣйшей петербургской молодежи. Великій князь Александръ Павловичъ велъ ее. За розовой, предводимая Константиномъ, шла голубая подъ звуки второго хора:

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
 Исторженныхъ у враговъ;
 Вамъ, Россіянки, даруемъ
 Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
 Раздѣляйте съ нами славу;
 Честь, утѣхи и забаву

Раздѣляйте; ободряйте
И впередъ къ побѣдамъ насъ;
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
Вашъ надъ нами силенъ гласъ;
За одинъ вашъ взглядъ любви
Лить мы рады токи крови...

Кадрили, соединясь, протанцовали балетъ — сочиненіе знаменитаго Пика, который и самъ при семъ случаѣ «отличилъ себя соломъ». Затѣмъ хозяинъ повелъ государыню въ другой залъ, куда послѣдовала и часть гостей — сколько позволяло пространство. Здѣсь, послѣ пантомимы и хора, вновь славившаго Екатерину, представлены были двѣ французскія комедіи. Представленіе было нарочно замедлено, и тѣмъ временемъ залъ колонный преобразился. Вернувшись въ него, Екатерина спросила: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?» Въ залѣ и въ примыкающихъ покояхъ горѣло сто сорокъ тысячъ цвѣтныхъ лампадъ и двадцать тысячъ восковыхъ свѣчъ. «Тутъ играетъ яркій и живой лучъ, и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный... Окна окружены звѣздами. Горяція полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блестятъ. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по пространству»... Въ одномъ покоѣ «любящіе музыку, пѣніе и пляску найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія». Въ другомъ «плѣнящіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаэля, Гвидо Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ всея Италіи... Тамъ азіятской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ; здѣсь европейскіе драгоцѣнные ковры и ткани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ уединенные покои тишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ». Императрица вошла въ зимній садъ, гдѣ не слышно музыки, гдѣ подъ густыми вѣтвями въ тихихъ водахъ плаваютъ золотыя и серебряныя рыбы, а въ темной зелени поютъ соловьи. На дорожкахъ сада и на дерновыхъ холмикахъ высятся постаменты, украшенные мраморными вазами и фигурами Геніевъ. Мѣстами раскинуты небольшіе лѣсочки; ихъ окружаютъ рѣшетки, вбитыя розами и жасминомъ. Огром-

ныя зеркала, искусно разставленные среди зелени, повторяютъ садъ во множествѣ разъ и уводятъ взоръ въ ложныя отдаленія. Посреди сада возвышается храмъ; восемь колоннъ изъ бѣлаго мрамора поддерживаютъ его куполь; сѣрыя мраморныя ступени ведутъ къ жертвеннику, служащему подножіемъ статуѣ, изображающей государыню въ царской мантии, съ рогомъ изобилія. Потемкинъ бросается на колѣни предъ алтаремъ и изображеніемъ своей благодѣтельница. Екатерина сама его поднимаетъ и цѣлуетъ въ лобъ.

Стемнѣло. На дворѣ идетъ мелкій дождь, но все вокругъ дома сіяетъ иллюминаціей. Народъ толпится. На прудахъ плаваютъ флотиліи, разукрашенные фонарями и флагами. Съ нихъ раздается пѣсня гребцовъ и роговая музыка. Во дворцѣ государыня, отдыхая, играетъ въ карты съ великой княгиней, а въ большой залѣ гости танцуютъ. Межъ тѣмъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтоженъ. На мѣстѣ его и въ другихъ покояхъ накрыты столы. «Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ черезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками». Начался ужинъ. Столъ государыни и наслѣдникъ стоялъ на мѣстѣ оркестра, прочіе столы — амфитеатромъ вокругъ него. Всѣ гости сидѣли лицомъ къ государынѣ. Потемкинъ стоялъ за кресломъ ея, пока она не велѣла ему сѣсть. «Казалось, что вся имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться ея лицезрѣніемъ», говоритъ Державинъ и продолжаетъ стихами:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
 Разсыпала по нихъ и злато, и серебро;
 Восточный, западный, сѣдые океаны,
 Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
 Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
 Украина, Холмогоръ несли тѣльцовъ и дичь;
 Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
 Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
 Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
 Лилъ кубки медь золотой, дровъ искрометный сокъ,
 И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
 Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ

Въ фарфорѣ, кристалѣ чужія питія, снѣди,
 Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
 Что потчевать должна такъ прихоть поневолѣ.
 Обилѣ тучное всѣмъ простирало длань.

Хоръ гремитъ. Кончается ужинъ. Второй часъ ночи. Гости еще веселятся, но Екатерина отбываетъ. Карета ея отъѣзжаетъ въ сумракъ. На крыльцѣ, озаренный факелами, въ аломъ фракѣ и черномъ плащѣ, Потемкинъ глядитъ ей во слѣдъ, воздѣвъ руки къ небу.

**

Къ началу іюня было готово описаніе праздника, составленное Державинымъ въ стихахъ и прозѣ (была мода печатать подобныя описанія отдѣльными книжками). Державинъ явился въ Лѣтній дворецъ къ Потемкину. Князь принялъ его какъ нельзя любезнѣе, просилъ остаться къ обѣду, а самъ, взявъ тетрадь, довольно объемистую, погрузился въ чтеніе. Державинъ тѣмъ временемъ пошелъ въ канцелярію — побесѣдовать съ давнимъ другомъ своимъ Поповымъ. Внезапно Потемкинъ «съ фуріей выскочилъ изъ своей спальни, приказалъ подать коляску и, несмотря на шедшую бурю, громъ и молнію, ускакалъ Богъ знаетъ куды. Всѣ пришли въ смятеніе, столы разобрали — и обѣдъ исчезъ». Долго потомъ Державинъ съ Дмитріевымъ ломали головы, отгадывая, что могло оскорбить Потемкина. Всѣ ихъ предположенія были неосновательны; въ державинскомъ описаніи нѣтъ никакихъ неловкостей, ни тѣмъ паче обидъ Потемкину. Случись то или другое — на неловкости онъ указалъ бы автору, не приходя въ бѣшенство, а прямыхъ обидъ никогда не простилъ бы. Онъ же, напротивъ, спустя нѣсколько дней, самъ старался загладить обиду, нанесенную имъ Державину.

Причина вспышки была иная. Праздникъ не достигъ цѣли и тѣмъ самымъ превратился для Потемкина въ лишнее униженіе. Державинъ невольно ему напомнилъ объ этомъ. Разница между торжествующимъ и счастливымъ Потемкинымъ, представленнымъ въ описаніи, и тѣмъ глубоко несчастнымъ, который его читалъ, была нестерпима. Онъ не вынесъ и не сдержался, потому что вообще давно отвыкъ сдерживаться. «Князю при дворѣ тогда очень было плохо», говоритъ самъ Державинъ. Зубовъ усиливался. Репнинъ, съ согласія императрицы, велъ съ турками переговоры о мирѣ, который долженъ былъ по-

ложить конецъ всѣмъ потемкинскимъ замысламъ. Потемкинъ метался. Въ тѣ дни причудамъ и странностямъ его не было мѣры. Онъ жилъ съ пышностью, неслыханною въ Европѣ. При встрѣчѣ народъ кланялся ему съ благоговѣніемъ. На гуляніяхъ онъ являлся, окруженный плѣнными генералами, офицерами и пашами. Но онъ зналъ, что подо всѣмъ этимъ — бездна, конецъ. Онъ пьянствовалъ и не находилъ себѣ мѣста. Иногда, вырвавшись изъ дому, носился по городу, заѣзжалъ къ мало знакомымъ женщинамъ, ища утѣхи; открывалъ душу предъ кѣмъ попало; слушателямъ казалось, что онъ бормочетъ нелѣпицу и сходитъ съ ума. Потомъ силы его покинули — онъ изумлялъ окружающихъ необычайною кротостью, но ѣхать къ арміи все еще не рѣшался: зналъ, что враги безъ него восторжествуютъ окончательно. Императрица сама, наконецъ, явилась къ нему и велѣла ѣхать (ни друзья, ни враги не брали на себя передать сіе повелѣніе). 24 іюля онъ выѣхалъ въ Яссы. Тамъ горячка и горе его терзали. 4 октября Поповъ написалъ подъ его диктовку: «Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ себя везти къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный». И самъ приписалъ нетвердымъ почеркомъ: «Одно спасеніе уѣхать». На другой день, въ полдень, между Яссами и Николаевомъ, остановилъ онъ коляску:

— Будетъ теперь, некуда ѣхать, я умираю, выньте меня изъ коляски, я хочу умереть на полѣ.

Его положили на траву, намочили голову спиртомъ. Зѣвнувъ раза три, онъ «такъ покойно умеръ, какъ будто свѣча, которая вдругъ погаснетъ безъ малѣйшаго вѣтра». «Гусаръ, бывшій за нимъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобъ они закрылись». Черезъ недѣлю въ Петербургъ узнали о смерти Потемкина. Державинъ началъ «Водопадъ».

Эту оду онъ писалъ долго, почти три года, составляя ее по частямъ. Можетъ быть, она оттого нѣсколько потеряла въ стройности и въ единствѣ тона, но, кажется, выиграла въ широтѣ. Опорною точкой для «Водопада» послужили примѣрно тѣ же мысли и чувства, которыми нѣкогда была подсказана ода на смерть Мещерскаго. Державинъ самъ подчеркнул эту связь въ строфѣ, прямо намекающей на начало стиховъ о Мещерскомъ:

Не зримъ ли всякій день гробовъ,
 Съединъ дряхлѣющей вселенной?
 Не слышимъ ли въ бою часовъ
 Гласъ смерти, двери скрипъ подземной?
 Не упадетъ ли въ сей зѣвъ
 Съ престола царь и другъ царевъ?

Но контрастъ, плѣнившій Державина, былъ на сей разъ иного оттѣнка. Мало того, что Потемкинъ былъ вырванъ смертью изъ сказочнаго великолѣпія, предъ которымъ богатства Мещерскаго — ничто: смерти Мещерскаго не предшествовала и не сопутствовала та личная трагедія, которой отмѣчена смерть Потемкина и па которую Державинъ могъ только намекнуть — что, въ свою очередь, придало его строфамъ тайную силу, которой онѣ насквозь пропитаны:

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
 Лежитъ на темномъ лонѣ ноши?
 Простое рубище чресла,
 Два лентя покрываютъ очи,
 Прижаты къ хладной груди персты,
 Уста безмолвствуютъ отверзты!

Чей одръ—земля; кровъ—воздухъ синь;
 Чертоги — вкругъ пустынны виды?
 Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
 Великолѣпный князь Тавриды?
 Не ты ли съ высоты честей
 Незапно палъ среди степей?

Именно потому, что Мещерскій былъ личностью мало-значущей, его смерть давала удобный поводъ для философствованій о смерти вообще. Кончина Потемкина должна была повести вдохновеніе въ сторону исторіи. За Потемкинымъ открывалась его эпоха, которая была въ то же время эпохой Екатерины и самого Державина. Императрица, безжалостная къ бывшему любимцу въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, долго еще не могла безъ слезъ вспоминать о немъ. То были не просто нервическія слезы сентиментальной, но жестокой женщины. Вспоминая Потемкина, Екатерина оплакивала тотъ невозвратный государственный паѳосъ, который связалъ ее съ Потемки-

нымъ въ славнѣйшіе годы царствованія. Что подѣлаешь — Зубову приходилось утирать эти слезы. Точно такъ и Державинъ, не боясь Зубова, писалъ «Водопадъ». Вызывая призракъ Потемкина, онъ въ то же время обозрѣвалъ собственное свое прошлое. Онъ началъ съ описанія Кивача, олонецкаго водопада, и въ этомъ описаніи потаенно связалъ личную свою жизнь съ предметомъ стихотворенія Далѣе, въ сущности не покидая области воспоминаній, онъ обратился къ тому, чѣмъ была оживлена его лира въ потемкинскую эпоху. «Водопадъ» потому и писался частями, что Державинъ въ немъ произвелъ какъ бы смотрѣ излюбленнымъ своимъ темамъ: объ игрѣ случая; о олицетворенномъ въ Екатеринѣ государственномъ эгоизмѣ Россіи, въ который всѣ личныя судьбы и подвиги впадаютъ, какъ водопадныя рѣки въ озеро, и наконецъ — о всеобщемъ мирѣ, въ которомъ должны исчезнуть отдѣльные государственные эгоизмы. Не удивительно, что при замыслѣ столь обширномъ Державинъ на сей разъ двинулъ въ бой и всѣ лучшія силы своей поэтики. Словомъ, «Водопадъ» сталъ итогомъ пройденнаго пути. Не даромъ писался онъ съ 1791 по 1794 годъ, въ ту именно пору, когда екатерининская эпоха близилась къ своему естественному концу и надвигался переломъ въ личной жизни самого Державина. Наканунѣ этихъ событій суждено было разрѣшиться и тому недоумѣнію, которое долгіе годы управляло его судьбой. Екатерина и Державинъ встрѣтились, наконецъ, лицомъ къ лицу.

**

*

Общезвѣстно стремленіе Екатерины къ ограниченію власти Сената. Во второй половинѣ 1791 г. ей представился случай подчинить дѣйствія Сената ближайшему своему контролю. Обнаружилось, что 2-й департаментъ допускаетъ переносъ нерѣшенныхъ дѣлъ изъ одной губерніи въ другую. Екатеринѣ это показалось незаконно. Желая себя провѣрить, она поручила Зубову изучить вопросъ. Неопытный въ дѣлахъ Зубовъ частнымъ образомъ обратился за помощію къ Державину, какъ не разъ дѣлалъ и прежде. Державинъ далъ заключеніе, совпавшее со взглядомъ императрицы. Увидя изъ этого, что Державинъ не склоненъ отстаивать интересы Сената, императрица рѣшила поручить ему просмотрѣ всѣхъ сенатскихъ меморій и со-

ставленіе особыхъ замѣчаній о найденныхъ нарушеніяхъ закона. Если бы во главѣ Сената по прежнему стоялъ Вяземскій, онъ, можетъ быть, сумѣлъ бы предотвратить появленіе Державина въ новой должности. Но Вяземскій уже два года лежалъ въ параличѣ; его замѣнялъ Колокольниковъ, оберъ-прокуроръ того самого 2-го департамента, въ которомъ открылись непорядки. Екатерина накричала на Колокольцова, тотъ растерялся, и назначеніе Державина состоялось. Официально онъ былъ назначенъ такимъ же кабинетскимъ секретаремъ, какъ Безбородко и Храповицкій. 13 декабря 1791 г. послѣдовалъ высочайшій указъ Сенату: «Всемилоствѣйше повелѣваемъ дѣйствительному статскому совѣтнику Гаврилу Державину быть при насъ у принятія прошеній». По этому поводу было много шума. Въ иностранныхъ газетахъ даже писали, будто Екатерина отдала Сенатъ во власть Державину. Это, конечно, былъ вздоръ. Властвовать надъ Сенатомъ она собиралась сама. Что же касается Державина, то выборъ палъ на него довольно случайно. Обратись Зубовъ къ кому-нибудь другому — Екатерина взяла бы другого.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ пѣвецъ Фелицы сталъ ея секретаремъ. Во дворцѣ отвели ему комнату для занятій — рядомъ съ комнатою Храповицкаго.

Въ частной жизни Державинъ былъ прямъ, подчасъ грубоватъ (мужицкой, солдатскою грубостью), но добръ, благодушенъ, особенно съ людьми бѣдными или ниже его стоящими. Но лишь только дѣло касалось службы или того, что считалъ онъ гражданскимъ долгомъ, — благодушіе тотчасъ покидало его. Изрѣдка онъ, пожалуй, и въ службѣ могъ быть снисходителенъ, но не иначе, какъ съ подчиненными: Грибовскаго въ свое время вынулъ онъ изъ петли. Зато чѣмъ выше стоялъ человекъ, тѣмъ възыскательнѣй былъ Державинъ, тѣмъ менѣе соглашался ему прощать. Къ императрицѣ онъ былъ безпошадень. Отъ той, которая нѣкогда, хоть невѣдомо для себя, была его первой наставницею въ наукѣ гражданскихъ доблестей, онъ требовалъ совершенства.

На рукахъ у Екатерины было огромнѣйшее хозяйство, а за плечами — тридцатилѣтній государственный опытъ. Кругъ заботъ у нея былъ не тотъ, что былъ у Державина, съ его сенатскими меморіями да еще нѣкоторыми дѣлами — по большей части не первой важности. Будучи то-

чень, трудолюбивъ, исполнительенъ, онъ каждое дѣло изучалъ насквозь и вмѣсто того, чтобы изложить только суть, каждый разъ хотѣлъ всѣ свои познанія полностью передать государынѣ. Высокій, жилистый, узкилицый, шагомъ солдатскимъ, а не придворнымъ проходилъ онъ по заламъ въ ея причудливые покои. По дѣлу иркутскаго намѣстника Якоби, обвиненнаго Сенатомъ, онъ явился докладывать съ цѣлой шеренгою гайдуковъ и лакеевъ, которые несли превеликія кипы бумагъ. Екатерина съ досадою приказала все это унести, но Державинъ не сдался: онъ заставилъ ее каждый день послѣ обѣда по два часа заниматься дѣломъ Якоби. Въ низкихъ пуховыхъ креслахъ (она любила такія) Екатерина вязала иль занималась плетеніемъ изъ бечевковъ. Онъ сидѣлъ передъ ней на стулѣ и читалъ голосомъ ровнымъ и безстрастнымъ, какъ самъ законъ. Если межъ ними возникало противорѣчіе, онъ дѣлался неговорчивъ. Она теряла терпѣніе и прогоняла его. На другой день, въ положенный часъ, онъ являлся. Однажды, въ зимній метельный день, она заперлась у себя и велѣла лакею Тюльпину передать Державину ея именемъ:

— Удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортань не захватить.

Державинъ понялъ намекъ, но не далъ Фелицѣ уклониться отъ долга: занятія продолжались. При началѣ суртерландова дѣла (о немъ рѣчь еще впереди), императрица нашла у себя на столикѣ связку бумагъ въ салфеткѣ. Вспыхнувъ, она велѣла позвать Храповицкаго и спросила, что за бумаги. Храповицкій сказалъ, что не знаетъ, но принесъ ихъ Державинъ.

— Державинъ! — вскричала она: — Такъ онъ меня еще хочетъ столько же мучить, какъ и якобѣвскимъ дѣломъ!

Гораздо прежде, нежели Державинъ впервые прочелъ Наказъ (это собраніе аксіомъ, способныхъ разрушить стѣны, по насмѣшливому выраженію Никиты Панина) — сама Екатерина успѣла уже отказаться отъ философическихъ и неисполнимыхъ мечтаній юности. Причины были неотразимыя: если бъ она упорствовала, то давно бы лишилась трона — примѣрно такъ, какъ упорный Державинъ дважды лишался своего губернаторства. Наказъ былъ отложенъ въ сторону вмѣстѣ съ прочими сувенирами, и Екатерина очень бывала довольна, когда кое-что изъ этихъ возвышенныхъ замысловъ удавалось осуществ-

вить хотя бы въ урѣзанномъ видѣ: потому такъ любила она свое «Положеніе о губерніяхъ». Отказавшись отъ долгаго, она научилась ограничиваться въ возможномъ,—и была права. Такимъ образомъ, она не сдѣлалась идеальной монархиней: удовольствовалась тѣмъ, что стала великой. Теперь, къ шестидесяти тремъ годамъ, это была въ высшей степени умная женщина, тонко знающая жизнь и въ совершенствѣ постигшая трудное ремесло государей. Прежде всего, она поняла, что нельзя царствовать въ одиночествѣ — ей во всякомъ случаѣ; потомъ, что корысть не послѣдній двигатель даже и лучшихъ государственныхъ людей. Ваятель Шубинъ простодушно изобразилъ ее съ рогомъ изобилія, изъ котораго сыплотся звѣзды и ордена. Такъ и было: она щедро сыпала на людей чины, ордена, почести, деньги, земли. Властію и Россіей дѣлилась она съ вельможами, полководцами, военщиками. Отсюда рождалось соревнованіе и развязывалась предприимчивость. Державинъ думалъ, что государству полезна одна только безупречная добродѣтель. Екатерина же научилась пользоваться и слабостями человѣческими, и самими пороками. Противный вѣтеръ она превращала въ попутный. Корыстолюбцы не забывали себя, но за то и Россія имѣла отъ того свою пользу: кряхтѣла, но созидалась.

Созидающая мощь государства изъ человѣческихъ слабостей, Екатерина должна была быть въ высшей степени снисходительна. Она такой и была, частію по нуждѣ, частію же по склонности. Она не любила бывать обманутой, но противъ обманщиковъ не имѣла злобы въ душѣ. Людей самыхъ обыкновенныхъ, подверженныхъ искушеніямъ, понимала она и умомъ, и сердцемъ — и сама старалась быть имъ понятной: хотѣла имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ.

Такую то монархиню вздумалъ Державинъ оберегать не только отъ плутовъ, казнокрадовъ, взяточниковъ, но и просто отъ людей корыстолюбивыхъ, ибо и тѣнь корысти въ дѣлѣ общественномъ онъ уже считалъ преступленіемъ. Въ крайности онъ былъ готовъ разогнать всѣхъ и остаться самъ-другъ съ Фелицей — идеальнымъ слугою при идеальной монархинѣ. Вотъ это и не годилось; вотъ потому то и прежде, когда не на жизнь, а на смерть боролся онъ съ Вяземскимъ, съ Тутолминимъ, съ Гудовичемъ, Екатерина не давала его задушить, но и не давала

ему явно торжествовать: она хранила для своего хозяйства и правыхъ, и виноватыхъ. Обиднѣй того: не вина виноватыхъ, она не вполне вѣрила и въ правоту правыхъ. Считала, что всѣ сдѣланы примѣрно изъ одного тѣста — въ томъ числѣ и Державинъ. Однажды возникло подозрѣніе, что онъ получилъ взятку. «Товарищи его хотя и не говорили явно, но ужимками своими дали ему то знати. Онъ симъ обидѣлся, просилъ государыню, чтобы приказала изслѣдовать. Она, помолчавъ, съ нѣкоторымъ родомъ неуваженія сказала: — Ну что слѣдовать? Вѣдь это и вездѣ водится. — Державина сіе поразило, и онъ на тотъ разъ снесъ сей холодный, обидный отвѣтъ».

Зато самъ онъ не могъ допустить, чтобы божество въ чемъ либо погрѣшило. Она же не мнила себя божествомъ и къ собственнымъ слабостямъ такъ же была снисходительна, какъ къ чужимъ. Имѣла пристрастія, предубѣжденія. Однажды въ гнѣвѣ спросила, что побуждаетъ его ей перечить. Онъ отвѣтилъ съ твердостью:

— Справедливость и ваша слава, государыня, чтобы не погрѣшили чѣмъ въ правосудіи.

Она же «не всегда держалась священной справедливости». Державинъ не упускалъ случая указать ей на это; можетъ быть, онъ даже мечталъ восхитить ее прямою своей. Но она, на словахъ требуя прямоты, про себя болѣе уважала хитрость. Врядъ ли Державинъ казался ей очень умнымъ.

Такъ называемый придворный банкиръ Сутерландъ былъ посредникомъ русскаго правительства при заключеніи заграничныхъ займовъ и прочихъ сдѣлокъ. На рукахъ у него бывали большія суммы казенныхъ денегъ, изъ которыхъ подчасъ онъ ссужалъ разныхъ лицъ, особенно изъ высокопоставленныхъ. Однажды, осенью 1791 г., понадобилось перевести въ Англію два милліона рублей, но денегъ не оказалось. Куда дѣвались? Сутерландъ признался, что часть истратилъ онъ на свои нужды, но значительно больше роздалъ займы, а назадъ получить не можетъ; гр. Безбородко и кн. Вяземскій свои долги отдали, но другіе не отдають. Кончилось это трагически — Сутерландъ отравился. Императрица приказала разслѣдовать дѣло, и Державину приходилось не разъ по нему докладывать. На докладахъ Екатерина нервничала, онъ тоже. Споры такъ были горячи, что однажды Державинъ накричалъ на нее, выбранилъ и, схвативъ за конецъ ман-

тильи, дернулъ. Государыня позвонила. Вошелъ Поповъ (бывшій потемкинскій секретарь).

— Побудь здѣсь, Василій Степановичъ, — сказала она, — а то этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ.

Вѣрная себѣ, на другой день она первая извинилась, примолвя:

— Ты и самъ горячь, все споришь со мною.

— О чемъ мнѣ, государыня, спорить? я только читаю, что въ дѣлѣ есть, и я не виноватъ, что такія неприятныя дѣла вамъ долженъ докладывать.

— Ну, полно, не сердись, прости меня. Читай, что ты принесъ.

Онъ началъ читать реестръ, къмъ сколько казенныхъ денегъ взято у Сутерланда. Первымъ стоялъ Потемкинъ, забравшій восемьсотъ тысячъ. Екатерина сказала, что у Потемкина много было расходовъ по службѣ, и велѣла отности долгъ на счетъ казначейства. Изъ прочихъ долговъ одни приказала взыскать, другіе простить. Но когда очередь дошла до великаго князя, она вновь пришла въ раздраженіе. Стала жаловаться, что Павелъ мотаетъ и «строить такія безпрестанно строенія, въ которыхъ нужды нѣтъ». Тутъ, разумѣла она, конечно, казармы, въ которыхъ Павелъ держалъ гатчинскія свои войска; подозрѣвая мать въ самыхъ черныхъ замыслахъ, Павелъ все время эти войска увеличивалъ; Екатерина въ отвѣтъ усиливала охрану Царскаго, Павелъ вновь укрѣплялъ Гатчину и т. д.: мать съ сыномъ вооружались другъ противъ друга.

— Не знаю, что съ нимъ дѣлать, — сказала Екатерина, и давъ волю словамъ, стала жаловаться на великаго князя. Она говорила съ жаромъ, но умолкала порою — какъ бы ждала согласія. Державинъ сидѣлъ, опустивъ глаза.

— Что же ты молчишь? — спросила она наконецъ.

Тогда онъ тихо проговорилъ, что наслѣдника съ императрицей судить не можетъ, — и закрылъ бумагу. Худшаго суда, болѣе тяжкаго осужденія онъ не могъ бы придумать. Екатерина вспыхнула, покраснѣлась и закричала въ бѣшенствѣ:

— Поди вонъ!

Это странное секретарство длилось почти два года. Они ссорились и мирились. Если ей нужно было его смягчить и чего-нибудь отъ него добиться, она нарочно при всѣхъ отличала его, зная, что ему это льститъ: «въ пуб-

личныхъ собраніяхъ, въ саду, иногда сажая его подлѣ себя на канapé, шептала на ухо ничего не значащія слова, показывая, будто говорить о какихъ важныхъ дѣлахъ... Часто разсердится и выгонитъ отъ себя Державина, а онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ; зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ всю свою досаду и сдѣлается попрежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ: — Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ вами не говорить; но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня, что хотите. — Она засмѣялась и сказала: — Неужто это правда?»

Онъ научился находить въ ней обаяніе, котораго не зналъ прежде: обаяніе ума, ласки, легкости, мягкости. Научился цѣнить ея доброту и великодушіе. Но все это было человѣческое. Той богини, которую создалъ мечтою и воспѣвалъ двадцать лѣтъ, во имя которой стоило и прославиться, и страдать, онъ въ ней не нашель.

Ходила молва, что поэты льстятъ королямъ. Но въ ту пору поэзія была еще голосомъ славы, и короли тоже льстили поэтамъ. Прочитавъ оду на взятіе Измаила, Екатерина вновь прислала Державину табакерку, осыпанную брилліантами, и сказала ему при встрѣчѣ:

— Я не знала по сіе время, что труба ваша столь же громка, какъ и лира пріятна.

Во время его секретарства она не разъ «такъ сказагъ прашивала его» писать в родѣ Фелицы. «Хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово, но не могъ онаго сдержать по причинѣ разныхъ придворныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали: не могъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддержать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческой съ великими слабостями. Сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ; все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цѣховыхъ стихотворцевъ, у коихъ

только слышны слова, а не мысли и чувства». Должно быть, въ одно изъ такихъ сидѣній написалъ онъ язвительное четверостишіе:

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищитъ бѣдняжка, вмѣсто свисту, —
А ей твердятъ: Пой, птичка, пой!

Итакъ, онъ молчалъ, а Екатерина досадовала: онъ окаялся столь же непокладистымъ поэтомъ, какъ и секретаремъ. Все кончилось такъ, какъ и должно было кончиться. 15 юля 1793 года вечеръ въ Царскомъ Селѣ былъ тихій, погожій, меланхолическій. Большимъ обществомъ вышли въ садъ, но бесѣда не ладилась. Государыня была «нѣчто скучна». Наконецъ, завели горѣлки — Екатерина любила смотрѣть на эту игру. Запѣли «Гори, гори ясно». Державину съ его парюю довелось ловить великаго князя Александра Павловича. Тотъ, проворный и легкій, убѣжалъ далеко по скользкой росистой лужайкѣ, покатою къ пруду. Державинъ, гонясь за нимъ, упалъ, ударился о землю и едва не лишился чувствъ. Его подняли, въ рукѣ оказался вывихъ. Шесть недѣль оставался онъ дома. За это время Екатерину сумѣли возстановить противъ него. «Будущи всѣмъ ревностію и правдою своею непріятенъ или, лучше сказать, опасенъ, наскучилъ императрицѣ и остудилъ въ ея мысляхъ».

2 сентября, при празднованіи Яскаго мира, онъ былъ отставленъ отъ секретарства и назначенъ сенаторомъ. При униженіи, до котораго былъ доведенъ сенатъ, это было знакомъ немилости, особенно для Державина, который и самъ тому униженію содѣйствовалъ. Въ такихъ обстоятельствахъ орденъ Владиміра 2-й степени и чинъ тайнаго совѣтника были утѣшеніемъ слабымъ. Уязвленный Державинъ просилъ Зубова передать государынѣ его благодарность. Зубовъ весьма удивился:

— Неужто доволенъ?

— Какъ же, — отвѣтилъ Державинъ, — не быть довольну сей монаршей милостію бѣдному дворянину, безъ всякаго покровительства служившему съ самаго солдата, что онъ посаженъ на стулъ сенаторскій Россійской Имперіи? Что еще мнѣ болѣе? Ежели жъ мои сочлены почитаются можетъ быть кѣмъ ничтожными, то я себѣ уваженіе всемѣрно сыщу.

Въ Сенатѣ онъ принялся обучать сочленовъ труду, безпристрастію, независимости, знанію законовъ. Засѣданія стали сплошными бурями. Въ ту пору Читалагайскую оду «На знатность» онъ передѣлалъ въ «Вельможу». Сенаторы справедливо приняли на свой счетъ строки самыя оскорбительныя:

Калигула! твой конь въ сенатѣ
 Не могъ сіять, сія въ златѣ:
 Сіяютъ добрыя дѣла.
 Осель останется осломъ,
 Хотя осынь его звѣздами;
 Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
 Онъ только хлопаетъ ушами.
 О! тщетно Счастія рука,
 Противъ естественнаго чина,
 Безумца рядить въ господина
 Или въ шумиху дурака.

***

Въ ту пору, когда близостию къ престолу стяжались огромныя состоянія, Державинъ не приобрѣлъ ничего. Семнадцать тысячъ штрафу, наложеннаго по тамбовскимъ дѣламъ, насилу съ него скостили послѣ безчисленныхъ просьбъ. Однако жъ, онъ изворачивался, какъ изворачивалась покойная мать: земли свои закладывалъ, перезакладывалъ, то частію продавалъ ихъ, то прикупалъ новыя; торговалъ хлѣбомъ, заводилъ фабрики. Лѣтомъ 1791 года онъ купилъ домъ на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста. На отдѣлку и перестройку ушло нѣсколько мѣсяцевъ. Екатерина Яковлевна, хоть прихварывала, была въ большихъ хлопотахъ. Домъ обставили не роскошно, однако со вкусомъ; въ картинахъ, въ мебели и тому подобномъ Державины знали толкъ. По послѣднему слову моды стѣны были покрыты соломенными обоями: по соломенной плетенкѣ шелками и шерстью вышивались узоры изъ цвѣтовъ, фруктовъ, листьевъ, а для большихъ простѣнковъ цѣлыя виды и сцены. Вышивала сама Плѣнира, жена Львова ей помогала. Особенность дома составила диванная комната или просто диванъ, какъ ее называли; она вся была затянута серпянкой; съ потолка, на манеръ палатки, спускались широкіе пологи; въ склад-

кахъ матеріи размѣщены были зеркала; тутъ же стояли бюсты хозяина и хозяйки — работа «хитраго каменосѣца Рашета». Въ диванѣ принимали гостей, водили бесѣды, а иногда и спали:

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
 Диванѣ мягкомъ, отдохни;
 Въ семъ тонкомъ пологу перловомъ,
 И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
 Вздремли послѣ стола немножко:
 Пріятно часикъ похрапѣть.

Державинскіе обѣды были обильны и превосходны. Между прочимъ, на одинъ изъ нихъ, по просьбѣ Дмитріева, званъ былъ Фонвизинъ, котораго Дмитріевъ никогда не видѣлъ. То было 30 ноября 1792 года. Фонвизинъ пріѣхалъ, или, лучше сказать, его привезли. Онъ владѣлъ лишь одною рукой; одна нога также одеревянѣла. Два молодыхъ офицера ввели его подъ руки, усадили. Онъ говорилъ дикимъ, охриплымъ голосомъ, языкъ плохо повиновался ему. Однако жъ онъ тотчасъ завладѣлъ бесѣдой и пять часовъ кряду говорилъ почти что одинъ — о самомъ себѣ, о своихъ комедіяхъ, о своихъ путешествіяхъ, о своей славѣ. Въ одиннадцать часовъ его увезли. На утро онъ умеръ.

Въ общемъ бывали у Державиныхъ тѣ же все лица — Дмитріевъ чаще другихъ, Капнисты, Львовы, Оленинъ. Подчасъ изъ деревни пріѣзжала свояченица Капниста и Львова — Даша, которую видѣли мы когда-то подросткомъ. Теперь ей минуло двадцать семь лѣтъ — она все еще была въ дѣвушкахъ, несмотря на свою красоту (всѣ сестры Дьяковы были хороши собой). Высокая и прямая, въ обращеніи жесткая, замкнутая, она поступала во всемъ расчетливо и умно, играла на арфѣ правильно и бездушно. При изрядныхъ нравственныхъ качествахъ, она была лишена обаянія. Ей грозила судьба старой дѣвы, она тайно была влюблена въ Державина. Плѣнница вздумала сватать ее за Дмитріева. Даша сказала:

— Нѣтъ, найдите мнѣ такого жениха, какъ вашъ Гавріиль Романовичъ, то я пойду за него и надѣюсь, что буду съ нимъ счастлива.

Посмѣялись и начали другой разговоръ. Впрочемъ, миру, который царилъ въ семействѣ Державиныхъ, не труд-

но было и позавидовать. За шестнадцать лѣтъ произошла между ними, кажется, лишь одна размолвка.

Къ несчастію, здоровье Екатерины Яковлевны было плохо. Еще въ Тамбовѣ, стоящемъ среди болотъ, схватила она лихорадку и въ самую тяжкую пору тамошнихъ непріятностей, послѣ ссоры съ Чичериною, слегла. Когда переѣхали въ Петербургъ, болѣзнь то усиливалась, то ослабѣвала, но никогда не исчезала совсѣмъ. Уже въ 1792 году Державинъ порой падалъ духомъ:

Неизбѣжнымъ уже рокомъ
Разстаешься ты со мной.
Во стенаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой.

Обливаюсь слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами —
Сердцемъ говорю: прости!

Руки, грудь, уста и очи
Я цѣлую у тебя.
Не имѣю больше мочи
Раздѣлить съ тобой себя.

Лобызаю, обмираю,
Тебѣ душу отдаю,
Иль изъ устъ твоихъ желаю
Выпить душу я твою.

Однако жъ, она поправилась. Въ апрѣлѣ 1794 года случился опять сильный приступъ болѣзни, Екатерина Яковлевна совсѣмъ была при смерти, но затѣмъ стало ей лучше, и Державинъ возблагодарилъ Провидѣніе:

Ты возвратило мнѣ Плѣниру.

На сей разъ надежда обольстила его напрасно: Екатерина Яковлевна слегла снова, и дѣло пошло къ развязкѣ. Она умирала въ кротости и смиреніи, какъ прожила всю прекрасную свою жизнь. Дня за два до кончины она упрашивала Державина съѣздить въ Царское -- похлопотать за одного ихъ знакомаго:

— Богъ милостивъ, — сказала она: — можетъ, я проживу столько, что дождусь съ тобою проститься.

15 юля 1794 года, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, Плѣнира отдала Богу душу. Державинъ ее проводилъ на кладбище Александро-Невской лавры и написалъ Дмитріеву въ Москву: «Ну, мой другъ Иванъ Ивановичъ, радость твоя о выздоровленіи Екатерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ея 15-го числа сего мѣсяца. Погруженъ въ совершенную горестъ и отчаяніе. Не знаю, что съ собою дѣлать. Не стало любезной моей Плѣниры! Оплачьте, музы, мою милую, прекрасную, добродѣтельную Плѣниру, которая только для меня была на свѣтѣ, которая все мнѣ въ немъ составляла. Теперъ для меня сей свѣтъ совершенная пустыня»...

И вотъ — ровно черезъ полгода женился онъ на другой. Казалось бы, это должно удивить неприятно: неужели другою могъ такъ легко замѣнить ту, которую такъ боялся утратить, что обмиралъ при единой мысли объ этомъ? ту, безъ которой еще такъ недавно сей свѣтъ былъ ему совершенной пустыней? Наконецъ, зачѣмъ же такъ скоро? Уже самая эта поспѣшность могла показаться предосудительна въ чловѣкѣ вовсе не молодомъ — Державину шель пятьдесятъ второй годъ. Однако, никто не осудилъ его — ни даже щепетильный Дмитріевъ, ни чувствительный Карамзинъ.

Бурный и вспыльчивый по природѣ, Державинъ пережилъ смерть Екатерины Яковлевны тоже бурно и вспыльчиво. Его охватило неистовое отчаяніе, въ которомъ минуты тихаго, сосредоточеннаго горя были сравнительно свѣтлыми промежутками. Тогда ему чудилось: тѣнь Плѣниры витаетъ возлѣ. Онъ пытался писать къ ней стихи — они не давались, не складывались: мысль подавлена была чувствомъ. Но такія состоянія бывали не долги. Въ одиночествѣ онъ сумѣлъ бы спокойнѣе и возвышеннѣе пережить свое горе и тѣмъ обрѣсти покой. Онъ и самъ подумывалъ объ отставкѣ и отъѣздѣ въ деревню, но это было неисполнимо.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того Державинъ былъ назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. Должность была временная, такъ какъ коллегію предполагалось вскорѣ уничтожить. Но Державинъ принялся за дѣло рьяно и вскорѣ обнаружилъ злоупотребленія. Екатерина такихъ открытій не любила и велѣла передать Державину, чтобъ

онъ отнынѣ лишь числился въ должности, «ни во что не мѣшаясь». Оскорбленный Державинъ написалъ Зубову замѣчательное письмо, въ которомъ коснулся вообще своего положенія въ службѣ и не скрылъ разочарованія въ Екатеринѣ: «Не зальютъ мнѣ глотки виномъ, — писалъ онъ, — не закормятъ фруктами, не задарятъ драгоценностями и никакими алтынами не купятъ моей вѣрности къ моей монархинѣ... Что дѣлать? Ежели я выдался уродъ такой, дуракъ, который, ни на что не смотря, жертвовалъ жизнію, временемъ, здоровьемъ, имуществомъ службѣ и личной приверженности обожаемой мною государынѣ, животворился ея славою и полагалъ всю мою на нее надежду, а теперь такъ со мною поступаютъ, то пусть меня уволютъ въ уединеніи оплакивать мою глупость и ту суетную мечту, что будто какого-либо государя слово твердо, ежели Екатерина Великая, обнадеживъ меня, чтобъ я ничего не боялся, и не токмо не доказавъ меня въ винѣ моей, но и не объясня ея, благоволила снять съ меня покровительствующую свою руку? Имѣя столько враговъ за ея пользы, куда я гожуся, какую я отправлять въ состояніи должность?». Не получивъ отвѣта, онъ написалъ письмо самой императрицѣ — такое, что передать его не рѣшались ни Зубовъ, ни Безбородко. Тогда Державинъ передалъ его черезъ камеръ-лакея. Прочтя, государыня «вышла изъ себя, и ей было сдѣлалось очень дурно. Поскакали въ Петербургъ за каплями, за лучшими докторами, хотя и были тутъ дежурные». Державинъ въ испугѣ не сталъ ждать резолюціи, а «уѣхалъ потихоньку въ Петербургъ» — ждать рѣшенія своей участи. Екатерина уничтожила коммерцъ-коллегію, но отставки Державину не дала. Нечего было думать о ней и теперь. Приходилось съ болью въ душѣ кипѣть въ самой гущѣ сенатскихъ и придворныхъ дѣлъ. Со всѣми боярами былъ онъ въ ссорѣ, дѣятельной, полной интригъ, препирательствъ и раздраженій. Для элегіи въ душѣ не было мѣста. Въ свободные часы предавался онъ злобной тоскѣ — а размыкать ее было не съ кѣмъ: Капнистъ въ деревнѣ, Львовъ въ разѣздахъ, Дмитріевъ по большей части въ Москвѣ. Убѣгая изъ дому, Державинъ «шатался по площади», не находилъ себѣ мѣста и дѣйствительно не зналъ, что съ собою дѣлать. Тогда онъ вздумалъ жениться — «чтобъ отъ скуки не уклониться въ какой развратъ». (Развратомъ онъ звалъ всякія отклоненія отъ правилъ добраго общежи-

тельствъ; «шатанія по площади» сюда включались). Это рѣшеніе принялъ онъ не потому, что забылъ Плѣниру, но именно потому, что не могъ забыть.

Мысль его очень скоро остановилась на Дашѣ Дьяковой, что довольно понятно. Незадолго до Рождества она пріѣхала въ Петербургъ съ сестрою, графиней Стейнбокъ. Державинъ «по обыкновенію, какъ знакомымъ дамамъ, сдѣлалъ посѣщеніе» и принять былъ весьма ласково. На другой день онъ послалъ имъ записочку, «въ которой просилъ ихъ къ себѣ откушать и дать приказаніе повару, какія блюда онѣ прикажутъ для себя изготовить. Симъ онъ думалъ дать разумѣть, что дѣлаетъ хозяйкою одну изъ званыхъ имъ прекрасныхъ гѣстей, разумѣется, двѣицу, къ которой записка была надписана. Она съ улыбкою отвѣтствовала, что обѣдать онѣ съ сестрою будутъ, а какое кушанье приказать приготовить, въ его состоитъ волѣ». Обѣдъ прошелъ очень пріятно. Черезъ день Державинъ, «зайдя посѣтить ихъ и нашедъ случай съ одной невѣстой говорить, открылся ей въ своемъ намѣреніи». Благоразумная Даша отвѣтила, что принимаетъ оное себѣ за честь, но подумаетъ, «можно ли рѣшиться въ разсужденіи прожитка». Она оказалась даже не прочь разсмотрѣть его приходныя и расходныя книги, дабы узнать, «можетъ ли она содержать домъ сообразно съ чиномъ и лѣтами». Книги она продержала у себя двѣ недѣли, послѣ чего дала волю нѣжному чувству и объявила свое согласіе. Державинъ сталъ любезнымъ и исполнительнымъ женихомъ. Къ невѣстѣ, которую звалъ то Дашенькой, то Миленой, ѣздилъ онъ каждодневно, а если не могъ — присылалъ записочки:

«Извини меня, мой милый другъ, что тебя сегодня не увижу. Къ обѣду не могъ быть для того, что нужда была быть у Васильева, а вечеру кое-кто заѣхали, а между тѣмъ признаюсь, что готова баня, то уже не попаду къ вамъ. Между тѣмъ цѣлую тебя въ мысляхъ» и проч.

Или — другая: «Посылаю вамъ, матушка Дарья Алексѣевна, ту матерію, о которой вамъ я вчерась говорилъ. Я не знаю, увижу ли васъ сегодня».

Или еще — въ самый день Рождества: «Поздравляю тебя, милый мой другъ Дашенька, съ праздникомъ, прошу поздравить отъ меня матушку и всѣхъ своихъ. Извини, что у васъ вечеру не былъ вчерась, не очень что-то былъ здоровъ, но сегодня, слава Богу, хоть куды. Поѣду во дво-

рецъ. Думаю объѣхать дома; а на вечеръ буду къ Николаю Александровичу, гдѣ и тебя моя увижу милая, или надобно къ тебѣ пріѣхать? увѣдомь меня; затѣмъ такъ рано къ тебѣ и посылаю. Между тѣмъ цѣлую тебя безсчетно».

Онъ старался не подать виду, но на душѣ у него было не легко: память Плѣниры тревожила его совѣсть. Ища себѣ оправданія, онъ написалъ замѣчательные стихи — «Призываніе и явленіе Плѣниры». Глубокая личная правда здѣсь выражена сквозь нарядную куплетную форму, подсказанную поэтикой XVIII вѣка:

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
 Въ блистаніи луны,
 Въ дыханіи зефира,
 Во мракѣ тишины!
 Приди въ подобьи тѣни,
 Въ мечтѣ иль легкою снѣ
 И, сѣдши на колѣни,
 Прижмися къ сердцу мнѣ;
 Движенія исчисли,
 Вздыханія измѣрь
 И всѣ мои ты мысли
 Проникни и повѣрь:
 Хоть острый серпъ судьбины
 Моихъ не косить дней,
 Но нѣтъ ужъ половины
 Во мнѣ души моей.

Я вижу: ты въ туманѣ
 Течешь ко мнѣ рѣкой,
 Плѣнира на диванѣ
 Простерлась надо мной, —
 И легкимъ осязаньемъ
 Устъ сладостныхъ твоихъ,
 Какъ вѣтерокъ дыханьемъ,
 Въ объятіяхъ своихъ
 Меня ты утѣшаешь
 И шепчешь нѣжно въ слухъ:
 «Почто такъ сокрушаешь
 Себя, мой милый другъ?
 Нельзя смягчить судьбину,
 Ты сколько слезъ ни лей;
 Милой половиною
 Займи души твоей».

31 января 1795 года Державинъ ввелъ новую хозяйку въ домъ свой. Но воспоминаніе о Плѣнирѣ не оставляло его. Часто за пріятельскими обѣдами, которые онъ такъ любилъ, средь шумной бесѣды иль спора, внезапно Державинъ задумается и станетъ чертить вилкою по тарелкѣ драгоцѣнныя буквы — К. Д. Дарья Алексѣевна, замѣтивъ это, строгимъ голосомъ выведетъ его изъ мечтанія:

— Ганюшка, Ганюшка, что это ты дѣлаешь?

— Такъ, ничего, матушка! — обыкновенно съ торопливостію отвѣчаетъ онъ, потирая глаза и лобъ, какъ будто спросонья.

Владиславъ Ходасевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ прошлаго

Освободительное движеніе.

V.

Въ «освободительномъ движеніи» вопросы тактики конечно преобладали. Пока власть не собиралась сдаваться, споры о будущей программѣ, хотя и были похожи на преждевременный дѣлежъ шкуры медвѣдя, но все-таки были очень обычны; они свойственны всякому бездѣлю. Но когда всѣхъ захватила реальная борьба, стало не до программы; наиболѣе благоразумные элементы страны готовы были проявлять наибольшую уступчивость, чтобы только поддерживать единодушіе въ освободительномъ лагерѣ. Практики тогда думали лишь объ одномъ: какими способами заставить Самодержавіе уступить. Вѣдь во время войны и военные думаютъ не объ условіяхъ будущаго мира, а о томъ, какъ сломить живую силу противника.

Мы не поймемъ «освободительнаго движенія» и его тактики, не представивъ себѣ политической атмосферы, въ которой находилась страна; нужны теперь усилія памяти, чтобы смотрѣть на прошлое не черезъ очки эпохи 905-917 годовъ. Позднѣйшимъ поколѣніямъ трудно повѣрить, какъ много значила въ тогдашней Россіи самая постановка вопроса о конституціи; она была равносильна тому, какъ если во время войны поставить вопросъ о заключеніи мира. Миръ — слово, которое во время войны запрещаютъ; тогда позволено говорить только о полной побѣдѣ. Если вопросъ о мирѣ поставленъ и о немъ разрѣшено говорить — значитъ совершился переломъ строенія, послѣ котораго продолжать войну становится труднымъ.

Въ эпоху движенія многіе вышучивали планы «требо-

---

*) «Соврем. Записки» № 41.

вать конституціи»; конституцію вѣдь берутъ, а не требуютъ. Это — фраза, но справедливая; конституціи конечно не требуютъ. И тѣмъ не менѣе требованія конституціи со стороны различныхъ общественныхъ группъ были событіемъ громадной политической важности. Съ того момента, когда власть не могла уже отвѣтить на нихъ окрикомъ и репрессіей, переломъ совершился. 15-го января 95 г. и 18 февраля 905 г. двѣ историческія даты, которыя показываютъ двѣ различныхъ позиціи относительно конституціи; «безсмысленныя мечтанія» превратились въ «давнишнюю мысль самодержавныхъ царей». Добиться одной постановки вопроса о конституціи было уже немалымъ успѣхомъ. Вывести этотъ вопросъ изъ частныхъ пересудовъ, изъ нелегальной прессы, изъ политическихъ процессовъ при закрытыхъ дверяхъ на публичное обсужденіе, значило перейти Рубиконъ. Именно потому, что слово конституція было подъ такимъ строгимъ запретомъ, возможность говорить о ней уже была полу-побѣдой. Чѣмъ болѣе Самодержавіе выставляло себя неприкосновеннымъ учрежденіемъ, тѣмъ болѣе непривычная критика его подрывала. Психологически оно погибло съ того момента, какъ позволило въ себѣ усомниться. Естественно, что въ этихъ условіяхъ очертанія будущей конституціи отходили на задній планъ; было важно поставить самый вопросъ.

Только помня это, можно понять новую либеральную тактику. Дѣятельность прежняго либерализма, до «освободительнаго движенія», была направлена не противъ Самодержавія; наши либералы служили тѣмъ принципамъ общежитія, на которыхъ были построены реформы шестидесятыхъ годовъ, т. е. праву, равенству, самоуправленію, — но съ Самодержавіемъ не боролись. Правда, промелькнула пора, когда у либерализма появились большія надежды и онъ сталъ мечтать объ «увѣнчаніи зданія». Но новое царствованіе эти надежды разрушило. Вести съ Самодержавіемъ открытую войну стало не по силамъ либерализму; какъ бываетъ всегда въ такіе моменты исторіи, культъ «малыхъ дѣлъ» и достиженій замѣнилъ эпоху прежнихъ надеждъ и дерзаній. Либерализмъ старался только сберечь реформы шестидесятыхъ годовъ, подобно тому, какъ 2-ой Государственной Думѣ послѣ неудачи самоуправленной Первой, общественнымъ мнѣніемъ было заповѣдано «Думу беречь». Къ этому свелась задача русска-

го либерализма. Либералы себя утѣшали, что и этой культурной, органической работой, въ рамкахъ законовъ, они хранятъ священный огонь и готовятъ лучшее будущее. Это было немало и не такъ легко; не безъ основанія старикъ М. П. Щепкинъ шутилъ, что въ Россіи одна ссылка на законъ уже есть признакъ неблагонадежности. Условія даже этой мирной и лояльной работы были тяжелы и унижительны; она наталкивалась на противодѣйствіе власти, на чавканье щедринскихъ «торжествующихъ свиней», на безпомощное созерцаніе гибели людей и начинаній. Это воспитывало въ обществѣ осторожность и мнительность, какъ основу практической дѣятельности. Эти чувства мстили за себя тѣмъ, что поддерживали въ смирившихся людяхъ ненависть къ побѣдителю - власти. Затаенная злоба оставалась послѣднимъ средствомъ борьбы; она своего часа ждала.

Не всѣ подчинялись; люди, въ которыхъ, говоря теперешнимъ языкомъ, было болѣе «активизма», «жертвенности» и «дѣйственности», шли на проломъ, пополняли ряды революціонеровъ; они покрывали свой путь гекатомбами, безъ практическихъ результатовъ. Либеральные дѣятели не могли не смотрѣть на нихъ съ сочувствіемъ и уваженіемъ, цѣня ихъ дерзаніе. Отсюда ореолъ, которымъ революціонеры были покрыты въ глазахъ либераловъ, начиная съ Некрасова, который презиралъ себя за то, что не умѣлъ погнать вмѣстѣ съ ними, и кончая нашей эпохой, когда общество съ восторгомъ «пѣло пѣсни безумству храбрыхъ». Надо было испытать нездоровый воздухъ, которымъ дышали русскіе либеральные дѣятели, чтобы понять, какъ естественно изъ него выросла «новая тактика».

Конечно никто ея сознательно не изобрѣталъ; «освободительное движеніе» только ее формулировало. По мѣрѣ того, какъ стало проходить разочарованіе восьмидесятыхъ годовъ, вызванное разгромомъ наступившимъ послѣ 1-го марта — въ странѣ стали шевелиться наиболѣе «дѣйственные» и «жертвенные» ея элементы. Начались революціонныя, по крайней мѣрѣ противозаконныя выступленія.

«Освободительное движеніе» было порождено именно ими. Ихъ формы умножились и усложнились. Наряду съ классическимъ «терроромъ» появились массовыя аграрныя выступленія, рабочія забастовки и новые при-

емы студенческихъ волненій. Руководящая статья въ № 1 «Освобожденія» именно въ этихъ «революціонныхъ» явленіяхъ усматривала идущее быстро впередъ «разложеніе нашей государственной формы». Эта мысль была лейтъ-мотивомъ «Освобожденія», много разъ повторялась. Это поставило передъ либерализмомъ дилемму: или подобныя противозаконныя явленія — зло, которое мѣшаетъ эволюціи, и тогда нельзя препятствовать власти съ ними бороться репрессіей; или они естественны и полезны, и тогда надо идти рука объ руку съ ними. Освободительное движеніе этотъ выводъ и сдѣлало. Психологическая почва для этого была давно подготовлена; но открытаго сочувствія Революціи либерализмъ себѣ до тѣхъ поръ не позволялъ. Публично онъ отъ него отрекался, и реакціонная пресса справедливо обвиняла его въ лицемеріи. Освободительное движеніе это двоедушіе бросило и стало явно на сторону Революціи. Какъ ни смотрѣть на подобную тактику исторически и психологически она была неизбежна. Можно было не бороться съ Самодержавіемъ, стараться его исправлять и тогда считать революціонное движеніе общимъ врагомъ и исправляющагося Самодержавія и либерализма. Но если исторія сдѣлала Самодержавіе «безнадежнымъ» и выдвинула «войну» съ нимъ, какъ основную задачу момента, образование противъ него общаго фронта становилось необходимою. Серьезныя войны ведутся всегда однимъ фронтомъ; на разныя стороны происходятъ только потѣшные бои, на кулачкахъ. И русскій либерализмъ въ эпоху «освободительнаго движенія» пошелъ по этой дорогѣ.

Взаимодѣйствіе новаго либерализма и Революціи завершилось организованнымъ соглашеніемъ октября 904 года *), состоявшимся на той конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій, пикантною которой было то, что наши политическіе дѣятели «очень конспиративно» засѣдали тамъ рядомъ съ Азефомъ. Это соглашеніе зарегистрировало уже установившіяся фактически отношенія. Еще въ № 7 «Освобожденія» была помѣщена руководящая статья П. Б. Струве — «Либерализмъ и такъ называемыя революціонныя направленія». «Освобожденіе» заняло позицію, которую упрекнуть въ дву-

---

*) Опубликовано въ листкѣ № 17 Освобожденія отъ 19 іюля 1904 г.

смысленности было нельзя. Свое заявленіе о полной солидарности съ Революціей Струве дѣлалъ со свойственной ему силой и ясностью. «Если въ Россіи оппозиція считалась крамолой, говорить онъ..., то это значитъ, что въ Россіи нѣтъ крамолы, а есть только оппозиція... Никакого хаоса и никакой анархіи революціонное движеніе не можетъ создать... Либерализмъ долженъ признавать свою солидарность съ такъ называемымъ революціоннымъ направлениемъ»... Этой основной позиціи «Освобожденіе» осталось вѣрно до конца. Когда позднѣе въ отвѣтственныхъ заявленіяхъ, которыя стали дѣлать либеральные дѣятели, попадалась нотка осужденія Революціи, «Освобожденіе» немедленно протестовало. Такъ было съ первой ласточкой «весны», статьей князя Е. Трубецкого въ «Правѣ» и съ знаменитой рѣчью князя С. Н. Трубецкого на Петергофскомъ приѣмѣ. «Освобожденіе» не упустило этихъ случаевъ, чтобы рѣшительно осудить Трубецкихъ за ихъ непочтительное отношеніе къ революціи.

Это было логично. Съ тѣхъ поръ какъ либерализмъ объявилъ войну Самодержавію, онъ долженъ былъ сочувствовать проявленіямъ революціонной борьбы. Вѣдь государственная власть отъ нея слабѣла и разлагалась. Этого и желали: разъ отъ самодержавной власти ничего хорошаго не ожидали, надо было эту власть не «оздаравливать», а «добивать». Либеральная тактика была призвана къ тому же самому дѣлу — разложенію государственной власти; въ этомъ заключалось «новое слово» движенія. При этомъ не приходилось жалѣть о гибели культурныхъ завоеваній или заботиться о ихъ сохраненіи. Ими должно было жертвовать, если отъ этого получался политическій эффектъ. «Боевая тактика» все заслоняла; либеральные дѣятели приглашались: «всю силу, всю энергію потратить на созданіе такой атмосферы общаго недовольства и протеста, когда нужная реформа станутъ исторически необходимы» («Освобожденіе», № 22. «Къ очереднымъ вопросамъ»). Въ № 21 (2-ой годъ изданія) въ статьѣ «Какъ бороться съ самодержавіемъ?»—авторъ даетъ такое опредѣленіе тактикѣ: «конституціоналисты не должны упускать ни одного случая, открывающаго возможность обострить или создать конфликтъ между органами общественной самодѣятельности и самодержавнымъ режимомъ».

Я беру изъ самаго «Освобожденія» формулировку тс-

го, чѣмъ должна была быть во время «войны» тактика либерализма. Изъ этихъ цитатъ видно, какъ далеко отошла эта тактика отъ работы прежнихъ дѣятелей, которые во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни нервами ряда утомленныхъ и измученныхъ поколѣній создавали культурныя цѣнности. Пришло время и эти цѣнности стали ставить на карту. Какъ во время войны безъ счета расходуютъ военный матеріалъ, накопленный за мирный періодъ, такъ у насъ стали подводить подъ ударъ свои достижения, если это приводило къ обостренію недовольства. Къ удивленію земцевъ прежняго типа имъ стали указывать, что главная цѣль земской дѣятельности не создавать, а «протестовать». А на предполагаемый съ ихъ стороны вопросъ о формѣ протеста, имъ отвѣчали: «Исторія представительныхъ учреждений Европы выработала двѣ такихъ неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ формы: обструкція и забастовка» *).

Въ этомъ обнаруживается различіе тактикъ. И прежде либеральные дѣятели видѣли въ правительствѣ «врага» своихъ начинаній, но старались его перехитрить; скрывать свои «затаенныя цѣли», накапливать «достиженія» въ рамкахъ законности. Теперь началась «война», и эти предосторожности стали ненужны. Гибель того, что было создано раньше, считалась столь же естественной и нестрашной, какъ на войнѣ военныя разрушенія; безъ этого войны не бываетъ; важно было, чтобы атмосфера негодования все же росла, чтобы война захватывала новыя области, и чтобы власти становилось все труднѣе управлять государствомъ.

Эти директивы соотвѣтствовали психологіи общества, въ которомъ проснулась давно сдерживаемая злоба и полное разочарованіе во власти. Освобожденская «тактика» стала быстро проникать во всѣ «сферы» русской общественной жизни; вездѣ стали сознательно обострять недовольство, плодить конфликты и потомъ доказывать этимъ невозможность сотрудничества съ властью. Власть съ своей стороны предупредительно этой тактикѣ помогала. Если люди различныхъ профессій припомнятъ перемѣну, которая въ эти годы совершилась въ обстановкѣ ихъ профессиональной работы, они установили бы *mutatis mutan-*

---

*) № 13 «Освобожденія». «Что намъ дѣлать?» — Открытое письмо къ земскимъ дѣтелямъ.

dis одну и ту-же картину. Я могъ ее наблюдать даже въ сферѣ своей профессіи — адвокатуры.

Адвокатура для такого сравненія профессія неблагодарная; у адвоката много маленькихъ дѣлъ и мало дѣла, которое остается. Самая блистательная его дѣятельность только серія внѣшнихъ успѣховъ, которая исчезаетъ какъ эффектъ сожженного фейерверка. Это свойство самой профессіи. Въ ней мало того, что можно называть созидательной дѣятельностью. Ее трудно сравнивать съ дѣятельностью земца, ученаго, даже доктора. Только изрѣдка адвокаты служатъ не кліенту, а обществу, не ведутъ дѣла, а дѣлаютъ дѣло. Но на этой сферѣ ихъ дѣятельности вліяніе освободительнаго движенія все же сказалось.

Я поступилъ въ московскую адвокатуру, когда царила реакція «общества». Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ были «реакціонными»; либеральные кандидаты ежегодно проваливались. Я затруднился бы указать, въ чемъ заключалась «реакціонность» адвокатскаго большинства, если не считать «антисемитизма», «единственнаго психологическаго ресурса реакціи», по старому выраженію Струве, да предпочтенія системы личнаго патроната патронату общественному. Этого предпочтенія можно было не раздѣлять, но въ немъ ничего «реакціоннаго» не было. Но съ полнымъ правомъ адвокатуру можно было назвать «аполитичной». Большинство въ адвокатурѣ составляли люди смирившіеся, понявшіе, что плетью обуха не перешибешь, что сохранить корпоративность адвокатуры, остатки ея независимости возможно лишь осторожностью. Въ этомъ всѣ были единомышленны, реакціонеры и либералы, всѣ наши «отцы». Даже Д. Н. Доброхотовъ, дѣтище радикальной журналистики шестидесятыхъ годовъ, считавшій Н. Г. Чернышевскаго непревзойденнымъ гениемъ, а Робеспьера — первымъ государственнымъ человекомъ, одна изъ самыхъ обаятельныхъ и красочныхъ фигуръ этого времени, и тотъ сознавалъ, что общество и адвокатура переживаютъ упадокъ, что власть сильна и беспощадна и что дразнить ее, не имѣя силъ для сопротивленія, неразумно. Для адвокатовъ стало важно и обязательно сохранить то, что у насъ еще было; и адвокатура ушла отъ «политики», замкнувшись въ рамки профессиональнаго дѣла.

Но во второй половинѣ 90-хъ годовъ стали замѣчать-

ся новыя вѣянія. Появилась радикальная молодежь, если слово радикальная употреблять не въ техническомъ смыслѣ; молодежь не переживала того, что пережили ея «отцы», и готова была переходить въ наступленіе. Началось оживленіе адвокатуры. Организовался такъ называемый «бродячій клубъ», который собирался по вторникамъ, то у того, то у другого товарища. Онъ разрослся и ширился. Долго онъ вдохновлялъ всѣ профессиональныя начинанія, отзывался на всѣ явленія въ жизни сословія. Но въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, даже и эта адвокатская радикальная молодежь не шла за предѣлы профессиональныхъ вопросовъ. Ею руководило стремленіе оздоровить профессию, изъ способа зарабатывать деньги превратить ее въ общественное служеніе. Она создавала служащія этой цѣли организаціи. Но все это мыслилось и происходило въ рамкахъ существовавшего строя.

Мнѣ трудно удержаться отъ соблазна вспомнить по-подробнѣй доброе старое время и тѣхъ товарищей, съ которыми мы вмѣстѣ выходили тогда на арену общественной. Но большинство ихъ осталось въ Россіи, и я ихъ не хочу подводить. Вспоминая объ этомъ дореформенномъ времени, я не могъ бы признать нашу работу безрезультатной. Только мы не руководились высокофрмной формулой: все или ничего; мы знали, что при такой постановкѣ вопроса было бы всегда ничего. Мы не ограничивались сожалѣніемъ о нашемъ безсиліи, а старались «создавать» въ тѣхъ условіяхъ, которыя въ нашемъ распоряженіи были. Все, что мы создавали и чѣмъ мы въ свое время гордились, въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ могло вызвать улыбку; намъ бы сказали: *vous n'êtes pas difficiles*. Но это было все-таки «дѣло», а дѣло воспитываетъ. Рискуя подвергнуться осмѣянію со стороны большихъ кораблей, которымъ свойственно только великое плаваніе, я рѣшусь публично припомнить кое-какія тогдашнія «достиженія», только затѣмъ, чтобы было понятно, о чемъ я говорю. И вѣдь то, что происходило въ Москвѣ, повторялось самостоятельно тоже во всѣхъ другихъ городахъ.

Такъ молодая адвокатура, помощники создали полезнѣйшее для Москвы учрежденіе, консультацію при Мировомъ Съѣздѣ, для юридической помощи населенію въ мелкихъ дѣлахъ. Въ этой своей инициативѣ помощники

не только не имѣли поддержки своего сословнаго органа, но должны были укрыться отъ него подъ покровительствомъ Мирового Суда. Судьи насъ отстояли противъ Совѣта. Входить въ конфликтъ съ ними Совѣтъ не захотѣлъ и сталъ наше существованіе «игнорировать». А вѣдь эта «консультація» скоро стала какъ бы укрѣпленнымъ лагеремъ молодой адвокатуры, подъ защитой котораго продолжали группироваться аналогичныя инициативы. Они вышли за предѣлы Мирового Суда и складывались въ цѣлую сѣть «учрежденій».

Однимъ изъ такихъ филиаловъ былъ, на примѣръ, «кружокъ уголовныхъ защитниковъ». Онъ имѣлъ цѣлью создать институтъ казенныхъ защитниковъ для сессій окружнаго суда по уѣздамъ. Суды не имѣли права назначать въ уѣздные города представителей столичной адвокатуры; а адвокатура въ уѣздахъ отсутствовала. Въ результатѣ обвиняемые оставались при однихъ «кандидатахъ на судебныя должности». На этой почвѣ разрасталась подпольная адвокатура, во главѣ съ знаменитымъ Лобысевичемъ и не менѣе знаменитымъ цыганомъ, вербовщикомъ дѣлъ и кліентовъ. Цыганъ отличался изобрѣтательностью въ дѣлѣ рекламы; Лобысевичъ былъ немного похожъ лицомъ на Феликса Фора и зная это подъ него гримировался. А такъ какъ по случаю пріѣзда послѣдняго были выпущены папиросы съ его портретомъ, то эти коробочки распространялись въ переднихъ окружнаго суда и выдавались за папиросы въ честь Лобысевича. Соотвѣтственно этому возрасталъ и его гонораръ. Консультація рѣшила бороться съ такими приемами и обезпечить всѣмъ подсудимымъ въ уѣздахъ защиту присяжной адвокатуры. Образовался спеціальныи кружокъ, члены котораго стали по очереди ѣздить на еженедѣльныя сессіи и защищали подрядъ всѣхъ подсудимыхъ. Такая инициатива не могла состояться безъ поддержки предсѣдателя этихъ сессій, вѣзломощнаго и горячаго, но честнаго и независимаго судебного дѣятеля П. С. Кларка. Онъ цѣнилъ работу кружка, несмотря на то, что мы отнимали у суда много времени, раздражали прокуратуру, досаждали и суду протоколируя кассационныя поводы. И все-таки Кларкъ предоставлялъ кружку всѣ преимущества, которыя давались защитникамъ по назначенію. Эти поѣздки были не только полезны для подсудимыхъ, они были для насъ самихъ превосходною школою. Въ уѣздахъ процессы про-

ходили безъ публики и корреспондентовъ; защита имѣла дѣло съ сѣрыми составами присяжныхъ, не любившими краснорѣчія; она поневолѣ приучалась къ дѣловому настроенію въ залѣ. И трудно пересказать, сколько эти поѣздки давали защитникамъ полезнѣйшихъ наблюденій надъ русской дѣйствительностью.

Но жизнь усложнялась, параллельно усложнялись и задачи адвокатуры. Случайнымъ личнымъ починомъ осуществилось еще аналогичное предпріятіе: защита по дѣламъ, которыя называли общественными, имѣвшія корни не въ индивидуальной преступности, а въ социальныхъ условіяхъ, какъ-то различные массовые беспорядки: фабричныя погромы, аграрныя волненія, забастовки и т. д. Количество такихъ дѣлъ все увеличивалось, но долгое время они проходили безъ вниманія адвокатуры; ихъ судили коронныя суды и защита казалась безцѣльной. А между тѣмъ они были всегда интересны съ бытовой стороны, часто и съ юридической, а защита была совершенно возможна. Это мы на опытѣ стали доказывать. Помню какъ образецъ, забастовку на фабрикѣ «Гусь» Нечаева-Мальцева. Случайно узнавъ про это дѣло, мы въ составѣ трехъ близкихъ друзей рискнули туда поѣхать. Дѣло слушалось въ городѣ Меленкахъ, въ 30 верстахъ отъ станціи по осенней распутицѣ. Судъ былъ удивленъ, когда на защиту явились изъ Москвы три адвоката. Передъ началомъ нашихъ рѣчей предсѣдатель насъ предупредилъ, что коронный судъ не присяжные и что ему публицистики въ этомъ дѣлѣ не нужно. Мы это знали безъ предупрежденія. Защита была дѣловая, т. е. юридическій анализъ событій и статей о забастовкѣ. На такую тему поневолѣ насъ слушали. Дѣло кончилось тѣмъ, что называлось «моральной побѣдой», т. е. личнымъ успѣхомъ, но и обвинительнымъ приговоромъ. Мы перенесли дѣло въ Палату. Дѣло слушалось вновь при отсутствіи общаго интереса тѣмъ болѣе, что двери суда по такимъ дѣламъ закрывались. Результатъ былъ тотъ-же самый. Для подачи кассационной жалобы нужно было платить 25 рублей залога за подсудимаго; ихъ было много, такой взносъ былъ намъ не по силамъ. Въ видѣ пробнаго шага мы подали кассационную жалобу отъ одного; другіе сѣли въ тюрьму. Черезъ три недѣли мы имѣли радость узнать, что Сенатъ раздѣлил наши доводы и дѣло было прекращено безъ передачи другому суду, по 1-ой и 1-ой. Старшій предсѣдатель Палаты,

А. Н. Поповъ, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, самъ предложилъ возобновить срокъ въ сѣмь подсудимымъ, немедленно по телеграфу ихъ выпустилъ и издвлялъ насъ съ тѣмъ, что мы въ правосудіи не отчаялись. Помню, какъ старикъ Л. В. Любенковъ приходилъ въ восторгъ отъ этого дѣла, говоря, что одна молодежь могла это сдѣлать. Постепенно такіе процессы стали обращать на себя вниманіе и судей, и общества, и прессы, и число защитниковъ, которые готовы были посвятить имъ свое время, увеличивалось. Участіе въ этихъ процессахъ стало какъ бы долгомъ адвокатуры. Между адвокатурой отдѣльныхъ городовъ установилась регулярная связь, и защита стала организованной. Но все происходило въ строгихъ рамкахъ Судебныхъ Уставовъ. Мы оставались лояльными адвокатами, сознательно воздерживаясь отъ злобы говорить для публики, а не для судей. Сидячая и стоячая магистратура въ насъ это цѣнила. Послѣ одного грандіознаго процесса о безпорядкахъ на фабрикѣ В. Морозова, гдѣ намъ удалось измѣнить квалификацію преступленія, Предсѣдатель послѣ вердикта пригласилъ всю защиту къ себѣ въ кабинетъ и отъ лица состава присутствія принесъ намъ общую благодарность за то, что мы суду въ его задачѣ помогли работать. Вотъ русло, въ которомъ шла въ то время работа молодой адвокатуры. Это было то же дѣло, которое дѣлали прежніе земцы; культурная работа, которая отъ непосредственной «политической борьбы» устранилась, но создавала условія, которыя впоследствии этой политической борьбѣ помогли.

Но пришло «освободительное движеніе» съ его лозунгомъ, и настроеніе адвокатуры перемѣнилось. Создался и естественный поводъ этому обнаружиться. Съ 903 года стали ставить на судъ процессы о «политическихъ» преступленіяхъ; въ судебномъ обиходѣ появились знаменитыя статьи 102, 126, 129 и другія новаго «Уложенія». Передовая адвокатура естественно устремилась на организацію защиты по подобнымъ процессамъ. Кадры для этого уже были готовы. Былъ созданъ рядъ съѣздовъ для совмѣстнаго обсужденія вытекавшихъ отсюда вопросовъ. Но настроеніе адвокатуры стало инымъ. Помню докладъ одного изъ видныхъ представителей московской адвокатуры о томъ, какъ вести себя на этихъ процессахъ. Онъ говорилъ, что, читая защитительныя рѣчи защитниковъ стараго времени, онъ приходилъ въ негодованіе отъ

позиціи, которую они занимали. Одни находили возможнымъ извинять своихъ кліентовъ ихъ молодостью, другіе невѣжествомъ; всѣ старались отъ своихъ подзащитныхъ отмежеваться. Защищать такъ политическіе процессы, значить ихъ унижать. Мы должны защищать не людей, а самое дѣло. Политическая защита на судѣ должна была поэтому быть только новымъ этапомъ прежней борьбы. Такова стала адвокатская тактика. Она уже не соответствовала законнымъ рамкамъ судебной защиты. Правда, въ ней были отгѣнки, зависящія отъ защитниковъ, а иногда и самихъ подсудимыхъ, отъ ихъ умѣнья и такта. Но уже директивы защиты стали другія; судебный интересъ отступилъ передъ «политическимъ». Профессіональное дѣло защиты было сдѣлано средствомъ политики. И когда это средство оказывалось недостаточно дѣйственнымъ, пошли еще дальше. Для «обостренія конфликтовъ» и «возбужденія неудовольствія» и къ судебной защитѣ стали примѣнять столь странно звучащія рецепты «обструкціи» и «забастовки». Скоро они сдѣлались чуть ли не классическимъ приѣмомъ защиты.

Начало этому, если не ошибаюсь, было положено въ 903 г. въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ Харьковской и Полтавской губерній. На судѣ былъ поставленъ рядъ крестьянъ, которые при усмиреніи были жестоко высѣчены по распоряженію губернатора Оболенскаго. Возмущенные этой расправой защитники стали выснять на судѣ, кто и какъ былъ наказанъ. Предсѣдатель этого не позволялъ; административныя репрессіи наказаніемъ не «считаются» и судомъ не зачитываются; словомъ, такіе вопросы «къ дѣлу не относились». Какъ кто-то острилъ: «сѣченіе было лишь мѣрою пресѣченія». Тогда защита коллективно съ процесса ушла, заявивъ, что при такомъ отношеніи предсѣдателя ей нечего дѣлать. Для того времени скандалъ былъ неслыханный. О поступкѣ защитниковъ сообщили Совѣту на предметъ дисциплинарнаго производства. Въшалось Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Директоромъ департамента полиціи былъ бывший московскій прокуроръ Лопухинъ; онъ вызвалъ въ Петербургъ одного изъ знакомыхъ ему по Москвѣ защитниковъ и предупредилъ, что при повтореніи такого приѣма защитники будутъ высланы административно. Но угрозы уже никого не пугали. Зато онѣ показали, что демонстрація цѣли достигла; отступать было нельзя. Аналогичныхъ

процессовъ предстояло немало. Было рѣшено всѣ ихъ проводить въ такомъ же порядкѣ. Установлена была очередь, чтобы ѣздить на эти процессы. Помню, какъ я ѣхалъ въ Полтаву, зная, что ѣду не защищать, а отъ защиты демонстративно отказываться; странно было сознавать, что не нужно готовиться къ дѣлу, что вся задача вызвать конфликтъ и уйти. Въ томъ же вагонѣ ѣхалъ со мной Н. П. Карабчевскій, человекъ старыхъ адвокатскихъ традицій; онъ не понималъ, зачѣмъ его приглашали на дѣло, гдѣ его талантъ былъ не нуженъ. Наканунѣ процесса въ Полтавѣ состоялось совѣщаніе адвокатовъ. Тамъ уже былъ другой уголовный корифей П. Г. Мионовъ. Карабчевскій и особенно Мионовъ горячо возставали противъ новой тактики адвокатуры. Помню почти плачущій голосъ Мионова, который доказывалъ, что мы не исполняемъ долга защиты; всегда можно кое въ чемъ судей убѣдить, кое что у нихъ выпросить, смягчить, создать настроеніе и т. д. Карабчевскій поддерживалъ ту-же позицію. Но политическая адвокатура была настойчивѣе и побѣдила.

Я съ излишней подробностью припоминаю эти давно минувшіе дни, потому, что въ душномъ номерѣ полтавской гостиницы происходило типичное столкновеніе двухъ міровоззрѣній. Это былъ тотъ-же споръ, который старые и новые земцы вели на страницахъ «Освобожденія» *). Корифей прежней адвокатуры Карабчевскій и Мионовъ не могли помириться, что «святое дѣло» защиты, которое составляло ихъ *raison d'être* было брошено ради политической «демонстраціи». Въдѣ и старые земцы всю жизнь воевавшіе съ губернаторомъ не могли переварить, что нужнѣе всего «демонстративный жестъ», хотя бы съ разгромомъ того, что ими было достигнуто. Такъ завоевала право гражданства «новая» тактика. И характерно, что ни Мионовъ, ни Карабчевскій штрейкбрехерами быть не захотѣли; они уѣхали до начала процесса. На этомъ дѣло не остановилось. Совѣты, которымъ пришлось разбирать дисциплинарное производство, не могли осудить демонстрантовъ. Они боролись между желаніемъ не подводить адвокатскую автономію и сознаніемъ невозможности сдѣлать о б р а т н у ю демонстрацію. Они искали выхода въ компромиссѣ, въ легчайшемъ дисциплинарномъ взысканіи. Но и Палаты, куда по протестамъ прокуратуры:

*) Моя статья «Изъ прошлаго» въ № 41 «Совр. Записокъ».

переходило дисциплинарное производство, поддавались общему настроенію; онѣ понимали, что судятъ не обычное дисциплинарное дѣло, не адвокатское нерадѣніе или небрежность, судятъ лицъ, дѣятельность которыхъ онѣ уважали. Онѣ невольно негодовали на власть, которая такое унижительное положеніе для нихъ создавала. Такъ осуществлялись «освобожденскія» директивы; обострять конфликты, накапливать и увеличивать общее недовольство.

Эта атмосфера все болѣе захватывала адвокатуру; на войнѣ ничего не окрыляетъ такъ, какъ побѣда. Уже было побѣдой, что власть не рѣшалась приводить угрозы свои въ исполненіе, отступала передъ количествомъ и качествомъ правонарушителей. И скоро нельзя было узнать общаго адвокатскаго настроенія. Адвокатская масса переходила на сторону новыхъ руководителей и шла за руководителями съ пыломъ и энергіей неопитовъ. Долго затаенное въ себѣ раздраженіе противъ власти шумно прорвалось, какъ только эту власть перестали бояться. Самые забытые и смиренные люди мстили теперь за свою робость, кричали и негодовали больше другихъ. Въ такой атмосферѣ происходили новые сословные выборы. Самъ собой оказался забалотированнымъ реакціонный совѣтъ, и у кормила правленія появились новые люди. Безъ затрудненій собраніе адвокатуры, какъ я рассказывалъ выше*), приняло освобожденскую формулу. Когда образовался адвокатскій союзъ, онъ присоединился къ Союзу Освобожденія; ему пришлось выдерживать бой только съ болѣе крайними нетерпѣливыми социалистически настроенными элементами. Все шло по новому. Союзъ былъ организованъ на адвокатскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ. Онъ собрался въ Вольно-экономическомъ Обществѣ; полиція явилась насъ разгонять, и такъ какъ засѣданіе было въ общественномъ зданіи, то, «подчиняясь насилію», мы разошлись. Съѣздъ продолжался на частныхъ квартирахъ; всякій разъ приходила полиція, но далѣе передней не шла; разойтись мы отказывались, а выгнать силой насъ не рѣшались. Мы давали списокъ присутствующихъ для составленія протокола и этимъ полиція ограничивалась. Знаменіе времени: никто не боялся давать своихъ фамилій, хотя еще недавно люди, которые согласились бы дѣйствовать анонимно, своихъ подписей ни подъ чѣмъ не поста-

---

*) «Совр. Записки» № 41.

вили бы. Перелистывая страницы «Освобожденія», гдѣ говорилось объ этомъ сѣздѣ, я увидалъ характерную оговорку редакціи; она помѣстила списокъ присутствующихъ, подчеркнувъ, что дѣлаетъ это по ихъ же желанію. Въ моей памяти сохранилось это символическое пожеланіе всѣхъ, кто на сѣздѣ участвовалъ, чтобы ихъ имена попали въ «Освобожденіе». Потомъ всѣ получили повѣстку отъ судебного слѣдователя, съ извѣщеніемъ, что привлечены по 126 статьѣ Уложенія; и это никого не смущало; всѣ понимали, что процесса не будетъ.

То, что происходило въ адвокатской средѣ, повторялось во всѣхъ либеральныхъ профессіяхъ; это въ своей совокупности и составило атмосферу этого времени. Утвержденіе, что безъ уничтоженія Самодержавія жить больше нельзя, стало для всѣхъ аксіомой. Скрывать этой мысли было больше нельзя — она пробивалась повсюду. Созданіе этой атмосферы и было дѣломъ «освободительнаго движенія». Конечно, ея одной было бы мало, чтобы свалить Самодержавіе. Интеллигентскія настроенія не были ни страшны, ни прочны. Самодержавіе при малѣйшей твердости и настойчивости ихъ могло побѣдить. Но опасность ихъ была въ томъ, что они выросли на почвѣ того общаго и законнаго недовольства, устранить и заглушить котораго не смогли бы репрессіи. Освободительное движеніе всей своей тактикой стремилось именно къ этому — направить общее недовольство на одну конкретную цѣль. Тѣ многообразныя, сложныя, не легко устранимыя причины, которыя это недовольство питали — были сведены къ упрощенной формулѣ — долой Самодержавіе; упрощенность лозунга опредѣляла и упрощенность тактики. Въ ней была своя логика; къ сожалѣнію, она вела туда, о чемъ въ то время не думали.

VI.

Какъ всѣ переломы, переломъ 905 г. былъ вызванъ тѣмъ, что жизнь требовала неотложныхъ преобразованій въ Россіи, а Самодержавіе ихъ осуществить не могло. Неспособность политическаго строя къ разрѣшенію задачъ, которыя ему выпадаютъ на долю, лежитъ въ основѣ всякаго переворота, совершается ли онъ въ сторону народопрравства или единовластія. Въ этой неспособности при-

чина и оправданіе переворотовъ. Имъ всегда предшествуетъ общее недовольство въ странѣ, которое часто выражается въ ненормальныхъ анти-государственныхъ формахъ. Режимъ, который не понимаетъ этихъ симптомовъ и отвѣчаетъ на нихъ фразой: «сначала успокоеніе, а реформы потомъ», который борется съ недовольствомъ только репрессіей, показываетъ свою неприспособленность и рано или поздно падаетъ. Это и случилось въ Россіи въ девяностыхъ годахъ. Реформы шестидесятыхъ годовъ плоды свои принесли; онѣ глубоко измѣнили весь строй общественной жизни; но политическій порядокъ къ нимъ не примѣнился. Самодержавіе охраняло какъ драгоценность то, что только мѣшало развитію жизни; оно ставило ставку на отжившіе элементы страны, жило до-реформенной идеологіей.

Долгое время старанія русскаго либерализма стремились лишь возобновить линію шестидесятыхъ годовъ. Въ этомъ была программа идеалистовъ либеральнаго Самодержавія. Но они стали не ко двору. Реакція Александра III устраняла и ихъ, какъ измѣнниковъ. Тогда пришло освободительное движеніе съ другой политической тактикой. Самодержавіе было признано столь же неспособнымъ къ нужнымъ реформамъ, какъ сейчасъ къ нимъ неспособны большевики. Мысль, что Самодержавіе могло бы справиться съ положеніемъ, стала считаться такой же химерой, какъ сейчасъ вѣра въ большевистскую эволюцію. Всѣ силы направились тогда на сверженіе Самодержавія. Тактика диктовалась военною обстановкою. Недовольства страны, анархическихъ ея проявленій не приходилось бояться, какъ мы не боимся ихъ сейчасъ въ совѣтской Россіи. Ихъ можно было привѣтствовать, какъ проявленія несломленной жизни народа и еще потому, что они фактически власть ослабляли. И не только ихъ не надо было бояться. Если власть не уступала, надо было сознательно подымать Ахеронтъ, не задумываясь надъ тѣмъ, что изъ этого выйдетъ и какъ его въ послѣдствіи успокоить. Это казалось нестрашнымъ. Разъ Самодержавіе было во всемъ виновато, то когда оно смѣнится конституціей, Ахеронтъ самъ успокоится. А пока задача была не въ успокоеніи; помогать Самодержавію разрѣшить затрудненія, которыя передъ Россіей стояли, было бы равносильно переходу въ лагерь противника. Это было бы тѣмъ же самымъ, что теперь для эмиграціи было бы

поступленіе на службу къ Совѣтамъ. И либерализмъ пошелъ рука объ руку съ тѣми, кто волновалъ Ахеронтъ.

Въ рядѣ статей «Освобожденія» самые различные авторы одинаково указывали на стихійныя проявленія народнаго недовольства. Они все тѣ-же: терроръ, волненія въ учебныхъ заведеніяхъ, рабочіе и аграрные беспорядки. Все это и должно было использовать. Самымъ старымъ и классическимъ явленіемъ Ахеронта въ Россіи былъ терроръ; было время, когда только такъ выражалось народное недовольство; другихъ способовъ борьбы съ властью не представлялось. У насъ шутили, что убійство министра есть нашъ русскій вотумъ недовѣрія кабинету. На время терроръ исчезъ. Правительство Александра III, пользуясь реакціей общества, съ терроромъ справилось репрессіей и полицейской техникой. Но при Николаѣ II онъ опять возобновился, а къ моменту освободительнаго движенія достигъ своего апогея. Я не предполагаю, будто это движеніе сознательно его стало поддерживать, несмотря на соблазнительное соглашеніе Союза Освобожденія съ террористами на конференціи 904 г. И либерализмъ идеологически такъ далеко не шелъ, и необходимость конспиративности для террора не совмѣщалась съ содѣйствіемъ либерализма. Надо признать при этомъ, что терроръ только условно можно назвать Ахеронтомъ: Онъ не былъ стихійнымъ движеніемъ и по существу требовалъ властнаго руководства. Ахеронтомъ можно было бы назвать лишь среду, изъ которой руководители террора черпали свой матеріалъ. Напряженное недовольство и злоба съ одной стороны, признаніе невозможности чего-либо легально достигнуть съ другой, вѣра въ непрочность существовавшаго строя и убѣжденіе въ общемъ сочувствіи поддерживали ту атмосферу, которая поставляла добровольцевъ и рекрутовъ въ ряды террористовъ. А нашъ либерализмъ вообще, а освободительное движеніе въ послѣднее время созданію такой атмосферы помогали. Отдѣльные акты, убійство Сипягина, Боголѣпова или Плеве было встрѣчены ими съ восторгомъ, а въ двухъ послѣднихъ случаяхъ и дѣйствительно привели къ желательной перемѣнѣ политики. Освободительное движеніе принципиально заняло относительно террористическихъ актовъ отчетливую позицію: въ террорѣ виновато только правительство. Эта позиція была такъ твердо усвое-

на, что сойти съ нея не могли и позднѣе. Конституція была уже объявлена, а революціонный терроръ не исчезъ, а усилился. Либерализмъ объяснялъ это тѣмъ, что конституція была только мнимой, что свободы недостаточно обезпечены; что амнистія недостаточно полная, что во время вооруженнаго возстанія армія оружіемъ защищала порядокъ, и потому отвѣтственность за терроръ либерализмъ по-прежнему возлагалъ на правительство. Этого мало; нѣкоторымъ террористическимъ актамъ онъ и тогда все же сочувствовалъ. На извѣстіе о покушеніи на Дубасова кадетскій сѣздъ въ Тенишевской залѣ отвѣтилъ аплодисментами. Предсѣдатель М. М. Винаверъ находчиво и рѣзко ихъ оборвалъ; наша пресса ихъ потомъ отрицала, но они все-таки были и это было характерно. Очень вѣроятно, что обычные руководители террора въ это время отдѣльныхъ актовъ не организовывали, и даже имъ не сочувствовали. Но Ахеронтъ уже развернулся, шель своей дорогой и жертвами его падали поэтому случайныя лица. Послѣ убійства Распутина Керенскій въ Государственной Думѣ публично осудилъ это убійство, заявивъ, что революціонныя партіи убивали представителей власти, но не частныхъ лицъ, какъ бы они ни были вредны. Это могло быть вѣрно относительно руководителей партіи. Но въ 905 - 906 г. г. убивали не по распоряженію партіи, убивали не министровъ, не представителей власти; въ эти дни шли анархическія массовыя истребленія городскихыхъ, дворниковъ, стражниковъ, не отвѣтственныхъ за политику государства. Это былъ уже подлинный и опасный Ахеронтъ. И тѣмъ не менѣе, когда въ I-ой Государственной Думѣ Стаховичъ, присоединяясь къ вотуму объ амнистіи, одновременно предложилъ, чтобы Государственная Дума осудила подобный терроръ, подумала не только о «замученныхъ въ застѣнкахъ, но и о подстрѣленныхъ въ переулкахъ», Государственная Дума отъ такого осужденія отказалась. Кадетъ А. С. Ломшаковъ, возражая «господину Стаховичу», выставилъ старый освобожденскій аргументъ, что въ террорѣ виновато только правительство. Кадеты, какъ наслѣдники Союза Освобожденія, были во власти старыхъ формулъ. Къ тому же они были убѣждены, что когда бюрократическое правительство принуждено будетъ уйти, терроръ исчезнетъ самъ. И во II-ой Государственной Думѣ, когда тамъ зашла рѣчь объ амнистіи и былъ представленъ проектъ, который не пошелъ даль-

ше комиссіи, то В. М. Гессенъ, добродушный и лояльный. меня увѣрялъ, что если только полная амнистія будетъ дана, террора больше не будетъ. Никто его тогда не захочетъ. Такъ русскій либерализмъ, сначала изъ тактики, а потомъ и изъ идеализма оправдывалъ терроръ и этимъ питалъ то настроеніе, которое его создавало. Это была знаменитая формула нашего правительства, только наоборотъ. Правительство говорило: сначала успокоеніе, а реформы потомъ; либерализмъ отвѣчалъ: сначала пусть власть броситъ оружіе, и тогда ее трогать не стануть, а пока террористы правы.

Если объективно оцѣнивать такое отношеніе къ террору, ясно одно. Въ моментъ войны съ Самодержавіемъ оно было логично; если задача либерализма ослаблять Самодержавіе, терроръ могъ быть полезенъ; спорить съ нимъ могло казаться ошибочной тактикой. Но это было вѣрно только для періода самой войны. Либерализмъ долженъ былъ смотрѣть дальше; онъ претендовалъ на другой день послѣ побѣды стать самъ государственной властью; это было его историческимъ призваніемъ и къ этой роли онъ долженъ былъ быть готовъ. А между тѣмъ его отношеніе къ террору было несовмѣстимо съ міровоззрѣніемъ государственной власти. Когда кадетская партія, фактически руководившая первой Государственной Думой, отказалась вынести осужденіе террору, она сдѣлала невозможнымъ то, чего она сама тогда требовала, т. е. сдѣлала невозможнымъ и кадетское министерство и гегемонію Государственной Думы въ управленіи страной. Она еще надолго обрекала себя быть лишь оппозиціей и заставила историческую власть искать правительство въ совершенно другихъ элементахъ страны. Кадеты такимъ образомъ сами подготовили министерство Столыпина. Если бы такова была ихъ цѣль, если бы они понимали, что имъ рано быть властью, что имъ нужно еще продолжать идти съ революціей, такая тактика съ ихъ стороны была бы понятна. Но тогда и отношеніе ихъ къ созданію правительства въ I-ой Государственной Думѣ должно было быть бы другимъ. На кадетскомъ министерствѣ они не могли бы настаивать. Такъ, кадетская партія осталась на перепутьи; она не была революціонной партией, но и закрыла себѣ ходъ къ власти. На отношеніи къ террору и на роковыхъ для либерализма послѣдствіяхъ этого отношенія «освободительное движеніе» обнаружило свою сла-

бую сторону. «Въ политикѣ нѣтъ мести, говоритъ Столыпинъ, но есть послѣдствія». Они и сказались.

VII.

Въ числѣ излюбленныхъ доказательствъ разложенія государства «освободительное движеніе» указывало и на систематическія волненія учащейся молодежи. Въ этомъ указаніи была доля правды. Поведеніе молодежи было всегда чувствительнымъ реактивомъ для настроенія всего общества. Всякая переменна общаго настроенія тотчасъ на немъ отражалась. Прежде чѣмъ «освободительное движеніе» охватило все взрослое и благоразумное общество, студенчество его уже сигнализировало. Съ 90-хъ годовъ безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ стали носить совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Не только по программѣ и цѣлямъ, которыя вышли тогда за предѣлы академическихъ вопросовъ, но и по самымъ формамъ. Методомъ борьбы неожиданно сдѣлалась студенческая «забастовка». Для людей моего поколѣнія это казалось невѣроятнымъ. Забастовка вообще можетъ быть страшна только, если въ ней участвуетъ большинство и если она этимъ кому-то вредитъ. Въ мое время она не нашла бы многихъ охотниковъ; и она никому не была бы вредна, кромѣ самихъ же студентовъ. Старикъ Любенковъ объяснялъ забастовки необдуманнѣмъ подражаніемъ методамъ рабочей борьбы. Но какъ бы то ни было эффектъ забастовки былъ несомнѣненъ по тѣмъ же моральнымъ причинамъ, какъ голодовка въ тюрьмѣ. На глазахъ у всѣхъ правительство обнаруживало отсутствіе авторитета и даже безсиліе. Разосланные повсюду изъ Университета студенты дѣлались живой пропагандой. Родители горевали и обвиняли неумѣлую власть. Недовольство ширилось и росло.

Для освободительнаго движенія былъ слишкомъ великій соблазнъ это «использовать». Конечно, обязанность политической борьбы лежала на взрослыхъ; выступленія молодежи могли быть укоромъ за ихъ бездѣтельность; но не могли собою ихъ замѣнить. Но во время войны все позволено; позволяютъ и дѣтямъ вступать въ армію, бросать для этого школу, хотя война не дѣтское дѣло. Руководители движенія понимали, что вступленіе молодежи въ политику даетъ оружіе, которое бьетъ по нервамъ все-

го русскаго общества. И оно стало смотрѣть на него съ одобреніемъ.

Это новое отношеніе отразилось въ «освободительской» литературѣ. Въ № 56 «Освобожденія» появилась поучительная статья, подъ характернымъ заглавіемъ: студенческія движенія и задачи оппозиціи. Эта статья только формулировала и оправдывала то, что уже дѣлалось. Либеральные дѣятели въ ней осуждались за то, что будто до сихъ поръ чуждались студенческихъ движеній. Клеймились тѣ профессора, которые «отечески наставляли студентовъ подождать вмѣшиваться въ политику, отдаться всецѣло наукѣ». Либерализму рекомендовалось заняться «политическимъ воспитаніемъ студенческой массы», ибо студенчество «естественное крыло освободительнаго движенія».

Для привлеченія учащейся молодежи къ политикѣ «Освобожденіе» давало не только благовидное, но психологически понятное оправданіе; «хотимъ ли мы этого или нѣтъ, писалъ авторъ статьи, молодежь все равно будетъ заниматься политикой; а если такъ, то либерализмъ долженъ проводить въ студенческую массу разумныя взгляды». Либерализмъ не замѣчалъ, что внесеніе какой бы то ни было политики въ академическую среду, какъ таковую, есть абсолютное зло, недопустимое отравленіе молодежи, независимо отъ того, какими политическимъ лозунгамъ они служатъ. Допуская, что университетская аудиторія и лекціи превращаются въ способъ политической борьбы, либеральное движеніе освобождало духовъ, съ которыми впоследствии справиться оно не могло. А между тѣмъ оно этимъ явленіемъ радовалось. Никогда не забуду торжествующаго тона, которымъ одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ руководителей освободительнаго движенія говорилъ мнѣ осенью 905 года: «а все-таки правительству возобновить учебныя занятія не удастся».

Было, конечно, иллюзіей думать, что либеральные руководители могли бы удержать студенчество отъ политическихъ крайностей; молодежь по существу идетъ къ крайностямъ. Въ 905 году студенты-кадеты, какъ слишкомъ умѣренныя, были тѣмъ же самымъ меньшинствомъ, которымъ въ 1917 г. стала въ странѣ вся кадетская партія. Выборы въ Учредительное Собраніе всѣмъ ясно показали этотъ упадокъ «кадетства». И кадеты-стѣ-

денты въ 1905 г. считались синонимомъ реакціи, бѣлоподкладочничества; это мнѣніе не было вовсе ошибочнымъ; подѣ кадеть стали гримироваться тѣ правые элементы, которые не рѣшались выступать съ открытымъ забраломъ. То-же произошло послѣ революціи со всей кадетской партіей. Все это было неотвратимо. Поэтому, единственной, не только достойной, но и полезной для либерализма позиціей должна была бы быть защита Академіи отъ внесенія въ нее всякихъ партійныхъ политическихъ цѣлей. Но интересъ момента, интересъ войны съ Самодержавіемъ «Освобожденіе» съ этой позиціи сбилъ.

Послѣдствія этого были глубоко поучительны. Событія университетской жизни въ Россіи вообще предваряли событія нашей общей политической жизни. Университетская автономія 11-го августа была аналогична конституціоннымъ обѣщаніямъ 17-го октября, а непосредственные результаты этой автономіи и медленное вхожденіе университетовъ въ норму шло параллельно событіямъ 905 и 906 г. Это понятно, такъ какъ причины этихъ явленій были все тѣ-же.

Картины смѣняли другъ друга такъ быстро, что слились въ одно общее впечатлѣніе. Необходимо теперь усиленіе памяти, чтобы возстановить въ нсй настроеніе студенчества послѣ 11 августа и 17 октября. Между этими датами ко мнѣ пришли нѣсколько незнакомыхъ студентовъ; помню свое недоумѣніе передъ тѣми претензіями, которыя имъ казались естественными. Университетскую автономію они такъ же ни во что не цѣнили, какъ 1-ая Дума позднѣе не цѣнила Основныхъ Законовъ 906-го года. Управлять университетомъ, по мнѣнію моихъ собесѣдниковъ, должны были не профессора, а студенты; они автономію завоевали. Профессура конечно должна быть выборной, но выбирать должны не профессора, а студенты. Эти требованія излагались серьезно, убѣжденно, безъ всякой заносчивости. Побѣдители — они, а не профессора, и они—студенты должны своей побѣдой воспользоваться. Новый университетскій уставъ имъ этихъ правъ не давалъ и они повели съ нимъ борьбу старыми средствами и другими, которыя предоставилъ новый уставъ. Новыя университетскія власти не хотѣли прибѣгать къ тѣмъ приемамъ репрессій, которые они еще такъ недавно осуждали въ правительствѣ. И вотъ въ результатѣ полученной автономіи университетъ сталъ достояніемъ уже не студен-

товъ, а улицы; во всѣхъ аудиторіяхъ происходили тѣ митинги, которые послѣ 17 октября стали появляться повсюду. Университетская жизнь послѣ 11 августа представила точную картину Россіи послѣ общаго манифеста. Для полной аналогіи не обошлось даже и безъ «возстанія» въ минагюрѣ. Что такое было, какъ не возстаніе, захватъ университета боевыми дружинами, забарикадированіе выходовъ, превращеніе его въ фортъ Шаброль, сожженіе на дворѣ стараго зданія костровъ изъ университетскихъ скамеекъ, переговоры съ врагомъ и почетная капитуляція, выходъ изъ университета съ оружіемъ, т. е. та картина гражданской войны, которой намъ было дано насладиться еще до Октябрьскаго Манифеста. По ироніи судьбы первымъ выборнымъ ректоромъ былъ тотъ-же князь С. Н. Трубецкой, который недавно говорилъ Государю, что при представительномъ строѣ крамола будетъ совершенно безсильна. Ему скоро пришлось сказать другую рѣчь и студентамъ; говорить имъ о разочарованіи, которое поведеніе студентовъ всѣмъ принесло, объ опасности, которой оно грозитъ для свободы. Но студенчество и либеральная оппозиція говорили на языкахъ совершенно различныхъ. Трубецкой не сказалъ еще студентамъ историческихъ словъ о «рабахъ, которые взбунтовались», но зато часть студентовъ начинала уже видѣть въ немъ «рenegата».

Все это должно было бы быть поучительнымъ; но позиція либеральныхъ идеалистовъ все-таки пока не мѣнялась; пріѣхалъ тогда изъ-за границы М. М. Ковалевскій. Онъ мнѣ говорилъ: «поведеніе студентовъ понятно. При общемъ полицейскомъ режимѣ не можетъ быть свободнаго университета. Въ Европѣ можно было бы сказать улицу, которая захватываетъ университетскія аудиторіи: въ нашемъ распоряженіи много зданій, идите туда и намъ не мѣшайте. Въ Россіи этого нѣтъ. Университеты оказались оазисомъ среди деспотизма; толпа стремится въ этотъ оазисъ; студенты правильно не хотятъ для себя привилегій и потому наплыву толпы не противятся». Все это казалось логично, но положеніе было сложнѣе. Убѣжденіе студентовъ, что они господа университета и все въ немъ опредѣляется только ихъ волей, привычка пренебрежительно относиться къ закону, не дорожить порядкомъ, эти русскія свойства, разъ они усвоены экспансивной средой, исчезнуть не скоро; и потому объявленіе конституціи, повсемѣстное разрѣшеніе митинговъ студенчества не упо-

коило, а скорѣе подстрекнуло ихъ къ дальнѣйшей борьбѣ. Этотъ дальнѣйшій періодъ выходитъ за рамки разсказа, о немъ я можетъ быть буду говорить въ свое время. Хочу теперь лишь установить, что политическое бурленіе студенческой массы, отравившее академическую жизнь партійной политикой, не исчезло ни послѣ 17-го октября, ни послѣ изданія Основныхъ Законовъ, ни послѣ созыва Государственныхъ Думъ, ни вообще ни въ одинъ моментъ новой политической жизни. Либеральнымъ дѣятелямъ профессуры пришлось болѣе всѣхъ пострадать отъ этой политики. Мы можемъ наблюдать и другой назидательный фактъ; бесплодное политическое кипѣніе студенческой молодежи въ концѣ концовъ выработало въ ней самой протестъ противъ преждевременныхъ политическихъ увлеченій, создало консервативное настроеніе. Нуличность консервативныхъ настроеній необходима для здоровой общественности. Но—роковая Немезида революціонной эпохи—это настроеніе въ той обстановкѣ, въ которой позднѣе оно появилось, оказалось само уродливой карикатурой консерватизма, рѣзкой и нетерпимой партійной политикой подъ флагомъ Академизма. Это движеніе вышло филиальнымъ отдѣленіемъ «Союза Русскаго Народа». Въ исторіи «освободительнаго движенія» наше многострадальное студенчество осталось до конца тѣмъ же, чѣмъ было всегда: чувствительной пластинкой, на которой обнаруживалось настроеніе общества и ошибки правительства. Его не пощадила ни одна изъ воюющихъ сторонъ, ни одна не постаралась удержать его въ сторонѣ отъ движенія; каждая стремилась внести въ него свою политику. То теченіе, которое въ эпоху «освободительнаго движенія» называло себя академическимъ, которое хотѣло автономіи университетовъ, освобожденіи ихъ отъ «политики» — было смято и смято напоромъ той волны, которая видѣла въ студентахъ только естественный флангъ «освободительнаго движенія». Отъ этого въ концѣ концовъ непосредственно пострадала болѣе всего сама молодежь. Но прямой опасности для государства отъ студенческаго кипѣнія не было: этотъ Ахеронтъ производилъ болѣе шуму, чѣмъ разрушенія, дѣйствовалъ больше на нервы и воображеніе, чѣмъ на основы порядка. «Освободительное движеніе» подняло другой Ахеронтъ, болѣе страшный.

В. Маклаковъ.

О Ближнемъ Востокѣ

Караванные города Аравіи, Заіорданья и Сиріи.

III.

Джерашъ (Гераса).

Большой караванный путь изъ Индіи черезъ Аравію въ Египетъ создалъ Петру и сдѣлалъ ее однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ караванныхъ городовъ Ближняго Востока, особенно въ эпоху послѣ Александра, въ такъ называемое эллинистическое время и затѣмъ въ эпоху римскаго владычества. Я уже говорилъ, что исторія Петры въ раннее время намъ плохо извѣстна. Несомнѣнно, что торговая роль Петры начинается не позже эпохи расцвѣта Персидскаго царства и можетъ быть раньше. Уже въ это время установились прочныя связи между Египтомъ и Петрой съ одной стороны и между Петрой и южно-арабскими государствами съ другой. Къ сожалѣнію, ни о первыхъ, ни о вторыхъ мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ, такъ какъ исторія какъ Египта въ позднее время, такъ и южно-арабскихъ государствъ — Сабейскаго, Минейскаго и Лигіанитскаго только постепенно выясняются въ результатѣ углубленнаго изученія ихъ надписей и болѣе и болѣе тщательнаго разслѣдованія руинъ ихъ городовъ и ихъ храмовъ.

Во всякомъ случаѣ, уже въ IV в. до Р. Хр. Набатейское царство стоитъ передъ нами не какъ шайка грабителей и пиратовъ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, а какъ организованное торговое государство со своей продуманной и послѣдовательной политикой, энергично отстаивающее свою самостоятельность отъ своихъ могучихъ сосѣдей. Каково было отношеніе Александра Великаго къ

---

*) «Соврем. Записки» № 41.

Набатейцамъ, мы не знаемъ. Но его ближайшіе преемники не прочь были наложить свою руку на цвѣтушій караванный городъ. Первая попытка была сдѣлана однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и талантливыхъ наслѣдниковъ идей и власти Александра — Антигономъ Одноглазымъ и его сыномъ Деметріемъ. Несомнѣнно, что ихъ цѣлью было отвлечь торговлю Петры отъ Египта къ финикійскимъ гаванямъ. Возможно, что уже они основали первыя военныя поселенія въ Заіорданьи для обезпеченія безопасности караванамъ, которые могли бы направиться изъ Петры на сѣверъ къ гаванямъ Палестины и Финикіи. Но попытка Антигона и Деметрія кончилась неудачей. Набатейцы отстаивали свою самостоятельность.

Не сразу наладились и отношенія между Набатейцами и новыми господами Египта, преемниками Александра въ Египтѣ Птолемеями. Мы плохо знаемъ исторію этихъ отношеній. Ясно однако, что уже въ началѣ III-го вѣка до Р. Хр. Птолеми, владыки величайшей торговой гавани въ мірѣ — Александріи замыкаютъ или пытаются замкнуть Петру и Набатейцевъ въ желѣзное кольцо своего исключительнаго вліянія. Набатейцы для Птолемеевъ были не очень пріятнымъ осложненіемъ ихъ торговой политики. Цѣлью Птолемеевъ было сдѣлать Александрію исключительнымъ рынкомъ для всѣхъ продуктовъ Индіи. Для этого имъ нужно было не только привлечь въ Александрію возможно большее количество товаровъ, отвлекши ихъ отъ Селевкии на Тигрѣ и отъ Евфратскаго пути, но и сдѣлать эти товары болѣе дешевыми въ Александріи, чѣмъ въ Селевкии на Тигрѣ или въ гаваняхъ Антиохіи — Лаодикеѣ и Селевкии въ Пѣеріи. Препятствіемъ на пути удешевленія индійско-арабскихъ товаровъ была Петра съ ея таможенными пошлинами и съ ея ролью торговаго посредника между южной Аравіей и Александріей. Не мудрено, что Птолеми стараются сдѣлать все, чтобы позволить южно-арабской торговѣ миновать Петру. Этимъ объясняется лихорадочная дѣятельность Птолемея II-го, **наиболѣе** геніальнаго купца на александрійскомъ тронѣ, направленная на развитіе морской торговли Египта съ Аравіей въ обходъ Петры: его возобновленіе Суэцкаго канала, постройка ряда гаваней на египетскомъ побережьи Краснаго моря и, вѣроятно, также основаніе греческаго порта на арабскомъ берегу Краснаго моря и установленіе прочнаго египетскаго вліянія надъ **наиболѣе** сѣвернымъ изъ

южно-арабскихъ царствъ — Лигіанитскимъ, преемникомъ Минейцевъ. Съ этимъ же надо связать и свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о пиратствѣ Набатейцевъ на Красномъ морѣ, о грабежѣ ими Птоломеевскихъ судовъ — естественный отвѣтъ на политику Птолемея въ Красномъ морѣ и объ извѣстномъ походѣ Птолемея Филадельфа противъ Петры, въ общемъ кончившемся неудачей. И Филадельфу однако не удалось покорить Петру. Онъ принужденъ былъ удовольствоваться ея временнымъ ослабленіемъ.

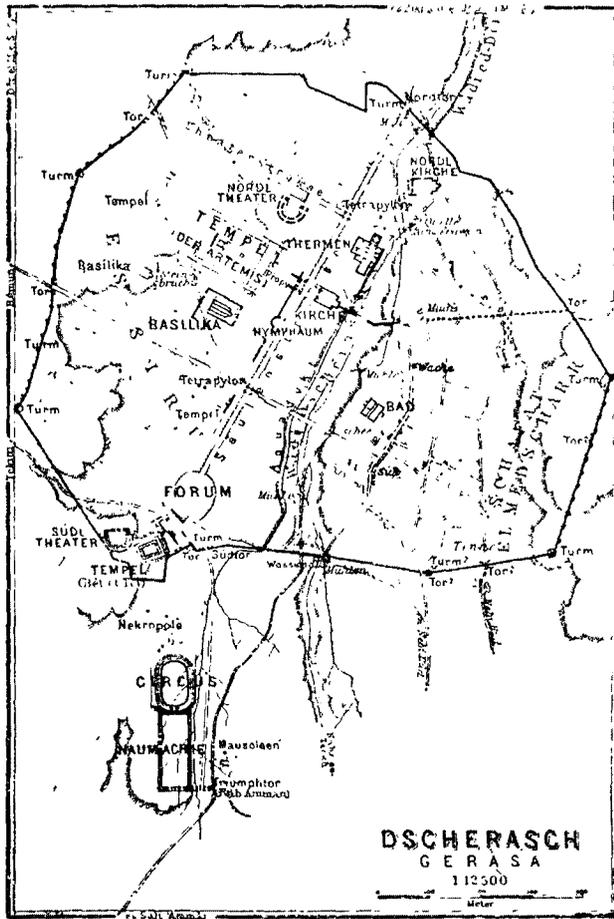
Той же политикой Птолемея объясняется и ихъ дѣятельность въ Финикіи, Палестинѣ и Заіорданьи, странахъ, которыя въ теченіе всего III - го вѣка прочно находились въ рукахъ Птолемея: Финикія и Палестина, какъ Птоломеевскія провинціи, Заіорданье, какъ вассальное Птолемеямъ аммонитское княжество. Не въ интересахъ Птолемея было, конечно, развивать морскую торговлю гаваней Палестины и Финикіи въ ущербъ Александріи. Не въ ихъ интересахъ было и открыть новый путь для набатейской торговли черезъ Заіорданье въ Палестину и Финикію. И тѣмъ не менѣе Птолемеямъ было абсолютно необходимо держать въ тѣсной зависимости отъ себя заіорданскія племена и ихъ воинственныхъ шейховъ, грабителей и разбойниковъ по природѣ, которымъ такъ легко было наложить свою руку и на караванный путь изъ Петры въ Александрію. Понятно поэтому, почему Птолемеи сдѣлались уже въ раннемъ III в. до Р. Хр. эллинизаторами, т. е. градостроителями въ Заіорданьи. Были ли они первыми урбанизаторами этой мѣстности или наслѣдниками Александра, Антигона и Селевка, можетъ быть уже основавшихъ здѣсь нѣсколько греческихъ колоній-крѣпостей, пока еще не выяснено. Слишкомъ мало сдѣлано археологами для изслѣдованія интереснѣйшихъ руинъ Заіорданья эллинистическаго и римскаго времени.

Какъ бы то ни было, дѣятельность Птолемея въ Заіорданьи намъ извѣстна сравнительно хорошо. Знаменитый архивъ Зенона, агента Аполлонія, министра финансовъ Птолемея Филадельфа, о которомъ рѣчь была выше, определенно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно было вліяніе Египта въ Заіорданьи въ III в. до Р. Хр. и какъ оживлены были торговыя сношенія Египта и Заіорданья въ то же время. Изъ нѣкоторыхъ документовъ архива Зенона мы узнаемъ, напр., что въ столицѣ хорошо извѣстнаго изъ

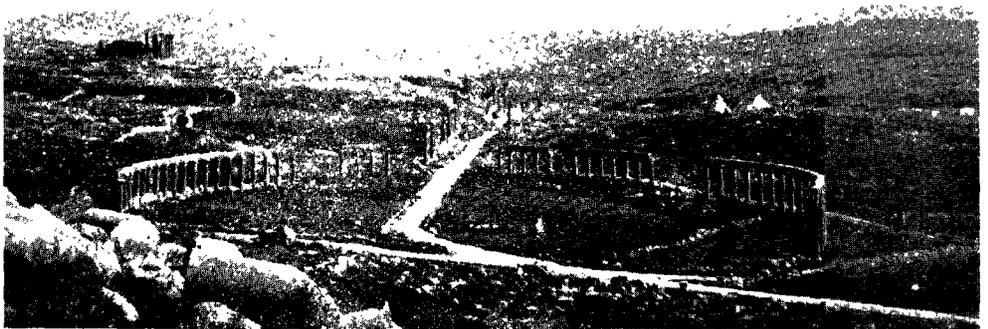
Библии племени Аммонитовъ — Раббатъ-Аммонъ (теперешній Амманъ), переименованной Птолемеемъ Филадельфомъ или въ честь его мѣстными властителями въ Филадельфію, стояли Птолемеевскіе солдаты,—что шейхъ или эмиръ Аммонитовъ Товія, родоначальникъ позднѣе знаменитаго въ исторіи Палестины княжескаго рода, былъ вассаломъ Птолемеевъ, какъ теперь его отдаленный пресмникъ является вассаломъ англичанъ, — что этотъ шейхъ былъ основательно эллинизованъ, писалъ грамотно по гречески и поддерживалъ оживленныя торговыя сношенія съ Египтомъ. Объ этомъ послѣднемъ опредѣленно говорятъ письма Товіа Аполлонію и царю Филадельфу, гдѣ онъ перечисляетъ свои подарки египетскому двору: лошадей, большихъ и сильныхъ заіорданскихъ ословъ, онагровъ и ублюдковъ онагровъ и ословъ съ одной стороны и мальчиковъ и юношей, съ яркими, черными миндалевидными глазами и розовыми щеками, рабовъ знатнаго происхожденія, съ другой. Ясно, что этими же предметами и торговалъ шейхъ Товія и его подданные съ Египтомъ. Характерно, что въ перечнѣ вьючныхъ животныхъ не упоминаются верблюды, хотя мы знаемъ, что ихъ въ это время уже начали ввозить въ Египетъ. Того же рода дѣла дѣлаются въ Заіорданьи и египетскіе греки за свой или за своихъ хозчевъ счетъ. Изъ писемъ архива того же Зенона мы узнаемъ, что самъ Зенонъ ведетъ оживленныя торговыя операціи въ Заіорданьи: покупаетъ лошадей и рабовъ, ссужаетъ деньги мелкимъ мѣстнымъ шейхамъ.

Изъ документовъ архива Зенона не видно однако, насколько глубока была эллинизаторская дѣятельность Птолемеевъ въ Заіорданьи. Была ли Филадельфія дѣйствительно греческимъ городомъ или нѣтъ? Существовала ли она какъ греческая община съ греческимъ населеніемъ и греческимъ строемъ или только дала приютъ въ своихъ стѣнахъ группамъ Птолемеевскихъ солдатъ, частью владѣвшихъ земельными участками въ территоріи города, и греческихъ торговцевъ? Все это вопросы пока еще темные. За греческій характеръ общины какъ будто говоритъ тотъ фактъ, что шейхъ или эмиръ Товія жилъ не въ городѣ, а внѣ его въ своемъ укрѣпленномъ дворцѣ, выстроенномъ въ египетскомъ стилѣ, руины котораго и сейчасъ еще можно видѣть въ мѣстности называемой Аракъ-иль Эмиръ въ окрестностяхъ Аммана.

Въ перепискѣ Зенона въ эпоху его пребыванія въ За-

1. Планъ Герасы

2. Общій видъ Дшераша

1. Колонная улица

2. Никфей

3. Главный Храм

іорданяи нѣтъ однако никакихъ указаній на то, чтобы цвѣтущая Филадельфія была центромъ караванной торговли. Мы ничего не слышимъ о покупкѣ Зенономъ въ Заіорданяи того, что шло изъ Индіи и Аравіи по индо-арабскому пути. Лошади, другія вьючныя животныя и рабы играютъ въ перепискѣ Зенона большую роль, но не мирра, ѳиміамъ, слоновою костью и шелкъ — продукты Аравіи и Индіи. Возможно, что это случайность, но мнѣ думается, что скорѣе это результатъ политики Птолемеевъ. Для нихъ Заіорданяе — вассальный эмиратъ, гарантирующій безопасность Палестинской границы и отчасти торговаго пути изъ Петры черезъ Синай, источникъ, питающій Египетъ рабами и вьючными животными, и только. Эмира надо держать въ подчиненіи и поэтому надо имѣть въ его землѣ своихъ солдатъ и свои крѣпости. Но это и все. Заіорданяе — не Птолемеевская провинція и не объектъ интенсивной эллинизации, какъ, на примѣръ, Палестина. Это только «сфера вліянія». Ясно, что при такихъ условіяхъ о движеніи каравановъ изъ Петры въ Дамаскъ черезъ Заіорданяе въ большомъ масштабѣ въ раннее эллинистическое время не можетъ быть и рѣчи. Это было какъ разъ то, чего не хотѣли Птолемеи.

Но въ концѣ III в. положеніе дѣлъ измѣнилось въ Заіорданяи. Палестина и Финикія ушли изъ рукъ Птолемеевъ и сдѣлались провинціями Селевкидовъ, все еще властителей Месопотаміи и части иранскихъ земель. Съ Палестиной и Заіорданяемъ попала въ руки Селевкидовъ и возможность вновь возобновить свои попытки отвлечь караваны Аравіи, шедшіе черезъ Петру въ Александрію, къ приморскимъ городамъ Палестины, Финикіи и Сиріи, которые всѣ были теперь въ рукахъ Антіоха III, завоевателя Палестины и Финикіи, и его преемниковъ. Въ какой мѣрѣ Селевкидамъ II в. до Р. Хр. удалось достигнуть указанной цѣли, мы не знаемъ. Кое-какія указанія, напр., появленіе набатейскихъ, т. е. петрейскихъ купцовъ въ городахъ Финикіи и на Делосѣ, главной европейской гавани Селевкидовъ, — говорятъ за то, что Петра не такъ крѣпко, какъ раньше, привязана была къ Птолемеямъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, Антіохъ III и его преемники, особенно знаменитый Антіохъ IV Эпифанъ были первыми, которые взялись систематически за дѣло эллинизации Заіорданяи и развили тамъ настоящее эллинское градостроительство, столь типичное для Селевкидовъ вообще. Одинъ

взглядъ на карту Передней Азіи достаточень, чтобы понять, какова была цѣль этого градостроительства. Заіорданье, какъ таковое, страна не особенно плодородная и не могла имѣть блестящаго земледѣльческаго развитія. Негодна она и для коневодства въ широкомъ масштабѣ и для рациональнаго скотоводства. Только ничтожные земледѣльческіе и скотоводческіе города могли жить и процвѣтать въ Заіорданьи. Но не соображенія земледѣлія продиктовали Селевкидамъ распредѣленіе греческихъ колоній въ Заіорданьи. Цѣлью вытянулись онѣ, — эти колоніи, отъ одной плодородной равнины къ другой по большой караванной дорогѣ, естественно соединяющей Петру съ Дамаскомъ и Финикіей (вмѣстѣ съ Сиріей) съ одной стороны, съ Іерусалимомъ и гаванями Палестины, съ другой. Городами-крѣпостями и городами каравановъ и были Заіорданскіе города, планомерно эллинизованные Селевкидами во II в. до Р. Хр. Возможно, что только при нихъ Филадельфія - Амманъ впервые сдѣлалась настоящимъ греческимъ городомъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что только Антиохъ III или Антиохъ IV основали и греческую колонію на мѣстѣ небольшой туземной деревни центра полу-кочевого племени Герасенцевъ. Имя ей дано было Антиохія Герасенцевъ или Антиохія у Хрисорроя (имя ручья, протекающаго черезъ поселеніе). Руины этой Антиохіи стоятъ и посейчасъ и привлекаютъ съ каждымъ годомъ все большее и большее вниманіе ученыхъ и туристовъ.

Извѣстно, какъ недолговѣчна была послѣдняя попытка македонскихъ царей Передней Азіи совладать съ волной національной реакціи противъ чуждаго греческаго элемента. Однимъ изъ фокусовъ этой реакціи сдѣлалась Палестина при Маккавеехъ. Мы хорошо знаемъ, какъ при содѣйствіи римлянъ, для которыхъ и послѣ ихъ побѣды надъ Антиохомъ III Селевкиды были серьезными врагами, евреямъ удалось освободиться отъ эллинизаторовъ-Селевкидовъ и какъ упорно и съ какой жестокостью они постарались уничтожить все и всѣхъ, что и кто были или могли быть носителями эллинизма. Жертвами этой реакціи сдѣлались и города Заіорданья, среди нихъ юная Антиохія Герасенцевъ. При Александрѣ Яннеѣ (102 - 76 до Р. Хр.) она была взята и разрушена евреями.

Казалось, насталь конецъ этому центру эллинизма на Хрисорроѣ, еще не успѣвшему пустить здѣсь сильныхъ корней. Судьба сулила иначе. Извѣстно, какъ при Помпеѣ

кончилась призрачная самостоятельность и Сирии, и Палестины. На мѣсто Селевкидовъ на Ближнемъ Востокѣ стали римляне. Какъ новые эллинизаторы, какъ преемники Селевкидовскихъ традицій пришли римляне на Ближній Востокъ и политика ихъ съ первыхъ же ихъ шаговъ была продолженіемъ политики Селевкидовъ. Этому обязанъ своимъ воскресеніемъ и торговый караванный путь черезъ Заіорданскіе города и самые города Заіорданья, среди нихъ Гераса. Недаромъ же эра Помпея сдѣлалась эрой этихъ городовъ наряду съ эрой Селевкидовъ. Для Герасы Помпей былъ родоначальникомъ новой династіи, если не эллинской, то филеллинской.

Мы мало знаемъ о судьбѣ Заіорданья и Герасы въ концѣ I в. до Р. Хр. и началѣ I в. по Р. Хр. Несомнѣнно, что на это время падаетъ начало наиболѣе блестящаго развитія Набатеѣской торговли. Недаромъ же лучшей памятникъ Петры, о которомъ рѣчь была выше — Эль Хазне — относится къ этому времени. Недаромъ же мы слышимъ о владычествѣ Набатеѣскихъ царей въ Дамаскѣ. Расцвѣту Петры способствовала и анархія на Евфратѣ, связанная съ владычествомъ Парѣянъ въ Месопотаміи и временно выведшая изъ строя караванный путь изъ Селевкии вверхъ по Евфрату. Временно сдѣлалось болѣе выгоднымъ для каравановъ идти изъ Герры на Персидскомъ заливѣ или Харакса въ Петру, чѣмъ изъ Герры къ устьямъ Евфрата и оттуда на сѣверъ вдоль Евфрата. Подъему Петры въ это время и нѣсколько раньше способствовало и то, что ослабѣвшіе Птолемси не въ силахъ были болѣе диктовать свою волю Набатеѣцамъ. Не только караванная торговля черезъ Синаѣскій полуостровъ, но и часть морского пути по Красному морю въ Египетъ оказалась въ рукахъ Набатеѣцевъ. Ихъ царство продвинулось далеко на югъ и ихъ гаванью, наряду со старымъ портомъ на сѣв. берегу Элянитскаго залива, сдѣлалась открытая гавань Левке Коме, вступившая въ оживленныя сношенія съ южно-египетскими гаванями Птолемеевъ.

Въ какой мѣрѣ этотъ расцвѣтъ Набатеѣцевъ пошелъ на пользу и Заіорданью, мы не знаемъ. Вѣроятность говорить за то, что начало ихъ процвѣтанія, не только возобновленіе ихъ жизни вообще, относится къ этому времени. Оно связано можетъ быть и съ процвѣтаніемъ Палестины въ то-же время подъ властью Ирода и его преемниковъ, блестящихъ и въ то-же время жалкихъ настѣдниковъ Мак-

кавеевъ, вѣрныхъ и покорныхъ слугъ Рима, основавшихъ въ это время милостью Рима огромное Сиро-Палестинское царство. Но точныхъ свѣдѣній у насъ нѣтъ. Политика Рима въ этотъ періодъ, особенно въ эпоху ранней римской имперіи скорѣе направлена была на усиленіе Египта при посредствѣ развитія морскихъ непосредственныхъ сношеній его съ Индіей и южной Аравіей, чѣмъ на покровительство и развитіе сухопутной караванной торговли, носителемъ которой была независимая отъ Рима Петра. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ производитъ наше скудное освѣдомленіе объ арабскомъ походѣ Августа и о политикѣ его преемниковъ, главнымъ образомъ Нерона въ Красномъ морѣ.

Все же бѣльшая устойчивость жизни особенно въ первыя десятилѣтія I в. по Р. Хр. не могла пройти безслѣдно для городовъ Заіорданья. Объ этомъ намъ когда нибудь разскажутъ систематическія раскопки въ Джерашѣ. Но настоящій ихъ расцвѣтъ начался позже. Онъ связанъ съ двумя группами событій на Ближнемъ Востокѣ: возстаніемъ евреевъ при Неронѣ и Веспасіанѣ и политикой римскихъ императоровъ конца I в. по отношенію къ Александріи. Кризисъ конца I в. по Р. Хр. въ Палестинѣ заставилъ Флавіевъ постараться окружить гнѣздо фанатическихъ евреевъ цѣпью центровъ эллинизма, замкнуть юдаизмъ въ желѣзное кольцо эллинизма. По линіи Іордана звеньями этой цѣпи были города Заіорданья. Здѣсь Веспасіанъ и Домиціанъ поселили сильныя группы римскихъ ветерановъ, конечно, греческаго происхожденія; сюда, для поддержанія этихъ новыхъ носителей римскаго вліянія и эллинизма и для ихъ обогащенія постарались направить Флавіи и торговлю Петры. Объ этой дѣятельности Флавіевъ такъ краснорѣчиво говорятъ и надписи, и руины Герасы. Что эта политика была направлена косвенно противъ Александріи, не подлежитъ сомнѣнію. И этотъ ущербъ Александріи Флавіи нанесли сознательно. Въ I в. по Р. Хр. Александрія стала слишкомъ богата и слишкомъ горда. Съ презрѣніемъ и ненавистью смотрѣли александрійцы на римлянъ. Не разъ подымала голову оппозиція въ Александріи и только энергичное вмѣшательство римской власти не давало александрійскимъ еврейскимъ погромамъ развиваться въ настоящія возстанія. При такихъ условіяхъ понятно, что Флавіи и ихъ преемники охотно направили часть восточныхъ товаровъ, раньше шедшихъ черезъ Александрію въ

остальные части римской имперіи, черезъ города Заіорданья, развитіе которыхъ было такъ важно для цѣлей имперской политики.

Въ этомъ свѣтѣ становятся понятными и политика Траяна и его преемниковъ и колоссальный, сказочный ростъ Заіорданскихъ городовъ во II в. по Р. Хр. Я уже говорилъ о томъ, какъ Траянъ наложилъ свою твердую руку на Петру, сдѣлалъ ее автономной частью своей новой провинціи Аравіи и опредѣленно указалъ ей, что отнынѣ торговля ея пойдетъ не только по Красному морю въ Египеть, но и черезъ города Заіорданья въ Дамаскъ и къ Финикійско-Сирійскому побережью. Не можетъ быть сомнѣнія, что политика Траяна продиктована была какъ вышеуказанными соображеніями, касающимися Александріи и Палестины, такъ и его отношеніями къ Парѣи и Месопотаміи, о которыхъ въ слѣдующей главѣ. Его политику въ Аравіи и Заіорданьи продолжали и его преемники: Адрианъ, Антонинъ, М. Аврелій и Коммодъ, а затѣмъ и династія Северовъ. Это время было временемъ высшаго расцвѣта Герасы. Лучшія зданія Герасы выстроены были въ это время. Только въ это время городъ широко раздвинулся на обѣ стороны рѣки. И только въ это время онъ сдѣлался типично караваннымъ городомъ. Но объ этомъ ниже.

Смута III в. по Р. Хр. прервала это развитіе. Никто не завоевывалъ и не разрушалъ городовъ Заіорданья въ это время. И все же это было время разрушенія и распада. Одна христіанская надпись конца V в. по Р. Хр. краснорѣчиво описываетъ, чѣмъ сдѣлались въ это время центральные кварталы Герасы, окружавшія храмъ Артемиды: мерзость, заустѣнія царила здѣсь; кости и гніющіе остатки животныхъ заражали воздухъ вокругъ; смерть и распадъ. Оправилась ли Петра отъ этого распада III в., мы точно не знаемъ. Но Гераса не умерла. Изъ языческой она постепенно сдѣлалась христіанской. Рядомъ съ храмами выросли скромныя церкви. Мѣсто Солнца и Луны занялъ побѣднѣй Крестъ. Но жизнь города въ это время была жалкой — преддверіемъ смерти.

Возродилась Гераса позднѣе — при Юстиніанѣ. Каковы были причины этого возрожденія, выяснятъ **тѣ**, кто когда-нибудь серьезно займется исторіей караванной торговли въ поздне-римское и византійское время. Несомнѣнно одно: черезъ Петру ли или черезъ города-преемницы Петры въ Аравіи, но караванная

торговля вновь пошла при Юстинианѣ по Заіорданской дорогѣ. И немедленно вновь расцвѣла Гераса. Рядомъ съ руинами храма Артемиды выросла колоссальная церковь — соборъ Θεодора Стратилата съ нимфеемъ — соперникомъ языческаго и могучими Пропилеями — соперниками Пропилей Артемидовскихъ. Повсюду, во всѣхъ языческихъ общественныхъ зданіяхъ угнѣздились другія церкви и расцвѣтились живописью и мозаикой. Не забыта была и та часть населенія, которая еще не сдѣлалась христіанскою или оставалась полухристіанскою. Для нея Юстинианъ возстановилъ театръ и бассейнъ знаменитаго семитическаго праздника Маюмъ, столь ненавистнаго отцамъ церкви, столь распушеннаго и безнравственнаго съ ихъ точки зрѣнія.

Но подъемъ Герасы длился недолго. Нашла гроза Сасанидская, а за нею наступило владычество арабовъ при и послѣ Магомета. Въ дѣлѣ разрушенія города приложили свою руку и тѣ, и другіе. Но не они убили Герасу и другіе центры эллинизма Заіорданья. Это сдѣлала караванная торговля. Ея живая вода создала Герасу въ нѣсколько десятилѣтій. Изсыкла она, и умерла Гераса, какъ умерла и Петра. И сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ видимъ мы ее теперь. Одной изъ самыхъ поэтическихъ руинъ столь богатой руинами Сиріи и однимъ изъ наиболѣе многообъясняющихъ объектовъ археологическаго воздѣйствія современныхъ ученыхъ.

Что же сдѣлали мы археологи въ Герасѣ? Еще лѣтъ десять тому назадъ поѣздка въ Джерашъ (современное имя Герасы) была дѣломъ сложнымъ и труднымъ. Теперь это проще простаго. Сѣли утромъ въ автомобиль въ Іерусалимѣ, и къ завтраку вы въ Джерашѣ. Неудивительно, что въ прошломъ вѣкѣ число посѣтителей Джераша считалось единицами, теперь — сотнями, а скоро будетъ считаться тысячами. Неудивительно также, что въ прошломъ археологи довольствовались съемкой руинъ и копированіемъ надписей, теперь же настала для Джераша эра научныхъ, систематическихъ раскопокъ. Нужно, однако, сознаться, что пока раскопки дали довольно мало новаго матеріала. Главное, что намъ извѣстно, добыто собираніемъ и занесеніемъ на планъ имѣющихся руинъ старшимъ поколѣніемъ археологовъ. Среди этого старшаго поколѣнія почетное мѣсто занимаютъ нашъ соотечественникъ кн. Абамелекъ-Лазаревъ, опубликовавшій очень цѣнную работу о Джерашѣ (въ сотрудничествѣ съ Ром. Хр. Лепе-

ромъ) съ рядомъ превосходныхъ фазастафій и нѣмецкій археологъ Шухардтъ, впервые сдѣлавшій болѣе или менѣе точную съемку какъ всего города, такъ и отдѣльныхъ его зданій.

На базѣ работъ археологовъ XIX в. работаемъ мы археологи XX-го в. Началь научные раскопки въ Джерашѣ директоръ Британской школы въ Иерусалимѣ проф. Гарстангъ. За время его директорства въ Иерусалимѣ Заіорданье организовано было въ «самостоятельное» государство съ очень интересной конституціей: во главѣ государства стоитъ эмиръ, живущій въ новенькомъ дворцѣ въ столицѣ своего царства Амманѣ. Управляетъ же кабинетъ министровъ изъ мѣстныхъ людей; при каждомъ изъ этихъ туземныхъ министровъ имѣется однако «совѣтникъ» — англичанинъ. Имѣетъ эмиръ и армию: заіорданскій легионъ. Но офицеры этой армии — англичане. Такъ оно было, вѣроятно, и при Птолемахъ. При эмирѣ состоитъ и «директоръ древностей». Мѣсто это занимаетъ теперь англичанинъ Горсфильдъ, прекрасный архитекторъ, добросовѣстный археологъ и хорошій знатокъ края. Наряду съ британской школой работаетъ въ Джерашѣ и Горсфильдъ. На ничтожныя средства онъ не только раскапываетъ, но и реставрируетъ грозящія гибелью руины. Къ этимъ двумъ учрежденіямъ присоединилось въ послѣдніе два года третье: Университетъ, членомъ котораго я имѣю честь состоять — т. е. Ізельскій. Нашей задачей за эти два года было изслѣдовать христіанскій Джерашъ. Горсфильдъ посвятилъ себя руинамъ Джераша языческаго.

Не моя задача дать подробный рефератъ о сдѣланномъ. Многое изъ сдѣланнаго еще не опубликовано, и мнѣ не хотѣлось бы нарушать права тѣхъ, кому принадлежитъ право публикаціи. Позволю себѣ однако въ немногихъ словахъ набросать общій очеркъ того, чѣмъ былъ Джерашъ во время высшаго своего расцвѣта — во II в. по Р. Хр. Чѣмъ былъ Джерашъ до этого и чѣмъ онъ сталъ послѣ, это трудныя проблемы, до сихъ поръ не выясненныя. Эллинистическій и ранѣе римскій Джерашъ и послѣ раскопокъ послѣднихъ лѣтъ — загадка. Только постепенно выясняютъ наши раскопки картину Джераша христіанскаго — Джераша IV-го и послѣдующихъ вѣковъ послѣ Рождества Христова.

Какъ и Петра, Джерашъ въ руинахъ своихъ ярко подчеркиваетъ строеніе своего костяка. Стѣны города, его

опоясывающія, для Джераша не характерны. Это — случайный придатокъ, подчеркивающей особенности мѣстности, въ которой расположенъ Джерашъ. Время стѣнъ намъ неизвѣстно, но вѣроятность говорить за сравнительно позднее происхождение. Сомнѣваюсь, чтобы стѣны принадлежали эллинистическому времени, какъ думаютъ нѣкоторые ученые. Врядъ ли и Флавій и Траянъ укрѣпляли города внутри военной границы своей имперіи. Тѣмъ характернѣе три другихъ части костяка Джераша: его спинной хребетъ — караванная дорога, его сердце — большой храмъ и его база, его ноги — яйцевидный караванъ-сейрай, окруженный колоннами.

Если въѣзжаешь въ Джерашъ со стороны Аммана, первое зданіе на пути — это типичная для многихъ городовъ римской имперіи т. наз. триумфальная арка, символическія ворота города, славящія римскую имперію и ея хозяина императора. Слѣдующая руина находится по лѣвую руку, для въѣзжающаго въ городъ. Она все еще внѣ города. Это большой гипподромъ — конское ристалище. Съ этой руиной связано забавное недоразумѣніе. Общее мнѣніе всѣхъ ученыхъ даетъ этой руинѣ имя «навмахія». Какъ попала навмахія — мѣсто гладиаторскихъ боевъ на водѣ на границы пустыни, въ мѣста, гдѣ вода на вѣсъ золота — секретъ изобрѣтателей этого названія. Въ самомъ зданіи нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ какого либо приспособленія для наполненія прямоугольной площади съ полукруглымъ однимъ концомъ водою. Назначеніе зданія очевидно. Это — ристалище. Врядъ ли настоящій циркъ. Скорѣе нѣчто болѣе прозаическое и болѣе подходящее для караваннаго города: лошадиный, верблюжий и ослиный рынокъ, можетъ быть, съ присоединеніемъ и другого скота. Здѣсь караваны покупали нужныхъ и продавали ненужныхъ имъ животныхъ. Форма рынка продиктована была желательностью дать возможность продавцу и покупателю испробовать животное. Весьма вѣроятно, что отъ времени и до времени рынокъ служилъ и ристалищемъ, на которомъ устраивались бѣга и скачки.

За гипподромомъ черезъ нѣсколько минутъ ходу караванъ, шедшій изъ Аммана, входилъ въ южныя ворота города. Характерно, что здѣсь у этихъ воротъ стѣна дѣлаетъ курьезный выступъ, чтобы включить въ укрѣпленный городъ два эффектныхъ зданія: большой и богатый храмъ и театръ. Расположеніе этихъ двухъ роскошныхъ зданій

на краю города у самыхъ стѣнъ не такъ легко объяснить. Бросается въ глаза и то, что эта группа зданій города ориентирована иначе, чѣмъ весь остальной городъ съ его прямыми улицами, идущими съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ. Несомнѣнно, что общая ориентировка города — дѣло рукъ римскаго времени. Если такъ, то театръ и храмъ не созданія римской эпохи, а наслѣдіе стараго эллинистическаго Джераша. Храмъ, посвященный Зевсу, т. е. мѣстному Баалу, никогда раскопанъ не былъ, и исторіи его мы не знаемъ. Но театръ Горсфильдъ тщательно разслѣдовалъ. Его зрительный залъ на 4500 зрителей выстроенъ въ ранне-римское время, его сцена много разъ перестроена и еще не изслѣдована исторически. Мое впечатлѣніе, что древнѣйшая сцена восходитъ еще къ эллинистическому времени. Если такъ, то весьма возможно, что храмъ и театръ — остатки эллинистическаго города и что самый городъ этотъ не расположенъ былъ, какъ обыкновенно думаютъ, на в. берегу ручья, а занималъ южную часть позднѣйшаго римскаго города.

Въ римскій городъ караванъ входилъ сейчасъ же, минуя ворота города. Первымъ архитектурнымъ комплексомъ этого города, его встрѣчавшимъ, была оригинальная и по формѣ, и по стилю площадь. Это яйцевидная, окруженная іоническими колоннами, не замыкающими свободного пространства со всѣхъ сторонъ, мощеная площадь, назначеніе которой все еще является проблемой, такъ какъ ни сама площадь, ни зданія, ее окружающія, никогда разслѣдованы не были. Мнѣ думается, что и здѣсь, какъ и въ Петрѣ, первымъ архитектурнымъ комплексомъ города, встрѣчавшимъ караваны, былъ одинъ или нѣсколько караванъ-сераевъ, площадей-базаровъ, окруженныхъ складами и заѣзжими дворами, какъ въ современныхъ караванныхъ городахъ. Караванъ останавливался здѣсь. Разгружались верблюды, товары сносились въ склады, люди мылись и чистились. И только послѣ этого, послѣ того какъ путники принимали цивилизованный видъ входили они чистые и изящные въ чистый и изящный городъ.

Отъ яйцевидной площади начинается, какъ и въ Петрѣ, гордость Джераша, гордость каждаго караваннаго города — караванная дорога, превращенная въ широкій проспектъ, фланкированный съ двухъ сторонъ колоннами (всѣхъ было болѣе 500, сохранилось болѣе 70) и перехваченный въ двухъ мѣстахъ — въ началѣ и концѣ центральной части

проспекта типичными для городовъ Сиріи четырехпроектными воротами — тетрапилами. Между этими тетрапилами высились на обѣ стороны дороги фасады главныхъ зданій города. Изъ нихъ мы знаемъ два: недавно раскопанный Горсфильдомъ трехэтажный декоративный фасадъ нимфея, храма и водопровода одновременно, съ его бассейномъ, нишами, статуями, струями воды, разноцвѣтной мраморной обкладкой, и рядомъ съ нимъ другой декоративный фасадъ — монументальныя Пропилеи, ведшія подъ прямымъ угломъ отъ улицы прямо вверхъ къ платформѣ главнаго храма города — святилища великой богини, руководительницы каравановъ, хранительницы и «Счастья» (Тихе, Фортуна) города, которую греческіе жители города звали Артемидой. Къ ней, къ этой властительницѣ и госпожѣ шли прежде всего тѣ сотни людей, которые вливались отъ времени до времени въ городъ въ караванами: мужчины, женщины и дѣти, важные водители каравановъ и богатые купцы, и скромные погонщики верблюдовъ и ословъ, свободные и рабы. Всѣ шли поклониться своей госпожѣ, омыться водою ея фонтана, очиститься отъ скверны и принести ей свой даръ и свой обѣтъ. Медленно шли они вверхъ по многоступенной монументальной лѣстницѣ, черезъ грандіозныя ворота, такъ тщательно возстановляемая теперь Горсфильдомъ, между могучими колоннами къ широкой платформѣ храма, къ монументальному его алтарю и къ многоколонному фасаду.

Храмъ Артемиды, несомнѣнно, самая импозантная руина города. Высятся и сейчасъ еще многія колонны его съ ихъ чудными превосходно сохранившимися коринѣскими капителями. Можно войти и подъ могучіе своды, на которыхъ покоится платформа храма, гдѣ теперь устроенъ архитектурный и эпиграфическій музей руинъ. Но храмъ, несмотря на это, все еще загадка, онъ все еще таинствененъ въ своемъ великолѣпіи. Когда созданъ былъ онъ, кѣмъ и какъ? Что было здѣсь до его постройки? Было ли это мѣсто свято и до рожденія караваннаго города? На все это можетъ быть дадутъ отвѣтъ раскопки. Но до сихъ поръ никто еще за нихъ не взялся.

Таковы главныя линіи города. Какъ и Петра, Джерашъ — городъ, созданный караванами и для каравановъ. Остальное въ городѣ — второстепенно. Не даромъ же стерло его время. Менѣе второстепененъ, можетъ быть,

комплексъ зданій за храмомъ Артемиды, какъ бы его аннексъ — крытый театръ съ причудливой площадью передъ нимъ. Не былъ ли это политическій центръ римскаго города — мѣсто собранія народа и совѣта и одновременно мѣсто религиозныхъ церемоній, священныхъ музыки и танца, связанныхъ съ культомъ? Все какъ и въ храмѣ Артемиды въ Дурѣ, о которомъ ниже, но все въ болѣе грандіозномъ масштабѣ.

Таковъ городъ на западномъ берегу Хрисорроя. Топографія кварталовъ на восточномъ берегу неясна. Руины здѣсь никогда не были значительны и линіи ихъ окончательно стерты угнѣздившейся здѣсь деревенскій черкесовъ, выходцевъ изъ русскаго Кавказа, которые въ 1860 году перенесли подъ руку султана и въ 1878 г. поселены были въ Джерашѣ. Кое-кто изъ нихъ еще говоритъ по русски. Врядъ ли эту часть города надо считать старымъ, эллинистическимъ городомъ. Скорѣе это — расширение города по ту сторону рѣки, его жилые кварталы, его предмѣстья, его зданія утилитарнаго назначенія. И посейчасъ еще высятся здѣсь руины большихъ и роскошныхъ бань, менѣе роскошныхъ, впрочемъ, чѣмъ бани на зап. берегу ручья.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ обликъ города въ эпоху ранней римской имперіи. Не измѣнились его основныя линіи и позднѣе, когда городъ сдѣлался христіанскимъ и великая Артемида изъ властительницы и госпожи стала злымъ демономъ, символомъ силъ Ада. Но аспектъ города сталъ инымъ. Одно за другимъ захватываютъ лучшія зданія города христіанскія церкви уже въ эпоху разрушенія и опустѣнія — въ III и IV в. в. по Р. Хр. Но раннія эти христіанскія церкви малы и скромны и тягаться съ языческими зданіями не могутъ. Настало однако возрожденіе города въ VI в. по Р. Хр., главнымъ образомъ, при Юстиніанѣ, и христіане поставили себѣ цѣлью на развалинахъ и изъ развалинъ стараго, языческаго города создать новую христіанскую Герасу, такую же блестящую, какъ и старая. Я уже говорилъ, какъ рядомъ съ храмомъ Артемиды, параллельно ему, возникаетъ соборная церковь, мартирій Θεодора Стратилата, мученика-воителя, христіанская копія храма Артемиды со своими пропилями, со своей монументальной лѣстницей, со своей богатой живописью, со своими мозаиками и скульптурой. Характерна одна подробность въ структурѣ храма, какъ ее выяснили наши раскопки.

Центръ сложной, постепенно выросшей церкви, дворъ между церковью V-го и VI-го в. и выходящей на улицу болѣе старой церковью вѣроятно IV в., имѣетъ характерную и интересную конструкцію. Онъ весь сгруппированъ около монументальнаго фонтана, къ которому изъ церкви Θεодора ведутъ эффектныя лѣстницы и передъ которымъ сзади абсиды позднѣйшей церкви высится епископское сѣдалище. Нѣтъ сомнѣнйя, фонтанъ, христіанскій нимфей былъ выстроенъ здѣсь какъ соперникъ языческому фонтану — нимфею Артемиды. Но этого мало. Епифаній, епископъ Кипра въ одномъ мѣстѣ своего Параніонъ, говоря (около 475 г.) о чудесахъ христіанскаго міра, называетъ рядъ мѣстъ, гдѣ въ день чуда въ Канѣ Галилейской, совпадающій съ днемъ Преображенія, вода въ источникахъ, т. е. въ фонтанахъ превращается въ вино. Среди этихъ мѣстъ онъ называетъ и Герасу. Чудо совершилось въ «мартиріи» этого города. Несомнѣнно, что здѣсь совершалось чудо, оно встало на мѣсто подобнаго же чуда языческихъ мистерій, мистерій Діониса. Вспомнимъ теперь церковь Стратилата съ ея фонтаномъ. Не очевидно ли, что фонтанъ этой церкви и есть тотъ фонтанъ, гдѣ въ Герасѣ вода превращалась въ вино? И не ясно ли, что то-же чудо свершалось, вѣроятно, въ языческое время въ храмѣ или около храма Артемиды? Вспомнимъ, что мужская ипостась Артемиды въ этихъ мѣстахъ сѣверной Аравіи былъ Дусаресъ, богъ растительности, котораго греки отождествляли съ Діонисомъ.

Не одиноко стоялъ въ христіанскомъ Джерашѣ храмъ Θεодора. Уже до нашихъ раскопокъ извѣстны были три церкви въ Джерашѣ, кромѣ церкви Θεодора. Всѣ эти церкви мы разслѣдовали. Всѣ VI в., времени Юстиніана. Но къ нимъ мы прибавили еще столько же. Всюду гдѣ только имѣлось большое скопленіе камней въ руинахъ Джераша, первые же удары кирки показывали, что мы имѣемъ дѣло съ христіанской церковью и всѣ эти церкви возникли въ одно и то же время. Истинно христіанскимъ сдѣлался Джерашъ при Юстиніанѣ и не бѣденъ былъ его христіанскій обликъ. Правда, всѣ церкви выстроены изъ матеріала старыхъ языческихъ зданій. Но во всѣхъ внутреннее убранство ново. Роспись, мозаика стѣнъ и сводовъ конечно исчезли. Но кое-какіе остатки половыхъ мозаикъ уцѣлѣли. Двѣ изъ нихъ многое говорятъ историку и археологу. Борты этихъ мозаикъ украшаютъ схематичные виды древнихъ

городовъ съ приписанными именами. Большая часть этихъ видовъ исчезла, но нѣсколько осталось. Судьбѣ угодно было, чтобы въ двухъ мозаикахъ этого типа сохранился одинъ и тотъ же видъ: видъ великой Александрии съ ея знаменитымъ маякомъ — Фаросомъ. Рядомъ съ видомъ Александрии на одной изъ мозаикъ высится другой городъ. Имя ему Мемфисъ.

Оставляю въ сторонѣ важность этихъ мозаикъ для исторіи византійскаго искусства и для топографіи Александрии и Мемфиса византійскаго времени. Все это выяснитъ тотъ, кому судьба позволила открыть эти мозаики и чье право опубликовать ихъ — г-нъ Кровфутъ. Меня въ этомъ очеркѣ интересуетъ въ нихъ слѣдующее. Случайно сохранились образы двухъ городовъ: Мемфиса и Александрии — начала и конца цивилизаціи въ Египтѣ. И тотъ, и другой городъ теперь при Юстиніанѣ важны не потому, что они носители многовѣковыхъ историческихъ традицій. Теперь, въ эпоху великаго христіанскаго императора, ихъ роль иная. Они носители новой культуры, культуры христіанской имперіи и то, что изображено въ нихъ какъ символъ и знаменіе времени, это не великія зданія прошлаго, а могучіе храмы христіанскаго культа, наслѣдники и продолжатели въ новомъ аспектѣ великой античной культуры. То, чѣмъ въ Константинополѣ была св. Софія, въ Римѣ Латеранъ и св. Марія Маджіоре, въ Александрии и Мемфисѣ ея великія церкви, этимъ въ Герасѣ былъ мартирій Θεодора Стратилата и десятки другихъ церквей, разбросанныхъ по лицу всего города.

Но живучъ и цѣпокъ Востокъ. Сотни лѣтъ жила въ Герасѣ языческая греческая цивилизація. Ее смѣнила греческая христіанская культура. Но стоило накатиться сначала волнъ персидскаго Ормудза, а затѣмъ девятому валу Аллаха и какъ миражъ исчезла эта вѣковая, казалосбы, такая прочная греческая надстройка. И вновь встал полумѣсяцъ на горизонтѣ Герасы надъ руинами языческаго и христіанскаго города. Исчезли колонны и портики. На ихъ мѣстѣ не построены были мечети. Остались степь, источники, козы и бедуины.

М. Ростовцевъ.

О характерѣ русской религиозной мысли XIX-го вѣка

I.

Мотивы русской христіанской мысли XIX вѣка не были еще достаточно оцѣнены. Въ ней была неразрѣшенная проблематика, которая передастся вѣкамъ послѣдующимъ. XIX вѣкъ былъ у насъ вѣкомъ раздвоеннымъ и расколотымъ, нецѣльнымъ и беспочвеннымъ, вѣкомъ нарастающей революціи. Но то былъ великій вѣкъ, вѣкъ расцвѣта русской духовной культуры, вѣкъ великой русской литературы, не только равной величайшимъ литературамъ міра, но въ нѣкоторыхъ тѣчкахъ и превышающей ихъ. Только XIX вѣкъ былъ у насъ вѣкомъ мысли и слова. До него народъ русскій былъ народомъ почти безмысленнымъ и безсловеснымъ. Мысль наша была лишь въ невыраженной потенціи, слово было лишь внутреннимъ. До Петра древняя Русь знала высокую пластическую культуру, зодчество и иконопись, культуру быта и исключительно народную литературу. Были у насъ великіе святыи и культъ свято-сти. Но мысли религиозной, богословской и философской у насъ не было, Русь не пробудилась еще для мысли. Православный міръ долгія столѣтія жилъ въ снѣ мысли. Православіе пережило лишь вѣкъ патристики, но не имѣло своего вѣка схоластики, не пережило того возрожденія мысли, которое на Западѣ произошло еще въ глубинѣ средневѣковья. Православная мысль въ допетровской Руси связана была исключительно съ религиозной миссіей русскаго государства, съ обоснованіемъ идеи русскаго православнаго царства. Таковъ инокъ Филофей съ его идеей Москвы какъ третьяго Рима, Іосифъ Саникъ, Іоаннъ Грозный. Издревле уже, еще въ русскомъ средневѣковьи пробуждаются исторіософическіе мотивы мысли, которые будутъ столь характерны для нашего XIX вѣка. Эти исто-

рѳософическіе мотивы прозвучать въ нашемъ церковномъ расколѣ и составлять главное его идейное содержаніе. Расколъ произошелъ не только отъ невѣжества и отъ темнаго обрядовѣрья, но и отъ борьбы за заложенную въ глубинѣ народнаго сознанія мессіанскую идею православнаго царства, призваннаго хранить въ мірѣ истинную вѣру. Но русская мысль по настоящему родилась отъ потрясенія, вызваннаго величайшимъ событіемъ русской исторіи — реформой Петра. Революція, произведенная Петромъ, углубила церковный расколъ и расширила его. Народное сознаніе отвѣтило на дѣло Петра созданіемъ легенды, что русское царство перешло къ антихристу. Этимъ былъ уготовленъ въ подсознательной жизни русскаго народа, въ ночной его душѣ, анархизмъ русской мысли XIX вѣка. Въ расколѣ заключались уже сильныя нигилистическіе мотивы, которые потомъ обнаружались въ мышленіи нашей интеллигенціи, тоже раскольничьей по своему духу. Въ XIX вѣкѣ расколъ поднялся выше и охватилъ нашъ культурный мыслищій слой, нашу вновь образующуюся интеллигенцію. Славянофилы были нашими раскольниками въ одномъ смыслѣ, народники — социалисты въ другомъ.

Дневная, сознательная душа русскаго народа въ лицѣ новаго европеизированнаго слоя жила въ XVIII вѣкѣ поверхностной жизнью и не обнаружила оригинальной творческой мысли. Русское барство XVIII вѣка вѣшше пріобщалось къ европейской цивилизаціи и отражало теченія западной мысли. Вслѣдъ за западной мыслью того времени создались и на русской почвѣ вольтерьянство и масонство, вольнодумное просвѣщеніе и духовныя, мистическія исканія. Также и у насъ отразилась двойственность европейскаго XVIII вѣка, вѣка Вольтера, Дидро, Гельвеція и вѣка Мартина де Пасквалиса, Сень-Мартена, Сведенборга, Лафатера, Юнга Штиллинга. Но творческая русская мысль въ этихъ теченіяхъ XVIII вѣка не пробудилась, ничего оригинальнаго не создали русскіе вольтерьянцы-просвѣтители и мистики-масоны. Новиковъ и Радищевъ — типичные представители этихъ двухъ теченій XVIII вѣка. Масоны пытались создать свободную самоорганизацию общества, преслѣдующаго цѣли духовнаго просвѣщенія. Но они отражали мысли второстепенныхъ теософовъ и мистиковъ Запада въ родѣ Юнга Штиллинга и Эккартгаузена. Въ русскомъ же свободомыслящемъ просвѣщеніи оказались единственными оригинальными и чреватými

послѣдствіями слова Радищева: «Душа моя страданіями челоуѣчества уязвлена стала». Съ этихъ словъ началась исторія русской народолюбивой интеллигенціи. Въ мысли богословской XVIII вѣкѣ не создалъ ничего оригинальнаго. Русская православная мысль еще не народилась. Традиція греческой патристики, основная для православія, была прервана и утеряна, въ теченіе долгихъ вѣковъ она не порождаетъ движенія мысли. Когда у насъ народилась потребность въ богословствованіи, то пришлось обратиться къ мысли западной, католической и протестантской. Католическое вліяніе просачивалось черезъ Кіевскую Духовную Академію, черезъ Петра Могилу. Стефанъ Яворскій и Феофанъ Прокоповичъ отражали то католическое богословствованіе, то богословствованіе протестантское. Учительскія силы церкви были ослаблены и подорваны расколомъ. Въ замѣчательную эпоху Александра I лишь разрыхлилась душевная почва и народилась раздвоенная душа XIX вѣка. Но мистическое движеніе этой эпохи, носившее рѣзко интерконфессиональную окраску, по мысли своей было неоригинально.

Оригинальной и творческой русская мысль стала лишь въ XIX вѣкѣ. Лишь въ этотъ вѣкъ русской мысли удалось сказать свое слово. Два факта начала вѣка предшествуютъ рожденію русской мысли и русскаго самосознанія — отечественная война и явленіе Пушкина. Отечественная война была благодатнымъ потрясеніемъ русскаго народа, въ которомъ на мгновеніе русскій культурный слой петровской эпохи и слой народный почувствовали себя принадлежащими къ единой націи. Русскій народъ въ цѣломъ почувствовалъ себя способнымъ къ дѣянію, имѣющему освободительное значеніе для всей Европы. Русская гвардія вернулась изъ западной Европы съ большимъ запасомъ впечатлѣній и съ новыми культурными горизонтами. Но еще большее значеніе имѣло появленіе у насъ впервые великаго творческаго генія. Народъ, въ которомъ явился всеобъемлющій и чарующій геній Пушкина, могъ считать себя способнымъ къ великой культурѣ, онъ отвѣтилъ на призывъ Петра, и русская культура стала наряду съ великими культурами Запада. Въ Пушкинѣ обнаружилась русская всемірная отзывчивость, такъ оцѣненная Достоевскимъ. Творчество Пушкина вывело насъ изъ состоянія замкнутости. Для Александровской эпохи вообще характеренъ универсалистическій духъ. То была эпоха интег-

рирующая, а не дифференцирующая. Россія выходила изъ замкнутого и изолированного состоянія, приобщалась къ міровой жизни. Безъ такого размыканья и выхода въ міровую ширь невозможно сознание своего мірового призванія. Въ Александровскую эпоху все было еще размягчено. не было ничто кристаллизовано. Душа стала болѣе чуткой, воспримчивой и отзывчивой. Стала возможной болѣе глубокая рефлексія надъ русской судьбой, надъ мѣстомъ Россіи въ мірѣ. Оригинальная русская мысль рождается, какъ мысль исторіософическая. Она пытается разгадать, что помыслилъ Творецъ о Россіи. Каковъ путь Россіи и русскаго народа въ мірѣ, тотъ ли, что и путь народовъ Запада или совсѣмъ особый, свой путь? Россія и Европа, Востокъ и Западъ, вотъ основная тема русской рефлексіи, русскихъ размышленій. Русская судьба представлялась трагической и мучительной, и боль о ней вызывала особенно мучительную рефлексію мысли. Многое болѣло у русскихъ людей XIX вѣка и особенно хотѣлось мыслить о причинахъ болѣзни и способахъ излѣченія. Почему отъ реформъ Петра пошло такое раздвоеніе и расколъ, почему такъ беспочвенъ русскій культурный слой, почему нѣтъ органической связи между властью и обществомъ, между церковной іерархіей и церковнымъ народомъ, между интеллигенціей и народомъ? Можетъ быть, реформа Петра совершила насиліе надъ народной душой и толкнула Россію на ложный, не органическій путь. Мессіанская идея издревле глубоко запала въ душу русскаго народа. Но никогда не была ясно видна сила способная осуществить мессіанское призваніе Россіи. Это призваніе не могла осуществить древняя, допетровская московская Русь. Безъ реформъ Петра Россія была бы совсѣмъ отброшена назадъ, оттѣснена изъ всемірной исторіи и народъ русскій могъ стать второстепеннымъ народомъ. Но и Россія петровская, императорская не идетъ путемъ способнымъ осуществить религіозное призваніе русскаго народа. Русская имперія очень мало походитъ на третій Римъ. Нѣтъ цѣльности въ русской исторической судьбѣ. И сами славянофилы, въ противорѣчій съ ихъ органическимъ пониманіемъ русской исторіи, якобы не знавшей завоеванія и основанной на довѣрціи, принуждены признать, что дѣло Петра было катастрофическимъ и болѣзненнымъ прерывомъ. А церковный расколъ, а смутная эпоха, а татарское иго, а переходъ отъ Кіевской Ру-

си къ Руси Московской? Все это скорѣе свидѣтельствуеть о томъ, что для русской исторіи наиболѣе характерны расколы и катастрофическіе прерывы. Гораздо менѣе болѣзненна, болѣе органична исторія народовъ Запада.

Къ XIX вѣку Россія такъ сформировалась, что нашъ мыслящій строй почувствовалъ совершенную беспочвенность. Онъ и началъ остро мыслить и философствовать отъ сознанія своей совершенной беспочвенности и вистѣнія надъ бездною. Россія окончательно превратилась въ необъятное мужицкое царство, находящееся въ крѣпостной зависимости, безграмотное и совершенно чуждое тѣмъ путямъ, по которымъ пошла культура петровскаго періода, съ царемъ во главѣ, власть котораго религіозно санкціонировалась въ народномъ сознаніи, съ очень тонкимъ культурнымъ слоємъ, раздавленная между двумя силами — силой народной стихіи и силой царской власти, и съ очень плотнымъ и могущественнымъ слоємъ бюрократіи. Классы и сословія у насъ всегда были слабо развиты и не имѣли прочныхъ историческихъ традицій. Парадоксъ русской духовной культуры XIX вѣка заключался въ томъ, что беспочвенность русской мысли, ея воздушность, ея несвязанность прочной традиціей была не только ея слабостью и недостаткомъ, но и ея силой и качествомъ. Беспочвенность русской мысли въ XIX вѣкѣ и русской религіозной мысли въ частности была источникомъ ея необычайной свободы, невѣдомой народамъ Запада, слишкомъ связаннымъ своей исторіей. Беспочвенной и совершенно свободной мысли раскрылись безконечныя дали. Мысль наша, пробудившись, стала необычайно радикальной и смѣлой. И врядъ ли повторится у насъ такое свободолобіе и дерзновеніе. Мысль беспочвенная и раскольничья всегда бываетъ болѣе свободной, чѣмъ мысль почвенная и связанная органической традиціей. Не только наша революціонная, но и наша религіозная мысль была беспочвенна, она не принимала существующей дѣйствительности. Все наше мышленіе XIX вѣка стоитъ подъ знакомъ непринятія настоящаго, все оно обращено то къ прошедшему, то къ будущему. Наша религіозная мысль началась безъ традиціи, послѣ пятисотлѣтняго перерыва мысли въ православіи, она не школьная, и носителями ея были не іерархи церкви, а свободные мыслители. Величайшимъ православнымъ богословомъ Россіи будетъ конно-гвардейскій офицеръ и помѣщикъ А. С. Хомяковъ —

явленіе непонятное на Западѣ, гдѣ богословская мысль развивается іерархами церкви и профессорами богословскихъ школъ. Первымъ замѣчательнымъ русскимъ исторіософомъ былъ офицеръ лейбъ-гусарскаго полка Чаадаевъ. Хомяковъ не принимаетъ петровской императорской Россіи и обращенъ къ идеальной древней Руси. Чаадаевъ не принимаетъ всей русской исторіи и обращенъ къ идеальному Западу, къ величію всемірной исторіи. Замѣчательно для русской судьбы, что, когда мысль наша пробудилась въ Чаадаевѣ, русская власть отвѣтила признаніемъ его сумасшедшимъ. Русская религіозная мысль велика была своей проблематикой, внѣ сковывающей традиціи, внѣ ограничивающаго авторитета. Авторитетъ церковной іерархіи въ петровскій періодъ былъ настолько подорванъ, что она перестала быть внутренне импонирующей духовной силой, учащей и руководящей. Православнѣйшій Хомяковъ чувствовалъ себя нисколько не связаннымъ авторитетомъ іерархіи и не считалъ себя обязаннымъ руководиться ея мнѣніями. Онъ открыто презиралъ «Догматическое Богословіе» Митрополита Макарія и обвинялъ его въ недостаточно православномъ мышленіи. Свѣтская мысль взяла на себя задачу выработки православнаго богословія и христіанской философіи. И она чувствовала себя безусловно свободной, она сразу же сознала свободу, какъ самую первооснову православія. Это была мысль не только свободная, но и мысль о свободѣ, какъ основѣ христіанства.

Единственнымъ іерархомъ церкви необыкновенно одареннымъ и способнымъ къ оригинальному богословствованію былъ Митрополитъ Филаретъ, фигура во всѣхъ отношеніяхъ очень крупная, о которомъ Пушкинъ писалъ: «И всмлетъ арфѣ Серафима в ъсвященномъ ужасѣ поэтъ». Но Митрополитъ Филаретъ не могъ развернуться какъ богословъ, онъ былъ задавленъ гнетущими условіями, въ которыхъ находилось наше официальное богословіе *). Мысль Митрополита Филарета не была свободна, она была слинкомъ связана съ имперіей и подвержена ея гнету. Онъ вышелъ изъ интерконфессіональной мистической эпохи Александра I, былъ дѣятелемъ библейскаго общества и началъ богословствовать подѣ протестантскимъ

---

*) Изъ іерарховъ церкви можно еще упомянуть Архіепископа Иннокентія, умнаго, образованнаго и сравнительно свободнаго.

вліяніємъ, стараюсь преодолѣть протестантскія тенденціи, внутренне перерабатывая ихъ въ духъ православія. Богословіе Митрополита Филарета, очень терпимое къ инословнымъ вѣроисповѣданіямъ, есть богословіе библейское по преимуществу, въ этомъ его свособразіе. И Митрополиту Филарету не удастся создать русскій православный типъ богословія, какъ удастся создать Хомякову. На протяженіи всего XIX вѣка наше школьное богословіе іерарховъ церкви и духовныхъ академій ничего замѣчательнаго не создаетъ*). Въ него проникають элементы петровскаго просвѣщенія, раціонализмъ и номинализмъ. Древняя традиція православной мысли почти совершенно отсутствуетъ. Традиція платонизма въ христіанской философіи была возстановлена у насъ людьми свѣтской мысли, которые оказались ближе къ греческой патристичѣ, чѣмъ іерархи и профессора духовныхъ академій. И противъ русской свѣтской религіозной мысли возставали наши духовные круги не во имя древней традиціи, а во имя номинализма и раціонализма петровскаго синодальнаго періода. Было время когда въ духовныхъ академіяхъ у насъ считалась обязательной философія Вольфа, какъ наиболѣе соответствующая духу православія. Свѣжая струя въ богословской и религіозной мысли пошла у насъ отъ вліянія германскаго идеализма начала XIX вѣка.

II.

Постановка исторіософической темы о своеобразіи Россіи и русскаго пути съ неизбежностью вела русскую мысль къ религіозной философіи. Если русскій Востокъ есть особый міръ, отличный отъ міра Запада, то потому, что въ основаніи русской исторіи и русскаго духовнаго типа лежитъ восточное христіанство, православіе. Это признавали не только славянофилы, но и Чаадаевъ, который только дѣлалъ отсюда иные, пессимистическіе выводы. Философія исторіи, которая усматриваетъ въ православіи основу своеобразія русскаго историческаго процесса, неизбежно переходитъ въ религіозную философію, въ попытку осознать и осмыслить сущность православія въ его отличіи отъ западныхъ вѣроисповѣданій, католичества и

*) Въ духовныхъ академіяхъ почти не было творческаго богословія, но было много цѣннаго въ научномъ отношеніи

протестантизма. Рождается потребность создать православную философію. Официальное школьное богословіе, создавшееся подъ вліяніемъ мысли католической и протестантской, не удовлетворяло этой потребности. Русское православіе до сихъ поръ не имѣло своего богословія и своей философіи, въ немъ не пробудилась еще творческая мысль. И вотъ Ив. Кирѣевскій, первый мыслитель славянофильской школы, пытается формулировать задачи русской философіи, восточно-православной мысли, которая должна развиваться изъ господствующихъ интересовъ нашего народнаго бытія. И Кирѣевскій закладываетъ основаніе русской религиозной философіи, укорененной въ православномъ духовномъ типѣ. Дальше развивать ее будетъ А. Хомяковъ, обогащая ее гениальными богословскими интуиціями. Но и оригинальная религиозная философія не можетъ начинать съ пустого мѣста. Мысль не можетъ развиваться безъ традиціи, безъ связи съ прошлой исторіей мысли. И революція въ философскомъ и богословскомъ мышленіи предполагаетъ усвоеніе какихъ-то навыковъ мысли, вооруженность орудіями мысли, безъ которыхъ мысль безпомощна. Но славянофилы не чувствовали за собой никакихъ традицій русской православной и философской мысли. Ее просто не существовало, ее нужно было создать, положить основаніе традиціи. Греческая православная мысль остановилась и застыла въ глубинѣ вѣковъ, отъ нея мы давно оторвались, и она не можетъ отвѣтить на многіе вопросы, поставленные сознаниемъ XIX вѣка. Русская православная мысль пробудилась въ поздній часъ исторіи, послѣ того какъ были пережиты вѣка бурной исторіи Запада. Бурныя столкновенія католичества и протестантизма необычайно обострили мысль и породили разнообразныя умственные теченія. Были пережиты гуманизмъ и возрожденіе, просвѣщеніе и революція. Христіанская мысль должна отвѣтить на движенія и вопрошанія новаго времени. Патристика не даетъ отвѣта на очень многіе вопросы. Русская религиозная философія возникаетъ послѣ опыта новой исторіи, когда Россія была ввергнута въ водоворотъ міровой жизни. Наше мышленіе не могло оставаться изолированнымъ. И оно проявило большую отзывчивость на проблемы, воздвигнутыя сознаниемъ XIX вѣка. Религиозныя проблемы того времени ставились у насъ даже гораздо острѣе, чѣмъ въ мысли Запада. Но получалось очень парадоксальное положеніе, вы-

зывающее реакцію въ правыхъ православныхъ кругахъ, которые выражаютъ сомнѣніе въ православномъ характерѣ русской религіозной мысли XIX вѣка. Сомнѣніе это высказано относительно А. Хомякова, еще болѣе о Вл. Соловьевѣ.

Что это за православная русская мысль, которая основана на Шеллингѣ и германской идеалистической философіи? Тутъ мы встрѣчаемся съ основнымъ фактомъ въ исторіи русской философской и богословской мысли XIX вѣка. Вся наша наиболѣе оригинальная и творческая мысль сложилась подъ вліяніемъ германскаго идеализма и романтизма, Шеллинга и Гегеля. Шеллингъ былъ излюбленнымъ у насъ философомъ и это осталось до XIX вѣка. Философія же Гегеля была той почвой, отъ которой наша мысль отталкивалась и которую пыталась преодолѣть. Мысль православная пользовалась категоріями, выработанными германской идеалистической философіей. Какъ осмыслить этотъ фактъ? Не умаляется ли этимъ оригинальность нашей мысли и не подвергается ли сомнѣнію ея православность? К. Леонтьевъ въ XIX вѣкѣ и П. Флоренскій въ XX вѣкѣ рѣзко возстали противъ Хомякова и «славянофильскаго православія». К. Леонтьевъ противопоставлялъ православію хомяковскому православію аѳонское, филаретовское, оптинское, какъ настоящее. Онъ видѣлъ въ православіи хомяковскомъ сильную примѣсь элементовъ гуманистическихъ, протестантскихъ, либерально-демократическихъ. О. П. Флоренскій прямо обвиняетъ Хомякова въ протестантизмѣ, въ имманентизмѣ, въ гуманизмѣ. Хомяковъ обвиняется въ томъ, что свое ученіе о свободѣ онъ взялъ не изъ православія и православной традиціи, а изъ германскаго идеализма, который былъ вдохновленъ паѳосомъ свободы. Отказывались найти православную традицію, которая бы подтверждала хомяковское ученіе о свободѣ, какъ основѣ православнаго пониманія церкви. Нападенія на Вл. Соловьева будутъ еще сильнѣе и онъ еще болѣе будетъ обвиняться въ заимствованіяхъ отъ Шеллинга и германскаго идеализма*). Съ точки зрѣнія крайней ортодоксіи реакція противъ русской религіозной мысли, единственной оригинальной и творческой у насъ, можетъ произвести впечатлѣніе обоснованной. Эмпириче-

*) Этому противорѣчитъ другое обвиненіе противъ Вл. Соловьева — въ чисто католическомъ характерѣ его мышленія.

ская православная церковь, какой мы ее находимъ въ исторіи, не походитъ на церковь хомяковскую, идеальную, основанную на любви и свободѣ. Хомяковская соборность не могла себя выразить въ нашей церкви. Церковь была подавлена государствомъ, которое не допускало соборовъ. Не такъ легко найти въ эмпирическомъ православіи и соловьевское ученіе о Богочеловѣчествѣ, какъ сущности христіанства.

Въ дѣйствительности смыслъ того, что у насъ произошло, совсѣмъ иной. Съ наименьшимъ основаніемъ, чѣмъ русскую религіозную мысль, можно было бы обвинить греческую патристику въ недостаточно православномъ и христіанскомъ характерѣ. Какъ извѣстно, либеральные протестантскіе историки догматовъ, напримѣръ, Гарнакъ, обвиняютъ греческихъ учителей церкви, вырабатывающихъ догматику, въ эллинизации христіанства, въ подчиненіи Евангелія и христіанскаго откровенія эллинской философіи. И дѣйствительно греческіе учителя церкви, когда понадобилась защита христіанскаго откровенія на путяхъ мысли и познанія и выработка догматическихъ формулъ, очень воспользовались высшей философійю того времени, эллинской языческой философійю, главнымъ образомъ Платономъ и неоплатонизмомъ. Платонизмъ оказался источникомъ христіанской философіи и христіанскаго богословія. То же самое дѣлалъ на Западѣ св. Тома Аквинатъ, который окрестилъ Аристотеля и настолько воспользовался категоріями аристотелевской философіи для развитія католической теологіи и метафизики, что католическая догматика оказалась сращенной съ аристотелизмомъ. Несомнѣнно Платонъ и Аристотель были не болѣе, а менѣе христіанами, чѣмъ Шеллингъ и Гегель. И вотъ я утверждаю, что русская религіозная мысль XIX вѣка дѣлала дѣло аналогичное тому, которое дѣлали въ свое время греческіе учителя церкви. Какъ тѣ пользовались высшей философійю своего времени, Платономъ и неоплатонизмомъ для защиты и раскрытія христіанской истины, данной въ откровеніи, такъ русскіе религіозные мыслители дѣлали то же дѣло, пользуясь высшей философійю своего времени, Шеллингомъ и германскимъ идеализмомъ. Такъ всегда будетъ при пробужденіи христіанской мысли и познанія, при пробужденіи христіанскаго богословствованія и философствованія. Истина христіанскаго откровенія не можетъ зависѣть ни отъ Платона, ни отъ Шеллин-

га, ни отъ какой то бы не было челоуѣческой философіи. Но христіанская и въ данномъ случаѣ православная философія всегда есть философія и въ такомъ качествѣ зависить отъ путей философскаго познанія, отъ философской проблематики своего времени. Только при совершенномъ безмыслии и обскурантизмѣ можно это отрицать. Строить христіанскую философію при помощи Бергсона, какъ это пытались дѣлать католико-модернисты, можно съ такимъ же правомъ, какъ и строить ее при помощи Аристотеля. Томизмъ въ свое время былъ модернизмомъ. И одинаково ни съ какой философіей не можетъ имѣть обязательной связи христіанское откровеніе. Истина христіанскаго откровенія и догматы церкви не могутъ устарѣть, но философскія и богословскія доктрины учителей церкви, какъ и средневѣковыхъ схоластиковъ, могутъ относительно устарѣть и не отвѣчать потребностямъ современнаго сознанія и современной проблематики познанія. Что русскіе религіозные мыслители XIX вѣка пользовались Шеллингомъ и философскою мыслью своего времени, кажется недопустимымъ лишь тѣмъ православнымъ, которые въ отсутствіи мысли видятъ неотъемлемое свойство православія. Но въ этомъ случаѣ они совсѣмъ не будутъ вѣрны традиціямъ греческой патристики. Нужно еще сказать, что русская религіозная мысль XIX вѣка, отъ Хомякова до Вл. Соловьева, не перелагала на русскій языкъ германскихъ идеалистовъ, Шеллинга и Гегеля, а творчески претворяла ихъ и преодолевала, она шла отъ идеализма къ реализму. Пусть на хомяковское ученіе о свободѣ, лежащее въ основѣ его концепціи православной церкви, оказали вліяніе германскіе идеалисты. Изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что само это ученіе о свободѣ не христіанское и не православное. Въ этомъ можно увидѣть совсѣмъ иной смыслъ. Христіанство живетъ и движется въ исторіи. И передъ христіанскимъ сознаніемъ жизнь ставитъ все новые вопросы. Существуютъ разныя эпохи христіанства и каждая эпоха имѣетъ свои мученія и свои трудности для христіанской мысли. Наступала эпоха, когда должна была быть раскрыта христіанская свобода болѣе, чѣмъ это было раскрыто въ прежнія эпохи. У старыхъ учителей церкви мы не находимъ такого ученія о христіанской свободѣ, какъ у Хомякова. Но потому то и велика творческая заслуга Хомякова. Русская православная мысль XIX вѣка раскрываетъ въ христіанствѣ то, что не было достаточно рас-

крыто. Проблема свободы стоитъ въ центрѣ русской религиозной мысли, на этой проблемѣ она себя противопоставляетъ мысли католической. То же нужно сказать о гуманизмѣ русскихъ религиозныхъ мыслителей, Хомякова и потомъ Вл. Соловьева. Да, они были христіанскими гуманистами. Но въ этомъ ихъ сильная сторона. Нужно было христіански осмыслить гуманистическій опытъ новой исторіи, въ которомъ были поставлены проблемы невѣдомыя сознанію патристическому и схоластическому*). Проблема о человѣкѣ стоитъ въ центрѣ новаго сознанія. И нужно было начать раскрывать христіанское ученіе о человѣкѣ, о его призваніи въ мірѣ. Нужно было больше раскрыть, что христіанство есть религія Богочеловѣчества, сдѣлать выводы изъ христологическаго догмата. Человѣческая сторона въ жизни церкви была подавлена въ прошломъ и недостаточно раскрывалась человѣческая активность. Въ православіи былъ монофизитскій уклонъ. Его нужно было преодолѣть. Въ гуманистическомъ процессѣ новой исторіи дѣйствовали и христіанскія силы, но незримо и неосознанно. Русская религиозная мысль это раскрываетъ, особенно Вл. Соловьевъ въ своемъ ученіи о Богочеловѣчествѣ. Если въ традиціонномъ ученіи церкви нѣтъ такого ученія о свободѣ и человѣкѣ, то это указываетъ на его неполноту и недостаточную раскрытость христіанской истины. Въ этомъ была творческая задача русской религиозной мысли. То была мысль проблематическая съ сильнымъ профетическимъ элементомъ.

III.

Я не собираюсь писать исторіи русской религиозной мысли XIX вѣка, для этого нужна была бы цѣлая книга. Цѣль моя опредѣлить характеръ русской религиозной мысли и вскрыть ея основную проблематику. Каковы были основные мотивы и темы русской религиозной мысли XIX вѣка? Русскіе религиозные мыслители XIX вѣка создали мало совершенныхъ произведеній, которыя будутъ читаться послѣдующими поколѣніями, какъ книги классическія. Многіе изъ нихъ не написали ни одной настоящей книги и выразили свои замѣчательныя интуиціи лишь въ

---

*) Нужно впрочемъ сказать, что философія Св. Фомы Аквината была своеобразнымъ христіанскимъ гуманизмомъ.

статьяхъ. Это нужно сказать о Чаадаевѣ, о И. Кирѣевскомъ, А. Хомяковѣ), о К. Леонтьевѣ, Н. Федоровѣ. Бухаревъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ богослововъ XIX вѣка, чрезвычайно интересный по своей проблематикѣ, писалъ настолько тяжело, что его съ трудомъ можно читать. Русская религиозная мысль XIX вѣка замѣчательна не по совершенству своихъ твореній, а по своей религиозной взволнованности и скрытой въ ней проблематикѣ. Она поставила остро религиозныя проблемы нашей эпохи, которыя не имѣли еще никакого обязательнаго церковнаго разрѣшенія, и къ творческому разрѣшенію которыхъ будутъ призваны грядущія поколѣнія. Она не дала систематическаго богословскаго разрѣшенія этихъ проблемъ и въ этомъ была не только ея слабость, но и ея сила. Первое, что утверждала русская религиозная мысль XIX вѣка, это — христіанскую свободу. И она сдѣлала это въ формѣ, еще не бывшей въ исторіи христіанскаго сознанія. Хомяковъ и Достоевскій были у насъ главными глашатаями христіанской свободы. Все богословствованіе Хомякова есть гимнъ христіанской свободѣ. Для него не только церковная іерархія, не только Церковь не есть авторитетъ, но не есть авторитетъ и самъ Богъ. Категорія авторитета примѣнима лишь къ низшему плану бытія. Она унижаетъ величіе Бога. Богъ есть свобода и въ свободѣ лишь можетъ онъ раскрываться. Еще радикальнѣе защищаетъ свободу духа Достоевскій, который былъ величайшимъ нашимъ религиознымъ мыслителемъ. Въ «Легендѣ великаго инквизитора» Христоръ есть свобода духа, антихристоръ есть отрицаніе свободы, насиліе и принужденіе. Но русская идея христіанской свободы очень отличается отъ идеи христіанской свободы, какъ она выявляется въ мысли протестантской. Христіанская свобода на почвѣ православія не есть индивидуализмъ. Проблема свободы ставится совсѣмъ не въ противоположеніи церковнаго авторитета и индивидуализма. Авторитарное пониманіе Церкви есть обратная сторона индивидуализма. Когда индивидумъ органически живетъ въ Церкви, то Церковь не можетъ быть для него виѣшнимъ авторитетомъ. Христіанская свобода осуществляется въ соборной жизни. Только

---

*) Хомяковъ выразилъ свои гениальныя богословскія интуиціи въ полемическихъ статьяхъ. Его «Записки по всемірной исторіи», собранныя въ трехъ томахъ — черновыя замѣтки.

тогда свобода индивидуума не есть формальная и безсодержательная свобода, не есть свобода, какъ разграниченіе правъ, какъ защита. Достоевскій, который въ своей защитѣ свободы можетъ произвести впечатлѣніе анархиста, совсѣмъ не былъ индивидуалистомъ. Достоевскій былъ своеобразнымъ мистическимъ коллективистомъ и коллективизмъ этотъ онъ противопоставлялъ коллективизму атеистическому, отрицающему личность и свободу духа. Въ этомъ вся оригинальность русской проблематики свободы. Христіанская свобода совсѣмъ не есть борьба за право индивидуума, защищающагося и разграничивающагося съ другими индивидуумами. Проблема свободы ставится на большей глубинѣ. Свобода есть не право, а обязанность христіанства. Не человѣкъ требуетъ отъ Бога свободы, а Богъ требуетъ отъ человѣка свободы. Свобода есть бремя и тягота, которую нужно нести во имя высшаго достоинства и богоподобія человѣка. Богъ принимаетъ только свободныхъ духомъ, онъ не принимаетъ рабскаго поклоненія. Объ этомъ много говоритъ Хомяковъ. У ортодоксальныхъ протестантовъ остался вѣншній авторитетъ писанія, Слова Божьяго. Русская религіозная мысль и такого авторитета не хочетъ признать. Слово Божье есть внутренняя жизнь христіанина. И Хомяковъ и Достоевскій хотѣли преодолѣть послѣдніе остатки религіознаго рабства, какъ не соответствующаго духу Христову. Они выражаютъ новое сознаніе въ христіанствѣ, созрѣваніе для высшей свободы духа. Христіанское человѣчество не можетъ уже позволить себѣ болѣе легкой и менѣе отвѣтственной жизни въ необходимости, въ принужденіи, не можетъ уже возложить на авторитетъ рѣшеніе основныхъ задачъ жизни. Мы вступаемъ въ эпоху, когда отъ человѣка будутъ требовать безмѣрно большаго, когда на себѣ онъ долженъ будетъ возлагать бремя свободы и изжит трагедію, съ свободой связанную. Въ условіяхъ жизни, познающей той элементарной свободы, которую знаютъ народы Запада, намъ открылась безмѣрная свобода во Христвѣ. Для насъ, плохихъ гражданъ, не умѣвшихъ защищать свои права, раскрылись горизонты невѣдомой еще свободы духа. И это не было понято ни оффиціальной церковностью, ни свободомыслящей интеллигенціей.

Идея соборности была другой идеей, которая утвердилась въ русской религіозной мысли наряду съ идеей свободы. Она означала органическое пониманіе прихода

Церкви. Соборность есть слово почти непередаваемое на иностранных языкахъ, понятие очень трудное для навыковъ мысли протестантской и католической, всегда склонной къ противоположенію авторитета и индивидуума. Духъ соборности разлитой въ жизни Церкви, и есть въ сущности единственный внутренній авторитетъ, который по ученію Хомякова допускаетъ православное сознаніе. И сами вселенскіе соборы, по Хомякову, не обладаютъ внѣшнимъ обязательнымъ авторитетомъ. Выше собора и санкціонируетъ соборъ, опредѣляя, какой соборъ подлинно вселенскій, — духъ соборности, живущій въ Церкви и въ церковномъ народѣ. Соборность невыразима ни въ какихъ рациональныхъ и юридическихъ понятіяхъ, она постигается лишь въ приобщеніи къ внутренней жизни Церкви. Соборность и есть религиозный коллективизмъ, отличный отъ знакомыхъ Западу категорій авторитарности и индивидуализма. Въ соборность входятъ свобода духа и совѣсти, безъ которой она не существуетъ, и въ ней органически живетъ личность, которая не отрицается, а утверждается принципомъ соборности. Въ такой формѣ ученіе о соборности впервые выражено Хомяковымъ и является его гениальной интуиціей. Онъ усмотрѣлъ соборность въ умопостигаемомъ образѣ православной церкви, во внутреннемъ сочетаніи единства и свободы, свободы и любви. Въ эмпирическомъ образѣ православной церкви, какой она дана въ исторіи, раскрытія соборности въ чистомъ видѣ встрѣтить нельзя и часто кажется, что ея почти нѣтъ. Официальное школьное богословіе хомяковская соборность пугаетъ. Хомяковъ начерталъ идеальный образъ церкви, ея платоновскую идею. И черезъ это онъ поставилъ великую проблему христіанскаго общества, проблему личности и общества въ церковномъ аспектѣ, благодатнаго сочетанія свободы и любви. Въ традиціонной православной доктринѣ съ трудомъ находятъ хомяковскую соборность, она замѣняется авторитетомъ епископовъ, церковью, какъ учрежденіемъ или какъ обществомъ вѣрующихъ. Соборность есть внутреннее духовное общество, стоящее за внѣшней церковностью, общество тайнственное, состоящее изъ живыхъ и умершихъ, благодатное Духомъ Святымъ, соединенное Христовой любовью, совершенно свободное, не знающее никакихъ принужденій и внѣшняго авторитета. Это есть не только осознаніе и осмысливаніе природы православной церкви, но и ожи-

даніе и упованіе, что раскроется подлинное Христово общество. Соборность есть не только идеальный образъ церкви, но и ожиданіе и исканіе наступленія царства Божьяго. Царство Божье и есть окончательное осуществленіе въ полнотѣ жизни духа соборности. У самого Хомякова это не было достаточно раскрыто, но тема эта передалась послѣдующимъ поколѣніямъ русскихъ религіозныхъ мыслителей. Это приводитъ насъ къ другой чертѣ русской религіозной мысли XIX вѣка. Ей свойственъ профетическій духъ, обращенность къ грядущему, напряженное исканіе Царства Божьяго, предчувствіе наступленія новой религіозной эпохи и новыхъ свершеній.

Сознательный профетизмъ еще мало чувствуется у Хомякова и славянофиловъ, которые были слишкомъ бытовыми, вросшими въ землю людьми. Но элементъ профетическій былъ уже у Чаадаева, былъ у Бухарева, онъ наиболѣе сознателенъ у Вл. Соловьева, онъ наиболѣе гениально выраженъ у Достоевскаго и свойствененъ всей великой русской литературѣ, полной религіозной тревоги и предчувствій, онъ въ пессимистически-безнадежной формѣ былъ у К. Леонтьева и въ концѣ вѣка въ новой формѣ обнаружился въ религіи воскрешенія Н. Федорова. Русская религіозная мысль пророчествуетъ, она мучительно болѣетъ грядущими судьбами христіанства въ мірѣ, отношеніемъ христіанства къ міру, вѣчнаго къ времени. И тѣ, которые враждебны профетическому духу и отрицаютъ его допустимость въ христіанствѣ, должны быть враждебны русской религіозной мысли и страшиться ея дерзновеній. Съ профетизмомъ связана самая тревожная проблема возможности новыхъ откровеній, догматическаго развитія въ церкви, творческаго процесса внутри христіанства. Это мы находимъ у Бухарева, Достоевскаго, Вл. Соловьева, Н. Федорова, хотя и не вполне ясно и сознательно имъ выражено. Бухаревъ, который писалъ такъ старомодно и не литературно, что читать его почти невозможно, былъ человѣкомъ профетической настроенности *). У него уже есть всѣ проблемы новаго религіознаго сознанья — новое отношеніе христіанства къ міру, преображеніе хри-

---

*) Жизнь Бухарева была очень трагична: онъ былъ архимандритомъ, вышелъ изъ монашества, женился, но остался горячо православымъ. Онъ подвергался преслѣдованію и долгое время совсѣмъ не былъ признанъ.

стіанствомъ всей полноты жизни, продолженіе боговоплощенія въ исторіи, пониманіе христіанства, какъ религіи Богочеловѣчества, преодоленіе того пониманія православія, для котораго христіанство исчерпывается аскетической религіей индивидуальнаго спасенія, борьба съ духомъ законничества и съ юридизмомъ въ Церкви. Профетизмъ у Достоевскаго и Вл. Соловьева всѣмъ извѣстенъ. Съ нимъ связана вся послѣдующая проблематика. У Н. Федорова профетизмъ дѣлается активнымъ, перестаетъ быть пассивнымъ ожиданіемъ конца міра и второго пришествія и дѣлается призывомъ къ дѣлу христіанизации міра, къ активности человѣка въ мірѣ. Онъ дерзновенно истолковываетъ апокалиптическія пророчества, какъ условную гибель міръ кончится, будетъ страшный судъ и вѣчная гибель многихъ, если человѣчество не соединится для общаго дѣла воскрешенія мертвыхъ и устроенія міровой жизни, соціальной и космической по образу Св. Троицы. Н. Федоровъ выходитъ за историческіе предѣлы православія, какъ и многіе религіозные мыслители, но никогда не порываетъ съ православіемъ и не противопоставляетъ себя ему. Общее дѣло онъ считаетъ возможнымъ лишь на почвѣ православія. Отъ Хомякова до Федорова былъ пройденъ большой путь. Профетизмъ всегда обращенъ къ царствію Божьему, къ свершенію всемірной исторіи. Но исканіе царства Божьяго есть основной движущій мотивъ русской религіозной мысли. Она существенно эсхатологична. Во вторую половину XIX вѣка эсхатологизмъ очень усилился въ русскомъ религіозномъ сознаніи и въ этомъ оно таинственно соприкоснулось съ эсхатологизмомъ русской народной религіозности. Русская религіозная мысль остро поставила вопросъ, возможно ли въ христіанствѣ пророчество, возможна ли религіозная новизна. Она отрицала, что «православіе совершеніе пріяло», что Церковь достроена и что нѣтъ новыхъ неразрѣшенныхъ проблемъ. Русской религіозной мысли въ большей или меньшей степени присущъ пневматизмъ, параклетизмъ, ожиданіе новаго откровенія Духа Святого.

IV.

Съ большимъ правдоподобіемъ утверждаютъ, что въ міропониманіи Хомякова, Бухарева, Достоевскаго, Вл. Соловьева, Н. Федорова есть сильныя гуманистическіе эле-

менты. Я думаю, что отрицать это совѣмъ не нужно. Я говорилъ уже, что русская религіозная мысль XIX вѣка раскрывала православіе послѣ опыта гуманизма. Русскіе мыслители почувствовали въ гуманизмѣ положительную проблему, которая требуетъ отвѣта. И замѣчательнѣе всего, что мы не знали гуманизма подобнаго западной Европѣ, что мы не пережили Ренессанса. Именно потому, что мы не пережили по настоящему гуманистической культуры, душа наша не была такъ плѣнена ея соблазнами. И потому быть можетъ въ русскомъ сознаниі острѣе были поставлены вопросы, связанные съ кризисомъ гуманизма и были виднѣе послѣдніе его предѣлы. Европейскій гуманизмъ сталъ возможенъ лишь на христіанской почвѣ. Когда наступилъ часъ раскрытія большей человѣчности, то въ этомъ обнаружили результаты христіанскаго посѣва въ глубинѣ чловѣческой души. Но гуманизмъ былъ также замыканіемъ въ чисто чловѣческой міръ, чловѣческимъ самоутвержденіемъ, обоготвореніемъ чловѣка, отрицаніемъ міра божественнаго. Гуманистическая культура была нѣкоторымъ срединнымъ чловѣческимъ царствомъ, въ которомъ начало и конецъ чловѣческой жизни были скрыты, послѣдніе предѣлы не были выявлены. Въ этомъ срединномъ царствѣ происходило все цвѣтеніе европейской культуры новаго времени. Россія не дала настоящаго гуманистическаго Ренессанса. Лишь въ Пушкинѣ блеснуло что-то ренессансное. Но ренессанскій духъ не побѣдилъ въ русской литературѣ, въ русской духовной культурѣ XIX вѣка. Религіозная тема стала основной у насъ, религіозное безпокойство овладѣло всей русской литературой. Мы творили не отъ радостнаго избытка, а отъ печали и муки о судьбѣ чловѣка, народа, всего чловѣчества. Христіанская чловѣчность глубоко вошла въ душу русскихъ мыслителей, русскихъ писателей и душа эта была ранена чловѣчностью и сострадательностью. Русская религіозная мысль не была гуманистической въ европейско-ренессанскомъ смыслѣ этого слова, она даже часто обличала европейскій гуманизмъ. Но есть глубокая христіанская чловѣчность у Хомякова и всѣхъ славянофиловъ, и у Бухарева, и у Достоевскаго, и у Вл. Соловьева, и у Н. Федорова. Я уже не говорю о Л. Толстомъ, который стоялъ въ сторонѣ отъ основнаго русла русской христіанской мысли. Чловѣчность основной установки нашей христіанской мысли, ея антропологичность не толь-

ко не мѣшали, но какъ разъ помогали ей вскрыть глубочайшую діалектику божественнаго и человѣческаго. Въ Достоевскомъ и въ русской мысли раскрыты были послѣдніе предѣлы человѣкобожества, которые закрыты были для середины гуманистической Европы и къ которымъ прорывался только Ницше. Лишь русской религіозной мысли и болѣе всего Вл. Соловьеву дано было выразить сущность христіанства, какъ религію Богочеловѣчества. Въ религію Богочеловѣчества органически входитъ вся полнота человѣчности. И отрицаніе или умаленіе человѣчности понимается какъ монофизитскій уклонъ въ христіанствѣ. Тема о Богочеловѣствѣ проходитъ черезъ всю нашу религіозную мысль до XX вѣка и составляетъ одну изъ ея своеобразій. Если безбожный гуманизмъ, основанный на самоутвержденіи человѣка безъ Бога и противъ Бога, ведетъ къ отрицанію человѣка, къ отрицанію человѣческаго образа, какъ образа Божьяго, то съ другой стороны, разрывъ цѣлостной истины о Богочеловѣствѣ ведетъ къ утвержденію Бога безъ человѣка и противъ человѣка. Это съ большой силой выяснено русской христіанской мыслью. Ей открылись самые предѣльные вопросы, связанные съ темой о гуманизмѣ. Въ человѣкобожествѣ погибаетъ не только Богъ, но и человѣкъ. Это остро ставитъ проблему религіозной антропологии и ставитъ по иному, чѣмъ въ антропологии патристической и схоластической, ровно какъ и антропологии гуманистической. Проблема отношенія христіанства къ міру, къ культурѣ, къ обществу, къ современности, которая очень мучила русскую христіанскую мысль отъ Бухарева до Вл. Соловьева и Н. Федорова, есть прежде всего проблема религіозной антропологии. Это совѣмъ не значитъ, что русская христіанская мысль уступала духу времени и впадала въ дурной модернизмъ. Христіанинъ не долженъ чувствовать себя рабомъ времени, онъ долженъ чувствовать себя вкорененнымъ въ вѣчность, но онъ долженъ творчески, изъ глубины христіанской истины отвѣтить на вопрошанія времени, на его безпокойства и мученія. Вопросъ о человѣкѣ въ XIX вѣкѣ стоитъ по иному, чѣмъ стоялъ въ средневѣковѣ и въ патристическую эпоху. Достоевскій знаетъ опытъ о человѣкѣ, котораго не знали старые учителя церкви и о которомъ ничего нѣтъ въ школьныхъ курсахъ богословія. И многое мы острѣ пережили, чѣмъ Западъ. Мы острѣ пережили не самый гуманизмъ, а кризисъ гуманизма. И

поняли, что нѣтъ выхода изъ этого кризиса черезъ простой возвратъ къ тому, что было до гуманистическаго опыта. Христіанство Вл. Соловьева есть христіанство послѣ гуманистическаго опыта. Въ XX вѣкѣ антропологическая проблема обострилась еще болѣе.

Въ русскомъ религіозномъ сознаніи съ проблемой религіозной антропологии связана и проблема религіозной космологии. Человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе. И человѣкъ есть вершина и центръ космической жизни. Но и въ космосѣ, во всемъ тварномъ мірѣ, есть божественное начало, дѣйствуетъ божественная энергія. Западная христіанская мысль, отъ св. Ѳомы Аквината до Лютера и до механическаго міросозерцанія XIX вѣка, слишкомъ нейтрализовала, обезбожила космосъ. На почвѣ православія въ XIX вѣкѣ была поставлена проблема о тайнѣ Божьяго творенія, о божественномъ въ мірѣ. Ожиданіе просвѣтленія и преображенія міра существенно для православія, оно болѣе обращено къ Воскресенію, чѣмъ католичество и протестантизмъ. Бухаревъ проповѣдуетъ настоящій панхристізмъ, вездѣприсутствіе Христа, продолжающееся боговоплощеніе и боговочеловѣченіе въ мировомъ и историческомъ процессѣ. Вл. Соловьевъ учитъ не только о Бого-человѣчествѣ, но и о Бого-космосѣ, о божественномъ космосѣ. Русскому сознанію какъ бы раскрывается душа міра въ своей премудрости, софійности. Отсюда пошло ученіе о Софій, ставшее популярнымъ въ XX вѣкѣ. Здѣсь ставится проблема о третьемъ началѣ, которое не есть творецъ и не есть тварь, а есть божественное въ тварномъ мірѣ. Нельзя отрицать, что на это ученіе вліяла нѣмецкая метафизика и нѣмецкая мистика, какъ и вообще западная христіанская теософія, въ которой только и ставился вопросъ религіозной космологии. Шеллингъ имѣлъ вліяніе на Вл. Соловьева, равно какъ и Я. Беме, Портаджт, Фр. Баадеръ. Впрочемъ нужно сказать, что ученіе о Софій Вл. Соловьева очень отличается отъ ученія о Софій Я. Беме, болѣе антропологическаго и болѣе очищеннаго. Вл. Соловьевъ имѣетъ большую заслугу въ постановкѣ проблемы, но его ученіе о Софій осталось двусмысленнымъ и недостаточно очищеннымъ. Это особенно видно въ его софійскихъ стихотвореніяхъ. На этой почвѣ возможно космическое прельщеніе, враждебное свободѣ человѣческаго духа. Но очень характерно, что русское религіозное сознаніе сопротивляется трансцендентному дуалистическо-

му теизму, который съ легкостью принимает западное религиозное сознание, и католическое и протестантское. И это совсѣмъ не есть пантеистическая тенденція, какъ хотѣтъ увѣрить нѣкоторые фанатики ортодоксіи.

Въ русскомъ православіи есть три струи, которыя гдѣ сливаются, то текутъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Есть струя аскетически-монашеская, опирающаяся на древне-восточную аскетическую литературу, на «Добротолюбіе». Типичнымъ выразителемъ ея во вторую половину XIX вѣка былъ епископъ Феофанъ Затворникъ со своимъ «Путемъ къ спасенію». Это есть очень сильное въ традиціонномъ православіи направленіе, опирающееся на монашество, которое уклоняется нерѣдко къ міроотрицанію и къ монофизитству, къ особой аскетической метафизикѣ, для которой христіанство есть исключительно религія индивидуальнаго загробнаго спасенія. Въ чистомъ видѣ это есть направленіе консервативное и сопротивляющееся всякой новой проблематикѣ, всякой новой постановкѣ отношенія христіанства къ міру. Для этого направленія не существуетъ проблемъ религіозной антропологии и религіозной космологии внѣ обычной аскетической практики. Но въ этой струѣ есть и вѣчный для православія элементъ аскетическаго очищенія и внутренняго духовнаго дѣланія. Есть въ русскомъ христіанствѣ и другая струя, тоже истекающая изъ глубины православія. Съ нею связано православное освященіе жизни, теофанія въ мірѣ, узрѣніе Божьей Премудрости въ тварномъ мірѣ, преображеніе твари, Воскресеніе. Это есть православный космизмъ, чуждый западному христіанству. Въ образѣ св. Серафима явлена новая космическая святость. Своеобразный космизмъ свойственъ нашему народному религіозному типу, и онъ восходитъ еще къ русскому язычеству. Съ этимъ связанъ особый культъ Божьей Матери, непримѣтно переходящій въ культъ русской земли и съ нимъ сливающійся. Земли нѣтъ въ типѣ аскетически-монашескаго православія, но изъ русскаго православія земля, какъ религіозная категория, не можетъ быть выброшена. Этотъ мотивъ есть у Достоевскаго. Онъ разлитъ во всей нашей религіозной атмосферѣ, болѣе народной, чѣмъ монашески-іерархической. И мотивъ этотъ былъ осознанъ на вершинѣ нашей религіозной мысли. У В. Розанова космизмъ, откровеніе русской земли, рождающаго материнскаго лона, сталкивается съ самымъ существомъ христіанства, съ об-

разомъ Христа и переходить во вражду къ христіанству. Душа міра оказывается сильнѣе Логоса. Женственное, материнское, космическое начало у Розанова не премудрое, не софійское. Это не мѣшаетъ самой проблематикѣ Розанова, особенно проблематикѣ, связанной съ поломъ, быть чрезвычайно глубокой и важной для судьбы христіанства. Но есть еще третья струя въ православіи, не менѣе характерная и важная, это струя антропологически-эсхатологическая, связанная съ проблемой о человѣкѣ, о его предназначеніи въ мірѣ, о судьбѣ и оправданности культуры, о Царствѣ Божьемъ. Съ этимъ направленіемъ связаны исторіософическіе мотивы русской религіозной мысли. И она также принадлежитъ русскому христіанству, русской мукѣ о человѣческой судьбѣ, о концѣ вещей. Проблема, съ этимъ связанная, очень обострилась въ сознаніи XX-го вѣка. Въ центрѣ тутъ стоитъ Достоевскій со своимъ напряженнымъ антропологизмомъ и эсхатологизмомъ. Но и ученіе о Богочеловѣчествѣ Вл. Соловьева съ этимъ связано. Темѣ о человѣкѣ, религіозной антропологии посвященъ замѣчательный трудъ Несмѣлова: «Наука о человѣкѣ». Эта тема въ новой формѣ появляется у Н. Федорова въ его ученіи объ активномъ призваніи человѣка въ дѣлѣ воскрешенія и возможности избѣжать страшнаго суда и вѣчной гибели. При оцѣнкѣ русской религіозной мысли нужно всегда имѣть въ виду сложность мотивовъ и темъ русскаго православія, столкновеніе въ немъ разныхъ элементовъ и направленій и одинаковой вкорененности ихъ въ русскомъ типѣ христіанства.

V.

Русская религіозная мысль XIX вѣка заключаетъ въ себѣ не только чисто религіозную проблематику, она была также мыслью философской. Русская мысль была болѣе религіозной философіей, чѣмъ богословіемъ. У насъ образовалась своеобразная школа религіозной философій, хотя эта религіозная философія и не была школьной. Русская религіозная философія наиболѣе развернулась въ XX вѣкѣ, когда мы пережили философскій ренессансъ. Но основная черта русской религіозной философій была еще намѣчена И. Кирѣевскимъ. Вотъ какъ можно характеризовать основныя черты русской философій, религіозно направленной и обоснованной. Прежде всего это философія

существенно антирационалистическая и антисхоластическая. Оригинальная русская философия народилась съ притязаніемъ преодолѣть рационализмъ европейской философіи. Рационализмъ европейскаго пути философствованія начался еще со схоластики, со св. Ѳомы Аквината *). Дальше онъ развивается Декартомъ, Кантомъ, Гегелемъ. Рационализмъ есть всегда результатъ разсѣченія цѣлостной жизни духа, выдѣленіе разума, интеллекта въ отвлеченное начало, отъ жизни оторванное. Но отвлеченный разумъ не можетъ познать бытіе, бытіе закрывается для него. Рационалистически, интеллектуалистически невозможно соприкоснуться съ бытіемъ. Поэтому философія рационалистическая есть всегда философія антионтологическая. Бытіе открывается лишь цѣлостной жизни духа, лишь разуму, органически соединенному съ волей и чувствомъ, — волящему разуму и разумной волѣ, какъ говорилъ Хомяковъ. Первичное соприкосновеніе съ сущимъ возможно лишь черезъ вѣру. Бытіе дано вѣрѣ. И лишь послѣ той первичной интуиціи бытія, которая дается вѣрѣ, дѣлается возможнымъ познаніе. Вл. Соловьевъ, слѣдуя за основными интуиціями И. Кирѣевскаго и Хомякова, выражаетъ свою критику рационализма, какъ критику отвлеченныхъ началъ. Онъ также стремится къ цѣльному знанію, хотя форма его философствованія остается слишкомъ рационалистической, и сама критика отвлеченныхъ началъ слишкомъ отвлеченной. И для него сущее дается лишь вѣрѣ. Русская школа религиозной философіи понимаетъ познаніе, какъ познаніе цѣлостнымъ, не разсѣченнымъ духомъ. Вѣра и знаніе органически синтезируются. Философское познаніе предполагаетъ не только разумъ, рациональное начало, опытъ, эмпирическое начало, но и начало вѣры, откровеніе. Откровеніе есть источникъ познанія, и черезъ него интеллектъ просвѣтляется и преобразуется. Эта точка зрѣнія противоположна св. Ѳомѣ Аквинату, но близка св. Бонавентурѣ. Русская философія возстаетъ противъ Декартовскаго «*Cogito ergo sum*». Въ своемъ бытіи, какъ и вообще въ бытіи, нельзя убѣждаться черезъ отвлеченное мышленіе, какъ нельзя и черезъ индивидуальное мышленіе, черезъ выдѣленіе моего «я» и противоположеніе его

---

*) Св. Ѳому Аквината, какъ и вообще схоластиковъ, у насъ знали плохо и невѣрно понимали. Интеллектуализмъ Ѳомы Аквината не есть рационализмъ въ томъ смыслѣ, какъ это слово употребляется въ XIX в.

соборному «мы». Рационализм и индивидуализм — первородные грѣхи европейской философіи. Русская религиозная философія пытается строить своеобразную церковную гносеологию, она вноситъ начало соборности въ самое философское познаніе. Подлинное познаніе сущаго возможно лишь черезъ пребываніе въ соборности, въ церковномъ «мы», въ преданіи. «Я», выпадающее изъ соборности, изъ церковнаго «мы», разрывающее съ преданіемъ, какъ съ внутренней жизнью церковнаго организма, перестаетъ соприкасаться съ сущимъ и познавать его. Кн. С. Трубецкой называетъ такую соборную гносеологию метафизическимъ социализмомъ. Поэтому Декартъ былъ вдвойнѣ неправъ, онъ философствовалъ рационалистически и индивидуалистически. Неправъ былъ и св. Тома Аквинатъ, допускавшій интеллектуализмъ въ познаніи бытія и утверждавшій права естественной философіи (въ духѣ Аристотеля), оторванной отъ вѣры и откровенія. Путь этотъ привелъ къ Гегелю, у котораго бытіе окончательно перешло въ понятіе. Гегель пытался бытіе вывести изъ понятія. У него исчезъ субстратъ, сущес. И философія пережила кризисъ, который привелъ ее къ ниспаденію въ материализмъ и грубый эмпиризмъ.

Русская философія религиознаго направленія борется не только съ рационализмомъ и индивидуализмомъ, но и съ идеализмомъ во имя онтологическаго реализма. Приматъ принадлежитъ не идеѣ, не познающему субъекту, а бытію. Бытіе первоначально дано, оно дано вѣрѣ, дано опыту цѣлостнаго духа и только потому возможно его познаніе. Само богословствованіе должно быть опытнымъ, нераціоналистическимъ, несхоластическимъ. Русская религиозная мысль подвергла сомнѣнію правомѣрность и плодотворность рационализма въ философіи и богословіи, которое утверждала и развивала западная мысль, начиная съ средневѣковой схоластики. Русское сознаніе съ трудомъ мирится съ сознательной установкой іерархическихъ ступеней и дифференціаціей разныхъ областей, которую дѣлаетъ св. Тома Аквинатъ съ одной стороны и Кантъ съ другой стороны. Мы склонны думать, что свѣтъ, который изливается на высшія іерархическія ступени (вѣра, откровеніе, мистика), долженъ распространять свои лучи и на всѣ низшія ступени и ихъ освѣщать. Поэтому философское познаніе не можетъ быть основано исключительно на разумѣ и чувственномъ опытѣ. У насъ въ XIX

вѣкъ не было разработанной и систематической философіи, исходящей изъ началъ, заложенныхъ И. Кирѣевскимъ. Наболѣе систематиченъ былъ Вл. Соловьевъ, но онъ формально былъ болѣе рационалистическимъ русскимъ мыслителемъ въ противоположность содержанію своей философіи. Заслуга русской религіозной философіи XIX вѣка была въ острой постановкѣ проблемъ отношенія знанія и вѣры, познанія цѣлостнымъ духомъ, проблемы церковной гносеологии, т. е. познанія, основаннаго на соборности, и проблемы онтологизма въ философіи, которая въ Западной Европѣ была совсѣмъ оттѣснена и забыта. Русская философія сознавала себя онтологической, соборной, органически цѣлостной, религіозной по своимъ истинамъ. Русскіе мыслители иногда бывали несправедливы къ западной мысли, отъ которой много получили. Не вся западная мысль была рационалистической, индивидуалистической, идеалистической. И на Западѣ были представители онтологически-реалистическаго направленія, цѣлостно сътезирующіе вѣру и знаніе. Достаточно назвать Фр. Баадера, къ которому были близки славянофилы и Вл. Соловьевъ, а въ средневѣковѣ - св. Бонавентуру. Слѣдуетъ напомнить также о кардиналѣ Николаѣ Кузанскомъ, вліяніе котораго обнаружилось въ XX вѣкѣ. Наконецъ, Шеллингъ пытался преодолѣть рационализмъ и идеализмъ и прорваться къ откровенію и миѳу, какъ источникамъ познанія. И нужно все-таки признать, что у насъ есть оригинальная традиція русской религіозной философіи, которая представляетъ интересъ и для мысли западной. Нѣмецкая философія нашихъ дней движется въ направленіи онтологизма и реализма, которые раньше утверждались въ философіи русской. Наша мысль получила прививки отъ философіи германской, но результаты получились своеобразные. Идеи соборности философскаго познанія и онтологическаго реализма остаются своеобразно русскими идеями, въ такой формѣ не существовавшими въ германской философіи. Русская религіозная мысль XIX вѣка остро ощутила и сознала кризисъ европейской философіи и увидѣла тупикъ, къ которому она пришла. Въ этомъ тупикѣ терялась реальность бытія, свободы, личности. Русская мысль почувствовала, что выходъ можетъ быть лишь религіозный. Сознана была недостаточность эмпиризма, рационализма и критицизма. Но со свойственнымъ русскимъ радикализмомъ и склонностью къ крайностямъ

мы не только преодолевали кризисъ философіи, но нерѣдко отрицали всякую самостоятельность философіи и утверждали совершенную ея поглощенность религіей. Русская мысль, острая по своей проблематикѣ, съ трудомъ устанавливала іерархическія ступени и дѣлала дифференціацію различныхъ областей. Нужно помнить, что и религіозная философія есть все же философія, есть гнозисъ. Это не всегда у насъ помнили. Вершины своей русская философская проблематика достигаетъ не въ чистой философіи, а въ великой русской литературѣ.

VI.

Русская литература XIX вѣка есть величайшее твореніе русскаго національнаго духа. Русское творчество никогда не подымалось выше и врядъ ли подыметъ. Русская литература не только ставитъ русскую культуру на одинъ уровень съ вселюбой культурой западной Европы, но она одна изъ величайшихъ въ мірѣ литературъ. Значеніе русской литературы не только національно-русское, но и міровое. Это нужно считать общепризнаннымъ. Но для нашей темы важно, что въ русской литературѣ, у великихъ русскихъ писателей религіозныя темы и религіозныя мотивы были сильнѣе, чѣмъ въ какой либо литературѣ міра. Нужно обратиться къ Эсхилу и Данте, чтобы увидать въ литературѣ религіозное безпокойство, подобное безпокойству русскихъ писателей. Вся наша литература XIX вѣка ранена христіанскою темой, вся она ищетъ спасенія, вся она ищетъ избавленія отъ зла, страданія, ужаса жизни для человѣческой личности, народа, человѣчества, міра. Въ самыхъ значительныхъ своихъ твореніяхъ она проникнута религіозной мыслью. И вершиной русской мысли, величайшимъ русскимъ метафизикомъ былъ, конечно, Достоевскій. Русская литература потрясла міръ своимъ правдолюбіемъ и человѣколюбіемъ. Русскіе писатели пережили трагедію творчества, которой въ такихъ размѣрахъ и такой глубинѣ не знали писатели Запада. Русская литература заставляетъ задуматься надъ религіозной проблемой творчества, надъ религіознымъ оправданіемъ и осмысливаніемъ культуры. Это чисто русская тема — тема Гоголя, Достоевскаго, Л. Толстого. Литература выходитъ за предѣлы искусства и ищетъ религіознаго дѣйствія. Это литература пророческая, учительская, учащая смыслу жиз-

ни. Пророчествуютъ и учительствуютъ величайшія творенія русской литературы. Русская религиозная философія въ сущности разрабатываетъ темы, поставленныя русской литературой.

У Пушкина съ необычайной остротой и глубиной была поставлена проблема творчества и творческой гениальности. И у него одного она получаетъ положительное разрѣшеніе. «Моцартъ и Сальери» и стихотворенія «Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ», «Ты царь, живи одинъ» ставятъ проблему творчества. Она будетъ мучить всѣхъ нашихъ великихъ писателей, но переживать ее они будутъ трагически. Неразрѣшенность въ христіанствѣ, въ православіи проблемы творчества человека поражаетъ и ранитъ сознание русскихъ творцовъ XIX вѣка. Это есть также проблема религиознаго смысла культуры. Она не была разрѣшена въ православіи такъ благополучно, какъ разрѣшалась въ католичествѣ и протестантизмѣ, но именно потому она стала въ русскомъ сознаніи во всей своей глубинѣ. Величайшихъ русскихъ писателей мучилъ вопросъ о переходѣ отъ творчества совершенныхъ произведеній къ творчеству совершенной жизни. Это вѣдь было основнымъ у Гоголя и Толстого, которые согласны были отказаться отъ своего творчества во имя исканія совершенной жизни. Страстное обличеніе неправды жизни и исканіе правды, лучшей совершенной жизни, Царства Божьяго не только на небѣ, но и на землѣ есть основной мотивъ русской литературы XIX вѣка. И это былъ мотивъ не только социальный, хотя онъ имѣлъ свою социальную проэктію, это былъ также мотивъ религиозный и метафизическій. Даже у писателей радикально-народническаго направленія, у Некрасова, Щедрина, Гл. Успенскаго, исканіе правды жизни имѣло смыслъ не только социальный, но и религиозный. Русская религиозная проблематика XIX вѣка въ сущности всегда была гораздо болѣе социальной, чѣмъ это принято о ней думать. Исканіе правды Христовой и Царства Божьяго всегда имѣетъ социальную сторону. Съ другой стороны, русской литературѣ часто давали слишкомъ социальное истолкованіе и проходили мимо ея религиозно-метафизической глубины. Гоголя превратили въ социального сатирика въ то время, какъ его мучила метафизическая проблема зла. Онъ видѣлъ ложь и зло гораздо глубже проходящихъ социальныхъ формъ. Вообще русская литература

была реалистической совѣмъ не въ томъ внѣшнемъ смыслѣ, который ей приписывали наши поверхностные критики. Она была реалистической въ смыслѣ религіознаго, онтологическаго реализма, видѣнія глубочайшихъ реальностей бытія и жизни. И въ этомъ смыслѣ она была самой реалистической въ мірѣ, ей открывались послѣднія, самыя глубокія реальности духовнаго міра. Гоголь не былъ реалистомъ въ смыслѣ художественнаго, эстетическаго принципа своего творчества. Но онъ видѣлъ реальность зла въ самой глубинѣ жизни. Правдоискательство есть самое безспорное и признанное качество русской литературы. Вся жизнь Л. Толстого, болѣе значительная, чѣмъ его ученіе, была мучительнымъ исканіемъ правды жизни. Необычайное, въ такой степени небывалое правдолюбіе мы видимъ у всѣхъ подлинныхъ русскихъ писателей. Оно и Чехова дѣластъ писателемъ религіозной серьезности, несмотря на опустошенность его сознанія и вульгарность его сознательныхъ взглядовъ. Русская литература наиболѣе свободна отъ условной лжи цивилизаціи.

Русская литература глубоко и мучительно задумалась надъ судьбой человѣка и задумалась съ религіозной серьезностью. Религіозная проблематика о человѣкѣ наполняетъ всю русскую литературу, и у Достоевскаго достигаетъ необычайной остроты. Проблема о человѣкѣ, проблема религіозной антропологии превращается въ русскомъ сознаніи въ проблему о Богочеловѣкѣ и человѣкобогѣ, о Христѣ и антихристѣ. Русская литература, самая человѣчная, человѣколюбивая и сострадательная въ мірѣ, ставитъ проблему о религіозномъ смыслѣ гуманизма и совершаетъ судъ надъ гуманизмомъ *). Это тоже чисто русская тема. Это и есть тема о конечныхъ судьбахъ человѣка, тема эсхатологическая. Эсхатологизмъ русской литературы несомнѣненъ, она обращена къ конечному, предѣльному, все-разрѣшающему, къ послѣднимъ судьбамъ. У тѣхъ писателей, у которыхъ религіозное сознаніе наиболѣе затемнено, какъ на примѣръ, у Тургенева, тема о человѣческой судьбѣ превращается въ тему о рокѣ, о магическихъ силахъ, и имъ свойственна разрывающая душу печаль. Ре-

---

*) Быть можетъ, единственнымъ большимъ русскимъ писателемъ, у котораго не было любви къ человѣку, у котораго человѣчность была ослаблена сознаніемъ зла и лжи, былъ Гоголь. Онъ самый загадочный и жуткій изъ русскихъ писателей.

лигиозными и метафизическими мотивами полна и русская поэзия. Они были и у Лермонтова, который был, быть может, одним из наиболее религиозных наших поэтов, создавший образцы молитвенной поэзии. Но наиболее глубоким метафизиком в русской поэзии был Тютчев. Его поэзия полна метафизической проблематики. Он поэт ночной стихии мира, *Ungrund'a*. Ему раскрывается темная бездна бытия, дionисическія метафизическія силы. Творчество Тютчева выходит за предѣлы аполлонизма и оно полно предчувствій. Подлиннаго профетизма, столь свойственнаго русской литературѣ, нужно искать не въ политическихъ стихотвореніяхъ Тютчева, какъ не слѣдуетъ его искать въ статьяхъ «Дневника писателя» Достоевскаго, а въ метафизическихъ стихотвореніяхъ. Въ нихъ есть не только ощущеніе хаоса за космосомъ, но и предчувствіе новой исторической эпохи, въ которой хаосъ раскроется. Тютчевъ, консерваторъ по своимъ поверхностнымъ убѣжденіямъ, чувствовалъ, что возможно наступленіе эпохи историческихъ катастрофъ. Русской литературѣ свойственно было профетическое предчувствіе надвигающейся на Россію, а, можетъ быть, и на весь міръ, революціи. Это было уже у Пушкина и у Лермонтова. И революція эта всегда понималась не только, какъ политическій феноменъ, но также какъ феноменъ метафизическій и религиозный. Это наиболее ясно у Достоевскаго. Проблема революціи, какъ проблема религиозная, въ такой глубинѣ была впервые поставлена въ русской литературѣ. У Достоевскаго надвигающаяся революція есть прежде всего революція духа, накопленіе внутренняго динамита. Онъ даетъ образы надвигающейся внутренней революціи, онъ художникъ революціонной динамики жизни. Толстой художникъ устоявшихся формъ жизни. Но сознание его разрушительно и требуетъ революціоннаго переустройства жизни. Предчувствіе надвигающейся революціи у русскихъ писателей принимаетъ эсхатологическій характеръ и отражаетъ эсхатологизмъ нашего духовнаго типа. Это возможно было лишь при основной беспочвенности нашего культурнаго слоя, при катастрофическомъ висѣніи надъ бездною. Писатели Запада плохо это понимаютъ. Соціально-революціонная настроенность французской литературы извѣстнаго періода все-таки очень почвенна по сравнению съ русскимъ эсхатологическимъ исканіемъ правды,

съ русскимъ предчувствіемъ наступленія Царства Христова и царства антихриста. Элементъ консервативный и элементъ революціонный очень причудливо переплетаются въ русской литературѣ, и къ ней нельзя подходить съ традиционными социальными категоріями правости и лѣвости. У наиболее динамическаго и революціоннаго Достоевскаго есть консервативные и правые элементы въ «міросозерцаніи», а у болѣе консервативнаго художника Толстого есть элементы революціонно-анархическіе въ «міросозерцаніи». Многіе замѣчательные русскіе мыслители и писатели были монархистами, но монархизмъ ихъ былъ совсѣмъ особый, нерѣдко бывалъ псевдонимомъ, прикрывавшимъ анархическія настроенія и религіозно-революціонныя исканія. Русскую литературу XIX вѣка болѣе «мучилъ Богъ», чѣмъ какую либо другую литературу въ мірѣ, и эта мука о Богѣ была также мукой о человѣкѣ. Въ этомъ ея величіе и ея значеніе для русской религіозной мысли. Соединеніе муки о Богѣ съ мукой о человѣкѣ дѣлаетъ русскую литературу христіанской, даже тогда, когда въ сознаніи своемъ русскіе писатели отступали отъ христіанской вѣры.

VII.

Русская мысль XIX вѣка была также очень социальна. Ее мучилъ вопросъ о социальной правдѣ. И нужно сказать, что русской социальной мысли свойственны были религіозные мотивы и темы, въ ней было религіозное волненіе и безпокойство, даже когда сознательно она была вѣререлигіозной и антирелигіозной. По справедливымъ словамъ Достоевскаго, русскіе революціонеры не были политиками. ихъ мучилъ вопросъ о Богѣ, безсмертіи, о конечныхъ судьбахъ человѣчества и міра. Въ основаніи русской социальной мечтательности лежала хиліастическая идея. Русской мыслью владѣла или утопія идеальной самодержавной монархіи или утопія идеальнаго социалистическаго и анархическаго строя. Эта монархія и этотъ социализмъ совсѣмъ не походили ни на прозаическія монархіи Запада, ни на прозаическій социализмъ Запада. Идеальная монархія славянофиловъ, Бухарева, Достоевскаго, Вл. Соловьева, Н. Федорова ничего схожаго не имѣла съ прозаической монархіей петровской эпохи, съ русскимъ империализмомъ. Социальная правда на землѣ у насъ одинаково

осуществлялась через монархію и через анархію, через мистическое самодержавіе и через атеистическій социализмъ. Одно и то же исканіе Царства Божьяго на землѣ было скрыто за нашими социальными утопіями. Самобытная русская мысль XIX вѣка всегда возставала противъ мѣщанства и буржуазности Запада, будь она лѣвой, какъ у Герцена, или будь она правой, какъ у К. Леонтьева. Буржуазности и мѣщанства совсѣмъ не выносилъ русскій мыслитель, если онъ былъ подлинно русскій, и онъ всегда отличалъ въ грѣхѣ буржуазности и мѣщанства западную цивилизацію. Русскіе мыслители гораздо раньше Шпенглера установили различіе между культурой и цивилизаціей и съ ужасомъ отшатнулись отъ образа торжествующей буржуазной цивилизаціи Западной Европы XIX вѣка. Это есть коренная русская тема, традиціонная въ нашей мысли. Русская социальная мысль всегда пыталась найти для Россіи путь, которымъ можно миновать развитіе капитализма съ его неизбежнымъ торжествомъ мѣщанства и буржуазности. вмѣстѣ съ тѣмъ мѣщанство бралось у насъ всегда въ его глубинѣ, какъ категория духовная и моральная, а не социально-экономическая. Такъ было и у безрелигіознаго Герцена. Мѣщанство есть прежде всего отрицаніе яркой, творчески ориентальной личности.

Буржуазныя добродѣтели никогда насъ не привлекали. Наши добродѣтели были обращены къ иному, божественному міру или къ новому грядущему міру. Русской этикѣ совсѣмъ не были свойственны экономически продуктивныя добродѣтели. Максимализмъ былъ свойствененъ русской социальной мысли и въ ея религіозныхъ, и въ ея антирелигіозныхъ или лже-религіозныхъ направленіяхъ. Она требовала не постепеннаго историческаго труда, а радикальнаго переустройства міра. Н. Федоровъ, который защищалъ самодержавную монархію и распространялъ ее на космическое цѣлое, такъ же къ этому стремился, какъ и Бакуининъ, который защищалъ анархію. Извращенное исканіе Царства Божьяго и Божьей правды несомнѣнно было въ русскомъ атеистическомъ социализмѣ и анархизмѣ. Русское народничество полно безсознательными религіозными мотивами. Русскій нигилизмъ, который сталъ міросозерцательнымъ базисомъ русскаго социализма, былъ религіознымъ феноменомъ. Онъ возможенъ былъ лишь на духовной почвѣ православія, онъ есть результатъ нераскрытости въ православіи положительнаго отношенія къ культу-

рѣ, православнаго эсхатологизма. Русскій нигилизмъ есть негативъ русскаго апокалипсиса. Русскій нигилистъ, какъ и русскій апокалиптикъ, требуетъ оголенія и всеразрѣшающаго конца. Русскій нигилизмъ въ народной средѣ былъ уже явленъ въ крайнихъ формахъ русскаго раскола и сектанства. Въ нигилизмѣ есть своеобразное переживаніе аскетическаго міроотрицанія, непріятія міра, какъ основаннаго на лжи и неправдѣ. Но нигилистъ отрицаетъ міръ не во имя Бога, а во имя ничто. Бѣлинскій заложилъ уже основаніе русскаго нигилизма и атеистическаго социализма, потому что во имя изступленной любви къ человѣку и человѣчеству проникся маратовскими чувствами и готовъ былъ уничтожить одну часть человѣчества, чтобы осчастливить другую ея часть. Чистый, суровый, аскетически настроенный и благочестивый юноша Добролюбовъ дѣлается нигилистомъ изъ любви къ правдѣ, изъ ненависти ко лжи. Въ психологіи русскаго нигилизма былъ сильный аскетическій элементъ и лишь въ дальнѣйшемъ нигилизмъ привелъ къ распущенности и разложенію. «Что дѣлать?» Чернышевскаго — бездарная, но аскетически-нравоучительная книга, которая хочетъ замѣнить «Домострой» болѣе высокой и человѣчной моралью. Писаревъ возсталъ противъ красоты, противъ Пушкина, противъ искусства по аскетическимъ мотивамъ, психологически родственнымъ тѣмъ мотивамъ, которые заставляютъ православнаго аскета подозрительно и съ осужденіемъ относиться къ этимъ цѣнностямъ. Всегда единое на потребу, спасеніе души для вѣчной жизни или спасеніе народа отъ зла и страданія для жизни земной, ставится выше творчества и цѣнностей культуры. Утилитарное отрицаніе морали совершается по моральнымъ мотивамъ. Добро представляется безнравственнымъ. Отношеніе къ народу, къ его страданіямъ и его благу принимаетъ религіозный характеръ. Революціонеры хотятъ быть спасителями и признаютъ себя спасителями. Философія, искусство, созерцаніе отвергаются, какъ враждебный реальному дѣлу самообманъ, какъ роскошь, недопустимая при страданьяхъ міра и народа. Небо представляется враждебнымъ земной правдѣ и отрицается изъ аскетизма, изъ воздержанія, изъ смиренія. Это замѣчательный феноменъ, требующій еще изученія. Мы тутъ имѣемъ дѣло съ безблагодатнымъ, безбожнымъ аскетизмомъ, свидѣтельствующимъ объ извращеніи религіозной природы. Безбрежная социальная меч-

тательность владѣла душой русской интеллигенціи второй половины XIX вѣка, и то было единственной допустимой и разрѣшенной мечтательностью. Всякая другая мечтательность была объявлена грѣховной. Въ эту социальную мечтательность была вложена вся энергія загнаннаго и утѣшеннаго религіознаго чувства. То была религія безъ религіознаго объекта, съ объектомъ недостойнымъ религіознаго поклоненія, и религія эта имѣла роковыя послѣдствія, предсказанныя Достоевскимъ, мы пожинаемъ плоды ея въ русскомъ коммунизмѣ. Но не смѣютъ осуждать эту безбожную религію интеллигенціи тѣ христіане, которые ничего не дѣлали для осуществленія христіанской правды въ жизни и не способны были ни къ какому жертвамъ. Мечта о совершенномъ социальномъ строѣ на землѣ есть ложная и тираническая мечта, враждебная свободѣ челоѣческаго духа. И опытъ осуществленія этой мечты долженъ привести къ парадоксу – къ новой мечтѣ о несовершенномъ социальномъ строѣ, въ которомъ будетъ допущена нѣкоторая свобода зла, какъ условіе свободы добра. Русский социализмъ былъ своеобразнымъ порожденіемъ нашего національнаго духа, въ которомъ смѣшались черты положительныя и высокія съ чертами отрицательными и роковыми. Это было извращенной формой русскаго странничества, русскаго скитанія на путяхъ къ новому Іерусалиму. Русский коммунизмъ и есть негативъ позитива русскаго правдоискательства. Но и въ нашей социальной мысли обнаруживалась русская религіозная проблематика.

Русская религіозная мысль XIX вѣка достигаетъ вершины въ Достоевскомъ и въ Вл. Соловьевѣ, а въ самомъ концѣ вѣка появляются странныя фигуры В. Розанова и Н. Федорова, которые вліяютъ уже въ XX вѣкѣ. Религіозная мысль наша привела къ постановкѣ проблемъ новаго религіознаго сознанія и къ ожиданію новой творческой эпохи въ христіанствѣ. Катастрофическій срывъ русской революціи прервалъ традиціи и вызвалъ реакцію противъ мыслителей предшествующаго вѣка. Это обычная исторія. Русская религіозная мысль не была социалью вліятельной, хотя социальная проблема никогда не была ей чуждой. Оригинальное теченіе нашей національно-религіозной мысли было раздавлено другими теченіями, реакціонны-

ми и революционными. Не этимъ течениемъ опредѣлилась идеологія русской революціи, и оно безсильно было духовно остановить нарастаніе атеистической революціи. Великіе русскіе писатели и мыслители предвидѣли и предчувствовали русскую революцію, ея катастрофическая возможность предусматривается ихъ мыслью. Но это былъ пассивный профетизмъ. Дѣйствию противопоставалось не дѣйствіе, а мысль. Проблематика русской религиозной мысли черезъ головы поколѣній современныхъ и поколѣній ближайшихъ обращена къ поколѣніямъ болѣе отдаленнымъ, грядущимъ. Они лишь узрѣютъ проблематику русской религиозной мысли и почувствуютъ ея жизненное значеніе. Пока мы проходимъ черезъ періодъ реакціи, превращающей мысль во вражду ко всякой мысли. Русская религиозная мысль XIX вѣка не была систематической и совершенной по формѣ, она фрагментарна и отрывочна. Она не вполне себя реализуетъ и оставляетъ многое въ потенциальномъ состояніи. Замѣчательныя интуиціи не разворачиваются и не обосновываются. Но значительность этой мысли въ иномъ. Въ ней проявлена необычайная свобода духа, которая могла обнаружиться лишь внѣ школы, внѣ почвенной традиціи. Въ ней было безпокойство и взволнованность, свойственныя лишь предреволюционнымъ эпохамъ. Въ ней ставились проблемы очень глубокия, но онѣ не всегда разрѣшались, а иногда разрѣшались ошибочно. И прежде всего ставились проблемы религиозной космологіи и религиозной антропологии, проблемы о человѣкѣ и мірѣ. Въ русской мысли былъ сдѣланъ опытъ христіанскаго осмысливанія процессовъ новой исторіи. Въ ней мысль христіанскаго Востока даетъ свой отвѣтъ на мысль христіанскаго Запада. Противъ русской религиозной мысли XIX вѣка одинаково возставали реакціонное церковное теченіе и революціонное атеистическое теченіе. Но въ ней впервые образовалась традиція религиозной философіи, традиція, рожденная въ эпоху беспочвенности и духовной свободы, съ беспочвенностью связанной. Русская мысль, и религиозная и социальная, была внутренне наиболѣе свободной въ эпоху самодержавной монархіи, но она вмѣстѣ съ тѣмъ часто бывала утопической. Парадоксъ исторіи мысли въ томъ и заключается, что мысль часто бываетъ внутренне максимально свободной при внѣшней максимальной стѣсненности. Свобода какъ будто бы нуждается въ сопротивленіи. И дай Богъ, чтобы, когда наступитъ у

насъ время бѣльшей внѣшней свободы, сохранилась у насъ прежняя внутренняя свобода мысли. Русскій народъ, нынѣ переживающій кровавый бредъ и неслыханную тиранию, можетъ устроиться, приобрести твердую почву, получить внѣшнія права и свободу, можетъ отдать свои силы строительству и организаціи цивилизованной жизни и обмѣщаниться и обуржуазиться. Но сохранить ли онъ и въ этомъ случаѣ тѣ духовныя черты, которыя обнаружены въ русской литературѣ XIX вѣка и въ творческой мысли этого неустроеннаго и несчастливаго вѣка? Можно ли утверждать, что русскій народъ выразилъ себя наиболѣе глубоко въ Достоевскомъ? Это самый мучительный вопросъ нашего времени. Онъ ставится всегда наряду съ вопросомъ о нашемъ внѣшнемъ устроеніи и благообразіи. Многія черты XIX вѣка должны быть преодолены, какъ порожденіе крѣпостнаго права. И должны раскрыться новыя черты — дисциплина характера, способность къ дѣйствию, къ организаціи, чувство отвѣтственности, реальное пониманіе дѣйствительности. Но всегда остается вопросъ о вѣчныхъ чертахъ русскаго духа. У французовъ вѣчныя черты національнаго духа связаны съ XVII вѣкомъ. Это остается вѣрно и донынѣ и не измѣнено XVIII вѣкомъ и революціей. Какъ будетъ у насъ?

Николай Бердяевъ.

Изъ размышлений о революціи

I.

Нарожденіе революціи.

Г. П. Федотовъ, сравнительно недавно вступившій «на оный путь, журнальный путь» и сразу привлечшій къ себѣ общее вниманіе блескомъ своего пера, и — Ф. А. Степунъ, давно уже пожинающій заслуженные лавры и ораторскими и литературными выступленіями, суть писатели очень интересные и въ высшей степени талантливые. Оба они пишутъ превосходно и оба платятъ довольно щедрую дань нѣкоторой общей слабости: въ ихъ писаніяхъ слишкомъ много стилистической пѣны. Пѣна, какъ извѣстно, радуется глазъ, но за то заслоняетъ собою тотъ напитокъ, ради котораго чаша подносится къ устамъ. Оба писателя — большіе мастера облекать свои аргументы въ форму великолѣпныхъ образовъ, остроумно мѣткихъ и художественно-яркихъ, и можно только порадоваться тому, что они пользуются этимъ своимъ даромъ въ широкихъ размѣрахъ. Но все же приходится отмѣтить, что въ иныхъ, — и не рѣдкихъ, — случаяхъ каждый изъ нихъ слишкомъ уже ослабляетъ возжи у своего темпераментнаго пегаса, и теряетъ надъ нимъ хозяйскую власть. Это прекрасно, когда красивый образъ или остроумный литературный оборотъ служатъ эффектной словесной одеждой для аргумента или для вывода. Но совѣмъ уже не такъ хорошо, если аргументъ или выводъ, — незамѣтно для краснорѣчиваго автора, — замѣняется красивымъ художественнымъ образомъ. Больше всего слѣдуетъ каждому писателю опасаться стать плѣнникомъ собственнаго краснорѣчія. Мнѣ представляется, что оба названные автора недостаточно бдительно слѣдятъ за собою въ этомъ отношеніи и, если ихъ писанія по этой причинѣ выигрываютъ

въ яркости и внѣшней занимательности, то, зато они, — хотя бы и не въ той же мѣрѣ, — теряють въ доказательности и убѣдительности

Г. Федотовъ въ интереснѣйшемъ своемъ этюдѣ «Революція идетъ» — («Современныя Записки», книга 39-ая) беретъ на себя задачу выяснитъ причины постигшей Россію революціи. Чтеніе этого этюда доставляетъ читателю большое эстетическое удовольствіе. Изъ подъ пера автора сплошнымъ фонтаномъ летятъ брилліантовья брызги мѣткихъ афоризмовъ, неожиданныхъ сопоставлений, яркихъ риторическихъ фигуръ. Все это захватываетъ и плѣняетъ, и читатель невольно отдается быстрому полету мысли автора, спѣшитъ отъ страницы къ страницѣ, и когда кончается чтеніе, ему кажется, что авторъ совершенно убѣдилъ его.

Теперь я рѣшаюсь предложить такому читателю вмѣстѣ со мною вторично пересмотрѣть статью г. Федотова, но уже не быстро, а шагъ за шагомъ, требуя отъ автора отчета въ каждомъ употребленномъ имъ литературномъ оборотѣ, въ каждомъ его утвержденіи.

Посмотримъ, что мы получимъ отъ такого опыта.

По словамъ самого автора, — при попыткѣ объяснить происхожденіе русской революціи его «честолюбіемъ было создать схему, совершенно независимую отъ до-революціонныхъ публицистическихъ направленій русской мысли». Не заключается-ли нѣкоторой внутренней порочности въ такой постановкѣ задачи? Мнѣ кажется, что всякій авторъ долженъ болѣе всего заботиться о томъ, чтобы его схема была возможно болѣе правильна, а не о томъ, чтобы она непременно была совершенно независима отъ тѣхъ или иныхъ направленій мысли.

Авторъ выставляетъ такое положеніе: — «лишь полная свобода отъ до-революціонныхъ традицій обезпечиваетъ жизненность всякой по-революціонной національной конструкціи»: О, сейчасъ это очень модно — почеркомъ пера обречь на смарку предреволюціонныя идеологии только потому, что событія пошли не тѣмъ ходомъ, какъ это намъ-бы желалось. Но вотъ что при этомъ упускается изъ виду. Если вы приступаете къ размышленію, заранѣе ставя себя самому въ обязанность мыслить во всемъ непременно на о б о р о т ъ до-революціоннымъ

традиціямъ, то вѣдь это вовсе не обозначаетъ, что вы достигли «полной свободы» отъ этихъ традицій. Это — не свобода, а связанность. Ходъ вашей мысли заранѣе предопредѣленъ этими именно традиціями только не въ смыслѣ обязательнаго съ ними согласія, а въ смыслѣ обязательнаго съ ними расхожденія. Представьте же себѣ, что то или иное въ этихъ традиціяхъ вдругъ покажется вамъ правильнымъ: все равно, вы не свободны, вы связаны рѣшеніемъ непременно мыслить н а о б о р о т ъ. — «Оцѣнка недавняго прошлаго, -- говоритъ тутъ же г. Федотовъ, -- для автора подчинена задачѣ исканія новаго національнаго сознанія». Почему же непременно — новаго? Пусть оно будетъ новымъ, пусть оно будетъ старымъ, — лишь бы оно было правильнымъ; вотъ такой критерій даль-бы дѣйствительную свободу мысли отъ предвзятыхъ положеній; что же касается боязни оказаться старомоднымъ, то это — точно такая же исключаяющая свободу мысли узда, какъ и предшамѣренная идеализація всего минувшаго.

А, впрочемъ, далѣе увидимъ, что авторъ поддается большому самообольщенію, считая себя такимъ рѣшительнымъ идеологическимъ новаторомъ. Въ дѣйствительности самъ того не замѣчая, онъ часто оперируетъ положеніями не только не новыми, но даже устарѣвшими въ своей давней и неосновательной общепринятости. Мы будемъ имѣть не разъ случай отмѣтить эту его черту при пересмотрѣ его изложенія.

Въ рядѣ главъ г. Федотовъ поочередно разсматриваетъ отдѣльныя общественныя группы до-революціонной Россіи съ цѣлью опредѣлить степень жизнеспособности каждой изъ нихъ въ дѣлѣ государственнаго строительства. На этомъ генеральномъ смотрѣ передъ нами послѣдовательно проходятъ: дворянство, бюрократія, интеллигенція, буржуазія, «новая» демократія. Авторъ производитъ всѣмъ этимъ группамъ экзаменъ въ политической жизнеспособности и всѣмъ безъ исключенія ставитъ по круглому нулю. Оказывается, что все это были — не живыя силы, а трупы. Революція произошла потому, что до-революціонный жизненный строй превратился въ какую-то сплошную фикцію, въ какой-то складъ пустыхъ орѣховъ, безъ ядеръ, съ одной скорлупой.

Бываютъ ли вообще революціи результатомъ изсякновенія жизненныхъ соковъ почти во всей странѣ, на раз-

смотрѣніи этого вопроса мы остановимся нѣсколько позже. Пока же посмотримъ, какъ авторъ устанавливаетъ процессъ омертвѣнія жизненныхъ тканей Россіи императорскаго періода.

Онъ начинается съ указанія на то, что при самомъ своемъ зарожденіи имперія основала свое бытіе на роковомъ внутреннемъ пороѣ, который заключалъ въ себѣ разлагающее смертоносное начало. Этотъ порокъ состоялъ въ абсолютномъ взаимномъ разобщеніи народной массы и руководящаго общественнаго слоя — дворянства. Указаніе это было бы въ высшей степени мѣткимъ, если бы авторъ правильно уловилъ внутренній смыслъ этого отчужденія. Но съ первыхъ же шаговъ своего анализа авторъ начинаетъ въ занимательной формѣ воспроизводить давно всѣмъ знакомыя схематическія утвержденія, которыя сводятся къ слѣдующему. Имперія породила разнь между народомъ и дворянствомъ, которой въ московскомъ царствѣ не существовало. Имперія замѣнила патріархально-религіозную идею царя, составлявшую до толѣ общее достояніе всей массы населенія безъ различія социальныхъ низовъ и верховъ, идеей государства, какъ національно-политическаго цѣлага. Это новое «государственное» сознаніе было воспринято съ началомъ XVIII стол. только однимъ дворянствомъ, приобщившимся къ западно-европейскому просвѣщенію. Народная же масса осталась совсѣмъ чужда всякаго государственнаго сознанія.

Для народа царь былъ земной Богъ, а вовсе не носитель государственной власти. И если народъ такъ же, какъ и дворянство, служилъ имперіи, выполняя платежи и службы, то дѣлалъ онъ это совсѣмъ по иному, нежели дворянство. Для дворянина на первомъ планѣ было при этомъ «отечество» и «государство», ихъ нужды и интересы. А народъ не имѣлъ никакого понятія ни объ «отечествѣ», ни о «государствѣ» и вовсе въ этихъ понятіяхъ не чувствовала потребности. Онъ лилъ кровь не за отечество, а за вѣру и царя, лилъ ее только потому, что царь естъ земной Богъ и каждый его приказъ священенъ и непрекосновенъ. «Это было подчиненіе по довѣрію, а не по убѣжденію», говоритъ г. Федотовъ, и народнымъ массамъ совсѣмъ не надо было вникать въ цѣли и задачи государственной жизни для того, чтобы выполнять всѣ повелѣнія царя.

Глубокое взаимное отчужденіе дворянства и народа дѣйствительно составляло опаснѣйшую червоточину въ организмъ русскаго государства, но, — мнѣ думается, — г. Федотовъ напрасно слѣдуетъ въ истолкованіи этого явленія условно-стилизованной схемѣ весьма давняго происхожденія. Въ этой схемѣ многое не отвѣчаетъ дѣйствительности. И прежде всего не вѣрно представленіе о томъ, будто-бы государственное сознаніе составляло въ XVIII столѣтіи монополію дворянства и никто, кромѣ дворянъ, не постигалъ понятія «отечества». Отецъ русской публицистики Иванъ Посошковъ вовсе не принадлежалъ къ дворянству, а былъ торговымъ мужикомъ и по своимъ религиозно-культурнымъ воззрѣніямъ стоялъ на почвѣ традиціоннаго до-петровскаго церковнаго міросозерцанія, и все это нисколько не помѣшало ему въ своемъ замѣчательномъ публицистическомъ трактатѣ «О скудости и богатствѣ» подняться на высоту чисто-государственнаго міросозерцанія, вдвигающаго его въ ряды лучшихъ сознательныхъ послѣдователей просвѣщеннаго абсолютизма Петра Великаго. Могутъ сказать, что Посошковъ — единичное исключеніе. Однако, вскрытая въ архивахъ Милюковымъ и Павловымъ-Сильванскимъ обильная литература государственныхъ проектовъ, подававшихся со всѣхъ сторонъ Петру Великому добровольными совѣтчиками, показываетъ съ полною ясностью, что не одни только дворянскіе умы упорно размышляли тогда надъ проблемами государственной жизни, но участвовали въ этомъ занятіи, побуждаемые сознаніемъ государственныхъ потребностей, представители рѣшительно всѣхъ классовъ тогдашняго общества. Что касается государственной службы во имя идеи отечества, то и ее совершенно неправильно считать отличительной принадлежностью одного дворянства въ имперіи XVIII стол. И когда г. Федотовъ выставляетъ афоризмъ: «двѣ силы держали и строили русскую имперію — пассивная выносливость народныхъ массъ и активное военное мужество и государственное сознаніе дворянства», — то онъ опять-таки просто повторяетъ безъ критической повѣрки шаблонное общее мѣсто, кажущееся несомнительнымъ только потому, что его слишкомъ долго на всѣ лады повторяли, не справляясь съ фактами. А загляните-ка, напримѣръ, въ пренія разгорѣвшіяся въ депутатской Комиссіи 1767 г. послѣ того, какъ лидеръ дворянства кн. Щербатовъ провозгласилъ тамъ вотъ этотъ

самый афоризмъ, повторяемый теперь нашимъ авторомъ, желающимъ отмежеваться отъ всякихъ старомодныхъ направлений мысли. Когда Щербатовъ заявилъ, что одни только дворяне проливали кровь за отечество и своимъ военнымъ мужествомъ спасали честь и достоинство государства, съ депутатскихъ скамей поднялась буря негодующихъ возраженій со стороны представителей «подлыхъ» сословій и вельможному оратору возражали и разночинцы, и посадскіе торговцы, и черносозный крестьянинъ Чупровъ; возражали бы навѣрное и представители крѣпостныхъ владѣльческихъ крестьянъ, но они, какъ извѣстно, въ комиссію 1767 г. допущены не были. Итакъ, никто не пожелалъ признать за однимъ только дворянствомъ чести служенія отечеству въ дѣлѣ его защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Г. Федотовъ указываетъ на то, что народная масса, начиная съ XVIII ст., утратила ясное представленіе и о границахъ государства, и о его задачахъ, и о его внѣшнихъ врагахъ. — «Не то полякъ бунтуетъ, не то батюшка-царь велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ», — такъ объясняли себѣ простые русскіе люди тѣ войны, на которыя имъ приходилось посылать своихъ сыновей и мужей, и г. Федотовъ выводитъ отсюда, что они несли свои жертвы механически, оставаясь внѣ государственнаго сана. Однако, одно изъ другого вовсе не слѣдуетъ съ логической неизбежностью. Пускай народъ не обладалъ свѣдѣніями по политической географіи и въ своемъ воображеніи простиралъ власть русскаго царя далеко за ея дѣйствительныя географическіе предѣлы. Мимоходомъ напомнимъ, что эта географическая безпомощность вовсе не составляла тогда удѣла одной только не-дворянской массы. Въдѣ господа Простаковы считали географію, наоборотъ, наукою «не-дворянской», а извоищичьей. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что сбивчивыя представленія общества о политической картѣ тогдашняго міра вовсе еще не уполномачиваютъ сами по себѣ на то заключеніе, что эти плохіе географы непременно должны были быть и плохими патріотами. Отъ кого приходится защищать отечество — это могло оставаться неяснымъ для людей, не допускаемыхъ до обсужденія вопросовъ внѣшней политики, и тѣмъ не менѣе эти люди могли быть все же убѣждены въ томъ, что вообще защищать отечество нужно и обязательно для всѣхъ сыновъ его.

Столь же неосторожно г. Федотовъ полагаетъ, что на-

родный культъ царя былъ лишенъ всякаго политическаго содержанія, а вытекалъ всецѣло изъ «русской мистической религіозной идеи». Думается, что ссылками на эту «русскую мистическую идею» вообще слишкомъ злоупотребляютъ при характеристикахъ русскаго народнаго міросозерцанія. Къ такимъ ссылкамъ часто прибѣгаютъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователю не удается подыскать конкретнаго объясненія для занимающаго его того или иного явленія русской жизни. На самомъ дѣлѣ народный культъ царя въ значительной мѣрѣ опирался на чисто конкретные интересы и практическіе расчеты народныхъ массъ. Онъ имѣлъ самую тѣсную связь съ социально-политическими предпосылками народнаго мышленія. Народная масса никогда не мирилась съ привилегіями владѣльческихъ классовъ и считала эти привилегіи и социальной несправедливостью, и политической безсмыслицей. Народная масса не могла себѣ представить происхожденія этихъ привилегій иначе, какъ въ видѣ узурпаціи, совершенной тѣми, кто дѣйствовалъ въ своекорыстныхъ интересахъ и пренебрегаль и справедливостью, и общественной пользой. И если народъ при этомъ крѣпко держался за убѣжденіе въ томъ, что царь этихъ узурпацій одобрять не можетъ, то убѣжденіе это коренилось именно во взгладѣ на царя, какъ на верховнаго представителя и оберегателя общаго блага. Мы видимъ тутъ не какой то безформенно-туманный идеаль на мистической основѣ, а очень конкретное представленіе о царѣ, какъ о вождѣ государства, который не можетъ не заботиться о внутреннемъ государственномъ «нарядѣ» и не можетъ поэтому одобрять своекорыстныхъ и благосостоянію государства противорѣчащихъ привилегій сильныхъ людей. Конечно, этотъ строй мыслей нисколько не соответствовалъ идеямъ дворянскаго сословія, полагавшаго, что государственный порядокъ только и можетъ держаться, что на дворянскихъ привилегіяхъ. Это были два разнородные типа государственнаго сознанія: согласно одному изъ нихъ, — государство признавалось системою привилегій владѣльческихъ классовъ, оформленною въ сословно-іерархической строй; согласно другому — государство мыслилось, какъ организациа социальной справедливости, на основаніи которой земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее обрабатываетъ. Первый идеаль соединялся съ возрѣніемъ на царя, какъ на перваго дворянина имперіи; второй идеаль соединялся

съ воззрѣніемъ на царя, какъ на печальника о народныхъ интересахъ. Конечно, это были два совершенно различные и даже прямо противоположные идеала. Но я совсѣмъ не вижу причины дворянскій идеалъ считать проявленіемъ государственнаго сознанія, а въ крестьянскомъ идеалѣ усматривать неспособность возвыситься до государственнаго сознанія, яко-бы замѣнявшася въ крестьянскихъ умахъ какимъ-то безформеннымъ анархическимъ мистицизмомъ. Въ теченіе вѣковъ апеллируя въ своихъ чаяніяхъ и надеждахъ именно къ царю, какъ къ главѣ государства, и въ своихъ бунтахъ и возстаніяхъ всегда подчеркивалъ, что зная возстанія поднято не противъ государства, а противъ «господь», искажающихъ народный государственный идеалъ, народная масса тѣмъ самымъ достаточно засвидѣтельствовала, что и ей не чуждо государственное сознаніе, но только свойственное ей государственное мышленіе знало иные пути и протягивалось къ инымъ перспективамъ, нежели тѣ, съ коими тѣсно были связаны теоретики сословнаго государства.

Принявъ во вниманіе вышесказанное, мы легко замѣтимъ слѣдующую ошибку г. Федотова. Опять-таки лишь воспроизводя давнишнее распространенное сужденіе, г. Федотовъ связываетъ начало соціальной розни между народомъ и дворянствомъ съ переходомъ Россіи отъ московскаго царства къ петербургской имперіи и полагаетъ, что раздѣлительной гранью между народомъ и дворянствомъ встала съ тѣхъ поръ нѣмецкая и французская книжка. Дворянство по этимъ книжкамъ научилось «государственному сознанію». А народъ, ничего не понимая ни въ этихъ книжкахъ, ни въ государственномъ сознаніи, остался прѣ прежнихъ своихъ понятійхъ и обычаяхъ. Дворянство стало служить государю, чуть ли не какъ своему феодальному сеньеру, а народъ по прежнему продолжалъ поклоняться царю, какъ земному Богу. Такъ, западноевропейское просвѣщеніе вырыло несуществовавшую ранѣе бездонную пропасть между народомъ и дворянствомъ. Вотъ опять-таки — вовсе не новая, а, наоборотъ, слишкомъ заѣзженная схема, которую пора подвергнуть пересмотру. Гораздо ранѣе построснія Петербурга и замѣны боярскихъ шапокъ нѣмецкими треуголками и Четырминой — «Прикладами како пишутся комплименты», — рознь между народной массой и соціальными верхами вступила въ полную силу. Имперія не породила этой розни, но уна-

слѣдовала еѣ отъ Московскаго царства. Конечно, нѣмецкое обличье, прибрѣтенное русскимъ дворянствомъ съ начала XVIII ст., эту рознь еще болѣе обострило и сгустило, но не въ «обличьи» все же заключалась самая суть дѣла. Суть дѣла состояла въ томъ, что уже въ XVIII ст. народная масса усмотрѣла, что государственнй порядокъ построенъ на тѣсномъ союзѣ господской усадьбы съ воеводской канцеляріей, и что союзъ этотъ направленъ прямо противъ нея. И усмотрѣвъ это, народная масса уже тогда стала во враждебное положеніе не къ «государственности» вообще, а къ помѣщичье-приказному государству, исключавшему собою всякій намекъ на социальное равноправіе. И обостренію этой розни нисколько не препятствовало то, что дворянинъ-помѣщикъ въ то время еще не началъ передѣлывать на иноземный ладъ свой домашній обиходъ и по внѣшнему строю жизни и по кругу своихъ понятій стоялъ очень близко къ народной массѣ. Противорѣчіе социальныхъ интересовъ тѣмъ не менѣе уже ощущалось тогда со всей силой и достаточно было первой искрѣ, чтобы оно вспыхнуло социальнымъ пожаромъ. Недаромъ разиновщина на сто лѣтъ предварила пугачевщину.

Итакъ, мнѣ представляется, что г. Федотовъ, правильно нащупавъ корень зла, подточившаго русское государство. — въ розни и взаимномъ отчужденіи социальныхъ верховъ и низовъ, ошибается и въ опредѣленіи времени возникновенія этого зла, и въ объясненіи его существа. Для избѣжанія допущенныхъ имъ ошибокъ ему нужно было глубже заглянуть назадъ, за предѣлы имперіи.

Свой очеркъ физиологіи русскаго общества за время имперіи г. Федотовъ начинаетъ съ дворянства. Какъ мы уже знаемъ, для г. Федотова исторія общества за время имперіи есть исторія постепеннаго отмиранія всѣхъ жизненныхъ тканей общественнаго организма. Начертывая картину вырожденія дворянства, авторъ грѣшитъ прежде всего тѣмъ, что не опредѣляетъ точно предмета своего изслѣдованія. Былое русское дворянство вовсе вѣдь не было однороднымъ общественнымъ слоемъ. И при томъ, по своему составу, оно никогда не было замкнутой въ себѣ и оторванной отъ остальнаго населенія окоченѣвшей кастой. Своими постановленіями о дворянствѣ Петръ узаконилъ тотъ процессъ непрерывной социальной капиллярности, въ силу котораго составъ дворянства постоянно по-

полнялся и освѣжался демократическими элементами, перѣдко поднимавшимися до верхняго общественнаго слоя съ самаго жизненнаго дна. Размышляя о судьбахъ русскаго дворянства, нельзя въ достаточной мѣрѣ оцѣнить значеніе этого обстоятельства. Между тѣмъ, г. Федотовъ обращаетъ на это обстоятельство очень мало вниманія и, можетъ быть, по этой-то именно причинѣ онъ такъ свободно оперируетъ понятіемъ дворянства, въ смыслѣ нѣкоей опредѣленной, четко отъ всѣхъ другихъ общественныхъ слоевъ отграниченной общественной категоріи. Въ сущности, авторъ подъ дворянствомъ разумѣетъ не все дворянское сословіе, а классъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Но такъ какъ онъ ни для себя ни для читателя точно не ограничиваетъ своего предмета именно такими предѣлами, то характеристика у него получается нѣсколько расплывчатая, а заключенія, примѣнимыя къ извѣстному дворянскому кругу, распространяются безъ достаточныхъ основаній на все сословіе.

Землевладѣльческое дворянство, по мнѣнію автора, зачало и разложилось вслѣдствіе своего отрыва отъ государственной службы. На этотъ разъ авторъ дѣйствительно расходится съ общепринятымъ взглядомъ, но въ этомъ расхожденіи едва ли можно признать его правымъ. Общепринятый взглядъ состоитъ въ томъ, что русское землевладѣльческое дворянство не обнаружило достаточной жизнеспособности именно потому, что оно слишкомъ долго и въ слишкомъ сильной степени было служилымъ сословіемъ и продолжало фактически такимъ оставаться даже и послѣ формальной отмѣны обязательной для него службы. Эта привычка строить свою жизнь на помочахъ государственной службы, обезпечивавшей дворянству устойчивыя средства къ существованію помимо его личной хозяйственной предприимчивости, препятствовала образованію изъ дворянъ-земледѣльцевъ независимаго и самостоятельнаго общественнаго класса. Обязательная служба отрывала дворянина отъ помѣстья и хозяйства и мѣшала ему крѣпко связаться съ мѣстною жизнью. Дворянство настойчиво добивалось освобожденія отъ этой принудительной служебной лямки. Но когда эта лямка была съ дворянства снята, дворяне, встрѣтивъ на первыхъ порахъ съ восторгомъ освобожденіе отъ обязательной службы, тѣмъ не менѣе продолжали уже добровольно считать себя по преимуществу

служилымъ сословіемъ. Тотчасъ по объявленіи дворянской «воли», дворяне массами хлынули со службы въ свои усадьбы, но скоро въ этомъ порывѣ наступило охлажденіе. Оказалось, что дворянство тяготилось не службой самой по себѣ, а ся обязательностью. А когда обязательность отпала, дворянинъ сплошь да рядомъ предпочиталъ казенный окладъ, -- точно опредѣленный и устойчиво обеспеченный — колеблющимся доходамъ отъ докучныхъ хлопотъ по хозяйству. Большею частью эти хлопоты сами по себѣ господъ помѣщиковъ вовсе къ себѣ не привлекали. Какойнибудь Болотовъ, горѣвшій хозяйственнымъ энтузіазмомъ, представлялъ собою не рядовую помѣщичью массу, а лишь избранное меньшинство своего сословія. «Не служащій дворянинъ» вовсе не вызывалъ особаго одобренія въ общественномъ мнѣніи. Неодобрительно смотрѣло на него и начальство. «Дворянинъ долженъ служить», -- этотъ тезисъ вовсе не былъ вырванъ манифестомъ о вольности дворянской и Екатерининской жалованной грамотой ни изъ сознанія правящихъ сферъ, ни изъ сознанія самого дворянскаго сословія. Да и проживая въ своихъ имѣніяхъ, дворянинъ, — въ массѣ, не считая исключеній, — обыкновенно не столько хозяйничалъ, сколько администрировалъ, разыгрывалъ изъ себя владыку своихъ «подданныхъ» — крестьянъ, а хозяйству представлялось идти по прадѣдовской рутинѣ безъ всякаго направляющаго и творческаго руководства. Г. Федотовъ полагаетъ, что отмѣна обязательной службы дворянства повлекла за собою «обезгосударствленіе» или, какъ авторъ для большей ясности считаетъ нужнымъ добавить: «дезэтизацию» *) дворянства, его отрывъ отъ государственнаго дѣла, и этимъ именно была порождена безпочвенность дворянской культуры.

Гораздо правильнѣе было бы сказать, что землевладельческое дворянство проиграло въ своемъ удѣльномъ вѣсѣ въ общественной жизни какъ разъ потому, что и послѣ отмѣны обязательной службы не сумѣло связать крѣпко и кровно свои усадебныя гнѣзда со всѣмъ строемъ мѣстной жизни, а все смотрѣло въ сторону, все устремлялось помыслами къ государственному казначейству.

-- -- --

*) Это живо напоминаетъ мнѣ, какъ одинъ русскій философъ въ рѣчи своей передъ защитой диссертациіи сказалъ «упрощеніе или — чтобы яснѣе выразиться, -- **симплификація** понятія свободы воли.»

какъ къ наилучшему источнику матеріальнаго обезпеченія. Потому-то и послѣ освобожденія крестьянъ дворяне-землевладѣльцы этого типа почувствовали себя всѣмъ безпомощными въ водоворотѣ новыхъ хозяйственныхъ отношеній, никакъ не могли приспособиться къ новому хозяйственному строю и единственный выходъ изъ своего тупика видѣли въ полученіи всевозможныхъ воспомощеній на счетъ общегосударственныхъ средствъ, полагая, что государство должно возмѣстить имъ утрату дароваго крѣпостнаго труда и отчужденныя отъ нихъ части ихъ земельныхъ владѣній, взявъ дворянъ подъ свою матеріальную опеку на положеніи, какъ бы сказать, пожизненныхъ государственныхъ пенсіонеровъ. Я подчеркиваю, однако, слова: «дворяне-землевладѣльцы этого типа», ибо подводить подъ одну рубрику весь этотъ классъ было бы исторически неврѣно. Все же въ составѣ этого класса было всегда меньшинство, — и не такое уже маленькое, — которое въ XVIII ст. выдвигало изъ своей среды кипучихъ въ хозяйственной предприимчивости Болотовыхъ; которое во второй четверти XIX ст. вступило энергично на путь интенсификаціи своего хозяйства и заранѣе составляло проекты отмѣны крѣпостнаго права; которое въ губернскихъ комитетахъ 1858 - 59 г. отстаивало возможно бѣгшее расширеніе крестьянской реформы, а компенсацію за утрату власти надъ крестьянами рисовало себѣ не въ видѣ безпрестанныхъ подачекъ съ высоты престола, а въ видѣ руководящей роли въ мѣстномъ безсловномъ самоуправленіи. Если мы не будемъ устранять изъ поля нашихъ наблюденій также и этого ряда явленій, то придется признать, что и въ средѣ землевладѣльческаго дворянства были жизнеспособные элементы, которые могли внести свою творческую струю въ процессъ народненія новой демократической государственности въ пореформенной Россіи второй половины XIX ст. Этотъ слой дворянства и далъ немалое количество своихъ представителей въ составъ того общественнаго движенія, которое стремилось къ «увѣнчанію» реформъ 60-хъ годовъ введеніемъ конституціи и проведеніемъ рѣшительныхъ соціально-экономическихъ преобразованій на демократической основѣ. И если правящая власть въ теченіе второй половины XIX ст., съ каждымъ десятилѣтіемъ все рѣшительнѣе, связывала свою позицію и свою судьбу какъ разъ съ о т м и р а ю щ е ю частью землевладѣльческаго дворянст-

ва, стремясь гальванизировать ее искусственными мѣропріятіями, то въ этомъ и заключался роковой залогъ неизбежно надвигавшейся катастрофы.

Умирая, какъ землевладѣльческій классъ, дворянство, — по указанію г. Федотова, — продолжало оказывать вліяніе на ходъ русской жизни лишь постольку, поскольку оно входило въ составъ бюрократіи и интеллигенціи.

Бюрократическій строй г. Федотовъ согласно съ распространеннымъ мнѣніемъ считаетъ твореніемъ Сперанскаго. Не пора ли исправить и это, столь укоренившееся въ историческихъ взглядахъ нашего общества, превратное убѣжденіе? Оно превратно вдвойнѣ. Оно вноситъ невѣрное освѣщеніе въ смыслъ жизненнаго дѣла Сперанскаго и оно затуманиваетъ вопросъ о генезисѣ русской бюрократической системы. И прежде всего надо же, наконецъ, признать согласно съ фактами, что вовсе не всевластіе бюрократіи было идеаломъ Сперанскаго. Бюрократію онъ организовывалъ какъ исполнительный государственный аппаратъ, а вовсе не какъ направляющую правящую силу. Такой силой по замысламъ Сперанскаго должно было стать выборное народное представительство, которое Сперанскій хотѣлъ выдвинуть на первый планъ не только въ центрѣ, на вершинѣ государственнаго зданія, но и въ областяхъ, во всѣхъ этажахъ этого зданія, сверху и до самаго низу, отъ столицы до волости. Не ясно-ли, что осуществленіе такого плана сдѣлало бы невозможнымъ установленіе всевластія бюрократіи? Итакъ, не Сперанскій, а тѣ, кто похоронили преобразовательный планъ Сперанскаго, должны быть признаны насадителями въ Россіи бюрократической системы управленія. Они воспользовались установленными систематическимъ умомъ Сперанскаго организаціонными формами распорядка государственной службы, но сообщили этимъ формамъ совѣтъ не то примѣненіе и предназначеніе, которое намѣчалось Сперанскимъ.

И во всякомъ случаѣ невѣрно и то общее положеніе, что бюрократическое управленіе у насъ создано лишь въ началѣ XIX ст. Въ это время былъ усовершенствованъ его аппаратъ, но моментъ возникновенія бюрократіи на Руси долженъ быть отодвинутъ лѣтъ на полтора ста назадъ отъ эпохи Сперанскаго. Во второй половинѣ XVII стол. у насъ уже нарождается приказное, полицейское государство, правда пока еще далеко не въ чистомъ своемъ

видѣ, но существенные элементы его уже на лицо, хотя они еще и соединяются съ элементами противоположны-ми. Дьяки и подъячіе XVII в. суть несомнѣнные родона-чальники бюрократическаго строя, и по формамъ своей дѣятельности, и по стремленію обособиться въ самодов-лѣющій классъ у кормила правленія, и по социальному сво-ему составу. Имперія XVIII столѣтія, начиная съ Петра Ве-ликаго, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ дру-гихъ, лишь разрабатываетъ и технически совершенству-етъ наслѣдіе Московскаго царства. Съ середины XVII ст. замираетъ и скоро прекращается дѣятельность земскаго соборнаго представительства и водворяется всевластіе мо-сковскихъ приказовъ, въ которыхъ и начинается всѣмъ верховодить быстро нарождающаяся приказная бюрократія. Г. Федотовъ подчеркиваетъ, что поповичъ Сперанскій установленіемъ бюрократическаго строя далъ вы-ходъ демократическимъ элементамъ на поверхность го-сударственной жизни, разстроивъ тѣмъ дворянское за-силье, утвердившееся въ XVIII ст. Но уже во второй по-ловинѣ XVII ст., какъ разъ путемъ приказной службы, то и дѣло начинаютъ выдвигаться на поверхность люди весь-ма скромнаго социальнаго происхожденія, а то и совсѣмъ безъ рода и племени, но съ служебными талантами и слу-жебной ловкостью, и порою они становятся въ первый рядъ государственныхъ дѣльцовъ, направляющихъ ходъ государственной машины. Вольно же г. Федотову отказы-вать въ званіи бюрократіи московскимъ приказнымъ дья-камъ и подъячимъ второй половины XVII ст., видя въ нихъ лишь «невѣжественныхъ строителей кляузныхъ бу-магъ, побирушекъ и ябедниковъ». Такая характеристика вовсе не вѣрна, если имѣть въ виду не подонки этого слоя, а весь этотъ классъ въ совокупности. Крупный приказный «бюрократъ» XVII ст., — по происхожденію скромный про-винціальныи дворянинъ, — Ординъ-Нащокинъ былъ од-нимъ изъ прямыхъ представителей просвѣщеннаго абсо-лютизма Петра В., а безродный еврей Шафировъ уже въ XVII ст. игралъ видную роль въ Посольскомъ приказѣ и прямо оттуда, какъ бы сказать, по наслѣдству, перешелъ затѣмъ въ Петровскую коллегію иностранныхъ дѣлъ. Г. Федотовъ не хочетъ признавать наличности бюрокра-тіи и въ Россіи XVIII ст., утверждая, что въ то время «чи-новничество было совсѣмъ подавлено и придавлено въ центрѣ — временщиками и фаворитами, а въ провинціи

— феодалами-помѣщиками. И только Сперанскій положилъ конецъ этому дворянскому раздолью, заставивъ дворянина-помѣщика потѣсниться передъ чиновникомъ — разночинцемъ.

Мы опять должны замѣтить, какъ рискованно пускать въ ходъ такіе широкіе мазки въ историческихъ характеристикахъ, ибо при этомъ легко испаряется правильная историческая перспектива. Съ одной стороны, господство временщиковъ и фаворитовъ въ XVIII ст. вовсе не устранило надобности въ рабочемъ бюрократическомъ аппаратѣ и въ дѣятельныхъ и энергичныхъ его направителяхъ (укажу лишь на одинъ примѣръ, но зато очень выразительный: въ разгаръ фавора Бирона выдвигается замѣчательная дѣятельность Анисима Маслова, сенатскаго оберъ-прокурора, котораго Ключевскій рѣшился назвать ни болѣе ни менѣе, какъ отдаленнымъ предшественникомъ Николая Милютина въ качествѣ просвѣщеннаго и богатаго смѣлыми идеями бюрократа), а съ другой стороны самовластье богатыхъ провинціальныхъ магнатовъ, ставившихъ ни во что мѣстныхъ агентовъ государственной власти, вовсе не пресѣклось со времени мѣропріятій Сперанскаго, какъ этого хочется г. Федотову, и не теряло своей силы во всю первую половину XIX ст. вплоть до реформы 1861 г. Сводя почти къ нулю значеніе бюрократіи въ Россіи до начала XIX ст., г. Федотовъ съ другой стороны, думаетъ намъ, склоненъ слишкомъ уже преувеличивать результаты якобы произведеннаго Сперанскимъ возрожденія бюрократической системы и чиновнической среды. — «Удивляться надо тому, — говоритъ нашъ авторъ, — насколько удалось Сперанскому оздоровить это красивое болото прививкой европейскаго идеала долга». Припомнимъ хотя бы содержаніе комедій Сухово-Кобылина и «Губернскихъ очерковъ» Салтыкова, врядъ-ли согласившись съ этимъ утвержденіемъ нашего автора.

Постепенное очищеніе Авгіевыхъ конюшенъ бюрократическихъ канцелярій началось не со Сперанскаго, а съ реформъ 60-хъ годовъ и, конечно, и послѣ того шло оно вовсе не столь стремительно, какъ это рисуется нашему автору. «Огромная и прекрасно сложенная бюрократическая машина», установленная Сперанскимъ, затѣмъ, по мнѣнію автора, захирѣла и заржавѣла не въ силу внутреннихъ своихъ дефектовъ, а потому, что для ея дѣятельности власть не давала живого матеріала. Послѣ кратковремен-

наго періода реформъ 60-хъ годовъ корабль бюрократической системы садится на мель, командѣ остается только бездѣльничать, служба сводится къ безпредметному бумагописанію и къ устройству карьерныхъ плановъ. Бюрократія, такимъ образомъ, подобно дворянству, къ концу существованія имперіи также превращается въ трупъ, несмотря на все то, что было сдѣлано Сперанскимъ для ея оживотворенія.

Отнюдь не питая нѣжныхъ чувствъ къ русской бюрократіи, долженъ, однако, замѣтить, что картина бездѣтельности правящей бюрократіи въ послѣднемъ періодѣ существованія имперіи, данная г. Федотовымъ, очень односторонне стилизована. Справедливость требуетъ признать, что бюрократія и въ этомъ періодѣ работала очень много и вовсе не къ одному только чистописанію сводилась ея работа. Взять хотя-бы тотъ громадный размахъ, который былъ приданъ въ 80-хъ и въ 900-хъ годахъ развитію государственнаго хозяйства; взять хотя бы осуществленіе такого грандіознаго предпріятія, какъ построеніе сибирской желѣзной дороги; это уже — вполне реальные плоды дѣеспособности правящей бюрократіи. Подобные факты показываютъ, что никакъ нельзя изображать русскую бюрократію конца имперіи сплошнымъ сборищемъ рамоликовъ и лѣвтяевъ, и фраза нашего автора: «призванная нѣкогда спастись Россію отъ дворянской атошнѣ бюрократія выродилась въ огромную государственную школу бездѣлья», — есть обобщеніе очень поспѣшное. Бѣда заключалась вовсе не въ бездѣтельности и неаботоспособности бюрократіи, а въ томъ, что политика власти направилась по ложному пути и въ связи съ этимъ работа бюрократіи, — очень усиленная и интенсивная, — не давала благодѣтельныхъ результатовъ, а прямо наоборотъ усиливала внутреннее разстройство, чреватое роковыми послѣдствіями.

Переводя затѣмъ лучъ своего фонаря съ бюрократіи на интеллигенцію, авторъ еще болѣе утверждается въ пессимистическомъ направленіи своихъ наблюденій. Тутъ онъ идетъ по давно наѣзженной дорогѣ.

Сказать, что лѣвыя партіи утопали въ теоретическихъ увлеченіяхъ и, оторванныя отъ дѣйствительности, предавались безудержному максимализму, а либералы являлись всего только выхолощенными радикалами, способными лишь къ безплодному брюжжанію и къ оппозиціи ради

оппозиции, — сказать все это и ничего къ этому не прибавить, не значить-ли повторить, ужъ не знаю въ который разъ, утверждёнїя, задолго до революціи превратившіяся отъ постоянного употребленія въ выцвѣтшій шаблонъ?

А вѣдь намъ было обѣщано, что авторъ никакихъ до-революціонныхъ шаблоновъ въ своихъ сужденіяхъ не допуститъ!

Въ этихъ шаблонахъ есть немалая доля правды, но не вся правда. А вѣдь «не вся правда» вообще уже не есть правда. Детальное разсмотрѣніе фактовъ показало бы, что и максимализмъ крайнихъ лѣвыхъ направленій имѣлъ бы при нормальныхъ условіяхъ политической жизни всѣ шансы войти въ рамки осуществимыхъ практическихъ задачъ, и русскій либерализмъ вовсе не былъ столь пустопороженъ, какъ объ этомъ твердили безъ конца на всѣ лады, а были ему свойственны весьма серьезныя стремленія и въ политической и въ соціальной области, проникнутыя духомъ государственности. Милютинъ, Утковскій, Черкасскій, Чичеринъ, Арсеньевъ, Петрунkevичъ, Чупровъ, Ковалевскій, Милюковъ, — беру совершенно на удачу первыя пришедшія на мысль имена --- ...скажите, пожалуйста, неужели всѣ эти дѣятели и многіе-многіе другіе того же склада суть не болѣе, какъ ходячія шарманки?

Врядъ ли самъ г. Федотовъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно. Все дѣло только въ томъ, что въ своемъ очеркѣ онъ витаетъ въ области суммарныхъ общихъ характеристикъ, гдѣ такъ легко изрекать быстрые приговоры надъ цѣлыми общественными теченіями. А вотъ стоитъ только немного приблизиться къ подлиннымъ конкретнымъ фактамъ, такъ сейчасъ же и видишь, насколько эти быстрые приговоры сметаны на живую нитку.

Итакъ, вся картина русской общественности къ концу XIX столѣтія представляется автору мертвой пустыней. Разночинная интеллигенція, приходившая на смѣну интеллигенціи дворянской, оказывается въ изображеніи автора еще хуже послѣдней. Для объясненія этого явленія авторъ приводитъ соображенія, которыя приходится признать по крайней мѣрѣ черезчуръ поспѣшно составленными. Роковую роль для выходившаго на общественную арену слоя разночинцевъ сыграла, по мнѣнію автора, всесословная школа. Культуры школа не давала. Но дворянинъ получалъ эту культуру въ своей дворянской семьѣ (большія тутъ требуются оговорки!), разночинца же

семья не могла приучить къ умственному труду, а школа отучала отъ физическаго труда и вселяла въ разночинца пренебрежительное отношеніе къ скромной трудовой долѣ. Итакъ, забравшись въ гимназію вмѣсто ремесленной школы, разночинцы выходили оттуда бѣлоручками, гнушающимися черной работой и неспособными въ тоже время и къ умственному труду; выходили — коптящіе небо верхогляды и барышни, бренчащія на «фортепьянахъ». Мы знаемъ, однако, что кромѣ барышень, брнчащихъ на фортепьянахъ, интеллигенція второй половины XIX стол. давала и идеалистически настроенныхъ молодыхъ людей обоюго пола, ради служенія народу забиравшихъ въ деревенскую глушь сельскими учителями и учительницами, фельдшерицами, статистиками и т. п. Какъ же можно считать все это со счетовъ при характеристикѣ общественныхъ настроеній? И неужели прошедшіе общую школу разночинцы такъ-таки и превращались всей своей массой въ пустопорожнюю накипь на общественной жизни? Среди серьезныхъ ученыхъ, писателей, общественныхъ дѣятелей второй половины XIX ст. развѣ такъ уже мало людей, вышедшихъ изъ разночинной среды?

Среди сплошнаго общественнаго маразма, охватившаго по мнѣнію автора предреволюціонную Россію, авторъ нѣсколько неожиданно открываетъ «единственнаго представителя русской силы и предприимчивости» — въ русскомъ купцѣ. Однако, и этотъ представитель русской силы и предприимчивости оказывается затѣмъ слишкомъ рыхлымъ и хрупкимъ, чтобы противостоятъ разлагающимъ вліяніямъ. Купечество заражается «дворянскимъ декадансомъ», а созданная купцами промышленность оказывается недоношеннымъ плодомъ, быстро гибнущимъ въ вихряхъ политической смуты.

Кажется, мы привели достаточно указаній на то, какъ сильно нуждаются быстро сооруженныя г. Федотовымъ схемы въ фактическихъ провѣркахъ и поправкахъ. Мы могли бы и еще продолжать эти критическія замѣчанія относительно отдѣльныхъ утвержденій нашего автора, высказываемыхъ имъ въ такой категорической формѣ.

Не пора-ли однако перейти къ той общей исходной идеѣ г. Федотова, на которую нанизаны всѣ эти отдѣльныя его утвержденія и которая собственно и предопредѣлила одностороннее направленіе его наблюденій и заключеній?

Представляя себѣ внутреннее состояніе Россіи передъ революціей, какъ процессъ омертвѣнія и окостенѣнія всего организма русской жизни, г. Федотовъ полагаетъ, что въ этомъ какъ разъ и обрисовывается причина пришествія революціи. Фактическія невѣрности рисуемыхъ авторомъ картинъ мы видѣли выше. Въ своей односторонне стилизованной характеристикѣ авторъ чрезмѣрно преувеличилъ омертвѣлые и мертвящіе элементы предреволюціоннаго жизненнаго строя Россіи и чрезмѣрно преуменьшилъ элементы живые, дѣятельные, активно-прогрессивные.

Но если односторонни его фактическія изображенія, то и его теоретическая общая предпосылка не можетъ быть признана правильной.

Развѣ революціонный взрывъ можетъ произойти въ странѣ, въ которой всѣ живыя силы изсякли и всѣ ткани общественнаго организма омертвѣли? Такое положеніе вещей исключаетъ возможность какихъ либо порывовъ, а тѣмъ болѣе революціонныхъ. Не броженіе, не порывъ, не возстаніе, а неподвижность, гніеніе и разложеніе могутъ быть единственнымъ результатомъ вымиранія всѣхъ жизнеспособныхъ силъ страны. Ходъ мысли автора, по видимому, таковъ: революція состоитъ въ паденіи и разрушеніи стараго порядка. Пасть и разрушиться можетъ только то, что уже мертво. Итакъ, показать полную мертвенность дореволюціоннаго жизненнаго строя и значить -- объяснить пришествіе революціи. Легко замѣтить логическій дефектъ въ такомъ ходѣ разсужденія. Революція вѣдь вовсе не есть самоупражденіе рушащагося строя. То была бы не революція, а естественная смерть безъ потрясеній и борьбы. Революція есть возстаніе противъ стараго порядка непримиряющихся съ нимъ силъ. Но возстаніе предполагаетъ непремѣнно наличие дѣятельныхъ силъ, способныхъ къ энергическому и порывистому движенію. Гдѣ все мертво и неподвижно, тамъ революція быть не можетъ. Гдѣ дѣятельныя силы находятъ себѣ удовлетвореніе въ процессѣ свободнаго творчества, тамъ тоже не можетъ возникнуть революція, тамъ -- восторжествуетъ процессъ органическаго жизненнаго роста. Революція есть непремѣнно результатъ враждебной встрѣчи стараго порядка отмирающаго, но еще достаточно упорнаго для извѣстнаго сопротивленія враждебнымъ ему силамъ

и этихъ самыхъ враждебныхъ ему силъ, въ рамкахъ самаго стараго порядка постепенно вызрѣвшихъ, но для своего проявленія нуждающихся въ ниспроверженіи этихъ именно для нихъ уже тѣсныхъ и непріемлемыхъ рамокъ. Отъ такой то встрѣчи и происходитъ революціонный взрывъ. Но если это вѣрно, то и діагнозъ соціально-политическаго кризиса, вызывающаго революцію, не можетъ быть правиленъ и вѣренъ, поскольку онъ начертываетъ лишь картину отмиранія всѣхъ безъ исключенія сторонъ жизни предреволюціоннаго періода. Г. Федотовъ, въ сущности, и самъ въ концѣ своего изложенія спохватывается на этотъ счетъ и въ послѣдней главѣ своего очерка вдругъ заявляетъ: «не все въ русской политической жизни было гнило и обречено» и затѣмъ даетъ рядъ оговорокъ къ собственному предшествующему изложенію. Не лучше-ли было бы, однако, вмѣсто этихъ бѣглыхъ оговорокъ въ концѣ очерка (напоминающихъ списокъ «погрѣшностей», прилагаемый въ концѣ книги), просто внести соотвѣтствующія существенныя поправки въ самое предшествующее изложеніе? Но вѣдь тогда пришлось бы измѣнить и всю вообще характеристику русской дѣйствительности, которой наполненъ очеркъ; пришлось бы измѣнить и общую отправную мысль, на которой весь очеркъ построенъ.

Конечно, можетъ быть предложенъ вопросъ: если революція есть возстаніе дѣятельныхъ силъ противъ отмирающаго порядка, то почему же революція русская не удалась? Однако, это — уже вопросъ иной: не о происхожденіи революціи, а о ея исходѣ. Почему въ концѣ концовъ въ революціонномъ процессѣ одержали верхъ тѣ, кто принесъ Россіи не блага свободы, а ужасы тираніи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ потребовалъ бы особаго сложнаго разсужденія, при которомъ пришлось бы затронуть рядъ совсѣмъ новыхъ темъ. Здѣсь скажу только, что эта сторона дѣла вовсе не колеблетъ утвержденія о томъ, что возникновеніе революціи проистекаетъ изъ броженія не мертвыхъ, а дѣятельныхъ элементовъ обществитія. Вѣдь не всѣ дѣятельныя силы суть непремѣнно благодѣтельныя. А почему въ процессѣ революціонной борьбы злоредныя начала восторжествовали у насъ надъ благими, тому имѣется рядъ причинъ, уходящихъ своими корнями олять таки въ историческое прошлое. Но здѣсь мы уже не можемъ заняться ихъ разсмотрѣніемъ.

II.

Революція и революціи.

Если всякая вообще революція непременно есть взрывъ дѣятельныхъ силъ противъ отмирающаго строя учрежденій и отношеній, это вовсе еще не значить, что всѣ революціи происходятъ и разрѣшаются одинаково. И я думаю, что нѣтъ задачи болѣе бесплодной, какъ задача опредѣлить существо «революціи вообще». Конечно, вовсе не трудно указать на повторяющіяся во всѣхъ революціяхъ нѣкоторыя общія черты. Но если при этомъ мы будемъ скромно держаться исторической эмпириі, не устремляясь на заоблачныя высоты метафизики, мы непременно замѣтимъ, что эти сходныя черты всѣхъ революцій либо относятся къ самымъ первичнымъ и общимъ положеніямъ, столь первичнымъ и общимъ, что онѣ сами по себѣ нисколько не предопредѣляютъ конкретнаго хода событій *), либо касаются чисто внѣшнихъ формъ проявленія революціонныхъ страстей. Но содержаніе, наполняющее эти формы, разнообразится и индивидуализируется до бесконечности въ разныхъ революціяхъ. Во всѣхъ шахматныхъ партіяхъ фигуры располагаются и передвигаются по однимъ и тѣмъ же правиламъ и тѣмъ не менѣе не бываетъ двухъ партій, которыя совпали бы по своему содержанію. Ну, а фигуры на шахматной доскѣ исторіи даже и передвигаются, если и не совсѣмъ независимо отъ нѣкоторыхъ правилъ, то все же съ весьма неожиданными зигзагами такъ, что здѣсь даже и формальное сходство передвиженій очень эфемерно, а о тождественности ихъ внутренняго назначенія говорить совсѣмъ уже рискованно.

Вотъ почему такъ много есть охотниковъ проводить аналогіи между всѣми революціями и такъ мало эти аналогіи помогаютъ въ дѣлѣ уразумѣнія отдѣльныхъ революцій въ ихъ конкретномъ своеобразіи, т. е. въ ихъ дѣйствительной подлинности.

Диллетанты, предающіеся на досугѣ размышленіямъ о такихъ аналогіяхъ, просто на просто хватаются за внѣшнія формальныя сходства, не проникая въ прикрываемыя сходною внѣшностью различія по существу. Для людей,

---

*) Таково есть и вышеуказанное положеніе, что революція всегда есть взрывъ дѣятельныхъ силъ.

болѣе спеціально погружающихся въ эти вопросы, дѣло обстоитъ труднѣе. Различія по существу не укрываются отъ ихъ мысленнаго взора и мѣшаютъ имъ подвести безъ дальнихъ разговоровъ всѣ революціи подъ одинъ ранжиръ. Но такъ какъ имъ все же не хочется отказаться отъ соблазнительнаго намѣренія подогнуть фактической матеріалъ подъ всеобобщающую соціологическую схему, то приходится какъ нибудь изысканно изловчиться. При этомъ умственные усилія направляются по двоякому пути.

Одинъ изъ этихъ путей состоитъ въ томъ, что для спасенія положенія выставляется тезисъ: не всякая революція есть настоящая. Оказывается, что бываютъ революціи настоящія и ненастоящія. Если читатель въ простотѣ души предположитъ, что настоящими революціями при этомъ называются революціи удавшіяся, а ненастоящими — неудавшіяся, то онъ глубоко ошибется. Дѣло тутъ не въ удачѣ или неудачѣ, а въ томъ, соотвѣтствуетъ ли данная революція тому рецепту, по которому, согласно рѣшенію даннаго писателя, всякая революція должна совершаться. Если соотвѣтствуетъ, то это будетъ настоящая революція; если не соотвѣтствуетъ, то это будетъ всего только бунтъ.

Ставъ въ такую позицію, писатель совершенно облегчаетъ себѣ всю задачу. Если даже и въ такомъ переворотѣ, который онъ вообще относитъ къ числу настоящихъ революцій, не всѣ явленія подойдутъ подъ его схему, онъ выходитъ изъ затрудненія очень просто, указавъ на то, что и въ настоящей революціи бываютъ бунтовщическіе элементы. Остается, слѣдовательно, лишь провести разграничительную линію между понятіями революціи и бунта. На выполненіе этой задачи было употреблено немало остроумія и глубокомыслія. Указывалось, что бунтъ только разрушаетъ; революція, разрушая, всегда что нибудь и созидаетъ. Или указывалось, что бунтъ охватываетъ лишь небольшую группу населенія, революція охватываетъ большинство націи; или отмѣчалось, что бунтъ есть возстаніе на тѣ или другія частныя и отдѣльныя стороны существующаго порядка, а революція есть возстаніе на основныя начала этого порядка.

Хотя въ этихъ указаніяхъ отмѣчаются различія то качественнаго, то количественнаго характера, тѣмъ не менѣе ни одно изъ этихъ указаній не уполномочиваетъ заключить, что бунтъ и революція суть явленія разнород-

ныя и даже, какъ угодно нѣкоторымъ писателямъ, прямо противоположны по своей природѣ. Въ концѣ концовъ, ни одинъ бунтъ не обходится безъ желанія достигнуть той или иной перемѣны въ положеніи возставшихъ, т. е. безъ желанія достигнуть чего-либо новаго на мѣсто того, что вызвало негодованіе бунтовщиковъ. И, съ другой стороны, перевороты, признаваемые революціями, не разъ зарождались лишь въ опредѣленной группѣ населенія, пусть - - гораздо болѣе значительной, нежели тѣ движенія, которыя именуются бунтами. Наконецъ, и послѣднее изъ приведенныхъ выше различій только на первый взглядъ можетъ показаться отчетливо-опредѣленнымъ. Что считать частностью и что — основою данного порядка, - это вовсе не такъ бесспорно опредѣлимо. Пугачевщина направлялась только противъ крѣпостного права, и, если бы за пугачовцами осталась побѣда, кто знаетъ, — не началось ли бы общее политическое и социальное свѣтопреставленіе? Значить, пугачевщина называется не революціей, а бунтомъ только потому, что бунтъ не удался. А люди, начавшіе великую французскую революцію, какъ извѣстно, были почти поголовно убѣжденными сторонниками монархіи и требовали только созыва геиеральныхъ штатовъ и мы не называемъ движеніе 1789 г. бунтомъ по той причинѣ, что оно имѣло успѣхъ и при послѣдующемъ ходѣ событій раздвинулось далеко за первоначальныя рамки. Въ концѣ концовъ мы будемъ гораздо ближе къ истинѣ, если, не пытаясь доказывать разнородность природы бунта и революціи, признаемъ, что это — явленія одного и того же порядка, и что бунтъ есть зародышъ революціи, а революція есть разросшійся и углубившійся бунтъ. Можно указать сколько угодно различій между бунтомъ и революціей, но нельзя доказать, что это — явленія не одной породы, точно такъ же, какъ цѣлая бездна лежитъ между кошкой и тигромъ и все-таки кошка и тигръ принадлежать къ одной породѣ. Не покидая почвы реальной дѣйствительности, нужно просто признать, что революціи бываютъ разныя: разнаго стиля, разнаго размѣра, разнаго содержанія. Можно, конечно, при желаніи называть нѣкоторыя изъ нихъ не революціями, а какъ нибудь иначе, но это будетъ уже вопросъ терминологіи, а не существа.

Есть еще и другой путь для спасенія престижа той идеи, что всѣ революціи извѣстныя исторіи могутъ быть под-

ведены подь единую философско-соціологическую схему. Этотъ путь только что испробовать Ф. А. Степунъ въ статьѣ. «Религіозный смыслъ революціи» («Современныя Записки», кн. XL).

Г. Степунъ начинаетъ эту статью съ общихъ методологическихъ замѣчаній и при этомъ предлагаетъ читателямъ, не интересующимся вопросами методологіи, пропустить эту первую главу его статьи. Мы, однако, настойчиво со-вѣтуемъ читателямъ отнюдь не поддаваться этому пред-ложению, ибо не сомнѣваемся въ томъ, что въ отвѣтъ на большую часть критическихъ замѣчаній, которыя могутъ быть сдѣланы на статью г. Степуна, авторъ укроется какъ разъ именно подь сѣнь этихъ самыхъ методологическихъ соображеній. Изъ этихъ методологическихъ соображеній авторъ соорудилъ себѣ своего рода защитный окопъ, да-бы сдѣлать себя неуязвимымъ для тѣхъ историковъ, ко-торые при обсужденіи вопросовъ, соприкасающихся съ историческими данными, находятъ нужнымъ цѣлко дер-жаться за факты исторической дѣйствительности и каж-дое лыко ставить тутъ въ строку.

Г. Степунъ желаетъ начертать общій для всѣхъ рево-люцій законъ внутренней діалектики революціоннаго про-цесса. Онъ, однако, заранѣе считается съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ тѣхъ внѣшнихъ фактовъ, въ которые об-лекаются революціонные взрывы, и предвидитъ, что вся-кая попытка втунуть исторію всѣхъ революцій въ одинъ общій рисунокъ обречена на неудачу. Но онъ полагаетъ, что всякія возраженія со стороны фактической точности сразу отпадаютъ въ томъ случаѣ, если единая природа всѣхъ революцій будетъ отыскиваема не методомъ индук-ціи, а методомъ типологическаго конструирования.

Если вы желаете дать обобщающій чертежъ ф а к т и-ческаго хода всѣхъ революцій, собирая общія имъ всѣ черты, вы обязаны считаться съ фактами историче-ской дѣйствительности, подлежащими обобщенію, и вся-кія указанія на допущенныя вами въ этомъ отношеніи ошибки будутъ расшатывать ваше построеніе. Другое дѣло — типологическое конструированіе революціоннаго процесса. Типологическая конструкція любого историче-скаго процесса состоитъ не въ обобщеніи его внѣшнихъ формъ, а въ отысканіи его основной сущности, которая въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ облекаться въ

различныя внѣшнія оболочки, оставаясь въ то же время всегда равной самой себѣ по существу.

На своемъ нѣсколько вычурномъ языкѣ Ф. А. Степунъ объясняетъ, что типологическая (или, какъ онъ ее еще называетъ, идеало-типическая) конструкція — «сгущаетъ типическія черты изслѣдуемаго явленія до нѣкоего *taximum*'а, быть можетъ, вообще не встрѣчающагося въ дѣйствительности». Пусть такъ! И все же означаетъ ли это, что историку-типологу позволительно величественно парить надъ историческою дѣйствительностью, совсѣмъ съ ней не считаясь? Ни въ коемъ случаѣ! Пусть его конструкція будетъ типологическая или идеало-типическая, пусть она будетъ предназначена вскрыть таинственную душу историческаго процесса, а не его внѣшнія очертанія, — все же историкъ-типологъ не изъ собственного пальца эту конструкцію высасываетъ, а стремится ее разглядѣть, уловить, почуять сквозь сѣтку историческихъ фактовъ. И для того, чтобы это занятіе не свелось къ пустой игрѣ произвольно выбранными отвлеченными понятіями, совершенно необходимо, чтобы и взоръ изслѣдователя былъ достаточно многообъемлющъ и сѣтка фактовъ, этому глазу противостоящая, была содержима въ надлежащей исправности. Такимъ образомъ и методъ типологическаго конструктивизма вовсе не освобождаетъ изслѣдователя отъ обязанности считаться съ критическими замѣчаніями фактическаго характера. Самъ Ф. А. Степунъ въ этой же статьѣ, но въ иномъ контекстѣ, считаетъ нужнымъ заявить: «всякая наука обязана исходить изъ данностей и начинать съ наивозможно точнаго описанія факта» (стр. 457). Всякая я наука! Значитъ, въ томъ числѣ и такая, которая оперируетъ методомъ типологическихъ конструкцій. Однако, въ запасъ у Ф. А. Степуна имѣется еще одно положеніе въ видѣ дополнительной брони противъ нападокъ фактической критики. Онъ совершенно справедливо утверждаетъ, что всякое историческое изслѣдованіе обусловлено особенностями личнаго духовнаго опыта изслѣдователя и связано съ ними, и что это обстоятельство кладетъ глубокую печать на самое содержаніе историческихъ выводовъ. Это положеніе неоспоримо, но только изъ него никакъ не выведешь, что изслѣдователю не могутъ быть предъявляемы требованія держать свой субъективизмъ въ уздѣ и ограничивать его произволь контролирующими наблюденіями за многообразіемъ историче-

ской дѣйствительности. Пусть историкъ вообще не въ состояніи выскользнуть изъ рамокъ своего духовнаго опыта при изслѣдованіи историческихъ процессовъ, подобно тому, какъ никто и ничто, существующее на нашей планетѣ, не можегъ выскользнуть изъ сферы земнаго притяженія. И тѣмъ не менѣе, если въ построеніи историка окажутся вопіющія противорѣчія фактамъ исторической дѣйствительности, онъ отнюдь не можетъ отмахнуться отъ предъявляемыхъ ему возраженій простой ссылкой на свою связанность личнымъ духовнымъ опытомъ.

На такую ссылку можно вѣдь отвѣтить съ достаточнымъ правомъ: «если вашъ духовный опытъ приводитъ васъ къ явнымъ ошибкамъ или односторонностямъ, въ такомъ случаѣ либо старайтесь усовершенствовать вашъ духовный опытъ, либо вообще не беритесь за роль историка или по крайней мѣрѣ не выдавайте свою историческую схему за общій законъ характеризуемыхъ вами историческихъ процессовъ». Превращать же «типологическія конструкции» въ сознательное облеченіе повѣсти о личныхъ переживаніяхъ въ форму историческихъ обобщеній, — не значитъ ли оказывать плохую услугу самому типологическому методу, подрывая его научную стоимость?

Боюсь, что предлагая свое типологическое изображеніе революціоннаго процесса Ф. А. Степунъ не мало погрѣшаетъ въ только что указанномъ отношеніи. М. В. Вишнякъ въ статьѣ «О переосмысленіи Степуна» совершенно справедливо указалъ, что Степунъ изображаетъ не структуру революціи, а структуру «собственного сознанія» и вопреки своему обѣщанію говорить о смыслѣ революціи вообще, все время имѣетъ въ виду только одну определенную и ограниченную во времени революцію — большевицкую. Почему русская большевицкая революція должна быть принята за типологическое изображеніе всякой вообще революціи? Ф. А. Степунъ этого не объясняетъ, а просто декретируетъ это положеніе, какъ для него самоочевидное, ибо оно вытекаетъ изъ совокупности его личнаго недавняго духовнаго опыта. И все его изложеніе, состоящее въ отождествленіи смысла всякой вообще революціи съ революціей большевицкой, написано тономъ декретовъ, возвѣщающихъ положенія общеобязательныя и въ доказательствахъ не нуждающіяся.

Говоря вкратцѣ, эти его положенія таковы. Прежде всего революція не есть ускореніе эволюціи, а есть внезап-

но вторгающійся въ жизнь «взрывъ всѣхъ смысловъ». Для возможности такого взрыва требуется наличность двухъ условій: во-первыхъ, требуется выступленіе на сцену новаго слоя или класса и, во-вторыхъ, разрывъ единства національнаго сознанія. Разумѣется, и то и другое в н е з а п н о произойти не можетъ и, слѣдовательно, нужно найти еще какіе то факторы, которые своимъ дѣйствіемъ в д р у г ъ превращаютъ соціальную и культурную эволюцію въ революціонный вихрь, ибо и рожденіе новыхъ классовъ и разложеніе общенациональнаго сознанія сами по себѣ суть процессы длительные, а не вихреподобные. А кромѣ того революціи происходили и независимо отъ указанныхъ Степуномъ факторовъ. Июльская революція 1830 г. не была связана съ выступленіемъ новаго класса. Если бы нашъ авторъ сказалъ на это, что то и не была революція, а только бунтъ, мы отвѣтили бы: вольно же автору, выставляющему опредѣленія, не обнимающія всего изучаемаго ряда явленій, просто на просто произвольно выкидывать изъ этого ряда всѣ тѣ явленія, которыя подъ его опредѣленіе не подходятъ. Такимъ путемъ можно съ большимъ удобствомъ перекраивать подлежащій изученію матеріалъ, въ угоду искусственнымъ схемамъ. Но вѣдь цѣнность схемы всего менѣе измѣряется соображеніями подобнаго удобства. Что касается единства національнаго сознанія и его разложенія, то и тутъ прежде всего надо точно установить, о чемъ идетъ рѣчь. Авторъ поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ: — «православные мужики, апеллирующіе поджогами усадебъ къ справедливости царя противъ засилья помѣщиковъ, вмѣстѣ съ ними, мужиками, вѣрующими въ Бога и царя — бунтари, но не революціонеры. Рабочій же марксистъ, разстрѣливающей изъ пулемета икону, какъ символъ ненавистной богопомазанности царей - преступниковъ, — революціонеръ, а не бунтарь».

Итакъ, основа единства національнаго сознанія сводится къ единству понятій религіозныхъ и къ единству представленій о верховномъ носителѣ власти. Гдѣ это единство на лицо, тамъ нѣтъ революціи, гдѣ оно нарушено, тамъ то и неизбежна революція.

Намъ кажется, что понятіе единства національнаго сознанія — весьма произвольно сужено нашимъ авторомъ. Пускай въ прежнія времена крестьяне и помѣщики одинаково вѣрили въ Бога и одинаково признавали царя

(впрочемъ, одинаковость и въ томъ и въ другомъ случаѣ подлежитъ существеннымъ оговоркамъ). Но вѣдь не станеть же нашъ авторъ отрицать, что при всѣмъ томъ тѣ и другіе держались не только не одинаковыхъ, но прямо и рѣзко противоположныхъ понятій о правѣ собственности на землю. Такая-ли это мелочь, чтобы, не обращая на нее вниманія, говорить о единствѣ національнаго сознанія въ тѣ времена, когда еще не было ничего слышно о возстаніяхъ на Бога и царя? Очень хорошо извѣстно, что разномысліе о землѣ вырывало бездну между міросозерцаціемъ барина и мужика и превращало ихъ въ представителей двухъ смертельно враждебныхъ становъ. Итакъ, единства національнаго сознанія тогда уже не было, а революціи все же не происходило. А съ другой стороны, какъ это уже было указано М. В. Вишнякомъ, развитіе великой французской революціи опиралось не на разрывъ, а какъ разъ на сцѣпленіе національнаго сознанія и это сцѣпленіе революціи не предотвратило.

Такъ извилисты и многообразны бываютъ подлинныя пути исторической дѣйствительности, легко выравнивающиеся въ прямолинейный порядокъ лишь въ схемахъ, декретуемыхъ на бумагѣ краснорѣчивыми мыслителями.

Сводя сущность революціоннаго процесса къ борьбѣ идеологій и оставляя совсѣмъ въ сторонѣ борьбу интересовъ, Ф. А. Степунъ дѣлаетъ попытку изслѣдовать, какъ бы сказать, механику этой борьбы идеологій въ вихрѣ революціи. По его объясненію революція происходитъ тогда, когда въ общественномъ сознаніи изсякаютъ убѣжденія, органически выросшія изъ жизни (по терминологіи Степуна, это суть — и д е и), и на ихъ мѣсто выступаютъ мертвенныя, искусственно сочиненныя, непримѣнимыя, фантастически-утопичныя хитросплетенія умственныхъ выдумокъ (по терминологіи Степуна это суть — идеологіи)*). Тогда-то и начинается закручиваться революціонный вихрь. Дѣло начинается съ того, что живыя идеи умерщвляются искусственной идеологіей реакціонеровъ - охранителей. Желая охранить неизблемость традицій, эти господа вынимаютъ изъ охраняемыхъ ими

---

*) Признаемся, намъ непонятно, зачѣмъ понадобилась автору эта искусственно-хитросплетенная терминологія, расходящаяся съ обычнымъ словоупотребленіемъ.

традицій душу и доводятъ ихъ до каррикатуры. Тогда въ прямой противовѣсъ этимъ реакціоннымъ выдумкамъ нарождаются выдумки революціонныя, столь же мертвенныя по своей искусственности, столь же каррикатурныя по своей фантастичности. Схватка не на жизнь, а на смерть двухъ утопій, — реакціонной и революціонной, — и есть революція. Это — не борьба жизни съ мертвечиной, это — борьба двухъ мертвецовъ, обусловливающая появленіе всѣхъ гнилостныхъ процессовъ революціи. Казалось бы, изъ соединенія двухъ минусовъ не можетъ произойти никакого плюса. Казалось бы, встрѣча двухъ борющихся мертвецовъ можетъ породить только разложеніе и смерть. Ф. А. Степунъ судитъ иначе. Онъ заявляетъ, что въ этомъ революціонномъ хаосѣ въ сущности «совершается гнѣвное вторженіе абсолютнаго въ историческую жизнь». Мертвецы пожирають другъ друга, а живымъ людямъ въ этой трагедіи открывается религіозный смыслъ абсолютныхъ цѣнностей, презрѣнныхъ и погранныхъ человѣческимъ безуміемъ. Въ этомъ и состоитъ религіозный смыслъ революціи.

Легко замѣтить, что весь этотъ схематическій рисунокъ навѣянъ автору недавними его переживаніями и впечатлѣніями. Но — почему эту повѣсть о недавнихъ переживаніяхъ и впечатлѣніяхъ автора читатель долженъ принять за типологическую конструкцію «революціи вообще»? Исторія знаетъ революцію, исходная идеологія которой оказалась настолько могуче-жизненной, что ея обаянія не могли разрушить самыя отталкивающія искаженія ея началъ, допущенныя въ революціонной практикѣ. Конечно, я разумѣю великую французскую революцію. Принципы 1789 г. проистекли не изъ бреда «бумажныхъ идеологій, никакимъ золотымъ фондомъ идейно-подлинныхъ переживаній не обезпеченныхъ», каковыми, по заявленію Степуна, являются всѣ предреволюціонныя идеологіи. Эти принципы проистекли изъ мощнаго умственнаго движенія, оплодотворившаго человѣческую мысль столь основательно, что и по сіе время мыслители и народы все еще питаются благостынями съ пиршественнаго стола этихъ идей.

Какъ ни настаиваетъ нашъ авторъ на томъ, что типологическая конструкція историческихъ процессовъ можетъ очень сильно отдаляться отъ конкретныхъ чертъ исторической дѣйствительности, все же это отдаленіе не можетъ простирается такъ безпредѣльно, что, на примѣръ, изъ ти-

пологіи революціи оказываются устраненными существенныя черты революціи 1789 г.

Позволю себѣ высказать въ заключеніе нѣчто такое, что въ глазахъ Ф. А. Степуна явится вѣроятно еще большею ересью. Я думаю, что и во имя потребностей науки и во имя потребностей нашего насущнаго дня надо поставить на очередь не малоплодотворное изученіе «революціи вообще», а какъ разъ классификацію и сравнительное изученіе конкретныхъ революцій во всемъ ихъ многообразіи. Надо изучать не революцію, а революци, — и при томъ не только въ ихъ сходствѣ, но и въ ихъ различіяхъ, ибо революціи бывали разныя и затушевывать ихъ различность значитъ и ослаблять поучительность этого изученія и обрекать себя на рискъ слишкомъ эфемерныхъ обобщеній.

А. Кизеветтеръ.

Эволюція нації и революція

Ходячее противопоставленіе «Революціи» «Эволюціи», при которомъ подъ «эволюціей» подразумѣвается «постепенное» или «нормальное» развитіе (причемъ не дается опредѣленія, что-же собственно такое «нормальное» развитіе), а подъ «Революціей» его «перерывъ», безсодержательно и бесплодно. Кто не идетъ дальше такого, въ сущности чисто вербальнаго, опредѣленія «эволюціи», тотъ и «революцію» сводитъ къ ея внѣшнимъ признакамъ, не видя того, что за ними кроется. «Революцію» онъ опредѣлитъ въ лучшемъ случаѣ формально-юридически, какъ «перерывъ легальности» или что-либо подобное. Но исторія есть психическій процессъ, эволюція есть смѣна переживаемыхъ общественнымъ сознаниемъ идей, смѣна міросозерцаній, и кто стремится къ постиженію исторической реальности, неминуемо приходитъ къ вопросу: что такое Революція, какъ моментъ такого психическаго процесса? Какъ именно смѣна идей обуславливаетъ ее собою и какъ она, въ свою очередь, вліяетъ на идейное движеніе? Эволюція всякой культуры протекаетъ три основныя стадіи: религіозную (или «поэтическую», какъ удачно Ог. Конта выражался Вико), метафизическую и позитивистическую. Каждой стадіи соотвѣтствуетъ своя концепція и своя структура Государства и Общества. На первой стадіи — полная конкретность (срещенность) міровоспріятія. Все во всемъ, все имманентно всему, все символизуется всѣмъ. Богъ, «его» земля, «его» народъ соединены неразрывной связью, болѣе того: они — одно и носятъ одно имя. Аѳина, Аѳины, аѳиняне. «Поэтическое» мышленіе не только абсолютно конкретно и сплошь символично: оно вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ и абсолютно вещно. Изначальное единство народа, нації воплощено въ одномъ лицѣ. «Поэтическое» государство это — царство, вѣрнѣе — самъ Царь (который вмѣстѣ и богъ). Разумъ и во-

ля Царя-бога (его «слово») есть разумъ и воля Народа — ибо «внѣ» Царя нѣтъ народа, не мыслится, не воспринимается сознаніемъ народъ. Правильное отправленіе національно-государственной жизни выражается въ системѣ символическихъ дѣйствій, въ культѣ, въ церемоніалѣ, малѣйшее упущеніе въ которомъ грозитъ величайшими бѣдствіями.

Слѣдующая стадія — метафизическая. Новое міровоспріятіе и новое мышленіе отвлекають, оцѣнивають Разумомъ, пренебрегаютъ вещной символикой. Соблюденіе привычной формы волеизъявленія уже не является непреложнымъ и единственно-мыслимымъ свидѣтельствомъ того, что выраженная воля есть подлинно воля Цѣлаго. Цѣлое продолжаетъ мыслиться абсолютно единымъ, и это абсолютное единство продолжаетъ мыслиться реальное сущимъ. Но его «подлинная» сущность отвлекается Разумомъ отъ его эмпирическаго быванія, отъ традиционной символики національной жизни. Общая воля должна быть усмотрѣна Разумомъ. Республика, управляемая «философами» — таковъ Идеалъ, къ которому тяготѣетъ общество, переживающее метафизическую стадію развитія Духа.

Стадія позитивизма (вѣрнѣе критическаго монизма) характеризуется освобожденіемъ отъ до-критическаго разграниченія «субстанціи» и «акциденцій», сушаго и эмпирически даннаго, «бывающаго». Общая воля не «есть», она непрестанно «становится», и она существуетъ не «внѣ» и не «надъ» отдѣльными волями, а въ нихъ и только въ нихъ. Демократія, основанная на состязаніи воли и мнѣній, на дискуссіи, — такова форма, являющаяся единственно возможной на этой стадіи.

Отмѣчу сразу-же различные оттѣнки отношенія между формой общественно-государственнаго быта, свойственной каждой стадіи развитія культуры, и этой стадіей. Въ стадію до-критическаго монизма («поэтическую») Государство нацѣло совпадаетъ со своимъ идеальнымъ образомъ. Въ стадію метафизическую (дуалистическую) реальное государство тяготѣетъ къ своему идеальному (умопостижаемому) образу (въ предѣлѣ это, конечно, демократія, въ которой всѣ граждане — «философы»). Въ стадію критическаго монизма государство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ демократіей. Демократія есть «matter of fact» и вѣчный неизбывный ком-

происсъ между индивидуальными воленіями, столь же «реальными», какъ и вѣчно рождающаяся и вѣчно умирающая въ процессѣ ихъ борьбы «общая» воля.

Въ обществѣ небольшомъ по занимаемой имъ площади, по числу его сочленовъ, простомъ по общественной структурѣ, смѣна стадій культуры совершается болѣе или менѣе равномерно и одновременно во всѣхъ слояхъ. Поэтому здѣсь революціи, въ такихъ обществахъ (античныя республики, средневѣковыя общины), происходящія иногда весьма часто, къ эволюціи, въ строго-научномъ смыслѣ этого слова, никакого отношенія просто-на-просто не имѣютъ. У «тучныхъ» и у «тощихъ», у «худородныхъ» и у «помнящихъ отца», у «старшихъ» цеховъ и у «младшихъ» — одно міросозерцаніе, одинъ и тотъ же идеалъ. Смѣна социальныхъ классовъ у власти такъ же не сопровождается никакимъ психологическимъ «сдвигомъ», какъ смѣна одного мексиканскаго президента или одного китайскаго генерала другимъ. Въ этомъ отношеніи подобныя революціи ничѣмъ не отличаются отъ «дворцовыхъ» революцій (*révolution de palais*), какъ въ XVIII вѣкѣ именовались династическіе перевороты въ деспотіяхъ.

Иное дѣло — большія національныя государства новаго міра. Здѣсь различія между Селомъ и Городомъ, между образованными классами и Народомъ, — не въ степени только, не въ уровнѣ, но и въ стадіяхъ развитія. Расхожденіе между отдѣльными слоями можетъ быть здѣсь въ этомъ отношеніи весьма значительнымъ. «Общество» можетъ уже давно находиться въ позитивистической стадіи развитія, тогда какъ Народъ, живущій сельскимъ бытомъ, еще не изжилъ «поэтическаго» міросозерцанія. Здѣсь смѣна у власти социальныхъ слоевъ (а въ этомъ вѣдь и состоитъ Революція) можетъ сопровождаться, уже въ силу одного этого, глубочайшими психологическими «сдвигами», и поэтому роль Революціи въ процессѣ эволюціи и Націи, какъ сложнаго культурнаго цѣлага, представляетъ собою проблему первостепенной важности и чрезвычайной трудности.

Намѣчу главные пункты этой проблемы.

Всѣ великія національныя государства нашего культурнаго міра пережили революціи. Англія -- въ 1641 - 49 годахъ (вторая — «достославная» Революція была лишь окончательнымъ подведеніемъ политическихъ итоговъ

«великаго мятежа» середины XVII в., и не затронула сама по себѣ сколько-нибудь глубоко народной жизни), Франція — въ 1789 и слѣд. годахъ (революціи XIX в. справедливо считаются французами «исходомъ» Великой Революціи), Россія въ 1905 и 1917 г. г. (причемъ и Революцію 17 года можно считать прямымъ продолженіемъ только загнанной внутрь, но не изжитой революціи 1905 г.), Германія въ 1918 г., Италія — въ 1922 г. Кромѣ фашистской итальянской революціи, всѣ остальные были направлены противъ традиціонной, первобытной, хотя и значительно видоизмѣнившейся — въ каждомъ государствѣ по иному — власти. То, что именно эта власть въ національномъ государствѣ становится объектомъ революціоннаго насилія, что именно съ нею, иначе какъ путемъ революціи, справиться бываетъ невозможно и что вообще въ какой-то моментъ съ нею оказывается необходимымъ «справиться», — не есть какая-либо случайность. Это коренится во внутренней природѣ традиціонной власти, монархіи, Царства. Согласно старинной теоріи, всякая государственная форма «вырождается» и «портится». Формы сами по себѣ, однако, не могутъ «портиться». «Вырожденіе» режимовъ есть не что иное, какъ результатъ общаго культурнаго процесса. Въ условіяхъ все возрастающей рационализациі жизни Царство постепенно становится анахронизмомъ. Между тѣмъ изъ всѣхъ режимовъ режимъ монархіи является наименѣ гибкимъ, наименѣ способнымъ приспособляться и слѣдовать за жизнью. По самой его природѣ его культъ, его церемониальность играютъ въ его функціонированіи первостепенную роль. Вся обрядовая сторона монархіи, для общества рано или поздно утрачивающая всякій смыслъ, въ сознаніи самого носителя власти, воспитаннаго въ специфической атмосферѣ Дворца, продолжаетъ сохранять свое значеніе не только главнаго элемента государственной жизни, но и непреложнаго залога незыблостности со всѣхъ сторонъ подточеннаго и подгниваемаго строя. Рано или поздно первоначальная цѣлостная Нація, связанная съ Царемъ общимъ культомъ, разслаивается: изъ народной массы выдѣляется Общество, постепенно выходящее изъ поэтической стадіи. На послѣдней пребываетъ еще только народъ, но народъ отдѣленъ отъ Царя и его окруженія толщей промежуточныхъ классовъ, и эта разобщенность становится роковою для Царства и для Царя. Царь обраща-

ется въ «перваго дворянина», и народъ перестаетъ узнавать въ немъ с в о с г о Царя. Въ концѣ концовъ въ Народѣ начинается пробиваться смутная идея народнаго царства — безъ царя. Когда народъ узналъ, что нѣтъ болѣе Государя Императора, а есть полковникъ Николай Романовъ, онъ «пріялъ» это, какъ «пріялъ» и французскій народъ вѣсть о томъ, что нѣтъ болѣе богоданнаго Людовика XVI, а есть гражданинъ Людовикъ Капетъ, «бывшій тиранъ». И Царь, въ критическій моментъ, оказывается неспособнымъ на то, что совѣтоваль Людовику Мирабо. Ибо онъ не знаетъ, гдѣ народъ, что такое народъ. Последній самодержецъ, должно быть, вполнѣ серьезно повѣрилъ, что русскій народъ — это тѣ самые охотнорядцы, охранники, нѣмцы съ русскими душами и бессарабскіе помѣщики, которые поднесли ему — знакъ Союза Русскаго Народа.

Поскольку Революція въ Національномъ Государствѣ есть — какъ общее правило — ликвидація строя, завѣщаннаго «поэтической» стадіей, весьма важно знать, какую роль она играетъ въ процессѣ перехода изъ этой стадіи въ слѣдующую.

Въ Англіи въ Революціи участвовали почти исключительно «джентльмены». Народъ былъ ирредставленъ «подмастерьями», нанятыми Парламентомъ въ армію, и сельскими свободными держателями, изъ которыхъ Кромвель составилъ свою «армію новаго образца». Эта армія была весьма немногочисленной. Англія XVII в. еще не изжила окончательно «поэтической» стадіи. Величество Короля пользовалось громаднымъ обаяніемъ даже у тѣхъ, которые съ нимъ сражались, -- собственно не съ нимъ, не съ самимъ Величествомъ, а съ «дурными совѣтниками Короля». Люди, встрѣчавшіеся съ плѣннымъ Королемъ, преклоняли предъ нимъ колѣни и просили его возложить на нихъ руки: возложеніе рукъ божьяго помазанника считалось средствомъ, помогавшимъ въ болѣзняхъ. Только въ 1647 году, на 7-омъ году гражданской войны, Джонъ Лилбернъ, въ своемъ «Народномъ Соглашеніи», развилъ въ обстоятельную политическую программу идею народовластія, коренившуюся въ пуританскомъ ученіи о Церкви, какъ демократической общинѣ вѣрующихъ. И только послѣ второй, «достопавной», Революціи Локкъ подвелъ подъ совершившійся фактъ идеологическое обоснованіе въ духѣ политической метафизики. Вытѣсненіе въ созна-

ни старыхъ представленийъ новыми совершилось въ результатъ революціоннаго эксперимента. Отчетливѣе всего эта смѣна міросозерцаній сказалась непосредственно вслѣдъ за казнь короля, когда на короткое время власть попала въ руки сектантовъ, энтузіастовъ и идеологовъ, увлеченныхъ мыслью обратить Англію въ «новаго Израиля», царство святыхъ. Но они оказались въ одиночествѣ. Джентльмены были имъ враждебны, народъ оставался пассивенъ. Прочнымъ итогомъ общихъ революцій явилось господство парламентской олигархіи. Метафизическое учене обь обществѣ послужило приличнымъ прикрытіемъ притязанія Парламента на всемогущество, имѣющее предѣломъ единственно законы естества; а различіе въ особѣ Величества двухъ вѣпостасей, «Короля въ Совѣтѣ» и «Короля въ Парламентѣ» содѣйствовало сохраненію традиціонной символики и традиціоннаго царскаго культа, ставшихъ безвредными, и только возвышавшихъ въ глазахъ народныхъ массъ престижъ Парламента.

Французская и русская революціи были дѣломъ интеллигенціи, поддержанной народомъ. Французская интеллигенція вошла въ метафизическую стадію значительно раньше 1789 года. Къ Революціи она была подготовлена идейно вполне. Ея идеаломъ была демократическая община, состоящая сплошь изъ Брутовъ и Сципіоновъ. И все же вначалѣ она и не думаетъ безповоротно разрывать съ прошлымъ. Въ первыя недѣли Революціи лозунгомъ является возрожденіе Франціи въ единеніи Короля и Націи, возстановленіе исконной «неписанной конституціи» Франціи, одной изъ основъ которой считается королевская власть милостью Божьей. Лишь постепенно, «самопроизвольная анархія», охватившая Францію, о которой говоритъ Тэнъ, и рядъ недоразумѣній между Дворомъ и Штатами способствуютъ укорененію сознанія наличности конфликта между Націей и традиціонной властью. Послѣ бѣгства въ Вареннъ зарождается республиканская партія. Въ масонскихъ обществахъ, въ которыхъ объединяется французская интеллигенція, въ этихъ *sociétés de pensée*, какъ называетъ революціонныя организаціи ихъ послѣдній историкъ *), желая тѣмъ подчеркнуть ихъ отвлеченный, «интеллигентскій», характеръ, берутъ верхъ радикальныя тен-

---

*) Augustin Cochin, *Les Sociétés de Pensée et la Démocratie*, 1921.

денци. Мистика демократіи рождается изъ революціоннаго эксперимента. Въ процессѣ борьбы съ властью, абсолютной по милости Божьей, крѣпнеть переживаніе идеи Народа, какъ Суверена. Для осуществленія идеи народнаго верховенства пускается въ ходъ насиліе — надъ самимъ народомъ, моральное насиліе «общаго» мнѣнія и физическое насиліе.

Русская Революція 17-го года, возобновившая неудавшійся опытъ 1905 г., начала сразу съ провозглашенія идеи Народовластія. Не подлежитъ сомнѣнію, что Народъ съ самаго начала былъ съ революціонерами, не съ тѣми, которые Революціи противопоставляли «эволюцію». Но сказать только это *) еще недостаточно. Остается вопрросъ, съ какими и революціонерами. Были революціонеры, кричавшіе «долой кадетовъ», «ни одного голоса кадетамъ», но съ отвращеніемъ относившіеся къ идеѣ физическаго насилія и возлагавшіе расчеты на «разумъ и совѣсть русскаго народа». Другіе революціонеры начали съ того, что убили Шингарева и Кокошкина и пошли по пути открытаго насилія надъ тѣмъ самымъ народомъ, ради освобожденія котораго они участвовали въ Революціи. И народъ, послѣ недолгаго колебанія, примкнулъ къ этимъ революціонерамъ. Въ ихъ власти, власти абсолютной, не признающей оспариванія, народъ увидѣлъ настоящую власть. Метафизическая концепція абсолютной, абсолютно-единой «общей воли» народу, не изжившему еще навыковъ «поэтическаго» міросозерцанія, все же ближе, нежели идея народовластія, основаннаго на началѣ дискуссіи. Тамъ, гдѣ демократія парламентскаго типа существуетъ только по имени, какъ это было въ Италіи, полуграмотной, нищей, до сихъ поръ еще въ сущности не жившей общенациональной жизнью, тамъ метафизическая концепція Націи можетъ восторжествовать надъ, казалось-бы, уже усвоенной позитивистической, — примѣръ чему мы видимъ въ той же Италіи. Фашистскій переворотъ былъ здѣсь народнымъ движеніемъ, направленнымъ противъ уже существующей демократіи, — своего рода «обратной эволюціей», однако не «реакціей» въ общепринятомъ значеніи слова, т. е. не возстановленіемъ изжитыхъ формъ государственнаго

*) См. «Совр. Зап.» XXXVIII, возраженія М. В. Вишняка В. А. Маклакову.

и общественнаго быта. Въ фашизмѣ какъ нельзя лучше выявляется природа метафизическаго пониманія Государства и Націи. Если въ Революцію народъ мобилизуется противъ Власти руководящими общественными слоями, причемъ, въ процессѣ развитія Революціи, насиліе пускается въ ходъ противъ самого народа, то фашизмъ мобилизуетъ народъ не противъ конструировавшейся власти, а противъ тѣхъ элементовъ общества, которые могутъ стать властью. Фашизмъ исходитъ изъ факта существованія борющихся за власть партій, и онъ кладетъ конецъ режиму партій; но не тѣмъ, что онъ упраздняетъ партіи вообще, а тѣмъ, что онъ признаетъ право на существованіе за одной только партіей, — своей собственной. Метафизическая политика основана на отрицаніи партій: общая воля, согласно Руссо, обнаруживается тогда, когда каждый членъ суверена дѣйствуетъ и голосуетъ, прислушиваясь единственно къ голосу собственной совѣсти, не поддаваясь никакимъ партійнымъ воздѣйствіямъ. И въ то же время Руссо утверждаетъ, что «общая воля» это не то же самое, что «воля всѣхъ и каждого». Въ той стадіи культуры, когда Нація, ея «воля», ея идеалъ, ея культура мыслятся, какъ нѣчто разъ навсегда данное, не подлежащее перемѣнамъ, какъ «вещи», а не процессъ, фашизмъ есть единственное возможное разрѣшеніе руссоистской апоріи. Тѣ, которые знаютъ, какова должна быть «истинная» воля итальянскаго народа, тѣ, которые возвысились до пониманія итальянской «національной идеи», — только тѣ суть истинные итальянцы. Ихъ воля есть воля Италіи. Суверень «пребываетъ» въ нихъ. Фашизмъ есть, такъ сказать, стабилизированная и узаконенная Революція, принципъ насилія (въ этомъ отличіе фашистскаго режима отъ большевицкаго, который во всемъ остальномъ формально съ нимъ вполне сходенъ) положенъ фашистами въ основу конституціи, возводящей господство части надъ цѣлымъ, части, приравниваемой къ цѣлому, поскольку она представляетъ собою «умопостигаемое» цѣлое, — на степень правовой нормы.

Англійская Революція была возстаніемъ одной вполнѣ суверена, воплощавшаго въ себѣ Націю, противъ другой. Въ коллектива, входившаго въ составъ правящаго слоя, въ Англійи не было активныхъ общественныхъ элементовъ. Французская и русская Революціи были под-

няты домогавшимся власти обществомъ, привлечшимъ на свою сторону Народъ. Итальянская—дѣломъ оппозиціонной политической партіи, организовавшей народъ и создавшей изъ него партію. Въ Германіи индустриализмъ, урбанизмъ, долготѣняя практика всеобщаго избирательнаго права, организующая дѣятельность социаль-демократической партіи, привели къ тому, что Народа, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о французскомъ народѣ въ 1789 г. и о русскомъ въ 1905-1917, уже въ 1918г., можно сказать, не существовало. Не было въ Германіи и общества, въ смыслѣ организованнаго и сознательнаго цѣлаго, противостоящаго власти. Весь германскій народъ уже представлялъ изъ себя политическій «корпусъ», расчлененный на партіи Кайзеръ уже не былъ общенациональнымъ вождемъ. Для нѣмецкой социаль-демократіи онъ былъ лишь главою правящаго класса. Значительная часть нѣмецкаго народа до осени 1918 г. еще «вѣрила» въ Кайзера. Но это уже не былъ религиозный культъ. Нѣмцы вѣрили въ его государственную мудрость, его сознаніе отвѣтственности, его преданность Отечеству. Разочарованіе въ Кайзерѣ было, вѣроятно, тяжелой душевной драмой для очень и очень многихъ нѣмцевъ, но паденіе Кайзера не было тѣмъ революціоннымъ экспериментомъ, который обуславливаетъ собою нѣкоторый психологическій «сдвигъ», переходъ въ «инобытіе», въ новую стадію культурнаго развитія. Германія, пережившая сознаніемъ всѣ Революціи, потрясавшія Европу, отчасти и сама увлекавшаяся въ нихъ, въ началѣ XX вѣка уже находилась въ послѣдней стадіи развитія Націи. Германская Революція была насиліемъ оппозиціонныхъ партій надъ правящими партіями. Но послѣ того какъ цѣль, ради которой было пущено въ ходъ насиліе, была достигнута, въ Германіи не было сдѣлано ни одной сколько-нибудь серьезной попытки стабилизировать революціонный режимъ — какъ это было въ Италіи и въ Россіи; ибо въ Германіи для этого не было психологической почвы. Результатомъ Революціи было введеніе парламентаризма въ его чистомъ видѣ. Всякая Революція — какъ и вообще всякое историческое событіе — есть случайность; ибо столкновенія великихъ историческихъ силъ никогда не являются результатомъ абсолютно имманентнаго развитія: во всякой комбинаціи силъ мы различаемъ силы «внутреннія» и «внѣшнія». Но

германская Революція была въ неизмѣримо большей степени вызвана дѣйствиємъ «внѣшнихъ» по отношенію къ національному развитію силъ, нежели какая-либо иная. Германская революція была въ большей степени «случайностью», нежели англійская, французская и даже русская. Выдающійся нѣмецкій соціологъ Ледереръ *) опредѣляетъ Революцію, какъ сочетаніе внутренне - противорѣчивыхъ началъ Идеи и Насилія. Революція есть опытъ осуществленія Идеи черезъ Насиліе. Насиліе въ Революцію пускается въ ходъ именно носителями н о в о й Идеи, революціонерами. Для германской Революціи характерно какъ разъ то, что насиліе было употреблено во время ея въ гораздо большей степени противъ революціонеровъ, нежели противъ силъ, Революціи (новой идеѣ) противодѣйствовавшихъ. Во всякомъ случаѣ Шейдеманъ и Носке перестали быть революціонерами непосредственно послѣ отреченія Вильгельма. Если принять опредѣленіе Ледерера, то придется признать, что въ Германіи революціи — не было. Формула Ледерера имѣетъ значеніе эмпирическаго обобщенія. Она вѣрна для большей части великихъ національныхъ Революцій, поскольку тѣ изъ нихъ, которыя происходили съ извѣстной закономѣрностью (въ отличіе отъ «случайной» германской), были, дѣйствительно, столкновениями несогласуемыхъ — ибо относящихся къ различнымъ стадіямъ развитія Духа— міросозерцаній и Идеаловъ и притомъ именно такихъ, которые по самому своему свойству не терпятъ взаимныхъ компромиссовъ. Революція — подчеркиваю снова, что рѣчь идетъ о національной революціи, Революціи, какъ переходѣ Націи изъ одной формы бытія въ другую — есть не только цѣль извѣстныхъ специфическаго характера «событій»: Революція есть особый режимъ. Этотъ режимъ свойственъ одной опредѣленной стадіи національнаго развитія — метафизической. Опредѣленіе Ледерера, такимъ образомъ, должно быть вмѣстѣ и ограничено и расширено. Не всегда наиболѣе характерной чертой Революціи является насиліе ради идеи — и эта послѣдняя черта присуща не только революціоннымъ, въ общепринятомъ значеніи этого слова, режимамъ.

---

*) Emil Lederer, Einige Gedanken zur Soziologie der Revolutionen, 1918.

Критики современной Демократіи нерѣдко указываютъ, что режимъ Демократіи по существу мало чѣмъ различается отъ революціоннаго: и тамъ и тутъ править меньшинство. Большинство и въ Демократіи не имѣетъ собственной воли; и тутъ его воля подвергается насилію. Но только тутъ это насиліе скрытое — насиліе такъ называемаго «общественнаго мнѣнія». Въ Революцію меньшинство «воздѣйствуетъ» на большинство гильотиной, «стѣнкой» и т. п. Въ Демократіи — внушеніемъ, подчасъ комбинированнымъ съ простымъ обманомъ. При этомъ, однако, упускается изъ виду одно, существеннѣйшее, различіе: въ Демократіи власть какъ-никакъ отвѣтственна. Бріанъ недавно напомнилъ тѣмъ, кто въ Палатѣ вопилъ противъ ратификаціи соглашенія съ Америкой о французскомъ долгѣ, ссылаясь на враждебное соглашенію «общественное мнѣние», что имъ придется считаться съ тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, которое дастъ себя знать тогда, когда обнаружатся практическія послѣдствія отказа отъ ратификаціи. Эта боязнь отвѣтственности опредѣляетъ собою поведеніе партій въ Демократіи. Партія носителей Идеи предпочитаетъ пребывать въ оппозиціи, предоставляя власть «оппортунистамъ»; или же, если она принимаетъ власть, то на время управленія отъ Идеи отказывается, кладетъ ее подъ сукно.

Для каждой стадіи эволюціи Націи характерна одна опредѣленная политическая форма. Сущность каждой формы опредѣляется присущимъ ей одной отношеніемъ къ Идеѣ, всегда трагичнымъ, въ каждой стадіи на особый ладъ. Въ Царствѣ Идея осуществляется въ системѣ символовъ и въ концѣ концовъ костенѣетъ въ обезсмысленной обрядности, впадаетъ въ состояніе склероза. Въ режимѣ Революціи — открытой или «стабилизированной» (фашизмъ) — Идея осуществляется путемъ насилія, т. е. переходитъ въ свое собственное отрицаніе. Въ Демократіи Идея приспособляется къ обстоятельствамъ, умалывается, тускнѣетъ, или, будучи постоянно «откладываема», въ концѣ концовъ забывается, перестаетъ быть движущей силой. Невозможность реализоваться всецѣло есть свойство, присущее идеѣ, какъ таковой. Нація есть Культура, т. е. Идея, т. е. вѣчное творческое становленіе — и ни въ какомъ политическомъ оформленіи она не можетъ осуществиться вполне и разъ навсегда.

П. Бицилли.

Къ восьмидесятилѣтію Томаша Г.-Масарика

Т. Масарикъ — одна изъ замѣчательныхъ фигуръ нашей эпохи. Въ немъ счастливо сочеталось единство мысли и чувствъ, признаніе дисциплины и влеченіе къ свободѣ, преданность наукѣ и вѣрность гражданскому долгу. Жизнь Т. Масарика, его трудъ, его борьба и достиженія — не личнаго только порядка, но и обще-національнаго — рѣдкій случай исторической удачи.

Обо всемъ этомъ выразительно свидѣтельствуютъ печатаемыя «Современными Записками» статьи В. А. Мякотина и Е. Д. Кусковой.

Не повторяя сказаннаго этими авторами, Редакція считаетъ долгомъ присоединить и свой голосъ къ общему хору признанія историческихъ заслугъ Т. Масарика, звучащему во всѣхъ странахъ стараго и новаго свѣта по случаю его восьмидесятилѣтія.

Въ Т. Масарикѣ мы чтимъ славнаго вождя братскаго народа, выдающагося научнаго дѣятеля, защитника и борца за близкія и дорогія всему культурному міру начала свободы и гуманизма. Идеи, вдохновляющія Т. Масарика, — республика, демократія, социализмъ — вдохновляютъ и насъ.

Т. Масарикъ видитъ смыслъ чешской исторіи, завѣтъ, оставленный предыдущими поколѣніями, въ томъ, чтобы творить жизнь и итти къ ней «не путемъ насилія, а убѣжденія; не мечомъ, а — плугомъ; не кровью, а — трудомъ; не смертью, а — жизнью».

Памятуя о связанности судебъ Чехословакіи и Россіи, объ единствѣ «нашей и вашей свободы», объ интересахъ всеобщаго мира, — мы можемъ только желать, чтобы намѣченный Т. Масарикомъ историческій путь чешскаго народа возможно скорѣе сталъ бы и путемъ русской исторіи!

Редакція.

Т. Г.-Масарикъ

(1850—1930).

Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 7 марта 1850 г., въ м. Годонинѣ, лежащемъ въ южной Моравіи, неподалеку отъ Словакіи, въ семьѣ поселившагося здѣсь словака Юсіфа Масарика родился первый ребенокъ — сынъ, получившій при крещеніи имя Томаша. Отецъ его былъ тогда кучеромъ въ одномъ изъ моравскихъ имѣній австрійскаго императора, мать, онѣмчившаяся ганачка, дочь мясного торговца, до своего замужества служила кухаркой въ господскихъ домахъ. Казалось, социальное положеніе родителей въ значительной мѣрѣ предопредѣляло возможную судьбу сына. Вышло однако иначе. Жизненная дорога Томаша Масарика оказалась далеко необычной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей необычности чрезвычайно характерной для народа, къ которому онъ принадлежитъ, и для того момента европейской исторіи, съ которымъ совпала его жизнь.

Шести лѣтъ отъ роду Томашъ Масарикъ поступилъ въ начальную школу. Мать его горячо стремилась вывести своихъ дѣтей, что называется, въ люди и, когда выяснилось, что у старшаго сына налицо недюжинныя способности, дома мечтали сдѣлать изъ него учителя. Послѣ начальной школы его отдали въ нѣмецкое реальное училище въ одномъ изъ сосѣднихъ мѣстечекъ. Но, окончивъ это училище, онъ еще не могъ поступить въ учительскую семинарію — въ нее принимали не раньше 16 лѣтъ, а ему было еще далеко до этого возраста. Приходилось ждать, ждать же при царившей въ семьѣ нуждѣ было трудно. Въ результатѣ отецъ помѣстилъ его въ обученіе къ одному слесарю въ Вѣнѣ, а, когда мальчикъ, не вынеся чужой обстановки и плохого обращенія, убѣжалъ домой, устроилъ его ученикомъ къ жившему по сосѣдству знакомому кузнецу. Около года пробылъ мальчикъ въ этомъ ученьи, но затѣмъ передъ нимъ открылась другая дорога. Одинъ изъ бывшихъ его учителей по школѣ, случайно встрѣтившись

съ нимъ и узнавъ объ его работѣ въ кузницѣ, убѣдилъ его родителей дать возможность сыну продолжать образованіе и устроилъ его помощникомъ учителя у своего отца — священника, имѣвшаго въ своемъ завѣдываніи школу. Здѣсь, помогая своему новому патрону и въ школѣ, и въ церкви, молодой Масарикъ вмѣстѣ съ тѣмъ энергично занялся своимъ образованіемъ, изучилъ, въ частности, помимо уже знакомаго ему нѣмецкаго, французскій и латинскій языки и дважды успѣшно сдавалъ въ качествѣ экстерна переводные экзамены въ сосѣдней нѣмецкой гимназіи. Его успѣхи заставили его родителей согласиться на перемѣну начертаннаго ранѣе для него плана — на поступленіе его не въ учительскую семинарію, а въ гимназію, открывавшую путь къ высшему образованію. Въ 1865 г. онъ, дѣйствительно, поступилъ въ нѣмецкую гимназію въ Брнѣ. Живя здѣсь, онъ содержалъ себя самъ, давая уроки, и въ то же время чрезвычайно успѣшно проходилъ гимназическій курсъ.

Но окончить гимназію въ Брнѣ ему все же не пришлось. Ему было 18 лѣтъ, живя самостоятельно, онъ привыкъ чувствовать себя уже взрослымъ чловѣкомъ, когда его впервые захватила волна большой любви. Это была чистая юношеская любовь, но узнавшій о ней директоръ гимназіи счелъ нужнымъ вмѣшаться въ жизнь своего ученика и сдѣлалъ это настолько безтактно, что вызвалъ у юноши горячую вспышку, заставившую его покинуть гимназію. Онъ перевелся въ одну изъ вѣнскихъ гимназій и, окончивъ ее въ 1872 г., собирався было поступить въ восточную академію — его манила къ себѣ дѣятельность дипломата и политика. Но, къ большому его огорченію, оказалось, что въ названную академію принимались почти исключительно дѣти дворянъ, и тогда онъ поступилъ на философскій факультетъ вѣнскаго университета. Годы студенчества прошли у него въ напряженной работѣ, охватывавшей различныя научныя области, но постепенно сосредоточившейся на вопросахъ философіи и соціологіи. Окончивъ въ 1876 г. университетскій курсъ со степенью доктора философіи, онъ отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранной спеціальности въ Лейпцигъ. Здѣсь онъ слушалъ лекціи нѣсколькихъ выдающихся спеціалистовъ, свелъ знакомство съ рядомъ начинавшихъ свою дѣятельность ученыхъ и подготавливалъ работу, которая должна была дать ему право на доцентуру въ

вѣнскомъ университетѣ. Здѣсь же онъ познакомился и близко подружился съ американкой миссъ Гарригъ, ставшей затѣмъ его невѣстой. Ихъ бракъ состоялся въ 1878 г. въ Америкѣ, куда Масарика вызвало извѣстіе о болѣзни невѣсты, и со времени этого брака — характерная для Масарика черта — онъ присоединилъ къ своей фамиліи дѣвическую фамилію своей жены. Въ томъ же 1878 году онъ представилъ въ вѣнскій университетъ для соисканія доцентуры свою работу, посвященную «самоубійству, какъ массовому соціальному явленію современности», и со слѣдующаго года началъ въ качествѣ доцента свои университетскіе курсы. Его работы вскорѣ привлекли къ себѣ вниманіе пражскихъ профессоровъ и ему сдѣлано было предложеніе перейти въ Прагу. Онъ принялъ это предложеніе и въ 1882 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ пражскаго университета. Бывшій ученикъ кузнеца сталъ такимъ образомъ признаннымъ учителемъ университетской молодежи, получилъ возможность ковать человѣческія души. И Масарикъ широко использовалъ эту возможность.

Къ этому времени его собственная духовная личность въ главныхъ чертахъ вполнѣ сложилась, основныя линіи его міросозерцанія установились съ полной ясностью. Многое въ этомъ міросозерцаніи вело свое происхожденіе отъ лѣтъ ранней юности, даже отъ лѣтъ дѣтства. Ребенкомъ же, при свѣтѣ только что просыпающагося сознанія, ему пришлось видѣть вокругъ себя униженіе трудящихся и высококомѣрную грубость, проявляющуюся по отношенію къ нимъ со стороны людей, стоявшихъ выше ихъ на ступеняхъ соціальной лѣстницы. Крѣпостного права онъ уже не засталъ, но навыки и нравы крѣпостничества въ годы его дѣтства въ значительной мѣрѣ сохранялись въ окружавшей его жизни и ему приходилось наблюдать ихъ въ тѣхъ императорскихъ имѣніяхъ, въ которыхъ служилъ его отецъ. Послѣдній долженъ былъ, напримѣръ, испрашивать разрѣшеніе своего начальства на помѣщеніе сына въ среднее учебное заведеніе. Случалось Масарику становиться и свидѣтелемъ грубаго обращенія высшихъ служащихъ съ его отцомъ, наполнявшаго его сердце горячимъ негодованіемъ. Все это рано направило его мысль на вопросы соціального порядка. вмѣстѣ съ тѣмъ трудовая обстановка, въ которой онъ выросъ, съ дѣтства воспитала въ немъ, наряду съ непрехотливостью въ личной жизни, самостоя-

тельность и упорную работоспособность. Въ зрѣлые годы онъ съ удовлетвореніемъ отмѣчалъ, что онъ «родился бѣднымъ и никогда не разбогатѣлъ», а «своего профессора и вообще своего положенія добился работой и трудолюбіемъ». Благодаря этому онъ, по его словамъ, «пріобрѣлъ знаніе людей и жизни и сдѣлался, при всей своей теоретичности, практичнымъ». А вмѣстѣ съ этой практичностью онъ воспиталъ въ себѣ и сохранилъ на всю жизнь уваженіе къ труду и глубокую симпатію къ трудящимся.

Наряду съ этимъ онъ вынесъ изъ дѣтскихъ лѣтъ и иного рода чувство, также прочно оставшееся въ его душѣ, — чувство религиозное. Ребенкомъ онъ выросъ въ католичество, осложненнымъ вдобавокъ сельскими суевѣрїями. Позднѣе, въ годы отрочества, пробудившаяся мысль не только заставила его отказаться отъ этихъ суевѣрїй, но и посѣяла въ немъ сомнѣніе въ правильности основъ католической церкви. Формальное отношеніе къ религии со стороны его школьныхъ товарищей и школьнаго начальства только укрѣпляло его въ этихъ сомнѣніяхъ. Когда же католическая церковь провозгласила догматъ папской непогрѣшимости, Масарикъ почувствовалъ себя еще далѣе отошедшимъ отъ католичества и одно время, находясь еще въ гимназїи, записалъ себя въ ней греко-унїатомъ. Впослѣдствїи, будучи уже профессоромъ, онъ окончательно порвалъ съ католической церковью, а вмѣстѣ съ тѣмъ отошелъ и вообще отъ церковности. Но разрывъ съ церковностью не погасилъ въ немъ религиознаго чувства. Наоборотъ, послѣднее сохранилось у него во всей своей силѣ, и одною изъ главнѣйшихъ задачъ своей научной дѣятельности онъ поставилъ примиреніе точнаго знанія съ вѣрой, разума съ религиозно-нравственнымъ чувствомъ, которое, по его представленію, должно проникать и освѣщать собою для человѣка всѣ явленія жизни.

Въ своей первой большой работѣ, разсматривая самоубійство, какъ массовое явленіе современной цивилизаціи, Масарикъ находилъ объясненіе такого явленія въ томъ, что въ условїяхъ этой цивилизаціи исчезло старое, созданное церковью міровоззрѣніе, мирившее людей съ жизнью и помогавшее находить въ ней смыслъ. Вернуться къ этому міровоззрѣнію онъ не считалъ возможнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ, что плодотворная борьба съ настроеніемъ, порождающимъ въ современномъ об-

ществу массовыя самоубійства, возможна только при возрожденіи религіознаго чувства, осмысливающего жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ находящаго для себя такія формы, которыя были бы согласованы съ требованіями разума. Ту же по существу мысль — о недостаточности однихъ разумныхъ построений, ведущихъ къ безграничному скептицизму, и о необходимости дополненія ихъ живымъ человѣческимъ чувствомъ и разумной вѣрой — проводилъ онъ затѣмъ и въ своихъ лекціяхъ, одинаково находя долю истины въ философскихъ ученіяхъ Юма и Паскаля. Къ этой же мысли возвращался и возвращается Масарикъ и въ рядѣ позднѣйшихъ своихъ трудовъ. Настойчиво указываетъ онъ, что «вся современная культура проникнута внутренней разъединенностью, расколотостью современнаго человѣка и его жизни, раздробленностью, нецѣлостностью общества и всеобщей духовной анархіей». Выходъ изъ этой анархіи не можетъ бытъ найденъ, по его мнѣнію, на путяхъ возвращенія въ лоно церкви, къ старой вѣрѣ. Попытки такого возвращенія были, но онъ ничего не дали и не могли дать. «Это вовсе не означаетъ, что религія нежелательна, не обоснована, не нужна; это означаетъ лишь, что современный человѣкъ хочетъ религіи, не противорѣчащей разуму, свободной и индивидуальной». Къ тому же этотъ современный человѣкъ «понимаетъ разницу между религіей и нравственностью; онъ не отвергаетъ религію, но отличаетъ отъ нея и въ ней самой нравственность и на нравственности строитъ сожителство, потому что нравственность не поддается скепсису такъ, какъ трансцендентальныя теологическія идеи». Такъ, и освободившись отъ узъ церковности, Масарикъ сберегъ въ себѣ религіозное чувство и глубокую вѣру въ нравственное начало, одухотворяющее человѣческую жизнь.

Была и еще область, въ которой впечатлѣнія дѣтства и ранней юности оказали сильное вліяніе на складъ мыслей и чувствъ Масарика. Съ дѣтства ему приходилось видѣть вокругъ себя словаковъ чаще всего въ роли слугъ, нѣмцевъ въ роли господъ. Это рано пробудило въ немъ національное чувство. Съ годами оно расширилось и окрѣпло. По-знакомившись съ исторіей своей родины, онъ научился сливать словаковъ и чеховъ въ одинъ народъ и пришелъ къ мысли о необходимости отстаивать его права. Со временемъ историческія событія и жизненныя встрѣчи пробудили въ немъ интересъ и къ другимъ славянскимъ наро-

дамъ. Мальчикомъ пережилъ онъ польское возстаніе 1863 года и оно вызвало у него горячее сочувствіе къ полякамъ, поведшее къ тому, что онъ познакомился съ польскимъ языкомъ и польской литературой. Позднѣе, будучи гимназистомъ въ Вѣнѣ, онъ сблизился съ нѣсколькими русскими и въ результатѣ этого сближенія взялся за изученіе русскаго языка и литературы. Пребываніе въ Лейпцигѣ дало ему возможность ближе познакомиться съ лужицкими сербами, а въ дальнѣйшемъ у него завязались тѣсныя связи и въ средѣ балканскихъ славянъ. Такъ постепенно передъ нимъ вставалъ славянскій міръ со всѣмъ своеобразіемъ отдѣльныхъ своихъ частей и это только укрѣпляло его собственное національное чувство.

Послѣднее однако никогда не переходило у него въ узкій націонализмъ. Отъ такого націонализма Масарикъ оказался прочно застрахованнымъ съ раннихъ поръ. Отстаивая права своего народа, онъ не считалъ нужнымъ ни отрицать достоинства другихъ народовъ, ни замалчивать недостатки своего. «О народахъ и о своемъ народѣ — писать онъ въ выпущенной имъ въ Прагѣ книгѣ «Чешскій вопросъ», — можно судить совершенно безпристрастно и нѣтъ нужды обожествлять собственный народъ; для меня, напр., словаки изъ-за того, что я знаю ихъ недостатки, нисколько не менѣе дороги, чѣмъ въ то время, когда я не зналъ этихъ недостатковъ. Я не понимаю, почему знаніе дѣйствительности должно помѣшать естественной любви къ своему народу, языку и національности. Я не вѣрю въ особо избранные народы. Мнѣ не нужно приижать другіе народы, чтобы возвысить свой. Я знаю недостатки и другихъ народовъ, но они не огорчаютъ меня такъ, какъ недостатки моего народа — мои собственные недостатки. Я охотно признаю преимущества другихъ народовъ, но это нисколько не вліяетъ на мое національное чувство. Я считаю нравственною обязанностью откровенно говорить и о своемъ, и о чужихъ народахъ: національное авгурегво только мѣшаетъ собственному прогрессу».

«Не любовь къ своему народу, — писалъ онъ много позже, уже послѣ міровой войны, повторяя мысли, высказывавшіяся имъ много разъ, но шовинизмъ является врагомъ народовъ и человѣчества. Любовь къ своему народу не требуетъ ненависти къ иному народу». Но она требуетъ, утверждалъ онъ, другого. Если любовь къ своей родинѣ и къ своему народу является совершенно закон-

ной и неизбежной, то цѣнной она становится только тогда, когда она сознательна, когда, не закрывая глазъ на недостатки народа, она стремится исправить ихъ и поднять его на высшую ступень культуры. И при этомъ нѣтъ надобности особенно заботиться о національномъ характерѣ культуры — онъ получится самъ собою. «Мы правильно разрѣшимъ національную задачу, если поймемъ, наконецъ, что, чѣмъ національнѣе мы хотимъ быть, тѣмъ должны мы быть общечеловѣчнѣе. И, наоборотъ, чѣмъ мы будемъ общечеловѣчнѣе, тѣмъ будемъ и національнѣе».

Эти положенія, съ которыми Масарикъ подходилъ къ собственному народу, онъ послѣдовательно примѣнялъ затѣмъ и ко всему славянству. Рѣшительно настаивая на близости славянскихъ народовъ между собою и на серьезномъ значеніи факта такой близости, онъ не увлекался однако ни туманными фразами о міровыхъ задачахъ славянства, ни распространенными въ годы его юности въ значительной части чешскаго общества наивными мечтами объ освобожденіи и объединеніи всѣхъ славянъ Россіей. Возражая противъ такого наивнаго «некритическаго славянства», онъ настойчиво указывалъ на необходимость конкретнаго знанія славянскаго міра и междуславянскихъ отношеній, съ горечью отмѣчая, что «едва-ли гдѣ-либо можно найти такое невѣжество по отношенію къ славянству, какое проявляется у насъ». Самъ онъ послѣ поселенія своего въ Прагъ не переставалъ внимательно изучать различные славянскіе народы и при помощи знакомства съ ихъ литературой, и путемъ поѣздокъ. Особенно пристально вглядывался онъ въ Россію. И это привело его къ выводамъ, рѣзко расходящимся со взглядами и русскихъ, и чешскихъ славянофиловъ.

Эти выводы, впервые намѣченные въ сравнительно ранней работѣ о Кирѣевскомъ и затѣмъ неоднократно высказывавшіеся по разнымъ поводамъ, въ наиболѣе полномъ видѣ были изложены Масарикомъ въ книгѣ «Россія и Европа», выпущенной уже чаканунѣ міровой войны, въ 1913 году, — книгѣ, запрещенной тогда въ Россіи и потому ставшей въ ту пору извѣстной лишь небольшой части русскаго общества. Не со всѣмъ въ этой книгѣ можно согласиться, нѣкоторыя утвержденія ея автора могутъ быть съ успѣхомъ оспариваемы, но во всякомъ случаѣ все, сказанное здѣсь Масарикомъ, явилось результатомъ не по-

верхностныхъ и поспѣшныхъ наблюдений, а внимательнаго и добросовѣстнаго изученія русской литературы и русской жизни. И, нужно прибавить, это изученіе соединялось съ глубокой симпатіей къ изучаемой странѣ. Рѣзко критикуя русскую правительственную систему, съ осужденіемъ отмѣчая въ своемъ обзорѣ русскихъ умственныхъ теченій максимализмъ русской интеллигенціи и крайнюю оторванность ея отъ практической жизни, Масарикъ одновременно не забывалъ указать и свѣтлыя стороны русской культуры, и привлекательныя свойства русскаго народа. «Я могъ — по праву писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ послѣ міровой войны — спокойно сказать, что любилъ Россію, т. е. русскій народъ, не менѣе, чѣмъ наши руссофилы, но любовь не можетъ и не должна одурманивать разумъ». «Россія — говорилъ онъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ — нужна не только намъ и остальнымъ славянамъ, но и всему свѣту. Мы были руссофилами до войны и во время войны, ими мы и останемся, но будемъ лучшими руссофилами, мыслящими и практически». И, возражая противъ славянскаго мессіанизма и панславизма, Масарикъ энергично настаивалъ на возможности синтеза культуръ европейскаго запада и востока, на необходимости не только славянской, но и всенародной взаимности.

Во всякомъ случаѣ при такомъ пониманіи Россіи, какое было у Масарика, онъ не ожидалъ и не могъ ожидать отъ нея, какъ ждали этого довольно многіе изъ его соотечественниковъ, освобожденія чешскаго народа. Въ его представленіи это освобожденіе должно было быть прежде всего дѣломъ самыхъ чеховъ, самого чешскаго народа. И, стремясь къ свободѣ, послѣдній долженъ былъ, по мнѣнію Масарика, въ этомъ стремленіи опираться не только на историческое, но и на естественное право, и идти къ демократіи, ибо именно демократія, и только она, означаетъ и даетъ свободу. Утверждая это, Масарикъ понималъ демократію не какъ простую форму государственнаго устройства, даже не вообще какъ нѣкій порядокъ, реально уже существующій въ законченномъ видѣ, а какъ идеаль, которому предстоитъ еще воплотиться въ жизни. «Еще нигдѣ — писалъ онъ уже послѣ міровой войны — нѣтъ послѣдовательно осуществленной демократіи; всѣ демократическія государства являются до сихъ поръ лишь опытомъ созданія демократіи». Одно болѣе, другое менѣе, всѣ они «сохранили въ себѣ многое изъ духа и уст-

ройства стараго режима, изъ котораго они возникли, — на свободѣ, равенствѣ и братствѣ какъ внутри, такъ и внѣ будутъ основаны лишь дѣйствительно новыя государства, государства будущаго». Дѣло въ томъ, что отъ стараго типа государствъ демократія отличается не только формой, но самымъ принципомъ. «Демократія — это государственная форма современнаго организованнаго общества, современнаго міросозерцанія, современнаго человека; демократія вырастаетъ изъ цѣлостнаго взгляда на міръ и на жизнь, изъ новаго взгляда, изъ новой точки зрѣнія и новаго метода. Признаніе и осуществленіе равенства всѣхъ гражданъ, признаніе за всѣми гражданами права на свободу, гуманитарный принципъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго братства — это не только политическая, но и моральная новизна».

Такъ понимаемая демократія должна выразиться въ преобразованіи всѣхъ сторонъ жизни. Въ соотвѣтствіи съ демократическимъ принципомъ должны быть преобразованы органы законодательства, управленія и дипломатіи, должна быть перестроена школа, должна быть расширена и углублена культура. «Цивилизованный человекъ постоянно ищетъ счастья и здоровья и однако онъ несчастенъ и нездоровъ. Этотъ современный цивилизованный человекъ еще ужасно некультуренъ».

Демократическій принципъ долженъ быть, въ пониманіи Масарика, найденъ и въ экономической и соціальной области. Соціализмъ въ той формулировкѣ, какую онъ нашелъ себѣ у Маркса, былъ, правда, неприемлемъ для Масарика. Въ своей книгѣ «Философскія и соціологическія основы марксизма», вышедшей въ 1899 г. и уже очень скоро переведенной и на русскій языкъ, онъ и подвергъ ученіе Маркса убѣдительному критикѣ. Но сами по себѣ основныя положенія социализма были ему близки и онъ въ значительной мѣрѣ раздѣлялъ ихъ. Только подходилъ онъ къ нимъ инымъ путемъ, исходя главнымъ образомъ изъ этическихъ соображеній. «Соціальный вопросъ — говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ 1891 г. — вопросъ не только хозяйственный, но прежде всего моральный и духовный». «Освобожденіе рабочихъ — заявлялъ онъ въ другой разъ — наше общее освобожденіе». А, когда въ 1906 г. его на одномъ собраніи обозвали социалистомъ, онъ отвѣтилъ, что его соціальное исповѣданіе «очень просто: всегда за рабочаго, очень часто

съ социализмомъ, изрѣдка съ марксизмомъ». Идеаломъ для него являлось социальное равенство, но въ возможность немедленнаго его достиженія онъ не вѣрилъ и путь къ этому равенству лежалъ для него черезъ демократію, которая, по его опредѣленію, «на практикѣ означаетъ терпимое неравенство, неравенство, какъ можно меньшее и уменьшающееся».

Тотъ путь, на которомъ всѣ эти взгляды могли бы найти себѣ осуществленіе, подсказывался Масарику опять-таки его моральнымъ подходомъ къ вопросамъ человѣческой жизни. Переворотъ въ послѣдней долженъ былъ, по его мнѣнію, произойти въ умственной и моральной сферѣ. Революція, къ которой онъ призывалъ, должна была быть революціей головы и сердца и только въ этомъ случаѣ она могла быть плодотворной. Насилія же, какъ средства проведенія своихъ взглядовъ въ жизнь, онъ ни въ какомъ случаѣ не допускалъ. «Если мы хотимъ — писалъ онъ уже послѣ мировой войны — имѣть настоящую современную, послѣдовательную демократію, то мы должны отвыкнуть отъ прежнихъ политическихъ привычекъ, т. е. отъ всѣхъ видовъ и формъ насилія». Тотъ же взглядъ онъ проводилъ и раньше, указывая, что человѣкъ, допускающій дѣйствіе насилія для себя, тѣмъ самымъ допускаетъ его и для другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не доводилъ этого взгляда до крайности, до толстовскаго непротивленія злу. Насиліе недопустимо, но именно поэтому противъ него можно защищаться. Насильственно попираемая права можно и должно отстаивать, отстаивать даже «железомъ», если нѣтъ на лицо другого дѣйствительнаго средства защиты. Тѣмъ самымъ находитъ себѣ оправданіе и насильственно совершаемая революція, поскольку она исходитъ изъ обороны погранныхъ правъ и является такой обороной.

Законность насильственной революціи Масарику допускалъ и допускаетъ такимъ образомъ въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Нормальнымъ путемъ устроенія жизни и поднятія ея на высшую ступень культуры для него оставалась и остается не революція, а реформа. При этомъ онъ не закрывалъ и не закрываетъ глазъ на то, что реформа нерѣдко можетъ быть практически осуществлена только на путяхъ компромисса. Но бываютъ — указываетъ онъ — компромиссы и компромиссы. Компромиссъ въ средствахъ или въ неважныхъ, сравнительно второстепенныхъ вопро-

сахъ вполне допустимъ, ибо онъ, можетъ быть, удлиняетъ путь осуществленія намѣченной программы, но не отклоняетъ отъ него. Иное дѣло — принципиальный компромиссъ, сводящійся къ отказу отъ своихъ взглядовъ, къ исканію золотого, средняго пути, котораго въ дѣйствительности не существуетъ. Такой компромиссъ совершенно недопустимъ. Разъ намѣтивъ себѣ программу, основанную на добросовѣстномъ изученіи окружающей жизни, нельзя отказываться отъ этой программы, надо неуклонно, неумолимо идти по дорогѣ ея осуществленія, — въ концѣ концовъ правда побѣдитъ.

Эти взгляды и эти пути проведенія ихъ въ жизнь, по убѣжденію Масарика, тѣмъ легче могли быть усвоены чешскимъ народомъ, что они вытекали изъ его же прошлаго, изъ его собственной исторіи. Гусъ и Жижка, Коменскій, Гавличекъ и Палацкій въ свое время, отстаивая самостоятельность чешскаго народа, вырабатывали гуманитарныя идеи и боролись за нихъ. Народъ, выдвинувшій въ прошломъ этихъ дѣятелей, можетъ и долженъ идти впередъ по пути гуманитарнаго прогресса, къ современной демократіи, можетъ и долженъ бороться за осуществленіе ея въ его собственной жизни. Его же прошлое вдохновляетъ его къ такой борьбѣ. А, съ другой стороны, онъ въ этой борьбѣ не останется совершенно одинокимъ. Всякое усиленіе демократіи въ Европѣ укрѣпитъ и идею чешской самостоятельности. И отъ самихъ чеховъ будетъ уже зависѣть углубить и закрѣпить эту связь общей демократической идеи, развивающейся въ Европѣ, съ реальнымъ осуществленіемъ ея въ Чехіи, для чешскаго народа.

Мыслитель, стремящійся примирить мысль съ чувствомъ, признающій законность вѣры, но призывающій руководиться въ жизни разумомъ, послѣдовательный демократъ и гуманистъ, горячій патріотъ, чуждый всякаго шовинизма, ищущій въ завѣтахъ прошлаго родного народа поддержки и поощренія на пути къ лучшему, болѣе человѣчному будущему и ставящій основной своей задачей путемъ неуклоннаго служенія истинѣ подготовить умы и сердца своихъ современниковъ къ этому будущему, — таковы были черты духовной личности Масарика, когда онъ начиналъ свою дѣятельность въ старой чешской столицѣ. Конечно, не всѣ эти черты выступили тогда же съ полной отчетливостью. Онѣ проявлялись постепенно, въ извѣстной послѣдовательности, сказывались отъ случая къ слу-

чаю, но въ основномъ къ моменту переѣзда Масарика въ Прагу его міросозерцаніе и его личность были уже закончены.

Въ связи съ этимъ Масарикъ уже очень скоро сталъ въ Прагѣ замѣтнымъ человѣкомъ. Прежде всего это, естественно, проявилось въ университетѣ. Въ стѣны пражскаго университета съ приходомъ въ него Масарика ворвалась свѣжая струя. Будучи профессоромъ философіи, Масарикъ не создалъ, правда, своей, цѣльной и законченной философской системы. Не образовалъ онъ поэтому и своей школы. Зато онъ давалъ студентамъ нѣчто иное. Стоя самъ, благодаря своей неустанной работѣ, на высотѣ современной науки, онъ обстоятельно знакомилъ свою аудиторію съ европейской философской мыслью, въ частности, съ философами Англии и Франціи, до того мало извѣстными въ Чехіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, поднимая и обсуждая въ своихъ лекціяхъ основные вопросы жизни и знанія, онъ стремился не столько давать слушателямъ окончательные, авторитетные отвѣты на эти вопросы, сколько пробуждать инициативу самостоятельнаго ихъ рѣшенія. И если около него было немного учениковъ въ тѣсномъ академическомъ смыслѣ этого слова, то многіе изъ студентовъ, въ теченіе ряда лѣтъ проходившихъ черезъ его аудиторію, уносили съ собою новыя представленія о жизни и новое стремленіе къ работѣ на благо родного народа.

Но съ первыхъ шаговъ Масарика въ Прагѣ дѣятельность его не замыкалась исключительно въ стѣнахъ университета. Въ его пониманіи наука являлась тѣсно связанной съ жизнью, должна была непосредственно служить послѣдней, и самая философія, по его собственнымъ словамъ, была для него, главнымъ образомъ, этикой, соціологіей и политикой. Менѣе всего онъ могъ быть только кабинетнымъ ученымъ, стоящимъ вѣ сторонѣ отъ живой дѣйствительности и лишь издали наблюдающимъ ее. Онъ, наоборотъ, рвался къ вмѣшательству въ эту дѣйствительность. «Профессоромъ, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ книгъ, вспоминая свои молодые годы, — я никогда не хотѣлъ быть; мой планъ состоялъ въ томъ, чтобы стать дипломатомъ и политикомъ». И, ставъ профессоромъ, онъ немедленно взялся за широкую культурную работу, которая вплотную подвела его къ политикѣ. Уже черезъ годъ послѣ своего переѣзда въ Прагу онъ сталъ здѣсь во гла-

въ основаннаго по его иниціативѣ журнала, къ которому онъ успѣлъ привлечь рядъ сотрудниковъ и въ которомъ самъ повелъ крайне энергичную работу, выступая на его страницахъ въ роли то философа, соціолога или историка, то литературнаго критика, то публициста.

Эта кипучая дѣятельность скоро наткнулась на отпоръ. Чешскій патріотизмъ Масарика раздражалъ нѣмцевъ, его свободомысліе возстанавливало противъ него чешскихъ консерваторовъ. И, когда онъ, руководимый научной добросовѣстностью, въ срединѣ 80-хъ годовъ далъ мѣсто въ своемъ журналѣ статьямъ, доказывавшимъ подложность знаменитыхъ Краледворской и Зеленогорской рукописей, считавшихся до того своего рода національными святынями, противъ него поднялась настоящая буря. Его клеймили названіемъ измѣнника національному дѣлу, старались выжить изъ университета, вооружали противъ него студентовъ. Масарикъ, убѣжденный, что національное достоинство не нуждается ни въ какихъ мѣхахъ и что истину никогда нельзя замалчивать, остался твердъ и въ концѣ концовъ выигралъ борьбу. Больше того, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что его наиболѣе вліятельные противники, вожди старочешской и младочешской партій, испытавъ его мужество и силу, стали сами искать возможности совмѣстной политической работы съ нимъ. Съ старочехами ему не удалось сговориться, но съ младочехами соглашеніе состоялось. Въ 1890 г. Масарикъ и бывшіе тогда его единомышленниками Крамаржъ и Кайзль вошли въ младочешскую партію, образовавъ въ ней ея лѣвое крыло. Въ слѣдующемъ году Масарикъ былъ выставленъ отъ партіи кандидатомъ въ вѣнскій парламентъ и прошелъ на выборахъ — передъ нимъ открылась и дорога чисто политической, парламентской дѣятельности.

Онъ началъ эту дѣятельность смѣлой рѣчью, въ которой въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ говорилъ о стремленіи чешскаго народа къ самостоятельной жизни и о препятствіяхъ, какія это стремленіе вызываетъ со стороны нѣмцевъ. Послѣ этого дебюта, привлекашаго къ себѣ большое вниманіе, онъ нѣкоторое время усердно работалъ въ парламентѣ. Но довольно скоро уже его стала тяготить мелочность, царившая въ средѣ тогдашнихъ чешскихъ партій, и въ 1893 г. онъ сложилъ свои полномочія, рѣшивъ вернуться къ культурной работѣ. Университетскія занятія, многочисленныя публичныя лекціи въ Прагѣ и въ

провинціи, лекціонныя поѣздки за границу, въ Америку, выпускъ большихъ ученыхъ трудовъ и ряда брошюръ по разнообразнымъ вопросамъ, дѣятельное участіе въ журналахъ и газетахъ — таковы были формы этой работы, которую онъ неустанно велъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ послѣ своего выхода изъ парламента. Бывало, что эта работа опять вызывала противъ него бурю негодованія въ окружавшемъ его обществѣ — онъ смѣло встрѣчалъ такую бурю. Такъ было, когда въ 1899 г. онъ выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ приговора суда присяжныхъ, присудившаго еврею Гильзнера къ смертной казни за совершенное имъ якобы ритуальное убійство христіанки. Несмотря на всѣ предупрежденія, что такой протестъ можетъ обойтись ему очень дорого, Масарикъ не поколебался категорически заявить о нелѣпости обвиненія въ ритуальномъ убійствѣ и о необходимости пересмотра процесса. Предупрежденія оправдались — противъ него была открыта настоящая травля на улицахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ университетѣ, его самого привлекли къ суду, но онъ остался опять-таки твердъ и въ концѣ концовъ добился побѣды — обвиненіе въ ритуальномъ убійствѣ было признано неправильнымъ и было снято съ Гильзнера. Бывали и такіе моменты, когда Масарика привлекали къ суду за оскорбленіе религіи, якобы допускавшееся имъ въ его произведеніяхъ. Но все это не оказывало на него вліянія. Не вызывая самъ борьбы, но и не уклоняясь отъ нея, когда ему ее навязывали, онъ спокойно и увѣренно шелъ однажды намѣченной дорогой, неустанно развивая свою работу.

Эта напряженная культурная работа имѣла однако и политическій характеръ. По существу въ основѣ ея лежала и всю ее направляла мысль о необходимости возобновить самостоятельную жизнь чешскаго народа, возстановить его попоранія и ущербленные права и дать отпоръ стремившейся къ ограниченію этихъ правъ австрійской политикѣ. Своей культурной дѣятельностью Масарикъ сѣялъ сѣмена, которыя должны были взойти и дать урожай и въ области политики. Приблизительно съ середины того періода, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, и въ его собственной дѣятельности уже вполне явственно стала проступать чисто политическій элементъ. Въ 1900 г. группа единомышленниковъ Масарика рѣшила основать въ Чехіи новую партію, давъ ей названіе реалистической или,

иваче, прогрессивной народной партіи. Масарикъ возглавилъ эту партію и повелъ за ея программу энергичную пропаганду, которая черезъ нѣкоторое время вновь вывела его на парламентское поприще.

Въ 1907 г. онъ былъ избранъ въ вѣнскій парламентъ и первыя же его выступленія здѣсь, направленные на защиту свободы университетскаго преподаванія, которой серьезно угрожали тогда происки и притязанія клерикаловъ, привлекли къ нему общественное вниманіе. Это вниманіе еще болѣе усилилось, когда онъ вступилъ въ борьбу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Эренталемъ изъ-за такъ назыв. загребскаго процесса 1908 г. Этотъ процессъ, въ которомъ были привлечены къ суду и осуждены по обвиненію въ государственной измѣнѣ 53 хорвата и серба, долженъ былъ, по планамъ австрійскихъ властей, послужить своего рода оправданіемъ для аннексіи Босніи и Герцеговины. Знакомые Масарику сербы и хорваты обратились къ нему съ просьбой вступить въ это дѣло, спасти невинно, по ихъ увѣреніямъ, осужденныхъ людей и возстановить справедливость. Масарикъ взялъ на себя эту задачу. Онъ предпринялъ поѣздки въ Загребъ и въ Бѣлградъ, продѣлалъ долгую и трудную работу разслѣдованія дѣла на мѣстѣ и въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ, куда онъ былъ выбранъ для этой цѣли своими товарищами, неопровержимо доказалъ, что весь процессъ былъ построенъ, съ вѣдома и содѣйствія австрійской дипломатіи, на подложныхъ документахъ. Въ результатѣ обвинительный приговоръ былъ отмѣненъ, обвиняемые, во избѣжаніе новаго суда, были помилованы императоромъ, а Эренталь, въ виду разыгравшагося европейскаго скандала, черезъ нѣкоторое время покинулъ свой постъ. вмѣстѣ съ тѣмъ вся эта исторія нанесла тяжелый ударъ агрессивной политикѣ Австро-Венгріи по отношенію къ славянамъ, въ частности, къ сербамъ. И лишній разъ во всемъ своемъ блескѣ проявилась въ этой исторіи энергія и стойкость Масарика въ дѣлѣ защиты истины и отстаиванія правъ славянскихъ народовъ.

Къ этому времени онъ пользовался уже, какъ ученый и какъ политикъ, общепризнаннымъ авторитетомъ не только на родинѣ и въ другихъ славянскихъ странахъ, но и далеко за ихъ предѣлами. Чтобы заслужить такой авторитетъ, имъ сдѣлано было достаточно. И, когда въ 1910 г. въ Прагѣ устроено было его чествованіе по случаю исполнившагося его 60-лѣтія, чествованіе это получило весьма

широкій характеръ. Но самъ онъ, отвѣчая на обращенныя къ нему привѣтствія, заявилъ, что все, сдѣланное имъ до сихъ поръ, было только «предисловіемъ». «Я хочу — говорилъ онъ — прожить до 80 лѣтъ и главное еще наступить».

Это полушуточное предсказаніе, какъ извѣстно, оправдалось полностью — главное дѣло жизни Масарика было впереди. Уже въ послѣдніе годы передъ міровой войной онъ окончательно извѣрился въ долго существовавшей у него надеждѣ на то, что Австрія преобразится въ демократическое государство и что это дастъ возможность чехамъ, не порывая связи съ ней, наладить свою свободную и самостоятельную жизнь. Разставшись съ этой надеждой, онъ пришелъ къ убѣжденію, что чехамъ остается добиваться распадѣнія Австріи и созданія совершенно самостоятельнаго чешскаго государства. И, когда увлекаемая своимъ рокомъ Австрія нападеніемъ на Сербію открыла міровую войну, онъ сразу, хотя и не безъ тяжелаго раздумья, опредѣлилъ свое мѣсто и свою роль въ начавшейся борьбѣ. Сорганизовавъ, кого могъ, вокругъ своихъ плановъ на родинѣ, онъ самъ въ 1915 г. выѣхалъ за границу и повелъ въ руководящихъ кругахъ странъ Согласія энергичную пропаганду за разрушеніе австро-венгерской монархіи и созданіе на ея развалинахъ независимой Чехословакіи. Не утомимо, изо дня въ день велъ онъ эту пропаганду въ печати, въ публичныхъ собраніяхъ, въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ съ работниками прессы, съ политиками и дипломатами, съ самыми разнообразными дѣятелями разныхъ странъ. Одновременно, убѣжденный въ томъ, что чехи должны и своими силами добывать себѣ свободу, онъ взялся за организацію чешскихъ легіоновъ въ странахъ Согласія. Постепенно усилія увѣнчивались успѣхомъ. Масарикъ сталъ признаннымъ вождемъ всего чешскаго заграничнаго движенія, легіоны создались и поступили подъ его верховное руководство, союзники признали организованный имъ и находившійся подъ его предсѣдательствомъ Національный Комитетъ представительствомъ Чехіи и открыто поставили одной изъ цѣлей войны возстановленіе самостоятельности чешскаго народа.

Прошло четыре года неустанной, до-нельзя напряженной работы. 28 октября 1918 г. возставшая Прага провозгласила независимость Чехословакіи и черезъ нѣсколько

дней Масарика по телеграфу вызвали на родину, какъ президента Чехословацкой республики. «Вашъ авторитетъ безпредѣленъ, васъ ждутъ», говорилось въ этой телеграммѣ.

Два раза съ тѣхъ поръ переизбирался Масарикъ президентомъ новой республики, двѣнадцатый годъ безсмѣнно стоитъ онъ на этомъ посту. За эти годы Европа переживала процессъ медленнаго залечиванія ранъ, нанесенныхъ войною, медленнаго возстановленія, послѣ ужасовъ и потрясеній войны, нормальныхъ порядковъ жизни. Въ Чехословацкой республикѣ этотъ процессъ шелъ и идетъ быстрѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. И въ немалой мѣрѣ это зависитъ отъ свойствъ того челоука, который сталъ здѣсь во главѣ государства. Испытанный и увѣренный въ себѣ демократъ, исполненный уваженія къ правду, который онъ возглавляетъ, Масарикъ не позволяетъ ни себѣ, ни другимъ ни уклоняться въ область демагогii, ни прибѣгать къ приемамъ диктатуры. Соединяя въ себѣ ясныя теоретическія взгляды съ большой практичностью и дѣловитостью, онъ умѣетъ вести государственный корабль, не отклоняясь въ сторону отъ намѣченныхъ въ духѣ современной демократii цѣлей, но и не проявляя чрезмѣрнаго доктринерства, не настаивая во что бы то ни стало на невозможныхъ въ данную минуту рѣшеніяхъ, сглаживая и смягчая существующія противорѣчiя. И судьба дала ему возможность увидѣть и ощутить результаты его работы. День его 80-лѣтія обратился въ общенародный праздникъ страны, вѣрнымъ сыномъ которой онъ всегда былъ, вѣрнымъ и надежнымъ руководителемъ которой онъ является сейчасъ.

Надо ли говорить, что для насъ, русскихъ, этотъ праздникъ имѣетъ особенное значеніе? Къ старымъ связямъ, соединявшимъ Масарика съ Россіей, связямъ интеллектуальнымъ, годы его президенства прибавили новыя. Въ эти годы десятки тысячъ выброшенныхъ изъ Россіи русскихъ людей нашли себѣ пріютъ въ Чехословацкой республикѣ, тысячи русскихъ дѣтей и юношей получили или закончили въ ней образованіе, рядъ русскихъ культурныхъ учреждений былъ созданъ въ Прагѣ, рядъ русскихъ культурныхъ силъ былъ сохраненъ Чехословакiей. И во всемъ этомъ большомъ культурномъ дѣлѣ, сдѣланномъ молодой республикой, немалая роль принадлежала ея президенту. Свою симпатію къ Россіи Масарикъ хранилъ и

проявлялъ неизмѣнно. Достаточно напомнить, что, когда не такъ давно его президентское жалованье было увеличено на миллионъ кронъ, онъ всю эту сумму пожертвовалъ въ пользу голодающихъ въ Россіи. Неизмѣнно внимательно относился онъ и къ нуждамъ русскихъ эмигрантовъ въ Чехословакии. Всего этого нельзя не помнить и, вспоминая, нельзя не сказать, что въ хорѣ чужеземныхъ голосовъ, привѣтствующихъ 80-лѣтняго чешскаго демократа, по праву занявшаго мѣсто перваго гражданина Чехословацкой республики, русскому голосу естественно звучать громче другихъ.

В. Мякотинъ.

Томашъ Гарригъ Масарикъ и русская интеллигенція

Въ своей скромной рѣчи объ этомъ большомъ человѣкѣ, о вождѣ не только народа чешскаго, но и объ одномъ изъ вождей новой Европы, мнѣ хотѣлось бы отмѣтить нѣкоторыя черты, близко касающіяся насъ, русскихъ интеллигентовъ. Въ послѣднемъ номерѣ журнала «Соціальная Помощь» г. Куденгофъ-Калерги справедливо говоритъ, что для своего народа Масарикъ является не только политическимъ вождемъ, -- онъ является живымъ идеаломъ, почти пророкомъ. Несмотря на высокія духовныя дарованія, основы его личности -- въ этикѣ. Вотъ почему образъ этотъ близокъ и дорогъ и русской интеллигенціи. Масарикъ никогда не былъ политикомъ сегодняшняго дня. Онъ всегда ставилъ передъ собою «далекія» соціально-этическія задачи и идеалы. Все существо его проникнуто тѣмъ же благороднымъ идеализмомъ, которымъ жили и дышали лучшіе представители русской интеллигенціи, ея духовные вожди.

Но если это такъ, если много общаго въ обликѣ и стремленіяхъ Масарика и представителей русскаго соціально-этическаго идеализма, то чѣмъ же объяснить столь поразительную разницу въ судьбахъ двухъ родственныхъ народовъ, только что пережившихъ одинаковыя событія -- великую войну и внутреннія революціи? Есть, очевидно, рядомъ съ этой общностью и глубокія различія. Въ чемъ же состоятъ эти различія?

Прежде всего -- въ обстановкѣ. Какъ ни тяжело было положеніе чешскаго народа подъ австрійскимъ владычествомъ, все же борьба его происходила въ конституціонной Европѣ, гдѣ пріобрѣталъ онъ навыки самоуправленія и

*) Рѣчь на торжественномъ засѣданіи Пражскаго Земора въ честь 80-ти лѣтъ Президента Чехословацкой Республики 7-го марта 1930 года

учился европейскимъ формамъ борьбы. Мы жили въ царистской Россіи среди народа, совсѣмъ недавно освобожденнаго отъ крѣпостного права и еще не забывшаго его. Это разница почти что рѣшающая... А кромѣ того лишь верхній и очень небольшой слой русской интеллигенціи поднялся на ту духовную высоту, которая была необходима для пониманія грандіозныхъ событій, связанныхъ съ войной и революціей. Масса же интеллигенціи была недостаточно воспитана опытомъ жизни. Она легко перенимала идеи, выросшія на западно-европейской почвѣ - въ частности и ученіе Маркса, — но не могла критически отнестись къ нимъ и ясно осознать, применимы ли онѣ на русской почвѣ. И вотъ теперь, когда мы укрылись послѣ русскаго кораблекрушенія въ новой республикѣ, руководимой мыслителемъ Масарикомъ, мы съ особой отчетливостью вспоминаемъ его пророческія предсказанія и сужденія по русскому вопросу. Теперь эти сужденія приобретаютъ для насъ тѣмъ большую цѣнность, что многія его сужденія высказывались задолго до русской катастрофы. Напомнимъ о нихъ въ этотъ день, когда мы чувствуемъ 80-лѣтіе не только вождя чешскаго народа, но и европейца, принимавшаго глубоко къ сердцу и нашъ, русскій вопросъ.

Широкіе круги русской интеллигенціи съ идеями Т. Масарика столкнулись впервые въ 1900 г. Это былъ періодъ самой ожесточенной борьбы основныхъ теченій русской общественной мысли и канунъ первой русской революціи. Три теченія боролись за первенство въ господствѣ надъ умами: либералы-конституціоналисты, народники и марксисты. Первое теченіе для всякаго внимательнаго наблюдателя было заранѣе обречено на неуспѣхъ: влияние на народныя массы имѣли тогда и могли имѣть лишь идеи, окрашенныя въ яркій социальный, вѣрнѣе, социалистическій оттѣнокъ. Вѣдь рѣчь шла — исторически — о такой грандіозной реформѣ, какъ передача помѣщичьей земли крестьянамъ и о такомъ измѣненіи правового и экономическаго положенія рабочихъ, — т. е. о такихъ реформахъ всего строя, которыя не могли быть произведены безъ сильнаго давленія самихъ массъ на правительство и имущіе классы. И именно среди социалистическихъ партій находили массы своихъ вождей. Въ это время не только напряженіе въ борьбѣ, но и напряженность атмосферы всей русской жизни были столь велики, что оба со-

ціалістическихъ фланга — народники и марксисты — все болѣе и болѣе оказывались во власти одной навязчивой идеи: только въ революціи спасеніе. Только революція выведетъ Россію изъ историческаго тупика... Къ этому одностороннему, фанатическому убѣжденію въ первую же революцію присоединилось понятіе: перманентная революція. Это было не пустое слово: и въ самомъ освободительномъ движеніи все болѣе и болѣе брали верхъ профессиональные революціонеры. Всѣ элементы, мало мальски осторожные, понимающіе не только силу, но и опасности революціи въ странѣ, вѣками державшей массы въ рабской покорности и некультурности, -- отодвигались въ сторону: они были непопулярны. Наибольшій вѣсъ въ глазахъ массъ приобрѣтали люди, не брезговавшіе демагогіей, какъ орудіемъ господства надъ дѣтски-наивной душой этихъ народныхъ массъ.

Какъ разъ въ это время и раздався чешскій, для тогдашняго времени пророческій голосъ чешскаго профессора и писателя, Т. Г. Масарика: въ 1900 г. въ издательствѣ Солдатенкова вышелъ русскій переводъ его замѣчательной книги -- «Философскія и социологическія основы марксизма». Въ этой книгѣ, полной глубокихъ критическихъ возраженій на основы ученія Маркса и Энгельса, оказавшихъ столь сильное вліяніе не только на восприимчивыя русскіе умы, но и на общественную мысль Запада, Масарикъ въ упоръ ставитъ самые жгучіе вопросы дѣйствительной социальной политики: «Революція или реформа?» «Осуществимъ ли коммунизмъ Маркса?»

Всѣ участники тогдашняго движенія хорошо помнятъ, въ какую ярость приводили отвѣты на эти вопросы чешскаго профессора (какъ и теорія или «поправки къ Марксу» Эдуарда Бернштейна) -- ортодоксальныхъ русскихъ марксистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было тогда, въ канунъ первой русской революціи, принять вотъ эту основу Масарикиной социальной политики: «Я противъ революціонизма, ибо я твердо вѣрю, что прогрессъ общества является результатомъ лишь планомѣрной и длительной работы. Реформація, но не революція движетъ прогрессомъ. Безъ дѣйствительнаго преображенія сердца, умовъ, общественной мысли и нравовъ, мы можемъ, конечно, устранить чорта реакціи, но мѣсто его тотчасъ же займетъ вельзевулъ... «Коммунизмъ. Онъ неосущест-

вимъ. Въдь и самъ Марксъ мыслилъ свой коммунизмъ лишь какъ окончательную стадію длительного пути. Нормальное политическое и социальное состояніе общества невозможно осуществить безъ свободной инициативы отдѣльныхъ личностей».

И далѣе:

«Революція формъ управленія требуетъ также и революціи духа».

Смысль и силу этихъ идей русская интеллигенція въ массѣ своей постигаетъ лишь теперь, послѣ трагическаго финала ряда русскихъ революцій... Но значить ли это, что возрѣнія Масарика исключали революцію, какъ методъ дѣйствій, иногда необходимый народу, чтобы устранить «чорта реакціи»? «Этически, пишетъ онъ, нельзя отвергать революцію: иногда она неизбежна. Уже католическіе и протестантскіе богословы защищали тиранубійство, а не только революцію. Въ новое время выдающіеся мыслители защищаютъ революцію... Но революція можетъ быть только средствомъ, а не цѣлью... До сихъ поръ общество строилось больше на смерти, чѣмъ на жизни; мы еще не умѣемъ жить, жить полно, позитивно; мы слишкомъ часто поддерживаемъ свою жизнь чужой смертью; постоянно уничтожаемъ свою и чужую жизнь... Мы любимъ возбуждаться, но не хотимъ работать: намъ правится спортъ, спортъ возбуждающій; точно также и революція».

Масарикъ -- не человекъ «золотой середины», всегда сторонящійся отъ примѣненія крайнихъ средствъ. «Не золотая середина, говоритъ онъ, не золотой средній путь, а ясная цѣль и сознательное, неутомимое ся достиженіе». Онъ хорошо понимаетъ, что практической политикѣ долженъ иногда сознательно принять революціонный путь. Но принимая его, онъ ни на минуту не долженъ забывать его неисчислимыхъ опасностей. Рѣшаясь на революціонное возстаніе противъ Австро-Венгріи, Масарикъ «въ глубинѣ души» ставитъ тревожные вопросы: «готовы ли мы къ дѣйствіямъ, созрѣли ли мы для свободы, для самоуправления и сохраненія самостоятельнаго государства, состоящаго изъ чешскихъ земель, Словакіи и многихъ національныхъ меньшинствъ? Достаточно ли у насъ изъ столько политически-зрѣлыхъ людей, которые поняли бы дѣйствительный смыслъ войны и задачу народа въ ней? Сумѣемъ ли мы на самомъ дѣлѣ дѣйствовать, -- снова дѣйствовать? Загладимъ ли навсегда Бѣлую гору? Пре-

одолѣемъ ли въ себѣ Австрію и ея столѣтнее воспитаніе?»

Но сомнѣнія опытнаго политика тотчасъ же парализуются вѣрой въ народъ свой: «Вѣрю и я, Господи, что пронесется вихрь гнѣва Твоего и вернется къ Тебѣ, о народъ чешскій, право и мощь Твоя».

Какой величавый обликъ духовнаго вождя встаетъ передъ нами и въ этихъ сомнѣніяхъ, и въ этой вѣрѣ... И совершилось историческое дѣло: народъ чешскій оказался зрѣлымъ для свободы, въ немъ нашлось достаточно политически зрѣлыхъ людей для государственнаго самоуправленія, Австрія была преодолѣна и зданіе новой европейской республики увѣнчалось: мѣсто ея президента занялъ достойнѣйшій изъ вождей, — философъ, ученый, социальный реформаторъ...

А въ это время тамъ, на Востокѣ, въ мучительныхъ судорогахъ перманентной революціи, ищеть выхода великій народъ русскій...

Онъ, народъ русскій, оказался неготовымъ для свободы. И не нашлось у него достаточнаго числа политически зрѣлыхъ людей, чтобы не превратить политическую революцію въ разрушеніе страны. Интеллигенція русская — въ лицѣ ея духовно развитаго и политически воспитаннаго слоя — оказалась побѣжденной дикой народной стихіей. И возглавили эту стихію профессиональные революціонеры, уже болѣе десятилѣтія насаждающіе въ Россіи большевизмъ.

Масарикъ не думаетъ, однако, что большевики — послѣдователи Маркса. Онъ это отрицаетъ: «Большевизмъ, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, соотвѣтствуетъ гораздо болѣе Бакунину, чѣмъ Марксу. Что касается Маркса, то большевизмъ слѣдуетъ за нимъ въ его первой революціонной эпохѣ — 1848 г., въ то время, когда социализмъ Маркса еще не былъ разработанъ. На Бакунина большевики могли-бы ссылаться изъ-за своего безспорнаго іезуитизма и макіавелизма. Къ нимъ они дошли черезъ заговорщицкую тайну, къ которой они привыкли, изъ-за стремленія къ власти и диктатурѣ. Добиться власти и удержать ее въ своихъ рукахъ стало ихъ главной цѣлью. Большевики мало знали Россію. Царизмъ принуждалъ ихъ жить за границей и они отъ Россіи отвыкли».

Самъ Масарикъ всегда зорко слѣдилъ за русскими дѣлами, идеями и движеніемъ. Естественно, что привлекла его вниманіе и русская трагедія. Онъ хорошо понялъ при-

чину болѣзни русской интеллигенціи и со всей присущей ему яркостью опредѣлилъ ее еще въ 1906 г. послѣ неудачъ первой русской революціи: «Кто внимательно слѣдилъ за русскими дѣлами, писалъ онъ тогда, тотъ очень хорошо можетъ видѣть непропорціональность и политическихъ идеаловъ со степенью подготовки къ управленію».

Какъ видимъ, съ изумительной точностью поставилъ Масарикъ діагнозъ болѣзни русской интеллигенціи. Именно это: непропорціональность политическихъ идеаловъ со степенью подготовки къ управленію, не только, конечно, ея самой, но и всего народа. Въ этомъ — суть многихъ проваловъ и медленности русскаго политическаго развитія.

Въ тѣ годы вопросъ русскій вообще сильно волновалъ Масарика. Онъ пишетъ книгу: «Этюды по русскому вопросу. Борьба Достоевскаго съ русскимъ нигилизмомъ»*) Въ письмѣ къ Комитету русской партіи «Свободомыслящихъ» (1906 г.) онъ объясняетъ происхождение этого труда: «Война на востокъ (русско-японская) задѣла меня за живое. Вѣдь Россія для меня — большая часть жизни! Война и революція — ужаснѣйшій урокъ! Я истерзался, думая и передумывая русскіе вопросы. Чтобы облегчить себѣ эти муки, я и взялся за критику Достоевскаго. Излагая Достоевскаго, я долженъ дать себѣ отчетъ о «русскомъ вопросѣ», — религіозномъ вопросѣ по преимуществу». И онъ пишетъ работы о Россіи, «этой землѣ радикальнаго анархизма, нигилизма и нигилистическаго терроризма».

Великая война и новая страшная революція 1917 г. еще по новому освѣтила для Масарика русскій вопросъ. Разгадку потрясеній онъ хочетъ найти отчасти и въ характерѣ русскихъ вождей. Зимой 1918 г., уже послѣ октябрьской революціи, онъ ищетъ въ Петроградѣ и Москвѣ этихъ вождей русскихъ политическихъ партій. Онъ долго говоритъ съ П. Н. Милюковымъ, Струве. Возобновляетъ отношенія съ покойнымъ Плехановымъ. Разыскиваетъ Максима Горькаго. Знакомится съ социалистами-революціонера-

*) Удивительно, какъ русская царская цензура пропустила книгу Масарика о марксизмѣ. Его «Этюды по русскому вопросу» и известная его книга «Самоубійствѣ» русской цензурой не были пропущены.

ми и съ редакторами ихъ главнѣйшихъ газетъ, тогда еще не закрытыхъ. Узнаеть также, что въ Россіи — Савинковъ. Онъ читалъ его «Коля Блѣднаго», много слышалъ о немъ, и этотъ дѣятель революціи его особенно интересовалъ. Онъ разыскиваетъ его въ Москвѣ, гдѣ жилъ тогда Савинковъ нелегально, въ строгой изоляціи, готовя возстаніе противъ большевиковъ. Много и долго говорить съ нимъ Масарикъ. И какъ разочарованъ! Впослѣдствіи онъ далъ характеристику Савинкова, — характеристику печальную: «Политически онъ неправильно судилъ о положеніи Россіи и недооцѣнивалъ силы большевиковъ; философски и морально — не дошелъ до пониманія глубокой разницы между революціей и личными террористическими актами. Онъ не понималъ также разницы между войной и революціей; не различалъ войну оборонительную отъ войны наступательной... Морально онъ не поднялся надъ примитивизмомъ кровавой мести. Позднѣйшее развитіе Савинкова показало его слабость; слабость террористическаго титана, ставшаго Гамлетомъ».

Мѣткость характеристики, показывающая глубокое знаніе людской психологіи...

Въ это же свое прѣбываніе въ Россіи Масарикъ съ огромнымъ и напряженнымъ вниманіемъ наблюдаетъ не только вождей политическихъ партій, и ихъ настроенія и типы. Онъ наблюдаетъ обстановку, поведение народныхъ массъ и — снова пишетъ пророческія слова о Россіи и ея судьбѣ. Покинувъ Россію въ мартѣ 1918 г., онъ отправляетъ 10-го апрѣля 1918 г. секретный Меморандумъ американскому президенту Вильсону. По просьбѣ Вильсона даетъ онъ въ этомъ меморандумѣ резюме своихъ наблюдений: «Монархическое движеніе въ Россіи слабо; союзники не смѣютъ его поддерживать. Кадеты и социалисты-революционеры организуются противъ большевиковъ; я не ожидаю отъ этихъ партій значительнаго успѣха. Союзники ожидали, что у Алексѣева и Корнилова будетъ на Дону большой успѣхъ; я этому не вѣрилъ и отказался соединиться съ ними, хотя меня звали сами вожди. То же я могу сказать объ атаманѣ Семеновѣ и другихъ. Большевики удержать власть дольше, чѣмъ предполагали ихъ противники: они умрутъ, какъ и всѣ остальные партіи, отъ политическаго диллетантизма. — Проклятіе царизма въ томъ, что онъ не научилъ народъ работать и управлять... Всѣ малые народы, народы на Востокъ — финны,

поляки, эстонцы, латыши, литовцы, чехи со словаками, румыны и т. д. — нуждаются въ сильной Россіи, иначе они будутъ вполнѣ въ рукахъ нѣмцевъ и австрійцевъ. Союзники должны поддержать во что бы то ни стало и всѣми средствами Россію».

О «проклятіи царизма», не только не научившаго народъ управленію и работѣ, но даже породившаго своего рода «гніеніе интеллигенціи и народа», Масарикъ пишетъ много и подробно. Побѣдившіе большевики меньше всего были подготовлены къ управленію: «они не были подготовлены къ позитивной, творческой революціи; ихъ хватаетъ только на революцію отрицательную. Она была отрицательна въ томъ смыслѣ, что при своей односторонности, узости и некультурности, они много совсѣмъ излишне уничтожили. Я ихъ особенно обвиняю въ томъ, что они совсѣмъ по царски роскошествовали въ уничтоженіи жизни. Уровень варварства всюду проявляется въ томъ, въ какой степени люди умѣютъ распоряжаться жизнью своей и своихъ ближнихъ. Большевицкое уничтоженіе интеллигенціи могло бы найти предостерегающій примѣръ въ римскомъ Сѣверѣ и въ вырѣзаніи старыхъ римскихъ семей, особенно сенаторскихъ; онъ добился этимъ варваризаціи государства и управленія, но одновременно ускорилъ и паденіе Имперіи»...

Въ своемъ секретномъ меморандумѣ 1918 г. Масарикъ ставилъ задачу: созданіе сильной Россіи, какъ опоры малыхъ народовъ и какъ противовѣсъ австро-германской силѣ. А, вѣдь, еще болѣе настойчиво стоитъ эта историческая задача для насъ, русскихъ... Но созданіе сильной Россіи немислимо безъ духовно развитой, политически зрѣлой интеллигенціи. За 13 лѣтъ управленія большевизмъ политически зрѣлымъ не сталъ. И снова суровый укоръ бросаетъ русскимъ европеецъ Масарикъ: «Русскіе, какъ и большевики, являются дѣтьми царизма; въ теченіе столѣтій онъ ихъ воспитывалъ и вырабатывалъ. Они сумѣли устранить царя, но не устранили царизма. У нихъ царская форма, хотя они носятъ ее наизнанку, — вѣдь, русскій и сапоги носятъ наизнанку... Коммунистическій большевизмъ непогрѣшимъ и смахиваетъ на инквизицію, а потому у него нѣтъ ничего общаго съ наукой и философіей; наука, какъ и демократія, безъ свободы невозможны».

Невозможно, конечно, при большевистской инквизиціи и Аракчеевскихъ поселеніяхъ и созданіе сильной Россіи.

Отсюда — вторая задача, вытекающая из первой: необходимо устранение режима инквизиции, чтобы создание свободной и сильной России стало фактом.

Но какими средствами должно быть достигнуто это устранение «режима инквизиции»?

Масарикъ хорошо понимаетъ, что «большевизмъ означаетъ внутренній кризисъ Россіи -- его нельзя лечить вмѣшательствомъ извнѣ». Остается единственное средство: духовное перерождение народа и въ особенности интеллигенціи. По мнѣнію Масарика это перерождение уже началось: «Большевизмъ пробудилъ чувство свободы; особенно-же возросло чувство собственной силы у крестьянъ. А всѣ получили урокъ о силѣ организациі; окрѣпло убѣжденіе въ необходимости работы и прилежанія».

Сейчасъ русская интеллигенція все еще находится въ депрессіи: поражение не окрыляетъ... Но нельзя также допустить, чтобы разбитость въ одной битвѣ навсегда закрывала сильнымъ людямъ путь къ побѣдѣ. Такъ, поражение чеховъ на Бѣлой горѣ въ 1620 г. не помѣшало имъ стать побѣдителями въ 1918 г. Быть можетъ, даже именно это поражение явилось сильнѣйшимъ толчкомъ для духовнаго преображенія побѣжденныхъ. И мы, русскіе, лишь въ этомъ духовномъ преображеніи народа и его интеллигенціи, глубоко въ преображеніи сердець и умовъ послѣ столь же глубокихъ и трагическихъ переживаній, черпаемъ свои надежды на лучшее будущее. И, радуясь побѣдѣ чешскаго народа, преклоняясь передъ духовной мощью и разумомъ вождя его, мы, русскіе интеллигенты, не перестаемъ твердить тѣ же слова, которыя окрыляли передъ битвой за свободу Масарика:

«Вѣрю и я, Господи, что пронесется вихрь гнѣва Твоего и вернется къ Тебѣ, о народъ русскій, право и мощь твоя».

Такъ именно ощущаютъ будущее всѣ, вѣрящіе въ воскресеніе сильной своей духовной мощью Россіи. Невѣрующимъ мы напомнимъ прекрасныя слова русскаго поэта Гумилева, столь гармонирующія съ молитвой Масарика:

Не вѣрь, что неслышаннымъ горемъ

Россія до тла спалена:

То волны бушуютъ надъ моремъ,

Но дремлетъ его глубина.

Е. Д. Кускова.

Германія

I.

Мѣсяца два тому назадъ адъютантъ артиллерійскаго полка задалъ мнѣ на первый взглядъ весьма странный вопросъ: не согласился ли бы я прочесть въ офицерскомъ Собраніи докладъ о ...нѣмецкой военной литературѣ?

За время своего пребыванія въ Германіи мною было прочитано въ Германіи, болѣе, чѣмъ въ 80 городахъ около 200 публичныхъ лекцій, но всегда о Россіи и большевикахъ. Предложеніе дрезденскаго офицерства меня заинтересовало, и я согласился.

Памятуя совѣтъ Нитше, что, вступая въ новое общество, лучше всего начинать съ вызова на дуэль, я рѣшилъ читать совершенно откровенно. Къ моему удивленію, моя откровенность никого не задѣла. За ужиномъ, послѣ доклада очень умный, хорошо говорящій по-русски и неоднократно бывавшій въ Россіи, полковникъ объяснилъ мнѣ, что лекціонная комиссія обратилась именно ко мнѣ, думая, что иностранцу легче быть безпристрастнымъ въ спорахъ о Ремаркѣ и другихъ авторахъ, чѣмъ нѣмцу. Въ этихъ словахъ я быть можетъ глубже, чѣмъ во многомъ другомъ почувствовалъ, до чего измѣнилась Германія. Признаюсь, что я провелъ въ офицерскомъ Собраніи весьма уютный вечеръ. Меня поразили: скромность подчеркнуто-трезваго ужина, вѣжливость въ обращеніи съ вѣстывыми, серьезность грустныхъ лицъ и искреннее стремленіе пореволюціоннаго офицерства къ государственной сверхпартійности.

Рѣшившись читать докладъ, я позвонилъ въ книжный магазинъ и попросилъ прислать мнѣ наиболѣе замѣтныя новинки о войнѣ. Къ вечеру у меня на письменномъ столѣ оказалось 28 томовъ. Сначала я было впалъ въ отчаяніе, но черезъ нѣсколько дней работы уже почувствовалъ, что темъ и точекъ зрѣнія гораздо меньше, чѣмъ переплывающихъ другъ друга книгъ.

Главная разница между книгами, сразу же бросающаяся въ глаза, заключается въ томъ, что однѣ говорятъ исключительно о войнѣ, непосредственно о войнѣ: объ окопахъ, битвахъ, раненіяхъ, увѣчьяхъ, смертяхъ. Другія же обо всемъ: о Богѣ, о совѣсти, о природѣ, о любви, о родинѣ, о врагахъ, но, конечно, то же и о войнѣ, какъ о главномъ содержаніи и внезапномъ обостреніи всѣхъ жизненныхъ вопросовъ. Чѣмъ исключительно авторы заняты войной, тѣмъ ихъ книги — какъ общее правило — хуже и тенденціознѣе. Чѣмъ больше они заняты жизнью, всею жизнью, въ ея военномъ преломленіи, тѣмъ ихъ книги правдивѣе и духовно свободнѣе. И это вполнѣ понятно. «Всякое постиженіе въ послѣднемъ счетѣ всегда отождествленіе. Война есть безуміе, смерть и разрушеніе; потому она можетъ быть дѣйствительно постигнута лишь окончательными разрушенными душевно и тѣлесно-сумасшедшими и мертвецами. Все же, что о ней силятся сказать оставшіеся въ живыхъ и въ здоровомъ разумѣ, недостаточность, граничащая съ ложью» *).

О самой войнѣ, о войнѣ на войнѣ, быть можетъ можно правдиво молчать; правдивыя же слова возможны только о томъ, что не есть сама война. Правдивыя слова возможны лишь о жизни на войнѣ, о переживаніяхъ вкругъ и около войны. Всѣ наиболѣе чуткіе художники это всегда чувствовали. Но послѣвоенная аудиторія была заинтересована не столько художественно-правдивыми изображеніемъ неизобразимаго лица войны, сколько социально политическимъ закліятіемъ ея образа, уничтоженіемъ ея возможности въ будущемъ. Этимъ объясняется тотъ безспорный фактъ, что быть можетъ лучшія, глубокія, но тихія, незамѣтныя книги съ фронта были затерты болѣе шумными, эффектными, но гораздо менѣе правдивыми книгами о войнѣ. Такъ, почти никто не обратилъ вниманія на стихи безвременно погибшаго поэта Trakl'я; на глубокія страницы дневниковъ - самоанализовъ очень талантливаго художника Franz Marc'а. Не получили должнаго признанія зоркія, вдумчивыя, эстетически строгія и зрѣлыя, но какъ-бы стыдящіяся слишкомъ большого приближенія къ ужасу войны книги двухъ извѣстныхъ лириковъ - Binding: «Aus dem Kriege» и Carossa: «Das

*) Ф. А. Степунъ. Изъ писемъ прапорщика-артиллериста. Книг. «Пламя» Прага.

rumänische Tagebuch». Даже печатавшіяся въ распространеннѣйшей «Frankfurter Zeitung» отдѣльными фельетонами воспоминанія Mayer-Gräfe прошли сравнительно незамѣтно. Въ широкой публикѣ о нихъ не говорили. И даже собранныя проф. Witkop'омъ письма павшихъ студентовъ, среди которыхъ встрѣчаются мысли, чувства и образы исключительной глубины и подлинности, не вызвали и сотой доли тѣхъ словесныхъ битвъ, которыя мѣсяцами не прекращались вокругъ имени Remark'a. Въ виду такого положенія вещей тема военной литературы раскалывается какъ-бы на двѣ темы. На тему художественнаго изображенія войны въ литературѣ и на отношеніе нѣмецкаго общества къ войнѣ.

Справиться въ одинъ часъ съ двумя темами было невозможно. Читая въ офицерскомъ Собраніи, я рѣшилъ остановиться на второй темѣ, а тѣмъ самымъ и па тѣхъ книгахъ, что пытаются высказать самую сущность войны, т. е. не на книгахъ съ фронта, а исключительно только на книгахъ о войнѣ.

**

Я уже сказалъ, что изображенія войны отчасти перепѣваютъ другъ друга. Это не относится, конечно, къ такимъ беллетристическимъ произведеніямъ (о которыхъ я рѣшилъ не говорить), какъ «Soldat Suhren» Georg van der Vring'a или «Streit um den Sergeanten Grisca» Arnold Zweig'a, но ко всѣмъ болѣе или менѣе документальнымъ или документально-образнымъ описаніямъ войны. Не имѣя возможности прочесть безконечное количество относящихся сюда книгъ и не имѣя возможности подробно распространяться даже и обо всѣхъ прочитанныхъ, я рѣшилъ остановиться на четырехъ, получившихъ широкое распространеніе и сыгравшихъ въ организациі общественнаго мнѣнія по вопросу о войнѣ роль нѣкихъ кристаллизационныхъ центровъ. Такъ какъ читательская аудитория явно распадается на активистовъ и пацифистовъ, то я и избралъ для своего анализа двѣ активистскія и двѣ пацифистскія книги:

Franz Seldte: M. G. K.	{ активисты;
Ernst Junger: In Stahlgewittern	
Remark: Im Westen Nichts Neues	{ пацифисты.
Renn: Krieg	

**

М. Г. К. (пулеметная команда), представляет собою большой интерес уже по одному тому, что ея авторъ является признаннымъ и любимымъ вождемъ «Стальной Каски», фашистской организаціи, ведущей энергичную борьбу не только съ союзомъ красныхъ фронтовиковъ, но и вообще со всей лѣво-демократической Германіей. Среди бывшихъ офицеровъ организація «Стальной Каски» безусловно пользуется большими симпатіями. На улицахъ военнаго квартала стараго Дрездена часто встрѣчаются высокія худыя фигуры съ изможденными лицами въ потертыхъ, очевидно перешитыхъ изъ шинелей, пальто съ изображеніемъ стальныхъ шлемовъ на лѣвомъ борту. Во время своего доклада я внимательно наблюдалъ аудиторію. Моя рѣзко отрицательная характеристика книги Зельдте была выслушана не только безъ малѣйшаго протеста, но даже, какъ мнѣ показалось, и съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Объясняется это, какъ мнѣ думается, отнюдь не политической лѣвизною состоящаго на дѣйствительной службѣ нѣмецкаго офицерства, а той его суровой дѣловитостью, которой должна быть не переносима буржуазно-сентиментальная романтика автора «Пулеметной команды». Чего стоитъ одно только предисловіе! Типичная цвѣтная обложка самаго распространеннаго въ свое время общедоступнаго семейнаго журнала «Gartenlaube»: отецъ разбирается въ пожелтѣвшихъ отъ времени восннхъ донесеніяхъ, по которымъ весело бѣгають зайчики, а внизу подъ окномъ играетъ его сынъ, опора, сила и слава будущей, — снова свободной и снова могучей — Германіи. Съ первыхъ главъ книги, описывающихъ торговый домъ «Hellmuth Stahl» (читай Stahlhelm), поднимаются съ дѣтства знакомые каждому нѣмецкому юношѣ ароматы старинно-доброкачественнаго романа Gustav Freytag'a «Soll und Haben» (Приходъ и расходъ). Ароматы свѣже-смолоатаго кофе, корицы и всякихъ иныхъ эссенціальныхъ продуктовъ (очевидно протестъ противъ отобранія колоній). На волнахъ этихъ ароматовъ выплываетъ фигура стараго служаки (честной шкуры), на котораго Hellmuth Stahl возлагаетъ задачу блюсти честь старейшей фирмы и юныхъ женщинъ. Черезъ нѣсколько страницъ къ этой темѣ экспортно-импортныхъ ароматовъ и древне-германской честности и чести присоединяется еще

болѣ поэтическая тема стараго Гейдельберга (популярная, многошедшая даже и на русской сценѣ септиментальная комедія, центральнымъ эпизодомъ которой является романъ принца и кельнерши). **Hellmuth Stahl** встрѣчаетъ на фронтѣ любимаго секунданта студенческихъ дуэлей, человѣка громадной «старогерманской жажды» (**Altgermanendurst**). Его орлиный носъ по-старому упрямо прорѣзываетъ воздухъ и по звучнымъ командамъ благородно раскатывается гарцевское *pp... pp*.

Эти свѣтлые образы отошедшей Германіи, милые сердцу Зельдте, свѣтлыми зайчиками такъ и мечутся по страницамъ его исключительно легкомысленной и исключительно бездарной книги. Но болѣ всего мечется по страницамъ «Пулеметной команды» онъ самъ, **Hellmuth Stahl** въ своемъ **Stahlhelm**'ѣ. Конечно, мечется онъ картинно и благородно, т. е. верхомъ на кровной кобылѣ (такъ невольно представляется читателю), носящей демоническое имя Сатанеллы. Какъ чуть что онъ «вздергиваетъ ей голову» (что, къ слову сказать, отнюдь не требуется никакимъ кавалерійскимъ уставомъ), и она съ мѣста пускается вдалѣ «мощнымъ прыжкомъ, разсыпая окрестъ искры». (Невольно представляется средневѣковый замокъ, висячій мостъ и рыцарь съ копьемъ на-перевѣсь). Нечего говорить, что **Stahl** прекрасно стрѣляетъ — четверо не успеваютъ заряжать. Нечего говорить и о томъ, что вокругъ него всѣ герои. Впервые раненый товарищъ въ минуту раненія такъ прямо и говоритъ **Stahl**'ю: «По какому праву ты въ бою меня толкаешь въ задницу?» Самое же типичное можетъ быть то, что, когда послѣ труднаго дня на фронтѣ появляются полевые кухни, то **Stahl** отказывается отъ ѣды. Очевидно, его древнегерманская жажда жаждетъ всего только бутылки французскаго шампанскаго.

Таково настроеніе книги. Въ его оправданіе можно привести только одно соображеніе: послѣдняя запись книги помѣчена декабремъ 1914-го года. Ни проблемъ, ни образовъ въ книгѣ Зельдте искать не приходится. Изобразительныя способности автора весьма скромны. Языкъ ученической.

И все же «Пулеметная команда» явленіе психологически и социологически весьма характерное и существенно. Только относительно все еще большой распространенію Зельдтевскихъ настроеній въ пореволюціонной Германіи и, что гораздо важнѣе, — только почти безгранич-

ной властью этихъ настроеній надъ душою до-революционной Германіи объясняется исключительный успѣхъ книги Ремарка. Смысль этого успѣха тяжелое, подчасъ быть можетъ, даже стыдное отрезвленіе германскаго народа отъ шовинистическаго хмеля Вильгельмовской эры. Успѣхъ Ремарка и популярность фигуры Штреземана, столь возросшая за его болѣзнь, явленіе одного порядка. Ничто не доказываетъ правильности Штреземановской политики примиренія (*Verständigungspolitik*) съ такой опредѣленностью, какъ тотъ фактъ, что одно время нѣмцы во всѣхъ трамваяхъ, во всѣхъ иоѣздахъ читали «На западѣ безъ перемѣнъ». Въ сущности издатель, выпустившій Ремарка организовалъ плебесцитъ по вопросу о войнѣ, не стоившій государству ни одной копѣйки.

Главная причина успѣха Ремарка кроется, на мой взглядъ, въ томъ, что его пацифизмъ лишенъ всякой революціонно-соціалистической окраски. Только благодаря этой своей аполитичности и психологической буржуазности Ремаркъ былъ допущенъ къ свободному обращенію въ обывательски-буржуазныхъ и даже офицерски-чиновничьихъ кругахъ. Громадную популярность Ремарка создали въ Германіи отцы и матери, братья и сестры павшихъ на полѣ брани юношей, безрадостно старѣющія вдовы, одиноко подрастающія сироты, увѣчные воины, разрушенныя войною положенія и состоянія. Десять лѣтъ эти люди молчали, работали, стиснувъ зубы и не допускали въ себѣ мысли о томъ, что они были неправы въ своей любви къ родинѣ, были неправы, отсылая своихъ сыновей добровольцами на фронтъ, что они зря отдали государству свои золотые часы и цѣпочки. Десять лѣтъ никто изъ нихъ не отзывался на пацифистскія проповѣди соціально-демократовъ. Пацифизмъ оставался нравственно подзапретомъ.

Но годы шли. И въ широкихъ слояхъ нѣмецкаго народа, въ душахъ милліоновъ и милліоновъ съ дѣтства патристически взнузданныхъ обывателей стали все прочнѣе и прочнѣе утверждаться великія будни простыхъ и естественныхъ чувствъ: зачѣмъ и за что загубили мы нашихъ дѣтей? какой смыслъ въ нашемъ вдовствѣ и нашемъ сиротствѣ? какой смыслъ въ нашей убогой бѣдности и въ нашей великолѣпной враждѣ? Къ этимъ чувствамъ присоединилось нѣчто другое: ощущеніе того, что иришедшіе къ власти соціально-демократы совсѣмъ не похожи на

тѣхъ громилъ и грабилъ, о которыхъ говорили монархическіе идеологи войны. Для широкихъ средне- и мелкобуржуазныхъ слоевъ это выяснилось уже во время президентства Эберта. Окончательно же закрѣпилъ это ощущеніе въ душѣ германскихъ массъ Гинденбургъ, мало въ чемъ отклонившійся отъ политической линіи своего «краснаго» предшественника. Я увѣренъ, что уже не разъ слышанная мною въ Германіи мысль будетъ когда-нибудь осуществлена, что въ свое время гдѣ-нибудь будетъ воздвигнутъ памятникъ, на которомъ рядомъ, держа другъ друга за руки (какъ Гете и Шиллеръ въ Веймарѣ) будутъ красоваться баденскій сѣдельщикъ Эбертъ и генералъ-фельдмаршалъ пруссакъ фонъ-Гинденбургъ. Вотъ, какъ мнѣ кажется, тѣ новыя германскія настроенія, которыми объясняется успѣхъ Ремарка. Это не былъ успѣхъ пацифистской и въ особенности социалистической проповѣди. Это былъ, если такъ можно выразиться, успѣхъ плача. Ремаркъ сыгралъ роль протагониста, нѣкоего всенародно скорбнаго хора. Читая Ремарка, политически еще аморфная (ненавидящая, напр., Барбюса) новая Германія хоронила свое прошлое, отпѣвала своихъ покойниковъ, зарекалась отъ повторенія войнъ, отмежевывалась отъ опозорившихъ себя (бѣгствомъ Вильгельма) Гогенцоллерновъ, лѣтѣла психологически, но бессознательно, конечно, и политически.

Въ общемъ и цѣломъ небывалый въ буквальномъ смыслѣ этого слова успѣхъ Ремарка былъ явленіемъ отраднымъ и здоровымъ, несмотря на то, что въ немъ громадную роль сыграла прекрасно поставленная реклама предпринимателей (Издатель, частники, газеты) и весьма расстрепанные нервы читателей.

Поголовнымъ успѣхъ Ремарка однако все же не былъ. Не приняли его, какъ мнѣ кажется, три весьма различныхъ категоріи читателей, а отчасти, конечно, и писателей.

Не приняли его, во-первыхъ, по соображеніямъ политическимъ всѣ опредѣленные враги по-революціонной республикански-демократической Германіи, т. е. коммунисты и весь спектръ тайныхъ и явныхъ фашистовъ. Ихъ отрицательное отношеніе къ Ремарку ясно и не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Но не приняли Ремарка и люди совсѣмъ другого склада. Съ одной стороны, люди болѣе утонченнаго художественнаго слуха (въ особенности тѣ

изъ нихъ, что сами пережили войну), съ другой — многія подлинно религиозныя натуры.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что Ремаркъ писатель талантливый. Скажу даже больше: въ его книгѣ попадаются страницы по истинѣ изумительныя, на которыхъ онъ внезапно и чудесно превышаетъ уровень отпущенной ему даровитости. Но эти страницы не спасаютъ всей книги. На ряду съ ними въ ней очень много художественно-ложнаго, а отчасти даже и пошлаго. Совершенно невозможны, напр., четко и забавно написанныя фигуры фельдфебеля Химельштосса и класнаго наставника Канторека. Обѣ фигуры явно комедiйны. Цѣлое поколѣнiе провинциальныхъ нѣмецкихъ комиковъ стяжало себѣ исключительную славу и прочныя симпатiи публики изображенiемъ подобныхъ типовъ. Будь они поставлены блѣдными силуэтами въ самомъ дальнемъ углу книги, это было бы еще туда-сюда. Но они выдвинуты авторомъ на первый планъ и даны въ качествѣ незабвенныхъ, никакими ужасами войны не погашаемыхъ въ сознании молодежи представителей старой Германiи. Сцены издѣвательства надъ прибывшимъ на фронтъ Химельштоссомъ и призваннымъ на дѣйствительную службу Канторекомъ со стороны людей, прошедшихъ черезъ всѣ ужасы, но и все величiе войны, психологически мало вѣроятны. Попытка же повѣрить имъ невольно низводитъ героевъ Ремарка на очень низкiй уровень. Невольно закрадывается въ душу подозрѣнiе, — ощутили ли они въ дѣйствительности послѣднюю, потустороннюю реальность войны; былъ-ли самъ Ремаркъ дѣйствительно крещенъ ея страшнымъ духомъ и ея темной кровью.

Къ тѣмъ же сомнѣнiямъ приводитъ и многое другое въ книгѣ Ремарка.

Есть въ войнѣ безумiе гораздо болѣе страшное, чѣмъ всѣ описываемые Ремаркомъ ужасы войны. Самыя жестокiя описанiя этихъ ужасовъ—боевъ, увѣчий и смертей такъ же не въ силахъ передать его, какъ описанiе мучительнѣйшей операцiи—стоящаго за ней страха смерти. Извѣстно, что непереносимость этого страха нерѣдко толкаетъ людей на ужасныя безнадежныя, оперативныя муки, лишь бы муками лѣченiя отвлечься отъ чувства своей окончательной обреченности. Въ книгѣ Ремарка не чувствуется внутренняго пониманiя этихъ таинственныхъ связей между не сказуемымъ ужасомъ и описанiемъ ужасовъ. Ре-

маркъ даетъ временами на протяженіи нѣсколькихъ страницъ такое скопленіе непредставляемыхъ страданій, которое невольно ощущается нѣкою неправдою. Не то чтобы онъ рассказывалъ то, чего не было или не могло бы быть. Отнюдь нѣтъ. Но онъ рассказываетъ такъ густо, такъ обильно, минутами кажется, такъ охотно, что своими рассказами о неразказуемомъ невольно умаляетъ его. Я сказалъ-бы, что Ремаркъ рассказываетъ о войнѣ такъ, какъ о мученіяхъ больного часто рассказываютъ самые близкіе ему и искренно потрясенные люди, но какъ самъ больной, прикованный угашающимъ взоромъ къ разгарающемуся передъ нимъ взору смерти, никогда рассказывать не сталъ бы, не смогъ бы. Я не знаю, былъ ли Ремаркъ въ самомъ пеклѣ войны (охотно вѣрю, что былъ), но я понимаю чувство тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что онъ въ нсмъ не былъ. Если бы онъ дѣйствительно пережилъ все то, о чемъ рассказалъ въ своей книгѣ, доказывали мнѣ мои слушатели, онъ долженъ былъ бы изобразить на ряду съ ужасами войны и тѣ силы, которыя давали намъ возможность внутренней побѣды надъ ними. Этого Ремаркъ дѣйствительно не показалъ. Всѣ ужасы войны показаны имъ не осиленными, не осиленными личнымъ подвигомъ. Говоря иначе, они показаны не изнутри какъ грѣхъ и подвигъ, а извнѣ, какъ смрадъ и смерчъ.

Мнѣ представляется весьма интереснымъ, что къ голосу такого возможнаго обвиненія можно безъ всякой натяжки присоединить и голосъ самаго Ремарка, вѣрнѣе голосъ его главнаго героя, отъ имени котораго онъ ведетъ свой рассказъ, голосъ Павла Беймера. Вернувшись въ отпускъ юный Беймеръ не въ силахъ рассказывать о войнѣ; его злятъ и раздражаютъ праздные вопросы отца и знакомыхъ. Онъ понимаетъ, что отцу, не бывшему на войнѣ рассказывать о ней нельзя, невозможно. Онъ даже и радъ бы сдѣлать отцу одолженіе, рассказать все, какъ было, но онъ самъ боится своихъ рассказовъ: «что стало бы съ нами, если бы мы ясно поняли то, чѣмъ мы живемъ на фронтѣ». Дѣло кончается тѣмъ, что Беймеръ рассказываетъ отцу только смѣшныя и веселыя исторіи. Когда же отецъ спрашиваетъ его, былъ ли онъ въ рукопашной, онъ встаетъ и уходитъ посидѣть подъ каштаны знакомаго рестораника. Только съ матерью ему легко. Она не спрашиваетъ, она молчитъ.

Думаю, что потрясающія батальныя картины Ремарка

съ летающими гробами и львинымъ рыкомъ раненыхъ лошадей врядъ ли пришлось бы по вкусу Павлу Беймеру. Читая ихъ, онъ вѣроятно испытывалъ бы то-же чувство боли и досады, что мучило его при разспросахъ нескромнаго и немудраго отца. Это измѣна Ремарка Беймеру есть основной недостатокъ книги Ремарка. Объясняется онъ, конечно, тѣмъ, что она задумана и осуществлена на одиннадцатомъ году послѣ окончанія войны, и что Ремаркъ обращается къ людямъ, не бывшимъ на войнѣ, которымъ онъ хочетъ передать весь ея ужасъ, что такъ же невозможно, какъ рассказать камнямъ о перебояхъ сердца. Конечно, люди не камни. Ужасы Ремарковскихъ описаній ихъ потрясаютъ, но совершенно инымъ потрясеніемъ, нежели то, которое люди испытывали на войнѣ. У Ремарка даны лишь непереносимые ужасы, но вѣдь война давала и силы ихъ перенести. Въ батальныхъ картинахъ Ремарка нарисованъ только земной адъ. Война же раскрывала надъ этимъ адомъ и нѣкую метафизическую твердь. Война, настоящая, непереносимая и все же столькими людьми перенесенная, война была почти въ каждомъ своемъ мгновении одновременно похожа какъ на жуткія, отвратительныя, стыдныя предсмертныя муки, такъ и на великое, нездѣшнее затишье мертваго чсла. Этого нездѣшняго затишья въ книгѣ Ремарка нѣтъ или почти совѣмъ нѣтъ. Необъективность даннаго имъ образа войны (образа войны, отнюдь не переживаній его юныхъ героевъ) заключается въ отсутствіи въ его книгѣ религіознаго взгляда на войну. Война величайшая трагедія, не только массовое несчастье. Трагедія же, какъ правильно писалъ въ свое время Георгъ Лукачъ (впослѣдствіи вождь венгерскихъ коммунистовъ), не всякое несчастье, но лишь то, что свершается подъ Божьимъ взоромъ. Вотъ тѣ, на мой личный взглядъ по крайней мѣрѣ, безспорно правильныя и глубокія мысли и чувства, которыя отгалкиваютъ отъ книги Ремарка многія религіозныя натуры.

Интересно, что къ голосу религіозныхъ противниковъ Ремарка можно, какъ мнѣ кажется, опять таки присоединить его собственный голосъ. Въ небольшой статьѣ, опубликованной въ «Deutsches Volkshlatt» 9-IV 1929 года, Ремаркъ пишетъ: «Можетъ быть, я впослѣдствіи напишу (о войнѣ) какъ католикъ. Въ моей книгѣ этому не было мѣста... Человѣкъ, познавшій правду религіи, будетъ всегда къ ней возвращаться... Несмотря на тягчайшія пере-

живанія... Можетъ быть, какъ разъ ради этихъ тягчайшихъ переживаній». Но, если такъ, то не правы ли тѣ, что видятъ недостатокъ книги Ремарка, — о, конечно, не въ томъ, что въ ней не дано религіознаго оправданія войны (такое оправданіе невозможно, почему о немъ всегда и пекутся не религіозно, а націоналистически настроенные люди), а въ томъ, что война не показана на фонѣ религіознаго сознанія. Думаю, что «На западѣ безъ перемѣнъ» очень выиграло бы, если бы та католическая книга, которую Ремаркъ собирается написать, была бы имъ влита въ уже написанную имъ книгу. Въ военныхъ переживаніяхъ автора не написанная книга потенциально, вѣроятно, все же присутствовала. Быть можетъ, силами не написанной католической книги о войнѣ и написана Ремаркомъ его атеистическая книга.

Въ своемъ краткомъ предисловіи Ремаркъ пишетъ: «Я хочу попытаться разсказать о поколѣніи, которое, да же и спасшись отъ гранатъ, было все же разрушено войной». Очевидно, не все было разрушено. Въ самомъ Ремаркѣ нашлись силы, которымъ онъ обязанъ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ, своимъ творчествомъ. Объ этихъ силахъ книга его молчитъ, и этимъ молчаніемъ снижаетъ свою духовную и художественную цѣнность; но имъ же — въ этомъ врядъ-ли допустимо сомнѣніе — превышаетъ и свое социальное педагогическое значеніе. Не всегда и не всякая правда полезна. Не всегда и не всякая правда права. Это трагическое обстоятельство вещей живо и скорбно чувствуется за чтеніемъ военныхъ книгъ Юнгера.

**

Юнгерь совсѣмъ не Зельдте. Въ его дневникахъ нѣту и тѣни нарядной военной фразы. Его записки жестоки и правдивы. Подъ его описаніями войны могъ бы подписаться не только Ремаркъ, но и Барбюсъ. Потрясающія страницы его книгъ перепечатаны лѣвымъ социалистомъ Бехеромъ въ направленной противъ войны народной хрестоматіи.

Отличительная черта Юнгера — острое чувство связи послѣдней войны съ машинно-техническимъ духомъ и стилемъ новѣйшей европейской культуры. Война у него не гарцуетъ, какъ у Зельдте на чистокровномъ конѣ. Она у него работаетъ: усовершенствованнѣйшимъ тракторомъ

распахиваетъ просторы смерти. Къ самымъ жуткимъ страницамъ, написаннымъ о войнѣ, принадлежитъ Юнгеровское описаніе тѣхъ мѣстностей во Франціи, на которыхъ битвы машинъ рѣшали судьбы народовъ.

Ни дома, ни луга, ни пашни, ни лѣса. Каждая пядь земли поднята и перевернута; не разъ, а много разъ. Море сѣраго праха, изрытаго воронками. Надъ нимъ удушье разлагающихся труповъ. Безумная фантастика совершенно невозможнаго въ природѣ ландшафта, созданнаго не фантазіей человѣка, а методическимъ машиннымъ трудомъ. На этомъ новомъ подлинно адскомъ полѣ брани лишенномъ всякаго разнообразія и всюду всегда одинаковымъ, — на Соммѣ и подъ Верденомъ --- появляется новый человѣкъ — воинъ. «Духъ и темпъ войны мѣняются. Только послѣ битвы на Соммѣ всликая война обрѣтаетъ свое особое лицо, не похожее на лица всѣхъ предыдущихъ войнъ. «На головѣ нѣмецкаго появляется стальной шлемъ; въ его чертахъ то выраженіе предѣльно взвинченной энергіи, опустошенности и напряженности, которыя будущими поколѣніями ощутятся тою же великою тайною, которою для насъ исполнены нѣкоторыя античныя и возрожденскія головы».

Этотъ взоръ будущихъ поколѣній на Германію 1914-18 г. г. вообще играетъ въ міроощущеніи Юнгера рѣшающую роль. Въ предисловіи ко второму изданію (сейчасъ вышло уже десятое, отъ 34-ой до 39-ой тысячи) Юнгеръ варьируетъ только что процитированную мною мысль и пишетъ: «Сейчасъ наши нервы еще потрясены ужаснымъ внѣшнимъ обликомъ войны, но будущія поколѣнія въ ней почувствуютъ, можетъ быть, то, что мы ощущаемъ передъ распятіями нѣкоторыхъ старыхъ мастеровъ: великую мысль, свѣтящуюся надъ ночью и кровью».

Тотъ фактъ, что въ качествѣ указаній на духовную глупину войны у Юнгера встрѣчаются и головы языческихъ героевъ, и распятія старинныхъ мастеровъ, доказываетъ, что его обще-метафизическое ощущеніе войны лишь по слѣпой привычкѣ и приблизительной памяти связуется имъ съ темой христіанства. Въ сущности его вѣра не христіанство, а нѣкій религіозный патріотизмъ. Онъ съ особомъ цитируетъ положеніе Гераклита: «Война начало всѣхъ вещей»; безъ всякаго чувства ответственности за жизнь, въ которой участвуетъ и которую самъ творить, пророчествуетъ о томъ, что мы только еще вступаемъ въ

эпоху небывалыхъ жестокостей, и, забывъ о крестѣ, восторженно призываемъ къ мечу, который правдивѣе и миролюбивѣе... трусости. Его послѣднія слова — родина и жертвоприношеніе (Opfertod).

Въ этихъ мысляхъ Юнгера таится темный соблазнъ. Корень въ трагическомъ непониманіи того, что для осуществленія религіознаго подвига, именуемаго жертвоприношеніемъ, мало приносимаго въ жертву существа и алтаря; что необходима еще и живая вѣра въ Бога. Родина можетъ быть алтаремъ, на которомъ мы приносимъ себя въ жертву Богу. Но она не можетъ быть Богомъ. Утвержденіе родины въ достоинствѣ Бога равносильно отрицанію Его, а тѣмъ самымъ превращенію алтаря не только въ простой столъ, но, что гораздо хуже, въ ту плаху, которую обыкновенно кончаютъ исповѣдники религіи патриотизма. Возможность такого превращенія, такого національ-соціалистическаго коммунизма на изнанку явно чувствуется въ книгѣ Юнгера. Надъ ея глубокими и честными страницами (иначе все, о чемъ я говорю, было бы несущественно) витаетъ тѣнь его распространеннаго въ нѣкоторыхъ національ-протестантскихъ кругахъ убѣжденія, что христіанство могло бы стать въ Германіи живою творческою силою, если бы Христосъ воплотился не въ еврея Иисуса, а въ чистаго арійца. Этотъ соблазнъ голубоглазаго Христа чреватъ такими страшными религіозными и политическими послѣдствіями, что, читая Юнгера, пережившаго войну безусловно глубже и духовнѣе Ремарка, невольно ловишь себя на ощущеніи: лучше ужъ безъ утвержденія религіознаго смысла войны. Слишкомъ опасная тема, слишкомъ опасное чувство. И въ самомъ дѣлѣ. Возможно ли въ наше время, которое свои религіозно-философскіе фоліанты пишетъ подчасъ весьма жидкими чернилами, свои же міровые экспортъ-импортные счета сводитъ густою, красною кровью, безнаказанно и во всеуслышаніе говорить не только о религіозномъ, но даже и просто духовномъ смыслѣ войны?

**

Приступая послѣ прочтенія разобранныхъ книгъ къ «Войнѣ» Ренна (послѣ Ремарка самая извѣстная и распространенная книга въ Германіи), съ первыхъ же страницъ поражаешься ея совершенно исключительной объ-

ективностью. Нѣтъ сомнѣнія, что «Война» даетъ самое точное и самое правильное описаніе войны, какую она въ дѣйствительности была. Реннъ заноситъ на страницы своей книги только то, что онъ видѣлъ своими глазами изъ своего окопа. Онъ не привноситъ никакихъ точекъ зрѣнія. Ничего не объясняетъ, ничего не истолковываетъ. Описывая ужасы войны, онъ не пытается ни испугать, ни отвратить. Книга захватываетъ, но чувства, которыми полны ея страницы, лишены всякой Ремарковской чувствительности и жалостливости къ себѣ самому и своимъ друзьямъ. Зарисованные Ренномъ люди самые обыкновенные люди, и все же понятно, какъ ими свершается такое нечеловѣческое и необыкновенное дѣло, какъ война. Какими-то незамѣтными штрихами и простыми словами Реннъ умѣло показываетъ возможность жизни на войнѣ. Ни подвига, ни геройства, а самый простой, хотя и очень страшной жизни. Кто-то изъ персонажей Ренна говоритъ: «Какая бессмыслица думать, что въ жизни возможны вещи, лишеныя всякаго смысла». Не думаю, чтобы было правильно утверждать, что эта мысль главная идея Ренна. Идей у него нѣтъ. Но подоплека, подсознательная основа этой идеи въ его книгѣ присутствуетъ, быть можетъ, составляетъ ея незамѣтную, но живую и правдивую глубину. Люди Ренна на войнѣ не только задышались, но и дышатъ, подчасъ даже и чистымъ воздухомъ. Откуда этотъ чистый воздухъ въ смрадѣ войны, непонятно, но понятно, что безъ него и воевать было бы невозможно. Черезъ всю книгу Ренна еле-замѣтнымъ лейтъ-мотивомъ проходитъ фраза: «Мнѣ вдругъ стало легко на душѣ». Откуда эта легкость Реннъ не объясняетъ, но и безъ объясненія причинъ ясно: потому, что отчаянію и мраку есть предѣлъ. Если бы его не было, то всѣ лишили бы себя жизни. Но вотъ не лишаютъ, а дышатъ какимъ-то воздухомъ, воюютъ и даже чувствуютъ себя время отъ времени свободными и веселыми.

Очень правдивая, хотя никакихъ ужасовъ не скрывающая книга, написанная хоронимъ, точнымъ и скупымъ языкомъ; короткой, увѣренной фразой. На этой характеристикѣ я кончилъ свой докладъ о нѣмецкой военной литературѣ.

**

Послѣ ужина во время шумнаго разговора среди группы старшихъ офицеровъ ко мнѣ подсѣлъ еще молодой капитанъ и сообщилъ, что онъ хорошо зналъ Ренна, съ которымъ служилъ въ одномъ полку. Оказалось, что Реннъ псевдонимъ; что авторъ знаменитой «Войны» сынъ дрезденскаго профессора и кадровый офицеръ. Мой собесѣдникъ охарактеризовалъ его какъ человѣка мягкаго, нѣжнаго и женственнаго, скорѣе поэта, чѣмъ офицера, и сообщилъ, къ моему удивленію, что по окончаніи войны Реннъ примкнулъ къ коммунистамъ и занимается обученіемъ красныхъ фронтовиковъ военному искусству. На мой вопросъ, чѣмъ объяснить такую перемѣну взглядовъ, капитанъ горячо отвѣтилъ: «Да вотъ тѣмъ, что у Ренна дѣйствительно всегда были одни глаза, и никогда не было никакихъ точекъ зрѣнія. На войнѣ точки зрѣнія на войну, правда, не нужны, но въ мирное время онѣ необходимы, иначе зачѣмъ же быть офицеромъ?».

— А у васъ она есть?

— Въ томъ то и дѣло, что, пожалуй, и нѣтъ. И не только у меня, но и у той Германіи, которой мы служимъ. Если, конечно, не считать за нашу точку зрѣнія то, что лучше всего было бы, если бы міръ вообще не нуждался ни въ арміи, ни въ офицерахъ.

Былъ поздній часъ. Мы начали прощаться.

Федоръ Степунъ.

Герои нашего времени

I.

«Нѣтъ, общество наше заслужило казнь себѣ. Я — одиночка, и мнѣ ни до кого — дѣла нѣтъ. Я сумасшедшій и фантазеръ: но я своимъ сумасшедшимъ смѣхомъ посмѣялся бы, если бы на Россію пошелъ вторично Аракчеевъ и показалъ предательскому и подлому нашему обществу «Кузькину матку»... Я хорошо знаю, что Аракчеевъ — варварство — казнь. Но есть времена, именно вотъ золотенькія, именно вотъ благоутробныя, когда хочется не разсуждений и не философіи, а казни».

Такъ, «на бланкѣ «Новаго Времени» изъ Эртелева переулка, б» писалъ незадолго до войны В. В. Розановъ Максиму Горькому...

И сбилось реченное сумасшедшимъ фантастомъ, циникомъ и ясновидцемъ, «хитрѣйшимъ зміемъ», какъ называлъ своего корреспондента «сновидецъ» (выраженіе Розанова) Горькій.

Наступили самыя, что ни на есть, «золотенькія» времена. Пришелъ таки Аракчеевъ. Правда, не оттуда, не съ той стороны, откуда его ждали («генераль, да только съ другой стороны», какъ явленіе своеобразной русской исторіи, отмѣченъ былъ еще, какъ извѣстно, Гоголемъ). И сумасшедшимъ смѣхомъ посмѣяться-возрадоваться довелось уже не Розанову, а Горькому. Это не мѣняетъ главнаго-предсказаннаго съ поразительной точностью: «кузькина матка» была явлена во всей ся полнотѣ, въ предѣльной наготѣ, «предательскому и подлому» русскому обществу. Взалкавшіе вмѣстѣ съ Розановымъ казни, а «не разсуждений и не философіи», получили ее въ сверхъ-комплектѣ, — вѣроятно, въ гораздо большихъ размѣрахъ и болѣе осложненныхъ формахъ, нежели рисовалось самому воспаленному воображенію.

Явившійся и принесшій съ собой и варварство, и казни Аракчеевъ былъ не сразу узнавъ. Въ первые дни —

даже мѣсяцы — своего пришествія Аракчеевъ прикинулся Пугачевымъ, вольнолюбивымъ и разнузданнымъ, охочимъ до «земельки» и «волюшки», а не до «слова и дѣла» государевыхъ, до бичей и скорпіоновъ. Только позднѣе вскрылось подлинное его существо, обнаружилось, что пугачевская личина была только маской на аракчеевской образинѣ. Начавъ съ «безграничной свободы» въ стилѣ Пугачева, Октябрь рѣшительно и безповоротно «заключилъ безграничнымъ деспотизмомъ», безконечно превзошедшимъ худшіе образцы аракчеевщины *).

Какъ индивидуальный Аракчеевъ александровскаго времени, такъ и групповой нашего — влеклись къ «безграничному деспотизму» не ради него самого, конечно, а ради той высшей цѣли, которой они и оправдывали всѣ свои вольные и невольные «эксцессы». «Что мнѣ отечество! Скажите, не въ опасности ли Государь?» — такова высшая цѣнность для Аракчеева, предѣлъ его мудрости.

Исходный пунктъ всей «философіи эпохи» нашихъ Аракчеевыхъ — міровая война. Въ сравненіи съ этимъ предѣльнымъ пунктомъ паденія буржуазно-капиталистической культуры современный Аракчеевъ почерпаетъ основаніе для своего морально-политическаго самоутвержденія и оправданія. Если 15 милліоновъ могли погибнуть въ «империалистической бойнѣ» не за какое-либо реально осуществленное благо, а за миѣ и за призракъ, — почему неоправдана гибель такого же или еще большаго числа во имя соціального идеала, ради хотя бы попытки вывести человѣчество навсегда изъ кольца вражды и крови.

Разъ люди все одно гибнутъ, пусть гибнутъ они не совсѣмъ напрасно, а съ пользой или хотя бы съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ -- не для себя, такъ для грядущихъ.

---

*) Въ «Опытѣ автобіографіи» Троцкаго (о которомъ подробнѣе ниже), — дана попытка соціологическаго объясненія двухъ ликовъ Октября -- его «тенденцій» крайней свободы (съ отрицаніемъ смертной казни, утвержденіемъ «комитетчины» въ арміи и флотѣ и т. д.) и крайняго деспотизма (съ разстрѣломъ въ спину не идущихъ въ бой, награжденіемъ орденами для созданія «дополнительныхъ стимуловъ», упраздненіемъ всякой «комитетчины», введеніемъ момента личной заинтересованности и т. д.). «Хаотическая партизанщина являлась выраженіемъ крестьянской подоплеку революціи» Борьба же противъ партизанщины была «борьбой за пролетарскую государственность противъ подмывавшей ее анархической мелко-буржуазной стихіи».

щихъ поколѣній. Отсюда, изъ этого психологическаго корня растетъ та «честь», которую и по сей день продолжаютъ воздавать «безумцу» Ленину и не менѣе его безумнымъ наслѣдникамъ виднѣйшіе и свободолобивѣйшіе культуртрегеры въ Европѣ и Америкѣ. Справедливое отталкиваніе отъ буржуазно-капиталистическаго «міра», который никакъ не можетъ найти дорогу къ «правдѣ святой», всегда располагало, располагаетъ и сейчасъ къ «золотымъ снамъ», навѣваемымъ даже «безумцами». Но нынѣшніе искатели «правды святой» во имя ея склонны закрывать глаза и на самую неприкрытую неправду, проходить беззаботно мимо самыхъ безумныхъ злодѣяній, не замѣчать кардинальной разницы между до-октябрьскими «золотыми снами» и по-октябрьскими.

До-октябрьскіе строители новаго міра жертвовали прежде всего собою во имя своихъ — или имъ навѣянныхъ — «золотыхъ сновъ». Строители же аракеевскимъ методами новаго міра проявляютъ героическую жертвенность по отношенію къ чужимъ жизнямъ, рискуютъ ими для воплощенія своихъ «сновъ». До Октября не возникало и сомнѣній въ томъ, что социализмъ, если ему суждено осуществиться, будетъ осуществленъ не во имя свое, а во имя лучшаго устройства общестія, для людей. Теперь же ни одинъ Аракеевъ отъ социализма не сомнѣвается въ обратномъ, въ томъ, что люди — для социализма, и, въ частности, подвластное совѣтской власти населеніе существуетъ въ качествѣ матеріала и средства, — чтобы не сказать «удобренія», — для возвращенія социализма. И отдѣльная личность, и все современное поколѣніе расцѣпываются современной «философіей эпохи» въ СССР, какъ величины преходящія и подчиненныя главному и высшему началу — строительству социализма.

Не Розановъ, а другой корреспондентъ Горькаго — Ленинъ писалъ ему до войны: «Война Австріи съ Россіей была бы очень полезной для революціи (во всей восточной Европѣ) штукой, но мало вѣроятно, чтобы Францъ-Иосифъ и Николаша доставили намъ сіе удовольствіе». А когда «сіе удовольствіе» все же было Ленину съ братіей доставлено, онъ — уже не въ частномъ письмѣ, только теперь опубликованномъ, — а въ «Коммунистѣ» № 1-2 публично доказываетъ, что «европейская война принесла человечеству гигантскую пользу». Немудрено, что, реализовавъ эту «пользу» въ Россіи, осуществивъ тамъ «соці-

листическую» революцію, Ленинъ соглашался, чтобы 90% русскаго народа погибли, лишь бы оставшіеся 10% дожили до міровой революціи. Троцкій же, по отношенію къ своему народу, проявилъ еще большую «щедрость» --- на всѣ, можно сказать, 100%. «Если осуществленіе коммунизма требуетъ принесенія въ жертву хотя бы всего еврейства, — это будетъ прекраснѣйшая миссія, которая только можетъ выпасть на долю народа», писалъ Троцкій въ апогеѣ своей славы покойному московскому раввину Мазэ *).

Троцкій, какъ и Ленинъ, конечно, совершенно чужды идеямъ мессіанизма или миссіонизма, — особенно національнаго. Тѣмъ замѣчательнѣе ихъ одинаковое отношеніе къ своему народу и странѣ, только какъ средству въ отношеніи къ болѣе высокой и грядущей цѣли**). Здѣсь ключъ къ внутреннему міру большевиковъ, къ ихъ психологіи и морали, — поскольку вообще сочетаемы понятія морали и большевизма.

Пусть неприемлемо и виѣжизненно противопоставленіе Достоевскаго счастья всего человѣчества — слезинкѣ одного ребенка. Если и «вѣчной гармоніи» не хочетъ Достоевскій за такую цѣну, то вѣдь потому, что у него своя метафизическая система мѣръ и вѣсовъ. Не приѣмая этой системы, какъ и всякой другой метафизики, отвергая самую постановку вопроса о финальныхъ цѣляхъ исторіи, какъ постановку виѣнаучную и антиисторическую, нѣтъ иного выхода, какъ установленіе мѣры вещей и вещамъ, установленіе количественнаго и качественнаго учета цѣлей и средствъ.

Почему любовь къ будущему и къ другимъ оправдываетъ ненависть и насиліе сейчасъ и надъ своими? Почему

*) Корреспондентъ «Соціалистич Вѣстника» № 5 с. 1 передаетъ со словъ совѣтскихъ служащихъ мнѣніе Сталина. «если осуществленіе полной соціализации деревни потребуетъ даже 20 милліоновъ крестьянъ, мы передъ этимъ не остановимся» Страшнѣе го, прибавляетъ корреспондентъ, что эту «философію усвоили мелкіе диктаторы и комиссары, отъ которыхъ зависитъ жизнь совѣтскихъ гражданъ. «Народу хватитъ». «Въ союзѣ слишкомъ много крестьянъ»

***) Любопытно, что и Марксъ проводилъ различіе между народами, «миссія которыхъ заключается въ томъ, чтобы погибнуть въ революціонной міровой бурѣ» и народами «жизнеспособными» Къ послѣднимъ онъ причисляетъ въ Австріи только вѣмцевъ, мадярь и поляковъ.

для будущих поколѣній — елисейскія поля социалистическаго блаженства, а нынѣ живущему — предустановлено быть только «навозомъ» для этихъ полей? Это «философія эпохи» — типично карамазовская, сверлившая большой мозгъ Ивана Федоровича: «я никогда не могъ понять, какъ можно любить ближнихъ... Именно ближнихъ-то, по моему, и невозможно любить, а развѣ лишь дальнихъ»...

Если финалъ исторіи или «конечныя цѣли» человечества намъ невѣдомы, — а они намъ невѣдомы! — какой смыслъ въ ускореніи темповъ и увеличеніи масштабовъ движенія къ невѣдомой конечной цѣли? Откуда увѣренность въ своемъ правѣ на насиліе надъ изживающимъ свои судьбы и не только субъективно самодовлѣющимъ, но и объективно равноцѣннымъ съ другими, современнымъ поколѣніемъ? Пусть Октябрь пробудилъ такія глухія и темныя массы, которыя безъ него и черезъ сто лѣтъ не пробудились бы. Существененъ, однако, не голый фактъ пробужденія, но и то, къ чему люди пробудились, что пробудилось въ нихъ и какой цѣнью достигнуто пробужденіе. Не «угробили» ли при этомъ больше, чѣмъ «пробудили»? Стоитъ ли «игра» сожженныхъ «свѣчъ»? Если существенно, чтобы люди духовно не спали и не дремали, не менѣе существенно, чтобы они прежде всего были, -- жили.

Пусть социализмъ не только «золотой сонъ», или великая мечта, а и задача, практически поставленная исторіей! Но «путь къ социализму, залитый кровью и мозгами умерщвленныхъ плѣнныхъ и рвотной нечистотой спаиваемыхъ социалистическими цѣловальниками», какъ описываетъ «социалистическій» бытъ одинъ изъ побывавшихъ недавно въ СССР, — обезсмысливаетъ самый социализмъ. Даже того, что принято называть историческимъ оправданіемъ, лишень такой социализмъ.

Когда наканунѣ Октября, въ разгаръ міровой войны, Ленинъ призывалъ къ дерзанію, доказывая, что это не онъ, а сама исторія ставитъ Россіи вопросъ: «погибнуть или на всѣхъ парахъ устремиться впередъ», къ социализму, «догнать передовыя страны и перегнать ихъ также экономически» — этой фантазмагоріи еще можно было повѣрить тѣмъ болѣе, что призывъ обращался къ свободному человѣку и его самодѣятельности. Но теперь, когда весь міръ уже вышелъ давно изъ войны и залѣчивается раны, и какъ разъ Россія, «поддавшаяся наговору», ближе другихъ

къ «гибели», — теперь заставлять Россію непременно «на всѣхъ парахъ» догонять и перегонять Европу, въ порядкѣ «оперативныхъ сводокъ» социалистическаго строительства по телеграфу, терпя крушеніе на всѣхъ полустанкахъ и калѣча пассажировъ, своихъ и постороннихъ?!

Въ первые два года Октября наиболѣе наивные изъ большевиковъ еще могли рассчитывать на молниеносную цѣлительность ихъ диктатуры и для Россіи, и для всего міра. Но послѣ того, какъ самъ Ленинъ въ началѣ 21 года заявилъ (испанскимъ паломникамъ въ красную Москву Ангіану и де-Лось-Ріосу), что въ Россіи «диктатура пролетаріата будетъ продолжаться приблизительно 40 лѣтъ», — ни для какихъ иллюзій на молниеносность какъ будто бы уже нѣтъ мѣста. Насильственное увлеченіе гигантской -- и отсталой — страны «на всѣхъ парахъ» впередъ, къ социализму, перестаетъ уже быть актомъ внезапнаго и скропроходящаго безумія, оно превращается въ заранее задуманный преступный планъ. Вся философія совѣтской эпохи сводится къ «философіи», извѣстной еще со временъ древнихъ варваровъ-германцевъ, о которыхъ Тацитъ говоритъ, что они считали празднымъ и трусливымъ добывать потѣмъ то, что можно добыть кровью...

Къ этому въ своемъ существѣ сводится и все творящееся за послѣдніе мѣсяцы въ Россіи, начиная съ пресловутаго пятилѣтняго плана народнаго хозяйства, «пятилѣтки» 1928-9 — 1932-3 г. г., и продолжая еще болѣе кошмарной «коллективизаціей» сельскаго хозяйства по сталинскому велѣнію и якобы по крестьянскому хотѣнію.

Здѣсь снова и необычайно остро поставленъ вопросъ о соотношеніи социально-политическихъ средствъ и цѣлей. Оправдываетъ ли благая цѣль всѣ средства или неблаговидныя средства компрометируютъ и упраздняютъ и самую возвышенную и благородную цѣль — «не зарю уже, а утро новаго дня въ исторіи человѣчества», по выраженію передовика «Извѣстій»?

**
*

Въ послѣднемъ своемъ выступленіи незадолго до открывшейся мозговой болѣзни, на XI-мъ съѣздѣ партіи 22 года, Ленинъ отчетливо формулировалъ создавшееся въ итогъ Октября положеніе. «Крестьянинъ намъ кредитъ оказываетъ и, конечно, послѣ пережитаго не можетъ не

оказывать. Крестьянинъ въ своей массѣ живетъ, соглашаясь — «ну, если вы не умѣете, мы подождемъ, можетъ быть, вы и научитесь». Но этотъ кредитъ не можетъ быть неисчерпаемымъ... Это надо знать и, получивши кредитъ, все-таки поторавливаться... Крестьянская страна спросить наличными... Вотъ какой экзаменъ на насъ надвигается неминуемо и онъ, этотъ экзаменъ, все рѣшить въ послѣднемъ счетѣ: и судьбу новой экономической политики, и судьбу коммунистической власти въ Россіи». Ленинъ выдвигалъ неизбежность альтернативы — «Либо мы докажемъ крестьянину, что коммунисты, въ моментъ тяжелаго положенія разореннаго, обнищалаго, мучительно голодающаго мелкаго крестьянина, ему помогаютъ на дѣлѣ, либо онъ насъ пошлетъ ко всѣмъ чертямъ. Это совершенно неминуемо».

Со смертью Ленина совѣтская власть стала все меньше «поторавливаться». Въ поискахъ «ленинскихъ рѣшеній безъ Ленина», она топталась на мѣстѣ, переступая съ ноги на ногу, то на лѣвую, то на правую; то неизвѣстно въ какой разъ повторяя, что НЭП «всерьезъ и надолго», то возвращая о концѣ «передышки» и новомъ устремленіи «на всѣхъ парахъ къ социализму». То «смычку» рабочаго съ крестьяниномъ объявлять, и не съ бѣднякомъ только, а и съ крестьяниномъ-среднякомъ, то въ лицѣ замѣстителя Ленина на посту предсѣдателя Совнаркома Рыкова, увидявъ громадную опасность въ томъ, что «сельское хозяйство способно возстановляться скорѣе, чѣмъ наша промышленность и, въ частности, крупная индустрія» *). То начать равняться по «средняку», а то и бѣдняка объявлять «кулакомъ», котораго надо не то «огра-

---

*) «Одинъ урожайный годъ, послѣ невиданнаго голода, — говорить Рыковъ еще на V-мъ съѣздѣ профессиональныхъ союзовъ, — стремится повернуть общее положеніе въ нашей республикѣ въ пользу крестьянъ и противъ рабочихъ. Это величайшая угроза для всего экономическаго положенія республики. Ести сельское хозяйство уже способно обогнать рабочаго на протяженіи года, то на протяженіи 2-3 такихъ лѣтъ классовое экономическое значеніе крестьянства далеко можетъ превзойти экономическое значеніе рабочаго класса. Изъ этого необходимо сдѣлать выводы и въ области нашей налоговой политики, въ области распредѣленія бюджета» и т. д. Вотъ откупъ, еще съ 1922 г., идутъ тѣ «выводы», съ которыми приходится имѣть дѣло сейчасъ.

ничить» и «вытѣснить», не то просто «ликвидировать», «лишивъ всѣхъ источниковъ существованія и развитія».

Этотъ бѣгъ на мѣстѣ или устремленіе впередъ и возвращеніе обратно многіе склонны были воспринимать за достигнутую, наконецъ, и Союзомъ ССР политическую стабилизацию. Особенную чувствительность въ этомъ отношеніи проявили нѣкоторые зарубежные круги. Въ безводной пустынь эмиграціи миражи легко воспринимались и воспринимаются — за реальности, и самые непримиримые противники большевизма внезапно ощутили увѣренность въ возможность мирнаго изживанія большевицкой диктатуры, въ постепенное и незамѣтное востаніе — или проростаніе — права въ совѣтскую жизнь. Должны же, наконецъ, и большевицкую сивку уходить кругляги горки! И ставили: кто на Сокольниковъ, -- онъ и опальный, онъ и «спецъ», и экономистъ, и знатокъ финансовъ; кто на «праваго» анти-троцкиста Сталина, кто на «лѣваго» анти-сталинца Тройкаго, взнузданнаго красную армію, способнаго, потому, организовать и красную экономику (Ср. нашу статью «Отъ Утопіи къ Утопіи» въ № 27 «С о в р е м . З а п и с о к ѣ»).

Догнать и перегнать Европу и Америку -- моноидея совѣтской власти. Въ какой только области не ставила она передъ собой такой задачи. Даже пыталась ликвидировать безграмотность, -- и вмѣсто того «стабилизуя» ее на 44%! Даже борясь съ вошью или холерой!.. Это одержимость не случайна. Она подсказана вѣрнымъ инстинктомъ. Диктатура не можетъ стоять на мѣстѣ, она должна двигаться, какъ велосипедистъ, который только въ движеніи находитъ равновѣсіе. Состояніе покоя для диктатуры — какъ и для велосипедиста равносильно паденію. Отсюда и та необычайная энергія, которую такъ неожиданно, и какъ будто вопреки своей натурѣ развила «чудесный грузинъ», — «первымъ качествомъ» коего даже ближайшее его окруженіе всегда считало лѣнь. Двигаться и «маневрировать» становится все труднѣе, ибо «пандармъ» все сокращается. Потому, и кривая политическихъ колебаній существенно мѣняется. Раньше «курсъ» длился годами, сейчасъ исчисляется мѣсяцами, даже недѣлями. И давно уже «кривая» не «вскакивала» такъ высоко, какъ сейчасъ.

Взбудоражены и приведены въ движеніе такіе социальныя пласты, что свѣдущіе въ совѣтскомъ хозяйствѣ и бытѣ иностранные обозрѣватели, -- Пауль Шеферъ въ

«Berliner Tageblatt», Максъ Гошиллеръ въ «Temps», передовикъ вѣнской «Arbeiterzeitung» и др. — въ одинъ голосъ заговорили о новой хозяйственной и социальной революціи въ Россіи. Да и среди русскихъ экономистовъ нѣкоторые говорятъ о «новой аграрной революціи» (покойный С. О. Загорскій) и о «революціи наизнанку», о «революціи противъ народа» («Соціал. Вѣстникъ» и Данъ въ гильфердинговскомъ «Kampf»).

Не будемъ спорить, возможна ли революція сверху, возможна ли революція безъ народа и даже противъ народа, возможна ли вообще социальная революція, — въ особенности безъ одновременнаго измѣненія политическаго режима. Признаемъ безспорное, главное и основное, — что проявленный нынѣ социально-политическій нажимъ на крестьянство является наиболѣе радикальнымъ за всѣ 12½ лѣтъ большевицкаго господства. Новыя мѣропріятія наиболѣе радикальны не въ отвлеченномъ только, условно «лѣвомъ» смыслѣ, они и практически чреваты необозримо громадными, можетъ быть, и въ десятилѣтіяхъ неизживаемыми послѣдствіями.

Не отъ «хорошей жизни» — а отъ «замедленныхъ темповъ» міровой революціи — пришла совѣтская власть къ «строительству социализма въ одной странѣ» *). Не отъ хорошей жизни, а изъ нужды дошла она и до «социалистическаго переустройства сельскаго хозяйства» одновременно съ «плановыми заданиями индустриализаціи». Лишь въ процессѣ «строительства» изъ продовольственной нужды стали дѣлать социалистическую добродѣтель, выдавать бѣду за высшее и сознательное «достиженіе». Обосновывая свой планъ, главный изобрѣтатель чудодѣйственной «пятилѣтки» «другъ Ленина» Кржижановскій писалъ: «Товарная продукція зерна въ 1913 г. — 20 милліоновъ тоннъ; въ 1927-28 — 8 милл. тоннъ, т. е. 40% прежней. Вотъ гдѣ основная бѣда». И это при увеличившемся — въ границахъ СССР — населеніи съ 133 милліоновъ до 149,6, т. е. на 11½ милліоновъ! (Ср. Изложеніе доклада А. Ф. Керенскаго во французской па-

*) Б. Бруцкусъ въ «Руль» 18-II 930 высказываетъ наивный взглядъ будто идея «социализма въ одной странѣ» «лансируется большевиками главнымъ образомъ для того, чтобы затуманить глаза иностранной буржуазіи».

латъ депутатовъ у радикаль-соціалистовъ въ «Дняхъ» № 75).

Эта бѣда, свалившаяся на сельское хозяйство Россіи, конечно, не безъ прямой вины тѣхъ, кто единодержавно управлялъ страной въ теченіе болѣе чѣмъ 2/3 указаннаго пятнадцатилѣтія, — осложнилась и ошибками. Ихъ было несчетное количество. Были среди нихъ и мнимыя. Мы видѣли, что считалъ ошибкой Рыковъ. Другая «ошибка» формулирована на одномъ изъ очередныхъ сѣздовъ главой совѣтскаго государства Калининымъ (въ іюль 29 года): «Крестьянство, сотни лѣтъ тосковавшее, уничтожило (въ Октябрѣ) всѣ крупныя хозяйства, захвативъ всю землю, распредѣливъ ее по кусочкамъ... Земля была захвачена, роздана маломощному крестьянству, и сразу, конечно, получилось огромное пониженіе производительности... Въ настоящее время у насъ происходитъ новый процессъ... Земля собирается по новой линіи, по соціалистической линіи».

Эти ошибки и вмѣстѣ съ тѣмъ основную «бѣду» — власть и рѣшила ликвидировать, превративъ 26 милліоновъ крестьянскихъ индивидуальныхъ хозяйствъ въ «высокотоварныя коллективныя хозяйства съ широкимъ производствомъ», уничтоживъ «кулака, какъ классъ», упразднивъ и самое крестьянство во исполненіе реченнаго Ленинымъ: «и въ городѣ, и въ деревнѣ всѣ станутъ рабочими и служащими единаго всенароднаго синдиката»...

Крестьянство, какъ могло, сопротивлялось «соціализаціи» и «ускоренію темповъ индустриализаціи» городской промышленности, — поскольку они не сводились къ «интенсификаціи труда» и «сниженію себѣстоимости продукта». Еще болѣе упорнымъ, естественно, было сопротивленіе крестьянства его собственному уничтоженію «какъ класса».

На расхожденіе пресловутыхъ «ножницъ», на гнилые и дорогіе «промтовары», на скунку хлѣба за безцѣнокъ, по лимитированнымъ цѣнамъ, вѣрная своему «мелкобуржуазному» духу деревня отвѣтила двойнымъ «воздержаніемъ»: отъ покупки городскихъ товаровъ, съ одновременнымъ переходомъ на натуральное самообслуживаніе, и отъ продажи хлѣба, съ одновременнымъ сокращеніемъ запасовъ и сокращеніемъ засѣва. Это встрѣтило со стороны власти отвѣтное «усиленіе темповъ раскулачиванія» — съ запретомъ продажи хлѣба на вольномъ

рынкѣ, закрытіемъ базаровъ, розыскомъ и изытіемъ припрятанныхъ «излишковъ», усиленіемъ налогового прессы, прѣслѣдованіемъ по суду, обязательной сдачей урожая государственными органамъ, отдачей «шестого снопа» въ сѣмянной запасъ и, наконецъ, контрактацией, т. е. открыто кабальной формой правительственной закупки будущаго урожая по принудительно низкимъ цѣнамъ. И спасаясь отъ раскулачиванія, крестьянство перешло къ «самомо раскулачиванію»: «свернуло» свое товарное хозяйство стало его дробить на мелкія и мельчайшія, начало разбивать свое имущество и рабочій инвентарь, мертвый и живой, пошло въ колхозы «добровольно поневолѣ».

Раскулачиваніе приняло форму «открытаго боя», въ которомъ нападающіе — власть — стремились «слоमितъ сопротивление» врага, лишивъ его «всѣхъ источниковъ существованія и развитія». Соціализмъ въ деревнѣ стали насаждать рублемъ и дубьемъ, давая физически и экономически, вымогая непосредственно и психологически: наложеніемъ въ пятикратномъ размѣрѣ штрафовъ за недосяннй или сокрытый хлѣбъ, конфискаціей и продажей съ публичнаго торга за безцѣнокъ имущества проинтрафившихся, выселеніемъ и заточеніемъ упростиствующихъ, лишеніемъ ихъ «огня и воды»: отпуска казенныхъ керосина и спичекъ, сахара, соли, махорки, масла и т. д. Лавина росла и двигалась. Антикрестьянскій терроръ и антисовѣтское движеніе вызывали и питали другъ друга. Гражданская война снова приняла открытую форму. Крестьяне, «какъ классъ» и въ «единоличномъ» порядкѣ, спасались, какъ могли, проявляя иногда совершенно изумительную изворотливость и изобрѣтательность въ обходѣ совѣтскихъ капкановъ, декретовъ и инструкцій. И все-таки одни — большинство — кончили сдачей на милость (и иждивеніе) побѣдителей — уходомъ въ колхозы; другіе же полнымъ раззореніемъ и бѣгствомъ изъ деревни въ городъ, за предѣлы СССР, какъ въ голодный 21-й годъ, куда глаза глядятъ, къ «индійскому царю». Люди разставались съ привычнымъ укладомъ жизни, нажитымъ годами добромъ, землей, крестьянствованіемъ, бытомъ и бѣжали. Убѣгая отъ совѣтской власти, бѣжали изъ Россіи.

Для нѣмцевъ — колонистовъ, менонитовъ, люгеранъ и баптистовъ съ Украины, Волги и Сибири «индійскій царь», въ образѣ «родныхъ» по вѣрѣ или происхожденію, объ-

явился въ Канадѣ и Германіи. На западныхъ рубежахъ для пограничныхъ крестьянъ онъ обернулся стражникомъ, на обязанностяхъ службы котораго, во исполненіе договора съ дружественнымъ Союзомъ ССР, и во вниманіе къ скудному состоянію лимитрофной казны, лежало не допускать въ культурныя Польшу, Латвію и Эстонію — очумѣлой отъ голода и страха людской саранчи...

При Николаѣ I о «перечисленіи въ нѣмцы» ходатайствовали отдѣльные незадачливые столоначальники. Нѣдо было истечь столѣтію, надо было притти второму Аракчееву, чтобы объ уравниеніи въ правахъ съ чужезѣмцами и «перечисленіи въ нѣмцы» стали мечтать милліоны коренныхъ русскихъ гражданъ. Мнѣ самолично пришлось слышать отъ пробѣжавшихъ черезъ Ригу нѣмцевъ-колонистовъ: «вса Россія уѣхала бы»... «Уѣхали бы и всѣ рускіе. Да ихъ не выпускаютъ»...

Мыслима ли горная трагедія, болѣе безысходная субъективно — для ея жертвъ и объективно — для русской націи?

**

По сравненію съ нынѣшней большевицкой «коллективизаціей» сплошной и несплошной — заимствовавшая у эсэровъ и изуродованная большевиками «соціализація» земли -- вещь совершенно невинная. Ибо соціализація измѣняла лишь титулы владѣнія: отнимала землю у однихъ и передавала другимъ, изымая ее въ то же время изъ частно-правового и коммерческаго оборота. Въ проектѣ соціализаціи земли, защищавшемся эсэрами, только замоскворѣцкія купчихи, пугавшіяся созвучій — металла и жупела, да недобросовѣстные полемисты могли видѣть соціализмъ, -- соціалистическую организацію сельско-хозяйственнаго производства и распредѣленія. Большевицкая же «коллективизація» не только, какъ проектъ *), но

---

*) Безвременно скончавшійся С. О. Загорскій, — что грѣха тѣшить, — очень недолюбливалъ народниковъ, въ частности, эсэровъ и ихъ земельную программу. Научная добросовѣстность, однако, заставила его незадолго до смерти, — едва ли не въ послѣдней своей напечатанной статьѣ, -- признать, что созданіе «колхозовъ» и «созхозовъ» явилось выраженіемъ марксистски-большевнической тенденціи въ аграрной политикѣ совѣтской власти. — (См. «Новая аграрная революція» въ «Постѣдн. Новостяхъ» отъ 7-III).

и какъ фактъ, преслѣдовала цѣли уничтоженія крестьянства, какъ класса, и замѣну крестьянскаго единоличнаго хозяйства, хозяйствомъ коллективнымъ, въ формѣ «колхозной» артели или коммунистической «зерновой фабрики», въ которой искони анти-коллективистическій мужицкій черепъ могъ бы «вывариться» настолько радикально, что уподобился бы черепу пролетарскому, социалистическому отъ природы.

Миѳологическій лозунгъ «коллективизаціи» во что бы то ни стало прикрывалъ процессъ фактическиаго обезземеливанія русскаго крестьянства. У середняковъ землю просто отбирали, выживая ихъ изъ села, какъ «кулаковъ» и «подкулачниковъ», подвергая конфискаціи и продажѣ ихъ имущество, ссылая и даже разстрѣливая болѣе строптивыхъ и зажиточныхъ. А бѣдняковъ «заставляли добровольно» «самораскулачиваться», т. е. отступить въ пользу «колхоза» отъ своей земли, такъ или иначе ликвидировать свой частный инвентарь, рабочій скотъ и даже домашнюю живность, до «нетоварныхъ» свиней и птицы включительно, и переходить на казенное иждивеніе. Въ ударномъ порядкѣ, чтобы обезпечить «гигантскіе», «большевицкіе» и всякіе иные «темпы» развитія, перемѣщены объекты владѣнія, измѣнены формы землепользованія, предъявлены требованія о замѣнѣ индивидуальной психологіи коллективистической, прежнихъ навыковъ хозяйствованія новыми, предусматривающими и наличность тракторовъ и комбайновъ, и умѣніе ими пользоваться и т. д. Даже разъясненный какъ болѣе примитивная форма «коллективизаціи», какъ простая сельско-хозяйственная артель (а не «коммуна»), «колхозъ» воспринимается какъ тріединое обобществленіе «всѣхъ основныхъ средствъ производства»: труда, землепользованія и машинъ.

И началась «неразбериха» — организаціонная, производственная, техническая, — всяческая: есть собранный тракторъ — нѣтъ рабочей силы, есть рабочая сила — обнаруживается «несбыточность надеждъ» на механическія тягловыя силы, есть то и другое — нехватаетъ сѣмянъ. Наконецъ, если все въ порядкѣ «колхозчикъ чешетъ въ затылкѣ и гадаетъ, куда ему ѣхать пахать», — какъ жаловался наркомземъ Яковлевъ въ своемъ напутственномъ словѣ рабочимъ, въ числѣ 25 тысячъ командированнымъ въ деревню на предметъ содѣйствія «коллективизаціи». И

это при «сплошной коллективизации» на протяжении тысяч, десятков, даже сотен тысяч гектаров, цѣлыми уѣздами и областями!..

Мягкимъ словомъ «неразбериха» ограничивалась официальная власть и печать, когда ей приходилось останавливаться на темныхъ явленіяхъ «коллективизации». Правая оппозиція буркнула было, устами Бухарина, что сталинцы устанавливаютъ «военно-феодалные» и «ханскіе» порядки, но вскорѣ отказалась отъ этихъ словъ, смирилась и капитулировала. И только про себя жертвы «неразберихи» поговариваютъ о восстановленіи крѣпостного права и аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Уже къ 20-му февраля было «коллективизировано 50% хозяйствъ по СССР и пятилѣтній планъ выполненъ болѣе чѣмъ вдвое», когда въ той же статьѣ отъ 2-го марта «Головокруженіе отъ успѣховъ», въ которой Сталинъ возвѣщалъ, что «коренной поворотъ деревни къ социализму можно считать уже обеспеченнымъ», — данъ былъ задній ходъ. Сталинъ объявилъ по командѣ, что нельзя думать будто «все позволено и все возможно!»

И началось... Какъ разъ сейчасъ мы находимся въ періодѣ «административнаго восторга» по разоблаченію всѣхъ «перегибовъ и искривленій въ колхозномъ движеніи» и самосѣченія власти. Каждый день совѣтскія газеты приносятъ все новыя и новыя иллюстраціи того безудержнаго варварства, которое породило и вскормило «коллективизацію». По этимъ отдѣльнымъ, какъ пишутъ сами большевики, «возмутительнымъ» фактамъ, ответственность за которые, какъ всегда, возлагается на низшіе органы власти и «низовыхъ коммунистовъ», можно себя представить, во что отлилось въ реальности «административное насажденіе колхозовъ».

Корреспонденты «Правды» и «Извѣстій» сообщаютъ, что послѣ статьи Сталина «мѣстные работники совершенно растерялись и въ недоумѣніи разводять руками, какъ, молъ, такъ: «коллективизація на основѣ добровольности. Да вѣдь это же развалить колхозы»... Они пишутъ о «горе-коллективизаторахъ», объ «административномъ усердіи», съ которымъ «обобществляли» въ кавычкахъ, «производили повальные обыски, арестовывали середняковъ и бѣдняковъ и раскулачивали тѣхъ, кто никогда не былъ кулакомъ». Въ одномъ мѣстѣ «коллективизаторы» заявили на сходѣ: «Идешь въ коммуну — или завтра же по-

«Идешь на лесозаготовки!» ... В другомъ районѣ судья на сходѣ объявилъ: «Разъ отказываетесь итти въ колхозъ, то буду васъ судить такъ же, какъ кулаковъ!»... Въ третьемъ собраніи колхозниковъ было предупреждено мѣстнымъ виднымъ «партиейцемъ» --- : «Мы отъ васъ не уйдемъ, пока не положимъ ключи отъ вашихъ амбаровъ къ себѣ въ карманъ»... Въ четвертомъ «докладчики общали колхозникамъ манну съ неба -- усиленное снабженіе мануфактурой, сахаромъ. Работники, ходившіе по деревнямъ, объясняли крестьянамъ, что того, кто не пойдетъ въ колхозы, одѣнуть въ черный халатъ на всеобщій позоръ»..

«Кто не вступитъ въ колхозъ, тому плохо будетъ», — эти слова представителя райкома въ Балашовскомъ округѣ можно считать какъ бы лейтмотивомъ. И мѣстная вариация не слишкомъ разнообразна. «Кто не захочетъ записаться въ коллективъ, отправится вмѣстѣ съ кулаками въ Соловки», — «вѣско» предупреждаетъ, по выраженію корреспондента «Правды» 12-III, представитель власти въ Новоградъ-Волынскомъ районѣ. «Если не пойдете въ колхозъ, вышлемъ на Сахалинъ, вызовемъ роту солдатъ и будемъ штрафовать», — доносится съ Поволжья («Комсомольская Правда» отъ 3-III). Ему вторитъ и Сибирь: въ Ялуторовскомъ районѣ крестьянамъ предлагались «два списка: одинъ въ колхозъ, другой — въ Нарымъ. Выбран, куда душа желаетъ!» («Правда» отъ 17-III).

Коллективизироваться предлагалось немедленно, молниеносно, иногда въ одинъ день, даже къ опредѣленному часу -- «къ 10 часамъ такого-то дня все должно быть обобществлено», — «бѣднякъ и моргнуть не успѣетъ, какъ уже въ социализмѣ блаженствовать будетъ. Главное — темпъ держать нужно!» («Правда» и «Трудъ» отъ 18-III). И надѣкѣмъ только смѣются неунывающіе совкоры?! *).

Если все это говорили официальные представители власти и совѣтской «общественности», удивляться ли тому, что въ совѣтской деревнѣ, по свидѣтельству все той же совѣтской печати, появляются «божьи люди», нищие странники, которые возстанавливаютъ населеніе противъ «колхозовъ» --- : «И будете вы спать тамъ подъ однимъ

*) Много красочныхъ фактовъ объ отношеніи крестьянъ къ «колхозамъ» приводится ниже въ статьѣ В. И. Талина: «Красная армія русская деревня»

Весьма поучительная сводка «Практики коллективизаціи по совѣтскимъ даннымъ» сдѣлана также В. М. Зензиновымъ въ «Дняхъ» № 83

сплошнымъ одѣяломъ. И мужья у васъ будутъ общіе. И вмѣсто хлѣба будутъ выдавать вамъ жмыхи. И понаставятъ вамъ всѣмъ печатъ антихриста на лбу и на животѣ. И заберутъ потомъ всѣхъ мужчинъ на войну и будете выдохнуть съ голоду»...

И сбитое съ толку и въ конецъ затурканное населеніе, преимущественно «женское сословіе», опасливо вопрошаетъ «колхозныхъ» строителей. — «А мужья у насъ не будутъ общіе? — А правда ли что мы всѣ будемъ спать подъ однимъ одѣяломъ съ мужиками? — А правда ли, что дѣти въ колхозѣ болѣютъ?»...

**

Совѣтская печать не скупится на изобличенія совѣтскаго «головотяпства». Ежедневно появляются признанія въ собственныхъ грѣхахъ, прошлыхъ ошибкахъ и преступленіяхъ, до вымогательства, открытаго грабежа, насилуванія женщинъ и прочихъ «эксцессовъ» строителей «соціализма въ деревнѣ». Строители сами сознаются, что «абсолютно никакого представленія о раскулачиваніи не было. Инстинктомъ только и руководились. Подвель, крѣпко подвель «инстинктъ» партійную организацію колхоза. Не вездѣ ячейки сумѣли отличить кулака отъ середняка. Перепутали... Раскулачивали даже такихъ, которые «воробьями торговали» (мелкій скотъ раза два въ годъ продавали)... Политическая близорукость, слѣпота, боязнь массы.. Идея коллективизаціи дискредитируется»... «Всѣ эти «гиганты» трещатъ, рушатся, погребая подъ обломками тѣхъ, кто не замѣтилъ бѣдняка, не поговорилъ съ женщиной, съ середнякомъ. Все идетъ на смарку»... «Вмѣсто помощи работниками засыпаютъ циркулярами, инструкціями, запроесами, бланками, формами»...

Не надо, однако, думать, что всѣ эти признанія заставили «горе-коллективизаторовъ» свернуть съ дороги, на которую ихъ навелъ ихъ партійный «инстинктъ», близорукость, слѣпота и боязнь массы! Ничуть не бывало! Коллективизація продолжается и въ тѣхъ же № № «Извѣстій» и «Правды», изъ которыхъ мы заимствуемъ приведенныя выше извлеченія съ описаніемъ колхознаго «быта», печатаются новыя правительственныя постановленія: Колхозцентра — «Примѣрная рабочая программа весенняго сѣва въ колхозахъ» и Наркомзема — объ «Организаціи работъ машинно-кон-

ныхъ станцій (колоннъ) во время весенняго сѣва». Они опубликованы уже послѣ полу-покаянной статьи Сталина и второе настолько пространно, что тянется въ пяти № № «Извѣстій» (отъ 10 по 14 марта). Оно заслуживаетъ вниманія, какъ образецъ аракчеевскаго строительства -- социализма, колхозовъ, станцій, чего угодно, въ порядкѣ точно регламентированнаго приказа и указа сверху. На военный образецъ крестьяне-колхозники (тѣ же аракчеевскіе «поселяне») распределяются на колонны, колонны на бригады. Начальствуютъ колоннами «руководители», бригадами — «бригадиры». Точно нормированы обязанности каждаго изъ нихъ, затѣмъ -- пгонщика, посѣвщика, плугатяря, кормовщика - фуражника старшаго, младшаго, кашевара, подвозчика и др. Претусмотрѣна «нумерация» участковъ, машинъ, скота, инвентаря, даже сбури, ежедневная отчетность и контроль руководителя за бригадирами, бригадировъ за плугатярями и т. д. Бригадиръ обязывается вести запись: размѣра заданій бригадѣ по гектарамъ и культурѣ, именной списокъ членовъ бригады, нормы выработки и т. д. Ежедневно устанавливается, кто не выполнилъ «нормы» — «для принятія необходимыхъ оперативныхъ (?) мѣръ»...

Воинскіе уставы, — уставъ полевой службы или внутренней, — гораздо общѣе и болѣе доступны для широкаго усвоенія, нежели эти постановленія, въ концѣ концовъ, по частному и спеціальному вопросу, касающемуся, правда, повседневно-хозяйственной жизни миллионовъ!.. Этому не приходится удивляться, если помнить объ исходномъ отношеніи большевиковъ къ странѣ и народу, который они хотятъ облагодѣтельствовать высшей формой хозяйствованія. Что самъ народъ къ этому не способенъ и этого не хочетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣній ни для одного большевика. Прочтите недавній отвѣтъ Горькаго своимъ неслыхательнымъ корреспондентамъ, писавшимъ, что «въ прошломъ человѣку жилось легче и свободнѣй»; «въ колхозахъ, вижу, нѣтъ свободы моей свободной душѣ, и лучше уйду въ бродяги, чѣмъ туда»; «ненавижу всѣхъ обучающихъ людей, я умнѣ ихъ и очень жалѣю, что защищалъ ихъ на фронтахъ съ винтовкой, не щадя себя»; «жизнь наша становится все больше жестокой»; и т. д.

Горькій, какъ всѣ большевики, не довѣряетъ русскому народу почти цѣликомъ, всему, за исключеніемъ самой ничтожной горсточки. «Крестьянство — 85% населенія

страны — вѣками приученное «на обухѣ рожь молотить», «лаптемъ щи хлебать», задавленное нищенскимъ бытомъ, каторжной работой, суевѣрное, пьяное, окончательно раззоренное имперіалистической и гражданской войной, крестьянство, которое даже и теперь, послѣ десяти лѣтъ революціоннаго вліянія города, сохранило въ большинствѣ своемъ психологію мелкаго собственника, психологію слѣплаго крота»... Не многимъ болѣе привлекательны и городскіе классы — «многоглаголивая, безвольная интеллигенція» и «мелкое мѣщанство множества провинціальныхъ городовъ, армія мародеровъ, привыкшая жульнически обирать рабочихъ и крестьянъ»...

Крестьянство — 85% + интеллигенція + мѣщанство.. Много ли остается отъ всего народа за вычетомъ этихъ слабаемыхъ? Конечно, есть еще городской пролетаріатъ. Но много ли его? Меньше 4%! И надеженъ ли онъ? Приходится и изъ него производить отборъ — «мозгъ рабочаго класса — партія, созданная геніемъ Владимира Ильича и энергіей его товарищей»!.. (Что и въ «мозгу» рабочая масса все еще составляетъ меньшинство, Горькій либо самъ не знаетъ, либо о томъ умалчиваетъ).

При такой оцѣнкѣ наличнаго «живога матеріала», при «любви» къ будущимъ поколѣніямъ и презрѣніи къ нынѣшнимъ, при убѣжденіи, что люди для осуществленія идей и плановъ, а не планы и идеи для людей и вмѣстѣ съ ними, становится понятной, естественной и неизбежной та борьба на уничтоженіе внутренняго, а потомъ и внѣшняго врага, которую большевики ведутъ во славу того, что они называютъ социализмомъ и коммунизмомъ. Если переродиться, какъ классъ, крестьянство, мѣщанство, интеллигенція не въ состояніи, — не остается ничего другого, какъ ликвидировать ихъ и уничтожить. Отсюда и окривенная директива Сталина — «надо въ открытомъ бою сломить сопротивленіе этого класса (главнаго врага — «кулака», крестьянства) и лишитъ его всѣхъ источниковъ существованія и развитія».

Логика совершенно неопровержимая и психологія себѣ вѣрная, уже переставшая изумлять тѣхъ, кто проникъ въ ея существо. Плановая идея Шигалева осуществлена въ полной мѣрѣ, даже превзойдена сравнительно съ первоначальными предположеніями! Населеніе раздѣлено на двѣ неравныя части, но «отнятіе воли» произведено не «у де-

вяти десятыхъ жителей», а, если брать горьковскій расчетъ, примѣрно у девяноста девяти сотыхъ крестьянъ, мѣщанъ, интеллигентовъ, даже рабочихъ!..

Могутъ измѣниться «темпы» истребленія, «открытый бой» можетъ смѣниться беспорядочной пальбой, обходными маневрами, тихой сапой, но, пока существуютъ большевицкіе «бойцы», бой не прекратится, мира нѣтъ и не можетъ быть во глубинѣ страны. Это было очевидно и раньше. Объ этомъ свидѣлствуютъ теперь всѣ, — большевики въ томъ числѣ.

Безпросвѣтный ужасъ, стонъ и вопль стоитъ сейчасъ на деревнѣ. «Деревенская Россія представляетъ собою взбаламученное море. Деревня выведена сейчасъ изъ равновѣсія до самыхъ глухихъ угловъ»... «Россія послѣднихъ дней — страна отчаянія»... «Никто не ждетъ, что придетъ какое-либо улучшеніе»... «Такой жизни отъ сотворенія міра не было и, навѣрное, не будетъ. Жить невозможно»... «Одно лишь знаютъ крестьяне, что они превратились въ рабовъ»... «Теперь сумасшедшія предсказанія сдѣлались сумасшедшей дѣйствительностью»... «Вы врядъ ли представляете себѣ жуткую атмосферу, въ которой мы сейчасъ живемъ»... «Большинство крестьянъ идетъ въ колхозы съ отчаяніемъ и съ проклятіемъ въ душѣ»... «Для насъ теперь смерть была бы лучшимъ избавленіемъ»... «Мы живемъ въ сумасшедшемъ домѣ»... «При всей нашей паникѣ всѣхъ насъ одолеваетъ невѣроятная апатія и почти безразличіе къ завтрашнему дню»... «Мы такъ устали отъ войны, голода, совѣтскаго ига, что не въ силахъ реагировать и даже пальцемъ шевельнуть»... «Мы ничѣмъ не рискуемъ — хуже не можетъ быть»....

Задуманная, какъ экономической планъ, «пятилѣтка» въ условіяхъ совѣтской государственности и быта пріобрѣла по внутренней логикѣ вещей форму упи вса лѣтн о-о бщ а г о наступленія на всѣ стороны жизни. Если «академикъ» Кржижановскій могъ надумать «пятилѣтку», почему бы кандидату въ академики Ларину не придумать «пятидневку». Уничтожая общій для всѣхъ день отдыха, непрерывная пятидневная недѣля разбиваетъ семейный и общественный укладъ городской жизни такъ же, какъ «пятилѣтка» разбиваетъ весь укладъ народно-хозяйственной жизни, особливо въ деревнѣ. Въ нажимѣ на крестьянъ нажимъ экономической неразрывно связанъ съ нажимомъ на ихъ вѣрованія. Официально объявлено, что ко време-

ни осуществленія народно-хозяйственнаго плана не должно быть ни одной церкви, мечети, синагоги, молитвеннаго дома на пространствѣ всего СССР. И когда циркуляръ ЦК ВКП постановилъ прекратить временно «открытый бой» на истребленіе «кулака, какъ класса», онъ одновременно возвѣстилъ и ослабленіе нажима на религиозный фронтъ. Строительство всегда оборачивается разрушеніемъ — уничтоженіемъ «вредителей»: «кулака», «спеца», иногда бездушныхъ стѣнъ ветхаго монастыря. Казни входятъ необходимымъ элементомъ въ «строительство» большевиковъ, — идетъ ли оно въ городѣ или въ деревнѣ, въ хозяйственной области или въ области культуры, науки и религіи. Исчисляя казни тысячами «Соціалистич. Вѣстникъ» мѣтко замѣчаетъ, что о «контрольныхъ цифрахъ разстрѣловъ на ближайшія 5 лѣтъ» Госпланъ почему-то умалчиваетъ...

Нажимъ направленъ на совѣтскую литературу, науку, музыку, даже шахматы ...Совѣтскіе «попутчики» взяты на подозрѣніе и объявлены несозвучными «реконструктивному періоду соціалистической революціи» вмѣстѣ со всѣми другими «промежуточными идеологическими формами». «Искавленія», «загибы» и «перегибы» преслѣдуются и справа, и слѣва за «мелкобуржуазность» и за «фронтду», которую совѣтская интеллигенція якобы «стремится полкрѣпить своей технической незамѣнимостью» и «поэтизированіемъ дѣлячества». Въ наукѣ ищутъ и требуютъ «стандартной идеологіи», по выраженію обезсмертившаго себя этимъ выраженіемъ большевика Струмилина; въ искусствѣ — «большевизаціи литературы». Соответственно съ этимъ «переконструировали» академію и увеличили индексъ запрещенныхъ книгъ... Даже шахматы объявилъ «орудіемъ политики» изступленный шахматный «главковерхъ» Крыленко. Уже печатаются «коммунистическія» партіи и разоблачаются «буржуазныя»: помѣщика-дезертира Алехина, мѣщанина Боголюбова и т. п.

Самыя сумасшедшія предсказанія стали сумасшедшей дѣйствительностью — приходится намъ повторить слова «Соціал. Вѣстника», присоединившись вмѣстѣ съ тѣмъ и къ его безрадостнымъ прогнозамъ — совершенно неизбѣжнаго и громаднаго паденія производительныхъ силъ Россіи, новаго оскудѣнія деревни, новой деградациі всего населенія, новой крови и слезъ...

Когда иностранцы склонны усматривать въ аракеевской фабрикаціи «коллективныхъ хозяйствъ» нѣкоторый «видъ социализаціи», — это можно еще объяснить неосвѣдомленностью иностранцевъ: французовъ, англичанъ, менѣе другихъ — нѣмцевъ. Но когда освѣдомленный передовикъ вѣнской «*Arbeiterzeitung*» позволяетъ себѣ утверждать, что «европейскій социализмъ имѣетъ всѣ основанія съ величайшимъ интересомъ изучать неслышанно смѣлый экспериментъ передѣлки всего жизненнаго строя миллионовъ людей, дабы научиться изъ опыта этого эксперимента», — это не можетъ не возмущать. Нельзя не заклеймить, вмѣстѣ съ А. Н. Потресовымъ, этого «моральнаго безразличія» австрійскихъ социалистовъ, которые «при видѣ величайшаго преступленія, совершаемаго во имя будто бы социализма», выбрали для себя «позу научнаго изслѣдователя, стоящаго передъ кучей копошащихся муравьевъ, и съ одушевленіемъ говорятъ: «какъ все это интересно!»...

А что сказать, какъ назвать, чѣмъ оправдать мужество не иностранныхъ, а русскихъ социалистовъ, которые «не боятся мѣропріятій, которыя приводятъ крестьянъ къ коллективному труду»?!. Чѣмъ объяснить ихъ своеобразный «агностицизмъ» относительно «величайшаго преступленія, совершаемаго во имя будто бы социализма»? «Можно ли сказать, что изъ этихъ попытокъ ничего не выйдетъ?» спрашивалъ видный социалистъ народоволецъ на публичныхъ собраніяхъ «Воли Россіи» и «Дней». И не одинъ онъ, увѣ, надѣется, — чѣмъ чортъ не шутить, — можетъ быть и изъ большевицкой «коллективизаціи»; несмотря на всѣ «ошибки, извращенія и безобразія», все-таки и выйдетъ «что-нибудь», останется какой-нибудь профитъ въ пользу коллективизма подлиннаго.

Такой взглядъ и настроенія не новы. Намъ приходилось ихъ встрѣчать и съ ними спорить еще 6 лѣтъ тому назадъ, когда въ руководимой В. М. Черновымъ «Революціонной Россіи» намъ силились доказать положительныя качества «стихійной» революціи и «низовой», «плебейской» власти трудящихся. Мы и тогда протестовали противъ излишне благодушнаго оптимизма будто Россія можетъ выйти изъ страшныхъ потрясеній «измѣненной» и преобразенной въ сторону социализма (см. нашу статью «На родинѣ и на чужбинѣ» въ № 21 «Современ. Записокъ»). Все послѣдующее и, въ особенности, кошмары по

слѣднихъ мѣсяцевъ только подтверждаютъ неосновательность старо-народническихъ, отъ 70-хъ, юзовскихъ годовъ унаслѣдованныхъ иллюзій будто Россіи, съ большевиками или безъ нихъ, возможно не то что осуществить, но даже приблизиться къ социализму, минуя «формальную» демократію или временно обойдѣясь безъ нея...

Уже вскорѣ послѣ НЭП-а Бухаринъ писалъ: «главный урокъ, вынесенный нами изъ революціонныхъ событій, заключается въ томъ, что нельзя перескочить черезъ границу, установленную исторіей и дѣйствительностью». Кто и черезъ 9 лѣтъ, невзирая на послѣдующее и нынѣшнее, все еще не «доработался» до элементарной политической истины, до которой даже нѣкоторыхъ большевицкихъ фантастовъ и доктринеровъ «доработали» событія, тотъ, воистину, не способенъ ни забыть что-либо, ни чему-либо научиться... Такіе «бурбоны» отъ социализма, австрійскіе или россійскіе, конечно, гуманиѣ отечественныхъ Аракчеевыхъ отъ социализма, но, чтобы они могли способствовать дѣлу умиротворенія Россіи и торжеству демократическаго социализма, позволительно по меньшей мѣрѣ сомнѣваться.

II.

Октябрь явно не удался, — онъ провалился. И чѣмъ дальше, тѣмъ провалъ его все очевиднѣе, глубже и безнадежнѣе.

Тутъ не эмпирическія несовершенства отвлеченно-совершенной идеи и замысла; не маленькіе недостатки большого механизма; не случайная неудача или преждевременный срывъ. Въ этомъ отношеніи марксистскіе сторонники политическаго манчестерства и формулы *laisser faire* — *laisser passer* могутъ быть удовлетворены. Насильственного вмѣшательства въ процессъ «естественнаго» изживанія большевицкаго фантазма не произошло. «Опытъ» не былъ «сорванъ» извнѣ и «преждевременно». Октябрь, о которомъ можно было раньше сказать словами Герцена о самодержавіи, что онъ «самъ собою держится и, при томъ, чортъ знаетъ на чемъ», этотъ Октябрь сталъ проваливаться тоже самъ собою, въ безмятежной обстановкѣ внѣшняго мира, въ итогѣ не военной кагастрофы

или неудачи, а социальнo-экономической разрухи, въ результатѣ исчерпанія до конца хозяйственныхъ фондовъ и идеологическихъ иллюзій.

Чѣмъ дальше, тѣмъ отчетливѣе вскрывается существо Октября, его «чистая идея» и «матерія». Все отчетливѣе въ неприкрашенной, и первобытной своей наготѣ, проступаютъ и творцы и рыцари «самаго революціоннаго режима, который когда-либо знало человѣчество». Мы знали о нихъ по своему личному опыту. Мы узнаемъ теперь приблизительно то же изъ описанія, которое даютъ Октябрю бывше соратники и соучастники по строительству Совѣтовъ. По разнымъ мотивамъ приходили и уходили отъ большевиковъ лѣвые эсэры и всевозможнаго рода и типа «спецы». Одни — по личнымъ мотивамъ, другіе по общественнымъ: изъ патріотической тревоги за интересы и судьбы Россіи, русской науки, просвѣщенія, искусства и т. п. или изъ увлеченія «невиданнымъ по своимъ темпамъ и размаху социалистическимъ строительствомъ», невиданной нигдѣ въ мірѣ революціей и т. д.

Ушедшіе отъ большевиковъ Штейнбергъ и Бажановъ, Бесѣдовскій и Ларсонъ рассказали намъ, какъ всячески хотѣли они вѣрять въ возможность совмѣстной работы и какъ вынуждены были все-таки извѣриться. Бывшій замѣститель комиссара по внѣшней торговлѣ и личный другъ Красина Соломонъ и сейчасъ досказываетъ о своихъ мнѣтарствахъ въ рижскомъ «Сегодня». Всѣ рисуютъ потрясающую картину грязи и преступленія, политическаго вѣломательства и обмана, распутства и вѣроломства, казнокрадства и напыщеннаго самохвальства тѣхъ въ большаиствѣ своемъ ничтожныхъ и духовно опустошенныхъ людей, которые волею судьбы и случая пришли къ власти надъ Россіей въ октябрѣ 17 года. Получилась цѣлая галлерея преступныхъ типовъ, алкоголиковъ, дегенератовъ и безумцевъ. И оспорить ее можно только однимъ, — тѣмъ, что Октябрь изображенъ кистью людей, чуждыхъ «прелегатарской революціи», перебѣжавшихъ къ побѣдителямъ послѣ Октября и улепетнувшихъ, какъ только обнародовался еіо безславный крахъ.

Въ этомъ отношеніи «Моя Жизнь» Троцкаго, двухтомный «Опытъ автобіографіи», представляетъ ни съ чѣмъ несравнимую и незамѣнимую цѣнность.

Троцкій не перебѣгалъ въ лагерь «октябристовъ» и

слѣ побѣды. Онъ былъ октябристомъ до октября, однимъ изъ его главныхъ творцовъ и вѣрнѣйшимъ стражемъ. И даже сейчасъ, обличая и кляня своихъ былыхъ соратниковъ въ борьбѣ за Октябрь, онъ клянетъ и хъ за отступничество, себя же по прежнему считаетъ оставшимся «полностью и цѣликомъ на прежнемъ пути». Нѣсколько неосторожно авторъ цитируетъ слова стараго Гельвеція: «Каждый народъ имѣетъ своихъ великихъ людей и, если ихъ нѣтъ, онъ ихъ выдумываетъ». Какихъ же «великихъ людей» имѣлъ — или выдумалъ — русскій народъ въ октябрьскій періодъ своей незадачливой исторіи?

Въ свое время Ленинъ, помимо «примазавшихся», насчитывалъ на каждые 100 большевиковъ до 70 мошенниковъ, до 29 дураковъ и только одного сознательнаго и настоящаго большевика. Теперь въ состояніи, правда, нѣкотораго аффекта, — Троцкій не скрываетъ, что «Опытъ автобіографіи» для него лишь орудіе политической борьбы: «излагая, я характеризую и оцѣниваю; рассказывая, я защищаюсь и еще чаще нападаю», «дѣло идетъ для меня не только объ исторической правдѣ, но и политической борьбѣ, которая продолжается», -- онъ рассказываетъ, кто были эти настоящіе большевики, какимъ дѣлали эти «великіе люди» свой Октябрь въ реальности, а не мифологически или согласно позднѣйшей легендѣ.

Свидѣтельство Троцкаго автентично, и, потому, оно исторически значительно. Оно идетъ изнутри Октября и проникаетъ въ его сердцевину и, потому, оно политически существенно.

Троцкій проводитъ передъ нами всю нынѣшнюю - и прошлую — гвардію «ленинцевъ». Кого тутъ только нѣтъ? Троцкій не щадитъ никого. Характеризуетъ самъ и приводитъ безъ стѣсненія отзывы другихъ, ставшіе ему извѣстными «довѣрительно», изъ частныхъ писемъ или разговоровъ.

Особый, презрительный смыслъ вкладывается имъ въ наименование нынѣшнихъ вождей, возглавляемыхъ Сталинымъ, — «эпигонами». «Не только способности предвидѣнія, но и чутья не обнаружилъ ни одинъ — ни одинъ! — изъ нынѣшнихъ руководителей. Ни одинъ изъ нихъ въ мартѣ 1917 г. не пошелъ дальше позиціи лѣваго мелкобуржуазнаго демократа. Ни одинъ не выдержалъ историческаго экзамена». Эпигоны «перерѣзали пуповину ок-

тябрьской преемственности». Нынѣшніе столпы «сталинизма» — «умники заднимъ числомъ», «запоздалые критики», «злополучные фальсификаторы», «ставшіе позднѣ чекистами», «членами коллегіи ГПУ», «опорой режима». Всѣ эти квалификаціи звучатъ у Троцкаго одинаково осудительно.

Подтверждая уже извѣстное со словъ «перебѣжчиковъ», Троцкій удостовѣряетъ, что Сталинъ — а п п а р а т н ы й м а ж о р д о м ъ. «Онъ вообще поддерживалъ людей, которые способны политически существовать только мнлостью аппарата. И Менъжинскій сталъ вѣрною тѣнью Сталина въ ГПУ... Не только начальникомъ ГПУ, но и членомъ ЦК. Такъ на бюрократическомъ экранѣ тѣнь несостоявашагося человѣка можетъ сойти за человѣка».

Сталинъ это — «дрянной человѣкъ съ желтыми глазами», приводитъ Троцкій отзывъ нынѣшняго полпреда въ Берлинѣ Крестинскаго. «Первое качество Сталина — лѣнь, говорилъ Троцкому Бухаринъ. Второе качество — непримиримая зависть къ тѣмъ, которые знаютъ или умѣютъ больше, чѣмъ онъ. Онъ и подъ Ильича (!) велъ подпольные ходы», — доносить Троцкій одновременно и на Сталина, и на Бухарина. Сталинъ «хотѣлъ во что бы то ни стало войти въ Львовъ (во время войны съ Польшей) въ то время, когда Смигла и Тухачевскій войдутъ въ Варшаву. Бывасть у людей и такая амбиція». Сталинъ, оказывается, всегда отталкивалъ отъ себя Троцкаго «узостью интересовъ, эмпиризмомъ, психологической грубостью и особымъ цинизмомъ провинціала, котораго марксизмъ освободилъ отъ многихъ предрасудковъ».

Бухаринъ — полуистерикъ, полуребенокъ, не марксистъ, а схоластъ; послѣ смерти Ленина — медиумъ Зиновьева, затѣмъ Сталина. Пятаковъ — негодный политикъ, полуанархистъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, типичный чиновникъ. Ворошиловъ — «по всѣмъ своимъ повадкамъ и вкусамъ всегда гораздо больше напоминавшій хозяйчика (онякъ доносъ!), чѣмъ пролетарія». Вмѣстѣ съ Сталинымъ Ворошиловъ «вымогалъ» у Троцкаго снабженіе для Царицына чрезъ своего «спеціального представителя» матроса Живодера (!). «Когда мы натянули сѣть дисциплины потуже — досказываетъ Троцкій дальнѣйшую судьбу Живодера — Живодеръ ушелъ въ бандиты. Онъ былъ, кажется, пойманъ и разстрѣлянъ». (Аналогичная судьба по-

стигла, какъ извѣстно, и другого героя и красу и гордость Октября Желѣзняка, разогнавшего Учредительное Собрание.

«Старый большевикъ» и приближенный Ленина Гусевъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказался «мелкимъ интриганомъ» и «фальсификаторомъ», отличавшимся отъ другихъ только своимъ «апатичнымъ цинизмомъ». Зато «штатунъ и сума переметная» Каменевъ — «добродушный циникъ», не чуждый «личнаго вѣроломства». Зиновьевъ — паника, по свидѣтельству Свердлова. Ярославскій — «внутренне деморализованный субъектъ» и «пасквилянтъ» еще болѣе несносный, чѣмъ «нанегиристъ». Ушплихтъ — «амбиціозный и бездарный интриганъ». И т. д., и т. п.

Мы далеко не исчерпали перечень всѣхъ «прихлебателей Сталина», въ мѣру силъ и умѣнія «превратившихъ партію большевиковъ въ кучу навоза», по компетентному свидѣтельству Бухарина, — «освободившихъ мѣщанина въ большевикѣ», по удостовѣренію Троцкаго. Не всѣ исчерпали мы и «квалификаціи», которыя понадавалъ босфорскій изгнанникъ своимъ недавнимъ соратникамъ и сослуживцамъ. Но не довольно ли и приведеннаго, чтобы спросить словами самого же Троцкаго, направленными имъ, правда, по другому, невѣрному адресу (западноевропейской демократіи):

— «И эти люди призваны положить основаніе новому человѣческому обществу?»...

Именно они, это сборище ничтожныхъ людей, фантастовъ и злодѣевъ, вѣроломныхъ и отвратныхъ, призваны и способны «перестроить жизнь такъ, чтобы исключить возможность періодическихъ буйныхъ помѣшательствъ человѣчества и заложить основы болѣе высокой культуры?»

Удивляться ли тому, что у этихъ людей ничего не вышло? Не удивительнѣе ли было какъ разъ обратное? Не было бы фантастикой и чудомъ, если бы у нихъ получилось все-таки нѣчто положительное, а не кошмаръ и адъ?!

Характеристика, которую сторонникъ перманентной революціи даетъ своей, октябрьской революціи, немногимъ отличается отъ этзыва прославленнаго ненавистника и обличителя революціи Тэна, не видѣвшаго во французской революціи ничего другого, кромѣ «длительной и

въ большомъ масштабѣ работы обезумѣвшихъ скотовъ подъ водительствомъ сошедшихъ съ ума глупцовъ»...

Троцкій говоритъ нашими словами, когда подтверждаетъ, что «политика Сталина-Бухарина подготовила и облегчила разгромъ революціи», явилась въ выраженіемъ и сама способствовала «процессамъ, которые можно охватить именемъ реакціа»; и что въ будущемъ придется «переучивать» цѣлое поколѣніе и «брать далекій прицѣлъ». Онъ забываетъ только упомянуть, что и самъ онъ причастенъ къ этимъ процессамъ, дружно работая со Сталинымъ, Бухаринымъ и прочей незавидной компаніей въ теченіе шести первыхъ, для октябрьской революціи основоположныхъ лѣтъ.

Троцкій весьма невысокаго мнѣнія о «злыхъ безхвостыхъ обезьянахъ, именуемыхъ людьми». Онъ испытываетъ «жгучую боль за человѣческую саранчу». Но въ провалѣ ли Октября основаніе для такой дешевой мизантропіи. Въ автобіографіи Троцкаго какъ будто бы недостаточно матеріала для общаго сужденія о людяхъ, какъ «злыхъ безхвостыхъ обезьянахъ». Зато въ ней болѣе чѣмъ достаточно матеріала для ограниченнаго и частнаго сужденія о большевикахъ, не исключая и Троцкаго, напоминающихъ своими ухватками «злыхъ обезьянъ». Неслучайно именно эти обезьяны увертки обратили на себя вниманіе иностранцевъ — въ частности, Макдональда, — когда передъ ними стала вплотную вопросъ о признаніи большевицкой власти, какъ нормальной власти въ государствѣ.

**

*

Но кромѣ злыхъ, Троцкій знаетъ и добрыхъ большевиковъ, преимущественно изъ уже окончившихъ свои дни на землѣ. Изъ живыхъ -- о нѣкоторыхъ приходится слышать впервые, и замѣчательны они не столько своими объективными качествами, сколько своею личной и политической близостью къ автору воспоминаній.

Изъ такихъ положительныхъ типовъ на первомъ мѣстѣ, конечно, вождь вождей, мудрейшій изъ мудрыхъ. «мужественнѣйшій изъ людей», безподобный и сравнимый лишь съ великимъ «предтечей» Марксомъ -- «первый свершитель» Ильичъ!..

И отъ Троцкаго не укрылось ханжеское обоготвореніе памяти Ильича. Вслѣдъ за «бѣлогвардейскими» писателями отмѣчаетъ и онъ отношеніе къ Ленину, «какъ къ главѣ церковной іерархіи». Въ «оскорбительные для революціоннаго сознанія мавзолеи превратились официальные книги о Ленинѣ. Его мысль разрѣзали на цитаты для фальшивыхъ проповѣдей. Набальзамированнымъ трупомъ сражались противъ живого Ленина. Масса была оглушена, сбита съ толку, запугана»...

Это правильное наблюденіе не помѣшало, однако, самому Троцкому «попользоваться» трупомъ Ленина для защиты живого Троцкаго. Онъ не останавливается при этомъ передъ самымъ крайнимъ сервиллизмомъ по отношенію къ «великому больному», «учителю и вождю». По примѣру безсмертнаго Петра Ивановича Бобчинскаго, онъ настойчиво подчеркиваетъ, что это онъ, Троцкій, первый произнесъ «слово гений въ отношеніи Ленина». «Да, Ленинъ былъ гениаленъ полной человѣческой гениальностью».

Троцкій, видимо, хорошо знаетъ свою среду, всю эту «оглушенную, сбитую съ толку, запуганную массу». И онъ услужливо кадитъ «титаническому» Ильичу, предѣльной, послѣ Маркса, «вершинѣ духовнаго могущества человѣка», не забывая упомянуть ни объ одномъ проявленіи политическаго довѣрія или личнаго вниманія со стороны Ленина къ самому Троцкому, къ его дѣтямъ, — вплоть до милостиваго «смѣшка» Ильича и его «лукавой улыбки» или совмѣстнаго отдохновенія послѣ трудовъ несправедливыхъ въ ночь переворота:

«Кто-то постлалъ намъ на полу одѣяло — кажется, сестра Ленина, — досталъ намъ подушки. Мы лежали рядомъ, тѣло и душа отходили... Мы вполголоса бесѣдовали»...

Троцкій расчетливый дисконтеръ: онъ предъявляетъ къ политическому учету даже то, что «онъ (во время Бреста!) воздержался отъ голосованія, чтобы обезпечить за Ленинымъ большинство одного голоса», а Ленинъ, «смѣшливый» Ленинъ съ «лукавымъ смѣшкомъ» говорилъ Троцкому: «Уже ради одного добраго мира съ Троцкимъ стоитъ потерять Латвію съ Эстоніей» (что, какъ извѣстно, и случилось послѣ того, какъ Троцкому удалось убѣдить окружающихъ, что «мы всегда уснѣемъ капитулировать достаточно рано»).

И мудрость Ленина, и похвала его Троцкому, и неблагоприятные отзывы его о нынѣшнихъ недругахъ Троцкаго, все направлено на защиту главнаго тезиса: борьба противъ «троцкизма» есть борьба противъ идейнаго наследства самого Ленина, ибо онъ, Троцкій, вѣрнѣйшій и преданнѣйшій ленинецъ, а Ленинъ съ 17 года былъ и оставался настоящимъ «троцкистомъ».

Положительныхъ фигуръ, какъ сказано, немного у Нарциса октябрьской революціи. Есть, однако, у него одна эпическая фигура, въ честь которой онъ слагаетъ подлинную героическую поэму. Это — безвѣстный солдатъ Октября, нѣкій матросъ Маркинъ. Стоитъ, однако, присмотрѣться ближе къ этой «поэмѣ», какъ она оборачивается обвинительнымъ актомъ и противъ автора съ его героемъ, и противъ всего Октября.

Октябрь, установившій диктатуру пролетаріата, оказывается побѣдилъ, по свидѣтельству Троцкаго, не силами пролетаріата, а чрезъ коллективнаго Маркина. Это главное дѣйствующее лицо и герой Октября необычайно схожъ съ уже знакомымъ намъ вымогателемъ и бандитомъ, тоже дѣятелемъ Октября, — матросомъ Живодеромъ. Только Живодеръ состоялъ при Сталинѣ и Ворошиловѣ, тогда какъ Маркинъ находился въ окруженіи — чтобы не сказать: въ свитѣ, — Троцкаго.

Какъ Живодеръ, Желѣзнякъ, Дыбенко и др., Николай Маркинъ принадлежалъ къ «братвѣ» балтійскаго флота «Слово давалось ему съ трудомъ». Но его «крѣпко сколоченная фигура» — о формѣ вооруженія этой «фигуры» авторъ умалчиваетъ — умѣло заполняла пробѣлы и недостатки ораторскаго искусства. Фигура эта providenciально появлялась на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ Троцкаго. До Октября она «налаживала» домашнюю жизнь Троцкаго, пестовала его дѣтей, создавала уютъ и комфорта въ томъ «буржуазномъ домѣ», въ которомъ Троцкій жилъ. Въ славные дни Октября «Маркинъ съ револьверомъ въ рукахъ боролся за трезвый (!) Октябрь»: онъ разстрѣливалъ бутылки съ виномъ и отгонялъ отъ погребовъ другихъ сочленовъ «братвы», «лакавшихъ прямо изъ канавы» стекавшее туда вино.

Отбивъ «алкогольный приступъ» контръ-революціи (Троцкій самъ-же указываетъ, что вино «лакали» не контръ-революціонеры, а «братва»), Маркинъ смѣнилъ

борьбу съ отечественными пропойцами на борьбу съ международными империалистами. Безграмотный и тупой скуловоротъ задѣлался коммунистическимъ дипломатомъ... Больше того, — «Маркинъ сталь на время негласнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ сразу разобрался по своему въ механизмъ комиссаріата, производилъ твердой рукой чистку родовитыхъ и вороватыхъ дипломатовъ, устраивалъ по новому (!) канцелярію, конфисковалъ въ пользу безпризорныхъ контрабанду, продолжавшую поступать въ дипломатическихъ вализахъ изъ-за границы, отбиралъ наиболѣе поучительныя тайныя документы и издавалъ ихъ за своей отвѣтственностью (!) и со своими примѣчаніями (!!). Маркинъ... даже писалъ не безъ ошибокъ. Его примѣчанія поражали иногда неожиданностью (?) мысли. Но въ общемъ Маркинъ крѣпко забивалъ дипломатическіе гвозди (?) и какъ разъ тамъ, гдѣ слѣдовало»...

Можно судить, какимъ «министромъ иностранныхъ дѣлъ» былъ самъ Троцкій, если его не безъ успѣха могъ замѣнить Николай Маркинъ. Но высшая демократичность — или «народность» — Троцкаго въ томъ и состоитъ, что онъ и съ Маркинымъ не брезгаетъ стать въ большевицкую пару. Какъ бы то ни было, но установивъ диктатуру пролетаріата, Троцкій съ Маркинымъ смѣнили дипломатическое искусство на военное и, какъ два Аякса, отправились водружать диктатуру на Волгѣ. Когда Троцкій узнавалъ, что въ опасномъ мѣстѣ находится его альтеръ-эго матросъ Маркинъ, — «на душѣ становилось спокойнѣе и теплѣе» (почему «теплѣе» Троцкій не поясняетъ, — повѣримъ на слово!). Но пробилъ часъ Маркина - - Троцкій переходитъ отъ героики къ элегии, — и вражеская пуля догнала на Камѣ Маркина и «свалила его съ крѣпкихъ ногъ. Точно гранитная колонна обрушилась передо мною»...

Читая горестную повѣсть о Николаѣ Маркинѣ, со слезами рассказывавшемъ девятилѣтнему сынишкѣ Троцкаго, какъ «женщина, которую онъ давно и крѣпко любилъ, покинула его и что, поэтому, у него бываетъ черно и мрачно на душѣ», — до того черно и мрачно, что онъ дошелъ до большевизма и душегубства, — можно понять психологию этого героя и жертвы Октября. Постичь душу Троцкаго, понять его черноту и мракъ, — гораздо, ко-

нечно, труднѣе. Труднѣе и забыть и простить живому Троцкому то, что можетъ быть прощено мертвому Маркину. Ибо и самъ онъ говоритъ: «Что можетъ быть прощено темному несознательному человѣку — (или «коллективному Маркину» — М. В.), — того нельзя простить, члену (тѣмъ болѣе вождю!) партіи, стоящей во главѣ рабочаго класса всего міра».

**
*

Троцкій достаточно искушенный политикъ, чтобы усвоить, что «въ политикѣ рѣшаетъ не только что, но и какъ и кто». Мы только что видѣли, кто они, эти герои и рыцари Октября, задавшіеся цѣлью «исключить возможность періодическихъ буйныхъ помѣшательствъ человѣчества и заложить основы болѣе высокой культуры».

Посмотримъ теперь, какъ творился Октябрь, какими методами закладывались «основы болѣе высокой культуры».

Какъ извѣстно, Ленинъ допускалъ — и теоретически, и практически — всѣ средства борьбы съ политическимъ противникомъ. Благая политическая цѣль, социализмъ и революція, оправдывала для него, какъ для Лойолы, любое скверное средство. Онъ не одинъ разъ публично формулировалъ свой взглядъ на политическую мораль: «Когда въ этомъ есть надобность, слѣдуетъ умѣть пускать въ ходъ хитрость, ловкость, нелегальные методы, умолчаніе правды».

Троцкій не столь откровенно циниченъ. Онъ и этой позиции не хочетъ сдать безъ боя. И съ моральной точки зрѣнія онъ пытается защищать Октябрь. Но мораль у него не столько даже особая, сколько своя

Понимая рѣшающую роль насилія въ успѣхахъ Октября, Троцкій вводитъ насиліе въ рамки общеисторической закономерности, необходимости и цѣлесообразности. По примѣру узурпаторовъ другихъ временъ и народовъ, онъ и оправданіе большевицкаго насилія ставитъ въ прямую зависимость отъ цѣли, ради которой оно осуществляется, и отъ того, кто насиліе осуществляетъ. «Примѣненіе матеріальной силы играло и играетъ огромную роль въ человѣческой исторіи, иногда прогрессивную, чаще ре-

акціонную, въ зависимости отъ того, какой классъ и для какихъ цѣлей примѣняетъ насиліе».

Однако, не напрасно все-таки оказывался Троцкій на положеніи жертвы насилія, — въ послѣдній разъ насилія пролетарской диктатуры. Вульгарная телеологія его, естественно, никакъ не можетъ удовлетворить. Онъ прибавляетъ, поэтому: «Отсюда безконечно далеко до вывода, будто насиліемъ можно разрѣшить всѣ вопросы и справиться со всѣми препятствіями. Задержать развитіе прогрессивныхъ историческихъ тенденцій при помощи оружія возможно. Препградить прогрессивнымъ идеямъ дорогу навсегда — нельзя».

Иначе говоря, — торжество «троцкизма» задержано, но не навсегда. Будущее за нимъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Отсюда и соответствующая мораль — :«Абсолютныхъ правилъ поведенія не существуетъ ни для мира, ни для войны. Все зависитъ отъ обстоятельствъ».

И вотъ иллюстраціи къ тому, какъ это отвлеченное положеніе воплощалось въ жизнь.

Кто не слыпалъ о знаменитыхъ «Лэтръ де кашэ», объ особыхъ королевскихъ приказахъ объ арестѣ или изгнаніи жертвъ, имена которыхъ иногда вписывались лишь заднимъ числомъ въ приказъ, скрѣпленный королевской печатью? Но если бы не было автобіографіи Троцкого, кто могъ бы узнать или повѣрить, что «самый революціонный режимъ, который когда-либо знало человечество» заимствовалъ у французскихъ Бурбоновъ и реставрировалъ «Лэтръ де кашэ», придавъ имъ только еще болѣе жестокую и непоправимую форму?!

Это было въ іюль 1919 года въ Москвѣ въ засѣданіи коммунистическаго Политбюро. Ленинъ въ «двѣ минуты» сочинилъ и передалъ Троцкому «чистый бланкъ», на которомъ значилось въ лѣвомъ углу: «Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Москва, Кремль... іюля 1919 г.», а внизу «красными чернилами»: «Товарищи! — Зная строгій характеръ распоряженій тов. Троцкого, я настолько убежденъ, въ абсолютной степени убежденъ, въ правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троц-

ким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. — В. Ульянов-Ленин».

Можно съ презрѣніемъ пройти мимо тѣхъ мотивовъ личнаго свойства, по которымъ только теперь, поссорившись съ «эпигонами», Троцкій сдѣлалъ достояніемъ гласности этотъ чудовищный особенно для людей, клянущихся социализмомъ, документъ. Троцкій отлично понимаетъ, какъ компрометируетъ онъ имъ Октябрь. Но онъ не въ силахъ былъ его не «использовать», какъ высшее свидѣтельство «неограниченной моральной довѣренности», оказанной ему Ильичемъ въ то время, какъ его соперника и зашителя Сталина тотъ же источникъ коммунистической благодати наградилъ «моральнымъ волчьимъ паспортомъ».

«Я вамъ выдамъ сколько угодно такихъ бланковъ», — передаетъ Троцкій слова Ленина. И съ послѣднимъ безстыдствомъ чловѣка, упоеннаго благоволеніемъ вождя, спокойно комментируетъ значеніе предоставленныхъ ему въ неограниченномъ числѣ «бланковъ»: «Ленинъ ставилъ заранѣе свою подпись подъ всякимъ рѣшеніемъ, которое я найду нужнымъ вынести въ будущемъ. Между тѣмъ отъ этихъ рѣшеній зависѣла жизнь и смерть чловѣческихъ существъ».

Эти коммунистическія «Лэтръ де кашэ» — останутся! Онѣ переживутъ Троцкаго, какъ пережили уже Ленина.

Троцкій извѣстенъ своею жестокостью даже въ большевицкой средѣ. Извѣстны его звѣрскіе приказы, въ которыхъ подчеркивалось, что «единственный порокъ, непростительный для рабочаго класса, это — милосердіе, мягкосердіе по отношенію къ своимъ классовымъ врагамъ». Онъ самъ рассказываетъ теперь, глухо и въ общей формѣ, какъ именно прикладывалось его прославленное «каленное желѣзо» на Волгѣ, какъ онъ разстрѣливалъ командира, комиссара, «извѣстное (?) число солдатъ». Сознается Троцкій и въ другомъ злодѣяніи, въ гнусной роли, сыгранной имъ въ процессѣ эсэровскихъ смертниковъ-цекистовъ.

«Приведеніе смертнаго приговора въ исполненіе означало бы неотвратимо отвѣтную волну террора, — передаетъ Троцкій свои былыя думы. Ограничиться тюремой

хотя бы и долготѣней, значило просто поощрить террористовъ, ибо они меньше всего вѣрили въ долготѣіе совѣтской власти. Не оставалось другого выхода, какъ поставитъ выполнение приговора въ зависимость отъ того, будетъ или не будетъ партія продолжать террористическую борьбу. Другими словами вождей партіи превратить въ заложниковъ. Первое свиданіе мое съ Ленинымъ послѣ его выздоровленія произошло какъ разъ въ дни суда надъ социалистами-революціонерами. Онъ сразу и съ облегченіемъ присоединился къ рѣшенію, которое я предложилъ: «Правильно, другого выхода нѣтъ».

Пусть будущій историкъ рѣшитъ, что хуже — выдавать «Лэтръ де кашэ» или приводить ихъ въ исполненіе? Придумывать ли систему политическаго заложничества въ отношеніи тѣхъ, кто не вѣритъ въ «долготѣіе совѣтской власти» и, потому, долженъ находиться въ теченіе мѣсяцевъ подъ угрозой казни за дѣянія, внѣ власти приговоренныхъ находящіяся, — или «съ облегченіемъ» санкціонировать эту средневѣковую пытку? На взглядъ современника, — одно стоитъ другого. Ленинъ не уступаетъ Троцкому, какъ Троцкій ни въ чемъ не уступаетъ Сталину, падая съ нимъ вмѣстѣ подъ выразительную — и общую — фѳормулу послѣдняго: «Мы — всѣ чекисты!»

Ибо Троцкій правъ: большевикъ — не только политическая категорія, но и — особый психологическій типъ!.. Въ этомъ общемъ типѣ растворяются индивидуальныя черты и Ленина, и Троцкаго, и Сталина и другихъ большевиковъ. Каждый похожъ на cadaго. Возьмите мелкую, но характерную бытовую деталь. Троцкій пишетъ о себѣ: «Совсѣмъ не ради парадокса, а потому, что такъ оно и есть, я долженъ сказать, что не выношу безпорядка и разрушенія». А вотъ его описаніе «интерьера» другого великаго разрушителя; «въ комнатѣ Ленина царилъ, какъ всегда, образцовый порядокъ. Ленинъ не курилъ. Нужныя газеты съ помѣтками лежали подъ рукой»..

Или другой эпизодъ. Ленинъ показываетъ Троцкому издали Вестминстеръ «и еще какія-то примѣчательныя зданія». Не помню, какъ онъ сказалъ, но отѣнокъ былъ такой: «это у нихъ знаменитый Вестминстеръ». «У нихъ» означало, конечно, не у англичанъ, а у правящихъ

классовъ. Этотъ оттѣнокъ, нисколько не подчеркнутый, глубоко органической былъ у Ленина в с е г д а», — говоритъ ли онъ о нѣмецкой артиллеріи и французской авіаціи или о «какихъ-либо цѣнностяхъ культуры или новыхъ достиженіяхъ, книжныхъ богатствахъ Британскаго Музея» и т. д. То же и у Троцкаго.

Общая психологія, общая и политическая мораль *).

**

Мы видѣли, что Троцкій — и общѣе: большевицкій Октябрь — отрицаетъ наличность и возможность абсолютныхъ правилъ поведенія: «все зависитъ отъ обстоя-

---

*) Такъ какъ для насъ, въ отличіе отъ Троцкаго дѣло идетъ не только о политической борьбѣ, но и объ исторической правдѣ — мы считаемъ не лишнимъ остановиться на той недооцѣнкѣ Троцкаго, которую допускаетъ въ своихъ «Современникахъ» представленный мастеръ политическаго портрета **М. А. Алдановъ**.

Троцкій служитъ для Алданова фономъ для портрета главного «героя» Сталина, котораго Алдановъ въ такой же мѣрѣ, на нашъ взглядъ, переоцѣниваетъ, въ какой недооцѣниваетъ Троцкаго. Признать Сталина «человѣкомъ выдающимся, безусловно самымъ выдающимся во всей ленинской гвардіи», можно только въ самомъ формальномъ смыслѣ употребленныхъ при этомъ словъ. По существу же эта характеристика такъ же невѣрна, какъ и отзывъ о Троцкомъ, какъ «актерѣ для невзыскательной, провинціальной публики», «Ивановъ-Козельскомъ русской революціи», «тишномъ идей», хотя и не лишенномъ ума и характера.

Конечно, можно назвать Троцкаго «отважнымъ кавалеристомъ слова», — эта «пежоративная» формула по существу не прозвонорѣчатъ и болѣе положительной оцѣнкѣ Бернарда Шоу, назвавшаго Троцкаго «королемъ памфлетистовъ». Но утверждать, что «отъ Троцкаго останется десять тысячъ восклицаній — все больше образныхъ», — къ сожалѣнію, уже никакъ нельзя. Къ нашему глубочайшему сожалѣнію, отъ Троцкаго, какъ, впрочемъ, и отъ Ленина, Сталина и прочихъ, останется очень многое сверхъ ихъ восклицаній, образныхъ и безобразныхъ... Вѣдь и сейчасъ многое изъ того, что сдѣлалъ и дѣлаетъ Сталинъ, есть въ значительной мѣрѣ выполненіе «генеральной линіи» его соперника и врага. Троцкаго!

Рискуя быть обвиненнымъ въ оскорбленіи коммунистическаго величества, я позволю себѣ все же утверждать, что какъ ораторъ, писатель и темпераментный политическій боецъ Троцкій гораздо даровитѣе и, въ этомъ смыслѣ, выше не только бездарнаго Сталина, но ч

тельство». Тѣмъ не менѣе и у Троцкаго такого рода правило имѣется. Какъ «массовикъ» и сторонникъ непрерывной революціи, онъ убѣжденъ, что «не можетъ быть большаго идейнаго паденія для революціоннаго политика, какъ обманывать массы». Даже въ приказахъ на поляхъ сраженія онъ предписывалъ: «За неправду карать, какъ за измѣну. Военное дѣло допускаетъ ошибки, но не ложь, обманъ и самообманъ».

Казалось бы, хорошо: хоть что-то является недопустимымъ и для большевика! Есть все-таки предѣлъ насильственному внѣдренію новаго міра и «болѣе высокой культуры». Но, увы! Факты, которые одновременно съ утвержденіемъ этого какъ будто бы уже «абсолютнаго

«геніальнаго», -- по убѣжденію не однихъ только официальныхъ большевиковъ, — Ленина не уступалъ Троцкій Ленину и въ мужествѣ. И не потому, чтобы Троцкій былъ такой ужъ Ринальдо Ринальдичи или чудо-богатырь, а потому, что Ленинъ вовсе не былъ такимъ «мужественнѣйшимъ изъ людей», какимъ его въ согласіи съ другими совѣтскими иконографами изображаетъ и Троцкій.

Въ опроверженіе господствующей легенды объ исключительномъ мужествѣ Ленина Троцкій приводитъ рядъ интересныхъ фактовъ и эпизодовъ. Оказывается, Ленину вообще «всегда была въ высшей степени свойственна забота о неприкосновенности (!) руководства». Въ этомъ Троцкій усматриваетъ одну изъ чертъ, отличавшихъ Ленина отъ отважнаго до безразсудства Карла Либкнехта

Ленинъ, видимо, постоянно находился подъ страхомъ быть убитымъ.

«Б-го (іюля 17 г.) я видѣлся съ Ленинымъ. Наступленіе массъ было уже отбито «Теперь они насъ перестрѣляютъ, — говорилъ Ленинъ. — Самый для нихъ подходящий моментъ»..

«А что, — спросить меня совершенно неожиданно Владимиръ Ильичъ въ тѣ же первые дни (Октября), — если насъ съ вами бѣло гвардейцы убьютъ, смогутъ Свердловъ съ Бухаринымъ справиться? — Авось не убьютъ. — отвѣтилъ я, смѣясь — А чортъ ихъ знаетъ, — сказалъ Ленинъ, и самъ разсмѣялся»

Есть и другія свидѣтельства.

Предѣльно отвергая Троцкаго, ненавидя и борясь съ нимъ, надлежитъ все же отдать ему то, что ему принадлежитъ. Умалая своихъ враговъ, одержавшихъ надъ нимъ пусть исторически кратковременную и иллюзорную побѣду, но все же побѣду, мы умалчаемъ не только ихъ, но и самихъ себя, претерпѣвшихъ пораженіе отъ ничтожества. Морально — за единичными исключеніями буквально, большевики стоятъ другъ друга, всѣ одинаково ничтожны. Но интеллектуально — они все-же «разнствуютъ во славу», какъ бы призрачна ни была она.

правила» приводит и оправдывает Троцкій, свидѣтельствуютъ не только о внутренней «несвязкѣ» его личной логики и морали, — но и глубочайшемъ «идейномъ паденіи» Октября.

Кто не помнить бѣшеной атаки, которую вели раздѣльно, но согласованно, большевики и Троцкій противъ введенной временнымъ правительствомъ смертной казни на фронтѣ, — противъ того, что революціонная власть насильственно, подъ угрозой смерти, гонитъ въ бой «пушечное мясо». А сейчасъ, послѣ октябрьскаго опыта гражданской войны, Троцкій уже въ общемъ видѣ отстаиваетъ самыя жестокія мѣропріятія, практиковавшіяся воюющими во время «империалистической бойни», и не претендовавшей на установление «болѣе высокой культуры».

«Нельзя вести людей на смерть, не имѣя въ арсеналѣ командованія смертной казни. До тѣхъ поръ, пока гордые своей техникой злыя безхвостыя обезьяны, называемыя людьми, будутъ строить арміи и воевать, — изучаетъ злая безхвостая обезьяна, называемая большевикомъ Троцкимъ, — командованіе будетъ ставить солдатъ между возможной смертью впереди и неизбѣжной (!) смертью позади»...

Этимъ свидѣтельствуется попутно, что изъ сражавшихся подъ красными знаменами многіе погибли не отъ бѣлыхъ, а отъ красныхъ пуль. Множество красныхъ бойцовъ, которыхъ продолжаютъ числить и чтить, какъ павшихъ «смертью храбрыхъ» за «Серпъ и молотъ», фактически положили животы и сложили свои головы, пострадали отъ «Серпа и молота».

Менѣе трагиченъ, но не менѣе показателенъ и отвратенъ и другой фактъ — введеніе правдоподобнымъ, пусть въ отношеніи только къ массамъ, Троцкимъ ордена «Краснаго Знамени». «Вводя орденъ (послѣ того, какъ «еще только недавно мы сумѣли отмѣнить ордена стараго режима»), я имѣлъ въ виду дополнительный стимулъ для тѣхъ, для кого недостаточно внутренняго сознанія революціоннаго долга (какъ будто «старый міръ» не имѣлъ въ виду какъ разъ тотъ же «дополнительный стимулъ»?); Ленинъ поддержалъ меня. Орденъ привился». Вскорѣ задѣлались кавалерами и Троцкій, и Буденный, и Сталинъ, и прочіе строители «болѣе высокой культуры».

Надо замѣтить къ тому же, что Троцкій самъ отказался отъ права на обычную для жестокихъ правителей увертку и ссылку на внѣшнія или чрезвычайныя обстоятельства, заставившія его прибѣгнуть къ такимъ жестокимъ или обманнымъ мѣропріятіямъ. Ибо Троцкій рѣшительно поучаетъ, правда, другихъ, что «партія, которая недостаточно сильна, чтобы отвѣчать за свои дѣйствія, не имѣетъ права брать власть»!..

Имѣла ли право брать власть партія большевиковъ, если, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть, ей надо было прибѣгать къ «Лэтръ де кашэ», къ системѣ политическаго заложничества, къ пулеметамъ въ спину своимъ же бойцамъ, къ орденамъ и всему прочему, постороннему на предѣльномъ для «революціонныхъ политиковъ идейномъ паденіи» — на систематическомъ обманѣ массъ?

Имѣла ли право брать и удерживать власть партія большевиковъ послѣ того, какъ и для нея самой выяснились въ Брестѣ ея полное безсиліе и безотвѣтственность? Троцкій красочно описываетъ, какъ ему не удалось добиться лавровъ и сразить гидру германскаго имперіализма. Съ первыхъ же дней господиномъ положенія въ Брестѣ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался не Троцкій, а генераль Гофманъ. Гофманъ безъ особыхъ стѣсненій — кого было стѣсняться? — и не одинъ разъ «клялъ солдатскій сапогъ на столъ, вокругъ котораго развертывались преніи». Троцкій въ Брестѣ — не чета Троцкому въ Таврическомъ и Смольномъ — очень быстро убѣдился, что «именно сапогъ Гофмана является единственною серьезною реальностью въ этихъ переговорахъ», а вовсе не аффектированная декламація большевиковъ.

И убѣдившись въ этомъ, въ твердой увѣренности, что «мы всегда успѣемъ капитулировать достаточно рано», Троцкій сосредоточилъ свои силы и вниманіе не на оборонѣ интересовъ Россіи противъ притязаній Германіи, а на защитѣ своихъ собственныхъ трудовъ и дней въ славные дни Октября. Въ этомъ онъ снова трогательно совпалъ съ «великимъ больнымъ». Оказывается, и «Ленинъ былъ буквально счастливъ, когда я привезъ съ собой готовую рукопись объ октябрьской революціи. Мы одинаково видѣли въ ней одинъ изъ скромныхъ залоговъ будущаго революціоннаго реванша за тяжкій миръ».

Большевики вообще не охотно говорят о содержаніи «тяжкаго мира», ими подписаннаго и, если бы не побѣда западно-европейской, столь ненавистой большевикамъ демократіи, ставившаго Россію въ вассальную зависимость отъ Германіи. Да и то сказать, — по признанію Троцкаго, для него съ Ленинымъ все германское, въ томъ числѣ и германская революція, были — «неизмѣримо важнѣе нашей». Неудивительно, что при такомъ отношеніи къ Россіи они могли найти утѣшеніе отъ позора и гнета брестскаго мира въ — «рукописи объ октябрьской революціи», въ ней увидѣть «залогъ будущаго революціоннаго рванша».

Поѣхали за мирнымъ договоромъ, а привезли собственную — новую — рукопись... Трагическое перекрещивается съ смѣхотворнымъ.

При Николаѣ II, въ японскую войну, японцы насъ — шимозами, а мы ихъ — молебнами. При коммунистахъ Ленинъ и Троцкомъ нѣмцы насъ — «аннексіями и контрибуціями», а мы ихъ — рукописями и брошюрами, правда, «вскорѣ переведенными на дюжину европейскихъ и азіатскихъ языковъ» (за счетъ русской казны)...

Только и вся разница между старымъ міромъ и «новымъ»!

**
*

Книга Троцкаго съ полной убѣдительностью свидѣтельствуетъ о томъ, что партія большевиковъ обманывала массы и «оптомъ», какъ партія, сулившая новое небо и новую землю, и «въ розницу» — отдѣльными мѣропріятіями. И если раньше кто-либо изъ болѣе добропорядочныхъ энтузіастовъ-фантазеровъ этого не понималъ или не замѣчалъ, то теперь уже давно нѣтъ мѣста для искренняго заблужденія или сомообмана. Теперь уже нѣтъ никого среди руководителей большевицкой верхушки, кто не сознавалъ бы отчетливо, что изъ великаго соблазна родился Октябрь, на обманѣ онъ утвердился, насиліемъ и обманомъ и держался. Не только враговъ своихъ обманывалъ большевизмъ, не «массамъ» только лгалъ онъ, онъ лгалъ и своимъ друзьямъ, — они обманывали другъ друга. Лжетъ и фальшивитъ, конечно, и Троцкій.

Онъ утверждаетъ, что «каждая строчка газеты («Правды»), каждая буква ея лгала»... Но замѣтилъ онъ эт

только тогда, когда его самого выкинули изъ этого лживаго органа, — изъ «Правды» и изъ совѣтской Россіи. Не раньше! Троцкій считаетъ «однимъ изъ величайшихъ обмановъ исторіи» --- не больше и не меньше! — употребленіе, которое сдѣлали Сталинъ и прочіе «эпигоны» изъ стараго письма Троцкаго къ будущему «соціалъ-предателю» Чхеидзе съ непочтительнымъ отзывомъ объ Ильичѣ. Мимо многихъ, другихъ, гораздо болѣе серьезныхъ обмановъ босфорскій отшельникъ проходитъ совершенно равнодушно. О нихъ онъ не упоминаетъ. Они его не касаются.

Его низменная душа не чувствуетъ всего неприличія причитаній и сѣтованій на не-товарищеское обхожденіе, которому Троцкаго подвергъ его недавній соратникъ и товарищ Сталинъ, не замѣчаетъ и отравленнаго оружія, которое самъ же даетъ противъ себя врагу, утверждая — «пытаться оправдывать революціонный терроръ значило бы считаться съ обвинителями»...

«Болѣе высокая культура» оказывается при провѣркѣ и не болѣе высокой и совѣмъ не оригинальной. Она сводится въ своемъ существѣ къ старому, какъ міръ, правилу: когда я насилую, это — добро, когда же насилуютъ меня, это — зло. Объективные же результаты того, къ чему приводитъ насиліе, къ чему привели, въ частности, Россію совмѣстныя усилія и Троцкаго, и Сталина, и самого Ильича не представляютъ для адептовъ «болѣе высокой культуры» никакого значенія.

Троцкій возстановливаетъ незабываемую картину первыхъ часовъ Октября — «часовъ высшаго напряженія духовныхъ силъ» у всѣхъ октябрьскихъ заговорщиковъ. «Власть завоевана, по крайней мѣрѣ въ Петроградѣ. Ленинъ еще не успѣлъ перемѣнить свой воротникъ. На усталомъ лицѣ бодрствуютъ ленинскіе (!) глаза. Онъ смотритъ на меня дружественно, мягко, съ угловатой застѣнчивостью, выражая внутреннюю близость.

— Знаете, — говоритъ онъ нерѣшительно, — сразу послѣ преслѣдованій и подполья къ власти... — онъ ищетъ выраженія — *es schwindelt*, -- переходитъ онъ неожиданно на нѣмецкій языкъ и показываетъ рукой вокругъ головы. Мы смотримъ другъ на друга и чуть смѣемся».

Это картина-символическая. У Ленина «закружилась голова». Онъ почувствовалъ, *es schwindelt*. Но почув-

сводалъ ли онъ, замѣтилъ ли Троцкій въ тѣ дни или позднѣе, когда, полный пѣтета къ Октябрю, онъ вспоминалъ слова незабвеннаго Ильича, что *schwindeln* на нѣмецкомъ языкѣ имѣеть и другое значеніе — *мошенничать*?! Догадывались ли объ этомъ главные герои Октября, когда они «смотрѣли другъ на друга и чуть смѣялись»?..

Когда мы теперь, въ мартѣ 30 года, читаемъ статью Сталина «Головокруженіе отъ успѣховъ», мы уже точно знаемъ, какой природы это головокруженіе. Явно, что оно того же порядка, что и «головокруженіе» Ленина въ 17 году.

Ибо въ этомъ — Октябрь.

М. В. Вишнякъ.

Красная армія и русская деревня

Одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ коммунистическую диктатуру въ началѣ марта 1930 г. затормозить нѣсколько неистовый бѣгъ своихъ колхозныхъ безумствъ, были тревожные сигналы со стороны красной арміи. Было чего пугаться даже такимъ запойнымъ, и пока что удачливымъ, игрокамъ соціально - политическаго азарта, какъ російскіе коммунисты. Если крестьянство можно на худой конецъ усмирить при помощи красной арміи, то чѣмъ можно усмирить красную армію?

А эта армія есть кровь отъ крови и плоть отъ плоти русской деревни. Въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ царская армія. Ибо нынѣ крестьянскій сынъ является въ этой арміи не только рядовымъ, но и командиромъ. Россія никогда не имѣла такой ярко выраженной крестьянской арміи, какъ въ эпоху диктатуры... пролетаріата *).

Этотъ крестьянскій составъ красной арміи торчитъ костью въ горлѣ коммунистической диктатуры съ самаго начала ея существованія. Было время, когда, несомнѣнно, красная армія была орудіемъ и формой крестьянской революціи. Эпоха гражданской войны давала красной арміи

*) Единственно полныя официальные данныя на этотъ счетъ имѣются только для 1926 года и тогда соціальный составъ красной арміи рисовался въ слѣдующемъ видѣ. Процентъ крестьянъ среди различныхъ должностныхъ группъ составлялъ:

Рядовые	79,5
Младшій командный составъ	74,1
Курсанты военно-учебныхъ заведеній	52,7
Командиры безъ младшихъ	49,4
Политсоставъ	44,3
Административный составъ	43,0
Медицинскій и ветеринарный составъ	17,7

«10 лѣтъ красной арміи». Изд. Политическаго Управленія РККА. 1928 г. стр. 41. Въ дальнѣйшемъ эти проценты крестьянъ въ различныхъ должностныхъ группахъ нѣсколько снизились.

не только видимость, но и основанія считать себя борцомъ за интересы русскаго крестьянства противъ попытокъ бѣлой социальнo-политической реставраціи. Въ борьбѣ противъ реставраціи и интервенціи красная армія въ ту эпоху выражала, пусть въ искаженной коммунистической формѣ, социальныя и національныя интересы крестьянской революціи. Было въ этомъ боевомъ порывѣ красной арміи не мало и отъ продовольственнаго похода голоднаго центра и сѣвера Россіи на богатые и сытыя окраины, находившіяся въ рукахъ бѣлыхъ армій. Но фактъ сліянія интересовъ крестьянской революціи съ интересами красной арміи невозможно для той эпохи отрицать.

Однако, какъ только кончилась гражданская война и задача защиты крестьянской революціи отъ реставраціи и интервенціи была въ общемъ разрѣшена, сразу же обнаружилось глубочайшее и опасное расхожденіе между задачами диктатуры и настроеніями военно-крестьянскихъ массъ. Мы имѣемъ на этотъ счетъ интересное показаніе одного изъ организаторовъ и участниковъ гражданской войны, С. Гусева, относящееся какъ разъ къ этому критическому моменту въ исторіи диктатуры. Въ № 15 «Политработника» за 1921 г. онъ подводитъ итоги коммунистическаго воздѣйствія на крестьянъ-красноармейцевъ и приходитъ къ слѣдующимъ неутѣшительнымъ для диктатуры выводамъ:

«Вмѣстѣ съ концомъ гражданской войны обнаружилось, однако, что работа политическаго воспитанія красноармейца и превращенія крестьянина въ коммуниста была выполнена узко и однобоко, да иначе и не могла быть выполнена. Изъ всей нашей пропаганды крестьянинъ-красноармеецъ прочно воспринималъ лишь то, что соответствуетъ его классово-мелкобуржуазной природѣ, все остальное отскакивало отъ него, какъ ненужная шелуха. Онъ очень хорошо понималъ, что надо разъ навсегда покончить съ помещичье-генеральской контръ-революціей для того, чтобы она не отобрала у него земли и воли; что для этого нужна армія, что большевики коммунисты изъ всѣхъ партій слѣдаютъ это дѣло наилучшимъ образомъ. Что касается міровой революціи, новыхъ империалистскихъ войнъ, крушенія капитализма и вопросовъ нашего хозяйственнаго социалистическаго строительства, то «на душу» это

ему «не дожилось». Былъ только одинъ періодъ, когда онъ приобщился къ вопросамъ міровой политики, это — во время русско-польской войны. Но въ глазахъ крестьянина-коммуниста, одѣтаго въ красноармейское обмундированіе, русско-польская война была не революціонной, а національной войной. Воевала не социалистическая Россія противъ империалистической Польши, а русскій народъ противъ поляковъ. Подъемъ русскаго шовинизма въ красной арміи во время русско-польской войны не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію, это была неизбежная дань крестьянскому ея составу.

Коммунистъ красноармеецъ изъ крестьянъ оказался узкимъ и однокимъ какъ разъ въ мѣру мелкобуржуазнаго демократизма. Съ окончаніемъ гражданской войны крестьянская революція была исчерпана до конца: крестьянинъ получилъ землю и обезпечилъ ея на ближайшее будущее отъ помещика и генерала. Стало быть, оставалось только одно: немедленно принятыя за свое запущенное хозяйство. Мелкій собственникъ вылезалъ наружу, «власть земли» и власть частной собственности цѣлко забирали его въ свои лапы и направляли противъ РКП, поскольку она по инерціи еще продолжала по окончаніи гражданской войны политику «военнаго коммунизма». На этой почвѣ возникаетъ Кроунтадтъ и рядъ однородныхъ явленій въ красной арміи; на этой почвѣ вырастаетъ тамбовское возстаніе и расширяется бандитизмъ на Украинѣ, исторически имѣвшій иные корни... Въмѣстѣ съ кронштадтско-тамбовскимъ поворотомъ крестьянской стихіи повернула и часть коммунистовъ крестьянъ, что сказалось, понятно, и въ красноармейскихъ ячейкахъ. Часть ушла изъ партіи, хотя и осталась (формально въ ея рамкахъ, но на дѣлѣ была противъ нея (крестьянская или «мужицкая оппозиція» въ нѣкоторыхъ дивизіяхъ Кіевского округа), наконецъ, отъ нѣкоторой части партія сама была вынуждена освободиться во время чистки».

Показаніе это въ высокой мѣрѣ цѣнно. Уже тогда видный коммунистъ отдавалъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что даже въ періодъ непосредственныхъ революціонныхъ задачъ красная армія была арміей мелкихъ крестьянскихъ хозяевъ, отъ которыхъ, какъ «шлуха», отскакивали всѣ специфическія внушенія коммунизма. Наступательный по-

рывъ въ войнѣ съ Польшей былъ порывомъ не революціоннымъ и тѣмъ менѣе социалистическимъ, а порывомъ націоналистическимъ. Крестьянская революція кончилась и вмѣстѣ съ нею кончился временный союзъ между истинно крестьянской арміей и мнимо пролетарской диктатурой.

Замѣтите, что глубокой скептицизмъ цитируемаго автора относительно качествъ того коммунизма, который усваивали солдаты, относится не только ко всей солдатской массѣ въ цѣломъ, но въ частности и къ тѣмъ «200.000 крестьянамъ-коммунистамъ», которыхъ даже официально зачислили въ партію. Если ужъ эти оказались такими мелкими буржуями, то легко понять какими «коммунистами» были остальные.

Съ окончаніемъ гражданской войны крестьянскую армію перестаетъ что-либо связывать съ интересами диктатуры. Живой опытъ революціонной борьбы исчезаетъ. Внутренній врагъ побѣжденъ. Внѣшній слишкомъ силенъ и опасенъ и уже показалъ, что ввязываться съ нимъ въ серьезную драку — рискованно. Реальныхъ, жизненныхъ политическихъ задачъ у арміи больше нѣтъ. Она превращается въ постоянную, въ «стоящую» силу обездушеннаго милитаризма. И если даже въ эпоху революціи и гражданской войны коммунисты къ ужасу своему убѣждались, что отъ солдата крестьянина отскакивало, какъ «шелуха», все содержаніе ихъ специальной коммунистической пропаганды и агитаціи, то тѣмъ менѣе было оснований надѣяться на лучшіе результаты въ эпоху политическаго застоя, когда революціонныя грозы уже позади и сѣрая тоска казарменной маеты заслоняетъ «перспективы» даже у наиболѣе натасканныхъ на «перспективы» политработниковъ арміи.

Крестьянская кость въ коммунистическомъ горлѣ начинаетъ все болѣе и болѣе надоѣдать. Борьба съ «крестьянскими настроеніями» въ арміи становится главнымъ содержаніемъ коммунистической работы въ арміи. Но эта работа крайне затруднена, въ значительной мѣрѣ просто безнадежна, потому что эти «настроенія» проникаютъ въ весьма сильной дозѣ какъ разъ въ ту среду патентованныхъ военныхъ коммунистовъ, которые призваны эти настроенія уничтожать у другихъ. Врачъ самъ не въ состояніи исцѣлиться отъ язвы, которую онъ хочетъ лечить у своихъ пациентовъ. Это мы слышали отъ С. Гусева въ

1921 г. Но дальше это просачиваніе крестьянских настроений въ военно-коммунистическую среду нисколько не останавливается, несмотря на грандіозныя чистки и яростную борьбу со всякими «оппозиціями». Мы ниже ознакомимся съ достаточно красочнымъ матеріаломъ, это подтверждающимъ. Но сейчасъ послушаемъ, что объ этомъ говорилъ членъ Реввоенсовѣта и одновременно членъ руководящей коллегіи ГПУ — Уншлихтъ.

«Не забывайте, товарищи, — говорилъ онъ на собраніи партактива ленинградскаго гарнизона, — что основной костякъ нашей рабоче-крестьянской арміи — это крестьянскій молоднякъ, который попадаетъ въ ряды красной арміи со всѣми тѣми настроеніями, которыя имѣются въ деревнѣ, молоднякъ, который получаетъ письма изъ деревни, эти настроенія будирующія. Я исхожу поэтому изъ того, что въ красной арміи можетъ быть болѣе сильный напоръ мелко-буржуазной стихіи на ряды нашей партійной организациі. Отсюда опасность, что въ рядахъ нашей парторганизациі въ красной арміи могутъ оказаться элементы, поддающіеся правымъ настроеніямъ. И эта опасность больше чѣмъ въ нашихъ гражданскихъ партійныхъ организаціяхъ. Мы должны поэтому вполне опредѣленно сказать: будьте, товарищи, на чеку, вскрывайте тотъ напоръ, который имѣется со стороны мелкобуржуазныхъ элементовъ, дайте ему должный рѣшительный отпоръ» *).

Это было установлено и сказано еще до бѣшенаго разгула колхознаго эксперимента. Уже тогда, въ концѣ 1928 г. накопилось достаточно тревожнаго матеріала по части «напора» и «отпора», хотя лѣвый курсъ еще не явился во всей своей зрѣлой прелести. И тѣмъ не менѣе азартные игроки рѣшили поставить эту преступную ставку на превращеніе русскаго крестьянства въ армію казенныхъ батраковъ и, въ лучшемъ случаѣ, въ казенныхъ лумпенъ-крестьянскихъ иждивенцевъ. Судорога, прошедшая по тѣлу русскаго крестьянина, немедленно передалась

---

*) «Красная Звѣзда» 15-XI 1928 г. Въ дальнѣйшемъ всѣ ссылки на этотъ центральный органъ красной арміи я буду дѣлать въ скобкахъ въ самомъ текстѣ, ограничиваясь только датой выхода цитируемаго номера газеты. Тамъ, гдѣ указаніе года отсутствуетъ, подразумевается 1929 г. Курсивъ въ этой статьѣ почти цѣликомъ (но не исключительно) принадлежитъ мнѣ.

крестьянскому молодняку въ красной арміи. Это произошло тѣмъ легче и быстрѣе, что въ результатѣ аграрной революціи и дробленія крестьянскихъ дворовъ въ красной арміи находится относительно гораздо больше молодыхъ хозяевъ самостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ, чѣмъ въ царской арміи. Пониженіе возраста брачущихся въ результатѣ революціонной сдвижки быта тоже отразилось на красной арміи усиленіемъ въ ней числа женатыхъ и тѣмъ самымъ болѣе чувствительныхъ къ судьбамъ индивидуальнаго крестьянскаго хозяйства, чѣмъ молодой холостой солдатъ, являющийся только «крестьянскимъ сыномъ» *).

Въ свою очередь сами политическіе органы красной арміи сдѣлали все, чтобы эту тревогу красной арміи за судьбу крестьянскаго хозяйства усилить до крайней степени. Армію безудержно втягиваютъ въ политику, въ данномъ случаѣ въ антикрестьянскую политику, и фацтазія диктатуры распаляется блудливымъ желаніемъ превратить массу въ 562 тысячи, обряженныхъ въ мундиры, подчиненныхъ людей въ армію даровыхъ, военно-обязанныхъ агентовъ похода на деревню. Чрезвычайно изобрѣтательные насчетъ всего того, что пахнетъ физическимъ и моральнымъ насиліемъ, коммунистическіе заправилы красной арміи включаютъ въ объемъ воинской повинности давленіе на деревню въ сторону очередныхъ чѣлей совѣтской диктатуры. Кампанія по засѣву, по продналогу, самообложенію, хлѣбозаготовкамъ, распространенію облигацій совѣтскихъ займовъ, по коллективизаціи, по уничтоженію кулака «какъ класса», — чего чего не обязаны только дѣлать крестьянскія дѣти, часто сами хозяева, попавшіе въ армію? Ихъ посылаютъ въ деревни «ударными бригадами», ихъ заставляютъ писать въ деревню письма, рекомендующія землямъ, какъ высшее благо и высшій хозяйственный разумъ, какъ разъ то, что въ данный моментъ требуютъ и проводятъ власти въ центрѣ и на мѣстахъ. Заставляютъ писать письма «отъ себя», а такъ какъ это мало помогаетъ, то печатаются шаргалки, содержащія нѣкоторыя нѣжныя обращенія къ роднымъ, чтобы вышло «натуральнѣе». Эти шаргалки послѣ, по командѣ, перепис-

*) На 1-І 1929 г. въ красной арміи числилось 38,5 процентовъ женатыхъ и 0,7 проц. вдовыхъ и разведенныхъ. «Статистическій справочникъ СССР за 1928 г. ЦСУ СССР. Москва 1929 г. стр. 51.

сылають и отсылають по индивидуальнымъ адресамъ за индивидуальными подписями. Всѣ письма изъ деревни къ красноармейцу проходятъ черезъ взоры начальства и, если письмо содержитъ какую нибудь жалобу на притѣсненія, адресату внушаютъ соответствующій успокоительный отвѣтъ. Если это не выходитъ и красноармеецъ упорствуетъ въ своемъ настроеніи, внушенномъ печальными вѣстями изъ дому, производится разслѣдованіе, обязательно кончающееся изобличеніемъ «кулацкаго маневра» и т. п. Черезъ соответствующую ячейку на мѣстахъ производится на родителя то или иное давленіе, а несчастный получатель письма становится объектомъ придировокъ и преслѣдованій, кончающихся иногда исключеніемъ его изъ арміи и, слѣдовательно, потерей и тѣхъ жалкихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, которыми красноармеецъ и его хозяйство обладаютъ.

Все это подкрѣпляется лошадиными дозами политграмоты, въ теченіе которой красноармеецъ долженъ выучить на зубокъ не только то, отъ чего съ души воротить, вслѣдствіе безнадежной невнятицы и схоластичности, но и то, что глубоко ранить сознаніе красноармейца полнымъ противорѣчіемъ съ его хозяйственными идеалами и моральными представленіями, сложившимися въ его крестьянскомъ міру. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ все, что ему приходится читать, всѣ формы такъ назыв. внѣшкольной работы — кино, театръ, радіо, устные газеты, всякаго рода кружки, бесѣды, игры, лоттереи — все это суматошествуетъ, прыгаетъ, вертится, кричитъ и визжитъ, грохочетъ и барабанитъ все тѣмъ же «соціалистическимъ» строительствомъ», языколомными и головоломными «лозунгами», дающими въ лучшемъ для коммунистовъ случаѣ одинъ результатъ: полное умственное изнеможеніе и духовную пристрацію несчастной жертвы «соціалистическаго просвѣщенія».

Но этотъ лучший для коммунистовъ случай наврядъ ли наиболѣе частый. Съ усиленіемъ колхознаго нажима, начиная примѣрно съ весны 1929 года, свѣдѣнія красноармейской прессы о «крестьянскихъ настроеніяхъ» въ казармѣ становятся все болѣе настойчивыми и тревожными. Исчерпать въ журнальной статьѣ весь этотъ матеріаль представляется невозможнымъ, тѣмъ не менѣе необходимо къ нему присмотрѣться самымъ внимательнымъ образомъ. И не потому, что онъ самъ по себѣ въ высокой мѣ-

рѣ интересенъ для познанія того, чѣмъ живетъ красная армія, но и по той особой роли зеркала русской деревни, которую красная армія играетъ. Конечно, на это зеркало надышалъ коммунизмъ и отраженія въ немъ туманныя и расплывчаты. Но громадную цѣнность эти казенныя показанія о «деревенскихъ настроеніяхъ» получаютъ потому, что ни одна группа населенія не подвергается столь тщательному изученію, какъ населеніе казармы. Диктатура знаетъ, что здѣсь ея наиболѣе слабое мѣсто и поэтому она поминутно суетъ красной арміи подъ мышку термометръ, изслѣдуетъ давленіе крови, состояніе пульса, непрерывно выстукиваетъ ее и выслушиваетъ, и тысячи другихъ процедуръ и манипуляцій составляютъ предметъ повседневныхъ заботъ руководителей красной арміи. Правда и то, что большой, взятый въ такую назойливую передѣлку, въ отличіе отъ общаго правила, симулируетъ «здоровье», опасаясь слишкомъ коновальныхъ методовъ леченія. Но все-таки такого количества показаній о состояніи той части деревни, которая пребываетъ въ казармѣ, мы не можемъ получить относительно самой деревни. Черезъ показанія о крестьянскихъ настроеніяхъ въ арміи мы такимъ образомъ можемъ многое узнать изъ того, что дѣлается въ толщѣ самого крестьянскаго населенія.

И еще одно замѣчаніе о качествахъ этого матеріала необходимо сдѣлать. Я буду приводить здѣсь изъ военной печати только примѣры такъ назыв. «отрицательныхъ настроеній». Но это далеко не значитъ, что въ этой прессѣ нѣтъ достаточнаго числа показаній и о «положительныхъ настроеніяхъ». Такихъ показаній, радующихъ коммунистическіе сердца, болѣе даже чѣмъ достаточно. Я, однако, имѣю основанія думать, что эти положительные факты въ значительной мѣрѣ выдуманы и преувеличены, между тѣмъ, какъ отрицательные факты въ еще болѣе значительной мѣрѣ скрыты, извращены или ослаблены въ своей значительности. Это съ моей стороны не догадки только. Теперь уже самъ Сталинъ и ЦК ВКП должны были публично признать, что въ донесеніяхъ съ колхознаго фронта было много восторженно-побѣднаго вранья. Если это говорится о штатскомъ секторѣ колхознаго фронта, то тѣмъ болѣе это относится къ армейскому сектору, потому что въ любой странѣ и въ любыхъ условіяхъ военное восторженное вранье по самому своему милитаристскому существу выгладитъ всегда бойчѣе штатскаго во-

сторженнаго вранья. При этомъ мнѣ слишкомъ запомнилось то, что о прославленныхъ качествахъ совѣтской прессы говорилъ когда-то «самъ» Молотовъ: «Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ нашей печати — ея угодливость, ея стремленіе представить желаемое существующимъ, ея неумѣніе открыто сказать то, что есть, не закрывая глазъ на темныя отрицательныя стороны... Ходъ кампаніи рисуется въ большинствѣ случаевъ такъ, какъ полагается въ резолюціи, — какъ сказано въ резолюціи, такъ и получается» (Правда» 1926. 5-V). Имѣя такого рода факты и предостереженія относительно характера коммунистической информации, я смѣло беру на себя одіумъ «односторонности» и останавливаюсь только на томъ, что коммунистовъ печалитъ, оставляя въ сторонѣ то, чѣмъ они себя тѣшатъ.

Если же, однако, теоретически допустить одинаковую достовѣрность матеріала «отрицательнаго» и «положительнаго», то тогда мы неизбежно должны придти къ такому выводу: на почвѣ крестьянскаго вопроса въ красной арміи назрѣло острое противорѣчіе между различными ея частями, которое, при дальнѣйшемъ развитіи и въ критическій политическій моментъ, можетъ принять формы ожесточенной гражданской войны уже внутри самой красной арміи между двумя, другъ противъ друга оружіемъ оцетинившимися, частями. Объективный смыслъ стараній политическихъ органовъ красной арміи къ тому и сводится, чтобы такую войну внутри арміи раздуть. Лично я, однако, сомнѣваюсь, чтобы этимъ органамъ удалось создать въ красной арміи сколько нибудь значительный и опасный антикрестьянскій фронтъ, направленный по существу противъ 4/5 всей арміи.

Послѣ этихъ необходимыхъ предварительныхъ замѣчаній я могу перейти къ разсмотрѣнію конкретнаго матеріала показаній воснной прессы.

**

Опасный для благонадежности сознанія военно-служащихъ моментъ наступаетъ большей частью послѣ побытки ихъ по той или иной причинѣ въ деревнѣ. Возвращаются оттуда люди, точно отравленные.

Членъ ВКП, Ведровъ, старшій писарь сверхсрочной службы, вернувшись послѣ отпуска изъ деревни Ураль-

ской области, заявилъ: «Находясь въ деревнѣ, я убѣдился, что мы много денегъ тратимъ на индустриализацію, что надо часть средствъ перебросить въ деревню. Если мы и дальше будемъ обижать крестьянъ, то пятилѣтка лопнетъ, мы ея не выполнимъ... Съ хлѣбозаготовками мы переборщили, перегнули палку. Во время прошлыхъ хлѣбозаготовокъ у бѣдноты и середняковъ весь хлѣбъ выкачали. У кулаковъ мы выкачали весь существующій и несуществующій хлѣбъ. Поэтому бѣдняку негдѣ было купить хлѣба... Хлѣбозаготовки — добровольная вещь, а тамъ въ деревнѣ такой нажимъ — описываютъ имущество, продаютъ его, вообще въ деревнѣ процвѣтаетъ 100-процентный военный коммунизмъ. Новыя хлѣбозаготовки идутъ туго, планъ не выполняется, потому что у крестьянъ нѣтъ хлѣба... Если у насъ не хватаетъ хлѣба, то нужно его выписывать изъ-за границы, а не отбирать у крестьянъ. Колхозы надо строить только тогда, когда у насъ будетъ достаточно тракторовъ, а пока отъ колхозовъ толку нѣтъ, ранѣе созданные колхозы разваливаются, мужики изъ нихъ бѣгутъ. Поэтому помогать нужно только индивидуальнымъ хозяйствамъ. Колхозы подъ палкой насаждать не слѣдуетъ. Въ общемъ деревня у насъ забыта. По сравнению съ 1925 годомъ мы далеко шагнули не къ смычку, а къ размычку города и деревни» (6-X). Въ томъ же № корреспондентъ изъ Грознаго сообщаетъ, какъ «комсомолецъ Николаевъ поѣхалъ въ отпускъ въ деревню агитаторомъ за линію ЦК, пріѣхалъ и заявляетъ: «Вотъ что, товарищи, мы здѣсь много говоримъ, а на самомъ дѣлѣ деревня идетъ подъ гору, ея жмутъ со всѣхъ сторонъ». Зане подобныя взгляды Николаева изъ комсомола выкинутъ».

Бывшій батракъ Доминкевичъ, командиръ и членъ партіи, вернувшись съ отпуска изъ своей деревни Донского округа, не выдержавъ и написалъ прямо Калининну: «Я хочу прежде всего, Михаилъ Ивановичъ, познакомить васъ съ тѣмъ, что представляетъ изъ себя колонія, о которой идетъ рѣчь. Въ революціонное время вообще нѣмало хлѣборобы, иначе говоря, маленькіе помѣщики, жили очень хорошо. Каждый домохозяинъ имѣлъ отъ 50 до 600-700 гектаровъ земли, стадо овецъ, лошадей, коровъ, приличныя постройки и четовѣкъ 6-8 рабочихъ. Сейчъ же эта, когда-то богатая, колонія сдѣлалась ничтожной и бѣдной... Въ Воронцовкѣ свыше 30 хозяйствъ лишенныхъ правъ, эти хозяйства разорились до безумія. У нихъ остро-

лись только дома, доставшіеся по наслѣдству, остальные постройки разобраны и проданы, чтобы выполнить то, что требуетъ совѣтская власть, т. е. уплачивать налоги... Въ этомъ году налогъ увеличенъ вдвое... А Воронцовскіе крестьяне давшимъ давно покупаютъ себѣ хлѣбъ на прокормленіе... И еще, Михаилъ Ивановичъ, есть, т. е. была масса ненормальностей по реализаціи крестьянскаго займа, а въ особенности по хлѣбозаготовкѣ, которая проила звѣрски!» (16-VIII).

Командиръ авіобригады, членъ партіи Корсуковъ, вернувшись изъ деревни, выступаетъ на партійномъ собраніи своей части съ такой рѣчью: «Одни говорятъ, что хлѣба у насъ мало, другіе — что много, третьи, — что со временемъ будетъ. Нужно разобратся — какъ у насъ сельское хозяйство: растетъ или стоитъ на мертвой точкѣ. Я въ деревнѣ самъ убѣдился, что съ сельскимъ хозяйствомъ далеко не благополучно» (5-VII). Газета находитъ, что подобныя мнѣнія не единичны и приводитъ заявленіе одного изъ командировъ — секретаря коммунистической ячейки: «Если нѣтъ хлѣба, мы сами виноваты. Надо полнять цѣны на хлѣбъ, надо сначала подтянуть легкую индустрію». Подобныя «правыя» и «кулацкія» настроенія обнаружены газетой среди партійныхъ командировъ цѣлаго ряда крупныхъ воинскихъ единицъ, во флотѣ и въ авіаціи. Въ частности командиръ 51 дивизіи, Лозовскій, заявляетъ: «надо дать возможность развиваться всѣмъ крестьянамъ въ томъ числѣ и богатымъ. Кулаковъ у насъ нѣтъ, разъ у насъ у власти стоитъ рабочій классъ. Кулакъ работаетъ, значитъ — онъ трудится, пусть всѣ развиваются до самой высшей точки. а потомъ они сами перейдутъ въ коллективизмъ».

Иногда эти «кулацкія» настроенія принимаютъ законченную программную форму. Такъ политрукъ одного изъ полковъ. Прейденъ, подалъ въ бюро своей ячейки такое мотивированное заявленіе: «Я вамъ заявляю, что во имя интересовъ пролетаріата, во имя интересовъ пролетарской революціи я буду бороться за то, чтобы измѣнить немедленно политику, которая ведетъ не только къ деградации сельскаго хозяйства, но и къ срыву социалистическаго строительства». Этотъ радѣющій о «пролетарской революціи» политрукъ тутъ же излагаетъ свою платформу, въ которой имѣются такія требованія: «Понизить налоги на все крестьянство; ликвидировать остатки военнаго комму-

низма и внѣдрять нѣпъ въ деревнѣ»; «предоставить широкое право участія въ коопераціи всѣмъ слоямъ крестьянства», «дать полную свободу развитія частной кустарной промышленности и сельско-хозяйственного ремесла, освобождая кустарей и ремесленниковъ отъ тяжести налоговъ». Это сенсационное заявленіе было сдѣлано еще 3 апрѣля 1929 г., но въ газету оно попало только 21 іюля, послѣ того, какъ Прейдена соответственно обработали. Однако сама газета находитъ, что если Прейденовъ открытыхъ — единицы, то «значительно больше скрытыхъ Прейденовъ, полупрейденовъ, четверть прейденовъ... Развѣ мы не слышимъ сейчасъ отдѣльныхъ голосовъ... о томъ, что въ деревнѣ идетъ грабежъ?... Есть элементы хвостистскіе, умѣющіе только слушать, какъ нѣкоторые красноармейцы выражаютъ свое недовольство хлѣбозаготовками, но палецъ о палецъ не ударяющіе для борьбы съ такими настроеніями. ...Къ сожалѣнію, такія настроенія имѣются не только среди красноармейцевъ — членовъ партіи, но и среди отдѣльныхъ лицъ изъ парткомсостава».

Иногда эти «настроенія» принимаютъ весьма активную форму. Мы читаемъ сообщеніе про красноармейца 297 стрѣлковаго полка, Приставко, который — «систематически агитировалъ среди своихъ товарищей противъ совѣтской власти». Онъ говорилъ, что «совѣтская власть налогами и самообложеніемъ грабитъ крестьянъ. Про политзанятія Приставко выражался, что имъ, красноармейцамъ, «дурятъ головы». На самомъ дѣлѣ крестьяне, какъ были бѣдняками, такъ ими остались, а рабочіе живутъ, какъ дворяне и помѣщики» (1-Ш). На общелагерномъ собраніи послѣ доклада командира предлагаютъ взять слово. Наступаетъ долгое, тоскливое молчаніе, нарушенное, наконецъ, однимъ изъ красноармейцевъ. — «И полилась жалоeba на бѣдность, на непосильный налогъ, на произволы властей, на чрезвычайныя мѣры, примѣняемыя къ бѣднякамъ». Прямо удивительно, что здѣсь газета отходитъ на моментъ отъ ерничающаго тона просвѣщеннаго превосходства и допускаетъ даже нѣкоторый лиризмъ. Однако, этому красноармейцу кончить не дали и принесли ему «кулака». На докладѣ въ артиллерійскомъ 46 полку — «красноармеецъ Кустъ все время подъ носъ бурчалъ: — Все это неправда. Крестьянъ грабятъ — и больше ничего». Ему пришли «подкулачника». На собраніи 130 полка красноармеецъ Сабенинъ — «твердилъ, что въ его родномъ

селѣ хлѣбъ забирають у всѣхъ безъ различія». Сабенина тоже объявили «кулакомъ» (11-VII). Въ конно-артиллерійскомъ дивизионѣ завелась группа «кулаковъ и подкулачниковъ». Газета такъ описываетъ «методы ихъ работы»: «Въ части проводится подписка на заемъ. Указанныя лица подпискѣ активно противодѣйствуютъ. Проводится работа по коллективизации и хлѣбозаготовкамъ — эта группа противодѣйствуетъ. Проводится политзанятіе — «Береги оружіе и народное достояніе» — кулаки развиваютъ агитацію: «какъ ни береги, все равно наша техника не устоитъ противъ капиталистовъ, насъ все равно задуютъ». Въ это же время одинъ изъ кулаковъ пытается перерѣзать телефонный проводъ, чтобы сорвать занятіе (?). Проводится антирелигіозная рожественская кампанія, а кулакъ Деревягинъ агитируетъ: «кто въ Бога вѣруетъ, тотъ хорошо живетъ». Проводится кооперированіе, а Кургановъ и Болотинъ говорятъ: «лучше отдать деньги частнику». Прорабатывается вопросъ о борьбѣ съ антисемитизмомъ, а кулаки развиваютъ отъявленную антисоветскую агитацію». Эту группу красноармейцевъ изъяли изъ арміи и предали суду. Анализируя подобные факты, газета пишетъ: «Оформился типъ кулацкаго агитатора. Это ужъ не запутавшійся середнякъ, а явный кулацкій агентъ, богатей, случайно, обманомъ пробравшійся въ армію, обнаглѣвшій, знающій, что ему нечего терять» (26-I 1930).

Необходимо при оцѣнкѣ этихъ показаній имѣть въ виду, что эти обозначенія: «кулакъ», «подкулачникъ», «богачей» и т. п. являются не больше, чѣмъ самоутѣшительной бранью и лишены какого бы то ни было социальнаго содержанія. До чего это такъ, видно изъ слѣдующаго наивно-откровеннаго показанія одного изъ корреспондентовъ «Кр. Звѣзды»: «Съ установленіемъ социальной физиономіи бойца — у насъ въ частяхъ иногда очень долго возятся, причемъ нерѣдко идутъ по линіи наименьшаго сопротивленія... Какъ началъ рабочій портиться (!), его «смѣщаютъ» въ чернорабочіе, потомъ сезоннымъ объявляютъ, наконецъ, и вовсе въ люмпены зачисляютъ» (5-II 1930). Вотъ точно такъ, когда начинаетъ «портиться» красноармеецъ-крестьянинъ, то его сначала «смѣщаютъ» въ подкулачники, чтобы наконецъ и вовсе въ «кулаки» зачислить.

Передъ нами какъ разъ такой случай съ комсомоль-

цемъ изъ Ленинграда, который заявилъ баталіонной группѣ о своемъ выходѣ изъ комсомола. Комсомолецъ этотъ заявилъ на допросѣ: «Хлѣбозаготовки идутъ подъ насиліемъ, а отсюда ничего не получается... Крестьяне не хотятъ идти въ колхозы и не пойдутъ. Крестьянинъ говорить: если у меня будутъ двѣ лишніе коровы, то меня причислятъ уже къ кулакамъ, а поэтому онъ боится ихъ имѣть. Отсюда и недостатокъ продуктовъ... Путь выходъ изъ хозяйственныхъ затрудненій — это нѣтъ. А его теперь суживаютъ. Надо дать свободу частнику, не слѣдуетъ его душить такъ сильно налогами. А частникъ товары найдеть...» Копнули, откуда это у человѣка такіа идеи опасныя и обрадовались, нашли: «работалъ по канализациі и еще въ рядѣ мѣстъ по одному и двумъ мѣсяцамъ. А на фабрикѣ и на заводѣ онъ не былъ» (15-X). Вотъ оно что! Въ томъ же № газеты рассказывается про подобныя же настроенія «у ряда товарищей» одного полка на Украинѣ. Здѣсь эти настроенія были «массовыми». Членъ партіи, Матюшенко, «обычно голосовалъ противъ правыхъ. Однако это не мѣшало ему «по душамъ» и гдѣ попало говорить: крестьянское хозяйство грабятъ, разоряютъ, оно не можетъ развиваться... Соболезнующие глядя на красноармейцевъ, Матюшенко уныло качалъ головой. -- «На ихъ мѣстѣ я бы ни за что не тащилъ пулемета. Съ какой стати и за что?» Среди комсомольцевъ тоже слышались опасныя заявленія: «Крестьянскому парню негдѣ и главѣ преклонити».

1929-й и начало 1930-го года сопровождаются усиленнымъ колхознымъ нажимомъ на красноармейцевъ-крестьянъ. Это вызываетъ въ арміи глухое броженіе, подготовленное уже предыдущимъ періодомъ, когда колхозное безуміе было еще тихимъ. Уже въ тотъ, тихій, періодъ то и дѣло проникаютъ въ печать свѣдѣнія о крестьянской оппозиціи въ рядахъ арміи. На собраніи партійныхъ ячеекъ самарскаго гарнизона въ октябрѣ 1928 г. выступаетъ коммунистъ Фроловъ и заявляетъ: «Въ отсталости сельскаго хозяйства наша вина; мы на него мало обращали вниманія. Крестьяне не удовлетворены, ибо сельскому хозяйству революція ничего не дала. Изъ мелкаго хозяйства сдѣлать крупныя нельзя и напрасныя силы — создать колхозы, которые не прививаются. Изъ мелкихъ лодокъ корабль не сдѣлаешь, даже если бы и было желаніе... Сельско-хозяйственная кооперация роли своей не выполнитъ».

не создасть крупнаго хозяйства въ деревнѣ, мелкое хозяйство погибнетъ... Деревнѣ надо развязать руки» (15-ХІ 1928). Въ томъ же номерѣ сообщается про командира полка Н-ской дивизіи, заявившаго на собраніи перемѣнниковъ: «Намъ нужно, чтобы у насъ не было бѣдняковъ, чтобы всѣ стали богатыми. Пусть бѣднякъ станетъ середнякомъ, а середнякъ дойдетъ до кулацкаго уровня. Неправда, что мы ихъ будемъ лишать права голоса. Ничего подобнаго, лишать права голоса мы не будемъ. Обогащайтесь, товарищи!»

Особое волненіе въ арміи вызывали твердыя цѣны на хлѣбъ. Весною 1928 г. «Красная Звѣзда» удостовѣряла: «мы имѣемъ въ цѣломъ рядъ частей такіе случаи, когда не только рядовые партійцы, но отдѣленные командиры, командиры взводовъ и даже, какъ это не странно, порою и политруки не умѣютъ удовлетворительно объяснить красноармейцу нашу политику твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ. Красноармеецъ ставитъ вопросъ: «если частникъ платитъ на 15-20 коп. въ пудъ дороже, чѣмъ государственный заготовитель, почему я долженъ продавать этотъ хлѣбъ все таки не ему?» Въмѣсто толковаго и обстоятельнаго отвѣта, онъ иногда получаетъ такое объясненіе, что государство больше дать не можетъ, а допустить частника къ заготовкамъ не желаетъ». Не умѣютъ казенные просвѣтители отвѣтить и на обычную жалобу крестьянина-красноармейца: «нашъ товаръ дешевле, а за промышленные товары берутъ очень дорого» (9-ІІІ 1928).

Понятно, что «толковый отвѣтъ» на такіе резонные крестьянскіе вопросы дать невозможно и армейскіе экономисты отдѣляются осточертѣвшими шаблонами или, какъ часто жалуются центральный органъ красной арміи, «замазываютъ вопросъ». Фактически многіе изъ нихъ знаютъ, что они говорятъ крестьянамъ солдатамъ такія вещи, которыя совершенно не укладываются въ ихъ мозгу. Анализируя методы политической накачки красноармейцевъ «Красн. Звѣзда» приходитъ къ совершенно безнадежному выводу: «Въ лучшемъ случаѣ красноармеецъ запомнитъ данную формулировку безъ осознанія всей глубины ея содержанія, но это не убѣдитъ его въ правильности тѣхъ положеній, которые политрукъ хочетъ доказать долбешкой формулировкой. Несомнѣнно, убѣжденности борца мы добиваемся въ очень ничтожной степени. Такой догматизмъ часто при-

учаетъ его... пассивно соглашаться съ групповодомъ, не будучи убѣжденнымъ въ правотѣ послѣдняго». При этомъ опасно и слишкомъ втягивать красноармейцевъ въ разговоръ, ибо по замѣчанію одного политрука — «дай имъ волю, такъ они такую демагогію разведутъ»... (28-VII 1928). Знакомая уже намъ, отскакивающая отъ крестьянина-красноармейца, «шелуха» коммунистическихъ инспирацій каждый разъ даетъ о себѣ знать. Мы находимъ характерную въ этомъ отношеніи сценку: «Групповодъ долго и страстно доказываетъ правильность политики совѣтской власти въ деревнѣ, боязливо поглядывая на красноармейцевъ, убѣдилъ ли онъ ихъ или нѣтъ. Одинъ изъ красноармейцевъ проситъ разрѣшеніе высказаться, съ минутой мнется и заявляетъ, что политика совѣтской власти очень хороша, но мѣстные сельсовѣты ее проводятъ плохо: — «крестьянство грабятъ и карманы набиваютъ». Групповодъ ошеломленъ. Боясь обостренія вопроса, онъ спѣшитъ согласиться: да, дѣйствительно, сельсовѣты плохо работаютъ». Другой случай въ томъ же стилѣ изложенъ темно. Въ лагеряхъ было зачитано письмо нѣкоего Пластинкина, должно быть очень контръ-революціонное. Пластинкинъ ...«клялъ совѣтскую власть и грозился ухъать за границу». И вотъ картина: «Политрукъ залпомъ прочитываетъ письмо, съ улыбочкой снабжаетъ его короткимъ комментариемъ и предлагаетъ высказаться. Выступаетъ одинъ изъ зажиточныхъ и заявляетъ, что Пластинкинъ «по существу правъ, но плохо выразилъ свои мысли». Политрукъ, попрежнему съ улыбочкой, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ, ставитъ вопросъ на голосованіе, и къ великому своему удивленію видитъ, что больше половины красноармейцевъ отъ голосованія воздерживаются. Поднимается сумятица, вскакиваютъ партійцы и начинаютъ говорить, что уже поздно — ротъ надо идти на политическія занятія» (18-VII 1928).

Съ переходомъ тихаго колхознаго умопомѣшательства въ умопомѣшательство буйное крестьянскія настроенія въ арміи еще болѣе обостряются. Въ армію изливается потокъ писемъ изъ деревни, полныхъ потрясающими подробностями великаго деревенскаго раззоренія. Письма эти всѣ перлюстрируются, а нѣкоторыя изъ нихъ, дающія матеріалъ для благочестиваго противу врага негодованія, воспроизводятся въ выдержкахъ въ военной печати. Но

даже въ этой казенной перегонкѣ онѣ все-таки представляютъ выдающійся интересъ. Приведемъ кое-что изъ этого матеріала.

«Ты пишешь, чтобы вступали въ колхозы. Но вѣдь хорошо тому идти въ коллективъ или коммуны, кто чистъ, ни кола, ни двора не имѣетъ. А у насъ, ты знаешь, кое-что имѣется. Въ коллективъ люди ходили съ 19 штукаами скота, а вырывались оттуда только съ парой... Ну, навѣрно въ этомъ году прижмутъ налогомъ, такъ что всѣ въ артели будемъ. И еще пропиши, куда дѣвается хлѣбъ. Граждане сынаютъ хлѣбъ государству, а его у государства не купишь. Онъ, навѣрное, увозится за границу. Мы готовимся къ «соціализму». — все продаемъ. Мой папаша выгналъ самогону за два дня на 35 рублей». Пишутъ это курсанту полковой школы, Крячко. Красноармейцу Ермолову пишетъ мать изъ деревни: «Новостей у насъ много, если все прописать, то не опишешь. Бѣдность середняковъ загнала... что хотятъ, то и дѣлаютъ. На насъ наложили вывести 140 пудовъ хлѣба, говорятъ, что мы раньше землю покупали, да по многу хлѣба сѣяли. Калашникова лишили права голоса и 450 пудовъ требуютъ. Нагорнаго на 175 пудовъ обложили за то, что онъ быками торговалъ, и съ Федора Васильевича 800 рублей налога требуютъ. Вотъ, сынокъ, до чего мы дошли, отъ дѣла отбились. Ходимъ, будто что потеряли, жалко отдавать». Письма эти вызвали «разслѣдованіе» и въ результатѣ «ураганнаго огня» было объявлено, что письма эти идутъ отъ кулаковъ и кулаки все врутъ (30-VIII).

Весною 1929 г. «Красная Звѣзда» писала, что «характернымъ въ политическихъ настроеніяхъ красноармейцевъ послѣдняго періода является нѣкоторое обостреніе «крестьянскихъ настроеній»... при чемъ характернымъ также является усиленіе вліянія въ этомъ отношеніи писемъ, поступающихъ изъ деревни». Борьба съ этими «настроениями» даетъ слабыя результаты, такъ какъ при соответствующей агитаціи — «совершенно не учитывается степень убѣжденности бойцовъ въ мѣропріятіяхъ партіи и власти», вслѣдствіе чего — «часто получается, что агитація изъ деревни, черезъ письмо, имѣетъ большій результатъ, чѣмъ бесѣда политрука» (22-III). Газета часто возвращается къ этому вопросу и тревожно сообщаетъ: «Кулакъ пытается агитировать бойцовъ красной арміи. Присылаетъ письма,

въ которыхъ пишутъ, что грабятъ всѣхъ крестьянъ, пытаюсь нажимъ на него, кулака, выдать за нажимъ на все крестьянство» (23-VII). Изъ отдѣльныхъ кусочковъ этихъ «кулацкихъ» писемъ интересны слѣдующіе. Красноармейцу Панфилову пишетъ гость о томъ, что въ родномъ селѣ начались безпорядки, «такъ какъ власть грабитъ крестьянъ» (11-VII). Красноармейцу Кучумову пишетъ товарищъ изъ деревни: «Наша крестьянская жизнь пропала... Весь народъ ноги посить не сталъ. Теперь у насъ въ Смирновомъ большая часть продаетъ всѣ свои пожитки и ѣдутъ, кто куда хочетъ, какъ въ голодный годъ» (21-VII). Красноармейцу Гавронскому пишетъ изъ деревни его отецъ: «У насъ всѣхъ безъ разбору гонятъ на панцину, а дѣвчатъ гонятъ на панцину, чтобы работать шесть дней». Красноармейцу Бордылюку пишутъ родители: «Хотятъ забрати весь хлѣбъ, шобъ мужикъ не мавъ чимъ посяти... На твоего батька поклали 200 пудовъ... Забираютъ пашню... У тебя забрали лошака та порося, та продали. Батько лежитъ хворый» (тамъ-же).

Въ этой своей живой трепещущей конкретности письма изъ деревни естественно производятъ на красноармейцевъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ докучливая тарбарщина политзанятій. Отсюда и «настроения». Въ апрѣлѣ 1929 г. центральный органъ красной арміи жалуется: «недооцѣнка колхозовъ и совхозовъ, разсматриваніе кулацкихъ хозяйствъ, какъ единственныхъ спасителей отъ хлѣбныхъ затрудненій, игнорированіе бѣдняка, окрепчиваніе его лодыремъ и т. п., разсматриваніе темпа на индустриализацію, какъ неправильнаго курса партіи, выдвиганіе въ качествѣ главной цѣли развитія мелкой промышленности и т. п., и т. п. --- все это ярко проявляется въ настроеніи красноармейцевъ, особенно въ крестьянской ихъ части. (Значить, не только въ крестьянской! Авт) и особенно въ моменты хозяйственныхъ затрудненій».

Замѣьте, что эти сообщенія относятся къ частямъ московскаго военнаго округа, гдѣ сосредоточены наибольшія силы политическаго воздѣйствія на умы красноармейцевъ. И тѣмъ не менѣе газета вынуждена признать, что «что касается систематической работы по ликвидаціи этихъ настроеній, сплошь и рядомъ эта работа либо отсутствуетъ вовсе, либо чрезвычайно слаба». И дальше мы находимъ рядъ конкретныхъ сообщеній:

«Въ N-ской мѣстной стрѣлкой ротѣ красноармейцы Голубевъ и Ивановъ говорятъ, что «партія зажимаетъ середняка налогами». «Не даютъ развиваться индивидуальнымъ хозяйствамъ. Все вниманіе обращено на колхозъ и совхозы» - - проповѣдуетъ недовольный красноармеецъ Бабушкинъ. На политзанятіяхъ «о бѣднякѣ, середнякѣ и кулакѣ» выступило 8 красноармейцевъ и всѣ говорили о томъ, что «нажимаютъ напрасно на кулака, все равно онъ никакого вѣса не имѣетъ и опасности для страны не представляетъ». «Много кричимъ о ростѣ, а на дѣлѣ этого роста нѣтъ» - говорятъ красноармейцы». Далѣе газета сообщаетъ «вопіющіе факты, когда нѣкоторые коммунисты вмѣсто преодолѣнія съ большевистской твердостью нездоровыхъ настроеній въ массахъ, сами нерѣдко плетутся въ хвостѣ этихъ настроеній и даже ихъ возглавляютъ... Политрукъ сапернаго баталіона, т. Маруевъ, на совѣщаніи начсостава разразился слѣдующимъ недовольствомъ (!): «Какъ же проводить разъясненіе, если нѣтъ хлѣба и жмутъ на деревню? Сколько ни разъясняй, хлѣба не будетъ»... Въ то время, какъ партія считаетъ необходимымъ вступленіе въ колхозы коммунистовъ-крестьянъ, одинъ командиръ взвода, Задороженко, членъ ВКП, высказывается противъ коллективизаціи коммунистовъ... «Въ крестьянскомъ вопросѣ я вижу нѣкоторыя неправильности. Я не скажу, что сельское хозяйство деградируетъ, но что въ немъ есть застой — это да. Стимула къ развитію хозяйства крестьянинъ не видитъ. Пока у насъ нѣтъ своихъ хлѣбныхъ фабрикъ — колхозовъ и совхозовъ — политика партіи въ деревнѣ должна вестись такъ, чтобы кулакъ, съ одной стороны, не росъ, а съ другой — ему не мѣшали бы вести культурное хозяйство» «Комсомольцы Денисовъ и Мальцевъ среди красноармейцевъ вели агитацію за то, чтобы «въ перевыборную кампанію не голосовать за коммунистовъ» и что «въ деревнѣ не нужны партійныя и комсомольскія ячейки, такъ какъ отъ нихъ нѣтъ пользы».

Газета сопровождаетъ весь этотъ показательный матеріалъ меланхоличнымъ замѣчаніемъ: «Хвостизмъ среди нѣкоторыхъ партійцевъ и комсомольцевъ на лицо. Подыгрываніе подъ антибольшевистскую дудку въ нашихъ рядахъ имѣетъ мѣсто» (18-VI).

Уже въ самый разгаръ колхозной кампаніи появляег-

ся такое свидѣтельство: «Довольно часто приходится слышать такія заявленія: «зачѣмъ мнѣ колхозъ? я и такъ подниму свое хозяйство». «Дайте намъ свободу работать, засыпемъ хлѣбомъ безъ колхозовъ». «Въ Голландіи нѣтъ колхозовъ, а урожаи тамъ куда лучше нашихъ». Встрѣчаются выступленія посложнѣе, въ которыхъ кулацкое нутро скрыто подъ семью печатями: «Колхозы хорошо строить на помѣщичьей землѣ, а не на крестьянской. Помѣщичьи земли всѣ использованы, а потому колхозы строить сейчасъ негдѣ и бесполезно»... «Надо сперва поднять хозяйство, а потомъ будемъ строить колхозы». Отдѣленный командиръ, Конюховъ, свой отказъ вступить въ колхозъ объяснилъ тѣмъ, что «сейчасъ мало тракторовъ и они дороги, вотъ будетъ много тракторовъ и подешевле, тогда мы организуемъ колхозъ»... Наконецъ очень широко распространены такіе аргументы противъ колхозовъ: «Колхозы разваливаются», «пусть поработаютъ колхозы годика два, покажутъ свою жизненность, тогда мы вступимъ въ нихъ». Газета увѣряетъ, что «вся аргументація построена на кулацкой лжи» (19-IX). Изъ ряда другихъ воинскихъ частей идутъ подобныя же сообщенія. Такъ корреспондентъ изъ Костромы сообщаетъ:

«Кое гдѣ въ полку и ротѣхъ имѣются отрицательныя явленія: нѣкоторые красноармейцы смутно представляютъ себѣ борьбу съ кулачествомъ. Красноармеецъ Китковъ, бѣднякъ, говоритъ: «Кулаковъ много, куда же мы ихъ будемъ дѣвать?» Другой ему вторитъ: «Всѣхъ не передушишь, не перерѣжешь, по махновски съ ними поступать нельзя, пользы будетъ мало»... Наблюдаются отдѣльные случаи, когда кулака «жалѣютъ»... Красноармеецъ 6-ой роты, Сонниковъ, распоясался во всю, упорно не согласенъ съ коллективизаціей, пытался собирать вокругъ себя красноармейцевъ и вести агитацію противъ колхозовъ... Красноармеецъ 8-ой роты, Квартальный, заявилъ: «Мы на кухнѣ чистить картошку дружно не умѣемъ, а насъ хотятъ заставить вмѣстѣ работать въ колхозѣ». Одинъ красноармеецъ заявилъ, что въ колхозъ загоняютъ насильно». Въ другой корреспонденціи въ томъ же № газеты сообщается, что красноармейцы относятся къ колхозной политикѣ — «въ общемъ положительно». Но антиколхозныя настроенія есть даже среди комсомольцевъ. Если мы не можемъ полностью удовлетворить колхознико-сельско-хоз. машинами, то производительность сельскаго

хозяйства падеть. У себя въ хозяйствѣ крестьянинъ работаетъ круглыя сутки, а въ колхозѣ такъ работать не будутъ — говоритъ комсомолецъ Виноградовъ». Газета заключаетъ свое сообщеніе такимъ наставленіемъ: «По такого рода настроеніямъ надо открыть ураганный огонь» (30-I 1930).

О «жалѣніи кулака» сообщаютъ и изъ ряда другихъ частей. «Есть отдѣльные красноармейцы, которые «сочувствуютъ» кулаку: «неправильно раззоряютъ кулака, почему не принять кулака въ колхозъ?» — спрашиваетъ одинъ подкулачникъ... Недопониманіе (!) нѣкоторыхъ вопросовъ политики партіи, отраженіе мелко-собственнической идеологии, подпаданіе подъ кулацкое вліяніе еще встрѣчается у части середняцкой прослойки. Одинъ красноармеецъ, середнякъ, написалъ домой письмо: «Будете вступать въ колхозъ — продавайте все. Справьте себѣ хорошо одежду и мнѣ рублей 50 - 100 пришлите». Другіе противъ того, чтобы кулака принимать въ колхозъ, но они задаютъ вопросъ: «зачѣмъ у него отнимать лошадь, молотилку?» (31-I 1930).

Чтобы оцѣнить социальный смыслъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ показаній о «крестьянскихъ настроеніяхъ» въ арміи, необходимо имѣть въ виду, что самое свое пребываніе въ арміи красноармеецъ и еще чаще командиръ разсматриваютъ, какъ форму содѣйствія своему же деревенскому хозяйству. Его собственное или хозяйство родителей получаютъ, благодаря его пребыванію въ арміи, рядъ налоговыхъ и административныхъ льготъ, которыя, въ обстановкѣ исключительнаго безправія, имѣютъ для него громадное значеніе, иногда превышающее по своимъ полезнымъ послѣдствіямъ вредъ отъ отвлеченія рабочей силы на двухъ-лѣтнюю военную службу. Если при этомъ красноармейцу удастся еще продвинуться впередъ по служебной или партійной іерархіи, то онъ тутъ въ арміи становится «сильнымъ человѣкомъ», понимающимъ, какъ надо использовать свои «положеніе» для нуждъ своего индивидуальнаго хозяйства въ деревнѣ. Ему дудятъ въ ухо о всякихъ «соціализмахъ» и «коллективизмахъ», иногда онъ самъ объ этомъ дудитъ по наряду въ уши другихъ, но, подчиняясь неизбѣжному въ СССР закону двойного существованія и двойного сознанія, онъ одновременно не выпускаетъ изъ поля своего зрѣнія и тяготѣнія свое соб-

ственное деревенское хозяйство. Нѣсколько примѣровъ освѣтятъ намъ эту сторону дѣла.

Вотъ командиръ Суходоловъ, членъ ВКП и даже «преподаватель политработы». Въ деревнѣ у него совмѣстное съ братьями хозяйство. «Онъ высылаетъ въ деревню удостовѣренія о льготахъ, шлетъ деньги и самъ бываетъ тамъ. Кромѣ того, онъ выполняетъ разныя порученія братьевъ въ городѣ. Хозяйство зажиточное». Сельсовѣтъ облагаетъ его хозяйство на 200 пудовъ и грозитъ описью. Суходоловъ обращается за помощью къ... партійной ячейкѣ и постановленіе селъсовѣта отмѣняется. Хозяйство братьевъ все же зачислено въ кулацкое. Братья немедленно раздѣляются. вмѣсто 200 пудовъ, они сдаютъ только 20... Другой характерный примѣръ. Командиръ эскадрона Скороходъ, владѣлецъ средняцкаго хозяйства. Пользуется наемнымъ трудомъ. Чтобы не платить налога, роздалъ «кому то», «безнлатно» 200 пудовъ хлѣба. Одну изъ своихъ двухъ лошадей устроилъ подъ защиту бѣговаго комитета. Налогъ въ размѣрѣ 9 р. 55 к. «не уплатилъ, а предъявилъ удостовѣреніе о льготахъ и получилъ 100-процентную скидку». Эти примѣры «Красн. Звѣзда» комментируетъ такъ: «Чистка показала, что у насъ много партійцевъ изъ кадроваго, средняго и старшаго начсостава, связанныхъ съ землею... Они шлютъ удостовѣренія о льготахъ, но не знаютъ, кому эти льготы даются, какъ это вліяетъ на бѣдняковъ и средняковъ села. Они не знаютъ часто, или говорятъ, что не знаютъ, какимъ хозяйствамъ помогаютъ» (30-VIII). Иногда, впрочемъ, не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что «они» очень хорошо «знаютъ». Самарскій корреспондентъ «Красной Звѣзды» рассказываетъ характерное дѣло командира взвода, Пожидаева, по происхожденію батрака. «Черезъ кулака Пожидаевъ заарендовалъ для себя 6 десятинъ земли». Всѣ операциі по этой землѣ проводилъ кулакъ Полозковъ. Пожидаевъ на своемъ иждивеніи никого не имѣетъ, и «аренда земли производилась въ цѣляхъ наживы». Во время хлѣбозаготовительной кампаніи 1928 г. сельсовѣтъ «обратился съ просьбой къ Пожидасву о сдачѣ имѣющихся излишковъ государству, указавъ при этомъ, что Пожидаевъ, какъ командиръ рабоче-крестьянской красной арміи, долженъ къ этому огнестись вполне сознательно. Пожидаевъ въ отвѣтъ на это письмо разразился ругательствами по адресу сельсовѣта, угрожая, что онъ пойдетъ жа-

доваться тов. Рыкову, что за извращеніе въ хлѣбозаготовкахъ сажаютъ въ тюрьму и разстрѣливаютъ и что имѣющихъ излишковъ онъ не сдастъ». Въ свою очередь кулакъ Полозковъ укрывался за командирскій мушдиръ Пожидаева и тоже не сдавалъ своихъ излишковъ. Пожидаевъ въ концѣ концовъ былъ исключенъ изъ партіи (20-VI). Замѣчательно, что въ той же части командиръ Фансковъ, изъ чернорабочихъ, кандидатъ партіи «въ бесѣдахъ съ партійцами высказывалъ такіе взгляды: «Кому какое дѣло, если я хочу быть богатымъ? Не нужно строить электростанцій, онѣ не нужны крестьянству».

Другія сообщенія не менѣе характерны. Вотъ членъ партіи съ 1925 г., начальникъ хозяйственной части полка, Мазунинъ. Братъ его въ деревнѣ — «подкулачникъ». Прѣхавъ къ брату, онъ «подпалъ подъ вліяніе зажиточной кулацкой части деревни. Мазунинъ способствовалъ срыву хлѣбозаготовокъ». Кулаки избрали его председателемъ собранія. Здѣсь онъ протестовалъ противъ лишенія его надѣла. «Какъ председатель далъ такую установку: «Политика хлѣбозаготовокъ проводится неправильно. Берутъ двойной налогъ»... Давалъ свободно говорить и голосовать лишенцамъ и въ то же время всячески тормозилъ, мѣшалъ выступленіямъ деревенскихъ активистовъ». Въ томъ же № «Красн. Звѣзды» имѣется сообщеніе о командирѣ дивизіона, коммунистѣ Дерюгинѣ. Въ графѣ о социальномъ положеніи значится: «крестьянинъ-бѣднякъ». Отецъ этого «бѣдняка», какъ выяснилось впоследствии, имѣлъ до революціи 150 десятинъ купчей земли, 4 десятины промышленнаго сада и торговалъ гуртами скота по 30-50 головъ. «Послѣ революціи отецъ Дерюгина вмѣстѣ съ другими кулаками организовалъ лжеколхозъ и такимъ образомъ сохранялъ за собою всю землю и укрывался отъ обложенія». Только въ 1929 г. все это обнаружилось и землю отобрали. Тогда же обнаружилось и слѣдующее: «Дерюгинъ (сынъ) ежегодно посылалъ удостовѣренія на льготу отцу, проводилъ дома свой отпускъ и выступалъ всюду ярымъ защитникомъ кулачества. Жена у него — дочь бывш. придворнаго сановника. Онъ использовалъ свое служебное и партійное положеніе для устройства въ вузъ брата жены. Устроилъ на работу своего брата. Въ общемъ подъ свою опеку взялъ классово-враждебный, антисоветскій элементъ» (2-II 1930). Изъ партіи Дерюгина исключили.

Этотъ механизмъ использованія «красной», «пролетарской» и т. п. арміи для цѣлей хозяйственнаго накопленія и самозащиты вскрывается и въ рядѣ другихъ сообщеній. Изъ приволжскаго военнаго округа пишутъ въ «Красную Звѣзду»: «Многіе провѣрочные комитеты (во время «чистки») отмѣчаютъ, что коммунисты-крестьяне въ томъ числѣ и лично имѣющіе земельные надѣлы, не оказываютъ никакого партійнаго вліянія на свои хозяйства. Отмѣченіи отдѣльные случаи, когда коммунисты-крестьяне изъ числа начсостава лично не пользуются надѣлами по нѣсколько лѣтъ, не сдавали ихъ въ земельное общество, а посылали денежную помощь зажиточнымъ хозяйствамъ, отправляли удостовѣренія на полученіе льготъ, превращали эти хозяйства въ кулацкіе. На чисткѣ выявленъ такой случай. Членъ ВКП — командиръ взвода, Валтинъ, пишетъ отцу и совѣтуетъ быстрѣе расходовать имѣющіяся въ хозяйствѣ деньги, такъ какъ скоро будетъ война и деньги обезцѣнятся. Въ заключеніе Валтинъ совѣтуетъ отцу купить домъ. Отецъ, благодаря удостовѣреніямъ на полученіе льготъ и денежной помощи сына, перенелъ со своимъ хозяйствомъ въ группу кулаковъ. Въ полку Валтинъ былъ членомъ бюро ячейки и членомъ агитаціонной комиссіи при полковомъ бюро». Замѣчательно, что въ частяхъ имѣются «партійціи» крестьяне, которые агитируютъ за коллективизацію, а сами не только не вступаютъ въ колхозы, но и совѣтуютъ роднымъ жить и работать отдѣльно. Тутъ ужъ прямое двурушничество» — возмущается газета, забывающая, что агитировать за коллективизацію — это ихъ дисциплинарная обязанность, а совѣты свои роднымъ не вступать въ колхозы — это ихъ убѣжденіе и ихъ интересъ. Тотъ же корреспондентъ отмѣчаетъ еще одно любопытное явленіе: «въ полку 32-й дивизіи среди выдѣленныхъ на курсы трактористовъ и колхозниковъ оказалось 43% зажиточныхъ». Подобныя же сообщенія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Смыслъ ихъ разнообразенъ: съ одной стороны эти курсы для отпусковъ освобождаютъ отъ болѣе тяжелыхъ обязанностей въ послѣдніе мѣсяцы службы, а съ другой стороны зажиточные стремятся расширить свои агрономическія и техническія знанія въ интересахъ своихъ индивидуальныхъ хозяйствъ. Кромѣ того дѣти зажиточныхъ крестьянъ по правилу болѣе подготовлены и легче

усваиваютъ преподносимыя имъ знанія, чѣмъ дѣти нищихъ крестьянъ.

Провѣрка частей округа обнаружила еще «рядъ случаевъ связи партійцевъ съ чуждымъ элементомъ. Связь съ лишенцами, подпаданіе подъ ихъ вліяніе, пребываніе въ квартирахъ кулаковъ при выѣздѣ въ районъ комплектованія — все это свидѣтельствуеетъ о притупленіи классового чутья у отдѣльныхъ партійцевъ» (11-X).

**
*

Мнѣ кажется, что приведенный выше матеріалъ даетъ достаточно наглядную картину «крестьянскихъ настроеній» красной арміи. При этомъ необходимо помнить, что въ подавляющемъ большинствѣ приведенныхъ сообщеній рѣчь идетъ объ избранной части красной арміи, прошедшей черезъ семь водъ, гдѣ отъ нея отмывали грѣхи буржуазнаго міросозерцанія и мірочувствія. Рѣчь здѣсь идетъ о членахъ партіи и комсомола, доступъ въ который чрезвычайно затрудненъ и обставленъ множествомъ «гарантій». Если, однако, даже эти, прошедшія черезъ посвященіе коммунизма, части арміи оказываются столь грѣховными съ точки зрѣнія идейныхъ центровъ красной арміи, то не трудно себѣ представить, что представляютъ собою остальные двѣ трети арміи, которыя святымъ тайнамъ коммунизма не причастились. Если крестьянская стихія забирается сюда, въ эту святая святыхъ коммунистическаго благочестія, то дѣйствіе этой стихіи за предѣлами этой обители должно быть ужь совершенно непреодолимымъ.

И вотъ на этотъ крестьянскій міръ казармы налетаетъ колхозный шквалъ. Спеціальнѣйшій и строгій циркуляръ Реввоенсовѣта СССР отъ 30 января 1930 г. «объ участіи красной арміи въ колхозномъ строительствѣ страны» требуетъ, чтобы «уже въ текущемъ году... всѣ 100% красноармейцевъ и младшихъ командировъ крестьянъ, увольняемыхъ изъ красной арміи были вовлечены въ колхозы». Кроме того требуется «подготовить въ 1930 году изъ числа красноармейцевъ актива и младшихъ командировъ 100.000 массовыхъ работниковъ для деревни, изъ нихъ не менѣе 75.000 для колхозной системы, способныхъ руководить колхозами, отдѣльными отраслями въ нихъ..., и быть передовыми борцами за превращеніе простѣйшихъ колхозовъ въ высшія формы». Постановленіе Реввоенсовѣта

«выражаетъ твердую увѣренность, что весь начальствующій составъ и политорганы съ присущей имъ энергіей возьмутся за это важное дѣло и дадутъ въ 1930 году странный 100.000 боевыхъ организаторовъ социалистической деревни» (1-II 1930).

«Съ присущей имъ энергіей» политорганы арміи начинаютъ въ арміи исполинскую колхозную суматоху — «кампанию», совершенно вышибающую армію изъ колеи ея повседневныхъ специальныхъ военныхъ задачъ. Гремятъ канонады восторженныхъ колхозныхъ резолюцій, всякая маленькая часть стремится показать немедленные достиженія, потокъ резолюцій заливаешь столбцы военной прессы.

И вдругъ все это куда то внезапно смывается. Еще до сталинскаго отбоя основной темой «Красной Звѣзды» вмѣсто колхозовъ вдругъ становится... военная учеба. Весь пафосъ центрального органа красной арміи теперь тратится на доказательство той несомнѣнной истины, что армія есть армія и, какъ ни обольстительны колхозы и прочія кампаніи, людей держать въ казармѣ все-таки для того, чтобы научить ихъ военному дѣлу. Мѣсто колхозныхъ восторговъ и стенаній занимають стенанія и восторги военно-учебныя, затѣвается сразу «совсѣмъ другой разговоръ» и похоже все это на то, что тотъ, еще только вчера шій, разговоръ о колхозахъ, сталъ какъ будто неприличнымъ, неприятнымъ. Нельзя избавиться отъ впечатлѣнія, что что-такое произошло, что сразу отшибло у политоргановъ красной арміи охоту суматошествовать на колхозныя темы.

Возможно, что ничего «особеннаго» и не произошло. Но весь предыдущій матеріалъ этой статьи показываетъ, въ чемъ заключается то не особенное, что должно было въ нѣкій часъ смертельно испугать отвѣтственныхъ людей коммунистической диктатуры. Продолженіе колхозныхъ безумствъ грозило, если не взрывомъ, то во всякомъ случаѣ полнымъ политическимъ разложеніемъ арміи. Съ другой стороны и крестьянское населеніе въ самой странѣ дошло до такой степени отчаянія и возбужденія, что успокоить его пришлось бы при помощи вооруженныхъ силъ красной арміи. Для такой цѣли диктатура поддержи арміи не получила бы и моментъ вооруженной встрѣчи красной арміи съ отчаявшимся крестьянствомъ былъ

бы моментомъ гибели самой коммунистической диктатуры.

Вѣрный принципъ не пользоваться никакими источниками, кромѣ официальныхъ-большевистскихъ, я не могу ссылаться на многочисленныя показанія иностранной прессы о броженіяхъ и волненіяхъ въ красной арміи въ связи съ колхознымъ нажимомъ. Навѣрно здѣсь много выдуманнаго и преувеличеннаго. Но и однихъ только показаній совѣтской печати, приведенныхъ въ данной статьѣ, совершенно достаточно, чтобы придти къ заключенію — отбой на колхозномъ фронтѣ былъ вызванъ опасеніями взрыва красной арміи. Последняя колхозная ставка на красную армію была бита и когда она оказалась битой здѣсь, то надо было отказаться отъ коллективизаціи «ва-банкъ» и на всемъ протяженіи Россіи.

Будущій историкъ несомнѣнно отмѣтитъ начало марта 1930 года какъ моментъ, когда судьба совѣтской диктатуры висѣла на волоскѣ и когда своевременнымъ отступленіемъ она на нѣкоторое время себя спасла. Но самый этотъ эпизодъ имѣетъ громадное значеніе для нашихъ общихъ представленій о дальнѣйшей судьбѣ диктатуры.

Все свидѣтельствуетъ о томъ, что красная армія — для нея опора сомнительная, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда она не откажется начисто отъ поползновеній на «соціализацію» русской деревни. Но отказаться начисто отъ этихъ поползновеній — она не въ состояніи по самому своему существу, по ея происхожденію, по міросозерцанію ея столповъ. Обезвредить красную армію для насильническихъ наскоковъ на русскую деревню можно было бы только, предварительно, такъ сказать, разкрестивъ красную армію. Кой какія попытки въ этомъ направленіи уже дѣлаются. Принципъ всеобщей воинской повинности даже съ тѣми ограниченіями, которыя имѣются въ законѣ 1928 г. о комплектованіи вооруженныхъ силъ СССР, все болѣе и болѣе нарушается. Время призывовъ все болѣе превращается въ ожесточенную борьбу между болѣе мощными слоями русской деревни и органами набора, стремящимися окончательно закрыть доступъ въ армію этимъ, болѣе стойкимъ элементомъ крестьянства. Списки призываемыхъ подвергаются все болѣе строжайшей чисткѣ и эта чистка продолжается и послѣ того, какъ очередное пополненіе уже прибыло въ казар-

мы. Въ военныхъ школахъ комплектованіе тоже все болѣе и болѣе «орбочивается» и тенденція къ вытѣсненію изъ командирскаго состава крестьянскихъ дѣтей становится все болѣе ясной.

Но, конечно, въ странѣ съ 85% крестьянскаго населенія попытка очистить армію отъ духа деревни обречена на провалъ. При томъ и эти благочестивыя надежды на то, что вотъ рабочіе — тѣ народъ вѣрный и положиться на нихъ диктатурѣ можно -- и эти надежды построены на своего рода пролетарскомъ ханжествѣ, которое такъ распространено среди коммунистовъ. Мы ужъ видѣли выше, что «крестьянскими настроеніями» заражены и рабочія прослойки красной арміи. Да какое значеніе имѣютъ эти коммунистическія надежды и опасенія, связанныя съ той или иной соціальной группой въ красной арміи, когда, какъ мы видѣли, коммунистическій и комсомольскій составъ арміи въ значительныхъ своихъ частяхъ захваченъ тѣми же крестьянскими настроеніями и весь **этотъ печальный для диктатуры матеріалъ**, который мы приводили выше, **главнымъ образомъ, относится какъ** разъ къ коммунистамъ и комсомольцамъ, призваннымъ оберегать армію отъ всякихъ нежелательныхъ «настроеній».

Сулятъ ли эти крестьянскія настроенія въ арміи быструю развязку трагическаго русскаго узла - гадать невозможно, или, если угодно, только и гадать возможно. Но въ этой тьмѣ близкаго или далекаго будущаго одинъ пунктъ все-таки ясенъ: въ моментъ серьезнаго политическаго кризиса красная армія не явится спасительницей коммунистической диктатуры. Скорѣе можно допустить, что сама красная армія такой кризисъ и создаетъ. Можетъ быть только черезъ красную армію русское крестьянство и скажетъ свое рѣшающее слово въ схваткѣ между интересами страны и интересами диктатуры.

Такое военное разрѣшеніе проблемы освобожденія Россіи ни съ какой точки зрѣнія не является наиболѣе желательнымъ. Это можно сказать вообще, даже безъ того опыта солдатской революціи, какой мы имѣли весной 1917 г. Но даетъ ли это право думать, что такое разрѣшеніе кризиса черезъ армію обязательно означаетъ «бонапартизмъ», уничтоженіе завоеваній революціи, «фашизмъ» и т. п.?

На основаніи систематическаго изученія матеріаловъ о

красной арміи мнѣ думается, что такое заключеніе было бы рискованнымъ. Несомнѣнно, что въ арміи, какъ и во всѣхъ другихъ группахъ російскаго населенія, имѣются настроенія социально-политическаго «перелета» вправо, какъ большевизмъ былъ «перелетомъ» влево. Эти перелеты — неизбѣжный этапъ, неизбѣжная интермедія всякой радикальной ломки всякаго режима. Однако отъ этого до утвержденія о «бонапартизмѣ» или «фашизмѣ», какъ длительной и прочной формѣ будущаго общественно-политическаго строя Россіи — чрезвычайно далеко. И ужъ во всякомъ случаѣ нельзя саму по себѣ спорную гипотезу о возможности «бонапартистскаго» эпилога большевизма поставить во главу угла всей своей позиціи по отношенію не къ гипотетической, а къ реальной коммунистической деспотіи сего дня. Сегодня красная армія рисуетъ намъ той силой, которая не спасетъ, а погубитъ коммунистическую диктатуру.

Будетъ печально, если красная армія будетъ единственной и главенствующей силой освобожденія. Военные перевороты и революціи — не самая изъ пріятныхъ формъ переворотовъ и революцій и весьма часто даже одна изъ наиболѣе непріятныхъ. Но отсюда возможенъ и разуменъ только одинъ выводъ: надо приложить всѣ силы къ тому, чтобы на поле битвы за освобожденіе страны люди отправлялись не только изъ казармъ, но и изъ крестьянскихъ избъ, фабричныхъ корпусовъ и казенныхъ канцелярій. Надо опередить казарму въ борьбѣ съ диктатурой. И тогда, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, красная армія употребитъ силу своего оружія, своей организаціи и своей дисциплины не на сторонѣ диктатуры, а на сторонѣ возставшаго противъ нея народа.

В. И. Талинъ.

Памяти С. О. Загорскаго

Безвременно ушедший от нас Семень Осиповичъ Загорскій былъ преданный Россіи патриотъ, ученый экономистъ и политикъ социаль-демократическаго направленія.

Его труды и дни никогда не замыкались въ узкіе предѣлы отвлеченно-самодовлѣющаго знанія. Его интересы и вниманіе сосредотачивались по преимуществу на узлахъ пересѣченія науки и жизни, экономики и политики.

Его жизненнымъ дѣломъ было служеніе словомъ и перомъ. Легко и свободно владея даромъ рѣчи, онъ такъ же писалъ и свои статьи и книги, на темы спеціальныя и общія. Его рѣчи и статьи насыщены фактами и цифрами. Ибо главную надежду на переубѣжденіе онъ полагалъ въ логическомъ умозаключеніи отъ эмпирическаго наблюденія и статистическаго обслѣдованія. Отлично ориентированный въ экономической и финансовой наукѣ, онъ тщательно слѣдилъ за экономическими процессами въ повойной Европѣ. И еще болѣе напряженно — за экономикой совѣтской Россіи.

С. О. Загорскій исходилъ изъ правильной предпосылки о томъ, что однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ терпимаго, а зачастую и благожелательнаго отношенія европейскаго общественнаго мнѣнія къ большевикко-совѣтскому режиму, является простое незнаніе того, что происходитъ въ Россіи, — изрѣдка осложненное и нежелаемъ знать. Покойный сдѣлалъ больше, можетъ быть, чѣмъ кто-либо для того, чтобы разсѣять или подорвать иллюзіи и мифы, существующіе въ Европѣ относительно октябрьской революціи и большевицкаго социализма. Нежелающихъ заставлялъ онъ узнавать правду о СССР.

Его жизненнымъ дѣломъ была и посмертнымъ памятникомъ останется — организація русскаго отдѣла при Международномъ Бюро Труда въ Женевѣ. Методическою заботой и неослабнымъ вниманіемъ удалось Загорскому этотъ отдѣлъ при Бюро превратить въ учрежденіе са-

мостоятельнаго значенія и незамѣнимой цѣнности. Отдѣлъ при Бюро сдѣлался центромъ международнаго освѣдомленія о Россіи, богаче и полнѣе другихъ документированнымъ.

Загорскому не разъ приходилось давать экспертизу по русскимъ дѣламъ предъ международной аудиторіей, на открытыхъ публичныхъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ закрытыхъ, неофициально и невидимо для виѣшняго, непосвященнаго міра. Загорскій свидѣтельствовалъ противъ большевиковъ, въ качествѣ неофициальнаго эксперта въ Генуѣ и въ Гаагѣ. Онъ выступалъ на международномъ съѣздѣ Лигъ защиты правъ человѣка и гражданина противъ нѣмецкихъ «знатоковъ» Россіи Артура Голичера и ученаго статистика Кучинскаго; на международныхъ съѣздахъ Обществъ въ защиту Лиги Націй (какъ делегаты Россійскаго Общества Л. Н.) и т. д. Не уклонялся онъ никогда и отъ менѣ замѣтныхъ выступленій научнаго и общественно-политическаго порядка передъ аудиторіями русскаго зарубежья.

С. О. состоялъ сотрудникомъ Современныхъ Записокъ съ самаго возникновенія журнала. Самыя темы, которыя онъ выбиралъ, отмѣчаютъ — что интересовало его научную мысль, чѣмъ болѣла его политическая совѣсть: «Соціально-политическая реакція въ совѣтской Россіи», «Экономическія проблемы міра», «Проблемы новаго міра», «Открытие Россіи», «Голодъ въ совѣтской Россіи», «Русскій вопросъ въ Генуѣ и Гаагѣ», «Къ социализму или къ капитализму?»; наконецъ, въ предыдущей книгѣ журнала — «Эволюція нынѣшней Россіи»...

Намъ не разъ приходилось не соглашаться съ взглядами покойнаго, отмежевываться отъ нихъ и даже открыто полемизировать съ марксистски-старовѣрческимъ отношеніемъ къ крестьянству и народничеству, съ идеей историческаго избранничества пролетаріата и т. д. Но было нѣчто, что сближало журналъ съ сотрудникомъ и что даже при временномъ расхожденіи всегда все-таки вновь приводило его имя и работы на страницы Современныхъ Записокъ. Мы имѣемъ въ виду твердое, неподдававшееся никакимъ соблазнамъ времени или моды убѣжденіе С. О. въ томъ, что въ «соціалистическомъ строительствѣ» большевиковъ — отъ социализма подлиннаго нѣтъ и грана!

С. О. защищалъ это положеніе до конца дней своихъ одинаково упорно и противъ лѣвыхъ — сторонниковъ со-

ціалізма, и противъ правыхъ — ненавистниковъ всякаго «планового» хозяйства. Онъ не переставалъ доказывать, что большевизмъ не только покушается преодолѣть законы экономики и, казалось бы, элементарныхъ для XX вѣка требованій культуры и человѣчности, но и грубѣйшимъ образомъ извращаетъ тотъ самый марксизмъ, коимъ вотъ же клянется.

Марксистская идеологія С. О. Загорскаго Современнымъ Запискамъ оставалась далека. Но близкой и дорогой для насъ была — и осталась — его научно-культурная и общественно-политическая волеустремленность, его невѣріе въ соблазны и фантазмы, его вѣрность Россіи и демократіи, его вѣра въ ихъ будущее.

И за это мы будемъ помнить и вспоминать о Семенѣ Осиповичѣ Загорскомъ, безвременно покинувшемъ наши ряды.

М. В.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Михаиль Козаковъ

Михаиль Козаковъ является однимъ изъ немногихъ талантливыхъ русскихъ писателей, которые видятъ Россію такою, какою ее создала совѣтская дѣйствительность. Не вспоминая прошлаго, не ища иного будущаго, онъ старается съ наибольшей ясностью увидѣть настоящее. Совѣтская власть есть несомнѣнная реальность и онъ считается съ нею, какъ со всякой иной реальностью, не предаваясь никакой критикѣ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ строго выполняетъ весь указанный ритуаль, и ни одинъ самый придирчивый оффиціозный критикъ не нашель бы нѣтні неблагонамѣренности въ его книгахъ.

Писательская дѣятельность, какъ объясняетъ одинъ изъ его героевъ «Куприкчаевской квартиры», выражается въ томъ, что «каждый изъ насъ долженъ вести свою лѣтопись революціи». При этомъ необходимо стоять «лицомъ къ деревнѣ — это вамъ дастъ матеріаль и марксистскій подходъ къ темѣ». Надо показывать «новый формирующійся бытъ». Если же писатель хочетъ заниматься индивидуальной психологіей, то «лучше для революціи втулки изготавлять да портянки шивать, чѣмъ ни къ чему разныхъ зайчиковъ зарисовывать». Поэтому, въ «Кун-

рикчаевской квартирѣ», повѣстѣ-дневникъ партійнаго работника Муціуса, «несмотря на значительныя техническія несовершенства» ызыываетъ восторгъ редакціи журнала, а знаменитый русский писатель Корчмаревъ, не сумѣвший по заказу написать революціоннаго романа, долженъ отказаться отъ літературы и работать въ волостной ячейкѣ; его зовуть туда, такъ какъ онъ «грамотный и не жуликъ, въ деревнѣ это нужнѣ керосина».

Козаковъ не хочетъ, подобно Корчмареву, стать деревенскимъ писаремъ. Поэтому онъ честно старается выполнить заказы всевозможныхъ Муціусовъ, ведя свою «лѣтопись революціи». Отказавшись отъ всякихъ психологическихъ затѣй, которыя еще соблазняли его въ «Мѣщанинѣ Адамейко», онъ дѣлаетъ первую попытку изобразить «формирующійся бытъ» въ «Абрамѣ Нашатырѣ, содержателѣ гостиницы», одной изъ самыхъ жуткихъ по своей безнадежной правдивости совѣтскихъ повѣстей. Въ первыхъ своихъ книгахъ онъ все же изображаетъ индивидуальное преступленіе, индивидуальныя уродства человѣческихъ душъ. Въ обѣихъ повѣстяхъ темою является убійство доврчивой богатой старухи:

въ «Мѣщанинъ Адамейко» убійство совершается съ «идеалистической» цѣлью передать деньги бѣдному рабочему, пародируя такимъ образомъ на единичномъ примѣрѣ схему октябрьской революціи, а въ «Абрамъ Нашатырь» убійство совершенно въ свою пользу и приводитъ ко второму убійству, тоже безнаказанному.

Въ двухъ послѣдующихъ своихъ книгахъ «Человѣкъ падающій ницъ» и «Полтора хама» Козаковъ переходитъ отъ частной психологіи единичнаго убійства къ массовой психологіи общей рѣзни. Въ сборникѣ «Полтора хама» изображенъ обще - русский «формирующий быть» ненависти и убійствъ. «Человѣкъ падающій ницъ» объединяетъ рассказы, посвященные идеологіи всероссійскаго еврейскаго погрома, который кажется автору неизбѣжнымъ и близкимъ. «Лѣтопись» получаетъ такимъ образомъ знаменательная и зловѣщая.

Избавясь отъ всякой «психологіи», отогнавъ всѣ мечтанія, не стараясь найти въ тайникахъ человѣческой души смягчающихъ надеждъ на иное, Козаковъ широко раскрытыми глазами всматривается въ то, что стоитъ передъ нимъ. И это «сегодня», не смягченное никакими надеждами на его случайность, наполняетъ автора неприговорнымъ ужасомъ. Принявъ совѣтскую власть, Козаковъ вынужденъ принять, какъ единственно возможную, и эту дѣйствительность. Въ этомъ отличіе Козакова и отъ мало талантливыхъ благонамѣренныхъ хвалителей, которые стараются прикрасить реальность, и отъ романтическихъ авторовъ, которые видятъ, подобно Фаддееву, подъ но-

выми формами неизмѣнную красоту и силу русской души, и отъ большинства писателей, которые гѣрятъ въ грядущее очищение Россіи.

Какъ во время пожара виденъ только огонь, такъ въ современной русской дѣйствительности видны Козакову только злоба и кровь. Никакихъ человѣческихъ чувствъ, никакого цвѣтенія молодости: если юноша въ весенній вечеръ прижимается, сидя на крылечкѣ, къ подругѣ дѣтства, то только потому, что онъ, чахоточный, стремится урвать что-то отъ исчезающей жизни, а она страдаетъ отъ насильственнаго дѣвчества. Козаковъ любитъ собирать уродства: чахоточный съ потными руками и физиологическими порывами, горбунъ, мечтающій хотя бы о продажной любви, опустившійся писатель и полуграмотная неразборчивая хозяйка, томимая страстями дѣвушка и безногий красноармеецъ, двѣ сестры-близнецы и издѣвающийся надъ ихъ сходствомъ «гость», карликъ, взявшій въ жены родную сестру-карлицу и послѣ ея смерти дѣловито разсуждающій о невозможности замѣнить ее — вотъ та любовь, которую замѣчаетъ въ мѣрѣ воспаленный ужасомъ и отвращеніемъ глазъ Козакова. Дѣвушки, которыя появляются у него, либо, какъ героиня «Абрама Нашатыря» страдаютъ нервической желудочной болѣзью, вызывающей у читателя невольную брезгливость, либо, какъ Настенька въ «Полтора хама» являются жертвой обстоятельствъ и говоря въ объ этомъ съ цинизмомъ почти неправдоподобнымъ. Единственный появляющійся въ мѣрѣ Козакова ребенокъ, рождающійся слу-

чайню у одной из сестер-близнецов, пугает свою мать тѣмъ, что, умирая, складывает свой крохотный кулачекъ въ кукишъ и она проситъ всѣхъ разнять его пальчики, которые кажутся ей обращенными съ издѣвкой противъ нея, противъ ея жизни. Этогь младенческой предсмертной жестъ, почти безвкусный въ своей нарочитости, является единственнымъ свидѣтельствомъ внутренняго надрыва Козакова, тайнаго вопля, отъ котораго содрогается ея напряженное волею «лѣтописца» чело-вѣческое естество.

Въ этомъ мѣрѣ разврата, злобы и тупости, только звѣри движутся легкими невипными гнѣями. На нихъ обрушивается дикая жестокость чело-вѣка. Однимъ изъ излюбленныхъ приемовъ Козакова является отраженіе въ убійствѣ невиннаго звѣрка потечасальной готовности къ массовымъ преступленіямъ. Именно такъ воспринимается убійство го-ворящаго попуая въ «Абра-мѣ Нашатырь», которое напоми-наетъ одинокой дѣвушкѣ убій-ство ея матери и всѣ ужасы рѣ-ни. Въ повѣсти «Человѣкъ пада-ющій ницъ» убійство женоподоб-ной пушистой кошечки, любими-цы еврейскаго семейства, перед-аетъ психологическую картину воз-можнаго погрома.

Дворникъ Никита ненавидитъ кошку за то, что она откликается на непонятную кличку «кеце-те», бѣжитъ на зовъ «кимъ я геръ». Сначала онъ готовъ вѣрить, что «испортили, въ вѣру свою обратили глупую русскую кошку». Но когда она отвергаетъ уха-живанія его рыжаго кота, Никита начинаетъ считать ее «жидовкой» и она сливается съ воспоминані-

емъ объ ускользнувшей отъ его солдатскаго нападенія женщи-нѣ. «Онъ теперь ни за что не отка-зится бы отъ той мысли, что не-навидящіе глаза кошки сверкаю-тъ въ - въ - точь такъ же, какъ у вспоминавшейся галиційской ев-рейки, что кошачье завываніе на-поминаетъ ея картавый протяж-ный голось, а упругій насто-рожившійся за печкой комокъ из-гибающагося гѣла - тѣло той, другой..» Пораженіе «незадачли-ваго» рыжаго кота кажется ему собственнымъ пораженіемъ. Къ этому примѣшивается обида за племянника, привлеченнаго евре-емъ - слѣдователемъ къ суду за учиненное надъ евреемъ звѣрство. Въ темномъ мозгу дворника, подъ влияніемъ ряда мелкихъ событій, создается специфическое погром-ное возбужденіе. Этогь Никита и повѣшенная внизъ головой съ раз-можженнымъ черепомъ пушистая пѣжная кошка являются какъ бы въ микрокосмѣ отраженіемъ тѣхъ событій, которыхъ ждетъ Коза-ковъ. Въ столкновеніи Никиты съ невинною кошкою собраны всѣ черты, которыя кажутся Козако-ву предзнаменованіемъ близкаго погрома, поясняя на реальномъ примѣрѣ теоретическія разсужде-ніягероевъ. Въ Никитѣ пробужда-ется злобу непонятное слово «ке-целе». «Въ Германіи всюду, всюду вѣсками это чувство у народовъ». Герой вспоминаетъ пѣмецкую хо-зяйку, которая, увидѣвъ счетъ прачешной, объясняетъ ему: «Это Майеръ да не тотъ. Здѣсь Май-еръ черезъ игрекъ — такъ пи-шутъ евреи свою фамилію, а мы пѣмцы черезъ еі. Не надо отда-вать евреямъ». «Невытравимый иг-рекъ» — «это неизвѣстное, по ко-торому отличаютъ всегда евре-

евъ», ибо «нѣмцы не дадутъ спутать себя съ евреями». — «Это неизвѣстное, пожалуй, не нуждается въ твоёмъ марксистскомъ объясненіи». «Къ чорту классовая дифференціація внутри каждой націи. Нѣтъ, есть черты національнаго характера, которыхъ не изкоренить». Встрѣча двухъ «національныхъ характеровъ», воплощенныхъ въ образахъ злобнаго гиганта «Полтора хама» и ищущаго мирныхъ разрѣшеній «Человѣка дающаго нищъ», встрѣча ихъ въ грядущій моментъ массоваго звѣрства притягиваетъ къ себѣ все вниманіе Козакова.

Моральная сторона вопроса почти не интересуетъ Козакова — стоить ли доказывать «извергу», что надо быть добрымъ? Но интересно раскрыть пути, по которымъ движется мысль злодѣевъ, важно обдумать возможности избѣжать злодѣйства. Козаковъ съ всеглашной его правдивостью приводитъ рѣчи «честныхъ партійцевъ», которые въ прежнія времена «съ оружіемъ въ рукахъ защищали еврейскую семью», а теперь: «купилъ винчестеръ, хорошо его смазаль и когда надо будетъ, я изъ него ухлопаю не одного» еврея. Козаковъ не смягчаетъ этихъ рѣчей, не уничтожаетъ своеобразной логичности отдельныхъ доводовъ, такъ какъ его обязанность «лѣтонисца» видится ему въ неприкрашенномъ изображеніи «новаго быта». На рѣчи своихъ обвинителей евреи отвѣчаютъ молчаніемъ, думая лишь о томъ, какъ предотвратить ту реальную опасность, которая явственно слышится въ вѣ тонѣ собесѣдника. Русская жена Мирона Рубановскаго упрекаетъ его за это молчаніе, не понимая, что теоретическій споръ лишенъ интереса и что ему важно лишь понять психологию коммунистической огромной пропаганды. Козаковъ заботливо собираетъ лозунги, брошенные теперь коммунистами въ распаленную отчаяніемъ толпу. Впечатлѣніе получается чрезвычайно сгущенное: «Химикъ, профессоръ въ Ленинградѣ называетъ сврейство катализаторомъ. Ускоряя дѣйствіе химической энергіи, катализаторъ самъ не растворяется. Тутъ, знаешь, дѣйствительно занятая аналогія съ еврействомъ. Вотъ именно — не растворяется! Эхъ, сколько этихъ катализаторовъ знала и знаетъ теперешняя жизнь! А все таки все распадается, — помни, — въ обратномъ направленіи русской Россіи. Тебѣ кажется страннымъ сочетаніе этихъ словъ... Въ той же починѣ формѣ, въ какой говоритъ этотъ русскій видный коммунистъ своему товарищу еврею, — говоритъ презираемому имъ товарищу ремеслу, бывший помѣщикъ, ставшій нищимъ, совѣтуя ему набрать денегъ и ѣхать въ Бердичевъ: «Теперь уже прошла революція и русскій человѣкъ въ свою семью собирается, а вашему брату поскромнѣй надо быть». Партійный другъ грозитъ Мирону только будущимъ: «Ты россійскій культуртрегеръ, ты отщепенецъ, ты вѣ рядовъ того партійнаго или безпартійнаго еврейскаго чиновничества, «жадною толпой стоящаго у трона»... Но ты можешь изъ-за всѣхъ нихъ безъ вины пострадать... Развѣ кто — масса, озлобленные дикари — знаютъ тебя такъ, какъ я и десятокъ твоихъ друзей? И если бы что-нибудь случилось такое... — ну, ты понимаешь — и я, и всѣ мы, пожалуй.

бесильны были бы, — прямо скажу, — спасти твою голову». Так коммунисты, отраженные в правдивомъ зеркалѣ Козакова, заранѣе снимаютъ съ себя отвѣтственность за погромъ, который въ настоящий моментъ могъ бытъ имъ только выгоденъ, отвлекая «дикарей» отъ подлинныхъ виновниковъ ихъ несчастія. Но если «честный партіецъ» говоритъ лишь о будущемъ Мирона, нишій Шлемка на опытѣ убѣждается въ правильности предупрежденій своего товарища: рабочіе заманиваютъ его на фабрику и учиняютъ надъ нимъ звѣрское издѣвательство, послѣ котораго Шлемка попадаетъ въ больницу. Такъ, наверху и внизу — среди отверженныхъ нищихъ и среди торжествующихъ членовъ совѣтскаго правительства живетъ одна и та же мысль о всероссійскомъ погромѣ. Какъ «лучшій методъ борьбы съ юдофобствомъ, которое растетъ, разросается», коммунисты предлагаютъ подвергнуть евреевъ остракизму и не принимать ихъ на службу, отмѣнивъ даже процентную норму, допускавшуюся прежнимъ правительствомъ: «Возьмемъ Сидорова, Агафонова, Петрова, кого угодно только не гражданина Миндлина», ибо «Рубановскій разъ, главбухъ — два, теперь еще гражданинъ Миндлинъ — зачѣмъ давать пищу для всякихъ разговоровъ»? «Трестовскіе инженеры евреевъ въ отдѣлѣ не принимаютъ». Такимъ способомъ можно успокоить «массу» «Ты читалъ списокъ разстрѣлянныхъ за спекуляцію валютой? А вообще въ учрежденияхъ — Файзиловичи всѣхъ странъ, соединяйтесь! И это раздражаетъ массу». Успокоенный рѣшеніемъ не давать ра-

боты «гражданину Миндлину», видный «партіецъ» поясняетъ: «Большевикъ большевику рознь. Национальное, государственное сидитъ въ каждомъ трезвомъ партійцѣ. Они сами не любятъ казавенькихъ».

Такъ воскресаетъ въ совѣтской Россіи тема чериковскихъ «Евреевъ». Но прежняго сочувствія нѣтъ. Козаковъ устами своего героя говоритъ про погромщика: «Я его не оправдываю, но понять, пожалуй, могу». Сами евреи, дѣйствующие въ его повѣстяхъ, готовы признать погромную логику и винять своихъ соплеменниковъ въ «безтактности», въ томъ, что «евреи у всѣхъ на виду». Спасеніе они видятъ лишь въ усиленномъ непрерывномъ угожденіи своимъ потенциальнымъ убійцамъ, въ возможно болѣе полномъ раствореніи и въ томъ, что бы «потушить вражду кротостью». Но Козаковъ самъ понимаетъ ничтожность этихъ средствъ и во всѣхъ его повѣстяхъ евреи, выполняющие эту программу, играютъ жалкую и неприятную роль, ни отъ чего себя не спасая. Чтобы оградить себя отъ обвиненія въ принципиальной апологіи погрома и сохранить за собою роль безстрашнаго свидѣтеля, Козаковъ выставляетъ автобиографическое свидѣніе: онъ посвящаетъ книгу еврейскихъ разсказовъ «Матильдѣ Мироновичъ — моей матери». Это необычное указаніе имени и отчества въ посвященіи матери должно удержать вниманіе читателя.

Но сила изобразительности такъ велика у Козакова, онъ съ такой убѣдительною полнотою передаетъ погромную психологію, удерживаясь отъ всякой критики этой «одобренной сферами» новой так-

тики спасения власти, что книга воспринимается читателем в совершенно определенном направлении и несомненно в таком именно смысле и должна влиять на «озлобленных дикарей». Выпуск этой книги в Советской России, в период особенного напряжения цензурных и нецензурных запретов, чрезвычайно любопытен и показателен. Сцена в «Войне и мире», когда власть вынуждена отдать толпе «поджигателя» для того, чтобы толпа могла на этом невинном человеке удовлетворить свою жажду мщения, — эта сцена остается и по сию пору лучшим истолкованием отношения власти к погромам. Повторяя весь полицейский путь старой администрации в самых худших ее формах, советская власть должна была прийти и к этому архаическому средству «успокоения умов» погромной пропаганды. Как в толстовской сцене московский губернатор выводит на крыльцо перед жаждущей толпой случайного человека, так советская власть в момент грозящих ей разоблачений прибегает к еврею, не раз выручавшему пречиную позицию: это он «ненавидит русских», это он «оказался неблагодарным», это он вызвал революционные эксцессы, это он спугнул курс валюты и помешал осуществлению неманских и промышленных мероприятий мудрой власти. И пока толпа будет расправляться с несчастными случайными Миронами, советская власть еще быть может многое успеть погубить и расхитить. Так все яснее и яснее вросвечивают сквозь новые формы старые, лишь значите-

но ухудшенные полицейские приемы «охраны порядка».

Автор настойчиво и неоднократно повторяет туманную фразу «мысль узнает себя здесь», но сам раскрыть ее не хочет. Напротив, нарочито спутанной формой рассказа, он как будто стремится скрыть свою мысль и навести читателя на ложный след.

Погром притягивает его несомненно тем, что в нем может вылиться в подлой мере жажда убийства, которая кажется ему основной силой современной России. Русский видится ему как потенциальный убийца. «Русскому человеку не надо пить, пусть песни ему всегда убить хочется», говорит музыкант в «Абраме Нашатыре». Убить кошку, поугая, человека — все равно, лишь бы насладиться убийством. Мальчишка с голоду стащил на базаре яблоко и вся толпа бьжит за ним: держи, ловя, бей! Замедлившему на мгновение милиционеру гневно кричить — «стреляй!» И вот мальчишка «лежал на боку, скрючась. На грязный засаленный ворот из уха текла кровь. Украденное яблочко тут же лежало: оно было надгрызано и на нем остался след от жадных голодных зубов». Толпа сама, насытившись видом крови, удивляется как это убили мальчишку из-за яблока?

Русский человек и сам не боится смерти. Приговоренный за убийство семерых крестьян, капитан Стародубский издается над большевиком — тюремщиком: «Какой там чорт семеро человек! Мало знает твоя галетка! Я вашего брата, мужика, штук сто сам запароль. Зап-

роль, засѣкъ, изрубилъ, пристрѣлил. Какъ капусту. Какъ загорился русскій человѣкъ, такъ и удержи ему нѣтъ». Случайно спасенный и ставшій большевистскимъ боедрукомъ, онъ спокойно думаетъ свою возлюбленную, опасаясь ея предательства. Рыжий Омеля — большевикъ, такъ же хохочетъ и издѣвается, когда его ташатъ на смерть. У Козакова въ этомъ смыслѣ русскіе люди, независимо отъ политическаго лагеря, всѣ одинаково относятся и къ своей и къ чужой смерти.

Самый обликъ русскаго человѣка почти всегда тотъ же: огромный, съ глазами «какъ кусочки глины», съ неизбывною силою и выносливостью въ могучемъ тѣлѣ. Русскій у Козакова всегда готовъ къ издѣвкѣ и къ грубости. Онъ «хамъ», — не хамъ, а «полтора хама». Онъ воплощаетъ страшную, ни предъ чѣмъ не останавливающую силу, но силу грубую, бессмысленную и безпощадную. Сама же Россія, «обожравшаяся, прожорливая, тупая баба», которой «нѣмецъ набилъ морду и рыхлае тѣлеса», и положительный герой Козакова, носитель новыхъ «идеаловъ», «готовъ большевикамъ въ ножки кланяться за то, что добились до конца смердящую русскую бабу».

Признаніе того, что большевики «добили» Россію не лишено интереса. Единственное спасеніе — «огдаться нѣмцу», который «морду набилъ», и отказаться отъ «французскихъ и англійскихъ хихалей»: — «дать оплодотворить себя нѣмецкой культурой». Любопытно, что даже и въ этомъ официальномъ германофильствѣ и признаніи суверенности германской культуры совѣтская власть слѣдуетъ старымъ административнымъ привычкамъ.

Непритворная ненависть къ современной Россіи, сквозь которую онъ не провидитъ никакой иной, горитъ въ злобѣщей «лѣтописи» Козакова. Ненависть и отвращеніе къ человѣческому естеству, которое способно только на самыя отвратительныя и гнусныя проявленія.

На протяжении четырехъ книгъ ни одной, хотя бы случайно высказанной надежды, ни одного радостнаго и прекраснаго мгновенія.

Такъ видитъ жизнь и Россію честный, правдивый и чрезвычайно талантливый писатель, который твердо рѣшилъ признать совѣтскую власть законно существующей и единственно возможной.

Ю. Сазонова.

Нью-Йоркская декларация института международного права

I

12 октября 1929 года засѣдавшій въ Нью-Йоркѣ Институтъ Международнаго Права вписалъ въ свою золотую книгу одну изъ самыхъ славныхъ страницъ: 45 голосами противъ одного, онъ принялъ Декларацию международныхъ правъ человѣка. (*Déclaration des droits internationaux de l'homme*). Принятіе этой Декларации является не только событіемъ первостепенной важности для науки международнаго права: въ виду огромнаго авторитета Института, Декларация окажетъ несомнѣнное вліяніе и на положительное право, направляя его все рѣшительнѣе въ сторону огражденія правъ человѣка отъ произвола государства. Въ виду этого, Нью-Йоркская Декларация пріобрѣтаетъ особое значеніе для Россіи и русскихъ.

Институтъ Международнаго Права основанъ въ 1873 году въ Гечтѣ группой ученыхъ, въ которую входилъ русский академикъ Безобразовъ. Онъ состоитъ изъ 120 членовъ всѣхъ національностей (60 дѣйствительныхъ членовъ и 60 сотрудниковъ). Въ составъ его могутъ быть избираемы не только выдающіеся теоретики, но и государственные дѣятели и дипломаты, оказавшіе практическія услуги международному праву. На ряду со свѣтилami науки, какъ-то Лионъ-Канъ, Лапрадель, Лефюрье, Жидель, Шюкинъ, Вебергъ, Барклай, Діена, Политисъ, Стризверъ, Бро-

унъ Скоттъ, Хиггинсъ и др. мы видимъ въ числѣ членовъ: б. президента Германскаго Reich'a — Simons'a, президента итальянскаго Сената — Титтони; б. Министра-Президента Бельгіи — виконта Пулэ; японскаго посла въ Парижѣ Адатчи; б. юрисконсульта Форенъ-Офиса, а нынѣ члена Гаагскаго Суда — сэра Сесиль Херста и др. Русскими членами, кромѣ Безобразова, состояли Капустинъ, Мартенсъ, Графъ Комаровскій, Даневскій; нынѣ русскими членами являются три ученика проф. Ф. Ф. Мартенса — бароны Б. Э. Нольде и М. А. Таубе и пишущій эти строки.

Чтобы отгнѣнить свой международный характеръ, Институтъ устраиваетъ свои ежегодныя сессіи каждый разъ въ другой странѣ. На этихъ сессіяхъ, происходящихъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ членовъ, Институтъ разсматриваетъ доклады многочисленныхъ своихъ комиссій и послѣ обстоятельныхъ преній принимаетъ тѣ или иныя резолюціи.

Первая статья устава Института постановляетъ, что задачей его является опредѣленіе основныхъ началъ науки въ соотвѣтствіи съ правовою совѣстью цивилизованнаго міра и содѣйствіе постепенной кодификаціи международнаго права. Въ этой области кодификаціи Институтъ выполнилъ уже огромную общепользную работу. Задолго до созыва Гаагскихъ Конференцій и до учрежденія Лиги Наций, резолюціи Института поль-

зовались какъ въ ученое, такъ и въ политическое міръ, величайшимъ авторитетомъ и весьма часто вліяли на кодификаціонныя работы, предпринимаемыя самими правительствами. То же происходитъ и въ настоящее время. Объясняется это вліяніе отчасти и тѣмъ, что такъ назыв. коронные юристы — юрисконсульты Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, а также делегаты на международныхъ конференціяхъ весьма часто сами являются членами Института.

Особое же значеніе резолюціи Института приобрѣли послѣ учрежденія Постоянной Палаты Международнаго Суда въ Гаагѣ. Въ силу 38 статьи Устава этой Палаты, эта послѣдняя примѣняетъ въ своихъ рѣшеніяхъ не только 1) международные договоры, 2) международные обычаи и 3) общія начала права, признаваемые цивилизованными націями, но и 4) «судебныя рѣшенія и доктрину наиболѣе компетентныхъ писателей разныхъ націй, какъ вспомогательное средство опредѣленія правовыхъ нормъ». — Само собою разумѣется, что резолюціи Института, эти плоды **совмѣстнаго** научнаго творчества «наиболѣе компетентныхъ писателей разныхъ націй», въ еще большей степени являются «вспомогательнымъ средствомъ опредѣленія правовыхъ нормъ». Т. об., Декларация международныхъ правъ чловѣка, независимо отъ принятія ея правительствами, стала уже **косвеннымъ** источникомъ положительнаго международного права — въ всякомъ случаѣ, въ глазахъ высшаго органа міровой юстиціи.

II.

На первой же послѣвоенной сессіи Института, состоявшейся въ 1921 году въ Римѣ, авторъ этихъ строкъ предложилъ образовать особую комиссію для изученія вопроса о «международной защитѣ правъ чловѣка, гражданина и меньшинствъ». Своевременность такого предложенія мы мотивировали указаніями на происходящее въ Совѣтской Россіи и въ Турціи попираніе правъ чловѣка. Институтъ принялъ предложеніе и образовалъ соответственную комиссію, назначивъ автора докладчикомъ. Въ виду особаго интереса, который въ эту эпоху возбуждалъ въ сферахъ Института вопросъ о защитѣ меньшинствъ, авторъ счелъ себя обязаннымъ начать съ изученія этой части вопроса и въ 1925 г. представилъ Институту обстоятельный докладъ по вопросу о кодификаціи всеобщаго меньшинственнаго права. Но въ Институтѣ къ этому времени появились тенденціи, враждебнымъ распространенію началъ договоровъ о защитѣ меньшинствъ на всѣ государства, и вопросъ былъ отложенъ. Въ то же время произошли очень симптоматическія событія, заставившія докладчика избрать новую тактику.

На VI общемъ собраніи Лиги, въ сентябрѣ 1925 года, Лига предложила заключеніе **всемірной конвенціи** о защитѣ правъ меньшинствъ. Предложеніе встрѣтило горячую поддержку какъ со стороны политической противницы Литвы — Польши, такъ и вообще со стороны государствъ, на которыхъ «главныя Союзныя Державы возложили въ 1919 и 1920 годахъ одностороннюю обязан-

ность покровительства меньшинствамъ *). «Мы не желаемъ болѣе», говорили глашатаи этихъ странъ, «быть какими то париями, государствами второго сорта, на которыя возлагаются особыя обязанности, отъ коихъ свободны другія страны; поэтому мы требуемъ либо заключенія всемирной конвенціи, возлагающей на всѣ государства одинаковыя обязанности по отношенію къ меньшинствамъ, или же снятія съ насъ самихъ этихъ путъ». Великія Державы категорически отвергли эти притязанія, утверждая, что въ ихъ предѣлахъ не существуетъ меньшинствъ, а что, съ другой стороны, подписаніе всемирной конвенціи можетъ легко вызвать весьма нежелательное образованіе **искусственныхъ** меньшинствъ. Въ виду этой оппозиціи Литовское Правительство взяло свое предложеніе обратно.

Въ такой атмосферѣ, не разряженной и по настоящее время, въ которой вращался и самъ Институтъ, докладчику нельзя было, конечно, надѣяться на принятіе его проекта **общей международной конвенціи о защитѣ правъ меньшинствъ**. Памятуя о своей задачѣ выраженія «юридической совѣсти цивилизованнаго міра», Институтъ могъ бы найти въ ис-

*) Такими государствами, какъ извѣстно, являются 1) побѣжденные — Австрія, Венгрія, Турція, Болгарія, но не Германія, 2) вновь созданныя — Польша, Югославія, Чехословакія, Албанія, Литва, 3) получившія территориальныя приращенія — Румынія, Греція, Финляндія, Латвія и Эстонія сдѣлали соответственныя заявленія передъ Лигой Націй.

ходѣ преній въ Лигѣ Націй указаніе на то, что эта совѣсть пока еще не требуетъ такъ называем. *généralisation du droit des minorités*, т. е. возведенія меньшинственного права изъ ранга партикулярнаго въ высшую категорію, объемлющую всѣ государства. Зато, съ другой стороны, казалась не исключенной возможность, что Институтъ согласится на провозглашеніе всемирнаго признанія правъ **человѣка и гражданина**, распространеніе которыхъ на весь міръ не грозитъ уже ни въ коемъ случаѣ государствамъ опасностями, связанными, по мнѣнію многихъ, съ расширеніемъ круга дѣйствія меньшинственного права.

Руководствуясь всѣми этими соображеніями, авторъ переработалъ докладъ и разбилъ свой проектъ на двѣ части, предпославъ для обсужденія въ первую очередь проектъ о **правахъ чело- вѣка и гражданина**. Что же касается проекта защиты правъ меньшинствъ, то во избѣжаніе его крушенія, докладчикъ предложилъ предназначить его для «государствъ имѣющихъ меньшинства», вовсе не опредѣляя признаковъ послѣднихъ. Такимъ путемъ, изъ обсужденія Института устранился острый вопросъ о **признаніи** меньшинствъ, который въ сущности помѣшалъ принятію предложенія Литвы въ Лигѣ Націй. Вопросъ этотъ настолько насыщенъ политическими моментами, что едва ли удастся найти вполне объективную формулу, устанавливающую **постоянные и повсемѣстные** признаки меньшинства. Какъ, напр., установить точныя границы между языкомъ и нарѣчіемъ, религіей и сектой? Воз-

можно ли их установить a priori, не считаясь съ столь различными мѣстными условіями? Поэтому исключеніе политическаго вопроса о признаніи меньшинствъ изъ юридическаго проекта конвенціи о **правахъ и обязанностяхъ меньшинствъ** казалось абсолютно необходимымъ для объединенія правительствъ вокругъ чисто правовой конвенціи общаго характера. Такая конвенція примѣнялась бы во всѣхъ тѣхъ государствахъ, въ коихъ это было бы признано необходимымъ Лигою Наций или особой всемірной конференціей, которая предварительно взвѣсила бы политическіе моменты, говорящіе въ пользу или противъ такого примѣненія.

Съ другой стороны, приемлемая для Великихъ Державъ всемірная конвенція о защитѣ **однихъ правъ чловѣка**, дала бы въ то же время частичное удовлетвореніе какъ государствамъ, связаннымъ односторонними договорами, такъ и самимъ меньшинствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, такая конвенція удовлетворила бы самыя **существенныя** требованія послѣднихъ — право на жизнь, на гражданскую и религиозную свободу и на языкъ—а съ другой стороны, распространила бы обязанность признанія этихъ главнѣйшихъ правъ на **всѣ** государства міра.

Комиссія Института одобрила новую тактику докладчика и въ 1928 г. въ Стокгольмѣ приняла оба его проекта. А затѣмъ правительственность новой позиціи окончательно обнаружилась и въ пленумѣ Института, куда авторъ внесъ свой **первый проектъ**. 12 октября 1929 г. въ Нью-Йоркѣ, Институтъ принялъ **«Декларацию Международныхъ Правъ Чловѣка»** 45

голосами противъ одного, при одиннадцати воздержавшихся. Обсужденіе же проекта о **правахъ меньшинствъ** поставлено на повѣстку слѣдующей сессіи Института, которая состоится лѣтомъ 1931 года въ Кембриджѣ.

III.

Декларация Института начинается съ заявленія, «что юридическая совѣсть цивилизованнаго міра требуетъ признанія за личностью правъ, огражденных отъ всякаго посягательства со стороны государства. Если бы даже Институтъ ограничился принятіемъ этой формулы, то и она одна ознаменовала бы собою великое событіе въ исторіи науки права. Какъ извѣстно, въ серединѣ XIX-го вѣка въ наукѣ международного права, въ особенности въ наукѣ германской, господствовала теорія абсолютнаго суверенитета государства, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней сферѣ. Несмотря на фигурные личности, которые иногда столь неудачно прикрѣплялись къ этой теоріи стыдливими ея послѣдователями — въ родѣ, напр., ученія о самоограниченіи — теорія эта логически приводила къ господству государственнаго интереса надъ правомъ, и въ частности, къ полному изгнанію права изъ международной области.

Но уже въ самомъ концѣ XIX-го и въ началѣ XX-го вѣка отдѣльные ученые стали посягать на «священный» догматъ абсолютнаго суверенитета. Послѣ же мировой войны, большинство стало открыто на сторону примата международного права надъ государственнымъ. Резолюціей 12 ок-

тября 1929 г. Институтъ освятилъ своимъ авторитетомъ побѣду права надъ внутреннимъ производомъ государства и международной анархией. Если кумирь, принесшій челоѳчеству столько крови и горя, еще не окончательно повернутъ въ прахъ, — то съ него сорвана маска. Высшій органъ международной науки отрекся отъ догмата **абсолютнаго** суверенитета. Государство отнынѣ замыкается въ сферу суверенитета **относительнаго**, границы котораго опредѣляются правомъ всего челоѳчества.

IV.

Переходимъ къ краткому анализу шести статей Деклараци.

Первая статья гласитъ: «Обязанностью каждаго государства является признание за каждаымъ индивидуомъ равнаго права (*droit égal*) на жизнь, на свободу и на собственность и обезпеченіе полной охраны этого права всѣмъ пребывающимъ на его территории, безъ различія національности, пола, расы, языка и религии».

Пренія выяснили, что эту статью отнюдь не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Она совершенно не имѣетъ въ виду отѣны смертной казни или лишенія свободы за совершенныя правонарушенія; и остріе ея вовсе не направлено противъ социализма или какой бы то ни было политической системы, какъ таковой. Статья стремится къ охранѣ челоѳческой личности отъ произвола государства. Идеальнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли было бы, разумѣется, проведеніе грани, съ точки зрѣнія **международнаго общенія**, между правами

государства и правами челоѳка. Но, къ сожалѣнію, эта грань еще не проведена, и проведеніе ея выразилось бы, конечно, не въ провозглашеніи одного общаго принципа, а въ принятіи ряда детальныя постановленій. Признание же правъ челоѳка въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ мѣстными законами, заставило бы эти права висѣть въ воздухѣ. Ибо государству, желающему нарушить челоѳческія права, оставалось бы въ такомъ случаѣ только издать соответственныя законоположенія. Поэтому, Институтъ не счелъ возможнымъ, въ **настоящее время**, устанавливать какія бы то ни было **формальныя** ограниченія правъ личности. Такимъ образомъ, гарантеей **разумнаго** примѣненія первой статьи является пока только международная реакція на эвентуальныя ограниченія правъ челоѳка тѣмъ или инымъ государствомъ. Условія и степени этой реакціи будутъ, конечно, видоизмѣняться въ зависимости отъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая. Но все же она не будетъ проявляться въ случаяхъ осуществленія государствомъ своихъ **нормальныхъ** жизненныхъ функций, почти совпадающихъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Вторая статья Деклараци говоритъ: «Обязанностью каждаго государства является признание за каждой личностью равнаго права на свободное отправленіе, какъ публичное, такъ и частное, обрядовъ всякой вѣры, всякой религии и всякаго вѣрованія (*toute foi, religion ou croyance*), поскольку такое отправленіе обрядовъ не окажется несовмѣстнымъ съ публичнымъ порядкомъ или добрыми нравами».

Статья эта почти буквально воспроизводит соответственное постановление известных договоров о защите прав меньшинствъ.

Третья статья «Обязанность» каждаго государства является признаніе за каждыиъ индивидомъ равнаго права на свободное пользование любимъ языкомъ по своему выбору (*libre usage de la langue de son choix*) и на преподаваніе этого языка (*l'enseignement de celle-ci*).

Въ протоколъ отмѣчено, что статья не указываетъ мѣръ, принимаемыхъ государствомъ для исполненія своего обязательства, а также, что рѣчь идетъ о частномъ преподаваніи языка, а не о преподаваніи его въ государственныхъ школахъ. Оговорки эти сдѣланы въ видѣ уступокъ членамъ Института, стоявшимъ за очіищеніе Декларациі отъ всякой примѣси «меньшинственнаго права», которую нѣкоторые склонны были усматривать даже въ самомъ фактѣ введенія вопроса объ языкѣ въ Декларацию. Намъ кажется, что сдѣланныя уступки не подрываютъ важности включенія «права на языкъ» въ категорію правъ **человѣка**, а не только меньшинствъ. Достаточно вспомнить о колоніяхъ, управляемыхъ меньшинствами, чтобы убѣдиться въ значеніи этого права и для большинства населенія.

Четвертая статья Декларациі провозглашаетъ нѣкоторыя права **гражданина**. Любопытно отмѣтить, что Институтъ вычеркнулъ изъ предложеннаго Комиссіей заголовка слово «гражданинъ», имѣя въ виду сдѣлать Декларацию объ однихъ правахъ **человѣка**. Тѣмъ болѣе интересно, что она все-таки

ограждаетъ нѣкоторыя права гражданина. Это кажущееся противорѣчіе можно объяснить только тѣмъ, что **известныя** права гражданина Институтъ считаетъ вытекающими изъ самой природы челоѣка и нуждающимися поэтому въ международной охранѣ, другія же ставитъ въ полную зависимость отъ усмотрѣнія государства. Изъ преній выяснилось, что Институтъ къ первой категоріи относитъ права **публичныя** (напр., свободу собраній и печати), но отнюдь не права **политическія** (напр., права избирательныя). Изъ списка гарантируемыхъ правъ Институтъ вычеркнулъ также право на занятіе публичныхъ должностей. Такимъ образомъ, **четвертая** статья Декларациі, оказавшаяся гораздо менѣе широкой, чѣмъ соответственная статья меньшинственныхъ договоровъ, вылилась въ слѣдующую форму: «Никакой поводъ (*motif*) прямо или косвенно основанный (*tiré*) на различіи пола, расы, языка, національности или религіи, не уполномочиваетъ государства отказывать кому либо изъ своихъ гражданъ (*nationaux*) въ частныхъ или публичныхъ правахъ, въ особенности (*notamment*) же въ пріемѣ въ государственныя учебныя заведенія, а также въ занятіи какими либо профессіями и промыслами или въ проявленіи экономической дѣятельности (*activités économiques*)».

Къ сожалѣнію, даже въ такомъ видѣ, четвертая статья вызвала возраженія съ точки зрѣнія огражденія суверенныхъ правъ государства и была принята не единогласно, какъ первыя три статьи, а большинствомъ 31 голоса противъ 22.

Пятая статья весьма любопытна для характеристики нѣкоторыхъ современныхъ политическихъ правовъ. Она не имѣется въ договорахъ о меньшинствахъ: «Предусмотрѣнное выше равенство», говорится въ ней, «должно быть не номинальнымъ, а действительнымъ. Оно исключаетъ всякое различіе (*discrimination*), будь то прямое или косвенное». Такимъ образомъ, Институтъ за рѣше заклеимилъ всякіе обходы международныхъ постановленій. Въ частности же онъ опорочилъ обходъ окольными путями 4-го пункта Декларациі, запрещающаго установленіе пресловутаго *privileges clause* при приѣмѣ въ учебныя заведенія.

Приятно отмѣтить, что эта статья принята единогласно.

Единогласно принята и **шестая статья**, предупреждающая возможность другаго злоупотребленія со стороны государства — исключеніе извѣстныхъ категорій гражданъ изъ подданства съ цѣлью лишенія ихъ правъ, съ этимъ подданствомъ связанныхъ. Ибо случается и это... Недавно, напр., Турція исключила изъ своего подданства всѣхъ армянскихъ бѣженцевъ, укрывшихся за границей послѣ рѣзни 1915 года.

Эта 6-ая статья гласитъ: «Ни одно государство не имѣетъ права исключать изъ своего подданства — иначе какъ на основаніяхъ, вытекающихъ изъ общаго законодательства — тѣхъ лицъ, которыхъ оно не вправе лишать по признакамъ пола, расы, языка или религіи предусмотрѣнныхъ въ предыдущихъ статьяхъ гарантій».

V.

Декларациі не устанавливаетъ никакихъ **санкцій** противъ государствъ, нарушающихъ права личности. Съ точки зрѣнія теоріи, весьма многіе усмотрятъ въ этомъ обстоятельстве крупный недостатокъ Декларациі; и авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ санкцій. Но, какъ мы уже указывали, Институтъ не стремится къ выставленію теоретически вѣрныхъ, но практически непримѣнимыхъ правовыхъ положеній, а къ выраженію «правовой совѣсти цивилизованнаго міра» **данной эпохи** и къ проведенію велѣній этой совѣсти въ международно-правовую сферу. Онъ подготавливаетъ прогрессъ, но прогрессъ этапами. Какъ извѣстно, въ данный моментъ не удалось объединить человечество даже вокругъ весьма несовершенныхъ санкцій Пакта Лиги Націй: для заключенія мировой конвенціи объ отреченіи отъ войны (*Pacte de renonciation à la guerre*) понадобился Пактъ Бриана-Келлога, санкціи не содержащій. При такомъ настроеніи нѣкоторыхъ государствъ, не допускающихъ санкцій для обезпеченія **внѣшняго міра**, нельзя было, конечно, надѣяться на признаніе державами правовой системы, устанавливающей санкціи въ области **міра внутренняго**, иначе говоря, карающей государства за нарушеніе правъ чловѣка и гражданина. Не слѣдуетъ также забывать, что и договоры 1919 - 1920 годовъ, поставившіе права меньшинствъ подъ гарантію Лиги Націй, не рѣшались сдѣлать того же по отношенію къ правамъ чловѣка.

Помимо того, если бы даже Ин-

ститутъ и пожелать пренебречь этими настроеніями политическаго міра, онъ не могъ бы — какъ мы уже указывали—предложить введеніе опредѣленной системы санкцій, не установивъ предварительно твердой грани между правами государства и правами личности; иначе говоря, Институтъ долженъ былъ бы опредѣлить самымъ подробнымъ образомъ, въ какихъ именно случаяхъ государство уполномочено, съ **международной точки зрѣнія**, на ограниченіе правъ личности на жизнь, свободу и собственность. Но проведеніе такой точной грани равносильно созданію цѣлаго кодекса, каковой кодексъ пока еще не выработанъ. Съ другой стороны, представляется также невозможнымъ установленіе наличности нарушенія человѣческихъ правъ по признаку неподчиненія обвиняемаго государства международному суду, т. е. примѣненіе, по аналогіи, критерія, принятаго Женевскимъ протоколомъ 1924 г. для опредѣленія нарушителя мира (*agresseur*). Ибо принятіе такого критерія привело бы, при отсутствіи детального разграниченія правъ государства и личности, къ совершенно недопустимому, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, результату: къ праву международного вмѣшательства во всю внутреннюю администрацію государства по каждому предъявленному къ нему обвиненію въ нарушеніи правъ человѣка и гражданина.

По всемъ этимъ соображеніямъ намъ кажется, что Институтъ былъ правъ; какъ въ томъ, что выставилъ одни общіе принципы, такъ и въ томъ, что не опредѣлилъ санкцій за ихъ нарушеніе.

Тѣмъ не менѣе, принятіе Декларации Института правительствами нужно было бы привѣтствовать какъ огромный прогрессъ международного права. Здѣсь полнѣйшая аналогія съ Парижскимъ Пактомъ Бриана - Келлога. Можно сожалѣть объ отсутствіи въ послѣднемъ заранѣе опредѣленныхъ санкцій; но нельзя отрицать, что отсутствіе это искупается, до известной степени, тѣмъ, что Парижскій Пактъ подписанъ **всеми** государствами міра. А такъ какъ всякое государство, нарушающее этотъ Пактъ по отношенію къ одному изъ участниковъ, нарушаетъ его этимъ самымъ по отношенію ко **всѣмъ** прочимъ, то въ случаѣ нападешя (*agression*) **со всѣмъ не окажется нейтральныхъ**, — если только не измѣнитъ самого понятія нейтралитета. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы послѣ подписанія Пакта Келлога участники его относились къ агрессивной войнѣ такъ же, какъ до подписанія. Правда, они оставили за собой право оцѣнки положенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; но они отнюдь не отказались отъ эвентуальнаго принятія принудительныхъ мѣръ противъ нарушителя мира. Другими словами, усилилась **политическая вѣроятность** санкцій. Самъ Сенагоръ Бора, убѣжденный противникъ заранѣе опредѣляемыхъ санкцій, сдѣлалъ въ прошломъ году слѣдующее знаменательное заявленіе:

«Конечно, Правительство Соединенныхъ Штатовъ должно оставить за собою право рѣшать вопросъ о томъ, нарушенъ ли договоръ или нѣтъ, а также вопросъ о принудительныхъ мѣрахъ, которыя оно считаетъ себя обязач-

нымъ приять. Все же совершенно немислимо, чтобы эта страна оставалась спокойной зрительницей тяжкаго нарушенія многосторонняго договора, участницей коего она является.

Если, такимъ образомъ, политическая вѣроятность санкцій можетъ способствовать ограниченію произвола государства въ области **внѣшней**, то позволительно думать, что та же вѣроятность окажется въ состояніи ограничить этотъ произволъ въ области **внутренней**. Принятіе Декларациі Института правительствами положило бы, во всякомъ случаѣ, конецъ позорному нейтралитету государствъ по отношенію къ нарушенію правъ личности, совершаемому внѣ предѣловъ ихъ территорій. Этотъ нейтралитетъ, къ сожалѣнію, столько разъ провозглашался за послѣдніе годы отвѣтственными руководителями политики цивилизованныхъ націй, что малѣйшее измѣненіе въ этой политикѣ, — даже если бы оно не сопровождалось никакими санкціями — слѣдовало бы привѣтствовать, какъ начало новой эры мірового правосудія.

VI.

Переходимъ теперь къ практическому вопросу. Можно ли надѣяться, что преломившіеся въ Декларациі Института лучи «міровой правовой совѣсти» повліяютъ и на кристаллизацию **положительнаго** международнаго права въ формахъ, созданныхъ въ Нью-Йоркѣ? Вопросъ, конечно, прежде всего касается **Россіи и русскихъ**.

Къ сожалѣнію, политика государствъ въ этой области еще

очень неустойчива. Въ особенности, нельзя не отмѣтить **раздвоенія** въ воззрѣніяхъ на международное признаніе правъ человѣка у «главныхъ союзныхъ» державъ, обязавшихъ особыми договорами цѣлый рядъ среднихъ и малыхъ государствъ къ уваженію правъ человѣка, гражданина и меньшинствъ, но никогда еще не предъявлявшихъ подобныхъ требованийъ къ Союзу Совѣтскихъ Республикъ во время своихъ переговоровъ о его **признаніи**. Достаточно будетъ вкратцѣ напомнить о поведеніи этихъ державъ, являющихся, въ виду своего положенія, главными создателями современнаго положительнаго международнаго права.

Такъ, въ **Великобританіи**, Первый Министръ **Ллойдъ Джорджъ** еще 7 іюня 1920 г. произнесъ свою знаменитую рѣчь о томъ, что Англія торговала-де съ каннибалами и что потому ужасы, совершаемые большевистскимъ правительствомъ, не могутъ мѣшать торговымъ сношеніямъ съ Совѣтами. И дѣйствительно, торговое соглашеніе, подписанное 16 марта 1921 года сэромъ Робертомъ Хорномъ и Красинымъ, ни единымъ словомъ не обязываетъ Совѣты къ смягченію режима, столь правдиво описаннаго въ англійскихъ Спичахъ Книгахъ.

1-го февраля 1924 г. рабочее правительство признало совѣтъ *de jure*, не коснувшись ни единымъ словомъ положенія русскихъ гражданъ въ Россіи. Созванная затѣмъ въ Лондонѣ англо-совѣтская конференція выработала два проекта договоровъ, регулирующихъ вопросы о притязаніяхъ британскихъ держателей русскихъ бумагъ, о вознагражде-

нии британскихъ гражданъ на национализацию ихъ имущества и о воспрещеніи пропаганды другъ противъ друга; нигдѣ мы не находимъ слѣдовъ какой либо заботы объ уваженіи правъ личности въ Россіи.

Упомянутые проекты пришедшимъ ко власти консервативнымъ Правительствомъ утверждены не были, и, какъ извѣстно, въ 1927 году это правительство даже порвало дипломатическія сношенія съ Совѣтами. Но этотъ шагъ вызванъ былъ исключительно совѣтской пропагандой въ британскихъ владѣніяхъ. Очень любопытна въ этомъ отношеніи нота отъ 23 февраля 1927 года сэра Остена Чемберлена Совѣтскому повѣренному въ дѣлахъ въ Лондонѣ. Здѣсь прямо говорится, что «Правительство Ея Величества не заинтересовано ни во внутреннихъ дѣлахъ Россіи, ни въ образѣ его правленія, оно требуетъ только одного — чтобы совѣтское правительство воздерживалось отъ вмѣшательства въ чисто британскіе интересы и отъ всякихъ дѣйствій или пропаганды, враждебныхъ британскимъ подданнымъ». Наконецъ, въ самомъ недавнемъ прошломъ, когда пришедшее вновь къ власти рабочее правительство возобновило дипломатическія сношенія съ Совѣтами, оно опять таки и не подумало включить въ число условий этого возобновленія охрану человѣческихъ правъ въ Россіи.

Такое же отношеніе къ правамъ челоѣка въ Россіи обнаружило **итальянское** правительство. Итало-совѣтскій договоръ 7 февраля 1924 года ни единымъ пунктомъ не защищаетъ индивидуальныхъ свободъ гражданъ Совѣтской

Россіи; тоже нужно сказать о совѣтско-японскомъ трактатѣ 20 января 1925 г.

Той же политики держалась и **Франція**. Въ рѣчи, произнесенной 9 апрѣля 1924 г. въ Сенатѣ Предсѣдатель Совѣта Министръ Пуанкарэ указалъ, что если Франція до сихъ поръ не признала Совѣтскаго Правительства, то это произошло отнюдь не вслѣдствіе его внутренняго режима (*le moins du monde à cause de son régime intérieur*), а по инымъ причинамъ; при этомъ Пуанкарэ указалъ условія, предварительное принятіе которыхъ Совѣтами позволило бы Франціи завязать съ ними правильныя сношенія, а именно: 1) признаніе Совѣтами своихъ долговъ, 2) вознагражденіе французскихъ гражданъ за национализацию ихъ имущества, 3) отказъ Совѣтскаго Правительства отъ пропаганды и вообще отъ всякаго вмѣшательства во внутреннюю политику Франціи. О правахъ челоѣка гдѣтъ рѣчи. Точно также, не упоминается о нихъ въ телеграммѣ Эррио Рыкову отъ 28 октября 1924 г., признавшей Совѣтскій Союзъ *de jure*.

Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты до сихъ поръ не признали Совѣтскаго Правительства. Но не слѣдуетъ предаваться иллюзіямъ на счетъ истинныхъ причинъ этой политики. Правда, знаменитая нота Статса - Секретаря Кольби отъ 10 августа 1920 г. заявляетъ, что «для Правительства Соединенныхъ Штатовъ представляется невозможнымъ признать нынѣшнихъ властителей Россіи правительствомъ, съ которымъ можно было бы поддерживать сношенія обычныя для дружескихъ правительствъ (*common to*

friendly governments)». Но нота прибавляетъ, что убѣжденіе это основано на томъ, «что установленный въ Россіи режимъ зиждется на отрицаніи всѣхъ принциповъ чести и доброй совѣсти и всѣхъ обычаевъ и конвенцій, на которыхъ построено зданіе международного права». Указывается также, что большевики заявили о своемъ намѣреніи не исполнять договоровъ съ буржуазными правительствами, и, наконецъ, что Совѣты стремятся къ мировой революціи. Изъ нѣкоторыхъ выражений ноты Кольби можно, пожалуй, вывести, что признаніе Америки обезпечено только правительству, свободно избранному самимъ народомъ. Но формальнаго требованія уваженія человѣческихъ правъ въ Россіи нота Кольби Совѣтскому Правительству не предъявляетъ.

Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ отвѣтственные государственные дѣятели Соединенныхъ Штатовъ не разъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ критиковали Совѣтскій режимъ. Однако, въ своихъ непосредственныхъ обращеніяхъ къ Совѣтамъ американское Правительство условіемъ своего признанія ставило все тѣ же знакомыя намъ три условія. Такъ, Статсъ - Секретарь Юзъ, въ телеграммѣ на имя товарища Чичерина отъ 16 декабря 1923 г., требуетъ отъ Совѣтскаго Правительства, до начала переговоровъ о признаніи, исполненія трехъ пунктовъ: прекращенія пропаганды, признанія долговъ и возвращенія конфискованнаго имущества. А такъ какъ Совѣты этихъ требованій не выполнили, то Соединенные Штаты до сихъ поръ не признали ихъ правительства. Такимъ

образомъ, въ официальной политикѣ Америки охрана человѣческихъ правъ въ Россіи не играла роли.

Для характеристики поведенія такъ назыв. Главныхъ Союзныхъ Державъ нелишне указать и на коллективную резолюцію, принятую въ январѣ 1922 г., на Конференціи въ Каннахъ. И здѣсь условіями официального признанія Совѣтовъ выставляются вышеупомянутые пункты. Можно даже сказать, что первый пунктъ содержитъ косвенное признаніе разнаправленія коммунистической системы со всѣми прочими формами правленія. Онъ гласитъ: «Нации не могутъ притязать на право подписывать другъ другу принципъ, на основаніи которыхъ они желаютъ создавать у себя внутри свой режимъ собственности, свое хозяйство и свое правительство. Каждая страна вольна избирать для себя ту систему, которую она предпочитаетъ». Никакой оговорки объ уваженіи правъ чловѣка Каннская резолюція не содержитъ.

Такимъ образомъ съ прискорбіемъ приходится констатировать, что руководители политики «Главныхъ» Державъ въ русскомъ вопросе считали признаніе Совѣтскаго Правительства вполне совместимымъ съ попираніемъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ населенія Россіи.

Столь же глубокое пренебреженіе къ правамъ чловѣка Главныя Державы проявили въ своей политикѣ по отношенію къ армянскому народу

Какъ извѣстно, во время великой войны, Главныя Державы подъ влияніемъ ужасной рѣзни беззащитнаго армянскаго населенія

нія, учиненной въ 1915 году турками, торжественно обѣщали армянамъ полное освобожденіе отъ турецкаго ига. По началу, это обѣщаніе державами формально было выполнено. Севрскимъ трактатомъ 10 августа 1920 года была создана независимая Армения. Но Кемалистская Турція, воскресшая изъ пепла Оттоманской Имперіи, главнымъ образомъ, благодаря соперничеству побѣдителей, а также вслѣдствіе цѣлаго ряда тактическихъ и психологическихъ ихъ ошибокъ, не признала Севрскою трактата -- и погрязшая въ своихъ раздорахъ Державы преклопились передъ Мустафой Кемалемъ. Въ началѣ декабря 1920 года, когда независимая Эриванская Армения, изнимогая подъ напоромъ большевиковъ и турокъ, обратилась въ Лигу Націй съ просьбой о принятіи въ свое лоно и о защитѣ отъ враговъ, ей было въ этомъ отказано подъ вліяніемъ главныхъ Державъ, и Эриванская Армения была подѣлена между Совѣтской Россіей и Турціей. Что же касается Турецкой Арменіи, то Державы отказались не только отъ ея **независимости**, но даже отъ созданія армянскаго очага (foyer). Лозанскій трактатъ 1923 года, въ угоду Турціи, ни **единымъ словомъ** не упоминаетъ объ армянахъ.

Севрскій трактатъ содержитъ цѣлый рядъ очень важныхъ постановленій, оберегавшихъ **права меньшинствъ** отъ турецкаго произвола. Но вмѣсто обычной формулы другихъ меньшинственныхъ договоровъ, ставящихъ эти права подъ защиту Лиги Націй, Севрскій трактатъ содержитъ угрозу: 36-ая статья оставляетъ Константинополь за Турц-

ей, но **оговаривала** право Державъ **пересмотрѣть** это рѣшеніе, въ случаѣ если бы Турція не исполняла **лояльно** постановленій трактата, **въ особенности въ отношеніи правъ меньшинствъ**.

Помимо того, Севрскій трактатъ обязывалъ Турцію къ выдачѣ виновниковъ армянской рѣзни союзникамъ для суда надъ ними; признавалъ **недѣйствительность** насильственныхъ обращеній въ исламъ; обязывалъ Оттоманское правительство къ принятію мѣръ для освобожденія всѣхъ лицъ захваченныхъ и заточенныхъ турками во время войны; обязывалъ Турцію къ возвращенію конфискованнаго **движимаго и недвижимаго имущества**.

Всѣ эти постановленія Севрскаго трактата Лозанскимъ договоромъ **не воспроизводятся**. Вмѣсто нихъ въ Лозанскій трактатъ введены обычныя статьи меньшинственныхъ договоровъ и поставлены подъ гарантію Лиги Націй. Такимъ образомъ, отпали всѣ санкции за учиненныя турками злѣштва и всѣ постановленія о репарацияхъ. Мало того, содержащаяся во всѣхъ меньшинственныхъ договорахъ статья о **подданствѣ** не введена въ Лозанскій трактатъ.

Послѣдствія этого, столь несходительнаго для Турціи договора не замедлили сказаться. Уцѣлѣвшіе отъ рѣзни армяне находятъ подъ самымъ тяжелымъ гнетомъ. Они даже не пользуются правомъ свободного передвиженія внутри страны. Съ другой стороны, турецкое правительство конфисковало все имущество армянскихъ **бѣженцевъ**, исключивъ ихъ предварительно изъ турецкаго подданства. И армяне не находятъ защиты ни у главныхъ

державъ, ни, къ сожалѣнію, даже у Лиги Націй *).

Этихъ немногихъ словъ, мнѣ кажется, вполне достаточно, чтобы охарактеризовать послѣвоенную политику Главныхъ Державъ въ армянскомъ вопросѣ, какъ противную и международному и общечеловѣческому праву.

Конечно, всѣмъ извѣстно, что въ Лозаниѣ Державы поступили не только армянскими, но и собственными существенными интересами, отказавшись, напр., отъ капитуляцій. Извѣстно также, что Державы дѣйствовали подъ **весма, впрочемъ, призрачнымъ страхомъ возстанія всего мусульманскаго міра**. Нужно, наконецъ, учесть ужасную послѣвоенную усталость, охватившую весь западъ и не позволявшую ведене новой войны для защиты правъ армянскаго народа. **Все же исторія строго осудитъ поведеніе Главныхъ Державъ**. Въ ихъ рукахъ было очень сильное оружіе — экономическая блокада, примѣненіе коей въ подобныхъ случаяхъ прямо предписано 17 статьей Пакта Лиги Націй; но Державы не сдѣлали даже попытки воспользоваться этимъ оружіемъ. Въ Ло-

заннѣ Державы сдали свои армянскія позиціи ранѣше всѣхъ другихъ и безъ всякаго боя. И въ общемъ итогѣ, поведеніе этихъ **Главныхъ Державъ** приходится признать противнымъ всей политикѣ **Великихъ Державъ** до войны и до учрежденія Лиги Націй, политикѣ осанавливавшей, если и не предупреждавшей, турецкія звѣрства; противнымъ — торжественнымъ обѣщаніямъ, даннымъ армянамъ во время войны; наконецъ, противнымъ — договорамъ о защитѣ меньшинствъ. Ибо Державы не только отреклись отъ гарантій Севрскаго Трактата, но и освободили Турцію отъ нѣкоторыхъ обязательствъ, наложенныхъ на **цивилизованныя** европейскія государства, какъ то въ вопросѣ о подданствѣ.

И въ общемъ, послѣ событій послѣднихъ лѣтъ, послѣ конфискаціи имущества армянскихъ бѣженцевъ и послѣ происходящаго **въ наши дни** принудительнаго выселенія изъ Турціи тѣхъ, кто не бѣжалъ — позволительно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что Главныя Державы отдали армянь туркамъ — **на потокъ и на разграбленіе**.

То же отношеніе къ правамъ чловѣка проявлено было «главными» державами въ вопросѣ о систематическомъ преслѣдованіи католической религіи въ **Мексикѣ**. Новѣйшее мексиканское законодательство до такой степени прониклось совѣтскими началами, что католическая церковь, не будучи въ состояніи принорвиться къ стѣсненіямъ культа, принуждена была отказаться отъ открытаго богослуженія и уйти въ подполье. Этому террористическому законодательству сопутствовали

*) Лига Націй, въ которую эти бѣженцы обратились за судомъ и управой, не принимаетъ ихъ дѣла къ разсмотрѣнію, именно потому, что Главныя Союзныя Державы не ограничили права Турціи исключать армянъ изъ своего подданства, и что заграничные армяне не являются болѣе въ глазахъ Лиги турецкимъ меньшинствомъ, а конфискація ихъ имущества не входитъ въ ея компетенцію. Вотъ прямой результатъ редакціи Лозанскаго трактата.

массовые аресты и разстрѣлы и даже пытки духовныхъ лицъ, а также притѣсненія вѣрующаго. Преслѣдованія эти вызвали въ 1927 г. краснорѣчивое обращеніе Папы Пія IX ко всѣмъ цивилизованнымъ народамъ.

Единственнымъ государствомъ, которое въ эту эпоху, т. е. между 1926 - 1929 г. г., официально вмѣшалось во внутреннія дѣла Мексики, были С. А. Соединенные Штаты. Но вмѣшательство это было вызвано посягательствомъ мексиканскаго Правительства на права собственности американскихъ гражданъ на нефтяные залежи. Этотъ нефтяной конфликтъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для Соединенныхъ Штатовъ смыслѣ. Въ религиозномъ же вопросѣ Американскій Посоль **Двайтъ Морро** выступилъ только въ роли **личнаго посредника** между Папой и мексиканскимъ Правительствомъ. Въ качествѣ такового, ему дѣйствительно удалось содѣйствовать разрѣшенію конфликта между Правительствомъ и Церковью. Тѣмъ не менѣе, это личное посредничество Морро нельзя признать официальнымъ заступничествомъ Соединенныхъ Штатовъ за поруганную Мексикой религиозную свободу.

Такимъ образомъ и въ мексиканскомъ вопросѣ «Главныя» Державы не пошли по пути, указанному ими малымъ міра сего, — Польши, Румыніи, Чехословакіи, Югославіи и инымъ къ востоку отъ нихъ лежащимъ. Намъ могутъ, пожалуй, возразить, что Державамъ было легче ввести извѣстные принципы въ государствахъ, ими побѣжденныхъ, или вновь призванныхъ къ жизни, или наконецъ получившихъ изъ ихъ

рукъ территоріальныя приращенія. Но на это мы отвѣтимъ, что Главныя Державы не сдѣлали даже **попытки** побудить Совѣты къ уваженію элементарныхъ правъ російскихъ гражданъ. Правительства этихъ «Главныхъ» странъ не разъ явно и открыто выражали свое полное равнодушіе къ трагедіи русскаго народа. И это обстоятельство тѣмъ болѣе достойно вниманія, что въ свое время, тѣ же «Главныя Державы» однимъ изъ условий своего признанія **правительства Адмирала Колчака** поставили уваженіе гражданскихъ и религиозныхъ свободъ. Нужно поэтому думать, что это условіе было поставлено не во имя принциповъ общечеловѣческаго права, а по соображеніямъ чисто политическаго свойства: союзныя державы, поддерживавшія въ то время Адмирала Колчака, сознавали, что правительство его не будетъ имѣть ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ, если не объявитъ извѣстной минимальной программы демократическихъ реформъ.

Какъ бы то ни было, ненормальное международное положеніе, созданное поведеніемъ «Главныхъ Державъ», продолжаться не можетъ. Одно изъ двухъ: или уваженіе челоѣческихъ правъ будетъ провозглашено **міровымъ закономъ**, или же государства, связанные односторонними договорами о меньшинствахъ, откажутся отъ этихъ договоровъ и вновь провозгласятъ свой абсолютный суверенитетъ внутри своихъ территорій. И этотъ споръ между «Главными» и «неглавными» государствами, по нашему крайнему разумѣнію, будетъ разрѣшенъ самими заинтересованными «объек-

тами» государственныхъ экспериментовъ — индивидами, требующими **повсемѣстнаго** признанія правъ своей личности.

Протестъ оскорбленнаго чело-
вѣчества нашель себѣ наконецъ
достойное выраженіе въ Нью-
Йоркской Декларціи Института.
Представленная своими корифея-
ми, наука международного права
провозгласила, что на **каждомъ**
государствѣ лежитъ **международ-**
ная обязанность защиты правъ
каждаго пребывающаго въ его
предѣлахъ челоуѣка на жизнь,
на личную и религіозную сво-
боду, на языкъ, на собствен-
ность. Такой Декларацией на-
ка косвенно осудила поведеііе
«Главныхъ» Державъ, призна-
ющихъ правительства насильни-
ковъ, убійць и грабителей **равно-**
правными членами междунаро-
днаго общенія. Міровая правовая
совѣсть наконецъ проснулась. Она

возсгаетъ противъ позорнаго,
трусливаго равнодушія передъ
преступленіями, совершаемыми за
пограничной чертой. Поэтому мы
и правъ надѣяться, что Деклар-
ція Института не пройдетъ без-
сѣдно, а будетъ вскорѣ воспри-
нята всѣми цивилизованными пра-
вительствами. Настанетъ часъ но-
ваго общечеловѣческаго права,
во имя котораго «нейтралитетъ
передъ преступленіемъ» или го-
воря проще, **попустительство** бу-
детъ изгнано изъ международной
жизни.

Но врядь ли Нью-Йоркская Де-
кларация международныхъ правъ
челоуѣка встрѣтитъ гдѣ либо бо-
лѣ глубокой откликъ, чѣмъ в
сердцахъ тѣхъ, кому нынѣ при-
надлежитъ только одно неотъем-
лемое право считать себя наибо-
лѣ «униженными» и наибо-
лѣ «оскорбленными»

Андрей Мандельштамъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ив. Бунинъ. Жизнь Арсеньева. Истоки дней. Издательство «Современныя Записки», Парижъ 1930 г.

«Жизнь Арсеньева» хорошо известна читателямъ «Современныхъ Записокъ». Хорошо известень и успѣхъ, выпавшій на долю этой книги. Немного можно было бы указать въ новѣйшей русской литературѣ примѣровъ столь заслуженнаго успѣха. Но лишь теперь, прочтя книгу не въ отрывкахъ, а сразу и цѣликомъ, мы можемъ судить по настоящему о красотѣ и силѣ новаго произведенія И. А. Бунина. Думаю, что «Жизнь Арсеньева» занимаетъ первое мѣсто среди его книгъ. Этимъ сказано, какое высокое мѣсто она занимаетъ въ русской литературѣ.

Мнѣ уже приходилось указывать на рѣдкую особенность творческаго пути Бунина, — его непрерывный художественный подъемъ: каждое новое его произведеніе лучше предыдущихъ. Отмѣнимъ теперь и другое. На смѣну шедеврамъ, густо окрашеннымъ въ черный цвѣтъ, на смѣну книгамъ пессимистическимъ, чуть только не мизантропическимъ («Петлистая уши», «Хорошая жизнь», «Господинъ изъ Санъ-Франциско») пришла одна изъ самыхъ **свѣтлыхъ** книгъ русской литературы. Знаю затасканность подчеркнутаго мною слова, однако другого я не нахожу.

Бунинъ говоритъ въ «Жизни Арсеньева»: «Необыкновенное впечатлѣніе произвели на меня «Старосвѣтскіе помѣщики», «Страшныя мѣста», «Тарасъ Бульба», но опять-таки лишь нѣкоторыми своими мѣстами, да своимъ общимъ высокимъ складомъ и смысломъ». Въ «Жизни Арсеньева» тотъ же высокій складъ, — и его обаянію, его чарамъ поддаешься съ первой строчки книги. Она вотшебно обращаетъ въ краску все, вплоть до осенней грязи (которой придется неожиданннй эпитетъ «**синня** грязь»), вплоть до коробочки съ ваксой: «За всю мою жизнь не испытала я отъ вещей, видѣнныхъ мною на землѣ, — а я видѣлъ много, — такого восторга, такой радости, какъ на базарѣ въ этомъ городѣ, держа въ рукахъ коробочку ваксы. Круглая коробочка эта была изъ простого лыка, но что это было за лыко и съ какой несравненной художественной ловкостью была сдѣлана изъ него коробочка! А самая вакса! Черная, тугая, съ тусклымъ блескомъ и чопотельнымъ спиртнымъ запахомъ!»

Не помню, кто назвалъ Бунина «писателемъ для писателей». И дѣйствительно, многое въ его творчествѣ могутъ оцѣнить только беллетристы. Все сказано объ изобразительномъ искусствѣ Бунина.

При этомъ часто имѣють въ виду его картины природы. По моему, Бунинскія картины города имъ нисколько не уступаютъ. Автору «Петлистыхъ ушей» принадлежитъ лучшее въ русской литературѣ описаніе Невскаго Проспекта. Въ «Жизни Арсеньева» высоко-художественныхъ картинъ такъ много, какъ ни въ одномъ другомъ произведеніи Бунина. Приведу только одну страницу въ качествѣ образца его изумительнаго искусства:

«Рѣзко, попугаями, вскрикивали, вылетая на арену подѣ толпой публики и со всего размаху штепаясь съ притворной неловкостью животомъ въ песокъ, широкошпанные клоуны съ мучными лицами и оранжево-огненными волосами, за ними гякело вырываются старши, бѣлая лошадь, на широчайшей вогнутой спицѣ которой стоя неслась вся осмыанная золотыми блесками коротконогая женщина въ розовомъ трико, съ розовыми тугими ляжками подѣ торчащей балетной юбочкой... Музыка съ беззаботной удалью нажаривала «Ивушка, ивушка, зеленая моя», чернобородый красавецъ-директоръ во фракѣ, въ ботфортахъ и въ цилиндрѣ, стоя и вращаясь посреди арены, равномерно и чудесно стрѣлялъ длиннымъ бичемъ, лошадь, круто, упрямо выгнувъ шею, вся завалившись наискось, тяжкимъ галопомъ мчалась по самому краю круга, женщина выжидательно пружинила на ней и вдругъ съ какимъ-то короткимъ, кокетливымъ крикомъ взвивалась и съ трескомъ прорывала бумажный щитъ, вскинутый передѣ нею шталмейстерами въ камзолахъ.. А когда она, стараясь быть легче пуха, слетала наконецъ съ лошади на незрытый песокъ арены, съ чрезвычайнѣйшей граціей присѣдала, дѣлала ручками, какъ-то особенно вывертывая ихъ въ кисти, и, подѣ бурю аппоцисментовъ, съ преувеличенной дѣтскостью, уносила за кулисы, музыка вдругъ смолкала (хотя клоуны, расхлябанно шатаясь по аренѣ съ видомъ безпріютныхъ дурачковъ, картаво кричали: «еще потпорціи камаринскаго») ..

Удаются ли Бунину отдѣльные люди такъ, какъ ему удаются «предметы»? Онъ почти не пользуется пріемомъ «душевнаго монолога». Въ «Петлистыхъ ушахъ» убійство сдѣлано какъ бы составной частью страннаго петербургскаго пейзажа. Внѣшнее описаніе порою дѣлаетъ чудеса и въ «Жизни Арсеньева»: «Онъ (мѣщанинъ Ростовцевъ) вошелъ, спокойно нахмуренный, снялъ въ маленькой прихожей картузь и чуйку и остался въ одной легкой сѣрой поддевкѣ, которая вмѣстѣ съ вышитой косовороткой и товкими опойковыми сапогами особенно подчеркивала его русскую ладность. Сказавъ что-то сдержанно-привѣтливое женѣ, онъ тщательно вымылъ и туго отжалъ, встряхнулъ руки подѣ мѣднымъ рукомойникомъ, висѣвшимъ надѣ тоханью въ кухнѣ Ксюша, младшая дѣвочка, потупивъ глаза, подавая ему чистое длинное полотенце. Онъ неспѣша вытеръ руки, съ сумрачной усмѣшкой кинулъ полотенце ей на голову, — она при этомъ радостно вспыхнула, — и, войдя въ комнату, нѣсколько разъ точно и красиво перекрестился и поклонился на образничку въ уголъ» .. --

Къ этому нечего прибавить и безъ «освѣщенныхъ внутренностей» человѣкъ показанъ такъ, какъ показанъ циркъ въ строкахъ, приведенныхъ выше.

«Жизнь Арсеньева» не воспоминанія, не автобіографія. По крайней мѣрѣ мемуарами ихъ можно считать лишь въ такой же мѣрѣ, какъ «Героя нашего времени» или «Дѣтство, отрочество и юность». Излагать содержаніе книги незначѣмъ: ее, конечно, прочтеть всякій образованный русскій. Я не буду останавливаться и на идейномъ содержаніи «Жизни Арсеньева». Мысли Бунина не книжныя, и въ теоретическомъ отвлеченіи о нихъ говорить трудно; по настоящему ихъ можетъ оцѣнить только тотъ, кто хорошо знаетъ этого необыкновенно даровитаго человѣка, — человѣческая талантливость И. А. Бунина вѣдь равна его огромному литературному таланту. Она и въ его страстности, и въ его пристрастіяхъ, и въ его острой ненависти ко всякой фальши (или ко всему тому, что кажется фальшью Бунину).

«Общій выводъ» книги, результатъ жизненнаго опыта автора, думаю (хоть, разумѣется, не ручаюсь), слѣдующій: Люби жизнь, — много въ ней и сквернаго, и страшнаго, — но вѣдь самое скверное и самое страшное: «огромный бархатно-фіолетовый ящикъ съ мерзкимъ серебряными лапками»; люби жизнь, — она все-таки того стоитъ, — относись къ ней просто, какъ относились къ ней предки, и не старайся облагодѣтельствовать человѣчество, — оно какъ нибудь обойдется и безъ тебя.

М. Алдановъ.

Иванъ Болдыревъ. Мальчики и дѣвочки -- В. С. Яновскій. Колесо — Издательство «Новые Писатели». Парижъ-Берлинъ. 1929 - 1930.

Объ книжки выпущены новымъ издательствомъ, которое «поставило себѣ задачей помочь новымъ, по преимуществу молодымъ русскимъ зарубежнымъ писателямъ издавать ихъ повѣсти и романы» «Уже достаточно остро, — говорится въ проспектѣ этого издательства, — стоитъ вопросъ о «молодой смѣнѣ», о томъ, чтобы новые таланты могли себя проявить, имѣли поощреніе и выступили на сцену литературной критики и читателей». При этомъ имѣются въ виду преимущественно «начинающіе писатели» — «никакихъ ограниченій, со стороны политической или въ смыслѣ литературной школы редакция издательства не устанавливаетъ». Редакторомъ и руководителемъ издательства приглашенъ М. А. Осоргинъ.

Задачи, несомнѣнно, очень симпатичныя, можетъ быть — даже очень нужныя. Объ книжки молодыхъ писателей — Ивана Болдырева и В. С. Яновскаго — это начинаніе, несомнѣнно, оправдываютъ. И дѣло здѣсь не только въ отысканіи «молодой смѣны» и молодыхъ дарованій, удачно слѣланъ выборъ и въ смыслѣ темы. Объ книжкѣ, написанная отчасти въ формѣ повѣсти и въ гораздо, повидимому, большей степени въ формѣ изображенія пережитаго, а потому но-

сящія характеръ почти дневниковъ-воспоминаній, касаются чуть ли не одной и той же темы: жизни — быта и психологіи — того поколѣнія, которому въ самыя жуткія годы послѣдняго десятилѣтія (1918-1919), было 12-16 лѣтъ. Именно это поколѣніе сейчасъ и вышло въ Россіи на арену жизни, именно ему суждено творить ту жизнь, которая опредѣлитъ судьбы нашей родины въ ближайшія десятилѣтія... Уже одно это и интересно и значительно. Узнать и понять быть и психологію этого поколѣнія для зарубежнаго читателя важно, въ частности, и потому, что только такъ можно перекинуть мостъ между прошлымъ и будущимъ, уходящимъ и нарождающимся, зарубежьемъ и родиной.

Тема, повторяю, у обоихъ молодыхъ авторовъ — оба также, несомнѣнно, даровиты, — почти одна и та же, но имѣются между ними и существенныя отличія.

Иванъ Болдыревъ въ своихъ «Мальчицахъ и дѣвочкахъ» описываетъ московскую «Единую совѣтскую грудную школу» 1918-1919 г. г. Это — бытъ и психологія «совѣтскихъ гимназистовъ и гимназистокъ», обучающихся совмѣстно. Тема и среда довольно узкія, причемъ этихъ мальчиковъ и дѣвочекъ читатель внѣ школы почти не видитъ. Правда, школа въ ихъ жизни, повидимому, занимаетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ гимназія въ жизни предыдущихъ поколѣній — иное къ нимъ и отношеніе. «Въ понедѣльникъ въ школу! Мы съ Катей кричали ура, прохожіе оборачивались! **Теперь все чудесно**», — записывала въ своемъ дневникѣ одна изъ «дѣвочекъ». Прежде, пожалуй, такъ гимназистки въ своихъ дневникахъ не писали. Жаль лишь, что авторъ въ своей книжкѣ, повидимому, сознательно ограничилъ эту тему тѣми отношеніями, которыя въ школѣ складываются между мальчиками и дѣвочками. Въ тѣхъ ребяческихъ романахъ, которые въ большомъ количествѣ проходятъ на страницахъ его книжки передъ читателями, много случайнаго и не слишкомъ характернаго — все это можно было бы встрѣтить и въ другія времена. Новое, быть можетъ, лишь въ той нездоровой напряженности отношеній, которыя существуютъ между мальчиками и дѣвочками. Книжка И. Болдырева значительно бы выиграла, если бы авторъ раздвинулъ эту тему.

Хочется прежде всего сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно стили и формы. Школа А. М. Ремизова ни върѣе подражаніе ему чувствуются буквально съ первыхъ же строкъ. — вплоть до типографскаго расположенія строкъ. Но подражать такому мастеру, какъ А. М. Ремизовъ, — дѣло опасное. Въслѣдъ импрессионистической манеры разсказа получается растрепанность, безсвязность, а кое-что остается и просто непонятнымъ. Между тѣмъ авторъ мой бы писать просто. Большое мѣсто, напр., занимаетъ въ книжкѣ дневникъ 16-ти лѣтней дѣвочки, — онъ написанъ много лучше — искреннѣе и непосредственнѣе. Онъ цѣликомъ посвященъ романтическимъ темамъ, притомъ иъ не очень здоровой покладкѣ — лоркаетъ онъ, между прочимъ, пустотой своего содержанія. И Болдыревъ могъ бы писать хорошо, просто описывая дѣйствительность безъ спеціальна-

го желанія подражать кому бы то ни было. Такъ, неплохо описана весна съ весеннимъ томленіемъ природы, очень живо нарисовано собрание, на которомъ обсуждался вопросъ о поведеніи «продовольственниковъ» (продовольственная комиссія школы изъ самихъ учениковъ).

Многія сцены нисколько не характерны — такъ было и это происходило во всѣ времена. Преслѣдоваль ли авторъ при этомъ чисто художественныя задачи? Какъ будто на это права у него не было.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ его неудачнаго стиля:

«Черезъ большія гимназическія окна пробуравились посмѣлѣвшіе отлутчики (?) — тепла, свѣта и, навѣрно, радости, опдели золотистыми полосатыми путами школьныя залы, коридоры и классы; и, конечно, отъ веселости завертѣлись пылинки-попрыгуньи въ непонятномъ крутильномъ танцѣ».

Но иной разъ между строчками прорывается молодое, свѣжее, поэтическое.

Еще одинъ недостатокъ: въ повѣсти нѣтъ стержня. Это скорѣе собраніе разрозненныхъ отрывковъ, причемъ въ каждомъ отрывкѣ въ центрѣ вниманія разныя лица -- благодаря этому нѣтъ единаго построенія, вниманіе разбивается, отдѣльныя фигуры не становятся отъ этого болѣе выпуклыми.

Бродитъ молодое вино. Не только молодое, но и мутное. Въ немъ, несомнѣнно, отразилась и самая эпоха — тоже мутная и тревожная. Что то будетъ изъ этого вина? По тому, какъ эти мальчики и дѣвочки изображены авторомъ, въ читателѣ большихъ надеждъ на то, что это вино устоится, сдѣлается крѣпкимъ и чистымъ, не создается...

Книжка В. С. Яновскаго «Колесо» — значительно другого порядка. Прежде всего она написана гораздо проще, безъ парочности и спеціальной изломанности. Совсѣмъ также другой бытъ. Въ центрѣ разсказа — «Сашка», мальчуганъ, можетъ быть, лишь немногимъ моложе возрастомъ «мальчиковъ» Болдырева. Но благодаря тому, что всѣ событія и описанія связаны съ этой центральной фигурой, весь разсказъ жизненный и цѣльный. Гораздо значительнѣе и тема. Она окрашена въ трагическіе тона. Сашка тоже зналъ въ прошломъ лучшія времена, когда у него, какъ и у мальчиковъ Болдырева, не было заботъ объ устройствѣ своей жизни. Но огець умеръ, умерла мать, на глазахъ читателя умираетъ и его старшая сестра Надя. Мальчикъ остался одинъ. Онъ долженъ устроить свою жизнь своими собственными силками. И, можетъ быть, какъ разъ это придаетъ ему большую жизненность, именно это позволяетъ читателю возлагать на Сашку больше надеждъ, чѣмъ на болдыревскихъ мальчиковъ.

«Колесо» — это повѣсть о дѣтяхъ улицы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это и больше — повѣсть о дѣтяхъ «испепеляющихъ годовъ».

«Мы должны погибнуть, которые уже родились. Потому, колесо революціи! -- тихо шепчетъ Сашка. И видитъ онъ это колесо, большое большущее, а внутри какъ бы тожи сдѣланы, и сидятъ важныя

люди, съ усами и безъ усовъ, все пишутъ, какъ, и что, и когда А около нихъ, какъ въ саду, оркестръ играетъ вальсъ — «Красивый такой!» — жмурится Сашка. А колесо крутится, все крутится; музыка играетъ, а подъ колесомъ только ноги чьи-то, да руки видны. Вонъ, узнаеть и себя Сашка подъ колесомъ, вонъ мама, старшій братъ; только головы видны, а музыка красиво такъ играетъ: «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой»...

Повѣсть В. С. Яновскаго начинается сразу съ «проходного двора», съ заботъ о кускѣ хлѣба. Кругъ наблюдений у него гораздо ниже, чѣмъ у И. Болдырева — шире и интереснѣе, значительнѣе. Здѣсь тоже много растрепанности, но это не растрепанность фразы, а — реальной жизни, дѣйствительности. Цѣпляясь за жизнь, Сашка посѣщаетъ притонъ, который содержитъ его бывший учитель, ираетъ тамъ въ карты. Копаеть для комхоза картошку, воруетъ на огородахъ капусту, за что его бьютъ мужики (дѣло происходитъ, повидимому, въ какомъ то маленькомъ провинціальномъ городѣ). Собирается убить старуху, чтобы овладѣть ея мѣшочкомъ на шеѣ, служить сторожемъ во фруктовомъ саду комхоза, одно время — пока разрѣшили — замѣщаетъ буржуевъ на общественныхъ работахъ, наконецъ, достигаетъ высокихъ степеней — мѣста курьера въ совнархозѣ. Но всегда голодный, всегда — «привычное, одуряющее состояніе голода».

Есть очень сильныя страницы — напр., рассказъ молодого парня Сашкѣ «о жизни, войнѣ, людяхъ» Этотъ молодой парень рассказываетъ о разстрѣлахъ нѣмцами плѣнныхъ и о своеобразной игрѣ, придуманной нѣмцами. Для сокращенія числа плѣнныхъ нѣмцы разстрѣливали каждаго пятого, при этомъ передъ разстрѣломъ разрѣшали всѣмъ мѣняться мѣстами — начиналась страшная потеря, когда почти всѣ перебѣгали съ мѣста на мѣсто, чтобы не быть «пятымъ».

Много страднаго понялъ въ своей безрадостной трагической жизни Сашка Разговоры его со сверстниками, это не тѣ пустые разговоры болдыревскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые вращались вокругъ какой-то одной маленькой и стыдной темы. Въ нихъ уже чувствуется мудрость житейскаго ранняго опыта, есть и глубокие просвѣты. Спасаетъ Сашку — физически и духовно — въ концѣ концовъ случайный отъѣздъ въ деревню.

Обѣ книжки кончаются почти одинаково — смутными надеждами, почти мечтами.

«Запустѣть школа: получать аттестаты, одиночками пойдуть по Москвѣ, всѣмъ русскимъ городамъ, по просторной Руси, всей землѣ — великимъ и жалкимъ человѣческимъ походомъ, черезъ человѣческія мытарства и утѣхи — люди дѣла, денегъ, почти служенія и любви; нѣкоторые никогда не стануть людьми, никакими, но всякій будетъ искать свое счастье, всякій по своему».

Такъ пишетъ Иванъ Болдыревъ

«И они разошлись, смутно предчувствуя вдали большую еще жизнь и радостныя встрѣчи; и потери, и бури..»

Этимъ кончается книжка В. С. Яновскаго.

Объ книжки — повѣсть о принесенномъ въ жертву поколѣннѣ. Повѣсть объ «испепеляющихъ» годахъ, повѣсть о «дѣтяхъ страшныхъ лѣтъ»... Они размалываются страшными жертвами, плаваютъ страшными огнями. Будутъ ли размолоты окончательно, сгорятъ ли до тла? Но есть въ этихъ обѣихъ книжкахъ что-то почти невысказанное, что позволяетъ надѣяться на будущее и для этого поколѣннѣ...

В. Зензиновъ.

Галина Кузнецова. Утро. Изд-во «Современ. Записки», Парижъ, 1930.

Кажется, это Флоберъ сказалъ, что самый худшій читатель тотъ, кто «хочетъ знать, что въ книгѣ происходитъ». Еще совсемъ недавно наши молодые беллетристы какъ будто только худшимъ читателямъ и стремились угодить. Они провозгласили догматы «приключенчества» и вѣншей занимательности. Любопытно, что писатели совѣтскіе считали «приключенчество», «авантюжность» чѣмъ-то специально-европейскимъ, подлинно-западнымъ, и, призывая къ «учебѣ» у западныхъ мастеровъ, они имѣли въ виду именно сложность интриги и блескъ ея развитія. А на западѣ въ это время нач. ли увлекаться Чеховымъ.

Теперешніе наши молодые прозаики — въ особенности здѣшніе, зарубежные, — къ приключеніямъ охладѣли. Не то, чтобы прошла мода. Нѣтъ, — у нихъ открылись глаза. Они поняли, что «авантюжность» можетъ составить ткань произведенія искусства, какъ у Достоевскаго, напр., но не можетъ быть основой его. Они поняли, что дѣйствіе не всегда исчерпывается фабулой.

Галина Кузнецова — одинъ изъ самыхъ характерныхъ писателей этого направленія, которое, кстати сказать, нѣтъ никакого основанія считать въ русской литературѣ «новымъ». Для насъ оно вовсе не новое. Это природно-русское, старое и вѣчное направленіе, которое только послѣ различныхъ вздорныхъ и полуневѣжественныхъ выдумокъ послѣднихъ лѣтъ, можетъ казаться новымъ. Галина Кузнецова пишетъ какъ будто ни о чемъ, но касается она многого. Въ ея повѣстяхъ ничего не происходитъ, или почти ничего; случай въ нихъ не играетъ никакой роли. Она рассказываетъ не о томъ, что въ жизни иногда бываетъ, а лишь о томъ, что въ жизни всегда есть, — и своимъ, не виданнымъ раньше свѣтомъ освящаетъ она это «всегда — присутствующее». Ея вещи не сразу останавливаютъ вниманіе, но не долго запоминаются.

Вотъ, на примѣръ, «Послѣдняя повѣсть». Мужъ и жена въ Крыму передъ эвакуаціей ищутъ пристанища. Имъ удается пріютиться въ какой-то казармѣ, гдѣ всѣ встрѣчаютъ ихъ какъ враговъ. Они живутъ впроголодь, чего-то ждутъ. Проходятъ мѣсяцы. Они уѣзжаютъ. Больше ничего.. Но написана эта незамысловатая исторія такъ «одухотворенно», что за каждымъ словомъ ея открывается нѣчто божіе широкое, чѣмъ Крымъ, революція и бѣженство: за нею какъ будто видна судьба человѣка вообще, его одиночество, его печаль и счастье.

И такъ всегда у Галины Кузнецовой. Она -- беллетристъ и рассказываетъ о невзгодахъ русскихъ людей, застигнутыхъ революціей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она и поэтъ, который говоритъ о человѣкѣ «въѣ времени и пространства».

Георгій Адамовичъ.

В. Сиринъ. Возвращеніе Чорба. Разказы и стихи. Кн-во «Слово», Берлинъ, 1930.

В. Сиринъ собралъ въ одну книгу свои разказы, писавшіяся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Это даетъ возможность яснѣе увидѣть нѣкоторыя черты его литературнаго облика.

Критика искала въ творчествѣ Сирина слѣды иностранныхъ вліяній. Пишущій эти строки высказалъ по поводу романа «Король-Дама-Валетъ» предположеніе, что онъ созданъ подъ вліяніемъ берлинской литературной атмосферы. Другой критикъ, Георгій Адамовичъ, нашель, что романъ Сирина «Защита Лужина» написанъ подъ вліяніемъ современной французской литературы и что во французскомъ журналѣ онъ не показался бы столь новымъ и необычайнымъ, какъ представляется многимъ русскимъ читателямъ. Но и Г. Адамовичъ не указалъ ни на одно конкретное вліяніе и тоже говорилъ только объ общемъ вліяніи французозъ.

Эти указанія, такимъ образомъ, не только неопредѣленны, но и противорѣчатъ одно другому, потому что оба романа Сирина, несмотря на разность сюжета и трактовки, прежде всего очень похожи другъ на друга и явственно принадлежать писателю съ цѣльной и своеобразной индивидуальностью. Но они настолько въ большаго русла русской литературы, такъ чужды русскимъ литературнымъ вліяніямъ, что критики невольно ищутъ вліяній иностранныхъ.

Разказы Сирина подтверждаютъ это впечатлѣніе. Сиринъ, вѣроятно, много читалъ (съ какихъ поръ это недостатокъ?) и многое воспринялъ изъ чужого литературнаго опыта. Но эта работа осталась для читателя скрытой. Разказы Сирина нѣсколько слабѣе его романозъ. Авторъ какъ будто дѣлаетъ въ нихъ опыты, экспериментируетъ. Впрочемъ, экспериментаторъ чувствуетъ и въ романахъ Сирина. Онъ какъ будто сначала ставитъ себѣ сознательно задачу, а потомъ уже ищетъ путей для ея разрѣшенія. Это придаетъ его творчеству отчужденность искусственности, но требуетъ и немалого искусства. Такъ, заданіе романа «Король, Дама, Валетъ» (показать механичность, почти автоматичность душевной жизни въ современномъ большомъ городѣ) -- разрѣшена съ подлинною силой.

Не все одинаково цѣнно въ книгѣ «Возвращеніе Чорба». Такъ, разказъ «Сказка» лучше было бы въ книгу не включать. Стихи Сирина менѣе интересны и своеобразны, чѣмъ его проза. Но многіе разказы написаны мастерски. Въ постѣднее время вниманіе русскихъ читателей сосредотачивалось на романахъ, вѣроятно, потому что традиція типично-русскаго разказа требовала, чтобы въ немъ рѣшились

по ничего не происходило. Но рассказы Сирина читаются съ захватывающим интересомъ. И не только тѣ, въ которыхъ есть внѣшнее занимательная фабула, какъ «Картофельный Эльфъ», «Подлецъ» или «Пассажиръ», но и тѣ, гдѣ увлекаетъ только интенсивность внутренняго переживанья.

Если, не довольствуясь впечатлѣніемъ несомнѣнной оригинальности Сирина, все же искать чертъ сходства его съ другими писателями, то вспоминается имя писателя исключительно большого дарованія, но теперь по многимъ причинамъ не моднаго -- Леонида Андреева. Разумѣется, такое сравненіе можетъ быть только условнымъ. Какъ Андреевъ, Сиринъ любитъ склоняться надъ трагическими уродствами жизни, надъ странными и единичными случаями. (Напримѣръ, въ «Картофельномъ Эльфѣ» лилипутъ, влюбляющійся въ нормальную женщину, и мгновеніе любви-жалости къ нему этой женщины. Или «Возвращеніе Чорба», мужа, потерявшаго любимую жену, въ городъ и въ гостиницу, гдѣ началась ихъ общая жизнь и куда онъ приводитъ проститутку. Этотъ рассказъ даже кончается совсѣмъ андреевскимъ эффектомъ: въ комнатѣ, куда, ни о чемъ не зная, приходятъ родители умершей -- трагическое молчаніе. «Они молчатъ -- шелнуть лакей и приложилъ палецъ къ губамъ»). Какъ Андреевъ, Сиринъ обладаетъ рѣдкимъ теперь даромъ фабулы. Какъ Андреевъ онъ часто даетъ впечатлѣніе искусственности. Мы не можемъ сравнивать ихъ по таланту, такъ какъ мѣра дарованія молодого автора обнаруживается не сразу и талантъ Сирина еще находится въ періодѣ роста. Но надо отмѣтить, что Сиринъ относится къ своему таланту болѣе бережно и тщательно и что это спасаетъ его отъ тѣхъ срывовъ и проваловъ, которые губили Леонида Андреева

Мих. Цетлинъ.

Георгій Песковъ. Памяти Твоей. Изд. «Современныя Записки». Парижъ 1930 г.

Имя Георгія Пескова за послѣднее время часто появлялось въ періодической печати. Въ «Памяти Твоей» молодымъ авторомъ собраны 15 небольшихъ рассказовъ.

Сборникомъ онъ свою книгу, однако, не называетъ и это вполне правильно. Всѣ рассказы въ сущности объ одномъ и томъ-же. Во всѣхъ рассказахъ авторъ напряженно вслушивается, всматривается, вчувствуется въ одну и ту же точку: въ какой то невятно возникающей въ глубинѣ безумныхъ російскихъ лѣтъ страшный и все же насыщающій душу смыслъ жизни. Среди относительно молодыхъ эмигрантскихъ писателей найдутся дарованія формально болѣе сильныя, по манерѣ письма болѣе новыя и болѣе острыя, но у Георгія Пескова есть одно преимущество. Въ его рассказахъ никогда не чувствуется заданія интересно разработать пришедшій въ голову или попавшійся подъ руку литературный сюжетъ. Во всемъ, что онъ пишетъ слышится одержимость опредѣленной темой, опредѣленнымъ видѣ-

ніемъ міра, почти видѣніемъ о мірѣ. Въ этомъ смыслѣ путь Георгій Пескова истинный путь большой русской литературы.

Какова же основная тема Пескова? Ее можно называть разное: все же я сказалъ-бы, что главное въ Песковѣ — это раздвоенность. Темы Пескова и внѣшне (сюжетно) и внутренне (духовно-опытно) какъ бы колеблются между двумя полюсами. Одинъ полюсъ — подлинная реальность нездѣшняго міра: вѣра, чудо, душа человѣка, любовь. Другой: навожденіе, суевѣріе, случай, психопатологія, преступленіе. Не знаю, какъ выявить бы Георгій Песковъ борьбу этихъ противоположностей, если бы онъ родился въ другой странѣ и въ другое время, но опредѣленно чувствую, что убѣдительностью своихъ разсказовъ Георгій Песковъ обязанъ прежде всего встрѣчѣ своего внутреннего раздвоенія съ тѣмъ страшнымъ раздвоеніемъ русской души, имя которому — большевицкая революція. Вѣра, чудо, душа, любовь — это же и Россія. Навожденіе, преступленіе, патологія, анекдотъ — это большевизмъ. Но, конечно, и большевизмъ — Россія. Разсказы Пескова лишены всякой эмигрантщины: въ нихъ нѣтъ ни лирики заброшенныхъ усадебъ, ни безответственнаго отношенія къ большевикамъ.

Отмѣченная мною тема раздвоенія часто выдвигается Песковымъ на первый сюжетный планъ.

Въ одной квартирѣ случайно живутъ вмѣстѣ вѣрующая ласковая старушка изъ благородныхъ (сынъ убитъ на бѣломъ фронтѣ) и комсомолецъ, у котораго не было матери, хотя онъ и знаетъ женщину, имѣвшую глупость его родить. Передъ смертью старушка проситъ зажечь лампадку и почитать Евангеліе. Комсомолецъ зажигаетъ электричество и предлагаетъ почитать «Уроки Октября». Но тутъ происходитъ нѣчто странное, — раздвоеніе: «говорю то я самъ, а другому во мнѣ больно. Точно бы это офицершика, сынъ ея въ мент влѣзъ». Подъ утро наступаетъ смерть; въ головахъ революціонера марксиста сквозь туманъ пробивается мысль: «это не она, но не можетъ быть, чтобы ея не было совсѣмъ. А вотъ то, что я надъ ея смертью ругался — это тутъ. И всегда тутъ останется, крыть нечѣмъ («Что Тебѣ до меня, Иисусъ»).

Въ провинцію изъ города пріѣзжаетъ нѣкій господинъ со странностями: заикается, зеркало заправшиваетъ, много ѣстъ и что-то мучительно вспоминаетъ. Изъ разсказовъ выясняется: артиллерія стрѣляла по дому, домъ загорѣлся, онъ по трубѣ спустился и спасся, семья сгорѣла. Съ этого и пошла жизнь раздвоеннаго сознанія. С Давидѣ Васильевичѣ Д. В. Колобовѣ говоритъ въ третьемъ лицѣ, какъ о своемъ главномъ врагѣ Ненормальный случай, и только! Но почему не нормальный? Ненормальность — исключеніе. Колобовъ-да вовсе не исключеніе. Все раздвоено: большевики противъ бѣлыхъ полятъ, бѣлые — противъ большевиковъ. Старухи въ погребѣ сидятъ, отъ нѣмца хоронятся, а нѣмцевъ то и нѣтъ. Бѣлымъ — красные нѣмцы; краснымъ — бѣлые. Ничего не понять, все двойится. Ненормальность Колобова — норма всей жизни («Жилецъ»).

Человѣка бросила жена. Онъ заперся въ своей комнатѣ, не отвѣчаетъ на стукъ, почти ничего не ѣстъ, все думаетъ о своихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, не думаетъ, а жвачку жуетъ: «пожуетъ, пожуетъ, проглотитъ; отрыгнетъ и опять снова».

Рядомъ съ нимъ живетъ его хозяйка: скудная, злая, полусумасшедшая старуха Панаіотова. Ставни закрыты. Одинока. При ней только ея собаки.

Насильственно извлеченный изъ своего одиночества Платонъ Ивановичъ узнаетъ о смерти Панаіотовой нѣсколько дней не выходилъ — когда къ ней вошли — она мертвая, а ногу съ голода собаки съѣли.

Въ больной и мучительно сверлящей свои «обстоятельства» головѣ Платона Ивановича оба эти процесса сливаются въ нѣчто единое. Онъ единства этого не понимаетъ, но все-таки чувствуетъ переѣденіе: его живую душу съглодала жена, а фоксъ съѣлъ ногу у мертвой, только его и любившей Панаіотовой. Что-то и такъ, и не такъ. И похоже, и какъ разъ наоборотъ. Платонъ Ивановичъ идетъ за разъясненіемъ къ фоксу. Ложится на ту кушетку, на которой умирала Панаіотова. Тихо, кто-то скребется. Фоксъ кладетъ лапы на ноги Платона Ивановича, вскакиваетъ на кушетку и теплымъ языкомъ облизываетъ его стопудовую отъ немощи и жара руку. Фоксъ и Платонъ Ивановичъ сближаются, гуляютъ вмѣстѣ побѣдителями. Платонъ Ивановичъ всѣмъ рассказываетъ о томъ, какъ фоксъ съѣлъ мертвую ногу Панаіотовой. На отвращеніе, выражаемое собесѣдникомъ, онъ заявляетъ: увѣренъ, что въ много разъ предпочлывали то же самое. Кто скажетъ, что онъ не правъ? («Фоксъ»).

Наряду съ рассказами охарактеризованнаго типа у Пескова встрѣчаются и другіе. Съ одной стороны чисто анекдотическіе, не лишеныя нѣкотораго привкуса спиритическаго сеанса («Генеральшинъ мопсъ», «Тринадцатый»), съ другой — подлинно религіозныя («Памяти Твоей», «Валькирія»). Надо сказать, что эти послѣдніе (въ книгѣ они первые) написаны съ наибольшею художественною убѣдительною и съ максимальной точностью словъ и положеній. Причемъ въ обоихъ Песковъ стоялъ передъ заданіемъ очень большой сложности. Описать появленіе среди оставленныхъ близкихъ разстрѣляннаго священника — и описать, **не превративъ чуда въ галлюцинацію** — задача громадная. Пескову она удалась. Рассказъ, быть можетъ, могъ бы быть написанъ сильнѣе, но я увѣренъ, онъ не могъ бы быть написанъ правдивѣе. Къ лучшимъ рассказамъ принадлежитъ также и «Валькирія». Старая нѣмка Брунхильда Карловна, безбожно коверкая русскій языкъ, переводитъ въ трагическую минуту жизни нѣкому Евгению Ивановичу одинъ «Grablied» («надгробни пѣсня»). И въ ея переводѣ, въ ея безпомощныхъ словахъ слышится органъ, чувствуется духовная первореальность міра: смиреніе, доброта, мудрость.

Для правильнаго представленія о дарованіи Пескова необходимо еще отмѣтить, что въ его писаніяхъ большую роль играютъ дѣти, въ большинствѣ случаевъ сироты. Дѣти ощущаются Песковымъ въ извѣстномъ смыслѣ такъ же, какъ и душевно больные; отнюдь не

сверху вниз. Дети иначе смотрят на мир, чѣмъ взрослые. У них , иная «оптика». Но чья «оптика» вѣрнѣе, точнѣе и глубже — совѣмъ, еще неизвѣстно, какъ неизвѣстно, нѣтъ ли большой правды и въ міросозерцаніи такъ называемыхъ душевно больныхъ. Благодаря такому непредвзятому, отъ себя отрѣшенному подходу къ дѣтямъ Пескову удается то, что часто не удавалось болѣе крупнымъ и опытнымъ писателемъ — простое и правдивое изображеніе не только дѣтей, но и дѣтскаго взгляда на міръ. Въ этомъ смыслѣ очень удаченъ рассказъ «Бабушкина смерть», въ особенности его первая половина.

На все сказанное мною въ похвалу Пескова возможно возраженіе, что въ искусствѣ важны не темы, а ихъ художественное разрѣшеніе, не содержаніе и сюжеты, а форма. Это правильное соображеніе ни въ какой мѣрѣ и стелени, однако, не возраженіе. Вопросъ отношенія формы и содержанія можно, правда, считать нынѣ окончательнo рѣшеннымъ. Отдѣленіе формы отъ содержанія безсмысленно и невозможно. Безформенное искусство въ послѣднемъ счетѣ всегда безсодержательно, какими бы оно большими проблемами ни занималось (Символическія драмы Леонида Андреева). Искусство зрѣлой и живой формы содержательно даже и тогда, когда оно не занято никакими вопросами и заданиями (рассказы Буннина). Искусство, стремящееся къ игнорированію содержанія въ пользу формы неизбѣжно кончается разложеніемъ формы въ безформенность формализма (послѣдній періодъ Брюсова). Искусство, пытающееся отрицать форму въ пользу содержанія, кончается разложеніемъ содержанія, чаще всего безсодержательной тенденціозностью (вся пролетарская литература). Говоря о содержаніи рассказовъ Пескова, я не говорю ни о ихъ духовной бѣдности, ни о ихъ навязчивой тенденціозности, ни о ихъ нескромной автобіографичности, ни о ихъ эмоциональной сырмятннсти. Это значить, что, говоря о темахъ и сюжетахъ, т. е. о содержаніи творчества Пескова, я говорилъ и о формальномъ дарованіи автора. Безъ наличія этого дарованія никакая тема до меня бы не дошла.

Но, конечно, все сказанное безусловно вѣрно только въ принципѣ, только въ теоріи. Въ отдѣльныхъ же конкретныхъ случаяхъ вѣрно лишь условно, лишь до нѣкоторой степени. Такъ при чтеніи Пескова временами опредѣленно чувствуется, что унаслѣдованной формой русскаго реалистическаго рассказа и тому самостоятельному, но не собственному русскому языку, которымъ пишетъ Песковъ, не все такъ подлѣ силу оформленіе тѣхъ новыхъ, страниныхъ и глубоко пережитыхъ содержаній, которыя мучаютъ талантливаго автора. Думаю, что связанный съ Достоевскимъ внутренней міръ Пескова могъ бы быть глубже сообщенъ читателю, если бы форма рассказовъ была заострена тѣми методами видѣнія и высказыванія, которыя мы связываемъ съ именемъ Андрея Бѣлаго. Отсутствие этой остроты чувствуется особенно въ томъ, что нѣкоторые рассказы («Жилецъ», «Фоксъ», «Покупательница») не столько разрѣшены, сколько жидеиски оборваны т. е. формально сведены на нѣтъ.

Федоръ Степунъ.

Antone Tchekhov. Oeuvres Complètes, traduites par Denis Roche.
Tome XIII. L'Homme à l'Étui.

Русских читателей в свое время удивили слова Моруа о томъ, что Чеховъ, можетъ быть, самый великій изъ русскихъ писателей. Въ Россіи Чехова всегда больше любили, чѣмъ цѣнили. И до сихъ поръ, хотя многое измѣнилось въ отношеніи къ Чехову со временъ Михайловскаго и Скабичевскаго, иностранные критики ставятъ Чехова выше, чѣмъ русскіе. Легче найти слѣды вліянія Чехова на французскую или англійскую, чѣмъ на русскую литературу. Причины этого явленія сложны. Но не является ли одной изъ нихъ, хотя очень случайной и второстепенной, то обстоятельство, что Толстой, и особенно Достоевскій, долго были доступны французскому читателю только въ плохихъ переводахъ, а Достоевскій даже въ передѣлкахъ, между тѣмъ какъ Чехова французы узнали сразу въ прекрасномъ переводѣ Дени Роша (по англійски тоже существуетъ очень хорошій переводъ).

Съ выходомъ второй части 13-го тома заканчивается полное собраніе сочиненій Чехова по французски. По французски есть теперь полный «Чеховъ». Предстоитъ только выйти томовъ, посвященныхъ письмамъ и биографіи.

Въ печати не разъ уже отмѣчалась точность, гибкость, находчивость переводовъ Дени Роша. Въ нихъ вложено большое знаніе Чехова и много любовнаго труда. За этотъ трудъ должны быть признательны переводчику тѣ, кому дорога русская литература. Русскаго читателя удивитъ, что послѣдній томъ сочиненій Чехова по французски представляетъ собою соединеніе такихъ зрѣлыхъ разсказовъ, какъ «Архіерей» или «Крыжовникъ» съ самыми слабыми изъ юмористическихъ вещей Чехонте. Но, очевидно, издатели не рѣшились дать эти разказы въ первыхъ томахъ, знакомившихъ французовъ съ Чеховымъ. Теперь же они напечатаны, чтобы слѣлать собраніе сочиненій Чехова полнымъ.

М. Цетлинь.

Викторъ Шкловскій. Матеріаль и стиль въ романѣ Льва Толстого «Война и Миръ» Москва, 1928.

Цѣль работы Шкловскаго - прослѣдить, какъ, въ борьбѣ съ индифферентнымъ, постороннимъ, а подчасъ и г. сказ. враждебнымъ, матеріаломъ Толстой создавалъ художественное произведеніе. **Художественное** заданіе сперва не было вполне ясно Толстому, во всякомъ случаѣ не стояло для него на первомъ планѣ. Онъ хотѣлъ написать **исторію** въ формѣ романа, исторію въ своемъ освященіи чело-вѣка «средне-высшаго» слоя, и притомъ чело-вѣка тогда настроеннаго еще консервативно и воинственно. «Шестидесятниками» такъ и былъ воспринятъ сію романъ - какъ сплюснутая сословно-реакціонная выходка. Очень любопытны въ этомъ отношеніи воспроизведенныя въ книгѣ Шкловскаго карикатуры на «В. и М.» изъ «Искры» Курочкина. Борьба Толстого-художника съ чужероднымъ матеріаломъ, под-

сунутымъ ему Толстымъ-историкомъ и публицистомъ, показана на рядѣ примѣровъ. Особенно удачной представляется мнѣ глава объ употребленіи въ «В. и М.» французскаго яз. Сперва Толстой пишетъ діалоги почти сплошь по французски потому, что это было вѣрно дѣйствительности: такъ тогда говорили люди описываемаго круга. Затѣмъ французскія слова и фразы выполняютъ уже чисто художественную функцію: они придаютъ остроту рѣчи (Шиншинъ), они вкладываются въ уста дѣйствующимъ лицамъ для того, чтобы сразу охарактеризовать ихъ индивидуальность (офицеръ, который не знаетъ французскаго языка — «mon monsieur prince», а хочетъ показать передъ аристократами, что знаетъ); въ сценѣ объясненія Пьера съ Эленъ отмѣчено, что разговоръ вѣлся по французски, но переланъ онъ въ переводѣ — нарочно, чтобы подчеркнуть неестественность выраженій Пьера и т. д. Чрезвычайно интересны сопоставленія отдельныхъ мѣстъ романа съ источниками. Оказывается, что Толстой иногда просто выписываетъ изъ Мих.-Данилевскаго, Тьера и др. цѣлыя пассажи, — мѣняя одно два слова, — и получалось совсѣмъ другое: художественный образъ, тонкая психологическая черта Пѣнности тщательной работы, продѣланной Шкловскимъ, повисла бы, если бы онъ самъ не связалъ себя весьма бѣдными и малосодержательными категориями той науки, въ которой онъ является специалистомъ и даже, кажется, «главою» — формальнаго анализа. У него все сводится къ «остраненіямъ» и «сниженіямъ», и за этимъ онъ уже ничего болѣе не видитъ. Такъ, напр., онъ сопоставляетъ описаніе разговора Наполеона съ русскими пѣвыми (послѣ Аустерлица) у Толстого и у Мих.-Данилевскаго. У послѣдняго Сухтеленъ отвѣчаетъ «смѣло, и выразительно». У Толстого «обрывающимся голосомъ» Тутъ нѣтъ никакого «сниженія» (стр. 140) Толстой замѣняетъ графарецъ психологической чертой. мы сразу представляемъ себѣ юношу, — потрясеннаго тѣмъ, что на него обратилъ вниманіе властитель думъ; иначе, какъ «обрывающимся голосомъ» и не могъ Сухтеленъ отвѣтить Наполеону словами Корнелескаго героя. У Толстого отвѣтъ Сухтелена выходитъ гораздо **внушительнѣе**, чѣмъ у Мих.-Данилевскаго. Сличеніе текста «В. и М.» съ источниками вскрываетъ нѣкоторыя поразительныя вещи Толстой иногда просто взводитъ напраслину на Наполеона, а заодно и на Тьера, приписывая ему утвержденія, которыхъ у того нѣтъ — напр., будто Наполеонъ расплачивался съ мужиками **фальшивыми** рублями (стр. 177 - 179). Что это -- сознательная недобросовѣстность? Авторъ, кажется, думаетъ именно такъ. Едва ли очень правъ Онъ самъ приводитъ (45-49) примѣръ, какъ Толстой «вчитатъ» въ воспоминанія С. Глинки рассказъ о томъ, что Александръ выпилъ показаться народу, дожевывая бисквитъ, и быть убѣжденъ, что такъ именно у Глинки и было рассказано. Авторъ удачно показалъ, какъ въ сознаніи Толстого сложился этотъ, исторически воплѣтъ фальшивый, образъ путемъ «контаминаціи» **двухъ** рассказовъ Глинки и ихъ произвольной расшифровки. Вспоминается, какъ рядъ подобныхъ случаевъ искаженія источниковъ вскрылъ Оларъ у Тэна. Это приводитъ насъ къ одному, очень существенному, вопросу.

односторонне освѣщенному Шкловскимъ. Онъ доказываетъ (35-37), что «В. и М.» не «историческій источникъ». Доказывать это — значитъ взламывать открытую дверь. Большая глава объ односторонности историческаго освѣщенія эпохи у Толстого, о замалчиваніяхъ и затушевываніяхъ ея темныхъ сторонъ не даетъ ничего новаго по сравненіи съ извѣстной книгой Амфитеатрова, о своей зависимости отъ которой авторъ не говоритъ ничего, какъ онъ ничего не говоритъ и о томъ, чѣмъ и сколькимъ онъ связанъ другимъ изслѣдователямъ въ отношеніи вскрытія историческихъ источниковъ Толстого. Эпоха изображена въ «В. и М.» субъективно. Факгическихъ ошибокъ у Толстого немало. И начитанность его была не такъ ужъ велика. Въ этомъ Шкловскій правъ, хотя его усилія доказать, что Толстой ничего не дѣлалъ въ Публичн. библиотекахъ (стр. 38 - 39), очень смахиваютъ на придирку. То, что доказано для Толстого, доказано въ настоящее время и для Тэна и для Мишле. И все таки «Происхожденіе современной Франціи» и «Исторія Франціи» — гениальныя историческія книги, хотя по нимъ и не слѣдуетъ готовиться къ экзамену. Франція живетъ въ этихъ книгахъ, какъ «Земля Русская» живетъ въ «В. и Мирѣ». Есть разные способы пониманія и воспроизводитъ исторію. Когда Шкловскій, въ примѣръ «неисторичности» Толстого, приводитъ совершенно невѣрное изображеніе Д. В. Давыдова въ «В. и М.» (стр. 16), то это — педантическая придирка. Васька Денисовъ не Давыдовъ (прежде всего потому, что не поэтъ), а тотъ идеальный гусарь, какимъ Давыдовъ изображалъ себя. Да и съ точки зрѣнія «объективности» изложенія, — достаточно-ли тѣхъ историческихъ справокъ, которыя (вслѣдъ за Амфитеатовымъ) дѣлаетъ Шкловскій, чтобы «провергнуть» Толстого тамъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что чувствовали и что думали русскіе люди въ 12 году? Пусть Москва была оставлена дворянами потому такъ легко, что имъ было куда спастись — въ собственныя усадьбы, — но можно ли доказать, что та старушка помѣщица у Толстого, которая выѣзжала изъ Москвы «съ смутнымъ сознаниемъ, что она Бонапарту не слуга», — чистая, и притомъ «анти-историческая» выдумка Толстого? И пусть патриотизмъ княжны Марьи не «типовое явленіе» (стр. 80). Во-первыхъ, — кто порука въ томъ, что приведенный Шкловскимъ контръ-примѣръ — явленіе уже «типовое» (76 - 80)? Во-вторыхъ, еще вопросъ, какія именно явленія въ исторіи наиболѣе «репрезентативны», «типовыя» или исключительныя. Въ концѣ концовъ Шкловскій такъ и не показалъ, что же собственно дала Толстой въ результатъ своей борьбы съ матеріаломъ. Не показать потому, что это его — не интересуеть. Это — основной порокъ «школы». Для формалистовъ все дѣло въ «приемахъ». Отъ цѣлаго они отворачиваются. Но поэтому и «приемовъ» они въ сущности не въ состояніи проанализировать, какъ слѣдуетъ. Есть подготовка къ анализу, самого анализа нѣтъ. Формалисты видятъ, что художественное произведеніе не то же самое, что «реальная жизнь»; но о томъ, что оно все таки связано съ жизнью и что только потому оно и можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, — они и не догадываются. Просто: «бытіе литературнаго жанра опредѣляетъ писательское со-

знание» (стр. 199). Примѣнительно къ формалистамъ, эту благонамѣренную формулу слѣдовало-бы обратить. У нихъ несомнѣнно влеченіе къ наивному педантизму, къ условному, ненужному жаргону, «остраняющему» самыя изысканія утвержденья (поэзію и прозу авторъ называетъ «разными способами испражняться», стр. 199), къ иерѣ въ ученость, особенно странную у людей, дѣйствительно ученыхъ, каковъ авторъ. Замѣчательнъ въ этомъ отношеніи библиографическій указатель въ кощѣ книги, гдѣ мы находимъ «Русскую Исторію о. Гостомысла» Ал. Толстого — потому что въ одномъ мѣстѣ авторъ цитируетъ стихи Толстого объ Александрѣ I — и Сборникъ «Сексуальная Педагогика» — потому что въ другомъ авторъ высказываетъ (ни къ селу ни къ городу) соображеніе объ эротической подкладкѣ знаменитой игры въ «муравейныхъ братъевъ», о которой вспоминаетъ Толстой. Этими чертами «сознанія» формалистовъ и опредѣлился ихъ «жанръ».

П. Бицилли.

М. М. Бахтинъ. Проблемы творчества Достоевскаго. Ленинградъ, 1929.

Вотъ главныя положенія Бахтина: романъ Достоевскаго — особая, совершенно новая категорія художественнаго слова. Это — не романъ въ общепринятомъ значеніи слова, романъ социально-психологическій, въ которомъ все объективировано, все представлено подъ угломъ зрѣнія автора; это — и не «романъ-трагедія», какъ его называлъ Вяч. Ивановъ, ибо въ драматическомъ произведеніи все подчинено также единству авторскаго стиля. Достоевскій стремится къ наибольшей возможной конкретизаціи своихъ героевъ, а это значить, что они у него не объекты авторскаго воспріятія, какъ у всѣхъ вообще романистовъ, но субъекты — въ полномъ смыслѣ этого слова*). Романистъ обычно помѣщаетъ самъ своихъ героевъ въ своемъ мѣрѣ; Достоевскій же отстраняетъ себя, въ его романахъ мѣръ показанъ съ точки зрѣнія каждаго изъ героевъ; сколько дѣйствующихъ лицъ, — столько и мѣровъ и столько-же стилей. Всякій романъ «монологиченъ» или «гомофониченъ», все подчинено одному голосу — автора; романъ Достоевскаго «полифониченъ». У Достоевскаго никогда не звучитъ одинъ только голосъ, даже въ его многочисленныхъ монологахъ и исповѣдяхъ. Когда «человѣкъ изъ Поднолья» или мужъ «кроткой» говорятъ сами съ собою, мы явственно слышимъ два голоса говорящаго и его воображаемаго собесѣдника, — хотя бы это было другое «я». Когда бесѣдуютъ двое, многоголосность сразу возрастаетъ, ибо каждый говорящій прислушивается ко «второму» голосу своего собесѣдника, къ тому, который безъ словъ угадывается за произносимыми словами. Многооситльность и многопланность романовъ Достоевскаго были замѣчены еще раньше. Обычно это ставится въ связь съ

*) Прекраснымъ комментариемъ къ этому положенію можетъ послужить статья Д. Чижевскаго: Къ проблемѣ Двойника въ Сборникѣ О Достоевскомъ подъ ред. А. Л. Бега (Прага, 1929).

диалектичностью мышления Д—скаго. Но въ художественномъ отношеніи діалектики въ романахъ Д—скаго нѣтъ. Діалектика предполагаетъ **становленіе**, развитіе во времени. Достоевскій же воспринимаетъ міръ, такъ сказать, **внѣ** и **безъ** времени, — только въ пространствѣ. У него все сразу дано съ самаго начала. Поэтому — опять-таки съ чисто художественной точки зрѣнія -- у него не можетъ быть соподчиненія различныхъ плановъ и стилей, которые соответствующимъ различнымъ діалектическимъ моментамъ одной Идеи: въ дѣйствительной жизни моменты Идеи раскрываются въ реальномъ процессѣ становленія во времени; внѣ-временное изображеніе жизни тѣмъ самымъ и а-диалектично. Въ чемъ-же, въ такомъ случаѣ, состоитъ художественное единство романовъ Д—скаго? Бахтинъ сопоставляетъ творчество Д—скаго съ творчествомъ Данте: только у Данте есть подобное-же богатство «голосовъ». Замѣчу, что Бенедетто Кроче отрицаетъ поэтическое единство Божественной Комедіи. Согласно Кроче (*La Poesia di Dante*) «поэтичны» въ Комедіи только отдѣльныя мѣста, не — цѣлое. Общая идея Комедіи не получила у Данте своего символическаго воплощенія. То единство плана Комедіи, которымъ принято восхищаться, лежитъ внѣ поэзіи. Комедія въ цѣломъ не символична, но **аллегорична**. Аллегорія, въ отличіе отъ символа, не рождается вмѣстѣ съ идеей, но присочиняется къ ней. Не утверждаетъ-ли Бахтинъ того-же самаго о романахъ Д—скаго? Выдержанность принципа многоголосности **сама по себѣ** еще не создаетъ художественнаго единства **философскаго** романа, каковъ романъ Д—скаго. Связаны — или нѣтъ — художественные элементы Братьевъ Карамазовыхъ, Бѣсовъ, Идіота съ философіей Д—скаго необходимой внутренней связью? Родились -- или нѣтъ — эти романы **вмѣстѣ** съ этой философіей въ единомъ творческомъ актѣ? Вотъ вопросъ, къ которому подводитъ вплотную замѣчательное по тонкости анализа изслѣдованіе Бахтина, основанное притомъ на учетѣ всего, что было доселѣ сдѣлано для изученія Д—скаго, — и на который оно отвѣта не даетъ. Работа надъ разрѣшеніемъ этого вопроса должна будетъ исходить изъ положеній, которыя, кажется мнѣ, прочно закрѣплены изслѣдованіемъ Бахтина. Въ какомъ направленіи надлежитъ двигаться, — поясню примѣромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что философія Ивана Карамазова не можетъ въ нашемъ сознаніи быть отдѣлена отъ легенды о великомъ Инквизиторѣ. «Переложенная» на другія слова, она тѣмъ самымъ перестаетъ быть «той-же самой» философіей (у Бахтина великолѣпно выяснено стремленіе Д—скаго къ **конкретизаціи идеи**, его борьба съ кантіанскимъ формализмомъ): нѣтъ идей «вообще», всякая идея звучитъ по иному и имѣетъ иной **смыслъ** (въ полномъ значеніи этого слова) въ зависимости отъ того, **къ** кому она высказана. Но это еще не все. Выдѣлимъ «голосъ» Ивана Карамазова изъ хора другихъ «голосовъ», звучащихъ въ Братьяхъ Карамазовыхъ, — и **онъ самъ** уже будетъ звучать иначе. Этотъ голосъ **требуетъ** звучанія всѣхъ прочихъ голосовъ. **Что** — въ художественномъ планѣ этому соответствуетъ? **Почему** мы не можемъ представить

себѣ Ивана Карамазова безъ Дмитрія, безъ Алеши, безъ Федора Павловича, безъ Смердякова и т. д.? **Какъ и почему** изъ множества голосовъ получается **созвучіе**, какъ и почему изъ соединенія самыхъ разнообразныхъ стилей все же возникаетъ какой-то общій стиль -- вотъ къ чему сводится эстетическая проблема, стоящая передъ изслѣдователемъ творчества Достоевскаго. У самого-же Бахтина находимъ и ключъ къ разрѣшенію ея -- въ его замѣчаніи о «впѣ-временномъ» воспріятіи міра у Д--скаго. Но это воспріятіе не менѣ «реально», нежели наше «нормальное». Это -- воспріятіе жизни **во снѣ**. А. Л. Бемъ *) показать, что дѣйствіе «Хозяйки» не что иное, какъ «драматизованный бредъ». **То же самое** -- такова очередная задача эстетическаго изслѣдованія творчества Д--скаго -- слѣдовало-бы показать и для всѣхъ прочихъ его произведеній.

П. Бицилли.

Петръ Пильскій. Затуманившійся міръ. Рига, 1929 г.

Въ книжѣ этой собраны статьи, относящіяся къ новѣйшимъ русскимъ писателямъ, и воспоминанія о писателяхъ, скончавшихся въ послѣднее десятилѣтіе. «За эти годы», -- говоритъ авторъ, -- «свершены большіе посылы страшнаго, -- вездѣ, у всѣхъ, -- и на нашей литературной рѣкѣ перестали перекликаться веселые голоса. Счастливый міръ затуманился». Этотъ затуманившійся («счастливый» ли?) міръ П. М. Пильскій знаетъ превосходно, -- онъ въ немъ прожилъ долгіе годы. Особенности его таланта, необыкновенная память, сохранившая все, отъ малѣйшихъ чертъ наружности давно умершихъ людей до шутокъ, сказанныхъ много лѣтъ тому назадъ, дѣлаютъ его книгу чрезвычайно интересной. Въ молодости Пильскій хотѣлъ стать беллетристомъ (стр. 221). Онъ сталъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей по вопросамъ литературы и театра (статьи его объ актерахъ и сценахъ недавно также вышли отдѣльной книгой).

П. М. Пильскій благожелательный критикъ. Это свойство въ литературныхъ кругахъ встрѣчается вѣдь далеко не такъ часто. Блестящій французскій писатель говоритъ въ своемъ дневникѣ: «Я ничего не читаю: боюсь натолкнуться на талантливую книгу»... Недостигаемымъ образцомъ доброжелательности и ласковаго вниманія къ молодымъ писателямъ былъ покойный Ю. И. Айхенвальдъ, открывшій столько новыхъ талантовъ. Оставаясь критикомъ вполне добросовѣстнымъ, онъ не любилъ насмѣшки, рѣзкостей, брани. Быть можетъ, въ своей мягкости Юлій Исаевичъ шелъ и слишкомъ далеко, -- по другой крайности гораздо опаснѣе. Авторъ «Затуманившагося міра» порою умѣетъ быть очень злымъ, -- достаточно прочесть его статьи о Маяковскомъ, о романахъ Вербицкой, о Михаилѣ Кольцовѣ, который такъ хорошо пишетъ: «Солнечный лучъ, обезпеченный здоровьемъ Лени-

*) См. его статью «Драматизація бреда» въ упомянутомъ выше сборникѣ.

на, проколоть зеркальныя окна кремлевскаго дворца». Однако въ общемъ П. М. Пильскій предпочитаетъ хвалить, — повторяю, черга рѣдкая и цѣнная: нѣтъ никакой бѣды въ томъ, чтобы «перехвалитъ» книгу. Въ этомъ отношеніи я поставлю ему въ упрекъ лишь статью о Зошенко. Она нисколько не враждебна, но большой талантъ Зошенко въ ней, по моему, недостаточно оцѣненъ.

Особое мѣсто въ книгѣ занимаютъ страницы о слогѣ Ленинъ. Какъ извѣстно, въ сов. Россіи этому слогу посвящены десятки изслѣдованій. Пильскій такими изслѣдованіями не занимается, — что жъ терять время? — но даетъ нѣсколько образцовъ красоты Ленинскаго слога (вродѣ «высвобожденіе пролетарской линіи изъ мелкобуржуазнаго угара»). «Какъ самъ Ленинъ», — пишетъ П. М. Пильскій, — «его статьи, его рѣчи были тоже помѣсью нѣмецкаго съ симбирскимъ, Маркса съ ханомъ... Онъ создалъ шаблонный языкъ, а этотъ языкъ сталъ шаблонной модой, скучнѣйшимъ изъ штамповъ, образцомъ того, какъ не надо говорить по русски, какъ не слѣдуетъ писать».

М. Алдановъ.

N. A. Hans. The Principles of Educational Policy. With an introduction by Prof. J. Dover Wilson. — P. S. King & Son, Ltd. London. 1929.

Если неприкосновенность личности, свобода совѣсти и слова, собственность были тремя основными правами, составлявшими содержание отрицательной свободы классическаго либерализма, то право на образованіе, на достойное существованіе и на трудъ являются основными правами, вытекающими изъ той положительной свободы, которую утверждаетъ современное демократическое воззрѣніе. Школьная организація становится такимъ образомъ центральной проблемой современнаго демократическаго государства. И дѣйствительно, достаточно хотя бы сравнить мѣсто, которое отводится школьной политикѣ въ программахъ современныхъ политическихъ партій (не только демократическихъ и социалистическихъ, но и такихъ антидемократическихъ, какъ фашизмъ или коммунизмъ), съ тѣмъ, которое отводилось имъ еще недавно, до войны, чтобы убѣдиться въ правильности этого положенія. Университеты англо-саксонскихъ странъ давно уже учли это обстоятельство, и курсъ школьной политики является нынѣ неотъемлемымъ элементомъ университетскаго преподаванія. Нѣтъ недостатка также въ литературѣ по этому вопросу. Но до сихъ поръ однако не было еще книги, которая дала бы сравнительный обзоръ состоянія и тенденцій школьной политики въ современныхъ демократическихъ государствахъ. Книга американца Sandiford'a «Comparative Education» даетъ хорошій обзоръ школьной политики шести современныхъ государствъ. Но она уже устарѣла со времени своего выхода въ 1918 г. и, вопреки своему названію, располагаетъ матеріалъ по странамъ, а не по проблемамъ. Очеркъ пишущаго эти строки, помѣ-

шенный въ новомъ нѣмецкомъ *Handbuch der Paedagogik* (Bd. IV), страдаетъ неполнотой, такъ какъ автору, по условіямъ изданія, пришлось опустить и рядъ странъ (Германія и Австрія) и рядъ проблемъ (націон. меньшинства, учительство, университеты), имѣющихъ самое существенное значеніе въ общей картинѣ современной школьной политики демократическихъ государствъ. Новая книга нашего соотечественника Н. А. Ганца, недавно получившаго степень доктора философіи Лондонскаго Университета за превосходную работу по исторіи организаціи школы въ Россіи, восполняетъ этотъ пробѣлъ. Она есть первый опытъ въ педагогической литературѣ дать полный и связный обзоръ школьной политики современныхъ государствъ. Несмотря на свой небольшой объемъ, она разрѣшаетъ свою задачу въ общемъ очень удачно, и проф. педагогики Лондонскаго университета Ж. Вильсонъ, написавшій къ книгѣ Ганца лестное предисловіе, былъ совершенно вправѣ вспомнить по поводу ея имена классиковъ сравнительной политики — Монтескье и Брайса.

Въ небольшихъ 12 главахъ Ганць разбираетъ вопросы о государствѣ, церкви и семьѣ въ отношеніи къ школѣ и ребенку; централизаціи и децентрализаціи въ управленіи школой; національныхъ меньшинствахъ; единой школѣ и такъ назыв. «исключительныхъ дѣтяхъ»; учительствѣ, программахъ, учебникахъ, методахъ, университетахъ; финансахъ народнаго образованія. Книга завершается главой о націонализмѣ и интернаціонализмѣ въ политикѣ народнаго образованія, за которой слѣдуетъ обширная библиографія предмета и краткій предметный указатель. На 190 страницахъ малаго формата автору удалось обнять обширный матеріалъ: кромѣ главныхъ государствъ современной Европы, онъ широко черпаетъ также свой матеріалъ изъ практики Америки и британскихъ доминіоновъ и впервые вводитъ въ кругозоръ иностраннаго читателя точно проверенный и объективно обработанный матеріалъ изъ прошлой и нынѣшней русской практики.

Авторъ — убѣжденный демократъ, вѣрящій въ настоящее и будущее демократіи. Онъ слишкомъ эмпирикъ и слишкомъ во власти изслѣдуемаго имъ матеріала, чтобы, за несомнѣнными успѣхами демократіи въ области школьной политики, ощущать ея внутренніи апоріи и проявляющійся уже въ другихъ сферахъ политической жизни ея «кризисъ». Отсюда здоровый оптимизмъ автора, проходящій красной нитью черезъ всю книгу и черпающій силу свою въ наблюденіяхъ надъ эволюціей школьныхъ системъ въ англо-саксонскихъ демократіяхъ. Авторъ не задается вопросомъ о современномъ перерожденіи демократіи и не изслѣдуетъ того, какъ это внутреннее ея перерожденіе отражается на проблемѣ школьной организаціи. Онъ беретъ демократію такъ, какъ она сложилась въ современныхъ англо-саксонскихъ государствахъ, и, пользуясь этимъ своимъ эмпирическимъ критеріемъ, развиваетъ, примѣнительно къ отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ, основы демократической школьной политики. Но именно потому также авторъ менѣе всего догматикъ. Онъ не рисуетъ иде-

альной школьной системы, применимой во всех странах и во все времена, и очень часто относится скептически къ догматическимъ примолнейшимъ рѣшеніямъ, которыя многіе радикальные политики и педагоги привыкли считать демократическими. Такъ, напр., онъ правильно вскрываетъ недостатки теоріи и практики персональной національной автономіи, рѣшительно возражаетъ противъ государственной монополіи школы, противъ крайней децентрализаціи въ школьномъ управленіи, противъ безусловнаго исключенія изъ школы религіознаго образованія. Демократія есть для него менѣе всего однообразіе. Напротивъ она есть аристократія, но «аристократія духа и характера, а не происхожденія», и потому задача школьной системы — «обеспечить возможность наиболѣе полнаго развитія каждому таланту и каждой способності».

Поэтому, если книга Ганца и не удовлетворитъ вполне теоретика-политика и социолога, она явится превосходнымъ пособіемъ въ рукахъ практическаго политика и педагога. Въ особенности незамѣнима она какъ руководство при преподаваніи политики народнаго образованія. И это несмотря на одинъ существенный пробѣлъ въ ней, который повидимому связанъ съ основной онимистической установкой автора. Мы имѣемъ въ виду проблему вліянія хозяйства на школьную систему, къ сожалѣнію совершенно обойденную авторомъ. Между тѣмъ эта проблема есть основная проблема современной школьной организаціи. Вопросы о дополнительной школѣ, о профессиональной дифференціаціи высшей ступени школьной системы, об угрожающемъ во многихъ государствахъ перепроизводствѣ «интеллигентнаго пролетаріата», о земледѣльческомъ образованіи и т. д. суть насущные вопросы современной школьной политики, и разрѣшены они могутъ быть лишь въ связи съ рѣшеніемъ общаго вопроса о взаимоотношеніи школьной системы съ новѣйшей эволюціей хозяйства. Включеніе этихъ вопросовъ несомнѣнно заставило бы автора существенно передѣлать главу объ единой школѣ, въ которой игнорированіе авторомъ проблематики демократіи ведетъ къ чрезмѣрному уже упрощенію вопроса и которая является вообще самой слабой главой въ книгѣ, а также побудило бы его включить въ книгу и особую главу о внѣшкольномъ образованіи, которое какъ разъ въ современныхъ государствахъ, съ развитіемъ въ нихъ демократической школьной системы, приобретаетъ особенное значеніе. Какъ никакъ — и это особенно видно на примѣрѣ Англии и британскихъ доминионовъ — правительства современныхъ демократій все болѣе и болѣе рекрутируются не изъ лицъ, прошедшихъ нормальную университетскую школу, а изъ участниковъ рабочаго образовательнаго движенія, и судьба демократіи все болѣе и болѣе зависитъ отъ правильной постановки послѣдшкольнаго образованія, возлагающей и на государство, и на хозяйственныя организаціи, и на университеты новыя задачи и обязанности.

С. I. Гессенъ.

Tatiana Bakounine. Le domaine des princes Kourakine dans le gouvernement de Saratov. Paris. 1929.

Въ нашей исторической литературѣ не одинъ разъ излагался схематическій очеркъ эволюціи русскаго крѣпостного хозяйства за первую половину XIX ст. Пора приступить, однако, къ тому, чтобы эта общая схема начала облекаться плотью и кровью, и единственнымъ путемъ къ этой цѣли можетъ служить лишь монографическое изслѣдованіе хозяйственнаго строя и хозяйственной жизни отдѣльных крѣпостныхъ вотчинъ, на основаніи разработки вотчинныхъ архивовъ. На этотъ путь и вступаютъ уже въ настоящее время молодые дѣятели русской исторической науки.

Недавно мнѣ пришлось въ одномъ чешскомъ научно-историческомъ изданіи (*Casopis historicky*) дать отчетъ о двухъ интересныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ хозяйственной исторіи вотчины князей Юсуповыхъ. Теперь я могу съ чувствомъ полного удовлетворенія отмѣтить монографію г-жи Бакуниной о Саратовской вотчинѣ князей Куракинскихъ. Т. А. Бакунина изучила документы Куракинскаго вотчиннаго архива и на основаніи этого изученія дала очень стройное и отчетливое изображеніе хозяйственнаго уклада Куракинскихъ имѣній въ Саратовской губерніи за первую половину XIX стол. Куракины владѣли въ этой губерніи огромной вотчиной въ 20 260 десятинъ съ 1626-тью крѣпостными душами. Имѣніе было барщинное лишь очень незначительное число крестьянъ сидѣло на оброкѣ. Куракины стремились развивать свое барское хозяйство, старались идти вслѣдъ за вѣкомъ и дѣлали опыты присоединенія къ земледѣльческому хозяйству промышленныхъ предпріятій, основанныхъ на крѣпостномъ трудѣ. Это придаетъ особый интересъ изученію хозяйственнаго обихода Куракинской Саратовской вотчины.

Г-жа Бакунина очень методично использовала документальныя данныя Куракинскаго архива и тѣ стороны хозяйственной жизни, которыя въ этихъ документахъ отразились, она очертила твердою рукою, съ полнымъ пониманіемъ существа дѣла. Къ сожалѣнію, въ этихъ документахъ осталось совсѣмъ не затронутымъ собственно крестьянское хозяйство, которое крестьяне вели на своихъ надѣлахъ. Но зато хозяйство господское и общія черты положенія Куракинскихъ крестьянъ г-жа Бакунина имѣла возможность обрисовать въ своей книгѣ достаточно выпуклыми чертами. Изложеніе открывается яркимъ описаніемъ пышной княжеской усадьбы въ селѣ Надеждинѣ. Далѣе подробно описанъ громоздкій и сложный административный аппаратъ по управленію княжескими вотчинами. Затѣмъ авторъ переходитъ къ изображенію хозяйства на барскихъ запашкахъ и вводитъ читателя въ детальное цифровое обзорѣніе отдѣльных отраслей этого хозяйства. Слѣдующая глава посвящена промышленнымъ предпріятіямъ, заведеннымъ въ Саратовской Куракинской вотчинѣ; то были: суконная фабрика, издѣля которой шли, впрочемъ, почти цѣликомъ на нужды населенія Куракинскихъ вотчинъ, а усилія, направленные на развитіе сбыта этихъ суконъ на рынокъ, не увѣнчи-

вались значительными-успѣхами, и — винокуренный заводъ, когорый наоборотъ, давалъ владѣльцу не малые доходы, превышавшіе значительно доходы отъ земледѣлія. Прочія предпріятія, какъ, напр., мебельная фабрика, носили характеръ скорѣе барской забавы и хозяйственнаго значенія не имѣли.

Весьма интересна глава объ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ. Въ общемъ крестьяне этой крупной вотчины находились въ незавидномъ положеніи. Среди нихъ было очень много совѣмъ безлошадныхъ дворовъ. Значительное большинство ихъ не могло свести концы съ концами въ своемъ хозяйствѣ безъ особаго вспомошествованія отъ владѣльца. Съ теченіемъ времени, — какъ и подобало въ большомъ барщинномъ имѣніи съ господскимъ хозяйствомъ, — крестьянскіе надѣлы уменьшались, а барщина увеличивалась. И въ книгѣ Бакуниной разсказанъ рядъ случаевъ острыхъ всплешекъ недовольства крестьянъ своимъ положеніемъ.

Изучая въ особой главѣ общій хозяйственный балансъ Саратовской Куракинской вотчины, авторъ показываетъ, что все это хозяйство не оказалось въ общемъ жизнеспособнымъ, не сумѣло приспособиться къ развертывавшимся въ экономической жизни тогдашней Россіи процессамъ и къ кануну реформы 1861 г. попало, что называется, въ тиски.

Книга заканчивается интересной главой о переходѣ вотчины на новое положеніе по отмѣнѣ крѣпостного права.

Переходъ вышелъ очень болѣзненнымъ и соглашеніе владѣльца съ крестьянами при составленіи условій временно-обязаннаго положенія встрѣчало великія преграды въ полномъ несовпаденіи интересовъ владѣльца съ стремленіями и чаяніями крестьянъ. На основаніи документовъ Куракинскаго архива г-жа Бакунина получила возможность подробно разсказать о тѣхъ коллизіяхъ которыми сопровождалось установленіе новаго порядка въ Саратовской вотчинѣ Куракиныхъ по Положенію 19 февраля 1861 г.

Появленіе такихъ монографій какъ разъ отвѣчаетъ очередной задачѣ науки въ области исторіи крѣпостнаго хозяйства.

А. Кизеветтеръ.

**СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ
РЕДАКЦІЮ «СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».**

- И. И. Лаппо:** Идея единства русскаго народа в Юго-Западной Руси. — Прага. — 1929.
- Илья Эренбург:** Хулио Хуренито. — «Петрополис».
- Владислав Иванов:** Концы и Начала. — Попытка эпоса. — Париж.
- Воля Россіи.** — 1929, № 12 и 1930, № 1 и 2.
- Ю. Н. Данилов:** Великий Князь Николай Николаевич. — Париж. 1930.
- Е. Шах:** Городская Весна. — Вторая книга стихов. — Париж. 1930.
- Н. Н. Головин:** Из исторіи кампаніи 1914 г. — Галиційская битва. — Съ приложеніемъ 16 картъ. — Изд. «Родникъ». 1930.
- Л. Троцкий:** Моя жизнь. — Т. II. Берлин. 1930 г.
- Надежда Плевицкая:** Мой путь с пѣсней. — Ч. II. Продолженіе «Дежкин Карагод». — Париж. Изд. «Таир».
- Ив. Бунинъ:** Жизнь Арсеньева. — Истоки дней. — Изд. «Современныя Записки». 1930.
- А. Залонскій:** Зоин Роман. — Рига. 1930. Изд. «Дидковскаго».
- В. С. Яновскій:** Колесо. — Изд. «Новые Писатели». — Париж-Берлин.
- А. Л. Холчев:** Смертный плѣн. — Изд. «Родникъ». Париж.
- Галина Кузнецова:** Утро. — Изд. «Современныя Записки».
- А. Кондратьев:** На берегахъ Ярыни. — Роман. — Книгоиздательство «Мѣдный Всадникъ».
- Социалистическій Вестникъ:** №№ 2, 3, 4, 5. — 1930 г.
- Пушкинскій Сборникъ:** — Изд. Русск. Института въ Прагѣ. — 1929.
- М. Я. Ларсон:** На совѣтской службѣ. — Записки спеца. — Париж. 1930. — Склад изд. «Родникъ».
- Москва.** — Рождественскій номер. — Чикаго. 1929.
- М. А. Алданов:** Ключ. — Берлин. 1930.
- В. В. Шкробов:** Среди грез и рифм. — Рига. 1930.
- Ф. Ф. Даниленко:** Вилла вечное спокойствіе. — Роман. — 1930.
- Студенческій Бюллетень:** № 8. — 1929 г.
- Вестникъ Союза Русскихъ Просветительныхъ и Благотворительныхъ Обществъ в Эстоніи:** №№ 18-19, 20-22 и 23. — Таллин.
- Гайто Газданов:** Вечер у Клэр. — Изд. Я. Поволоцкій. — Париж.
- Московскій Университетъ 1755-1930.** — Юбилейный Сборникъ. — Изд. Парижскаго и Пражскаго Комитетовъ по ознаменованію 175-лѣтія Московскаго Университета. — Париж. Изд. «Современныя Записки».
- Сборникъ Русскаго Института в Прагѣ.** — I. — 1929.
- Георгій Песковъ:** Памяти Твоей. — Изд. «Соврем. Записки». — Париж.
- Бюллетень Экономическаго Кабинета проф. С. Н. Прокоповича.** — № 76.
- В Метро:** Библиотека. — Париж. 1930.
- Сборникъ статей, посвященныхъ Павлу Николаевичу Милюкову.** — 1859-1929. — Прага. 1929.
- Числа:** № 1. — Сборникъ под редакціей И. В. де Манціарли и Н. А. Оцуца. — № 1. — 1930.
- Н. А. Некрасов:** Стихотворенія. — «Петрополис». — Берлин.
- А. Мариенгоф:** Бритый человек. — «Петрополис». Берлин.
- Алексей Толстой:** Петр I. — «Петрополис». — Берлин.
- Проф. Р. Л. Самойловичъ:** S. O. S. в Артике. — «Петрополис». Берлин.
- И. Каллиниковъ:** Пещь огненная. — «Петрополис».
- Лев Гумилевскій:** Игра в любовь. — Изд. «Книга и Сцена».
- Вл. Крылов:** Люди в паутине. — Изд. «Петрополис».

- В. Ирецкий:** Холодный уголь. — Изд. «Петрополис».
- Юрий Мандельштам:** Остров. — Союз молодых поэтов и писателей в Париже. — 1930.
- Волга-Матушка.** — Пёсенникъ. — Изд. «Добро».
- Влад. Изгой:** Зов колокольный. — Варшава. — 1929.
- Ал. Болотов:** Страстные и светлые дни на Афонѣ. — Варшава. 1929.
- Карманный православный календарь «Добро».** — Варшава. 1930.
- Л. Троцкий:** Перманентная Революция. — Изд. «Гранитъ». Берлин.
- Бюллетень Республиканско-Демократическаго Объединенія.** — Париж. Младоросс. — № 2. — Париж.
- Москва.** — Юбилейный номер. — Чикаго. 1930.
- Влад. Гущик:** Христовы язычники. — Ревель. 1929.
- Карпатскій Свѣтъ:** № 7, 8, 9. — 1929 г.
- С. Р. Минцов:** Свистопуп. — Книгоизд. «Восток». — Рига.
- А. Ремизовъ:** Посолонь. — Париж. Изд. «Таир».
- Русская Школа за рубежомъ:** Кн. 33. — Прага. 1929.
- Le Monde Slave :** № 10, 11, 12. — 1929.
- Die Verfassung der Republik Lettland.** — 1925.
- Lettlands Ökonomist.** — Riga. 1929.
- Les chansons mythologiques lettonnes.** — Paris.
- B. Siew:** Lettlands Staats- und Privatfinanzen. — Riga.
- Ed. Paegle:** L'Art Populaire Letton. — Riga. 1928.
- A. Schwabe:** Histoire Agraire de la Lettonie.
- A. Schwabe:** Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. — Riga.
- B. Unbegoun:** Catalogue des Périodiques Slaves. — Paris. 1929.
- Slovansky Prehled:** XXII. — № 1. — Leden.
- Léon Baratz:** La Science de l'Organisation du Commerce International. — Paris.
- Bulletin Annuel de l'Institut d'Etudes Slaves de Genève.** — № 1.
- The Russian Student.** — January. 1930.
- Orient und Occident:** № 3. — 1930.
- Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris:** Notice, catalogue et extraits de quelques manuscrits par M. Hofmann. — Paris, 1926.
- A. Koyré:** La Philosophie et le Problème National en Russie au début du XIX siècle. — Paris. 1929.
- Nicolas Evreinoff:** Le Théâtre dans la Vie. — 1930. Librairie Stock.
- Festschrift Th. Masaryk zum 80 Geburtstag.** — 7 März 1930. — Erster Teil. — 1930.
- Robert Sébastien et Wsevolod de Vogt:** « Rencontres ». — Paris.
- Marcel Proust:** Cahiers de la Quinzaine. — Paris.
- Marcel Péguy:** L'Or. — Cahiers de la Quinzaine. — Paris.
- Annuaire de l'Institut International de droit public.** — 1929. — « Les Russes Universitaires de France ». — Paris.
- Orient und Occident:** Blätter für Theologie, Ethik und Soziologie. In Verbindung mit N. Berdjajew Herausg. von F. Lieb und P. Schütz. — Leipzig.
- I Heft:** Russlandsheft: Orthodoxie und Protestantismus. — Beiträge von F. Lieb, N. Berdjajew, O. Fricke, B. Wyscheslawcew, I. Lagovsky.
- II Heft:** Europa Zwischen Ost und West. — Beiträge von P. Schutz, O. Fricke, W. Harich, J. Hromadka, K. Klinghardt.
- III Heft:** Der russische Mensch und die Kirche. — Beiträge von F. Lieb, S. Bulgakow, B. Unrut.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ“

И. А. БУНИНЪ. — ИЗБРАННЫЕ СТИХИ.

Изъ отзывовъ печати:

Исторія русской литературы почти не знаетъ примѣровъ такого непрерывнаго подъема, какъ у Бунина. Это сказывается и въ книгѣ его стиховъ, полной самаго неподдѣльнаго, высокаго искусства...

М. Алдановъ.

Читая и перечитывая эту новую книгу нашего великаго писателя, я впервые понялъ, какое огромное явленіе — Бунинъ-поэтъ...

К. Зайцевъ.

Стихи Бунина — лучшее, что создано русской музою за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій... Поэта, равнаго ему, не было со временъ Тютчева...

В. Сиринъ.

Чѣмъ пристальнѣе вчитываешься въ стихи Бунина, тѣмъ больше ощущаешь ихъ пронзительную лиричность и глубокую философичность... нѣкій неустанно вращающійся трагическій кругъ... высокую религіозность Бунинской музы, отъ простаго, временнаго такъ легко и просто подымающейся къ великому, вѣчному...

Ф. Степунъ.

Съ радостью припадаешь къ этому источнику чистой, тонкой, чудесной красоты, полной вѣщаго, таинственнаго смысла...

П. Пильскій.

М. А. АЛДАНОВЪ. — КЛЮЧЪ. Романъ.

Изъ отзывовъ печати:

«Маскировка сюжета есть одинъ изъ тончайшихъ и самыхъ изящныхъ художественныхъ приемовъ; она чрезвычайно трудна, потому что рискованна, — и вслѣдствіе этого рѣдка. Къ такой маскировкѣ прибѣгъ Алдановъ... Разгадка дана самимъ авторомъ уже очень давно... Тутъ, конечно, со стороны Алданова снова «приемъ» — и на мой взглядъ совершенно очаровательный. Прибавлю даже, что по структурѣ онъ напоминаетъ нѣкоторые изъ приемовъ, которыми Пушкинъ «для себя» тайно связывалъ инья изъ своихъ произведеній».

Вл. Ходасевичъ.

«Ключъ» не только прекрасный романъ. Это и существенный вкладъ въ литературу о Россіи и о русской революціи. Я не могу сейчасъ останавливаться на изложеніи и истолкованіи алдановской

историческою. Она очень интересна.. Въ воспроизведеніи Петербурга наканунѣ катастрофы, и въ его конкретностяхъ, и въ его символическомъ величіи, Алдановъ проявилъ огромную зоркость и чуткость... Замыселъ автора великъ и труденъ».

Кир. Зайцевъ.

«Сюжетная загадка отошла на второй планъ, затмеваемая и загнѣваемая громадною развертывающею картиною быта, настроеній, общаго возбужденія, зловѣщимъ смысломъ окружившихъ и приближившихся событій... Не все ли равно, кто убилъ Фишера?... Главное въ другомъ, — эпоха, ея герои, открывшаяся пропасть».

П. Пильскій.

«Мнѣ и по своимъ художественнымъ достоинствамъ «Ключъ» представляется самымъ значительнымъ произведеніемъ Алданова».

Г. Адамовичъ.

«М. А. Алдановъ своимъ новымъ романомъ даетъ образчикъ того, какъ можно и должно облекать динамику романа плотью и кровью».

А. Кизеветтеръ.

Ф. СТЕПУНЪ. — НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛѢГИНЪ. Романъ.

Изъ отзывовъ печати.

Русское открытое сердце и зоркость глаза соединяются у Степуна съ высокою духовностью мыслителя европейскаго масштаба.

Karl Frisch «Frankfurter Zeitung».

Нѣтъ книги, въ которой о любви были бы сказаны болѣе тонкія и значительныя истины.

F. Seger «Munchener Zeitung».

Блестящая вещь: она вся сверкаетъ оригинальными, глубокими и остроумными мыслями.

Karl Noetzel «Munchener neueste Nachrichten».

Нѣтъ сомнѣній, что «Николай Переслѣгинъ» созданіе очень духовнаго и глубоко аристократическаго таланта.

Ю. И. Айхенвальдъ.

«Николай Переслѣгинъ» самое прекрасное, что когда-либо было написано о любви. При этомъ дѣйствіе романа развивается съ такою напряженностью, что отъ книги нельзя оторваться.

Karl Fischer «Schacht».

Б. К. ЗАЙЦЕВЪ. — АННА. Романъ.

Изъ отзывовъ печати:

Это вещь замѣчательная. «Анна» самое своеобразное и мастерское изъ всего, что написалъ Зайцевъ.

Г. Адамовичъ.

Прочитавъ «Анну», мы убѣждаемся, что все, что мы знали до сихъ поръ о Зайцевѣ, было лишь преддверіемъ Зайцева. Въ будущее его ведетъ дверь и на этой двери написано: «Анна»

П. Муратовъ.

Одна изъ лучшихъ русскихъ повѣстей послѣднихъ лѣтъ.

М. Л. Гофманъ.

Въ своей внутренней душевной собранности, соединяя въ ней огненную любовь, волю и великую нѣжность, Анна рѣшительная, ясная, смѣлая, какъ-то естественно становится въ рядъ былыхъ образовъ русской женщины, переключается съ тургеневскими дѣвушками.

Петръ Пильскій.

Всѣ лица романа тонко и четко выписанные психологическіе портреты. Автору можно высказать много лестнаго по поводу и отдѣльныхъ характеровъ и общей бытовой картины.

Кирилль Зайцевъ.

В. ЗЕНЗИНОВЪ. — БЕЗПРИЗОРНЫЕ.

Изъ отзывовъ печати:

Какъ ни остро воспринималъ я весь ужасъ разсказовъ о безпризорности, — грозность этого явленія не вполнѣ была мнѣ известна. Къ такому сознанію пришелъ я лишь теперь, прочитавъ книгу В. Зензинова.

Вл. Ходасевичъ.

Книгу нельзя назвать иначе, какъ «лѣтописью національной скорби».

И. Демидовъ.

Наконецъ-то появилась книга, потребность въ которой уже давно и остро ощущалась.

А. Маклецовъ.

Съ какимъ-то душевнымъ вниманіемъ (это больше, чѣмъ «изученіе») подошелъ къ вопросу авторъ. И нельзя оторваться отъ этой страшной книги, начавъ ее читать.

Е. Кускова.

М. В. ВИШНЯКЪ

ПРАВО МЕНЬШИНСТВЪ

Цѣна 10 франковъ

Главный складъ изданія въ кн. дѣлѣ «РОДНИКЪ».
Librairie «LA SOURCE», 106, rue de la Tour, Paris (XVI)

Из-во „Современныя Записки“

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (Романъ).
И. А. Бунинъ: Избранные стихи.
Б. К. Зайцевъ: Анна (Романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ (Романъ).
Ф. А. Степунъ: Николай Переслѣгинъ (Романъ).
Георгій Песковъ: Памяти Твоей.
Гал. Кузнецова: Утро (Разказы).
Т. И. Полнеръ: Л. Толстой и его жена.
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Юва.
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
В. М. Зеизинъ: Безпризорные.
П. Н. Милуковъ: Очерки по ист. рус. культуры ч. III
Сборникъ, посвященный 175-лѣттю Московскаго у—та.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- И. С. Шмелевъ: Солдаты (Романъ).
М. А. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.
В. В. Сиринъ: Соглядатай.
Ф. И. Шаляпинъ: Воспоминанія.
О. О. Грузенбергъ: Мои воспоминанія.
О. О. Грузенбергъ: Мои рѣчи.
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
В. Ф. Ходасевичъ: Люди символизма.
М. И. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востокѣ.
Б. Э. Нольде: Далекое и Близкое.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ БЮГРАФИИ:

- И. А. Бунинъ: М. Ю. Лермонтовъ.
Б. К. Зайцевъ: И. С. Тургеневъ.
М. А. Алдановъ: Александръ I.
В. Ф. Ходасевичъ: А. С. Пушкинъ.
В. Ф. Ходасевичъ: Г. Р. Державинъ.
М. О. Цетлинъ: Декабристы.

Заказы принимаются въ конторѣ издательства: „Annales Contemporaines“, 106, Rue de la Tour, PARIS (XVIe) и на складѣ: Fremden-Buchhandlung H. Sachs. A. G. BERLIN S. W. 48, Hedemannstr. 6. — „Москва“, 9, Rue Dupuytren, PARIS (VIe).

Общественно-политическій и литературный журналъ

10-я годъ
изданія

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

10-я годъ
изданія

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гуковскимъ (+), В. В. Рудневымъ.

Въ выпшедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леонида Андреева, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. П. Вышеславцева, Ал. Гейфтера, Г. Д. Гребенщикова, Д. С. Мерзжковского, Б. К. Зайцева, Е. И. Замятина, П. К. Иванова, I. А. Матусевича, С. Р. Минцлова, Георгія Пескова, А. М. Ремизова, Н. Я. Рощина, Ив. Соколова - Микитова, С. Соколь - Слободского, Ф. А. Степуна, Ильи Сургучева, гр. А. Н. Толстого, Софіи Федорченко, Е. Н. Чирикова, Ив. С. Шмелева, С. С. Юшкевича — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой, И. А. Бунина, Максимилиана Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппиусъ, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Крандѣвской, Д. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Сергѣя Маковского, А. Несмѣлова, Мих. Осоргина, Н. Оцуца, В. Познера, Б. Поплавскаго, В. Сирина, П. С. Соловьевой (Allegro), Ф. Сологуба, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой — Дневники и воспоминанія: Е. К. Брешковской, О. О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Етышевой, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, В. А. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. И. Полнера, И. Е. Рѣпина, Льва Толстого, В. Ф. Ходасевича, М. И. Цвѣткова, М. В. Шолохова. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философи, политич., экономич. и социальнымъ. С. Абрамова, Н. Д. Авксентьев, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, А. А. Аргунова, А. Байкалова, К. Д. Бальмонта, А. А. Бема, Н. А. Бердяева, П. М. Бицилли, Е. Богданов, М. В. Брайкевича, В. Брейшвейта, Б. Бруцкуса, И. И. Бунакова, В. Вейдле, проф. П. Г. Виноградова, М. В. Вишняка, В. Водовозова, кн. С. М. Волконскаго, Н. Ганца, М. О. Гершензона, С. I. Гессена, Б. Гейдиша, М. Л. Гофмана, М. Л. Гошнцлера, К. К. Грюнвальда, А. И. Гуковскаго (А. Свєрловъ), Г. Д. Гурвича, Ю. Н. Данилова, Юрія Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демилова, Дюнесо, С. П. Жаба, С. О. Загорскаго, В. В. Зѣньковскаго, Ст. Ивановича, С. А. Иванова, Л. П. Карсвина, С. И. Карневскаго, К. Р. Качоровскаго, А. Ф. Керенскаго, А. А. Кизеветтера, С. А. Кобякова, А. А. Койранскаго, В. Г. Корольченко, С. А. Корфа, Ант. Крайняго, Е. Д. Кусковой, В. Ладъженскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. А. Леонтьева, Г. Ловцака, Н. О. Лосскаго, С. В. Лурье, Г. М. Лунца, В. А. Маклакова, А. Н. Мандельштама, С. И. Метальникова, П. Н. Милюкова, Н. М. Минскаго, Б. С. Миркина - Гецевича, А. М. Михельсона, П. П. Муратова, В. А. Мякотина, В. М., Л. Неманова, барона Б. Э. Нольде, А. С. Орлова, М. А. Осоргина, И. Ф. Мельниковой - Папоушекъ, А. Б. Петрищева, С. Л. Полонскаго - Литовцева, П. Прокофьева, Л. М. Пумпянскаго, А. В. Пышехонова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовича, В. В. Рутышева, С. Д. Сазонова, Ю. Сазоновой, Ц. Святославъ - Мирскаго, М. Л. Слонима, Б. Ф. Соколова, Д. М. Соколычевъ, С. М. Соловейшица, П. А. Сорокина, Ф. А. Степуна, В. И. Татина, Н. С. Тимашева, С. П. Тюрина, А. Н. Ульянова, Г. В. Флоровскаго, А. А. Чупрова, И. М. Хераскова, М. О. Цетлина, Б. Ф. Шацкаго, Л. И. Шестова, Б. Ф. Шлещера, Ив. Якушева и др.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

106, Rue de la Tour, PARIS (XVIe) — Téléphone: Passy 64-42

Imp. Union, 13, rue Méchain.

Le gérant: Chaillit.